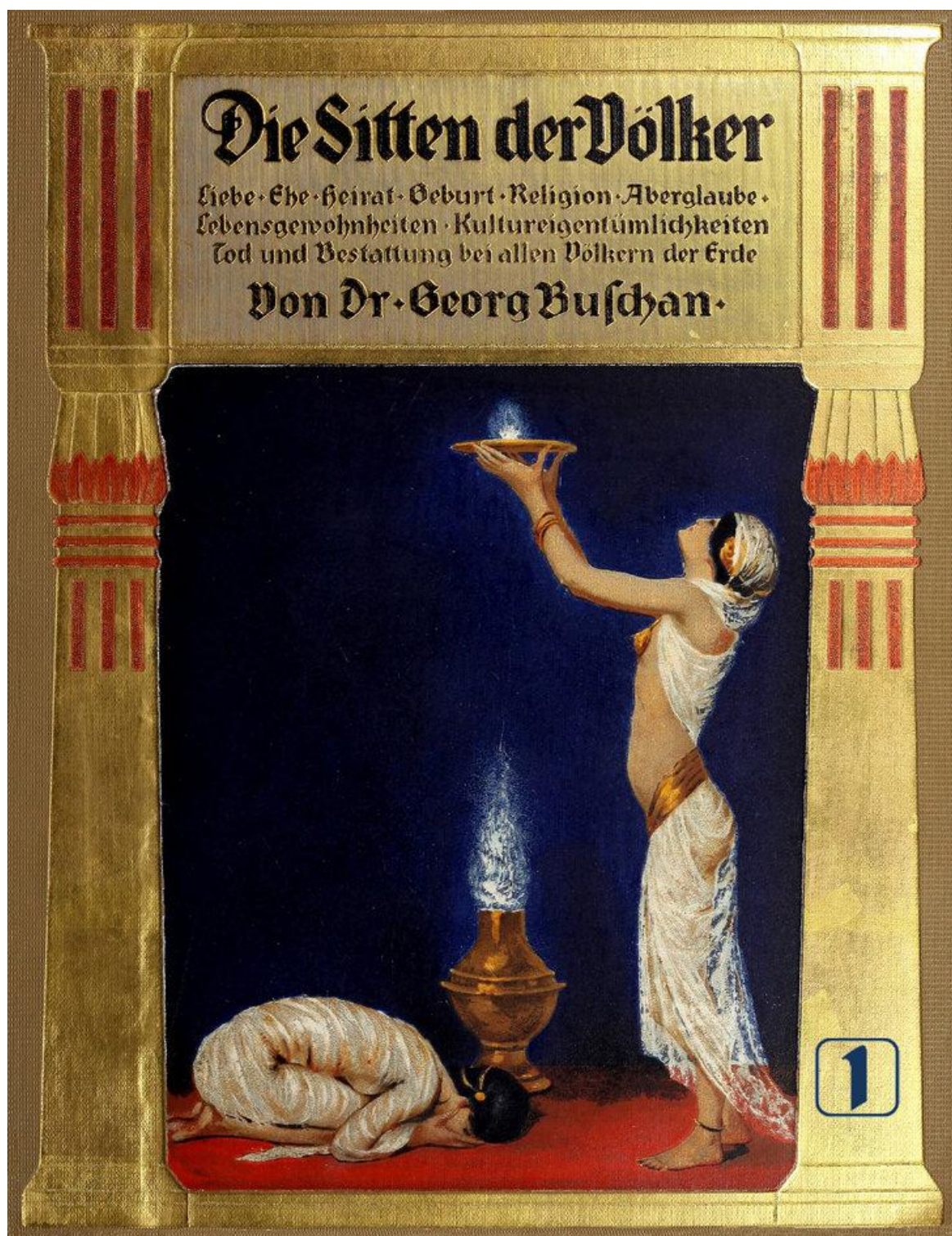

Обычаи народов, первый том , автор Георг Бушан

Содержание

[Обычаи народов](#)

[Содержание](#)

[Список художественных приложений](#)

[Введение.](#)

[Австралия и Океания](#)

[Полинезия и Микронезия.](#)

[Острова Фиджи.](#)

[Меланезия.](#)

[Австралия.](#)

[Азия](#)

[Индонезия.](#)

[Филиппины.](#)

[Малакка или Малайский полуостров.](#)

[Андаманские и Никобарские острова.](#)

[Задний Индийский океан.](#)

[Сиам.](#)

[Бирма.](#)

[Французский Индокитай.](#)

[Китай.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга « » («Обычаи народов») Том первый

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Обычаи народов, том первый

Редактор: Георг Бушан

Дата выпуска: 28 января 2022 г. [электронная книга № 67262]
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: немецкий

Оригинальное издание: Германия: Union Deutsche Verlags-gesellschaft, 1914

Благодарности: Петер Беккер, Райнер Руф и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА GUTENBERG «ОБЫЧАИ НАРОДОВ», ТОМ ПЕРВЫЙ ***

Примечания к транскрипции

Настоящий текст был воспроизведен в максимально возможной степени в соответствии с оригиналом, опубликованным в 1914 году. Типографские ошибки были исправлены без указания на это. Необычные и более не используемые сегодня написания, а также варианты написания остались неизменными по сравнению с оригиналом, если это не влияет на смысл текста.

Оригинал был набран шрифтом Fraktur; фрагменты, набранные *шрифтом Antiqua*, в данном тексте выделены курсивом. В зависимости от шрифта, установленного в соответствующем устройстве для чтения, фрагменты, напечатанные в оригинале с засечками, могут отображаться с засечками, без засечек или и с засечками, и без засечек.

Нумерация книг на обложке была добавлена редактором. Это изображение было помещено в общественное достояние. Авторские права не заявляются. Изображение может быть использовано любым лицом без ограничений.

Хождение по огню на Фиджи.

Около дюжины мужчин из племени острова Бега в течение минуты очень медленно ходят по раскаленным камням, при этом даже волосы на ногах не подгорают от сильной жары и не возникает ожогов.

Обычаи народов

Любовь Брак Рождение Религия Суеверие Образ жизни Культурные особенности Смерть и погребение у всех народов Земли

Подготовлено на основе материалов выдающихся ученых, таких как

Т. Дж. Олридж, Бодессон, Э. Эйлманн,
Г. Грандидье, А. К. Хаддона, Свена Хедина,

Э. Хоффманн-Крайер, Х. Хозе, Х. Джонстон,
Т. Атолл Джойс, Т. Кох-Грюнберг, А. Кремер,
H. Maître, R. Parkinson, Ch. Rudy, C. G. Seligmann,
Б. Спенсер, Р. Темпл, Э. Терстон,
А. Дж. Н. Тремеарн, Л. А. Ваделл и др.

Д-р Георг Бушан

Первый том

**С 500 иллюстрациями в тексте, 11 цветными художественными
приложениями
и 3 художественными листами в двухцветной печати**

Штутгарт, Берлин, Лейпциг * Union Deutsche Verlagsgesellschaft

Перепечатка запрещена

Все права защищены

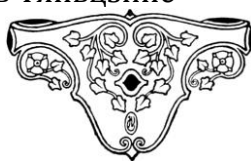
Печать Union Deutsche Verlagsgesellschaft в Штутгарте

Содержание

	Страница
Введение	V
Австралия и Океания	1
Полинезия и Микронезия	1
Острова Фиджи	38
Меланезия	49
Австралия	149
Азия	205
Индонезия	205
Филиппины	262
Малакка или Малайский полуостров	295
Андаманские и Никобарские острова	313
Западная Индия	326
Сиам	327
Бирма	352
Французский Индокитай	387
Китай	406

Список художественных приложений

	По	Соответствующий
		Текст
	странице	Страница
Хожение по огню на Фиджи (перед названием)		46
Две девочки из Тутуила	8	2
Серфинг гавайцев	24	26
Клубный дом жителей Палау	32	36
Танцоры дук-дук (полуостров Газель)	68	68
Танцоры из района реки Флай в праздничных костюмах	72	72
Каное-дом в Ноймекленбурге (Сиар)	96	97
Вождь роро в праздничном наряде	104	100
Сцена из корробори	172	172
Женщины даяк с человеческими черепами в руках, сбравшиеся для танца	240	240
Петушиные бои на Борнео	248	250
Молящаяся толпа перед пагодой в Рангуне	360	359
Сожжение тела монаха в Бирме	384	384
Похоронная церемония китайцев в Тяньцзине	428	432

Введение.

У всех культурных народов, в еще большей степени у тех, которые еще не достигли высшей ступени цивилизации, мы встречаем среди простого народа, прежде всего в сельской местности, но также и среди более образованных слоев, своеобразные обычаи, нравы, взгляды и обряды, которые в нашу просвещенную эпоху кажутся нам весьма странными, иногда прямо-таки безвкусными и глупыми. И все же за такими обычаями, над которыми, как уже было сказано, нам хочется смеяться, чаще всего скрывается глубокий смысл, который мы, однако, не в состоянии понять с нашей христианской точки зрения. Раньше люди просто довольствовались тем, что считали эти странности, с которыми мы можем столкнуться почти на каждом шагу в нашей обычной жизни, если только мы их ищем, проявлением явного суеверия, о происхождении которого никто не задумывался. Однако с тех пор, как сравнительное фольклористическое исследование занялось этими вопросами и сделало наблюдение, что подобные обычаи, нравы и т. п. встречаются не только у собственного народа, но и во многих случаях у всех народов, стоящих выше и ниже, да даже у народов, находящихся на самой низкой ступени культуры, так называемых дикарей, и здесь с особой частотой и в расширенной форме, так что вся их частная и общественная жизнь и деятельность, как бы пронизаны такими церемониальными действиями, с тех пор, как мы все это установили, все эти суеверные обычаи, нравы, мероприятия, поговорки, заклинания и тому подобное приобретают в наших глазах совершенно иное значение. Теперь мы знаем, что речь идет об остатках древних, первобытных представлений, которые восходят к языческим верованиям наших предков и встречаются в аналогичном виде у первобытных народов, живущих на примитивном уровне, то есть представляют собой общее достояние первобытного человечества. Ниже приведен ряд примеров, иллюстрирующих это.

В деревнях Тюрингии в канун Пятидесятницы дети собирают лиственницы и втыкают их вокруг деревенского колодца, а девочки делают разноцветные бумажные цепочки, плетут гирлянды и венки из еловых веток, нанизывают на веревки выдутые и раскрашенные яйца и, наконец, украшают деревья этими украшениями. В основе этого красивого обычая лежит древняя языческая идея украшать источники весной и таким образом выражать благодарность богам источников за дарующий благословение элемент. В Баварии в сельской местности существует обычай: если питьевая вода нечистая, в нее бросают раскаленный камень; у кочевых цыган Семигорья женщина, которая хочет стать матерью, должна выпить воду, в которую мужчина бросил раскаленный уголь, произнеся слова: «Как я пламя, так и ты будь углем!». В обоих случаях это суеверие, вероятно, связано с очищающей силой огня. В католических районах южной Германии утром в субботу перед Пасхой все церковные свечи гасят, а с помощью стали и кремня, вогнутого зеркала или кристаллов (линз) разжигают «новый» огонь (), которым зажигают алтарные свечи. В торжественной процессии люди отправляются на церковный двор, где воздвигнута огромная погребальная куча, и зажигают ее одной из этих пасхальных свечей, сжигая в ее пылающем пламени шерсть, которую священник использовал при крещении или при совершении последнего помазания для вытирания святого масла, остатки церковных свечей, старые месные одежды и многое другое, а в некоторых местах в костер бросают соломенную куклу, которая символизирует предателя Иуду Искарота. Вся эта процедура также является пережитком древних языческих костров, которые в древности разжигали наши предки в честь богов света и весны, победивших в борьбе с морозными зимними гигантами, и которые благодаря своей очищающей силе должны были прогнать вредных и

злых демонов. Та же идея лежит в основе обычая разжигать сигнальные или жертвенные костры, который был распространен у нас в начале прошлого века и практиковался, когда деревню поражали неурожай, эпидемия скота, чума или подобные бедствия; после того как все костры в общине были потушены, молодые парни собирались вместе и, потирая или вращая круглый кусок дерева в углублении другого, разжигали огонь, от которого жители деревни снова зажигали свои домашние костры и поджигали кучу хвороста, пепел которого разбрасывали по полям и добавляли в корм больным животным. В Гольштейне между Масленицей и Пасхой дети играют в игру, в которой одна половина участников образует кольцо (круг) вокруг сидящей в центре королевской дочери, а другая половина стоит снаружи и пытается разорвать цепь и освободить пленную королевскую дочь, напевая песни. Эта игра, которую сегодня бездумно играют дети, еще содержит отголоски веры наших предков в борьбу зимних и летних богов. Согласно этому представлению, богиня солнца была похищена зимними великанами и удерживалась в ледяном замке, из которого ее нужно было освободить, иначе она не смогла бы принести весну на землю.

Гречанка, желающая зачать ребенка, прикасается своим лоном к скале возле Каллиррой под Афинами; этот ритуал, по-видимому, связан с жертвоприношением, которое ее предки приносили Матери-Земле по той же причине. Испанка из Пиренеев делает то же самое с каменной фигурой возле Буй-д'Уэли, она обнимает и целует статую. В этом явно прослеживаются отголоски культа фаллоса. Еще более явно это проявилось в конце XVIII века в небольшом итальянском городке Изерия, где ежегодно 27 сентября бесплодные женщины приносили жертвы из воска в часовне двух мучеников Космы и Дамиана. В деревне Тунксдорф в провинции Ганновер до сих пор существует обычай, согласно которому в первое воскресенье мая молодые девушки образуют шпалеру и заставляют молодую замужнюю женщину пройти между ними, нанося ей легкие удары розгой. Это бичевание или порка, в которой молодые люди не видят ничего особенного и которая в других регионах до сих пор часто применяется не только к людям, например, в Пепельную среду, но и к животным и деревьям, раньше проводилась с целью повысить плодovitость соответствующих людей, животных и растений. Поэтому изначально женщин били розгой по животу; позже, когда первоначальное значение побоев было утрачено, порка распространялась на все тело, по крайней мере, не на отдельные его части. Также и установка майского дерева, широко распространенный обычай во всем германском и славянском мире, очевидно, связан с культом фаллоса. В некоторых местах вместо майского дерева на этих весенних праздниках используется мужская кукла или живой мужчина, который получает в качестве партнера соответствующее женское существо. Несомненно, это является отсылкой к пробуждению любви и полового влечения в природе с наступлением весны.

В Боснии бесплодная женщина, которая хочет иметь детей, накануне дня Святого Георгия вешает новую женскую рубашку под плодоносящее дерево и на следующее утро перед восходом солнца проверяет, не залезло ли на рубашку какое-нибудь живое существо. Если это так, то она видит в этом знак, что ее желание исполнится. Это суеверие является пережитком примитивного представления о том, что души, особенно детские, живут в дереве и оттуда могут быть перенесены животным в лоно матери.

В Северной Германии молодая жена, когда она впервые входит в новый дом, три раза обходит печь, в Богемии она должна три раза поклониться перед ней и бросить три своих волоса в огонь. В этих церемониальных действиях мы можем увидеть отголоски жертвоприношения предкам семьи, поскольку печь изначально считалась самым священным местом в доме; здесь стоял домашний алтарь и, прежде всего, портреты предков.

В Кашубии во время празднования урожая молодые парни и девушки выскакивают из укрытия с ведрами, наполненными водой, и обливают ими жнецов так, что на них не остается ни одного сухого волоса, чтобы в следующем году урожай был богатым. Этот обряд напоминает подобные обряды первобытных народов, которые таким образом пытаются вызвать оживляющий дождь.

У цыган-кочевников Семигоры мужчина всегда вступает в род своей жены, дети, рожденные в браке, также принадлежат к ее роду и никогда не могут вступать в брак с представителями рода матери, но могут вступать в брак с представителями рода отца. Этот обычай является пережитком идеи материнского правления (матриархата) в древние времена.

В Черногории в первую ночь после свадьбы шафер спит рядом с невестой, якобы «со всеми почестями», а в Купресе в Боснии каждый из мужчин-гостей свадьбы прижимает невесту к стене, как бы символически намекая на супружеские объятия. Этот обычай, вероятно, связан с древним правом первой ночи (*Jus primae noctis*), которое восходит к существовавшему в древности общественному браку.

В еврейских семьях существует обычай, согласно которому вдова, желающая вступить в повторный брак, развязывает узлы на специально предназначенной для этой цели обуви своего бывшего зятя, снимает ее с него, плюет перед ним на землю и при этом произносит библейские слова: «Так поступают с каждым мужчиной, который не хочет заселять дом своего брата». Только после этого вдова получает право выйти замуж снова. Этот процесс, который нам кажется весьма странным, должен означать, что вдова, выходящая замуж снова, была освобождена от родства с первым мужем; он восходит к древнему обычаю левирата у древних израильтян, согласно которому после смерти мужа, если он не оставил наследника мужского пола, младший брат был обязан жениться на вдове, чтобы произвести на свет наследника, который затем принимал имя умершего, поскольку новый супруг был обязан обеспечить преемственность и продолжить род старшего брата. Однако левиратный брак — это всего лишь одна из форм полиандрии, многомужества, которое встречается и по сей день.

У чевуров муж в течение первых семи недель после родов своей жены не участвует в никаких торжествах, а остается дома в уединении; ему приносят в дом пиво и мясо с праздничного застолья. В этом обычае продолжает жить древний обычай мужского послеродового постельного режима (*Couvade*), который еще встречается у отдельных народов, живущих в естественных условиях. После родов мужчина должен был вместо жены долгое время лежать в постели с новорожденным, налагать на себя определенные ограничения в питании и принимать родственников.

Из приведенных примеров достаточно ясно следует, насколько важно для понимания наших современных учреждений и обычаев знание привычек и обычаев низших народов. К сожалению, в настоящее время уже невозможно до конца изучить все наши современные обычаи так, как хотелось бы, поскольку для этого нам во многих случаях не хватает документов. Этнография — относительно молодая наука. Раньше люди собирали так называемые «курьезы» или «раритеты», как, кстати, и сегодня принято называть этнографические предметы из экзотических стран, но серьезное, систематическое коллекционирование началось только в конце прошлого века, когда великий Бастиан обратил внимание научного мира на тот факт, что коренные народы с поразительной быстротой устремляются к гибели, и поэтому призвал в последний момент собрать все, что еще сохранилось от них. В ответ на этот настойчивый призыв были организованы экспедиции, и большая часть материальных ценностей исчезающих племен, то есть их оружие, инструменты, одежда и многие другие предметы повседневной жизни, была

спасена и передана в этнографические музеи. Однако это в меньшей степени относится к духовным культурным ценностям этих народов, таким как обычаи, традиции, религиозные взгляды и т. п., хотя некоторые исследователи уделяли особое внимание именно этой области в своих исследованиях; но, к сожалению, чтобы проникнуть в внутреннюю жизнь первобытных народов, которая совершенно отличается от жизни нас, культурных людей, требуется много времени и усилий, а с другой стороны, их представления в разной степени изменились под влиянием Европы, которое иногда доходило до них в обходных путях, о которых и не подозревали.

До сих пор в литературе отсутствовало обобщенное изложение этих обычаев, нравов и привычек народов земного шара. Осознание этого недостатка привело к созданию настоящей книги, предназначенной для широкой читательской аудитории. Если для образованных кругов уже само по себе интересно познакомиться со словами и изображениями с обычаями и традициями самых разных народов Земли, то такой сборник имеет также научную ценность с точки зрения, уже обсужденной в начале; ведь благодаря ей мы можем лучше понять современные культурные условия и проследить развитие человеческих институтов от первобытных состояний через все стадии культуры. При написании книги я постарался создать произведение, понятное каждому, для чего были использованы новейшие работы известных исследователей-путешественников. Поскольку именно немецкие ученые принимали активное участие в изучении проблем этнографии, я стремился в данной работе в полной мере отразить результаты их исследований наряду с результатами равноценных иностранных, в основном английских, исследователей. Пусть же эта работа, посвященная обычаям и традициям всех народов земли, найдет одобрение во всех кругах немецкого народа, пробудит интерес к этнографии в самых широких слоях населения а также, в конечном итоге, побудит многих не пренебрегать обычаями и традициями своего народа и не высмеивать их, а бережно хранить и лелеять как древнее наследие предков.

Автор.

Австралия и Океания

Фотография Х. Дж. Шепстоуна.

Рис. 1. Сцена пикника на Гавайях.

Участники едят из чаш из тыквы блюдо под названием пой, приготовленное из тертого таро, руками. Гитары имеют современное происхождение.

Полинезия и Микронезия.

К востоку и северу от материковой Австралии в направлении к Америке простирается архипелаг, состоящий из бесчисленных островов, который в целом называется Океания. Среди ее населения можно выделить два типа: черную и коричневую расы; соответственно, острова, на которых проживает первая, называются «Меланезия», то есть черные острова; остальные, которыми мы займемся в первую очередь, называются «Полинезия» и «Микронезия».

В полинезийском архипелаге, если двигаться на восток, сразу за Фиджи мы встречаем сначала группу островов Тонга и Самоа, еще дальше на восток — острова Кука, Таити с его островами, острова Паумоту и Маркизские острова, и, наконец, продолжая движение в том же направлении, мы попадаем на самый удаленный форпост — остров Пасхи. Почти столь же одиноко на севере лежат Гавайские острова, а в противоположном направлении, а именно на юго-западе, также изолированно лежит Новая Зеландия, самый большой из островов Тихого океана.

К северо-западу от Полинезии и к северу от Меланезии мы находим Микронезию, то есть маленькие острова. Внутри этого архипелага ученые выделяют отдельные группы: Каролинские острова с островами Палау, а также Марианские острова или Ладроны,

Маршалловы острова, острова Гилберта и острова Эллис (или лагуны). За исключением двух последних групп, Микронезия является колонией Германии.

Население Полинезии наиболее чисто представлено в самоанцах, поэтому я хотел бы представить их как полинезийский тип. Самоанцы высокого роста — рост 180 см и выше не редкость среди мужского населения — они имеют красивую, пропорциональную фигуру, что особенно заметно у женщин, среди которых, несмотря на короткие толстые ноги, встречаются настоящие красавицы (рис. 2 и 3). У них светло-коричневый цвет кожи, волнистые или мелко вьющиеся волосы от черного до коричнево-черного цвета, короткий череп, правильное лицо, часто с легким намеком на монгольскую складку, маленький, широкий тупой нос с маленькими круглыми ноздрями и слегка выступающими губами. В целом полинезийцы отличаются рядом хороших качеств, таких как честность, миролюбие, гостеприимство, любовь к порядку, чувство чистоты и красоты. С этим связана и тщательная забота, которую они уделяют уходу за своим телом и украшению его, особенно волос.

Фото М. Кипенхойер.

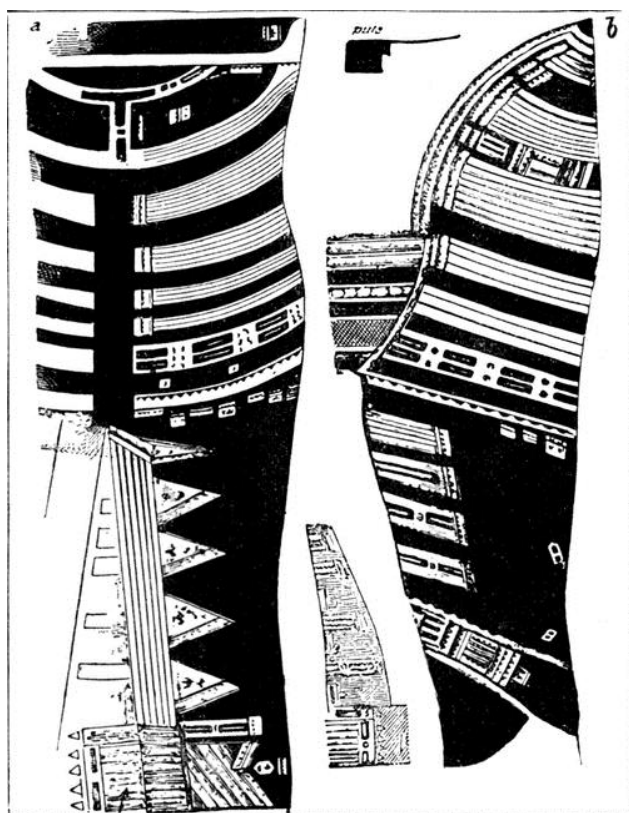
Рис. 2. Самоанка в обычной одежде,
с изящно вырезанным веером в руке, отдыхающая на тапа-матрасах, которые также покрывают стены.

Рис. 3. Самоанские красавицы с красивыми ожерельями и цветами в волосах.

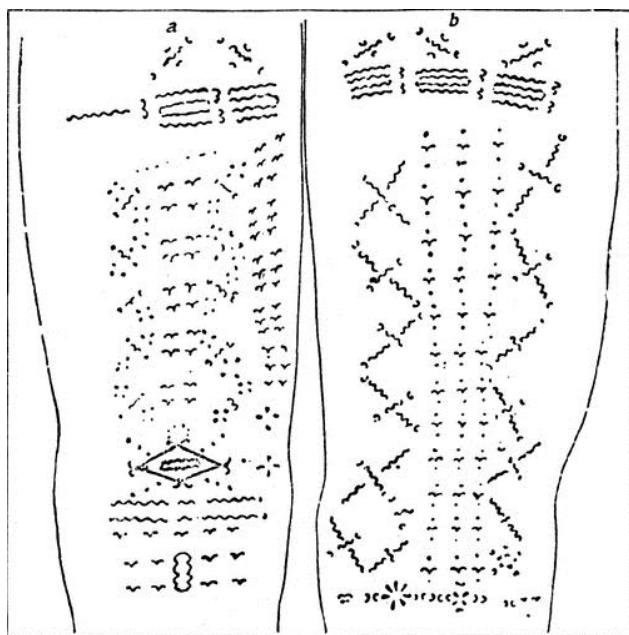
К сожалению, с момента открытия островов под влиянием все более распространяющегося европейского влияния одежда и украшения полинезийцев претерпели значительные изменения. Здесь, где климатические условия настолько благоприятны, тело практически не нуждалось в защите от погодных условий, и в одежде первое место занимали скорее простые и скромные украшения (см. [художественный приложение](#)). Татуировки — правильным является написание, связанное с полинезийским словом «tatau = искусный», а не англицизированное «татуировка» — считались самым важным и изысканным украшением; не иметь татуировок было позором. Поэтому нанесение рисунков ([рис. 4 и 5](#)) почти всегда приобретало характер религиозной церемонии. Во время этого «пациент» подвергался различным запретам (табу), которые в некоторых местах распространялись даже на других жителей деревни. Процесс везде проходил почти одинаково. В качестве инструмента использовался предмет, похожий на небольшую плотницкую топорик; его лезвие было сделано из кости и на переднем конце имело ряд зубцов, как у гребня. Сейчас в Микронезии используют стальные иглы. Оператор, который занимается татуировкой профессионально и поэтому пользуется большим уважением, наносит контуры рисунка на тело и вводит краску, ударяя маленьким палочкой по пропитанному черной краской топорик (рис. 7). Выполнение полного рисунка обычно занимает несколько месяцев из-за боли, возникающей во время операции, и иногда неожиданно возникающего сильного воспаления. Во время нанесения татуировки хор девушек поет ритуальные песни, от которых, как считалось в прежние времена, зависел успех операции. На Маршалловых островах юношей обычно татуируют одновременно в определенное время года, для чего строят специальную хижину и приносят богам пищевые

жертвы, поскольку божества татуировки занимают очень высокое положение в местном пантеоне. Маори в Новой Зеландии практиковали обширный культ татуировок; соответствующий инструмент не был зазубренным, а имел прямой режущий край; с его помощью на коже вырезались бороздки, что делало операцию более болезненной. Все лицо покрывалось переплетающимися спиралями и линиями, даже до губ (рис. 6), где боль ощущалась особенно сильно. Татуировка на этом острове была прерогативой правящего класса; с татуировкой были связаны строгие табу. Во время процедуры к человеку относились с таким высоким, священным почтением, что он даже не смел принимать пищу из-за страха, что она может стать для него роковой; поэтому его кормили другие. Ему давали пить из специального деревянного воронка, украшенного резьбой. Татуировки вождей сыграли интересную роль в первых контактах между маори и европейцами, поскольку в оставшихся нам документах, касающихся уступки земель, вождь ставил в качестве подписи часть своего татуированного лица.

Из: Kraemer, Самоанские острова.

Рис. 4. Образец татуировки самоанца,
а) сзади, б) спереди бедра и бедра.

Из: Крамер, Самоанские острова.

Рис. 5. Узор татуировки самоанки,
а) с задней стороны, б) с передней стороны бедра.

Особого упоминания заслуживает своеобразное украшение маори тики-тики (рис. 11). Оно представляет собой небольшую странную фигурку из нефрита или жадеита, которую обычно носил на шее глава семьи и которая должна была олицетворять первобытных предков. Он передавался из поколения в поколение как ценная семейная реликвия, и поэтому до сих пор считается для большинства туземцев неотчуждаемым. — Жители Маршалловых островов расширяют отверстия в ушах, сделанные для ношения сережек, настолько, что иногда эти серьги могут скользить по голове. Типичным украшением, которое носят высокопоставленные туземцы на Тонга, Самоа (а также Фиджи), представляет собой ожерелье из зубов кита (рис. 8), которые отшлифованы и нанизаны в виде подвески в форме когтя, в то время как маори из хорошей семьи имеют право носить в качестве украшения для волос перо птицы хуиа (рис. 10). — Очень милой чертой океанийцев является их большая любовь к цветам в качестве личных украшений, что особенно хорошо видно у гавайцев и самоанцев, а также у других племен, которые ежедневно плетут себе венки из ярких цветов и, в прежние времена, из ярких перьев (рис. 3 и 15).

Фото А. Дж. Айлс.

Рис. 6. Вождь маори старой школы

с красивой, но не совсем полной татуировкой на лице и характерным для маори плащом из листьев льна, который обеспечивает отличную защиту от дождя.

Для изготовления ожерелий часто используются ракушки ([рис. 14](#)), которые либо берутся целиком, либо, как это принято в Микронезии, разрезаются на маленькие кусочки и нанизываются на ленту. Изготовление кружочков требует кропотливой работы: ракушка разбивается на подходящие кусочки, каждый из которых просверливается с помощью примитивного сверла и тщательно шлифуется до получения изящного кружка. На островах Гилберта предпочитают носить ожерелья, изготовленные из резцов умерших предков, и высоко ценят такие украшения.

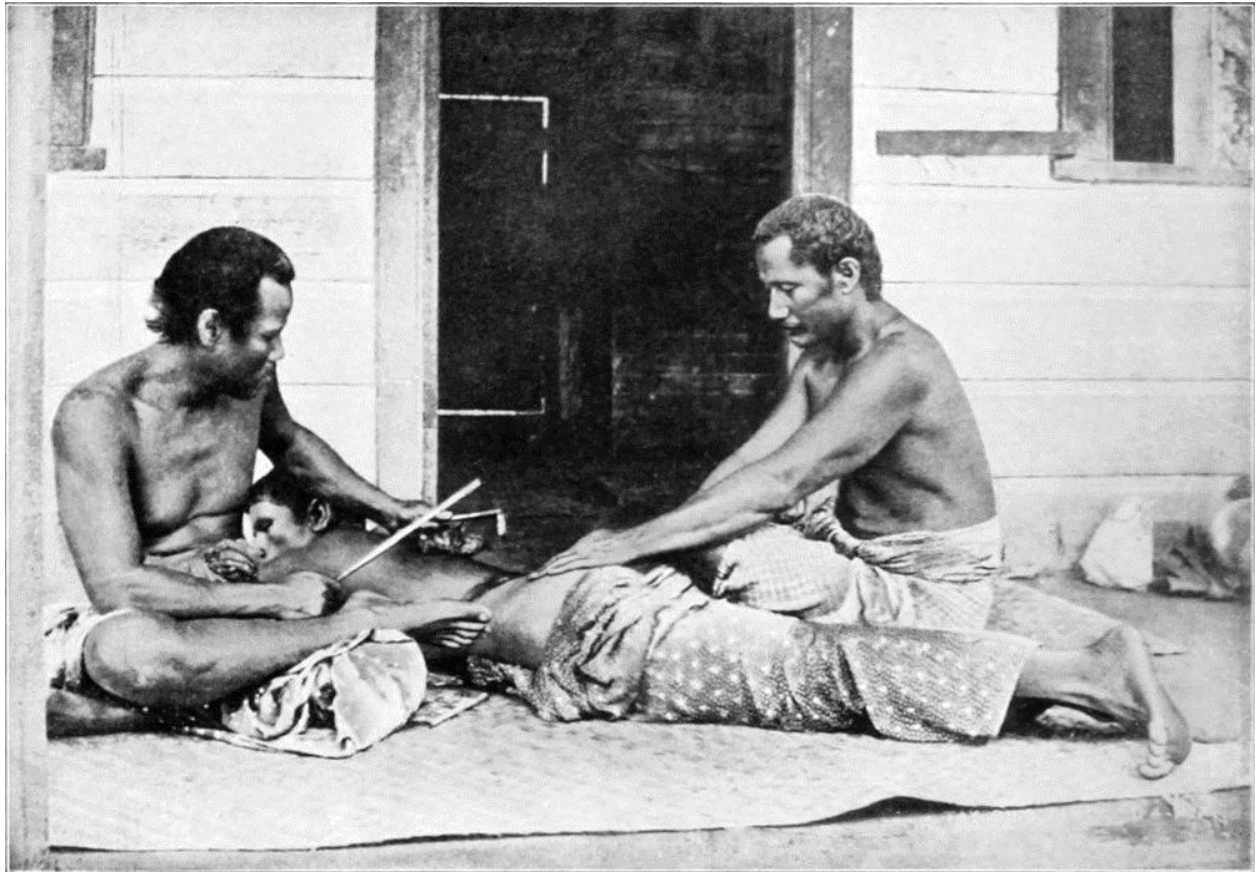

Рис. 7. Татуировка на Самоа.

Узоры рисунка выбиваются на натянутой коже с помощью инструмента для татуировки, предварительно обмакнутого в черную краску, с помощью палочки.

Раньше в Полинезии одежда обычно состояла из матов и тканей тапа (рис. 8 и 13); оба эти материала до сих пор используются в танцах и церемониальных мероприятиях. Тапа (рис. 2) — это своего рода войлок, который изготавливают из коры бумажного шелковичного дерева путем постоянного отбивания, иногда он бывает тонким, как бумага. Что касается современной одежды, то мужчины обычно носят набедренную повязку из европейской ткани и куртку; юбки и брюки сейчас становятся все более популярными. Женщины, напротив, одеваются в одежду, называемую холоку, которая длинно спадает и напоминает ночную рубашку. Однако прежняя одежда (рис. 12) все еще появляется на танцах. Вдали от крупных населенных пунктов мужчины в большинстве случаев отказываются от верхней одежды. К сожалению, введение европейской одежды не принесло пользы, так как она сделала тела туземцев более слабыми и повысила их склонность к простудным заболеваниям; с тех пор грипп и пневмония нанесли им большой ущерб. Высокоцивилизованные тонганцы, для которых сегодня фраки уже не являются чем-то необычным, по торжественным случаям часто надевают поверх европейской одежды примитивные маты, которые, благодаря своему старомодному, изношенному виду, образуют яркий контраст с современной одеждой ().

Из: Kraemer, Самоанские острова.

Илл. 8. Самоанская девушка в одежде из маты
и с ожерельем из зубов кита.

На Новой Зеландии тапа никогда не изготавливалась, поскольку здесь из местного льна получали гораздо лучший материал для одежды. В прежние времена оба пола носили юбки из этого материала, а также плечевые накидки, часто украшенные перьями (рис. 6 и 10), которые снимали во время работы и танцев. Ткачество, которым занимались в основном женщины, носило характер священного обряда; ему учили специальные жрецы, и с различными этапами ткачества были связаны особые заклинания. Кроме того, при этом необходимо было соблюдать неизбежные табу, за нарушение которых следовали наказания со стороны сверхъестественных существ. — В Микронезии одежда, хотя в некоторых местах здесь добывают тапа, состоит из листьев и матов. На Маршалловых островах старинные одежды можно увидеть уже редко; мужская одежда состоит из бамбуковой юбки, фактически представляющей собой два пучка с длинными бахромами, соединенных между собой лентой; лента ложится на промежность, а обе кисточки () поднимаются спереди и сзади и фиксируются в этом положении поясом, через который они свисают спереди и сзади,

так что обе стороны бедер и бедра остаются открытыми, и при ходьбе татуировки в этих местах становятся видимыми. Одежда женщин состоит из двух матов, которые носят сзади и спереди. — На островах Гилберта тип одежды прямо противоположен; мужчины здесь носят маты, а женщины — юбки с множеством складок из листьев пандануса (рис. 13). На Каролинских островах, где уже появился ткацкий станок, мужская одежда состоит из великолепных тканых поясов из растительных волокон, а для церемониальных целей — из короткой юбки из узко поcroенных и часто окрашенных в ярко-желтый цвет, тщательно гофрированных кокосовых листьев. Национальный костюм женщин представляет собой широкую юбку, сотканную из тесьмы, которая доходит от талии до колен. — Особого внимания заслуживает один из обычаев, существующий на островах Гилберта и связанный с туалетом. Здесь женщины собирают на рифе червя, содержащего большое количество йода, и втирают его в тело, придавая ему аромат, который значительно повышает их привлекательность.

На островах Гилберта можно встретить странные доспехи. Они состоят из плотно сплетенного из кокосового волокна набедренного покрывала и панциря из того же материала, который сзади имеет защиту для шеи, поднимающуюся веером за головой, а спереди — нагрудник или пояс из роговой кожи скаты; к этому добавляется шлем из кожи иглокожий рыбы и ручное оружие (копья и кинжалы), обильно украшенное с обеих сторон зубами акулы (рис. 16 и 18).

Из: Kraemer, Самоанские острова.

Рис. 9. Самоанский длинный дом.

На переднем плане растянута рыболовная сеть для сушки, справа на заднем плане — банановая плантация, слева на переднем плане — апельсиновое дерево.

Две девочки из Тутуила.

Из Kraemer, Самоа.

Фото А. Дж. Айлс.

Рис. 10. Маори-мать с пером птицы хуиа в волосах.

Она носит своего ребенка по старинке в своем плаще, сделанном из листьев льна и перьев киви. Часто женщины маори имеют татуировки на подбородке и губах, как это было раньше у всех женщин высокого положения этого народа.

Столетнее соприкосновение с европейцами почти полностью уничтожило все первоначальные обычаи и традиции полинезийцев; не в последнюю очередь этому способствовало их обращение в христианство. Поскольку почти все их обычаи и, в особенности, их политические институты были построены на их старой религии, исчезновение последней привело к исчезновению первых, по крайней мере, в большей части. В Микронезии в этом отношении дела обстоят не так плохо; там мы еще находим много остатков первоначального образа жизни, и хотя христианство и здесь добилось значительных успехов, мы все еще можем встретить следы старой веры, особенно на более отдаленных островах.

Фотография Джозайи Мартина.

Илл. 11. Тики-тики маори из жадеита, который обычно носит глава семьи.

Рис. 12. Праздничные одежды туземцев Таити.

Суеверия полинезийцев начинаются еще до рождения ребенка. Первый признак беременности на Самоа отмечается небольшим праздником. На островах Гилберта, если это

первая беременность, с этим связана сложная церемония. В конце второго месяца старая мудрая женщина строит пирамиду из скорлупы примерно пятидесяти кокосов и вставляет в ее вершину сердцевину кокосовой пальмы. Затем она просит беременную сесть на маты рядом, берет кусок длиной примерно в фут из специально приготовленного хлеба из клубней таро и кокосовых орехов, катает его между руками касается им различных частей тела будущей матери и одновременно шепчет молитвы богине Эйбонг о том, чтобы ожидаемый ребенок родился красивым и хорошо сложенным, и, если это будет мальчик, чтобы он впоследствии завоевал любовь и привязанность молодых девушек, а если это будет девочка, чтобы она нашла любовь богатого мужчины или храброго воина. Затем она отламывает кусочек от пирога, дает его молодой женщине, а остаток — молодому мужу. До утра четвертого дня старуха спит с беременной женщиной каждую ночь рядом с кокосовой пирамидой. Теперь для ребенка ищут приемных родителей, так как по обычаю после окончания периода грудного вскармливания его передают другим родителям. В конце третьего месяца молодая пара вместе со своими родственниками и мудрой женщиной отправляется в безлюдное место. Последней расставляет еду и напитки под деревом, вокруг которого приемный отец мужа беременной трижды обходит ее; затем оба садятся под деревом, и старуха кормит их. Затем следует общее пиршество с танцами и песнями. В конце четвертого месяца старуха наконец отводит беременную и приемного отца ее мужа к перекрестку. Здесь она снимает с молодой женщины одежду и сжигает ее. Взамен она надевает ей на бедра новую одежду, которую принес свекор. Одновременно ей говорят, что, сняв одежду своего детства, она теперь считается женщиной и должна быть приятной для своего мужа и, прежде всего, оставаться ему верной. Затем они идут домой, где снова устраивают пир с родственниками. Кроме того, с того момента, как беременная почувствует, что она в положении, она отращивает свои до этого обритые волосы и стрижет их только тогда, когда ребенку исполняется около года.

Из: Kraemer, Гавайи.

Илл. 13. Жительница острова Маршалл (группа Ралик) в старинном костюме из матов.
Маты, сплетенные из листьев пандануса, имеют красивый узор.

На острове Яп (Каролинские острова) беременная женщина, почувствовав первые признаки своего состояния, прекращает половые отношения с мужем и сохраняет воздержание в течение восьми-десяти месяцев после родов. Муж в это время компенсирует себе лишения в своем клубе, где у него есть одна или несколько любовниц. На островах Гилберта муж во время беременности жены продолжает жить со своей женой в своем доме, а жена переезжает в дом родственников.

В некоторых случаях для беременных существуют и другие запреты. На Каролинских островах ей следует избегать нескольких видов кокосов и хлебных плодов и пить только кокосовое молоко. На Самоа туземцы верили, что нарушение существующих правил карается тем, что новорожденный появляется на свет с черной меткой (), которая раскрывает грех матери, причем эта метка Каина должна по своему виду соответствовать

предмету, с которым мать согрешила. Так, однажды утверждалось, что такая родинка похожа на дольку свиной печени, которую беременная тайно украла и съела, в другой раз — что она похожа на куриную голову, потому что она поссорилась с соседкой из-за собственности на наседжущую курицу, и многое другое.

Илл. 14. Каролинки из Сайпана
в праздничных костюмах.

Рис. 15. Девушки из Науру,

одетые в юбки из травы и с распущенными волосами, украшенными цветами.

Из: Kraemer, Hawai.

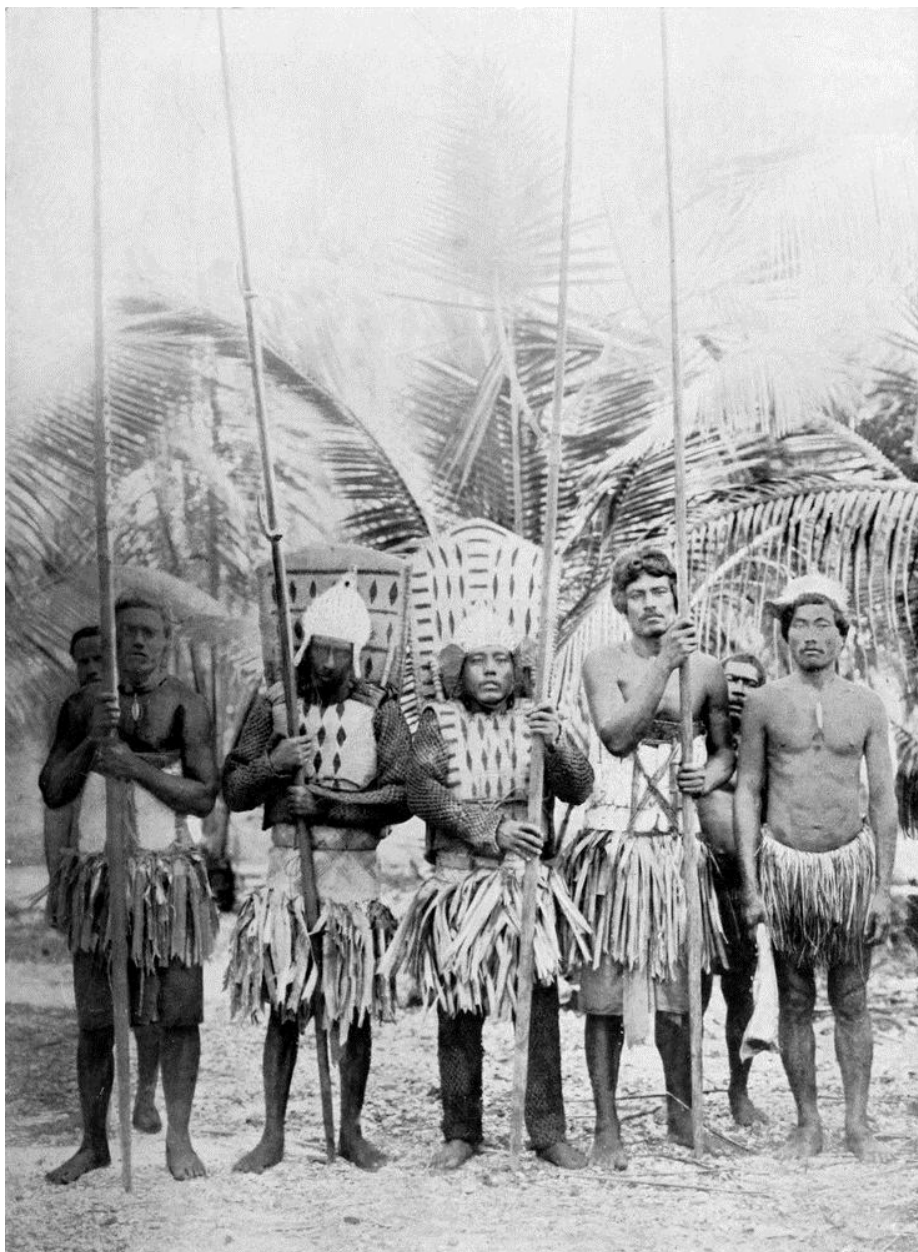
Илл. 16. Воины с островов Гилберта во время боевого состязания.

На острове Науру в семьях вождей строго соблюдались аналогичные суровые запреты. Например, женщины не имели права прикасаться к кокосам, которые падали в радиусе тридцати метров от хижины (). Беременная женщина не могла есть пищу, к которой прикасались муж или родители; с пятого месяца в доме нельзя было забивать гвозди, издавать какие-либо звуки и снимать что-либо со стен, пока не родится ребенок. Здесь мы уже видим, что запреты распространяются и на мужчину. На острове Яп с четвертого месяца беременности ему нельзя есть бананы или упавшие кокосы, рубить деревья, потому что в противном случае у ребенка могут сломаться конечности или появиться волчья пасть, не есть шмелей, потому что ребенок станет слабым, не есть мясо черепах, потому что ребенок родится без пальцев, не есть крабов или пятнистых рыб, потому что ребенок родится пятнистым, не крутить веревку, потому что пуповина может обернуться вокруг шеи, не сносить дома, потому что это приведет к аборту, и многое другое. — Прерывание беременности — очень распространенный обычай во всей Полинезии; во многих случаях он заменил прежнее детоубийство. Для искусственного прерывания беременности существуют различные мотивы: во-первых, нежелание иметь многодетное семейство, либо потому, что женщина боится стать жертвой насмешек соседок из-за большого количества детей, либо потому, что боится, что из-за этого она скоро увянет и состарится, либо потому, что хочет отомстить мужу за предполагаемую неверность, во-вторых, из-за страха, что большая семья может привести к проблемам с питанием, и, наконец, в случае незамужних женщин — из-за стыда за позор. Аборт чаще всего делают женщины, которые занимаются этим профессионально и тем самым обеспечивают себе хороший заработок. Методы, которые они используют, заключаются либо в приеме определенных пищевых продуктов или напитков, либо в использовании чисто механических средств, которые, однако, являются чрезвычайно примитивными и грубыми. — В большинстве случаев беременная женщина уходит из семьи незадолго до родов; часто для нее специально строят небольшую хижину, которая иногда

бывает очень примитивной, так что роженица и ее ребенок подвергаются воздействию неблагоприятных погодных условий. Такое отделение связано с верой в то, что рожаящие женщины нечисты. В Новой Зеландии нечистыми считаются не только они сами, но и все, что с ними соприкасается. На Самоа беременная уже на восьмом-девятом месяце уходит в родительский дом, так же как и на островах Гилберта — в дом приемных родителей, которые хотят усыновить будущего ребенка, или же она пока остается в своем доме, но затем переезжает в дом приемных родителей. В противовес этой изоляции некоторые наблюдатели отмечают, что роженицы рожают публично, на глазах у всех жителей деревни, чтобы те могли внимательно наблюдать за всем процессом, например, в Новой Зеландии и на Гавайях. В большинстве случаев роды проходят без посторонней помощи, но на некоторых островах женщины помогают роженицам. Так, у маори роженице помогают бабушка по материнской линии или, в случае ее нетрудоспособности, бабушка по отцовской линии, на Самоа — две мудрые женщины; на Фиджи женщины также профессионально занимаются акушерством. Иногда помогает и муж.

Илл. 17. Кормящая микронезийка,
лежа на боку на ровной поверхности.

Из: Kraemer, Hawai.

Рис. 18. Воины с островов Гилберта

в доспехах, сплетенных из кокосовых волокон, и шлемах из кожи рыбы-ежа. Туземец слева держит копье с акулий зубами, а копье его соседа снабжено зубцами, которые должны вырывать акулий зубы из копья противника.

Пуповина обычно отрезается самой матерью с помощью бамбуковой щепки, острого камня или ракушки; в других местах это делают помощницы или муж. Часто пуповина перекусывается зубами. На Маркизских островах при рождении детей вождей даже предписано, чтобы бабушка откусывала пуповину зубами. Это ненадлежащее обращение является причиной чрезвычайно частого возникновения грыж пуповины среди полинезийского населения. С отсечением пуповины ребенка связаны различные церемонии. На Самоа пуповину мальчика перерезают дубиной, чтобы показать, что он должен стать храбрым воином (), а пуповину девочки перерезают ножом на доске, на которой бьют тапу, с пожеланием, чтобы ребенок стал хорошей хозяйкой; боевой дубинка и доска для тапа символизируют основные занятия обоих полов. На островах Фиджи соседи из дома, в

котором родился ребенок, не могут разводить огонь в течение четырех дней, иначе рана на пупке заживет неблагоприятно. На Вити-Леву в день, когда ожидается отпадение пуповины, священник обращается к богам с молитвами о здоровье и долгой жизни для ребенка и благословляет пищу, которую ему подают. В Новой Зеландии отпавший остаток пуповины помещают в ракушку, которой она была отрезана, и опускают в проточную воду; если ракушка с ее содержимым продолжает плавать, это является хорошим предзнаменованием того, что ребенок будет счастлив, а если она тонет, это означает, что он умрет рано или с ним произойдет несчастье.

Существует много суеверных представлений о близнецах. Если они разного пола, то на Науру мальчика убивают, потому что считается, что оба в утробе матери, будучи разного пола, совершили прелюбодеяние, что считается тяжким преступлением. На Япу одного из близнецов отдают брату отца или, в случае его отсутствия, другому близкому родственнику из-за страха, что в противном случае один из детей может умереть. Ребенок, отданный из дома, остается собственностью того, кто его получил, и в случае смерти другого ребенка не может быть возвращен.

Фотография Джозайи Мартина.

Илл. 19. Танец самоанских женщин и мужчин,

который состоит из чрезвычайно выразительных и равномерных движений рук и кистей.

Сразу после родов роженица, чтобы вернуться к этому вопросу, обычно купается в море или близлежащей реке — на больших островах родовая хижина уже строится рядом с ними — и одновременно купает своего малыша, которого она сама кормит грудью (рис. 17). Кроме того, она должна провести в своей хижине в полной изоляции от мужчин более или менее длительный период времени (). На Таити эта изоляция для более состоятельных рожениц длилась до трех месяцев. В течение этого времени их должны были кормить; отец имел постоянный свободный доступ, остальные родственники могли входить в хижину только после того, как снимали свою одежду. Все, к чему прикасался ребенок, особенно головой, становилось его собственностью. По истечении этого периода бедные приносили в жертву очистительные подношения, а богатые устраивали большой праздник, называемый Ороа. На островах Палау муж остается в строгом разлучении со своей женой в течение десяти

месяцев (); он живет в доме для холостяков и может входить в свою квартиру только для того, чтобы поесть.

Фото А. Дж. Айлс.

Рис. 20. Приветствие маори,

которым, как и коренным народам Востока в целом, неизвестен обычай целоваться. Одна из двух девушек носит плащ из льна, украшенный шнурками, другая — накидку из перьев.

На Марианских островах всем, кто присутствовал при родах, раздают рис и рыбу; в знак уважения к отцу путь, по которому он впервые прошел после рождения ребенка, посыпают рисом. На острове Трук (Каролинские острова) отец при этом радостном событии обычно прикрепляет к поясу душистые травы и, выходя из дома, держит копье острием вниз, потому что в противном случае душа ребенка может последовать за ним. На Науру молодые люди после рождения ребенка устраивают борьбу в знак своей радости. У маори Новой Зеландии новорожденный является табу и никто не может прикасаться к нему, пока он не будет освобожден от этого запрета. Это происходит следующим образом: отец обжаривает

на небольшом огне немного корня таро, берет ребенка на руки, прикасается им к разным частям тела ребенка, а затем съедает корень. Однако этим освобождение от табу еще не достигается, потому что на следующее утро приходит старшая родственница ребенка со стороны матери и проводит ту же церемонию с самим отцом. Только после того, как эти два действия (называемые таутане и реахине) завершены, ребенок освобождается от табу и получает свое имя.

Фотография J. J. Lister.

Илл. 21. Сидячий танец на Самоа.

Самоанская таупу со своими подругами исполняет один из характерных для Полинезии сидячих танцев, состоящий из изящных движений рук и верхней части тела.

В Полинезии имя дается в основном вскоре после рождения и часто сопровождается торжествами (танцами, соревнованиями и пирами). На острове Яп сестра отца должна была спросить его о желаемом имени новорожденного ребенка, а затем сообщить его матери; на Науру имя выбирала старая родственница, а на Ротуме — даже вождь. У маори присвоение имени сопровождалось особыми торжествами в присутствии родителей и родственников. Священник окунал зеленую ветку в воду и окроплял ею голову ребенка, бормоча таинственные пожелания; мать не имела права смотреть на окропление.

В большинстве случаев ребенка кормит молодая мать. На Фиджи раньше считалось, что молоко, отличное от материнского, приведет ребенка к верной смерти; более того, эта осторожность доходила до того, что мать, уходя в поле, оставляла для грудного ребенка собственное молоко в бамбуковой трубке. Раньше длительное вскармливание детей было очень распространено; особенно на Каролинских островах женщины считали честью вскармливать своих малышей в течение многих лет, часто до десяти лет; на Самоа один наблюдатель однажды видел, как мать кормила грудью одновременно трех детей подряд, а на Марианских островах другой наблюдатель видел, как шестилетний мальчик поочередно пил грудное молоко матери и делал затяжку из табачной трубки. Конечно, помимо материнского молока, малышам повсюду дают и другую пищу, которую мать обычно предварительно пережевывает, например, кокосы, бананы, таро и многое другое.

Фотография Дж. Дж. Листера.

Рис. 22. Сидячий танец на Самоа.

Фотография Дж. Дж. Листера.

Рис. 23. Танцы сидя на Самоа.

На Самоа начало каждого нового этапа в жизни ребенка отмечается праздником. Как только ребенок начинает сидеть, это повод для праздника; то же самое и с его первыми попытками ползать; когда он впервые встает на ноги, это снова отмечается праздником, и так далее. Когда мальчики подрастают, они обычно помогают своим отцам в рыбной ловле или на плантациях, в то время как подрастающие девочки ищут пищу на рифе, носят воду из источника или занимаются изготовлением тапа и матов. На Самоа обучение мальчиков включает в себя также обучение кулинарии, поскольку считается правильным, что мужчина тоже должен уметь готовить еду.

Фото: Дж. Тернер-Тернер.

Рис. 24. Наследник вождя из Самоа, который по своему положению имеет право носить головной убор, изготовленный из девичьих волос. В руках он держит самоанский нож.

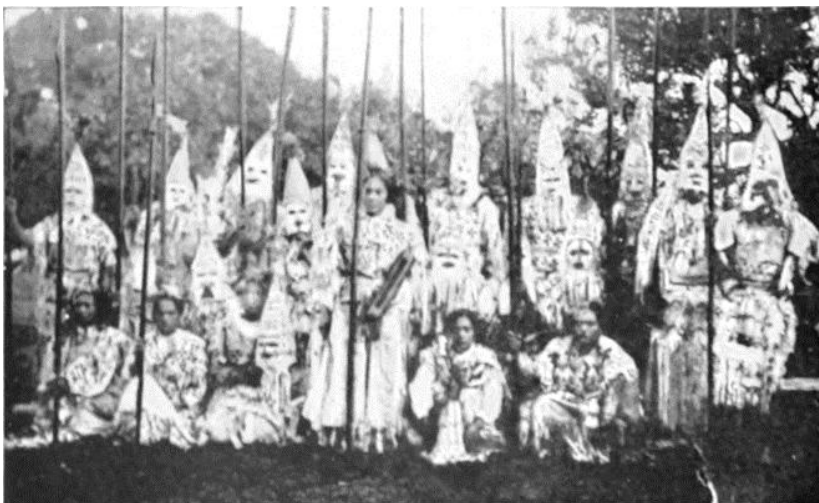

Рис. 25. Открывающая сцена «Евы», танца жителей Рара-Тонга (Острова Кука), который иногда изображает подвиги героев и полубогов древности.

Нравственные отношения полинезийцев по-разному оцениваются исследователями, и, по-видимому, между отдельными группами островов действительно существуют различия в этом отношении. Во многих случаях в Полинезии и почти повсеместно в Микронезии молодые люди обоих полов до вступления в брак пользуются полной половой свободой.

Неженатые мужчины живут вместе в своих домах для холостяков и ведут здесь более или менее свободную любовную жизнь с молодыми девушками, а иногда и с женщинами. Эти женщины, называемые на Каролинских островах *Armengol* (проститутки), в большинстве случаев были похищены из других деревень, иногда только якобы, поскольку предварительно было достигнуто соглашение с их родителями, или они добровольно бежали в дома холостяков. Здесь они являются общей собственностью мужчин, как холостых, так и женатых. На Каролинских островах девушки получают за эту любовную услугу деньги, которые они собирают и увозят домой, где их часто присваивает и распределяет вождь. На Маршалловых островах также существует гостеприимная проституция; девушка в доме мужчин отдается незнакомцу, который в знак благодарности дарит ей небольшие подарки; эти подарки достаются вождю. На островах Палау, если муж плохо обращается с женой, она убегает в дом для холостяков; здесь он должен выкупить ее за деньги; если он не дает денег за нее, он теряет право на свою жену, и она остается в доме для холостяков до тех пор, пока ее не выкупит богатый туземец. — Гомосексуальные наклонности наблюдались также среди полинезийцев; особенно часто они встречались среди населения Таити, среди так называемых «*маху*», которые в одежде и манерах подражали женщинам, жили среди них, выполняли женскую работу и вступали в половые отношения с мужчинами.

Фотография Дж. Тернера-Тернера.

Рис. 26. Молодая самоанка,

чья длинные волосы, согласно обычаю, позже будут использованы для изготовления головного убора вождя.

Ухаживание молодых людей за избранницей, как правило, не имеет ничего характерного; оно обычно осуществляется как простое дело и, как правило, без каких-либо церемоний со

стороны обоих главных участников. Однако иногда в этом процессе играет роль и настоящая сердечная привязанность. Например, Кубари подробно рассказывает о том, как юноша ухаживает за своей избранницей и как она отвечает ему взаимностью. Любящие не обмениваются поцелуями, как, пожалуй, нигде среди первобытных народов, но современная культура уже несколько раз перенесла эту европейскую привычку на Дальний Восток. Напротив, среди маори прижатие носов друг к другу между друзьями, родственниками и влюбленными является общепринятым проявлением любви (рис. 20).

Илл. 27. Финальная сцена из «Евы» Рара Тонга.

В конце танца участники вышеуказанной сцены сняли маски и надели их на наконечники своих боевых копий.

Самоанцы соблюдают определенную формальность при ухаживании, особенно если речь идет о людях высокого ранга. Например, если сын вождя на Самоа хочет жениться на девушке из соседней деревни, то делегация, избранная из родственников молодого человека, наносит его отцу неофициальный визит, чтобы посмотреть на девушку. Если они удовлетворены выбором, то более крупная делегация наносит более торжественный визит и приносит подарки в виде свиней и таро. Если отец девушки принимает подарки, а сама девушка не проявляет сопротивления, то дело считается решенным, и можно приступать к подготовке к свадьбе. Если же отец отвергает подарки, но девушка не против, то отправляется вторая делегация, состоящая из более влиятельных лиц, в число которых входит и молодой жених. Если и эта вторая миссия не дает результатов, то остается только вождь лично, в сопровождении всей своей свиты, обратиться с просьбой. Однако этот шаг предпринимается только в тех случаях, когда вождь и его подданные действительно хотят этого союза. На этот раз отец девушки должен уступить. Родственники жениха готовят множество подарков, состоящих из вещей, изготовленных мужчинами, для родственников невесты, а сама невеста получает от своей семьи большой приданой в виде тканей и очень ценных и красиво плетеных матов. После обмена подарками и большого пира жених уводит невесту в свою деревню. Его хижина, как правило, построена на каменной платформе напротив спальни вождя одним из слуг его отца, за что первый получает в качестве вознаграждения часть красивых ковриков из приданого. Последние действительно распределяются среди жителей деревни, а именно среди слуг вождя, которые образуют привилегированную касту.

Илл. 28. Тонганец,

чья прическа была сделана из глины для торжества.

С момента введения христианства свадебные обычаи практически канули в лету. Впрочем, они и не имели никакого серьезного значения, тем более что в прежние времена брак был лишь гражданским договором и поэтому не сопровождался религиозными обрядами. На Самоа и Тонга был замечен обычай, при котором публично проверялась невинность невесты высокого ранга; сегодня он уже забыт. — В Микронезии свадьба проходит несколько торжественнее. На Каролинских островах, например, жених приводит избранницу в свой дом, где она официально признается свекровью, которая натирает ей спину кокосовым маслом. Затем ей надевают венчальную корону, и начинается праздничный банкет.

На островах Гилберта мужчины очень ревнивы; поэтому туземцы едва осмеливаются заговорить с молодой женщиной, иначе ее супруг легко впадает в ярость. Большой процент людей носит на себе следы таких стычек в виде шрамов, нанесенных им ревнивыми супругами с помощью обычного оружия из акульих зубов. Довольно забавным является происхождение обычая, согласно которому мужчина, занятый сбором пальмового вина на пальме, должен громко петь. Однажды вождь, увидев мужчину, занятого этим делом, решил, что тот спрятался на верхушке дерева, чтобы подсмотреть за купающимися поблизости женами вождя; после чего он его застрелил. Поэтому туземцы доказывают свою *добросовестность* тем, что, занимаясь своими делами на верхушке дерева, они производят как можно больше шума. — У жителей острова Гилберта также существует право, согласно

которому мужчина, женившийся на старшей из нескольких сестер, может взять в жены и остальных, при условии, что он этого желает и может себе позволить такую роскошь. С другой стороны, никто другой не может жениться на этих сестрах без его разрешения.

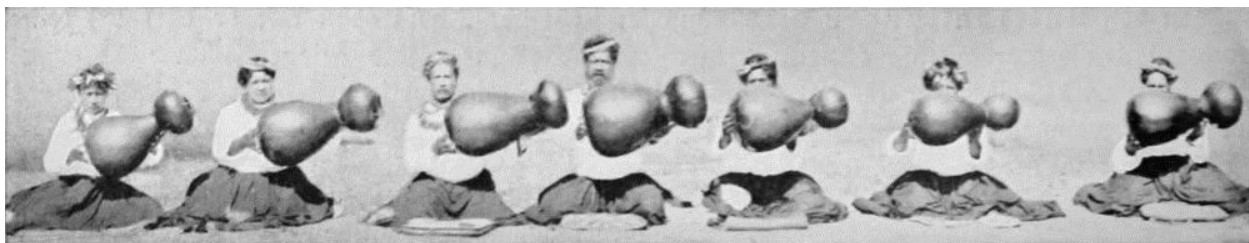

Из: Hesse-Wartegg, Самоа.

Илл. 29. Самоанцы стирают белье на реке Вайсингано у Азина.

Среди развлечений полинезийцев танцы занимают первое место; они обязательно присутствуют на всех торжественных мероприятиях. Темой танцев иногда являются подвиги предков и полубогов (рис. 25 и 27). Любопытно, что во многих случаях он состоит не столько в движениях ног, как в так называемых классических танцах, сколько в игре рук и плеч (рис. 19). Это особенно хорошо видно на примере сидячих танцев, типичных для Самоа (рис. 21–23), хотя мы встречаем похожие, хотя и менее значительные представления в Микронезии. На Самоа жители одной деревни часто приглашают жителей другой деревни на танец; такой танец сопровождается большими церемониями и обычно начинается с одного или нескольких сидячих танцев, в которых главную роль играет таупу, дочь вождя, в сопровождении десяти красавиц из деревни. В таких торжественных случаях она и

наследник вождя, если таковой присутствует, носят своеобразные ценные головные уборы, сделанные из человеческих волос и украшенные тремя выступающими из них палочками, инкрустированными жемчугом, а также лентой из разноцветных ракушек поперек лба (рис. 24 и 26). Хор, сидящий за исполнителями, сопровождает их танец песнями и отбивает ритм на матах, намотанных на бамбуковый ствол. Затем следуют танцы стоя, которые имеют мимический характер () и изображают сцены из повседневной жизни, например, ловлю рыбы копьем и ловлю черепах. Движения танцоров чрезвычайно грациозны, и слава об особо ловких таупу распространяется далеко за пределы их собственной страны. В Новой Зеландии также существуют сидячие танцы, в которых девушки демонстрируют детали поездки на каноэ или подобного действия. Еще один танец заслуживает упоминания — это танец с хлопками в ладоши на островах Гилберта, в котором четыре танцора задают ритм своей песне, хлопая друг другу в ладоши, как это делают наши дети, когда хлопают в ладоши. Из наиболее ярких танцев стоит упомянуть гавайский хула, который интересен тем, что танцовщицы по-прежнему носят старинные юбки из сложенных листьев и венки из цветов, которые составляли изящный костюм доцивилизованных времен (рис. 30–32). Движения этого танца, как и многих других полинезийских танцев, часто бывают довольно сладострастными и способствуют пробуждению полового влечения участников и зрителей; нередко они заканчиваются сексуальными оргиями и всеобщим половым сношением. — В танцах, требующих непосредственной силы и энергии (военные танцы), новозеландцы не имеют себе равных (рис. 33 и 34). К сожалению, эти танцы уже далеко не то, чем они были в начале прошлого века, когда под топот сотен ног, ударявших по земле одним ударом, земля гудела, а искаженные лица танцоров, выкатывающих глаза и высовывающих язык как можно дальше — и то, и другое было желанной целью упражнений — внушали большой ужас.

Фотография Х. Дж. Шепстоуна.

Рис. 30. Музыкальный ансамбль во время танца хула,
барабаны изготовлены из больших тыкв.

Фотография Х. Дж. Шепстоуна.

Рис. 31. Танец хула гавайских девушек
в современной одежде, за исключением бубенцов на лодыжках.

Серфинг гавайцев,

которые с энтузиазмом занимаются этим видом спорта, который теперь также практикуется на побережьях Австралии и Тихого океана.

Помимо танцев, полинезийцы знают еще много других развлечений, которые они разделяют с молодежью цивилизованных стран, а именно: запуск воздушных змеев, игру в волчок, хождение на ходулях, борьбу (рис. 35), игру с нитками (передача фигурок из ниток от руки одного человека к руке другого), отгадывание загадок, игру в лафо и многое другое. Игры с мячом также не являются чем-то необычным. На островах Гилберта играют люди одного пола; один из игроков подбрасывает мяч, который представляет собой камень, обернутый тканью и обмотанный кокосовой веревкой, и отбивает его рукой в другую сторону; если мяч ловится, то эта сторона получает очко, в противном случае очко получает сторона, бросившая мяч. Игры на качелях широко распространены в Полинезии; особенно разнообразны они на островах Гилберта. Например, здесь популярна следующая игра: на верхушке нависающей пальмы крепится веревка, а на ее конце подвешивается матрас, на

котором сидит молодая девушка. Как только качель начинает раскачиваться вперед, один из многочисленных собравшихся молодых мужчин подпрыгивает, держится за веревку и сопровождает девушку в ее полете в воздухе; когда оба приближаются к земле, он спрыгивает, и другой занимает его место при следующем раскачивании вперед; таким образом игра продолжается. Когда однажды у одного из туземцев спросили, почему на качелях всегда сидит девочка, он ответил, что иначе игра не была бы интересна для молодых мужчин.

Фотография Х. Дж. Шепстоуна.

Илл. 32. Гавайская девушка танцует хула.

Несмотря на все усилия миссионеров, этот национальный танец сохранился до наших дней.

С приходом цивилизации крикет также появился в Полинезии; особенно он получил широкое распространение на Тонга. Еще одна игра, которая также имеет западный оттенок, но все же восходит к доевропейским временам, — это парусный спорт, очень популярный на Самоа и еще больше в Микронезии. Для этого строятся специальные лодки, похожие на обычные лодки с выносными опорами, характерные для данной местности, но с той разницей, что опоры относительно длинные, а площадь паруса большая по отношению к корпусу судна. В определенное время года проводятся гонки, в которых участвуют

владельцы судов и даже отдельные деревни, что вызывает большой ажиотаж. Раньше на Гавайях был очень популярен спорт, следы которого можно встретить и сейчас, — катание на роговых санях. На примитивных санях молодой вождь мчался по крутому склону холма с такой скоростью, что казалось, будто он рискует своей жизнью или, по крайней мере, конечностями.

Фото: Muir & Moodie.

Рис. 33. Маори, собравшиеся для танца хака.

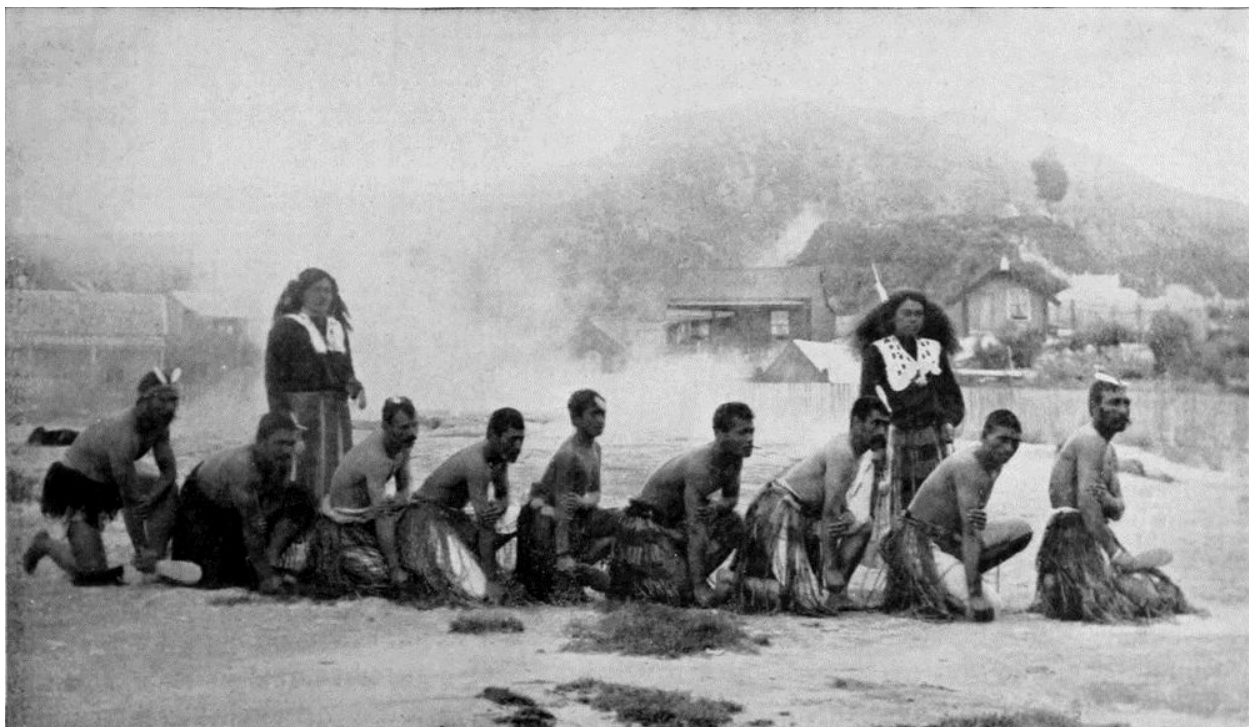
Маори, стоящий крайний слева, одет в одежду, сшитую из конопляных волокон и полностью покрытую перьями.

Из всех водных видов спорта полинезийцам больше всего нравится хождение по воде. Молодой полинезиец плавает в море на небольшой доске, погружается под набегающие волны, пока не достигает внешней линии падающих волн, ждет здесь особенно большой волны, бросается на доску, как только ее внутренняя полость касается его, и с большой скоростью уносится к берегу. Некоторые туземцы настолько искусно владеют этим видом спорта, что даже плывут по волнам стоя, что требует большой ловкости, с одной стороны, чтобы удержаться на доске, а с другой, чтобы обходить коралловые рифы ([рис. 36](#) и [цветной художественный приложение](#)).

Гонки на каноэ также являются популярным видом спорта, особенно среди маори. С двадцатью гребцами, сидящими друг за другом, эти каноэ развивают замечательную скорость. Однако самыми необычными и захватывающими являются гонки с препятствиями на каноэ через трассу, на которой на вбитых в землю столбах, расположенных примерно на фут выше поверхности воды, установлены перекладки. Когда такая каноэ с двумя гребцами приближается к препятствию, гребец на носу откидывается назад, в результате чего передняя часть резко поднимается и скользит через препятствие на другую сторону, где гребля возобновляется ([рис. 37](#)).

Спорт, свойственный жителям островов Гилберта и соседнего с ними небольшого острова Науру, заключается в охоте на фрегатов ([рис. 38–40](#)), которых держат в деревнях как любимых животных. Дикие птицы привлекаются ручными, и, как только они подлетают, охотники, скрывающиеся в ближайшем укрытии, бросают через фрегатку длинную веревку, к которой привязан кусок твердого кораллового известняка размером с грецкий орех или раковина тридакны, так что веревка падает на ее распростертые крылья. Прежде чем он

успевают освободиться, его схватывают птицеловы. Как правило, в соревновании необходимо поймать таким образом тридцать птиц. Поскольку женщинам запрещено приближаться к месту ловли, юноши, участвующие в охоте, рисуют на лице черный круг, чтобы показать, чем они занимаются. — Охота на птиц с помощью силок, когда-то популярный вид спорта на Самоа, в определенной степени практикуется и сегодня. В качестве приманки используются голуби, которые привязываются к открытым сетям, развешенным в лесу, и благодаря своему воинственному характеру вызывают на бой пролетающих мимо птиц и заманивают их в сети, где их ловят охотники, скрывающиеся в укрытии. Птицы, пойманные таким образом, содержатся как любимые животные и тщательно кормятся таро, даже если собственная пища становится скудной. Птицам вождя оказывается особое уважение, и, обращаясь к ним, используются те же торжественные выражения, что и при обращении к их хозяину.

Фотография Х. Дж. Айлса.

Илл. 34. Исполнитель мимического танца маори.

Танцы, имеющие мимический характер, действительно похожи на пантомиму. Танцоры носят традиционные юбки из льна.

Из обычаев, связанных со смертью и погребением, мы хотим более подробно описать только старинные обычаи Самоа. В прежние времена, когда глава семьи чувствовал приближение своей кончины, он посылал гонцов, чтобы собрать всех родственников. Все лучшие циновки, которые были в семье — они представляли большую ценность — складывались перед ним, чтобы он в последний раз мог порадоваться своему богатству. Затем раздавались громкие стенания и плач, и боги смерти умолялись о пощаде; при этом скорбящие били себя камнями по голове до крови или порезали кожу зубами акулы. Если смерть все же наступала, то эти боги, к которым только что взывали о помощи, подвергались жестоким ругательствам за то, что не помогли. Тело умершего пожилые женщины натирали кокосовым маслом и клали на ложе из коры, в редких случаях, то есть когда речь шла о вождях, его также бальзамировали. Тем временем молодые люди выкапывали рядом с хижинной могилу глубиной всего в несколько футов и выстилали дно и стенки кусочками кораллов; они клали туда тело вскоре после смерти и закрывали яму также коралловыми камнями. В последующие дни они насыпали на возвышенность над

могилей лавовые камни, так что часто получался конус, сужающийся к вершине. В доме умершего родственникам запрещалось есть и пить до окончания похорон, только женщины, занимавшиеся погребением, могли делать исключение, но их кормили, потому что им запрещалось прикасаться к любой пище. После похорон, напротив, устраивался поминальный пир, за которым следовал буйный танец, продолжавшийся до глубокой ночи. Если кто-то умирал не в своем жилище, а случайно на улице или насильственной смертью, то считалось, что его душа блуждает в образе какого-либо животного и, если ее не поймать и не похоронить вместе с телом, она может нанести большой вред в виде злого демона (Aitu). Поэтому на месте, где наступила смерть умершего, расстилали большой кусок тапа и ждали, пока на нем появится какое-нибудь животное, будь то ящерица, кузнечик или даже муравей. Сразу же, полагая, что это существо является обитателем души, ткань складывали над ним и клали в могилу вместе с умершим. С этого момента умерший и его родственники обретали покой; первый мог теперь отправиться в путешествие в подземный мир, вход в который был перенесен на сильно вулканический остров Савай. Перехват души практикуется и по сей день. — Когда жизнь вождя на Самоа подходит к концу, то, естественно, скорбь по нему еще больше, потому что вокруг него собираются все его вассалы. Особое значение при этом имеет присутствие его сестры, чтобы уладить любой, даже незначительный спор между ними, потому что проклятие сестры считается величайшим несчастьем. После смерти на всем острове объявляется обширная траурная церемония. Во многих случаях смерть вождя влечет за собой особые последствия. На Гавайях в прежние времена кончина верховного правителя приводила к перераспределению всех земель, которые его подчиненные вожди получили от него при жизни, и достаточно часто из-за этого между ними возникали споры и даже сражения. На Тонга по случаю смерти короля Георга I был введен строгий табу на все виды деятельности; эта остановка любой работы и большие расходы на похороны привели остров, и без того находившийся в тяжелом финансовом положении, почти к банкротству.

Фото: Ф. Данверс Пауэр.

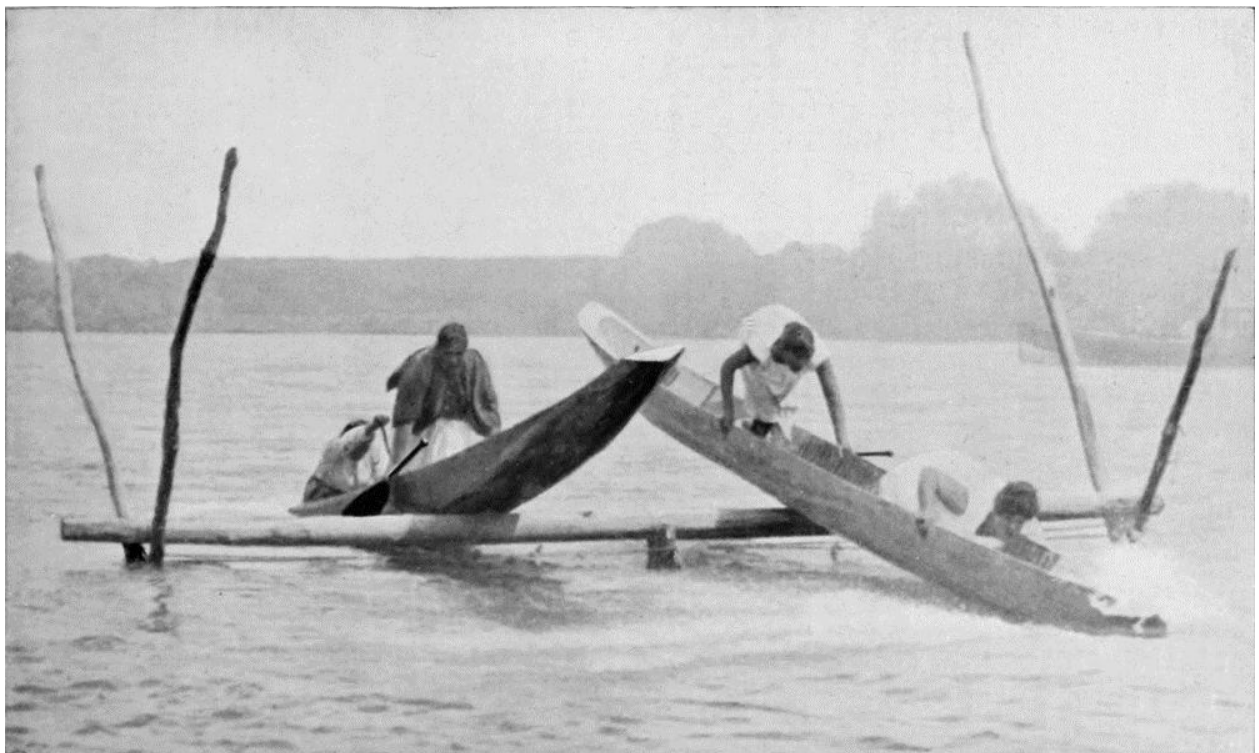
Илл. 35. Борьба на островах Эллис.

Борец вызывает своего противника на бой, трижды ударив его по груди. Бой считается законченным, когда один из борцов оказывается на земле.

Фото: Х. Дж. Шепстоун.

Рис. 36. Серфинг самоанцев, популярный вид спорта среди туземцев, которые демонстрируют в нем большую ловкость и часто скользят по воде к берегу, стоя на узких досках.

Фотография Джозайи Мартина.

Рис. 37. Гонки на каноэ в Новой Зеландии, спортивное упражнение, в котором женщины преуспевают так же, как и мужчины.

Еще до контакта с европейцами на Гавайях, островах Кука и в Новой Зеландии в качестве могил служили скальные пещеры; кости почитаемых предков часто собирали и складывали в изящные пакеты. До недавнего времени на острове Пенрин покойников, завернутых в маты, хранили в домах, подвесив их. В большинстве случаев могилы находятся на специально обустроенных кладбищах; они также обозначаются каким-либо образом,

например, холмом (рис. 41), размер которого указывает на ранг умершего, или, как на Маршалловых островах, установкой весел у изголовья и изножья и т. д. Во многих частях Полинезии вещи умершего кладут на его могилу, даже ценные вещи, как, например, однажды швейную машинку. Однако никто не трогает и, тем более, не забирает положенные там предметы, какую бы ценность они ни имели, потому что табу, относящееся к мертвым, почти еще строже, чем табу, относящееся к живым. — Помимо веры в то, что умершие остаются поблизости, часто существует также страх перед привидениями. На Ниуэ держат собак, лай которых должен отпугивать сверхъестественных посетителей. Напротив, жители Пенрина питают более дружеские чувства к умершим, поскольку строят хижины над их могилами, в которых спят, надеясь, что их любимые появятся им во сне. Аналогичным образом, на островах Паумоту очень распространен обычай спать на кладбищах.

Фото: Дж. Данверс Пауэр.

Рис. 38. Стойки с ручными птицами на Науру, которые служат приманкой. Туземец брызгает из рта водой, которая служит птицам для питья.

Рис. 39. Охота на фрегатов на Науру.

На переносной подставке сидят приманки, которые своим криком привлекают диких птиц.

От прежней религии в Полинезии осталось лишь несколько следов. Вера в высших богов моря, неба, земли и войны сегодня исчезла. Только там, где еще не проникла христианская религия, мы все еще встречаем почитание старых богов; так, в Микронезии, где маленькие коралловые острова постоянно подвергаются опасности быть смытыми штормовым нагоном, главный бог бури все еще пользуется уважением. Большинство микронезийских богов олицетворяются животными или растениями, например, бог дождя — морской звездой, бог войны — акулой, бог грома — каштановым деревом. Жертвы, приносимые этим божествам, просто кладутся под деревом; человеческие жертвоприношения в Полинезии никогда не были обычным явлением. Хотя обычай табу уже сильно утратил свою силу, он все еще играет полезную роль в некоторых случаях, например, когда вождь налагает табу на урожай, чтобы его не собирали преждевременно, или, как на островах Паумоту, на определенную лагуну, где ловят жемчужную рыбу, чтобы на определенное время предотвратить ее вылов, или на определенные поля, чтобы их не ограбили. Внешне этот запрет обозначается особыми знаками, например, установкой фигуры из листьев в виде рыбы, ахина или акулы — тот, кто нарушает табу, боится, что при следующем купании на него нападет такое животное — или просто привязыванием листа к стволу дерева на плантации, подвешиванием кокосов на видимом пне дерева и т. д. Такие знаки никогда не теряют своего смысла, поскольку туземцы твердо верят, что, если они не обратят внимания на такой предупреждающий знак, их постигнет несчастье, болезнь, удар молнии и т. п.

Фото: Дж. Данверс Пауэр.

Рис. 40. Платформа для ловли фрегатов на Науру.

Молодые люди на Науру считаются готовыми к вступлению в брак только после того, как поймают не менее сорока фрегатов.

Широко распространено суеверие, что с помощью магии можно навредить человеку, используя прядь его волос, лоскуток его одежды или остатки его еды. Также широко распространено гадание, равно как и вера в божий суд. На Самоа, например, при краже преступника пытаются найти таким образом: всех участников собирают вокруг чаши с кавой, в которой плавает маленькая завязанная нить, и следят, в чьей чаше при раздаче появится предательская нить.

Фото J. J. Lister.

Илл. 41. Тонганская вдова у могилы своего мужа.

Как правило, полинезийцы с большой заботой ухаживают за могилами своих умерших. Вдова на этой фотографии льет масло на могилу своего мужа.

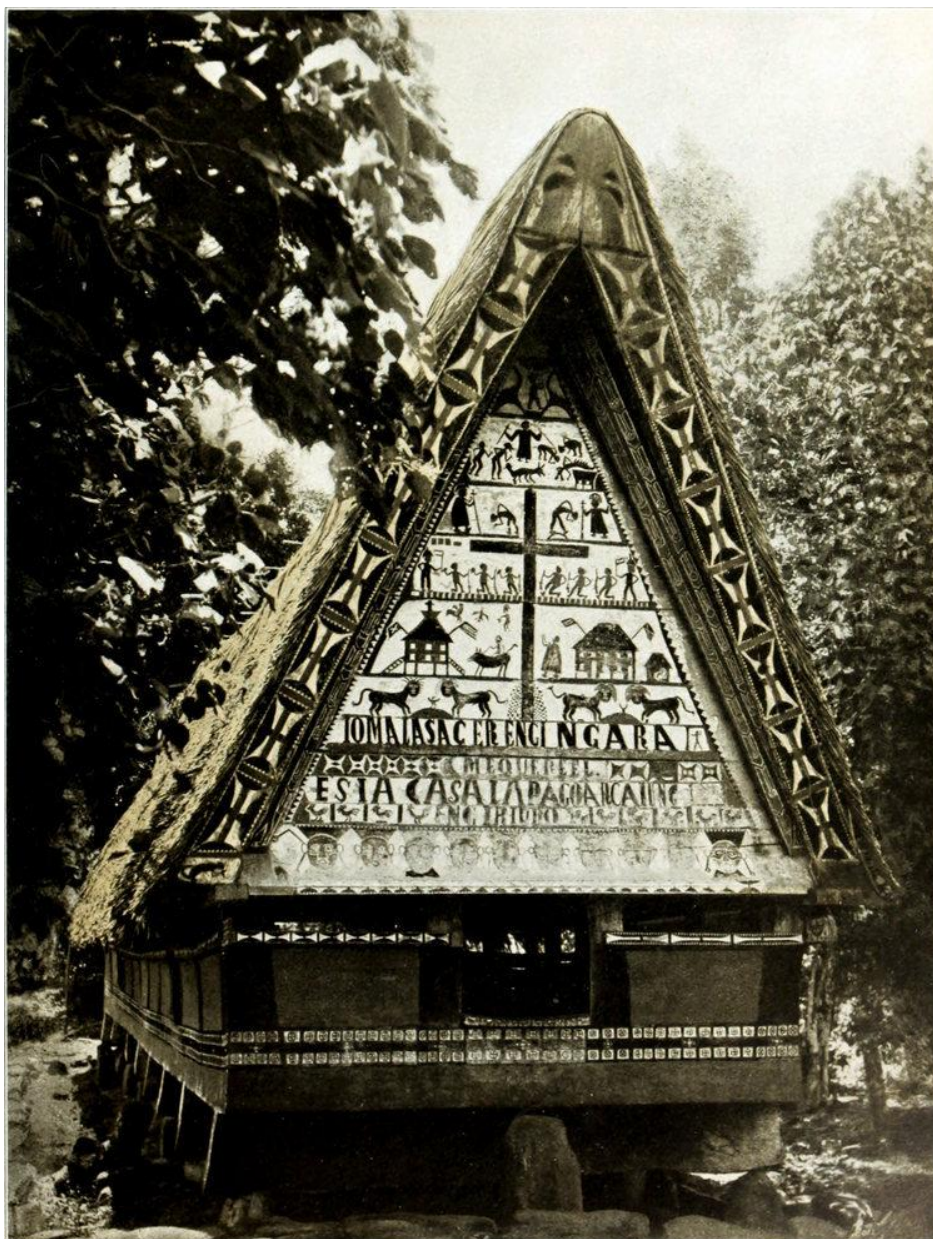
Примитивный метод приготовления пищи, распространенный в Полинезии и Микронезии, представляет большой интерес. Пищу варят, а точнее, жарят в горячем пепле открытого огня. Для этого в земле выкапывают яму или борозду нужного размера, заполняют ее дровами, кладут на них несколько камней и поджигают дрова. Как только дрова сгорают, а камни становятся раскаленными, яму очищают от пепла и углей, а на еще раскаленные камни кладут блюда, которые должны приготовиться, завернутые в ароматные листья. Сверху накрывают землей и матами, чтобы тепло не улетучивалось (рис. 42). Обычно, но не везде, перед закрытием печи на пакеты с листьями еще льют воду; затем готовят с помощью пара. По прошествии определенного времени, примерно часа или даже больше, в зависимости от размера печи и количества блюд, печь снова открывают, и мясо и овощи при такой обработке полностью готовятся. В Новой Зеландии, где еще действуют вулканы, в частности так называемые гейзеры, природа предлагает людям гораздо более удобный способ приготовления пищи, а именно горячие источники (рис. 43), температура которых колеблется от кипящей до теплой. Маори нужно только поместить продукты, которые он хочет приготовить, в сетку в таком кипящем источнике или в исходящем из него паре, и природа в короткие сроки сделает все остальное. Кстати, эти источники также широко используются для купания.

Фотография Джозайи Мартина.

Рис. 42. Приготовление пищи в земляных печах в Новой Зеландии.

Блюда, приготовленные на раскаленных камнях, необычайно вкусные.

Из «Колония и родина».

Клубный дом жителей острова Палау.

Фото А. Дж. Айлс.

Рис. 43. Натуральная кухня в Новой Зеландии.

Горячие источники этой богатой гейзерами страны снабжают ее жителей водой различной температуры, которая используется как для приготовления пищи, так и для купания.

Огонь получают путем трения двух кусков дерева, один из которых должен быть твердым, а другой мягким. Твердый заостренный кусок с сильным давлением трется вперед-назад по канавке на подложке, пока тепло, выделяющееся при трении, не нагреет образующуюся мелкую пыль до накала, и раздувая ее и собирая с помощью сухой травы, разжигают в пламя. — Пища полинезийцев состоит из плодов кокосовой и панданусовой пальм, хлебного дерева, корневищ таро — на Гавайях из них готовят очень популярное тестообразное блюдо под названием пои (рис. 1) —, а также из свинины, курицы и даров моря (рыбы, раков, ракушек и черепах). Главным лакомством самоанцев является палоло, червь рода Eupise, который в определенные периоды собирают большими массами во время праздников. Другое своеобразное блюдо готовят жители Маршалловых островов () из орехов пандануса. Их варят, выжимают сок, после того как плод очищен от кожуры, и

выставляют на солнце для высушивания, в результате чего получается своего рода тесто в форме блинчиков. Несколько таких блинчиков складывают друг на друга, образуя большую колбасу, которую обертывают листьями и плотно завязывают. Такие рулеты иногда достигают почти трех метров в длину и почти двух метров в окружности (рис. 44). Они хранятся очень долго, и по мере необходимости отрезают от них кусочки.

Из: Крамер, Самоанские острова.

Рис. 44. Большой рулет с консервированными продуктами, которые готовятся на Маршалловых островах из орехов пандануса. Эти рулоны хранятся и служат провизией для длительных путешествий.

Фото: Дж. В. Уолтерс.

Рис. 45. Приготовление кавы.

Корень кавы измельчают или жуют, затем смешивают с водой и процеживают через пучок волокон.

Более подробного рассмотрения заслуживают приготовление кавы (рис. 45), национального напитка полинезийцев, а также церемонии питья кавы. Обычай пить каву распространен не только по всей Полинезии, за исключением южных районов Новой Зеландии и островов Чатам, а также Микронезии (Каролинских островов), но и встречается в Новой Гвинее и на различных других островах Меланезии. Напиток кава получают из

корня одного из видов перца, кавового перца (*Piper methysticum* For.). Первоначальный метод приготовления заключался в том, что измельченный корень полностью жевали в течение примерно десяти минут, выплевывали его вместе с накопившейся слюной, которую нельзя было проглатывать, в блюдо и разбавляли водой или кокосовым молоком. На островах Тонга и Маркизских островах, а также на Фиджи жевание корня осуществляли юноши или мальчики с хорошими зубами и здоровой полостью рта, а на Самоа и Таити — молодые девушки, которые перед этим должны были вымыть руки и прополоскать рот. На Самоа эта обязанность возлагалась на дочь вождя, деревенскую девушку или таупу (рис. 46), которая пользовалась большим уважением. Уже в раннем юном возрасте дочь вождя выбиралась на эту должность, которую она занимала на добровольной основе до своей свадьбы. Ее обучают всем социальным навыкам, особенно танцам, вплоть до мельчайших деталей (); большое значение придается ее внешнему виду, и она никуда не ходит без сопровождения двух дам-компаньенок, поскольку ее хорошая репутация должна тщательно охраняться. Конечно, она освобождена от любой тяжелой работы. По достижении зрелого возраста она берет на себя социальные обязанности, которые заключаются в том, что, когда в деревню приезжают важные гости, она выступает в роли хозяйки, приветствует гостей и на праздничных мероприятиях подает кава-боул (ранее также жевала его), а также ведет танцы. — Обычай жевания кава в настоящее время во многих случаях уступил место трению камнями. На Самоа также используют машины.

Из: Hesse-Wartegg, Самоа.

Употребление кавы играет очень важную роль в большинстве церемоний (рис. 48) и является неизбежной прелюдией ко всем обсуждениям политических вопросов. На Тонга во время такой церемонии все, чей ранг позволяет, садятся в овале, один конец которого занимает первый вождь, а другой остается открытым, поскольку здесь стоит большая деревянная миска для приготовления кавы, а за ней, напротив председательствующего вождя, сидит приготавливающий каву и по бокам от него помощники, один вооруженный веером, чтобы отгонять мух, а другой — несколькими большими чашами с водой. За ними приседают зрители, чей ранг не позволяет им занять место в кругу избранных. Измельченный корень кладут в чашу; об этом готовящий каву сообщает стереотипной фразой, на что один из сидящих по бокам председательствующего вождя помощников () отвечает ему словом «смешивай». Помощник наливает воду, а приготавливающий тесто замешивает его обеими руками, пока оно не приобретет необходимую консистенцию. Затем жидкость фильтруется через пучок волокон гибискуса с помощью отжима, и напиток готов к употреблению. Помощники наполняют стаканы, изготовленные из половинок тонко отшлифованных и гладко отполированных скорлуп кокосовых орехов, а Матабуле вызывает имена тех, кому они должны быть поданы, причем для очень важно, чтобы соблюдался установленный порядок рангов. Получатель хлопает в ладоши, чтобы показать, где его место. — На Самоа, где туземцы с большим упорством придерживаются старого обычая пить кава, церемония проходит практически так же. Однако при раздаче напитка высокопоставленным вождям называют не их имена, а имена их чашек. В прежние времена церемония питья кавы была связана с религиозными обрядами. Как только питье кавы приобретает официальный характер, женщины повсеместно исключаются из участия в нем, но в остальных случаях они очень любят этот напиток, и на Вити-Леву и Тонга, по-видимому, существуют настоящие кава-вечеринки, которые посещают исключительно женщины. — В небольших количествах или в слабом растворе кава является чрезвычайно освежающим и охлаждающим стимулятором, в больших количествах она оказывает легкое наркотическое действие, создавая ощущение уюта, удовлетворенности и счастья.

Полинезийцы с большим усердием и тщательностью относятся к строительству своих жилищ, в частности, своих клубов (см. [художественное приложение](#)), которые они искусно украшают, что является значительным достижением, учитывая примитивные (каменные) инструменты, которые были в их распоряжении до появления металлических инструментов.

Фото: Фрайх фон Румлер.

Илл. 47. Жители острова Яп с кольцевыми деньгами.

Фотография: Джозайя Мартин.

Илл. 48. Торжественное питье кавы на Тонге.

Председательствующий вождь сидит слева на циновке, напротив него стоит чаша с кавой. Сидящий рядом тонганец расчесывает пучок волокон, которым он процедил каву. Рядом с вождем сидят два матабуле, которые в качестве меры предосторожности для вождя пьют каву первыми.

Наконец, следует упомянуть о своеобразной монетной системе в Микронезии, особенно на Каролинских островах. Она состоит из круглых камней, похожих на жернова, с отверстием в центре (рис. 47). Гордый обладатель нескольких таких мощных камней считается богатым. Однако эти «монеты» не подходят для практического использования, а служат скорее украшением, тем более что их обычно выставляют перед домами. Более удобными в обращении являются монеты меньшего номинала, например, целые нитки жемчужных раковин или раковинных дисков, которые распространены по всей Океании.

Из «Колония и родина».

Илл. 49. Плавучий дом жителей Фиджи.

Острова Фиджи.

Несмотря на то, что с географической и антропологической точки зрения группа Фиджи все еще относится к Меланезии, мы присоединяем ее к Полинезии, потому что в результате оживленного общения, которое давно сложилось между ней и ближайшими полинезийскими островами, ее жители со временем утратили свой чисто меланезийский характер и под сильным влиянием полинезийцев изменили свои обычаи и традиции.

Обычная одежда современного фиджийца состоит из набедренной повязки из европейской ткани и рубашки, тогда как раньше она состояла из длинных полос листьев и тканей, сотканных самими туземцами (рис. 52), или из ткани из коры (рис. 54); во время церемоний лица высокого положения добавляют еще и полоску тапа, которую обвязывают вокруг тела (рис. 53). Этот обычай является пережитком древних времен, когда юбка вождя представляла собой одну полосу коры длиной более ста шестидесяти метров. В настоящее время женщины носят юбки с складками и блузообразные одежды, а также платья, похожие на полинезийские халаты; в отдаленных деревнях внутренних районов, напротив, все еще можно встретить бахромчатый пояс из коры, который является настоящей одеждой туземцев. — Старая мода отбеливать волосы известью все еще существует, хотя окрашивание красной краской или сажей является приятным разнообразием. Женщины обрабатывают свои волосы практически одинаково, но незамужние девушки иногда все еще носят длинную косу (рис. 50), которая, как и в прежние времена, обозначала их девственность и торжественно обрезалась во время свадьбы.

Обычное жилище фиджийцев — прямоугольный дом с длинной двускатной крышей: часто он стоит на земляном холме высотой от одного до двух метров, который тем больше, чем выше положение жителя в обществе. В качестве материала часто используются толстые

слои травы (рис. 51). — При морских путешествиях на лодках строятся похожие дома (рис. 49).

Ребенок жительницы острова Фиджи обычно рождается с помощью мудрой женщины. Если он рождается мертвым или без сознания, то его пытаются вернуть к жизни с помощью звука трещотки с семенами тыквы. Если все проходит хорошо, ребенка после рождения моют и капают ему в рот сок свечного ореха, чтобы он сначала поблевал; только после этого ему дают первую пищу, состоящую из измельченного и разжеванного жареного кокоса или банана.

Девочки получают татуировки, как только приближаются к зрелому возрасту, чтобы внешне обозначить это. Узоры в основном ограничиваются туловищем и поясицей, которые покрывает юбка. На пальцы также наносят несколько татуировок, чтобы выделить их, когда они подают еду вождю. Женщины иногда украшают себя разрастающимися шрамами в определенных узорах на руках и спине, которые они создают, прижигая кожу раскаленным куском дерева и искусственно препятствуя заживлению в течение нескольких недель. — Мальчики подвергаются обрезанию (рис. 55).

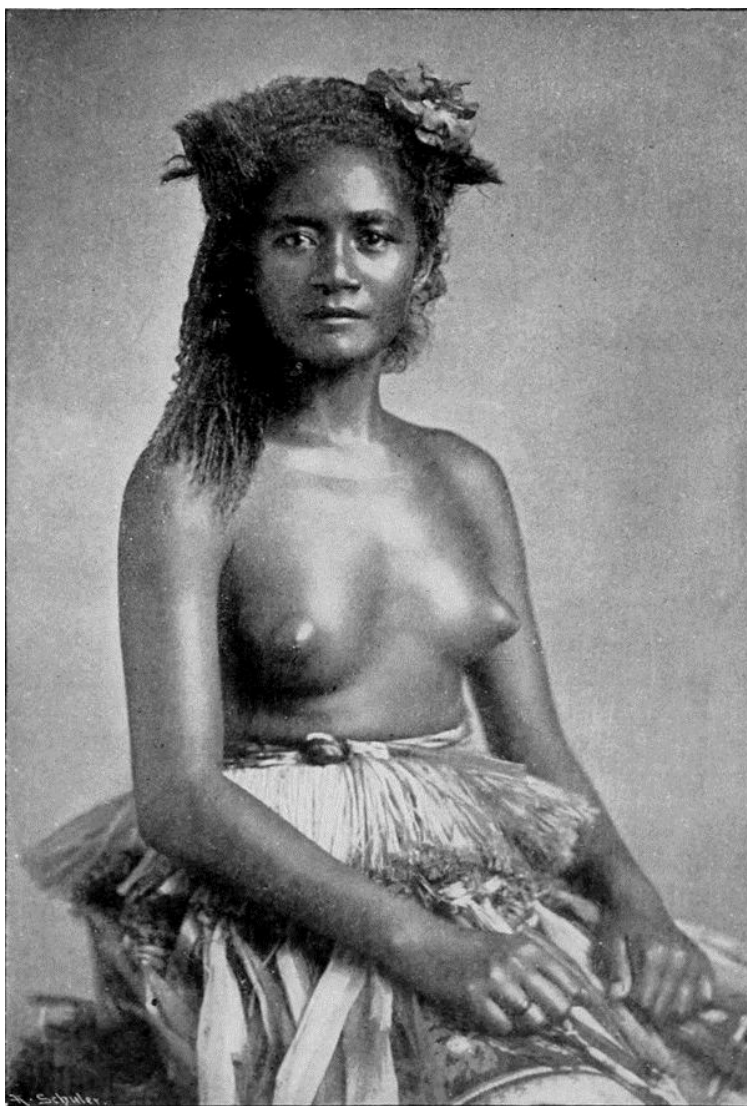

Фото д-р Тилениус.

Рис. 50. Молодая жительница острова Фиджи с типичной для незамужних девушек косой.

Как и везде среди первобытных народов, танцы обладают наибольшей привлекательностью, поэтому они, как правило, никогда не отсутствуют на большинстве праздничных мероприятий. Сидячие танцы, подобные тем, что мы видим в Полинезии, также нашли здесь свое место, но более характерными и популярными являются настоящие «балетные танцы», которые исполняются большим количеством танцоров. Они имеют мимический характер, например, танцоры держат длинные полоски тапа и размахивают ими, чтобы изобразить разбивающиеся гребни прибоя (илл. 56). Однако лучшие танцы — это те, которые исполняют вооруженные воины и символизируют сражение с дубинами и копьями, как это было принято в древние времена (илл. 57). Здесь фиджийцы в своей стихии. Люди, которые видели такие танцы, не могут не отметить точность движений — один наблюдатель рассказывает, что они были выполнены руками и ногами двухсот человек настолько точно, что создавалось впечатление, будто все они сидели, как марионетки на ниточках, — а также энергию и даже дикость, которые фиджийцы демонстрировали в своих военных танцах. После танца обширные украшения, которые носили танцоры, раздавались зрителям.

Наиболее характерными играми жителей островов Фиджи являются лафо и тика (произносится как «тинкуа»). В первую, которая также распространилась в Самоа и Тонга, играют с кокосовыми орехами. Половинки пальмового листа, разорванного пополам, кладутся на землю ребрами вверх, а поверх них расстилается длинный коврик, на конце которого садятся по два игрока; каждая пара получает пять кокосовых дисков разного размера. Начинают с одной стороны и бросают самый маленький диск как можно ближе к другому концу мата; другая сторона бросает свой соответствующий диск еще ближе к концу или сбивает диск противника. Так поочередно бросают диски по размеру, и тот, чей диск в конце игры находится ближе всего к краю мата, выигрывает. Затем другая пара начинает игру заново. — Тика — это игра, в которую играют с помощью странного метательного снаряда; он состоит из конической полированной головки из твердого дерева, на конце которой установлена длинная трубка. Игрок опирает эту трубку на средний палец и бросает снаряд движением, похожим на бросок кеглей; тика летит по воздуху, а затем скользит по земле на значительное расстояние; самый длинный бросок выигрывает игру. На Фиджи почти в каждой деревне есть площадка для игры в тика, на которой жители одной деревни с большим энтузиазмом соревнуются с жителями другой.

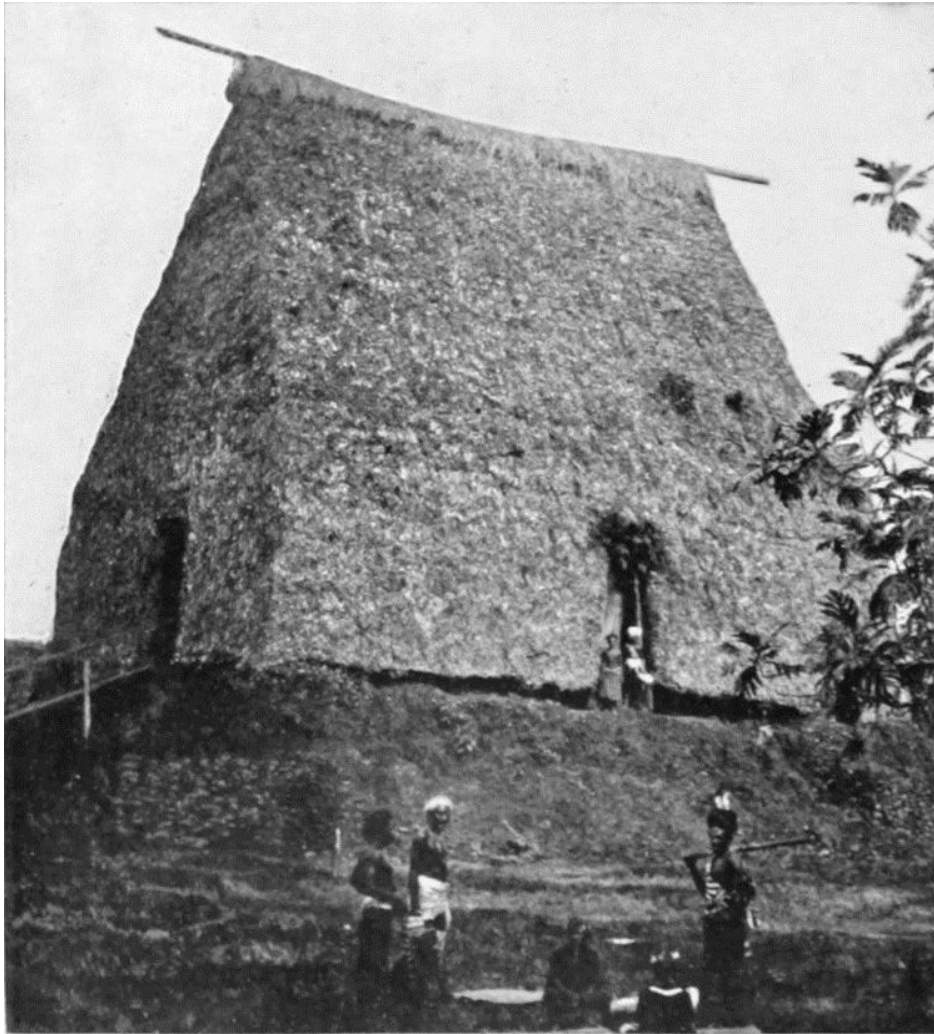

Фото: Muir & Moodie.

Рис. 51. Хижина вождя на Фиджи.

Через боковые ворота могут входить только высокопоставленные гости. Ни один обычный фиджиец не осмеливается обращаться к вождю иначе, как в позе, прижавшись к земле.

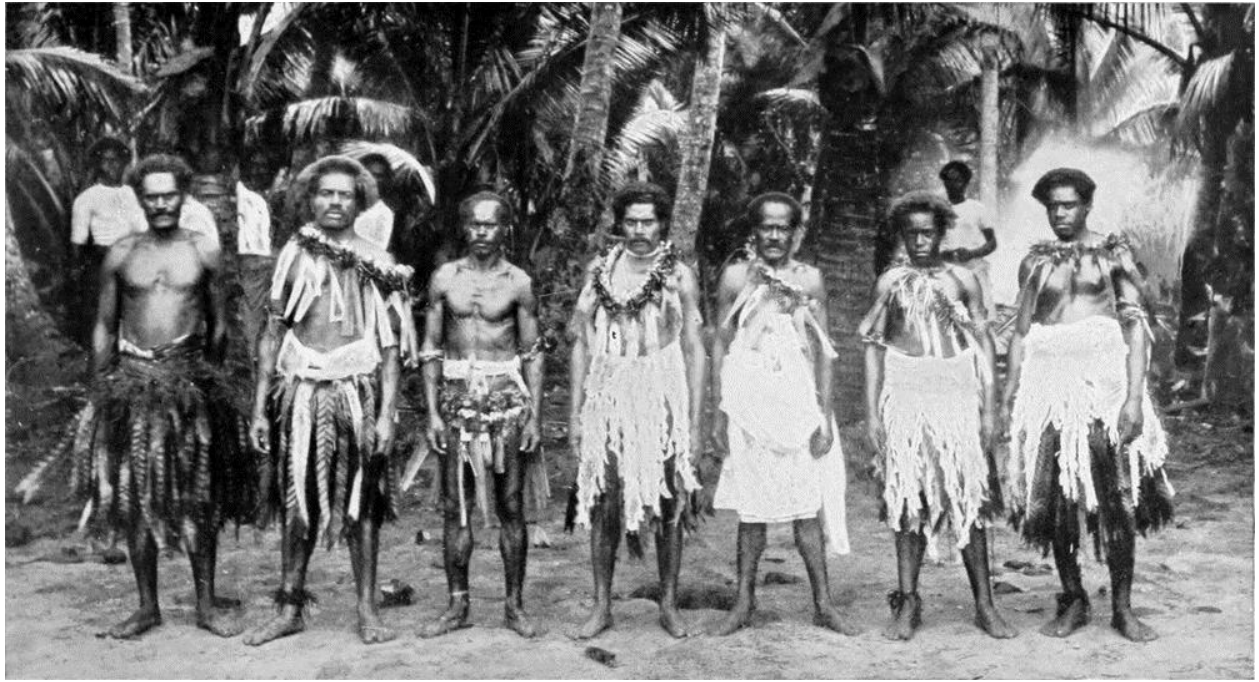

Фото: Muir & Moodie.

Илл. 52. Жители острова Фиджи в праздничных одеждах, сделанном из листьев и коры. У этих людей волосы коротко стрижены и зачесаны вверх.

Фотография Джозайи Мартина.

Рис. 53. Свадьба на Фиджи.

Три человека в центре — вождь Рева, принцесса Бау и великий вождь того же острова. Все они одеты в церемониальные одежды из многослойной коры, обернутой вокруг тела бесчисленное количество раз.

О семейной жизни сказать нечего, так как жители острова, по крайней мере по названию, исповедуют христианство; брак заключают власти или миссионеры. Самое важное из этого касается своеобразных родственных отношений между женихом и невестой. Согласно

обычаю, подходящей женой для мужчины является дочь его дяди по материнской линии или тети по отцовской линии; она уже рождается как его жена, и даже если он на самом деле не женится на ней, ее родственники относятся к нему так, как если бы она действительно была его женой. Если молодые люди вступают в другой брак, их общие дети считаются братьями и сестрами, которые не имеют права вступать в брак между собой. С другой стороны, мужчине ни при каких обстоятельствах не разрешается жениться на дочери своего дяди по отцовской линии или тети по материнской линии, так же как он не может жениться на своей сестре; ведь с точки зрения местных обычаев они действительно являются его сестрами. Отношения между мужчиной и его естественной женой, если это существо, которое ему предписывает обычай, можно назвать так, в прежние времена полигамии были настолько тесными, что мужчина мог не только взять одну из нескольких сестер, но и должен был взять всех; если он умирал, то его жены были обязаны стать женами его брата. Это старое представление настолько прочно укоренилось в народе, что в наши дни, несмотря на свободу выбора супруга, тридцать процентов браков заключаются между лицами, находящимися в упомянутом родстве. Помимо этого обычая, единственным сохранившимся элементом старых свадебных обычаев осталось только само торжество, которое отмечается с большой помпой, соответствующей рангу жениха и невесты. Если речь идет о вожде, то все проходит с большим размахом, и некоторые старые церемонии возрождаются. Так было на свадьбе вождя Рева с принцессой Бау. Главные герои были обернуты многослойными тканями из коры, как и подобает их рангу. Праздник и танцы длились несколько дней, и были съедены горы свинины и черепах. Население вложило в свадьбу много имущества в качестве подарков, но все это должно было быть возвращено или обменено на подарки более высокой стоимости. Также была проведена церемония очищения невесты от табу, наложенного на нее браком. На третий день к дому жениха привезли новую каноэ, невеста со свитой села в нее и была отнесена к реке (рис. 59). Каноэ спускали на воду и быстро гребли вниз по течению, а восхищенная толпа на берегу падала ниц. Таким образом, очищение было завершено. Свой вход в семейную жизнь невеста ознаменовала тем, что пошла на рыбалку со своим избранником.

Фото: Mansell & Co.

Рис. 54. Жительница острова Фиджи
в юбке из коры, с дубиной и веером.

Из: Крамер, Самоанские острова.

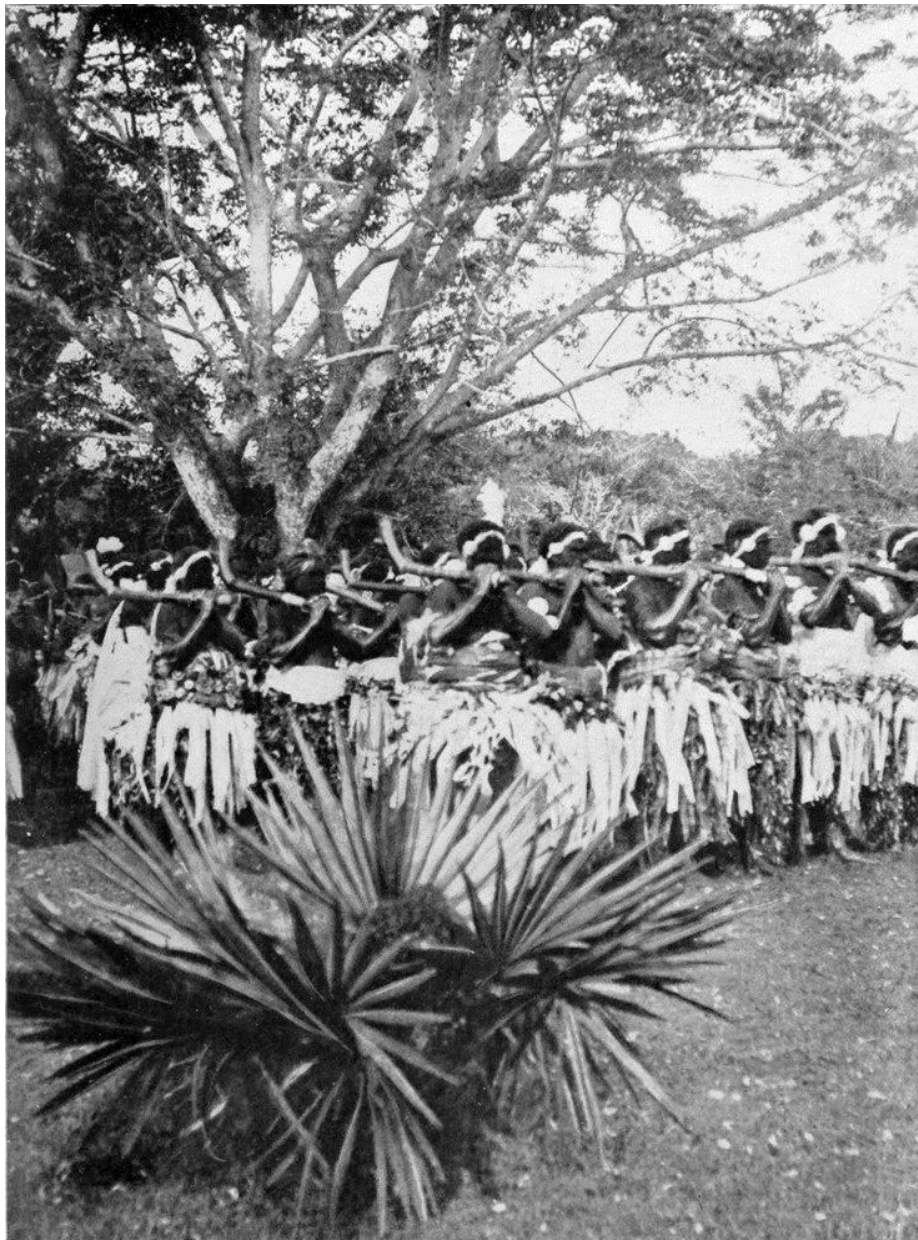
Илл. 55. Религиозная церемония обрезания на Фиджи.

Житель Фиджи находится в близких родственных отношениях с родом своей матери и может требовать все, что ему заблагорассудится, когда приезжает в их деревню. Однако только человек высокого ранга осмелится воспользоваться этим правом. Аналогичные права существуют между деревнями, жители которых считают себя потомками общего предка. Когда эти права реализуются, такой визит приводит к настоящему разрушению: все свиньи могут быть убиты, все плодоносящие деревья срублены и многое другое. Все, что остается бедным жертвам, — это надежда на компенсацию при подобном ответном визите.

Фотография Джозайи Мартина.

Илл. 56. Танец волн жителей острова Фиджи,
во время которого изображается разбивающаяся о риф прибойная волна.

Фотография: Underwood & Underwood.

Илл. 57. Военный танец жителей острова Фиджи с дубинками,
некогда их основным оружием.

Фото: Джозайя Мартин.

Рис. 58. Подготовка к праздничному застолью, где основным блюдом являются свинина.

Фото: Джозайя Мартин.

Рис. 59. Церемония очищения на Фиджи.

Раньше, через три дня после свадьбы, невеста, которая была высокого ранга, отправлялась на новой лодке по реке и гребли на ней небольшое расстояние, чтобы она была освобождена от табу, наложенного на нее в результате брака.

Несмотря на то, что фиджийцы по имени являются христианами, некоторые элементы их первоначальной религии, основой которой были культ предков и переселение душ, сохранились среди них до наших дней. Согласно этой вере, душа умершего должна была пройти через множество испытаний на своем пути на запад, к небу. Ей приходилось проходить через различные испытания, чтобы проверить, был ли умерший храбрым

человеком или трусом, и умер ли он насильственной смертью или нет, потому что только смелые и павшие в бою или задушенные могли пробиться к горе, которая означала для них рай. Ужасные чудовища поджидали путников, чтобы убить их камнями или топором, пронзить трубой и т. п. Если он был трусом, то его преследовали две женские демоницы с большими зубами, и он не мог перепрыгнуть через сеть, которую два других сверхъестественных существа натянули для теней. Если он умер не естественной смертью, то его могли отправить обратно на землю, чтобы он искупил свои грехи, но если он прошел все испытания, то достигал реки забвения, которая избавляла его от всей печали и боли разлуки с близкими. Во время своего путешествия Тень несколько раз имел возможность узнать, последует ли за ним его жена в смерть, как того требовал добрый обычай, покончив с собой на его похоронах, или нет. Нам очень понравилось представление о большом дереве, которое затеняло путь, по которому душа умершего шла в мир блаженства (), и на ветвях которого висели души маленьких детей, умерших раньше своих родителей и ждущих здесь своих отцов и матерей. Как только мать приближалась к такой душечке, она спускалась и шла с ней в мир блаженства. Все эти и подобные верования теперь ушли в прошлое; от них остались лишь некоторые незначительные суеверные представления и несколько церемоний, из которых, пожалуй, самой интересной является хождение по огню у одного из племен на острове Бека. Плоский ров шириной около тридцати футов поочередно засыпается слоем дерева и камней, а затем дерево поджигается; после того как оно горит около двенадцати часов, пепел убирается, а раскаленные камни рассыпаются. Двенадцать-четырнадцать мужчин выходят вперед и медленно ходят по камням и через ров; они остаются в нем в течение целой минуты (рис. 60, 61 и цветной художественный приложение). Когда эта процедура заканчивается, на еще горячие камни кладут листья и овощи и готовят пир, которым завершается праздник. Жареные свиньи являются основным компонентом таких пиршеств (рис. 58). Как убедился натуралист, который в 1904 году имел возможность наблюдать весь процесс, платок, который он положил на один из этих камней, сгорел за несколько секунд, а термометр, который он повесил над ямой, показал сто тридцать градусов по Цельсию. Наблюдатель Э. Г. Фостер () также осмотрел ноги и ступни участников церемонии до и после нее и установил, что они не были натерты никакими мазями; несмотря на сильную жару, даже волосы на ногах не были опалены. Этот трюк можно частично объяснить привычкой людей ходить по горячим камням на пляже.

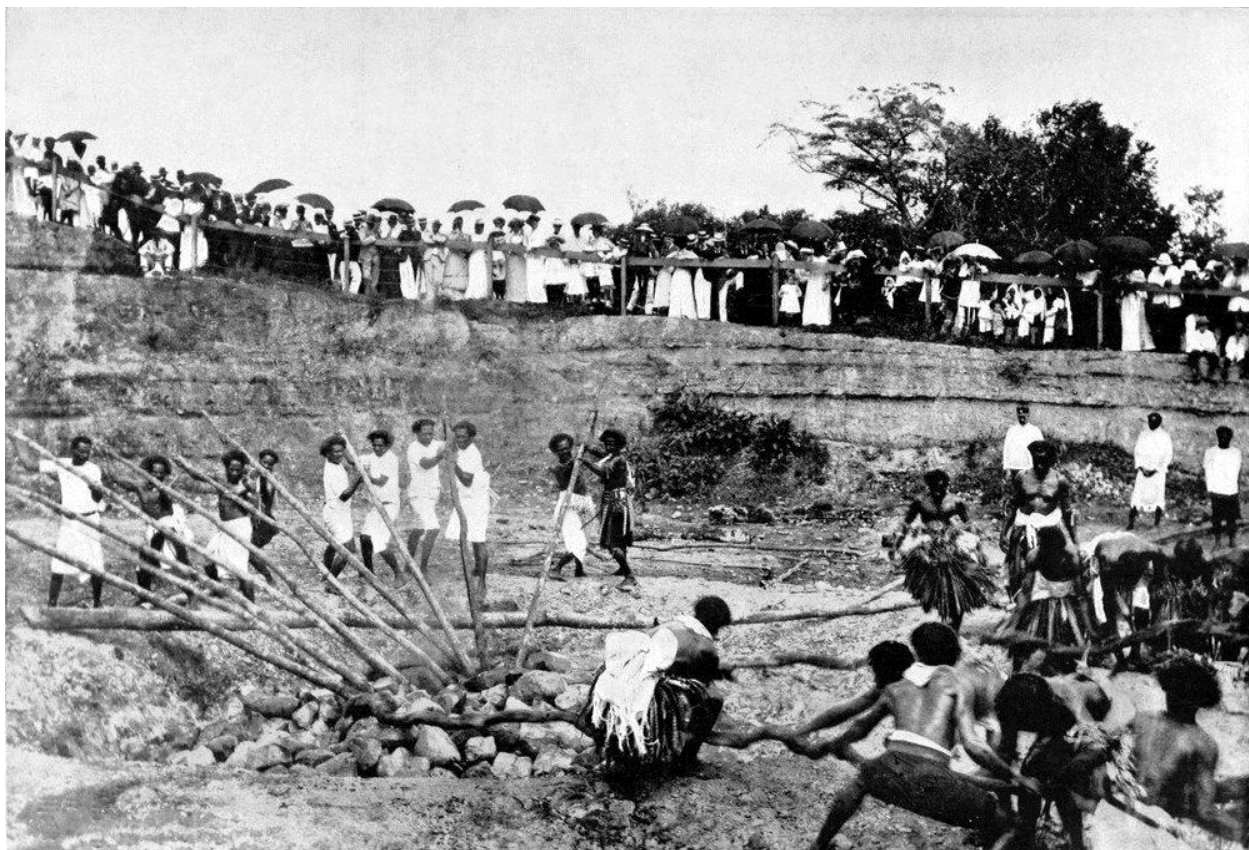

Фото: Джозайя Мартин.

Рис. 60. Церемония хождения по огню на острове Бека.

После того как огонь был убран, туземцы разравнивают раскаленные камни для хождения по огню.

Фотография Джозайи Мартина.

Рис. 61. Церемония хождения по огню на острове Бека.

Коренные жители, принадлежащие к определенному тайному обществу, стоят на раскаленных камнях.

Вера в колдовство до сих пор не исчезла у жителей островов Фиджи; они по-прежнему твердо верят в него, и бывает, что фиджиец, убедившись, что на него наложили проклятие и он умрет, спокойно ложится на свою циновку и ждет смерти, если только не знает, как избавиться от проклятия. Аналогичным образом, считается, что обладатель «каменной проказы» имеет силу наложить эту болезнь на любого человека.

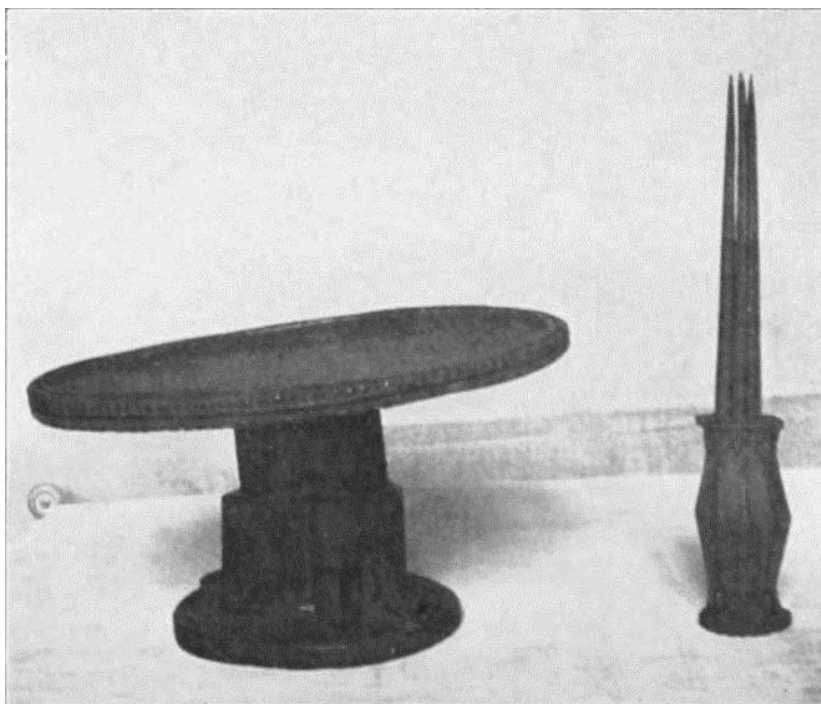

Фото. Музей этнографии, Берлин.

Илл. 62. Столовые приборы людоеда,
состоящие из деревянной тарелки и вилки.

В прошлом на Фиджи было распространено людоедство; человеческое мясо подавали на деревянных тарелках и нанизывали на деревянные вилки (рис. 62).

Могины в целом похожи на могилы в Полинезии.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Рис. 63. Танцоры дук-дук.

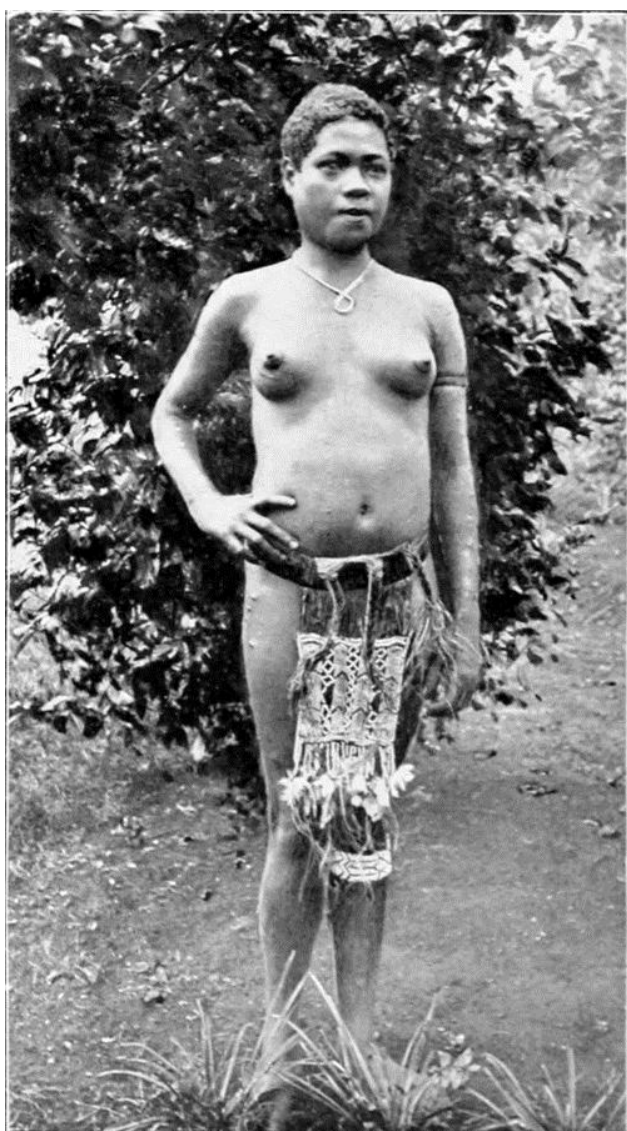
Мужчины дук-дук готовятся в закрытом помещении к посвящению юношей в тайны своего союза и их принятию в него посредством танца.

Меланезия.

Под Меланезией мы понимаем группу островов в Тихом океане, которые, как бы описывая дугу, простираются от Австралии в направлении с юго-востока на северо-запад. Эта территория начинается с уже рассмотренных Фиджийских островов, за которыми в указанном направлении следуют: Новая Каледония, Лоялти, Новые Гебриды, Банкс, Соломоновы острова; далее архипелаг Бисмарка и Адмиралтейские острова, которые являются немецкими колониями, и, наконец, Новая Гвинея, самый большой остров Океании, частично находящийся под немецким флагом. Хотя меланезийцы в физическом отношении значительно отличаются друг от друга, их общей чертой можно назвать темный цвет кожи, который дал название всему региону — Меланезия (= черные острова, то есть с черным населением); однако цвет не является собственно черным, а скорее глубоким коричневым с различными оттенками. Эта сильная окраска распространяется даже на слизистые оболочки, например, на конъюнктиву глаза, которая, особенно у пожилых людей, иногда имеет коричневатый оттенок. Меланезийцы (рис. 65) — довольно высокие люди, в среднем около 162 см, с коренастыми конечностями, удлинённым узким черепом и густыми черными вьющимися волосами. В наиболее западных частях, особенно в Новой Гвинее, сформировался особый тип — папуасы. Они, как правило, отличаются более высоким, стройным телосложением, более темным цветом кожи и длинным, выпуклым, иногда похожим на птичий клюв носом на узком лице.

Одежда меланезийцев в разных частях их ареала обитания очень различна. Во многих местах мужчины ходят просто голыми или носят, в лучшем случае, набедренную повязку или даже только набедренную повязку, которая продевается между ног и обвязывается

вокруг бедер. Одежда женщин в основном состоит из такого же полотна или юбки из листьев, волокон или травы (рис. 66 и 77), реже из набедренной повязки (рис. 89) или набедренной юбки (рис. 64). Лишь в немногих районах женщины по-прежнему ходят полностью обнаженными, особенно если они достигли брачного возраста. — Меланезийцы проявляют большую любовь к украшениям, что выражается не только в обильных украшениях тела, таких как перья в волосах (рис. 68), ожерелья и подвески из собачьих зубов, жемчуга, сушеных фруктов и т. п. (рис. 73 и 75), разнообразные серьги, носовые палочки, пояса, браслетах на запястьях, кольцах на ногах и лодыжках, которые изготавливаются из плетеных волокон, коры или ракушек, но и в настоящем украшении их орудий труда, инструментов и зданий резьбой и выжиганием реалистичных и условных фигур (людей, птиц, растений и т. п.). В художественном восприятии между различными племенами существуют большие различия; некоторые из них, которые в других отношениях относятся к числу самых примитивных, демонстрируют весьма значительные способности в области искусства.

Из: Pfeil, Исследования и наблюдения из Южных морей.

Илл. 64. Девушка с Адмиралтейских островов

в изящно сплетенном набедренном покрывале.

Татуировки распространены на большинстве островов; на некоторых татуировки делают как мужчинам, так и женщинам, на других — только последним (рис. 66, 67 и 72). Для обоих

полов это украшение просто считается признаком половой зрелости и готовности к браку, особенно для женщин, в других районах — знаком клана, в третьих — знаком чести для мужчин, которые отличились, например, убили врага, и т. д. Разрезы на теле и оставшиеся после них шрамы также являются распространенной формой украшения тела, а зачастую и особым признаком, обозначающим принадлежность к роду. Дикари из Лиуениуа, которые по происхождению ближе к полинезийцам, делают надрезы на кончиках носа (рис. 83). Прокалывание носа и ушей очень популярно среди обоих полов (рис. 69 и 70). В образовавшиеся отверстия позже вставляют самые разные предметы, такие как палочки, ракушки, цветы, трава и т. п. Отверстия в ушах расширяются путем введения в них все более крупных предметов (рис. 76) до такой степени, что, когда в них ничего нет, длинные свисающие лоскуты кожи почти доходят до плеч (рис. 80); но если в них вставлен большой диск, то они выглядят как очки, обрамленные узкой каймой (мясным ободком) (рис. 69). — На некоторых островах практикуется также деформация черепа. Так, на Новой Поморской Земле черепа детей прессуют, придавая им высокую, заостренную форму (рис. 84).

Из: «Колония и родина».

Рис. 65. Туземцы полуострова Газель.

Обращают на себя внимание дубинки, похожие на утренние звезды, и большие воротники — широкие конструкции в форме тарелок, сделанные из специально обработанных улиток *Nassaschnecken*, пришитых к тонким полоскам ротанга.

Фото. Рев. А. Х. Филлодеан.

Илл. 66. Девушка из Новой Гвинеи

с татуировками, нанесенными только на нижнюю часть тела и позже дополненными на верхней части тела. Когда все тело покрыто татуировками, оно почти теряет ощущение наготы. Обычная юбка из травы была укорочена, чтобы показать татуировку.

Из: Браун, Меланезийцы и полинезийцы.

Рис. 67. Девушка из племени коита (Новая Гвинея), готовая к замужеству

с татуировками, которые начинают наносить с пяти лет и продолжают каждый год. V-образный рисунок указывает на то, что девушка готова к браку.

Жилища меланезийцев бывают разных типов; можно встретить как совершенно примитивные хижины, похожие на ульи, так и довольно приличные, даже двухэтажные дома (рис. 71). В прибрежных районах, но не столько на открытом море, сколько в мелких водах защищенных бухт, дома стоят на сваях (рис. 74, 78 и 79) и образуют целые деревни. Причиной такого способа строительства, вероятно, является защита от вражеских нападений со стороны людей и диких животных, а также от наводнений. Однако пребывание внутри этих домов в основном ограничивается ночью, так как днем жизнь протекает либо на крытой платформе, пристроенной к фронтому, либо на открытом месте перед домом. Внутреннее убранство домов очень примитивно. Разделение всего внутреннего пространства стенами (матами) происходит редко, скорее все члены семьи живут вместе со свиньями, собаками и другими животными в этом единственном помещении. В качестве места отдыха им служит голый пол. На Новой Гвинее многие племена используют красиво вырезанные скамейки для отдыха головы или, точнее, подголовники, чтобы сохранить свои искусные прически. — Своеобразным вариантом жилища являются дома на деревьях, которые, вероятно, возникли по той же причине, что и дома на сваях. В них поднимаются по веревочным лестницам и проводят только ночь, а днем для проживания используют землю у подножия дерева (рис. 86 и 92).

Типичным явлением Меланезии являются так называемые дома холостяков и собраний, в основном величественные, богато украшенные резьбой здания, в которых мужчины-жители деревни проводят ночь, проводят общественные собрания, хранят щиты и маски, а также большие барабаны.

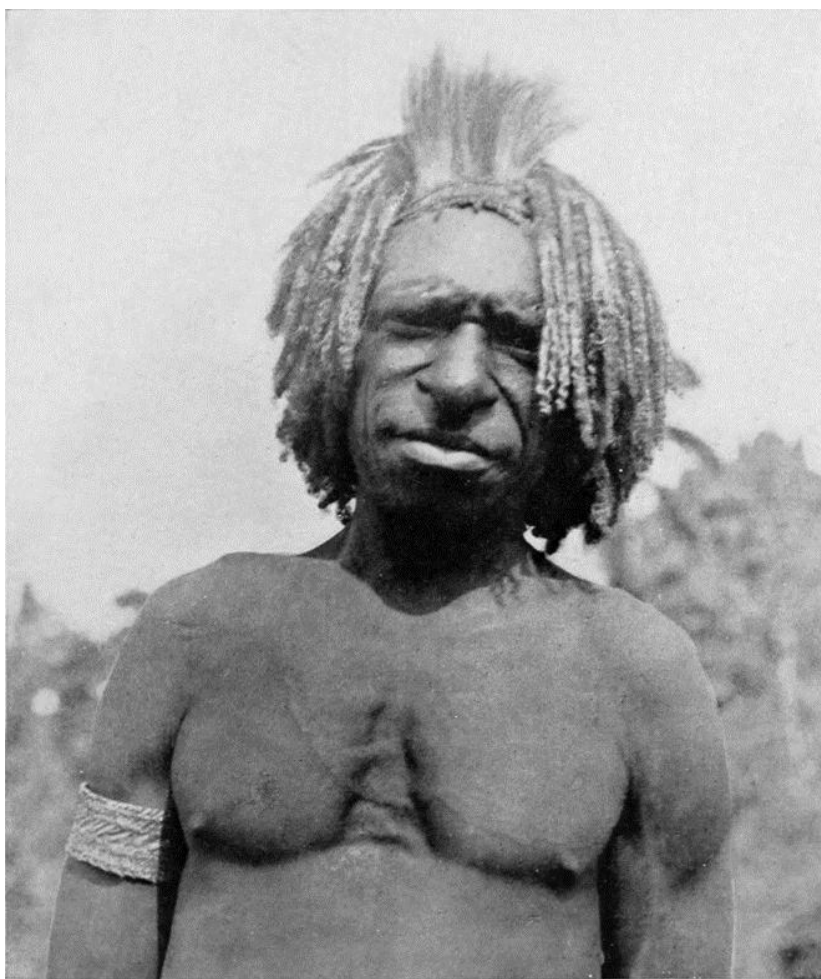

Фото Г. Ландманн.

Рис. 68. Прическа папуаса из устья реки Флай.

В основном для танцев, но часто и в повседневной жизни, туземцы этой местности скручивают свои длинные вьющиеся волосы пальцами, смазанными кокосовым маслом, как штопором, иногда для этого они используют белую грязь. Лоб украшают пучком перьев казуара или райской птицы.

Питание меланезийцев состоит из урожая их примитивного земледелия, корней ямса и таро, кокосов, бананов и плодов хлебного дерева, а также мяса рыб, кур, свиней и собак. Охота, из-за скудности дичи, ведется в небольших масштабах, зато широко распространена рыбалка с помощью копьев и сетей (рис. 81 и 82). Продуктами роскоши являются бетель и табак. Раньше на большей части Меланезии было очень распространено людоедство (каннибализм) (рис. 87), но благодаря европейскому влиянию он был практически полностью искоренен, только в отдельных местах, куда это влияние еще не проникло, этот дурной обычай, по-видимому, еще продолжает существовать в тайне. Причины, побуждающие к каннибализму, часто носят суеверный характер; люди надеются, что, съев своего собрата, они приобретут его хорошие качества, в частности, его мужество. Иногда к этому приводят месть и ненависть, но редко обычная жажда мяса. Согласно описаниям исследователя Лориа о нравах тогдашних жителей Логее, острова, расположенного к юго-западу от Новой Гвинеи, тело убитого врага заворачивали в сухие кокосовые листья, подвешивали веревкой к дереву над костром и жарили. Как только веревка перегорала и труп падал на землю (), все участники с громким радостным воплем набрасывались на полуобугленное тело и ножом отрезали от него кусок за куском. В других районах свежий труп перед обжариванием надлежащим образом разрезали на куски, после чего отдельные части заворачивали в листья и обжаривали на огне. Обычно сначала ели мозг, затем бедра и,

наконец, остальную часть тела. Отдельные племена, например тугери, позже носили остатки еды, такие как кости, в качестве украшений на теле. Часто женщины, которые готовили всю эту трапезу, не имели права участвовать в ней, а должны были довольствоваться облизыванием пропитанных соком листьев.

Своеобразной формой каннибализма является охота за головами, недоброжелательная традиция, которой до сих пор следуют жители северных районов Новой Гвинеи. Причины этого явления носят религиозный характер: добытый череп является жертвой, например, за счастливое завершение строительства дома или каноэ. Или же в основе лежит тщеславие молодого человека, желание найти признание и благосклонность в глазах своей возлюбленной, ведь чем больше черепов он добывает, тем выше его авторитет среди охотников за головами. Поэтому жертвы чаще всего подвергаются нападению по совершенно незначительному поводу или застывают врасплох; добытый череп отделяется от туловища, уносится в деревню и выставляется перед домом на шесте или копье.

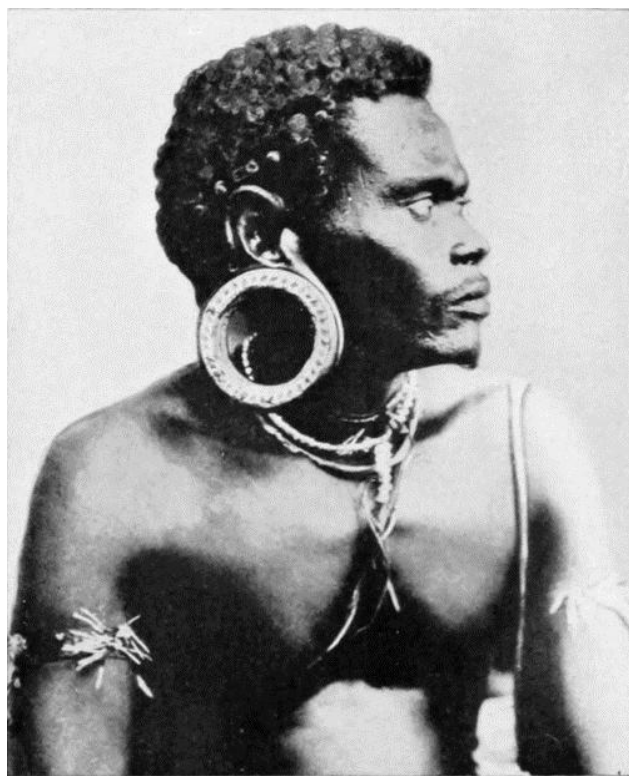
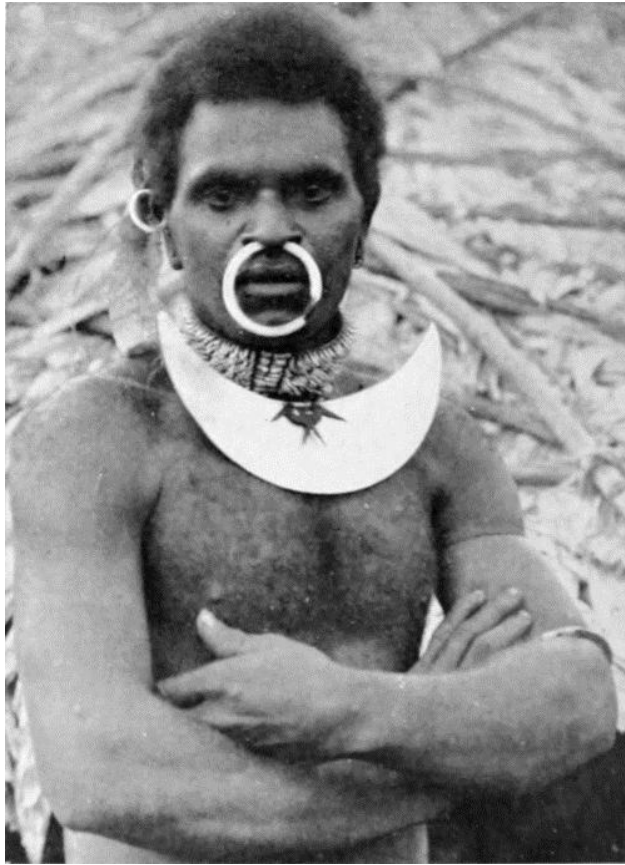

Фото С. М. Вудфорд.

Рис. 69. Изуродованное ухо жителя острова Соломона с вставленным кольцом из жемчужной раковины.

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Рис. 70. Туземец с острова Малайла с украшениями на носу и ушах.

Ожерелье состоит из зубов кускуса, продетых в корневой части и прикрепленных один за другим к тонким ниткам. Кольцо в носу, украшения в ушах и на груди изготовлены из ракушки *Tricadna*.

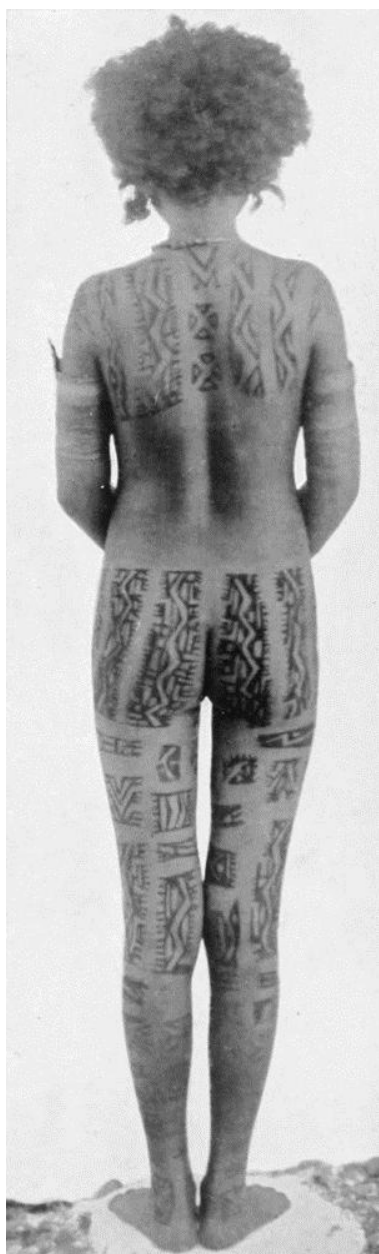

Из «Колония и родина».

Илл. 71. Деревня коренных жителей в Ноймекленбурге.

Очень многочисленны церемонии меланезийцев, связанные с вступлением в различные этапы жизни. Еще до рождения ребенок является предметом суеверной заботы и страха. Во время беременности будущая мать должна соблюдать некоторые правила и проводить определенные церемонии, чтобы защитить плод от влияния злых духов или предотвратить уродства, а также облегчить роды. Так, на Новой Потегнии деревенский колдун изготавливает для женщин, которые впервые ждут ребенка, или для тех, кто перенес выкидыш, амулет из зубов животных, ракушек и ротанговых волокон, символизирующий женские части тела, который носится на груди или спине (рис. 88). — Часто мы сталкиваемся с определенными запретами на употребление пищи; так, беременные женщины моту-моту (Британская Новая Гвинея) не могут есть таро, ямс и сладкий картофель, беременные из других районов () не могут употреблять острую пищу, а женщины куни (Британская Новая Гвинея) не могут есть змей, игуан и т. п. Будущие матери верят, что в противном случае эти животные могут закрепиться в их теле и помешать родам и т. д. В различных племенах беременные женщины должны на некоторое время перед родами изолироваться от внешнего мира, чаще всего в специально построенной для этой цели маленькой хижине, в которую не допускаются мужчины, за исключением собственного мужа, который может навещать их только изредка. Питание изолированных женщин обеспечивают другие женщины, которые также помогают им в трудную минуту. — Если кто-то на острове Андей (северное побережье Новой Гвинеи) проходит мимо такой хижины, он не должен возвращаться тем же путем, иначе сады будут разорены свиньями. Тот, кто встречает мать с грудным ребенком, должен отвернуться от нее, чтобы не заболеть. В

архипелаге Бисмарка беременная женщина незадолго до родов идет на морской берег и бросается с камнем в бурные волны. Если волны поднимают ее, она должна снова погрузиться в воду; она надеется, что это облегчит роды и поспособствует благополучию ребенка. — Мужчина также берет на себя определенные обязанности во время беременности жены. Мужчины моту-моту в это время должны отказаться от употребления в пищу крокодильего мяса и рыбы, а папуа из Земли кайзера Вильгельма — от жевания бетеля и курения табака. Даже мужские занятия должны быть прекращены, так что мужья папуасов из Земли императора Вильгельма не могут выходить в море, потому что там они могут утонуть, а также не могут ловить рыбу, потому что это не стоит того, и вообще мужчины-жители деревни не могут покидать деревню, потому что в противном случае плантации не будут процветать и т. д.

Фотография Джорджа Брауна.

Илл. 72.

Татуированная девушка коита из Новой Гвинеи
в профиль.

На островах пролива Торреса мужчина, чья жена находится в родах и испытывает сильные боли, иногда идет к морю и постоянно погружается в него, возможно, в течение нескольких часов, пока не родится ребенок, веря в суеверие, что этот процесс приносит облегчение матери. Если роды затягиваются, колдун берет какой-нибудь священный предмет () и бросает его в воду, чтобы ребенок родился, или мужчина стоит в море до тех пор, пока у него не замерзнут ноги, надеясь таким образом добиться того же результата. У моту-моту, если родовые муки женщины очень сильные, мужчина обычно садится рядом с ней и снимает свои браслеты, что должно облегчить боль. После родов он снова надевает их.

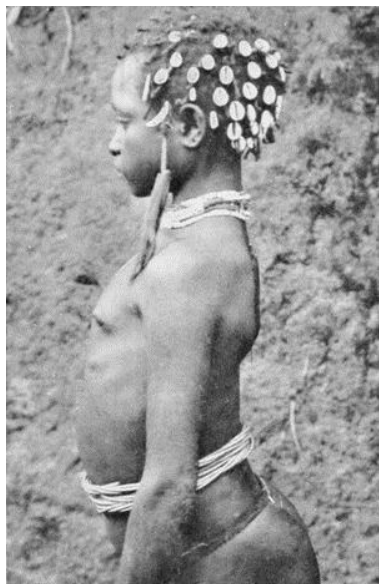

Фото Р. В. Уильямсон.

Илл. 73. Девочка мафулу.

Пояс, сплетенный из тростниковых палочек, в период нехватки пищи или поста затягивают сильнее, чтобы ослабить чувство голода.

Рис. 74. Дома на сваях туземцев Новой Гвинеи.

Пуповина, как это обычно принято, отрезается. Папуасы из Земли императора Вильгельма хранят ее до тех пор, пока ребенок не начнет ходить, поскольку боятся, что ее могут использовать не по назначению и тем самым навредить ребенку; по истечении этого времени их страх проходит, и остатки пуповины выбрасываются. В Голландской Новой Гвинее, когда отпадает пуповина, устраивают праздник, похожий на праздник рождения. В Доре раньше существовал обычай вешать пуповину на дерево, когда ожидалось возвращение отца из долгого путешествия, чтобы он сразу мог увидеть, жив ли ребенок, родившийся за это время, или уже умер; если пуповина висела на сухой ветке, то ребенок был мертв. — На рисунке 85 показана колыбель, обычная для Новой Каледонии.

Отголоски мужского родов (Couvade), то есть лежания отца в постели как больного, и связанные с этим обычаи встречаются в отдельных случаях, например, на Соломоновых островах. Напротив, во всей Меланезии существует обычай, согласно которому отец как до, так и после родов, причем после родов в более широком объеме, чем его жена, должен в течение некоторого времени подчиняться определенным запретам. Во многих случаях он должен воздерживаться от пищи, которая может нанести вред ребенку. На Новых Гебридах и других островах он иногда должен воздерживаться от подъема тяжестей, лазания по деревьям, выполнения какой-либо тяжелой работы или выхода в море, все из-за страха, что это может нанести вред ребенку. В Британской Новой Гвинее отец должен в течение длительного времени жить в доме собраний, в Суау ему даже запрещено общаться с семьей; он видит жену и ребенка только по истечении определенного времени, в течение которого он также должен поститься. У монумбопауа (Немецкая Новая Гвинея) он должен соблюдать и другие правила: он может зажигать табак только у огня в своем собственном доме, никогда у чужого, и готовить только на том огне, поэтому никогда не должен позволять ему погаснуть; он не может есть ничего жареного, а также мясо деревенской свиньи, любую рыбу и все блюда, которые принадлежали недавно умершему человеку. — Для молодой матери такие табу существуют только в ограниченной степени. Так, в течение определенного времени она должна держать табак не пальцами, как обычно, а расколотой палочкой. На Андей она не должна подниматься по лестнице в дом при возможном визите своего мужа, что, однако, не приветствуется, а должна подниматься по балке, имеющей лишь несколько очень плоских выемок, в противном случае она принесет несчастье жильцам дома.

Фото Ф. Клаузер.

Илл. 75. Женщина мафулу в праздничном наряде, который заключается в тщательном украшении волос жемчугом и собачьими зубами, ожерельях из ракушек и зубов, а также свиных хвостах, свисающих с плеч в качестве украшения.

Часто мы сталкиваемся с половым воздержанием в течение определенного времени, которое должны соблюдать не только женщины, но и мужчины. У народа монумбо этот обычай требует воздержания до тех пор, пока ребенок не научится ходить, и это касается не только собственной жены, но и других женщин.

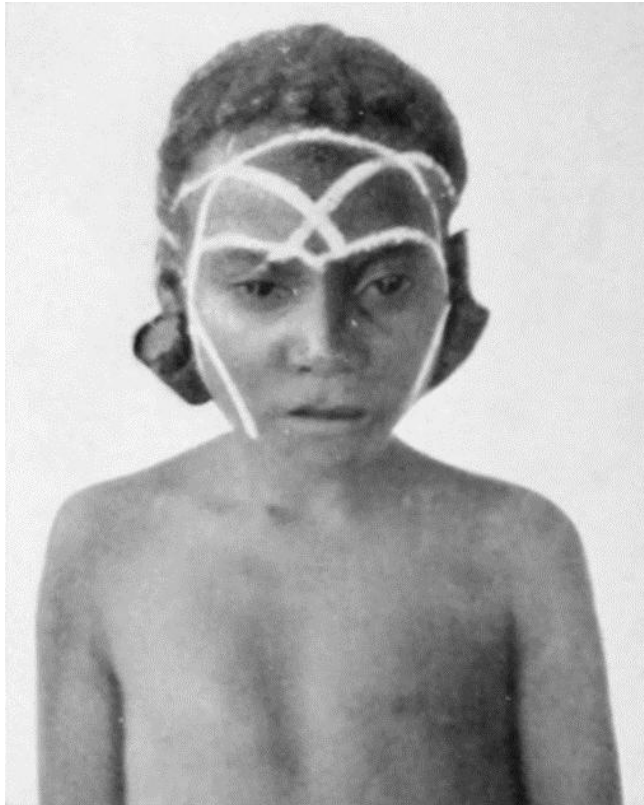

Фото С. М. Вудфорд.

Рис. 76. Расширение проколов в ушах

с помощью колышков, которые постепенно становятся все толще.

В целом, в Меланезии при рождении ребенка не уделяют особого внимания церемониям, однако время от времени такие церемонии все же встречаются; чаще всего они ограничиваются только первыми детьми, а иногда и только детьми вождей. На Новом Мекленбурге рождение первенца дает повод для имитации сражения между мужчинами и женщинами, причем первые вооружены палками, а вторые — камнями и другими метательными снарядами, после чего следует пир. В горных районах внутренней части Новой Гвинеи такое нападение совершается только женщинами, например, у куни — на дом роженицы и мужской клуб, у мафулу — на дом вождя и также на деревенский клуб; женщины, одетые в полное танцевальное убранство, должны с такой силой бросать свои копья и дубинки в эти дома, что они нередко проникают внутрь через крышу. После этих нападений всегда устраивается длительный праздничный банкет. На Земле императора Вильгельма папуаски собираются вместе при рождении первенца, гоняют мужчин-родственников ребенка или бросают в них предметы; церемония и здесь заканчивается пиром, в котором у народа моту-моту могут участвовать только «старушки». В других местах, например у народа роро, рождение первого ребенка отмечается танцем, для которого люди наряжаются в роскошные украшения (рис. 90). Своеобразным образом новорожденных детей женщины мекео носят в сетке, поддерживаемой головой и свисающей вперед (рис. 93).

Фото: Mansell & Co.

Рис. 77. Девушка с Соломоновых островов
в полном наряде, с окрашенными в красный цвет волосами.

Однако более многочисленны обычаи, которые соблюдаются в узком кругу. В одном из районов юго-восточной Новой Гвинеи молодая мать поднимает своего ребенка в первую полнолуние после рождения и показывает его луне, чтобы он быстро рос и скоро научился говорить. На одном из Новых Гебридских островов отец примерно через десять дней после рождения ребенка идет на пляж и по дороге разбрасывает маленькие игрушечные луки, если новорожденный — мальчик, или кусочки волокон пандануса, если это девочка; с первым связано желание, чтобы мальчик стал сильным лучником, со вторым — чтобы девочка в будущем всегда помнила о своем долге плести циновки, то есть быть хозяйкой. На другом острове родственники отца приносят матери еду и циновки, кладут их вместе с веревками, которыми привязывают свиней, на голову ребенка, что отец принимает как знак того, что в случае необходимости они помогут его ребенку и будут готовы его прокормить (). — В Земле императора Вильгельма молодая мать при первом выходе с ребенком кладет на дорогу дерево и пучки травы, чтобы духи не могли ему навредить; если ей приходится переходить через воду, члены семьи по той же причине бросают в нее камни, чтобы духи занялись ими, а не ребенком. — На полуострове Газель женщина проводит новорожденного через дым костра со словами: «Выдергивай бороду и скрежещи зубами, украшай шею и носи

боевой дубинку, когда идешь через кусты», если это мальчик, или «ухаживай за посадками, рожай детей, обрезай лианы для нанизывания ракушечного денег, приноси зерно и ходи на рынок», если это девочка. При этом колдун протягивает руку в дым, берет между пальцами немного пепла и касается им глаз, ушей, висков, носа и рта ребенка, чтобы таким образом придать ему силу против злых духов. — В центральной части Новой Померании мужчины деревни собираются в клубе, каждый с веткой дерева в руках. Они отламывают несколько веток с молодыми побегами и держат их в руках, пока сжигают остальные листья. Затем один из них произносит заклинание над кусочком имбиря, который затем раздают остальным. Мужчины жуют имбирь, выплевывают его на ветки и держат их в дыму. Как ни странно, этот ритуал должен приносить пользу не столько ребенку, сколько участникам, поскольку они верят, что, если они не будут соблюдать эту церемонию при рождении ребенка, они сами станут трусами на войне, а их оружие утратит свою силу. Женщина из племени киривина на юго-востоке Новой Гвинеи после родов некоторое время носит длинное травяное платье вместо обычного короткого травяного юбки (рис. 91).

Фотография Р. В. Уильямсона.

Илл. 78. Клубный дом мекео.

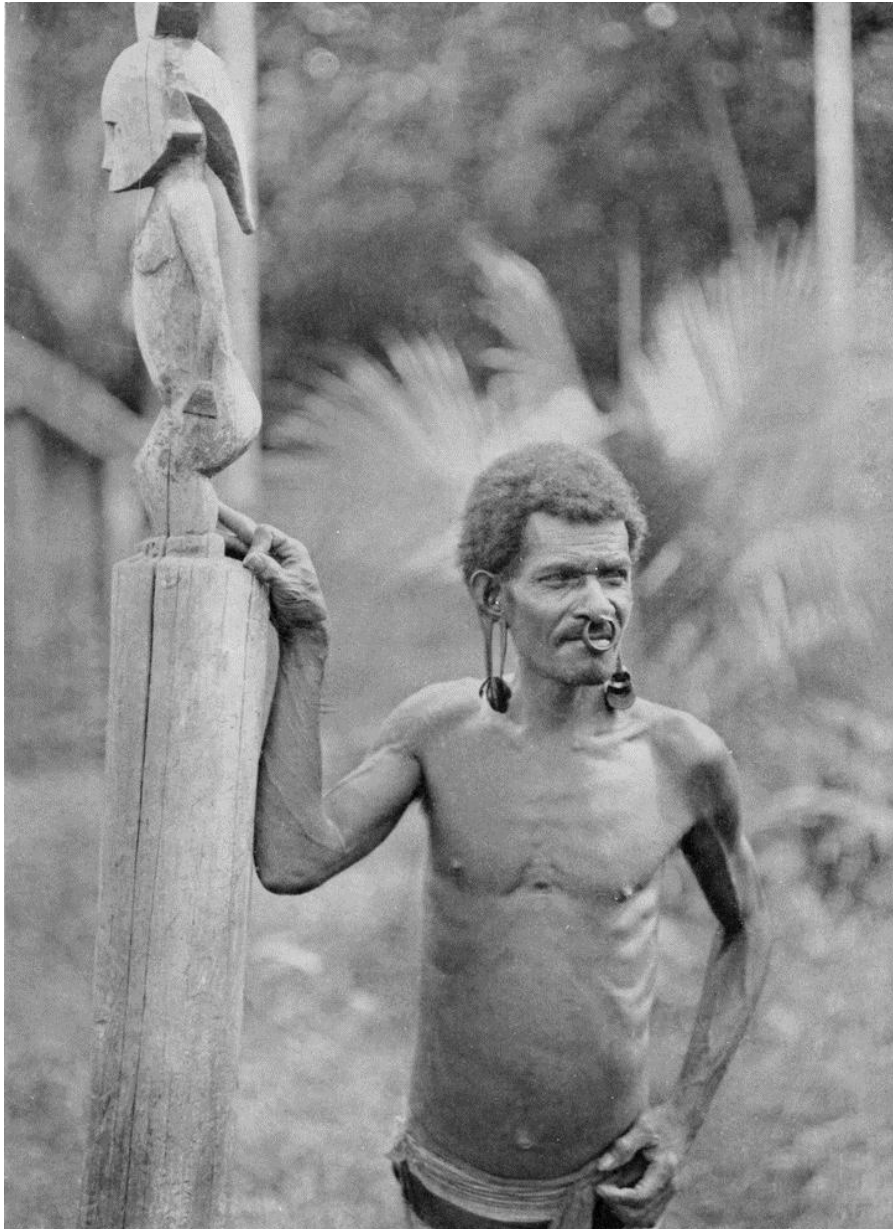
Подобные дома широко распространены в Меланезии. Они служат местом сбора мужчин, в них живут холостяки, а гости из других деревень находят там гостеприимный прием.

Фотография Р. В. Уильямсона.

Рис. 79. Клубный дом семьи мекео.

В этой местности группы родственных семей часто имеют свои собственные клубные дома, которые строятся на значительной высоте над землей и имеют платформы.

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Рис. 80. Деформация ушей у жителя острова Соломона.

Детоубийство — это обычай, распространенный почти по всей Меланезии. Если незамужняя девушка () рождает ребенка, она чаще всего убивает его, потому что, хотя сексуальная мораль почти на всех островах Меланезии довольно свободна, а во многих случаях вообще отсутствует, внебрачные дети очень нежелательны; во многих случаях рождение ребенка до брака считается позором и наказывается даже смертной казнью. Насколько распространенным явлением является аборт в Меланезии, следует из сообщения Паркинсона о том, что на острове Новый Мекленбург девушки в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет совершенно не скрывали, что они уже три-четыре раза делали аборт. Методы в целом такие же, как мы уже упоминали в других местах. У племени джабимов (Финч-Харбор) матери дают своим дочерям такие средства при вступлении в брак, чтобы те могли предотвратить появление большого количества детей и таким образом не увядать преждевременно.

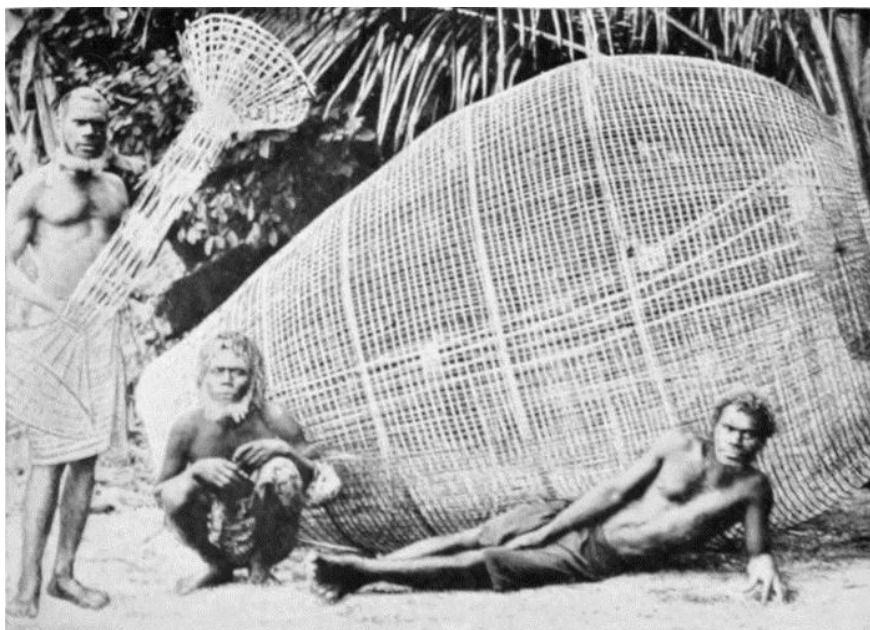

Фотография J. W. Beattie, Хобарт.

Рис. 81. Жители острова Соломона ловят рыбу с помощью копья.

Использование трезубцев для ловли рыбы широко распространено в Меланезии. Зубцы обычно изготавливаются из твердой бамбуковой трубки.

Существует множество причин, по которым убивают даже детей, рожденных в браке. Либо родители больше не хотят пополнения в семье, потому что воспитание детей требует от них усилий, забот и затрат, либо они хотели ребенка другого пола, либо они приводят другие причины, которые нам кажутся совершенно странными. Например, одна женщина из племени куни объяснила убийство своего новорожденного ребенка тем, что, избавившись от него, она хотела освободить себя, чтобы кормить поросенка. У мафулу существует обычай, согласно которому женщина, прежде чем родить ребенка, должна подарить деревне свинью для праздничного застолья; если она не может этого сделать и рождает, не выполнив эту обязанность, она скрывает рождение ребенка и избавляется от него.

Илл. 82. Рыболовные сети туземцев Новой Потегнии.

Эти странные рыболовные сети закрепляются в воде. В качестве якоря служит корзина, наполненная камнями.

Суеверные представления этого народа также требуют смерти новорожденного. Мать идет со своим младенцем к реке и дает ему попить из нее; если ребенок пьет (), мать оставляет его в живых, если нет, то это считается знаком того, что ребенок все равно скоро умрет, и она без колебаний бросает его в реку.

Рождение близнецов не везде воспринимается одинаково. В некоторых регионах ими гордятся, в других они считаются позором. Соседи часто с презрением сравнивают рождение близнецов с рождением поросят или щенков или подозревают мать в супружеской неверности — они руководствуются суеверием, что у близнецов должны быть разные отцы, — а также в нарушении клятвы или табу, за что они и наказываются таким образом. Везде, где близнецы не приветствуются, принято убивать либо обоих, либо хотя бы одного из них. В этом случае обычно преобладают взгляды, подобные тем, с которыми мы уже познакомились у полинезийцев.

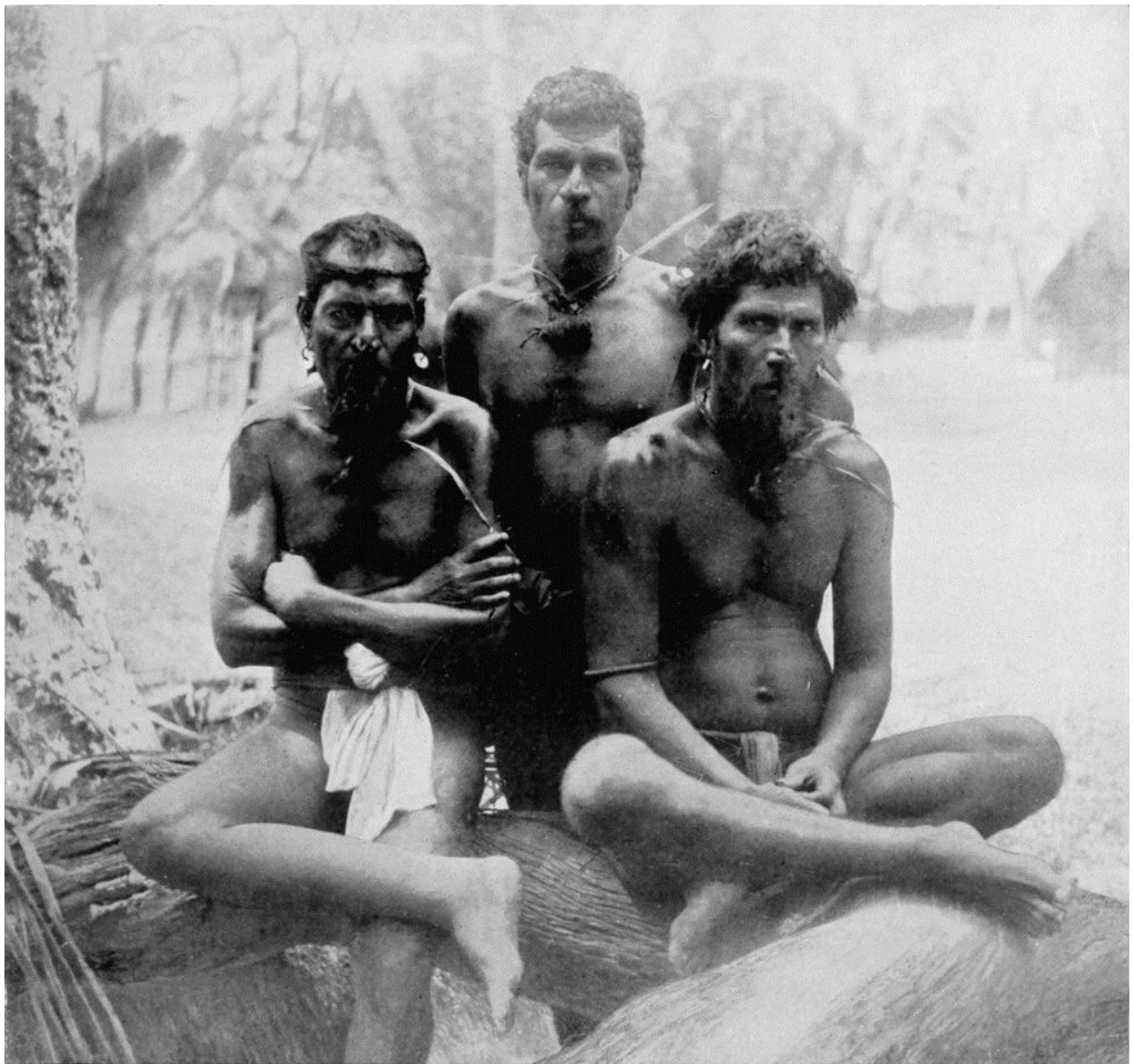

Фото Г. Браун.

Рис. 83. Туземцы из Линениуа с надрезанными кончиками носа.

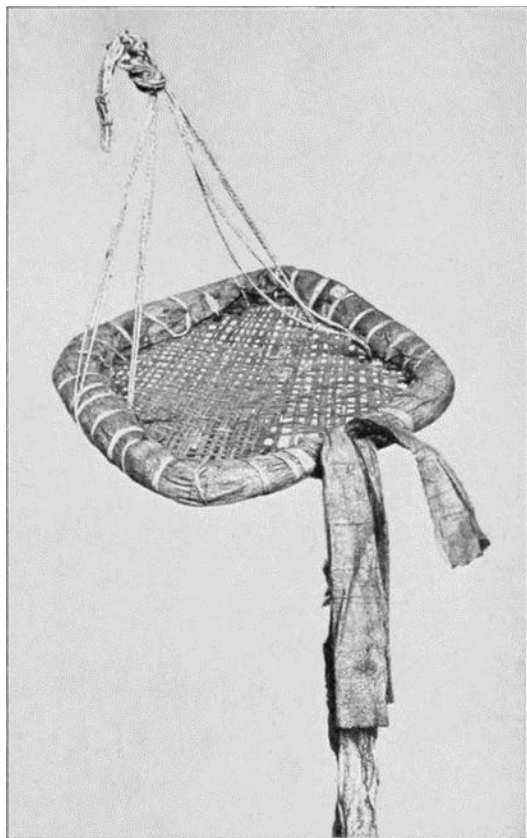

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 84. Уродство головы в Новой Поморской.

Многочисленные обычаи связаны также с важнейшими моментами в жизни подрастающего поколения. В глубине Новой Померании первое одевание первенца является поводом для праздничного застолья. Ребенку бреют волосы на голове так, что остается только корона волос; его нарядно одевают и выставляют на обозрение участникам праздника. Если это мальчик, он остается без одежды до тех пор, пока близкий родственник не принесет ему набедренную повязку, не потеряет ей его бедра, не произнесет заклинание и, наконец, не закрепит повязку на теле; после этого происходит танец в масках, и мальчик посвящается в определенные тайны, которые он не имеет права раскрывать. В знак наказания за нарушение запрета на его глазах избивают мужчину. Мальчика также бьют по ногам, чтобы он быстро бегал, и по рту, чтобы он смело говорил. У народов роро и мекео (Новая Гвинея) после того, как родственники по материнской линии съедают свинью, подаренную отцом, мальчика отправляют в дом его дяди, который в отсутствие родственников по отцовской линии, которым запрещено присутствовать при этом, надевает на него набедренную повязку. Во всех этих и подобных церемониях главную роль играют родственники матери мальчика по мужской линии, в то время как деятельность отца в основном ограничивается угощением и дарением подарков гостям. Эта особенность связана с представлением о происхождении по материнской линии, которое соответствует естественному представлению о кровном родстве и до сих пор широко распространено в Меланезии. Согласно этому представлению, ребенок принадлежит к роду своей матери и находится в более близком родстве с ее родственниками, чем с родственниками отца, поскольку в условиях первоначального всеобщего смешения никогда нельзя было знать, кто был настоящим отцом. Поэтому во многих местах родственники матери в большей степени ответственны за воспитание ребенка, чем собственно члены семьи в нашем понимании. Подобные церемонии при надевании первой одежды встречаются в разных местах. У мафулу, которые связывают с этим большое пиршество (рис. 94), существует еще своеобразная церемония, выполнение которой дает мальчику право войти в клубную комнату деревни и жить там. Торжественно украшенный ребенок должен встать на забитую

свинью, после чего его немедленно забирает туземец, принесший свинью, и в спешке несет к клубу на другом конце деревни, на платформе которого сидят два ряда мужчин; Мальчик переходит из рук в руки, а затем возвращается тому, кто его принес, который спешит с ним к клубу на другом конце деревни, где с ребенком проделывают то же самое. В конце концов мужчина возвращает его родителям.

Илл. 85. Детская колыбель из Новой Каледонии.

Фото: Underwood & Underwood.

Илл. 86. Деревянный дом на дереве в Меланезии.

Во время войн эти дома часто используются в качестве крепостей и убежищ. Кроме того, они служат для хранения всевозможного военного снаряжения.

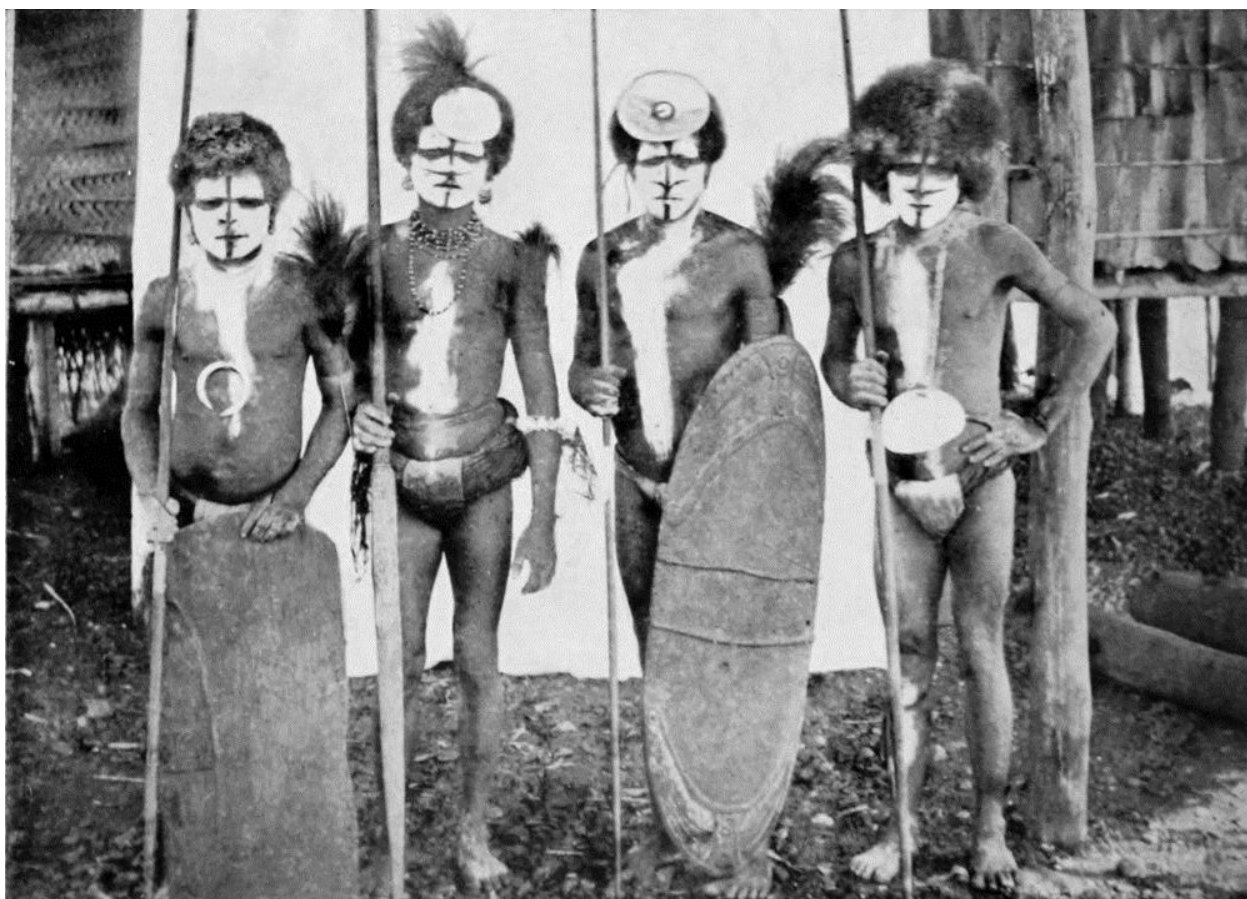
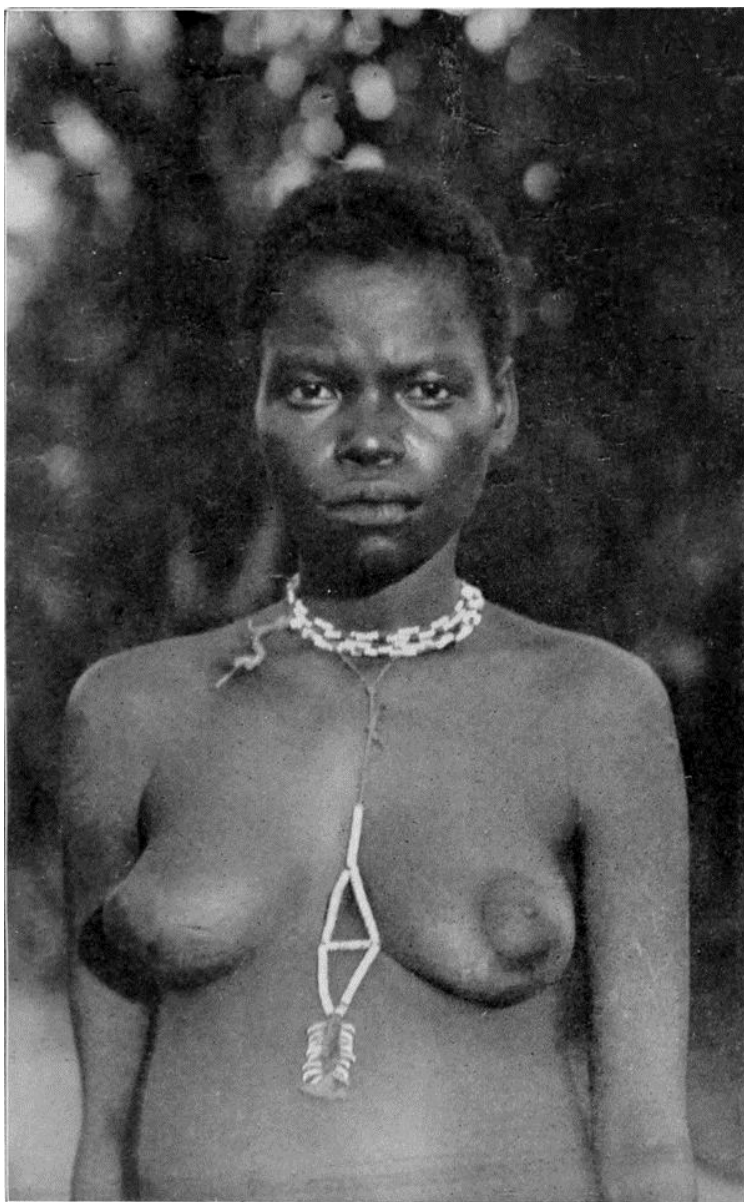

Фото: Х. О. Форбс.

Рис. 87. Молодые люди из Рурепо, острова у берегов Новой Гвинеи, наряженные для танца, который был исполнен во время пира с человеческим мясом. Каждый из танцоров нес шест, на конце которого висел кусок человеческого черепа.

Когда мальчики приближаются к зрелости (пубертату), их знакомят с обычаями и традициями племени, а также с его возможными тайнами. При этом чаще всего требуется, чтобы мальчики провели некоторое время в уединенной хижине, построенной специально для этой цели, где их избегают другие члены племени, и обычно перед и во время посвящения, которое сопровождается все большим ограничением свободы (), они должны терпеть ряд неудобств. На островах анахоретов мальчики, подлежащие посвящению, размещаются в специальном доме вдали от деревни и передаются на попечение старика; они могут употреблять только особую пищу, приготовленную в деревне, не могут мочить волосы соленой водой, ловить рыбу, смотреть на женщин и, когда появляется их отец, смотреть ему в глаза. Во время этого уединения их знакомят с обычаями и традициями своего племени, а затем они возвращаются в свои дома, причем каждый из них несет на голове мощную деревянную конструкцию в форме сердца. С этого момента им разрешается жевать бетель. Праздник заканчивается пиром. В некоторых районах Новой Померании существует обычай, согласно которому, когда пир достигает своего апогея, мужчины набрасываются на мальчиков, быстро хватают их сзади и связывают им руки. Это может стать опасной атакой для этих мужчин, потому что мальчики могут защищаться и нападать на нападавших с копьями. Кроме того, мальчики, которые освободились, обязаны сражаться с тем, кто хотел их поймать. Пока мальчики удерживаются (), к ним подходит вождь или родственник с рулоном ракушечного денег и бросает его им на голову и плечи, после чего они должны прекратить сопротивление. Каждый мальчик, который был пойман, должен уйти в кусты, где для него была построена специальная хижина, и оставаться в ней шесть

месяцев. В течение этого срока он не имеет права видеться со своими родственницами; в отношении других женщин это обязательство не действует. Если он случайно встретит родственницу, он должен предложить ей то, что у него с собой, как бы в качестве компенсации за позор встречи с ней; она принимает этот предмет, не говоря ни слова. По истечении этого периода ожидания мальчики размещаются в других домах, построенных для них на берегу. Затем церемония завершается пиром, устроенным их друзьями.

Из: Плосс-Ренц, Ребенок.

Илл. 88. Впервые беременная женщина из Новой Померании (Гербертсхёз),
носящая амулет на груди.

Однако наиболее интересными в этом отношении являются обычаи, связанные с принятием мальчиков в тайное общество. Именно Меланезия является ареалом распространения таких обществ, то есть объединений мужчин, которые собираются в в специальном здании или в определенных местах, обычно держащихся в тайне или обозначенных знаком табу как недоступные для непосвященных. Там они проводят упражнения и церемонии, которые не известны подробно и секреты которых тщательно скрываются от посторонних, особенно от женщин. За предательство этих секретов предусмотрено суровое наказание. Посторонние также не имеют права приближаться к

таким местам, за нарушение этого правила им грозят суровые наказания, вплоть до смертной казни. Все, что стало известно общественности о происходящем в этих мистериях, сводится к тому, что изнутри раздаются странные крики и жуткие, пугающие звуки, производимые специально изготовленными для этого инструментами, которые должны наполнять страхом посторонних. Также в этих местах изготавливаются маски (рис. 97, 98, 102, 108–112, 114–116 и 119), частично имеющие устрашающий вид и одеяния, в которых мужчины время от времени выходят и бросаются в деревню, где они грабят сады и фруктовые деревья или преследуют испуганных женщин и детей, избивают каждого мужчину, которого могут поймать, и наказывают особенно сурово тех, кто каким-то образом навлек на себя недовольство общества. По обычаю, каждый молодой человек должен вступить в эти тайные общества, потому что тот, кто не вступил, не имеет равных социальных прав с теми молодыми людьми, которые уже являются членами общества; среди прочего, он не сможет найти себе жену. — Происхождение этих обществ неизвестно. Возможно, оно уходит корнями в суеверие. В большинстве случаев они, по-видимому, связаны с магией и преследуют цель защитить своих последователей от зла и обеспечить им благополучие. Хотя в наши дни остальные жители деревни осознали или, по крайней мере, догадываются о подлинном смысле этого маскарада и связанных с ним грабежей, страх перед союзом и его деяниями не исчез полностью; последние сами по себе достаточно ужасающи для этих дикарей с их присущим им суеверным страхом.

Фотография Х. В. Даунси.

Илл. 89. Девушка из племени унанам с поясом для беременных
вместо обычного травяного юбка и с сетью на спине, которую обычно носят папуаски.

Танзор дук-дук (полуостров Газель).

На архипелаге Бисмарка молодые люди обычно должны быть посвящены в общество дук-дук, прежде чем им будет позволено жениться. Непосвященным и женщинам, пытающимся выведать секреты этого союза, грозит смертная казнь.

Фотография Х. В. Даунси.

Илл. 90. Девушки рором в танцевальных украшениях на праздновании рождения первенца в их роду.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 91. Длинное платье из травы,

которую носит мать после рождения ребенка в Киравине (юго-восточная Новая Гвинея).

Среди наиболее известных тайных обществ следует упомянуть общества дук-дук, которые распространены на большей части Новой Померании. Члены этого общества обычно собираются на открытой площадке или танцевальной площадке в лесу, которая скрыта от посторонних глаз густым подлеском или, что еще чаще, прямо закрыта кокосовыми матами. На этом месте возводятся одна или две хижины (см. [цветной художественный приложение](#)), в которых хранятся маски ([рис. 95](#) и [113](#)); более крупные маски вешаются на столбах перед хижинкой. Нечлены знают, где находятся эти места, и тщательно их избегают, так как в противном случае они подвергаются суровому наказанию, даже если правонарушение было непреднамеренным. Если в общину дук-дук принимается несколько юношей, это сопровождается особыми торжествами. В начале дня о празднике объявляют громкими криками с танцевальной площадки, затем юношей впускают внутрь и выстраивают в круг. Высокопоставленный деятель союза, одетый в маску и украшения своего ранга ([рис. 63](#) и [101](#)), танцует в центре этого круга, кричит, оживленно жестикулирует и бьет юношей палкой, в то время как остальные члены, стоящие за пределами круга, делают то же самое, так что крики и стоны мучимых жертв доносятся наружу. Тем временем матери и сестры сидят дома и плачут. Затем новобранцам дают

поесть, после чего высокий сановник снимает свои наряды и предлагает юношам надеть их, но те отказываются, полагая, что за этим скрывается колдовство. Наконец следует танец, различные шаги которого учат юношам. Им торжественно предупреждают о страшных последствиях, к которым приведет предательство тайн союза. Первый день праздника заканчивается большим пиром, устроенным родственниками юношей, в котором участвуют они сами и члены общества. Мальчики, теперь принятые в братство, проводят первую ночь с членами братства на танцевальной площадке. На следующее утро они получают свои одежды дук-дук. Если танцевальная площадка находится недалеко от моря, мужчины дук-дук садятся в украшенные каноэ и, сопровождаемые песнями и барабанным боем, гребут вдоль побережья (рис. 103). Затем все они с таким же шумом возвращаются на площадь (рис. 104), где теперь начинается дикий танец. Как только он подходит к концу, каждый из участников берет в руки прочную бамбуковую трубу. Достопочтенный член общества бьет маскированных людей, которые прыгают мимо него, но те отвечают ему тем же. Женщины снаружи слышат крики и визги и сопровождают их оглушительными возгласами. По окончании всего представления члены общества образуют большой круг вокруг высокопоставленного лица, которое получает местные деньги; новые члены также получают часть денег в знак того, насколько выгодно для них принадлежать к обществу. Затем маски откладываются в сторону, и в конце концов родственники новопринятых членов устраивают пир. На следующий день мужчины дук-дук начинают сбор денег, который продолжается ежедневно в течение одного, а то и двух месяцев, посещая каждую хижину в окрестностях и требуя подарки, то есть, по сути, занимаясь вымогательством (); люди всегда дают деньги, потому что они хорошо знают, как плохо им может быть, если они откажутся выполнить требование. По окончании сбора денег высший священнослужитель объявляет мужчин дук-дук мертвыми; проводится последний пир, все маски и прочее снаряжение убираются, и члены общины возвращаются в свои хижины до следующего раза.

Из «Колония и родина».

Илл. 92. Деревянный дом туземцев в Новой Поморской.

Помимо крупных церемоний, которые часто длятся неделями, другие племена, например, на реке Флай, часто устраивают небольшие праздники, которые длятся от заката до рассвета. Танцы играют здесь главную роль, они длятся всю ночь, и совместное пение фантастически наряженных туземцев сопровождает их ритмичные удары по барабанам (см. [цветной художественный приложение](#)).

Фото А. М. Филлодеан.

Илл. 93. Женщина из племени мекео, несущая своего ребенка в сетке.

Обычно такая сетка, свисающая с головы через спину, служит для переноски фруктов и дров.

Танцор из района реки Флай в праздничном костюме.

Помимо крупных церемоний, которые иногда длятся неделями, коренные жители этой области часто устраивают небольшие праздники, продолжающиеся с вечера до утра. Всю ночь звучит совместное пение дикарей под аккомпанемент барабанов и топот танцоров, а мерцающие огни освещают фантастическую сцену.

На островах архипелага Бисмарка существует другая форма тайных обществ, называемых ингиет; во главе их стоит великий колдун, который славится своими могущественными магическими способностями. Согласно суевериям туземцев, этот колдун способен вызывать духов, разбрызгивая известь, едя имбирь и произнося заклинания; поэтому к нему обращаются за советом в случае болезни. Как и союз дук-дук, общества ингиет имеют свое тайное место собраний, вход в которое для непосвященных карается духами смертью. Место огорожено, и в одном месте ограды хранятся грубо высеченные из камня или вырезанные из дерева и раскрашенные изображения, представляющие людей, свиней, крокодилов, акул, птиц и других животных. Поскольку только глава общины ингиет () может входить в это священное место, новички при своем первом появлении должны быть защищены от смертной казни, которая в противном случае последовала бы за

несанкционированным вторжением, путем жевания имбиря, держания имбирного растения в руках и обвязывания им шеи. Кроме того, верховный вождь племени мажет новопринятых членов племени магическим веществом, которое он приготовил из пережеванного имбиря и извести, и выдувает его из своего рта на их тела, а также на изображения в священном месте. Во время последующей церемонии посвящения вождь держит в руке стебель определенного растения, а посвящаемый — его листья, затем первый тянет за стебель и таким образом проводит листьями по руке новичка, произнося заклинания. На этом церемония посвящения завершена. — Однако перечисленными обществами число тайных обществ, существующих в Меланезии, еще не исчерпано; есть еще ряд других, каждое из которых имеет свои собственные обычаи при церемонии посвящения новых членов и при других торжественных случаях. Однако мы хотим упомянуть еще одно из этих тайных обществ, которое до недавнего времени действовало на одном из островов архипелага Торреса, поскольку оно сильно отличалось от описанных выше. Каждый новичок на время церемонии ежедневно покрывался сажей по всему телу; кроме того, его помещали в палатку из матов в форме крутого крыша, которая прикреплялась к его телу и была настолько мала, что мальчик, чтобы палатка доставала до земли, должен был сидеть. В течение целого месяца новобранцы должны были терпеть удушающую жару и темноту. Им не разрешалось ни играть, ни разговаривать, ни видеть своих отцов, ни женщин; их строго охраняли, и, хотя каждый вечер их вели в специально оборудованный для них дом, а утром, до восхода солнца, возвращали обратно, они должны были тащить с собой свои палатки, так что при ходьбе были видны только их ноги. Во время своего уединения новички обучались учениям и обычаям своего племени, а также их просвещали о моральных обязанностях и обращении с женщинами; в частности, они должны были выучить определенные заклинания и средства, с помощью которых они могли завоевать расположение девушки. Одно из этих средств заключалось в том, чтобы пронзить землю копьем в определенных местах и, вытаскивая его, выкрикивать имя девушки, другое — в приготовлении особого «девичьего лекарства» путем смешивания его с табаком и подачи его возлюбленной, или же в натирании всего тела этим лекарством. В конце месяца били в барабаны и снимали с юношей палатки; затем их омывали в море, натирали листьями и помазывали настоящим «девичьим лекарством» (). С наступлением ночи все они должны были отправиться на открытое место недалеко от деревни, где их ждали родственники. По дороге вперед несли длинный коврик, под которым прятались мальчики. После того как принятые устроились, коврик убрали, и юноши показали своим радостным родственникам уже мужчинами, а не мальчиками.

Фото Р. В. Уильямсон.

Илл. 94. Праздник у мафулу (Новая Гвинея),
который устраивается, когда дети получают свою первую одежду, состоящую из пояса. Родители каждого ребенка должны
принести свинью и фрукты для угощения гостей из других общин.

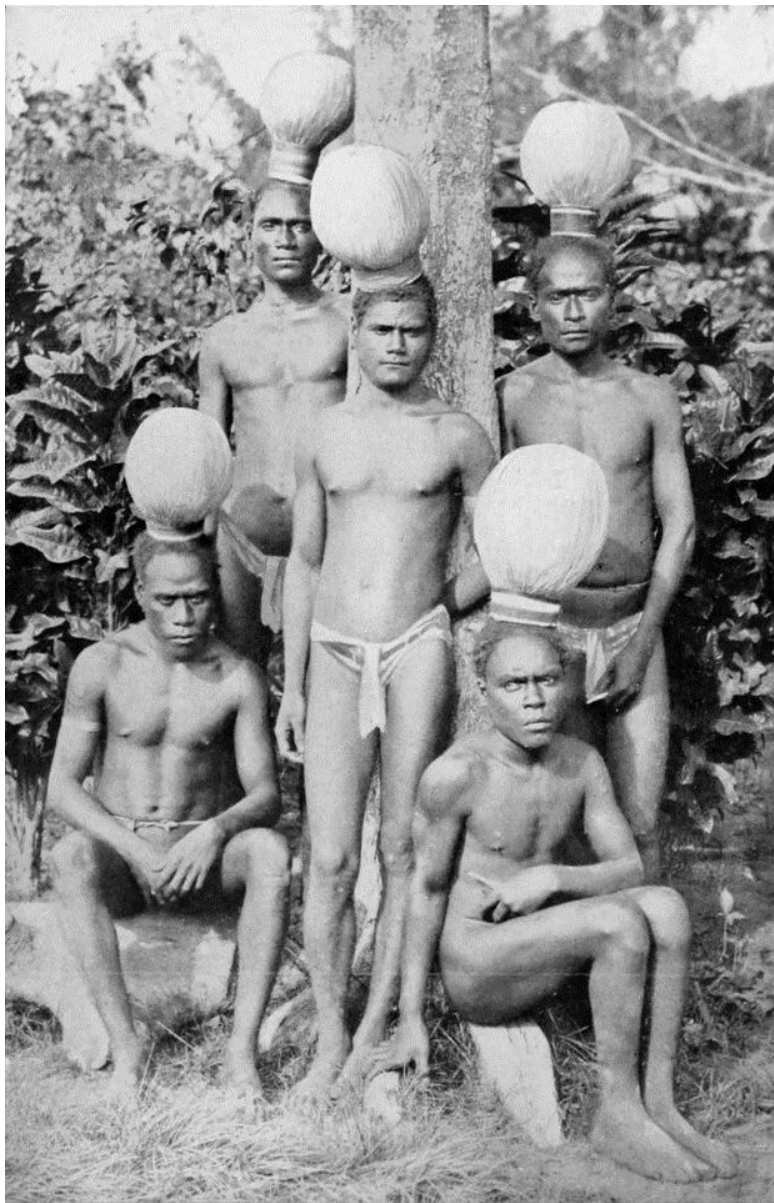

Из: Meyer-Parkinson, Papua-Album II.

Илл. 95. Дом масок в Новом Мекленбурге.

В нижнем ряду хранятся обычные танцевальные маски, в верхнем — маски умерших.

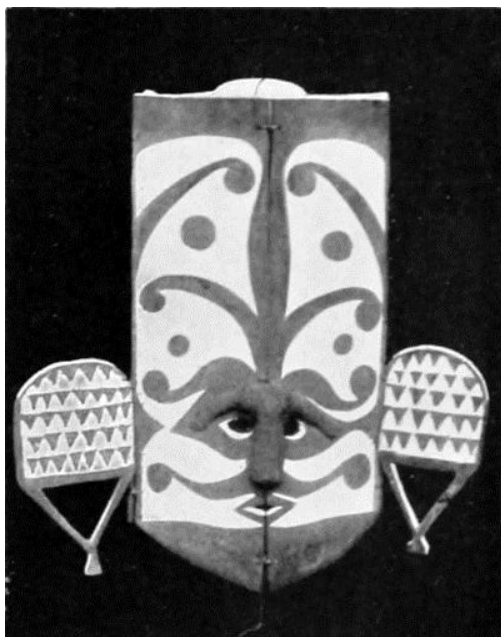
Развлечения и игры пользуются большой популярностью среди коренных жителей Меланезии, как среди взрослых, так и среди детей, например, игра с ниткой (рис. 117), в которой взрослые демонстрируют большое мастерство, и игра в кускус (рис. 121) для детей.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Рис. 96. Посвящение юношей в Северном Бугенвилле в обычаи и традиции своего племени.

Вождь выбирает четырех или пятерых юношей, которых ведут в хижину. Они должны выполнять различные задания, изучать правила племени и всегда носить странные шапочные головные уборы в форме шара. Когда их волосы заполняют последние, то время их посвящения проходит.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 97. Маска из Бугенвиля,
который, однако, никогда не носили во время танцев.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 98. Танцевальная маска с острова Ниссан,
с помощью которой пугали и отгоняли туземцев, чтобы члены тайного общества могли ограбить их.

В Меланезии при достижении половой зрелости мальчикам иногда проводят обреза́ние. Однако иногда бывает, что уже женатые молодые люди вместе с маленькими мальчиками подвергаются этой операции, если в деревне не хватает кандидатов для этой церемонии, которая проводится не чаще одного раза в год, и праздник приходится откладывать на один или несколько лет. На Земле императора Вильгельма, где обреза́ние () отнюдь не является общепринятой практикой, эта процедура проходит следующим образом. Как и при подобных праздниках, для юношей существуют строгие диетические предписания. После такого периода подготовки кандидаты под вопли женщин и под удары розгами мужчин ведут к месту, предназначенному для обреза́ния, где находится дом «Балума», мифического

чудовища. Уже во время строительства этой хижины женщины деревни не имеют права приближаться к ней, в случае необходимости они должны делать большие обходные пути, чтобы пройти мимо. Кроме того, пока чудовище пребывает в этом доме, женщины и дети должны жить за пределами деревни в специально построенных для этого хижинах; они также не имеют права видеть ни одного из мальчиков, подлежащих обрезанию, иначе это будет стоить им жизни. Чтобы привлечь к себе внимание, они, выходя из деревни, создают шум с помощью инструмента, похожего на барабан, на который мальчики, услышав его, отвечают, дуя в бамбуковые флейты, чтобы предупредить женщин, чтобы они не шли в этом направлении или чтобы заставить их уклониться. Как только кандидаты доходят до хижины Балума, которая называется его «желудком», они зовут Балума по имени и, дуя в раковины, призывают его выйти. Если он дает знак изнутри хижины, мужчины начинают свои песнопения, которые больше похожи на вой, и приносят в жертву свиней, чтобы спасти жизнь мальчиков. Женщинам говорят, что Балум пожирает мальчиков и после жертвоприношения свиней возвращает их обратно в виде крепких юношей. Но на самом деле мясо съедают мужчины. Чтобы чудовище не сбежало и не беспокоило остальных жителей деревни, хижину связывают веревками. Внутри нее происходит обрезание. Если при этом умирает мальчик, то говорят, что он неожиданно попал в свиной желудок Балума вместо человеческого; только последний может вернуть его обратно. После окончания операции обрезанные должны оставаться в хижине Балума до тех пор, пока они не будут объявлены искупленными посредством повторного жертвоприношения свиней для Балума (). После этого их торжественной процессией возвращают в деревню, и с этого момента они получают право участвовать в будущих обрядах обрезания. На острове Каресау (Новая Гвинея) обряды обрезания еще более сложны. После того как кандидаты приняли ванну, их размещают в специальных домах на окраине деревни и не позволяют им видаться с родственниками. Еду им приносят крестные отцы, а готовят ее их жены. В первую ночь приближение духа казуар Макаppone из моря объявляется ударами по морю кокосовыми пальмами, звуками флейт (рис. 118) и змеевидными изгибами на береговом песке, которые должны изображать следы хвоста духа при его приходе. Дух направляется в дом духов, расположенный за пределами деревни, куда на следующее утро приводят кандидатов. Как только они появляются на площади перед домом, из дома духов к ним приближаются различные пары духов в образе птиц — с этого момента мальчики на всю жизнь могут наслаждаться рыбой и птицами только в доме духов — и, после того, как они сражаются между собой, на мальчиков с распростертыми крыльями, чтобы, по-видимому, съесть их, но затем возвращаются в дом духов, который теперь закрывается. Затем мальчиков одного за другим ведут на отдаленное место на пляже, где их ждут два мужчины. Крестный отец берет мальчика, который не подозревает, что с ним собираются сделать, за руки сзади и откидывает его голову назад так, чтобы тот не мог видеть операцию, которую с ним проводят. Отрезанная крайняя плоть либо бросается в муравейник, либо закапывается в небольшую ямку в земле. Младшим мальчикам делают только прокол члена (), а само удаление крайней плоти обычно не производится; только если они, будучи женатыми мужчинами, хотят войти в дом духов, им насильно делают обрезание. Мальчикам, которые сопротивляются операции, угрожают копьем и кинжалом; им также дают строгие предупреждения о том, что они должны держать всю процедуру в секрете. Обрезанные, как правило, сразу же омывают рану в море. После того как до этого момента они ходили голыми, теперь им выдают пояс. По возвращении в дом духов их крестные родители предупреждают их, чтобы до окончания церемонии они не общались с женщинами, больше не играли с маленькими девочками, не ругали мужчин « » и т. д. Для каждого мальчика напротив дома духов подготовлено место, где они должны лежать с закрытыми глазами, подвергаясь воздействию солнечных лучей, в течение нескольких часов, пока звук флейты, похожий на лай собаки, не даст им разрешение открыть глаза и заговорить. Тем временем

женщинам в деревне также сообщают звуками бамбуковых флейт, что обрезанные мальчики находятся в чреве духа казуар, а через несколько часов тем же способом сообщают, что они его покинули. Как только мальчики освобождаются от своих мучений, к ним из леса подходят вооруженные мужчины и бросают копье или стреляют стрелой в землю чуть выше правого плеча обрезанных мальчиков. Это сигнал для них, чтобы они вскочили, и означает, что собственно праздник закончился. Но на этом количество церемоний, связанных с этим процессом, еще не исчерпано. Некоторые из них следует упомянуть здесь.

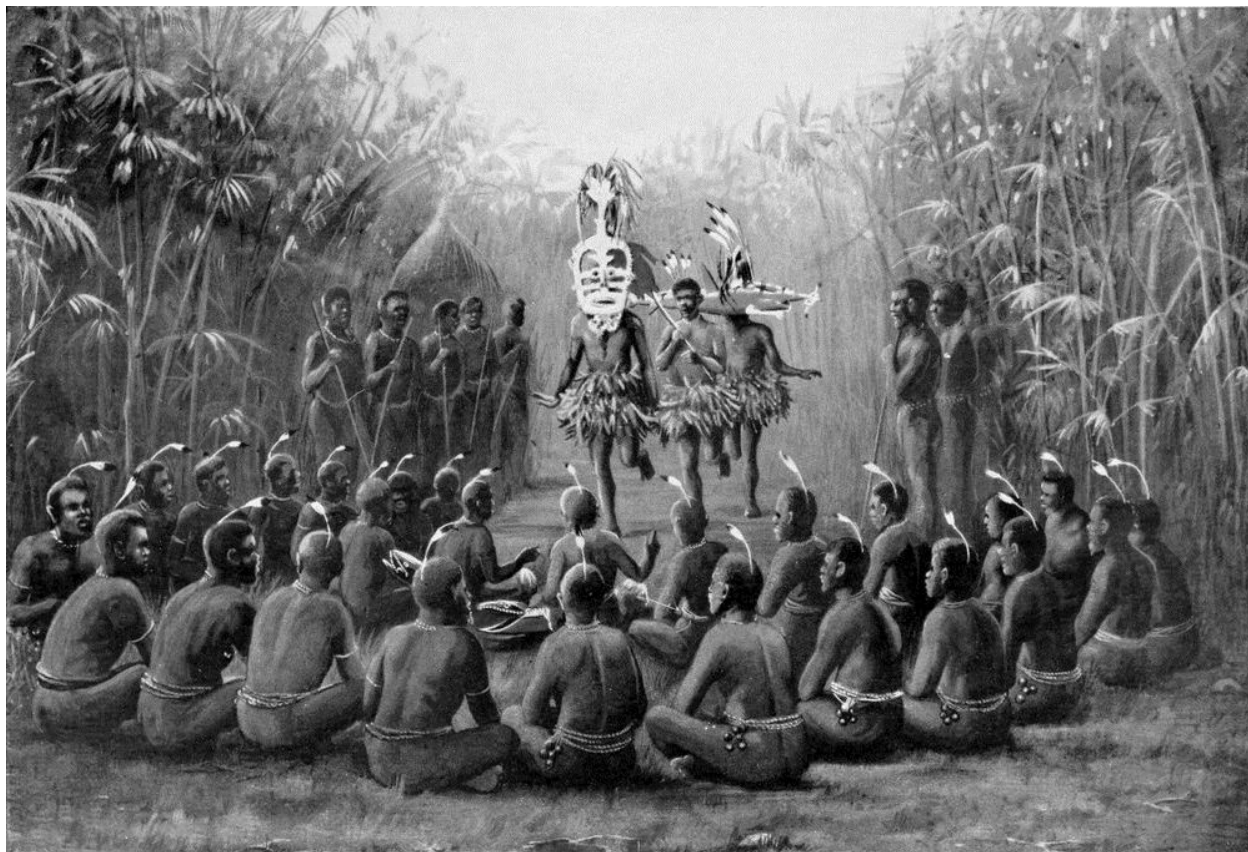

Фото А. К. Хэддон.

Илл. 99. Сцена из торжеств по посвящению юношей в племенные обычаи на островах Торресова пролива.

Во время этой церемонии юноши впервые становятся свидетелями священных танцев и знакомятся с легендами своего племени. Затем их собирают вместе и вооруженные мужчины, представляющие духов, нападают на них и часто сильно ранят.

Фото А. К. Хэддона.

Илл. 100. Танцевальное посвящение на островах Торрессова пролива.

Самый передний из трех танцоров, который при каждом шаге на короткое время поднимает одну ногу, носит маску без глаз и поэтому ведется вторым танцором с помощью веревки.

После захода солнца обрезанные срубают ветви дерева, похожего на ель и называемого калпемом, так, что на стволе остаются только пни, полностью снимают кору и раскрашивают дерево черными, красными и белыми кольцами, затем украшают его перьями и гирляндами из разноцветных фруктов и сажают в землю. Кроме того, на некотором расстоянии от этого дерева они втыкают в землю два шеста и соединяют их искусными, украшенными перьями плетениями из кокосовых листьев. Как только эти приготовления завершены, мальчики под барабанный бой начинают петь песню, которая длится всю ночь и охватывает всю их «национальную литературу». Когда восходит утренняя звезда, они ставят барабаны вокруг дерева калпемба и идут в дом духов, чтобы поспать. Затем приходят несколько мужчин из деревни, убеждаются, что мальчики сделали это дерево без посторонней помощи, восхищаются им, но вырывают его и забирают перья, которыми оно было украшено, в свою собственность. — Дальнейшие церемонии включают в себя поездки на каноэ старших мальчиков из числа обрезанных, которые под пение собирают кору деревьев, из которой после возвращения перед домом духов изготавливают набедренные повязки (), а затем поездки мужчин на лодках, чтобы найти лиану, считающуюся табу, из которой они добывают сок, с помощью которого перед домом духов снова совершают магические обряды; далее, метание мальчиками многозубчатого копья для рыбы в миску с ямсом, извлечение куска, облизывание его, бросание его обратно в миску вместе с прилипшим копьем и, наконец, выбрасывание всего содержимого миски в море; приготовление мази из кокосового масла и красной краски, которой натирают волосы;

получение ароматной субстанции из листьев определенного дерева и натирание ею тела; установка украшенного листьями столба и обрызгивание его ароматной субстанцией всеми мальчиками, которые при этом окружают его и поют, и многое другое.

Фото E. v. Hesse-Wartegg.

Илл. 101. Танцоры дук-дук с архипелага Бисмарка.

Общества дук-дук проводят свои собрания в закрытых местах, куда посторонним и женщинам вход запрещен. Они пытаются запугать других туземцев шумом и криками.

Из: R. Neuhaus, Deutsch-Neuguinea.

Илл. 102. Плетеная танцевальная маска с реки Императрицы Августы.

Фото Е. v. Hesse-Wartegg.

Илл. 103. Водный поход танцоров дук-дук.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 104. Высадка танцоров дук-дук, после которой танцы продолжаются.

В некоторых частях архипелага Бисмарка и на прилегающих к нему западных островах существует варварский обычай изолировать молодых девушек, особенно тех, которые в раннем детстве были обручены с человеком высокого положения, например, с сыном вождя. Конические клетки, иногда высотой чуть более двух метров до вершины и часто не более того в нижней части, изготавливаются из широких, плотно сшитых листьев, так что в них практически не проникает свет и почти не проникает воздух; каждая из этих клеток имеет только небольшое отверстие, снабженное аналогичной дверцей, открывающейся наружу. В этих клетках, которые, кроме того, обычно находятся в хижинах, девочки содержатся в плену в течение многих лет, часто пяти и более; им не разрешается выходить ни днем, ни ночью, даже если они заболевают, за исключением одного раза в день, чтобы помыться в миске или деревянной чаше, которая стоит рядом. Эти клетки часто настолько малы, что девушка может только сидеть или лежать в них, согнувшись ([рис. 122](#)).

Из: Hesse-Wartegg, Samoa.

Рис. 105. Танцоры дук-дук в праздничных нарядах.

Также в районе Немецкой Новой Гвинеи девушки, достигшие зрелого возраста, содержатся в строгой изоляции; в течение этого времени они должны подвергнуться тщательной татуировке и пройти посвящение в вопросы, связанные с половой жизнью, от старших женщин.

Из: Hesse-Wartegg, Самоа.

Илл. 106. Танцоры дук-дук в праздничных нарядах.

Прокалывание носа и ушей обычно не является торжественным событием, только в отдельных случаях, например, у мафулу, при этом соблюдаются определенные правила, такие как изоляция, запрет на еду и другие ограничения.

Как только мальчики и девочки проходят церемонию достижения зрелости, они становятся способными к вступлению в брак и могут искать себе спутника жизни. В некоторых случаях брак заключается в раннем возрасте ([рис. 124](#)); в Новой Гвинее были зафиксированы случаи, когда молодые мужчины были всего четырнадцати-пятнадцати лет, а молодые женщины — девяти-десяти лет.

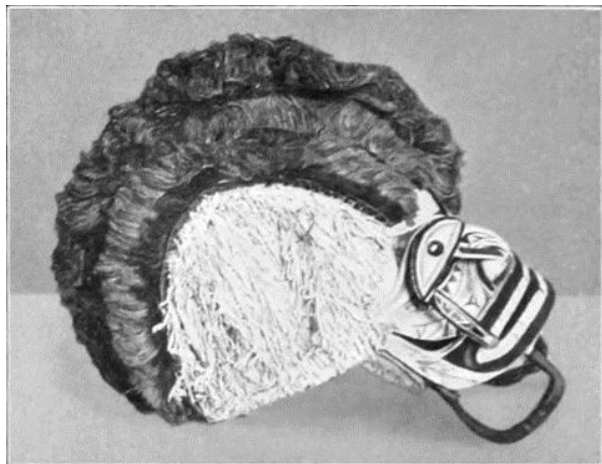
Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Рис. 107. Маски сису сулка,

которые, по верованиям этого племени, обладают тайными свойствами. Сначала танцоры ползают по земле, а затем дети прикасаются к ним, чтобы расти и становиться сильными.

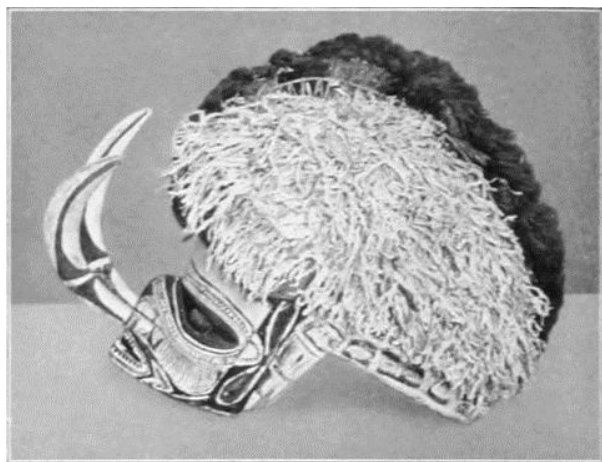
Иногда у папуасов, а также в других местах меланезийского архипелага, происходит помолвка детей. На Соломоновых островах в семьях вождей дети обещаются друг другу еще до своего рождения; договоренности здесь заключаются не родителями, а специальными свахами, которые также устанавливают цену покупки. Обычно при таких детских помолвках не устраиваются особые торжества (). Коита устраивают торжественное семейное жевание бетеля. Иногда устраивают пир и танцы. На Новых Гебридах при помолвке дочери вождя юный жених, если он уже достаточно взрослый для этого, должен воткнуть лист дракона в глаз молодого кокоса, пригодного для питья, и подарить его матери девушки, чтобы та выпила из него. На другом острове этой группы при рождении девочки отец или мать мальчика приносят его и наполненную водой бамбуковую трубку в дом девочки, которую мальчик оmyвает, тем самым делая ее своей невестой. Такие детские

помолвки в некоторых случаях настолько обязательны, что когда однажды в горах Мафулу умер помолвленный мальчик задолго до того, как стало возможным вступление в брак, девочка была признана его вдовой.

Фотография из Музея этнографии, Берлин.

Илл. 108. Танцевальная маска из Нового Мекленбурга.

Фотография Музея этнографии, Берлин.

Илл. 109. Танцевальная маска из Ноймекленбурга.

Помимо таких детских помолвок, молодые меланезийцы обычно выбирают себе будущую жену по собственному желанию. Например, если папуа из племени астролабебай понравится какая-то девушка, он скручивает сигарету, в которую вплетает волосы с разных частей своего тела, выкуривает ее до половины и передает остаток своей матери, чтобы она отнесла его избраннице. Если девушка выкурит сигарету, это означает, что она принимает предложение. В одном из прибрежных районов Немецкой Новой Гвинеи молодой человек слегка ударяет девушку, на которой хочет жениться, по щеке небольшим плоским кусочком дерева с резьбой; это его предложение о браке.

Фото. Музей этнографии, Берлин.

Илл. 110. Танцевальная маска из Нового Мекленбурга.

Чтобы завоевать расположение девушек, молодые люди используют различные любовные заклинания. Молодой человек из племени коита иногда опускает кусочек кварца в молоко молодого кокоса, натирает им лицо и при этом сильно думает о девушке, чью любовь он хочет завоевать. На некоторых островах к востоку от Новой Гвинеи молодые люди готовят очень эффективное любовное заклинание, измельчая кору определенного дерева в порошок, смешивая его с кокосовой стружкой, заворачивая смесь в лист и обжаривая все это. Заклинание применяется просто: сок этой смеси брызгают девушке на лицо, пока она спит. Считается, что через несколько дней она влюбится в того, кто применил это заклинание. У мафулу молодые парни практикуют своего рода магию симпатии. Они постоянно носят с собой в маленьком мешочке кусочки дерева или камня, чтобы те впитали запах их тела, а перед тем, как подойти к девушке, которую они выбрали, смешивают их с табаком и отправляют девушке, чтобы она покурила. Поскольку владелец такого средства, эффективность которого со временем должна увеличиваться и которая, кроме того, может быть усилена силой настоящего волшебника, не может его заменить, он ни при каких обстоятельствах не расстанется с ним. Мафулу также обладают средством для поиска будущей жены. Если молодой человек хочет жениться, но не знает, где найти жену, он разжигает яркий костер в безветренную погоду и ждет, пока легкий ветерок понесет пламя или дым в определенном направлении; в этом направлении он отправляется на поиски невесты.

Из: Pfeil, Исследования и наблюдения из Южных морей.

Илл. 111. Танцор в маске из Нового Мекленбурга.

В Меланезии мы также встречаемся с явлением похищения невесты. Если байнингер (Новая Померания) хочет взять в жены определенную девушку, он просит своих знакомых похитить ее для него. Поэтому родители там часто тщательно прячут своих дочерей; таким образом, молодым людям нелегко жениться. Если похищение удастся, между двумя сторонами сначала возникают враждебные отношения, которые, однако, вскоре улаживаются. Если девушка сбегает от похитителей и возвращается к родителям, те, если согласны, обычно отправляют свою дочь обратно к мужчине с подарками, за что тот выражает свою благодарность ответными подарками. В глубине Новой Гвинеи похищение невесты уже утратило свою первоначальную форму. Если юноша () договорился со своей избранницей, то похищение становится договоренным. Счастливая пара бежит к дружественному племени, где проводит медовый месяц, после чего возвращается домой, и брак становится законным после уплаты покупной цены. Брак по купле является наиболее распространенной формой в Меланезии. Отец жениха и его родственники платят оговоренную цену (рис. 123 и 127) родственникам невесты, чаще всего в виде ракушек, а в других местах — тканей, оружия, золотых изделий и украшений. После помолвки девушка обычно остается в доме родителей, в других племенах она переезжает к будущим свекрам и теще и ждет там, пока жених не обустроит новый дом. — Очень строги правила поведения

для невесты у племени сулка в Новой Померании. Она должна жить в доме родителей жениха в полной изоляции до самой свадьбы, что может длиться месяцами. В задней части общей жилой хижины для нее отгораживается небольшая комната матами, где она должна жить, получая помощь только от молодой родственницы жениха, которая подает ей еду, соблюдая строгие запреты, касающиеся различных блюд, а также воды. Удаленная может утолять жажду только, высасывая сок из сахарного тростника, никогда не прикасаться к еде пальцами, а только подносить ее ко рту палочкой из кокосового листа. Кроме того, она не должна видеть мужчин, а если ей приходится выходить на улицу, она должна быть одета в длинный плащ из банановых листьев, достигающий от плеч до ног, или покрыта матом, а по дороге она должна сигнализировать о своем присутствии свистом, чтобы мужчины могли вовремя уйти с ее пути. Наконец, женщины, которым жених вознаграждает за это пиром, вырезают украшения на груди, спине и животе, частично с помощью обломков обсидиана, частично с помощью раскаленных кокосовых листьев. Подобный обычай существует на Адмиралтейских островах, где это изгнание длится около шести месяцев, и в некоторых частях Нового Мекленбурга, где оно часто длится от десяти до двадцати месяцев.

Фото: Британский музей, Лондон.

Илл. 112. Маска из Новой Каледонии.

Из: Meyer-Parkinson, Papua-Album II.

Илл. 113. Домик для масок тайного общества на архипелаге Бисмарка.

Сама свадебная церемония в Меланезии очень разнообразна; во многих местах она едва ли заслуживает такого названия, поскольку весь процесс сводится только к выплате покупной цены. У байнингов жених и невеста просто обмениваются орехами бетеля, и брак считается заключенным (). У горных народов внутренней части Новой Гвинеи церемония заключается в том, что все участники, включая обе пары родителей, делают на лбу кровавые надрезы в знак того, что молодые люди теперь принадлежат друг другу. На Новых Гебридах отец девушки или влиятельный друг произносит речь перед собравшимися гостями, в которой призывает жениха хорошо кормить свою жену, хорошо с ней обращаться, не быть с ней сварливым, а затем передает ему невесту, одетую в новую юбку из травы. Перед этим молодой человек втыкает в землю ветку дракона и приносит свиней, продукты питания и маты в качестве платы за невесту. В заключение устраивается праздничный банкет, на котором молодой муж проявляет полное внимание к своему тестю или оратору, в частности, нежно поглаживая их в знак благодарности.

Из: Neuhaus, Deutsch-Neuguinea.

Илл. 114. Маска для церемонии посвящения у народа варапуг.

Из: Parkinson, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 115. Коленопреклоненный носитель маски с Французских островов (архипелаг Бисмарка).

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 116. Маски духов старого, ныне забытого обычая на полуострове Газель.

Хотя нынешние туземцы уже не знают, каких духов изображают эти маски, они по-прежнему соблюдают старинные танцы духов, во время которых носят эти маски.

Фото С. М. Вудфорд.

Рис. 117. Жители острова Соломона играют в игру с нитками, которая очень популярна. Они обладают большой ловкостью, выполняют всевозможные, часто сложные фигуры, с помощью ниток имитируют людей, животных и другие движущиеся объекты, такие как сражающиеся мужчины.

Из: Meyer-Parkinson, Papua-Album II.

Рис. 118. Туземцы с флейтами Пана.

Эти инструменты, с помощью которых островитяне достигают довольно хорошего музыкального эффекта, часто встречаются в Меланезии.

В свадебных церемониях в разных случаях повторяются отголоски похищения невесты. Например, в районе Роро (Британская Новая Гвинея) в день свадьбы несколько друзей жениха окружают родительский дом девушки и под шумом и гамом захватывают его, имитируя нападение. Девушка сбегает, но ее преследуют и снова ловят, несмотря на то, что она защищается от своих врагов руками, ногами и зубами. Тем временем в доме ее отца продолжается борьба. Ее мать бьет дубиной или оружием по всем безжизненным предметам вокруг себя и проклиняет похитителей своей дочери, наконец она падает и начинает плакать, к ней присоединяются другие женщины из деревни. Их плач длится три дня. После того, как девушка поймана, ее ведут в отцовский дом юноши и сажают на веранду. Как только юноша видит ее приближение, он убегает и прячется, но его друзья быстро ловят его, раскрашивают и украшают, а он все еще сопротивляется. Наконец, они приводят его в отцовский дом, где он должен сесть рядом с девушкой. Затем объявляется о заключении брака, но пара не обращает друг на друга ни малейшего внимания; они ведут себя так, как будто не знакомы. На следующее утро отец молодого человека вынужден выслушивать поток ругательств от отца девушки, который заканчивается только после того, как он приносит в дар в качестве искупления забитую собаку. Днем родственники молодого человека украшают молодую женщину, и пара снова собирается на той же платформе. И снова они полностью игнорируют друг друга. Однако при повторном проведении церемонии на третий день обычно происходит примирение. Девушка подает юноше бетель, тот берет его и жует. Наконец приходит мать девушки, которая до сих пор держалась в стороне от всех этих встреч, и навещает свою дочь, над которой она плачет и скорбит, пока ей не предлагают в качестве искупления забитую свинью. Вторая часть свадебной церемонии происходит примерно через три-восемь недель; до этого невеста не имеет права ни посещать деревню своего отца, ни есть что-либо оттуда. По приглашению родственников молодой женщины родственники мужа отправляются в деревню, где живет ее отец, и ведут ее, богато украшенную, впереди процессии. На палке несут свиней и ценные головные уборы из перьев (рис. 126); все это получает отец молодой женщины. После этого с нее снимают все украшения и также передают их ее отцу, который в ответ дарит семье молодого человека рыбу и бананы. Она уносит их в деревню и раздает друзьям, которые внесли свой вклад в покупку. Через несколько дней пара снова посещает деревню молодой женщины и получает здесь подарки. Как видно, подарки и праздничные застолья составляют основную часть свадебных торжеств, которые только изредка имеют местные различия. Так, на островах Торрессова пролива, где, кстати, свадьба начинается с похищения девушки юношей в ночь перед ней, невесту наряжают одной юбкой за другой, пока груз не становится настолько тяжелым, что она не может стоять и ее приходится поддерживать двум женщинам. Таким образом, тяжело обремененная, она должна оставаться под строгим присмотром в течение месяца, и только потом с нее снимают юбки. Дальнейшее празднование дает повод для различных шуток.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 119. Маска петуха с полуострова Газель,

которые изготавливают и носят во время танца только мальчики. Во время одной из многочисленных церемоний на этом мысе уважаемые туземцы устраивают для своих соседей праздник, на котором танцует каждая семья. От последних ожидается, что они оплатят за подарки, которые ранее раздавал хозяин. Мальчики танцуют в своих масках и за это требуют деньги от зрителей.

Мы завершаем описание свадебных церемоний рассказом о таком празднике, который проходил в деревне Голландской Новой Гвинеи. Он начался накануне вечером с плача женщин, которые проводили невесту из своей деревни в деревню жениха и теперь оплакивали ее уход. Эти плачи полностью напоминали плач на похоронах. Каждая строфа начиналась громко и высоким тоном, затем стихала и заканчивалась низкими приглушенными звуками. Число голосов постепенно увеличивалось в течение всей ночи, и к трем часам утра воздух был наполнен пронзительными звуками. На рассвете, когда невеста готовилась присоединиться к свадебной процессии, шум достиг своего апогея. Едва вошло солнце, кортеж двинулся в путь под большим давлением. Впереди шла невеста, богато

украшенная цветами и украшениями в волосах и одетая в длинную белую юбку из коры; она держала глаза закрытыми, а руки поднятыми вверх и немного вытянутыми вперед; по обе стороны от нее шли по старику, которые, казалось, вели ее за руки, за ними следовали, причитая, женщины из ее собственной деревни, а за ними — женщины из деревни жениха. Шествие прошло через деревенский общинный дом, пол которого был примерно на метр выше земли; невеста должна была пробираться вперед, шагая по узкой балке, ведущей вверх. Мужчины сидели вокруг и, по-видимому, не обращали внимания на эту процессию, в которой участвовали почти исключительно женщины. Перед домом вождя, чей сын праздновал свадьбу, участники процессии разошлись; о дальнейших торжествах репортер ничего не заметил.

Фото E. v. Hesse-Wartegg.

Илл. 120. Папуа при изготовлении браслетов.

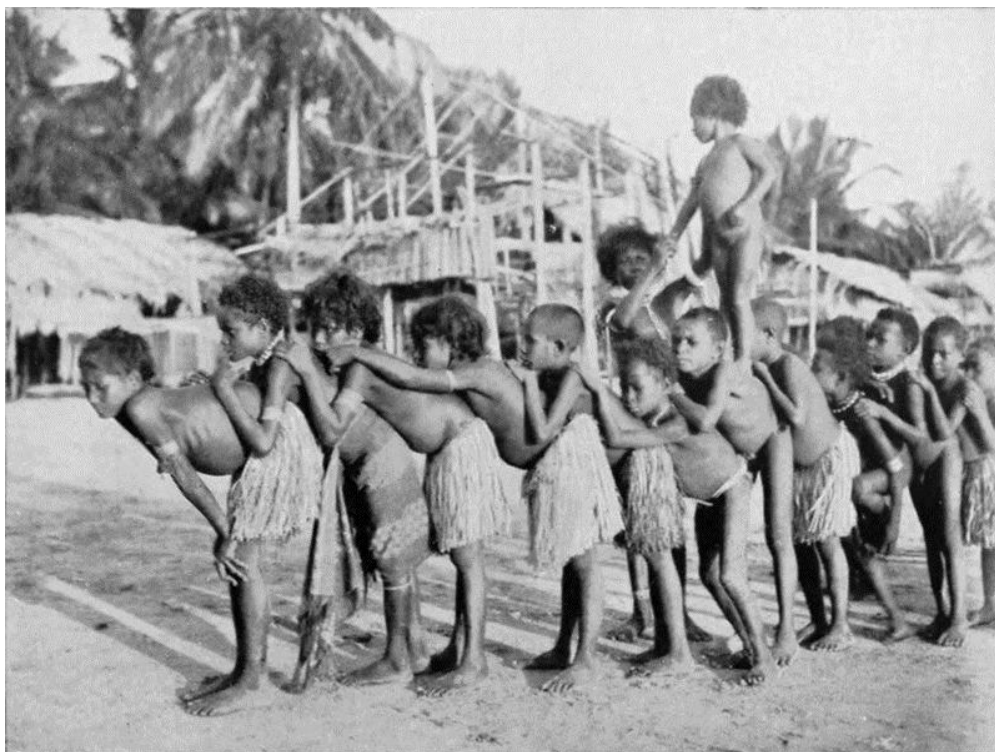
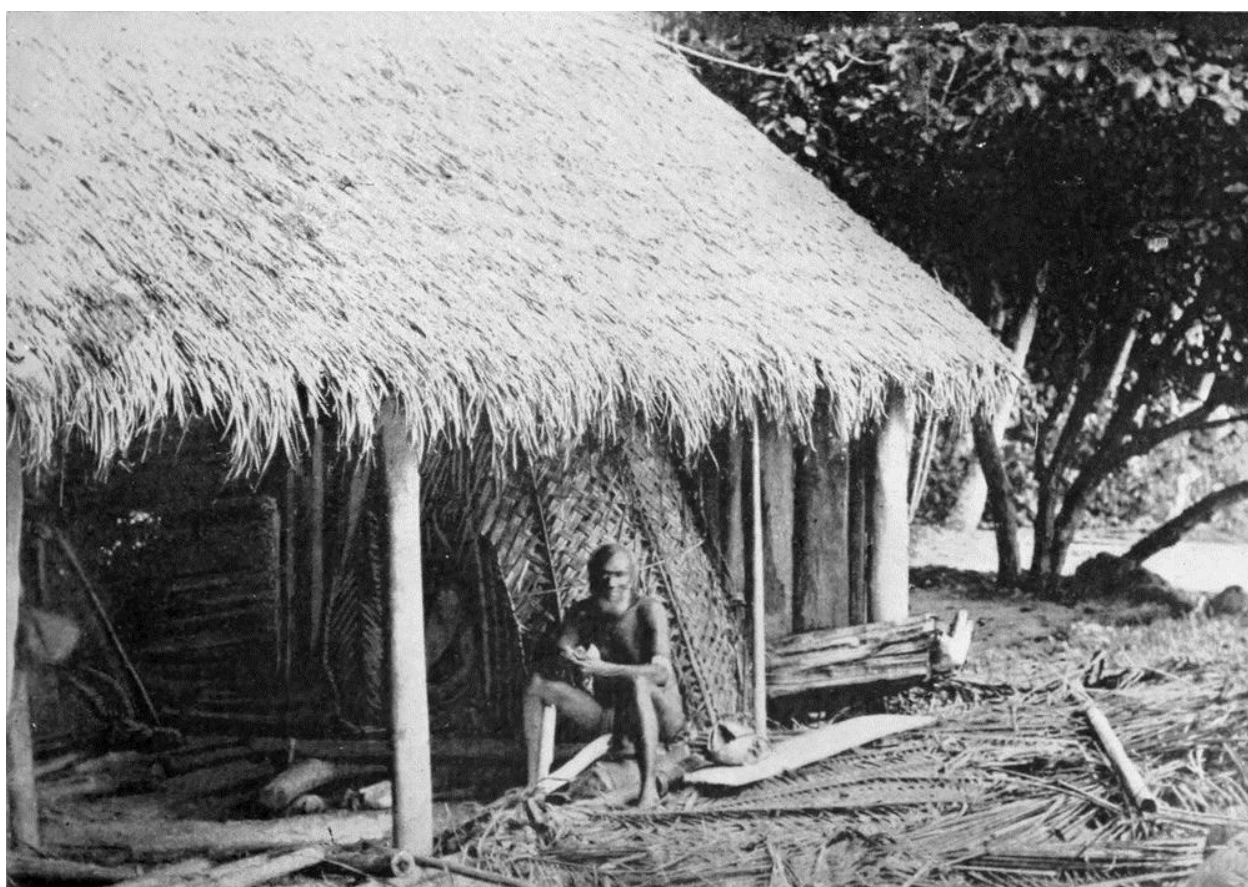

Фото: Х. М. Даунси.

Илл. 121. Игра в кускус детей роро, в котором имитируются движения кускуса, животного, похожего на нашу белку, на стволе дерева.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 122. Клетка для помолвленных девушек на архипелаге Бисмарка. Девушки должны провести в этих очень тесных клетках несколько лет до своей свадьбы.

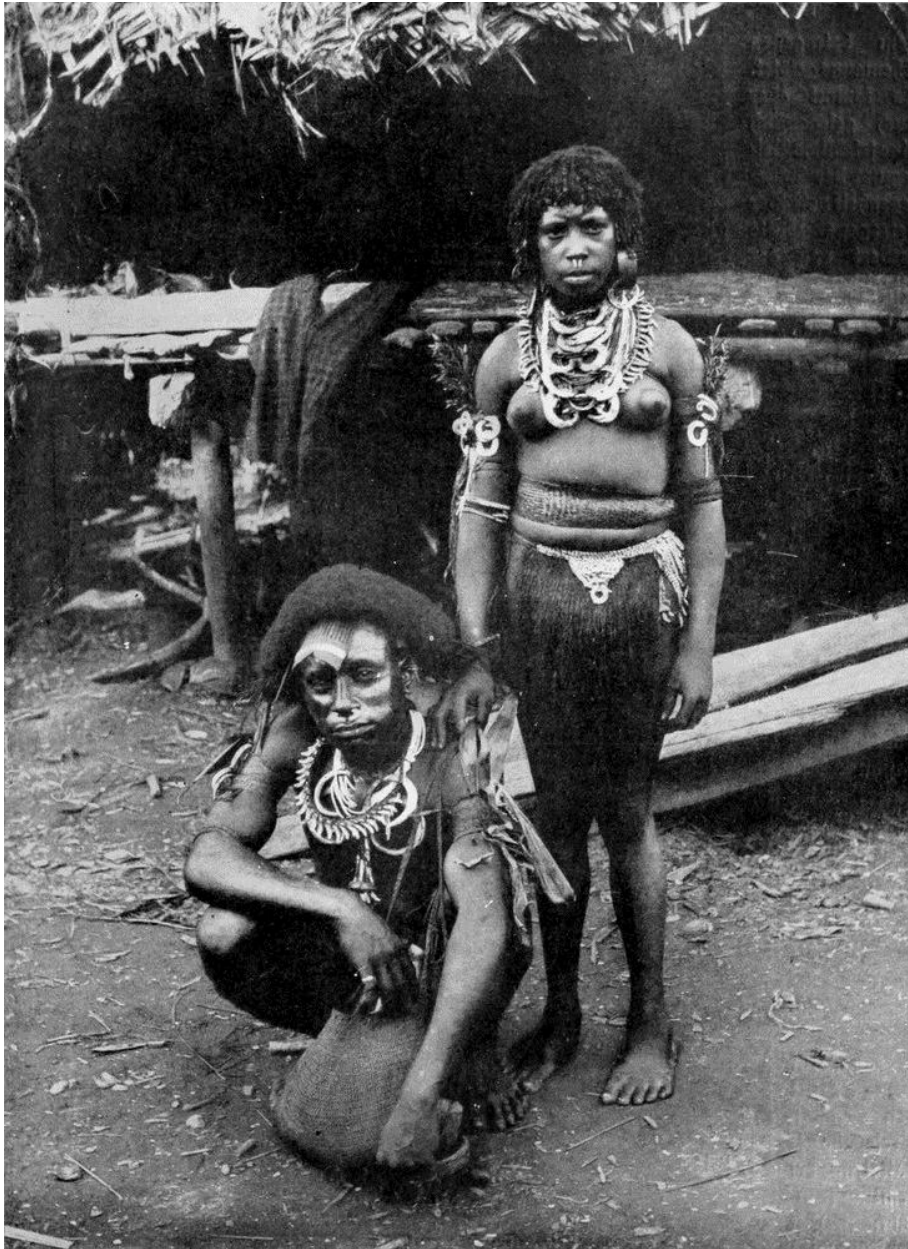
Во многих экзогамных племенах Меланезии до сих пор существуют запреты на брак, обусловленные системой происхождения по женской линии. Как уже отмечалось, женщина и ее дети принадлежат к ее роду; поэтому последние не являются родственниками отца. Члены одного рода не имеют права вступать в брак. С другой стороны, в результате этого представления возникают совершенно своеобразные браки. Так, например, сын жены мужчины из одного клана (рода) и дочь его жены из другого клана могут вступать в брак, при условии что существует экзогамия и нет правил о кровном родстве; в последнем случае это было бы невозможно и строго наказывалось бы. Также широко распространен левиратный брак, то есть обычай, согласно которому после смерти мужчины его брат или близкий родственник имеет право на вдовствующую жену. Вероятно, это объясняется тем, что ранее выкуп, который мужчина должен был заплатить за свою жену, вносился не им одним, а всей семьей, так что в некотором смысле она становилась семейным наследством. После смерти мужа это право естественным образом сначала заявлял брат умершего как ближайший родственник; права остальных мужчин-родственников следовали друг за другом в соответствии с правилами кровного родства.

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Илл. 123. Цена за невесту на Санта-Крус.

Сделанные из красных перьев попугаев перья на Санта-Крузе служат в качестве выкупа за невесту. Эти перья попугаев связываются в рулоны с перьями голубей, а затем нанизываются на нитку.

Из: Meyer-Parkinson, Papuatypen.

Илл. 124. Молодожены из Сиара с тщательно уложенными прическами.

Брак меланезийцев, как правило, является свободным союзом, поэтому его легко расторгнуть. Они широко пользуются этой привилегией. Если мужчина устал от своей жены или хочет другую, он просто отсылает ее прочь, и наоборот, если жене не нравится жизнь с мужем или она предпочитает любовника, она уходит от мужа. Такие супружеские раздоры являются причиной многих ссор и убийств как между отдельными туземцами, так и между племенами, которые воспринимают оскорбление одного из своих членов как оскорбление всего племени и затем мстят не только самому преступнику, но и его семье и роду. Мужчина, который сбежал с чужой женой, чаще всего убивается обманутым мужем (). Однако иногда дело заканчивается мирным урегулированием. Обманутый супруг просто требует от семьи женщины возместить ему цену, которую он за нее заплатил; если ему в этом отказывают, то, естественно, возникает спор (). У байнингов, если обе стороны происходят из одной деревни, влиятельный мужчина пытается достичь соглашения, согласно которому каждая сторона наносит другой несколько ударов. После смерти мужа женщина часто, особенно

если у нее нет детей или есть только маленькие дети, возвращается в дом своих родителей, иногда, как мы видели выше, она выходит замуж за брата покойного.

Фото: Рев. Г. Браун.

Илл. 125. Музыкальный инструмент из Нового Мекленбурга, на котором местные жители извлекают мелодичные звуки, проводя по нему ладонью.

Фотография Х. М. Даунси.

Рис. 126. Свадебный кортеж.

Наряженная в семейные цвета невеста сопровождается своими друзьями, которые несут на шестах браслеты, ожерелья, перья и другие украшения, которые она получила в качестве свадебного подарка.

В соответствии с нестрогими брачными узами, половая свобода иногда бывает очень большой, и на разных островах проституция является общепризнанной. На островах Новая Померания, Новый Лауэнбург, Ниссан и т. д. вдова становится общей собственностью всех мужчин, причем первоочередное право на нее имеет вождь. На архипелаге Бисмарка во время некоторых праздников женщинам разрешается отдавать себя, а во время праздника Уну (вступления в зрелость) юношей вождь нанимает для участвующих гостей молодых девушек для сексуальных целей. На Флориде вожди объявляют замужних женщин с плохой репутацией публичными проститутками и предоставляют им жилье в одном из своих домов, за что, однако, они также забирают большую часть доходов. На островах Санта-Крус в домах мужчин () всегда есть несколько девушек, которые в большинстве случаев были куплены еще в детском возрасте богатым холостяком, а позже, когда он им надоедает, они как бы продаются с аукциона остальным жильцам дома. На острове Сан-Кристобаль мы встречаем не только девушек, которые отдаются свободной любви, как это почти везде разрешено до брака, но и женщин и вдов, которые выдают себя за публичных проституток.

Из «Колония и родина».

Каное на Новом Мекленбурге (Сиар).

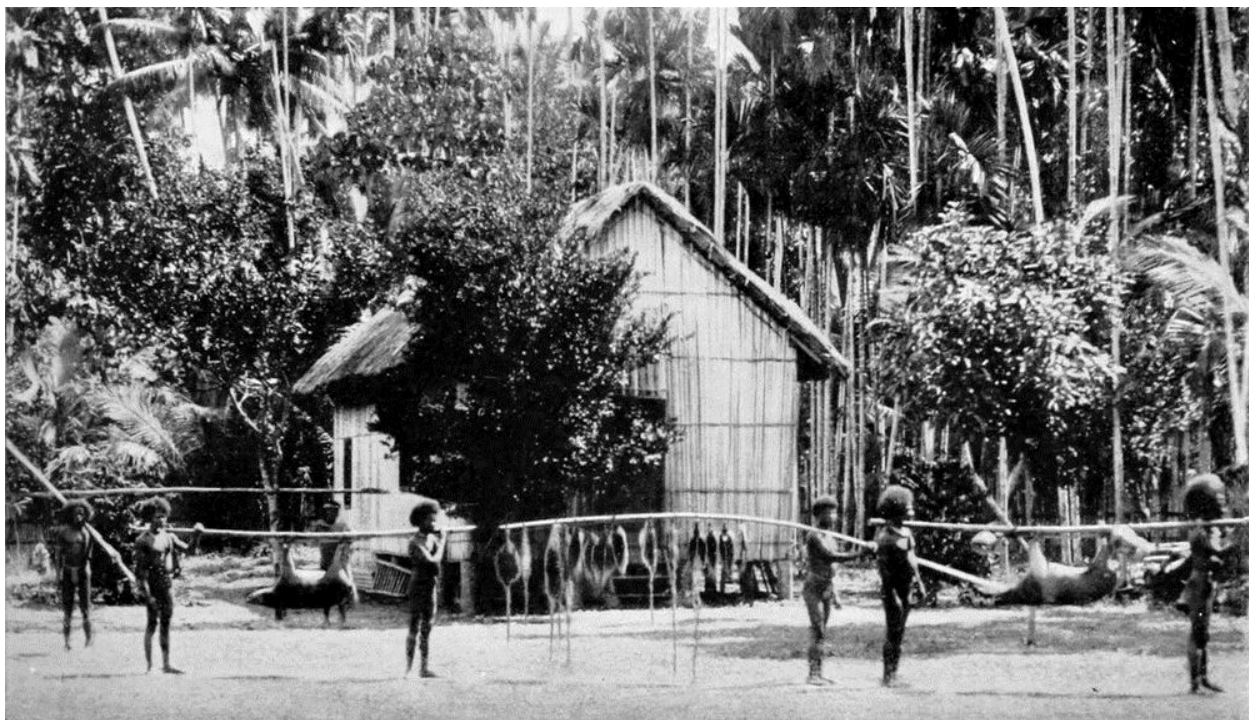

Фото. Ред. А. Х. Филлодеан.

Илл. 127. Свиньи и райские птицы в качестве выкупа за невесту.

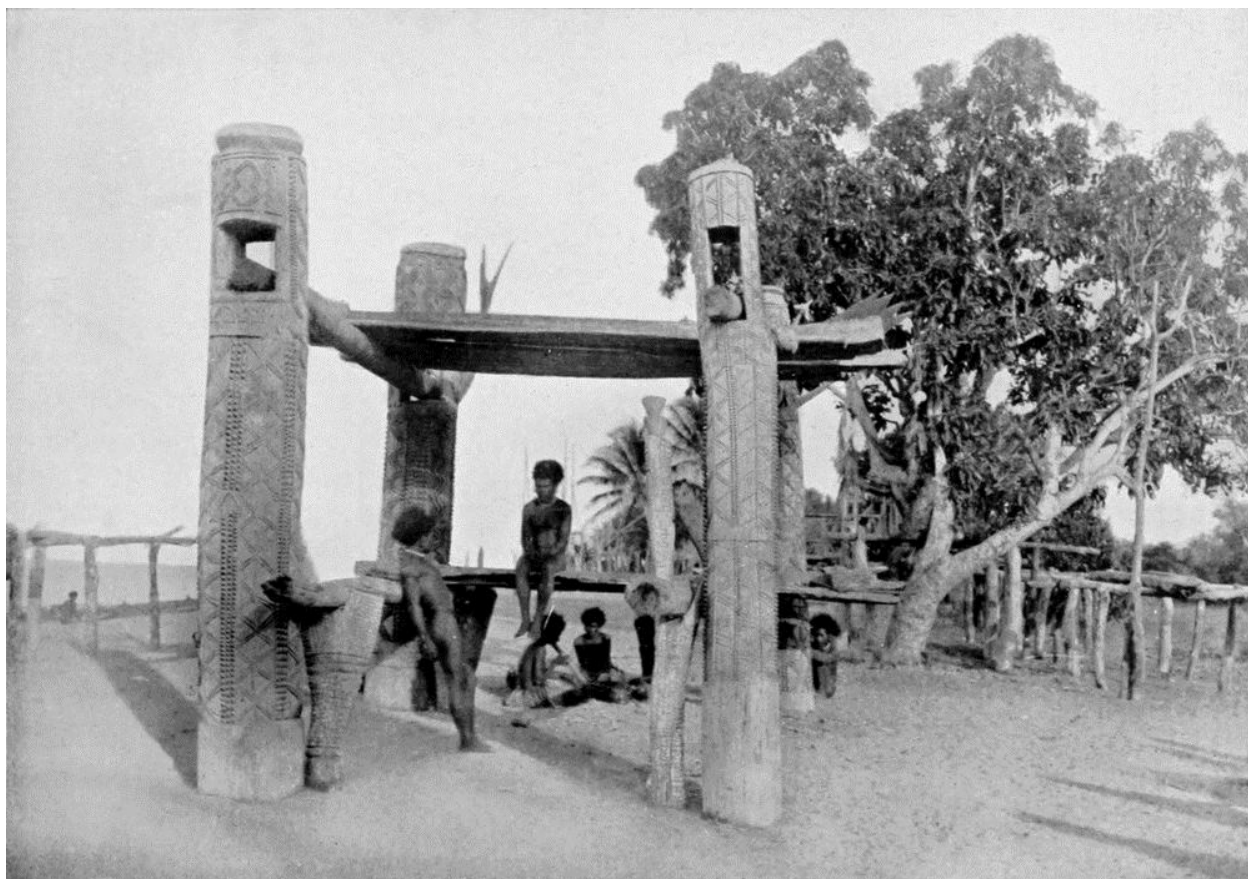

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Илл. 128. Великолепно украшенный клубный дом на Соломоновых островах с красиво вырезанной миской для еды и резными фрегатами на фронтоне крыши.

Мы уже неоднократно упоминали о клубных домах, зданиях, которые, по сути, являются центром всей общественной жизни мужчин-жителей деревни, поскольку здесь проживают не только холостяки, но и в определенные периоды времени женатые мужчины, а также обсуждаются все важные вопросы на общей платформе и принимаются гости деревни (рис. 128), кроме того, здесь хранятся маски и другие церемониальные предметы (рис. 130 и 131). В некоторых прибрежных районах, особенно в старых районах охотников за головами, большие каноэ-дома, в которых хранились военные лодки, были одновременно и клубами; однако в настоящее время они утратили свое военное значение благодаря сдерживающей руке белых. Не требуется дополнительных обоснований того, что освящение столь важных зданий в большинстве случаев сопровождается более или менее торжественными церемониями. Хотя старые обычаи, связанные с завершением строительства каноэ-дома (см. художественное приложение) и, как на Соломоновых островах, Новых Гебридах и других островах, ранее сопровождавшиеся убийствами и каннибализмом, в большинстве случаев исчезли из-за запрета со стороны компетентных органов власти, в отдаленных районах они, вероятно, все еще существуют. Сейчас церемонии носят гораздо более безобидный характер. В районе Роро перед церемонией открытия нового клуба, на которую вожди лично приглашают соседние деревни, вручая им арековый орех, признанный знак дружбы, фасад здания часто завешивают кокосовыми матами, а окрестности украшают едой и флагами из пальмовых листьев, прикрепленными к бамбуковым шестам (). От каждого вождя, который вместе со своими людьми принимает приглашение, ожидается, что он принесет с собой целые грозди бананов в качестве ответного подарка за угощение. Гости прибывают вечером и сначала развлекаются небольшим непринужденным танцем жителей деревни. С наступлением темноты маты перед клубом убирают, вожди, которым принадлежит дом, произносят речи с его платформы, после чего снимают покрывала с резных элементов здания. Затем начинается большой торжественный танец, который длится до утра или даже дольше. Жители соперничающих деревень или кланов часто соревнуются между собой, кто продержится дольше всех; так, однажды такой танец длился двадцать шесть часов. После танца устраивается праздничный ужин. У коита дубу (рис. 129) заменяет более распространенный клубный дом; однако это всего лишь открытая платформа, которая используется не для сна, а только для дружеских и праздничных собраний. Праздник предваряют игры, например, борьба мужчин против женщин или игра, в которой одна группа пытается пройти через другую. На временную платформу, на которой хранятся вареные корни ямса и бананы, забираются несколько мужчин и незамужних девушек; последние исполняют танец, в котором они раскачивают свои травяные юбки из стороны в сторону, изгибая и поворачивая тело в талии. Это представление, за которым следуют другие танцы, на самом деле является лишь публичным объявлением о предстоящей большой церемонии. Когда настоящий дубу готов, его украшают и загружают как можно больше едой; туземцы срубают молодые деревья, обрезают их ветви, а затем снова сажают их в землю. Каждый из них получает ограду из тростниковых прутьев, которые плотно соединяются друг с другом, образуя, как бы, большие вертикальные контейнеры. Они снова наполняются корнями ямса, гроздьями бананов и кокосовыми орехами; те же самые фрукты складываются на платформу и под нее, а также по обе стороны от лестницы, ведущей вверх. Наконец, в утро праздника на платформу приносят свиней. После этих приготовлений люди омываются в море, украшают себя и собираются на дубу, где они едят свинину в соусе « » и ждут гостей. Те к этому времени уже прибыли из окрестных деревень, вооруженные, и собрались в кустах вокруг деревни. По сигналу, поданному из дубу с помощью морской раковины, все мужчины врываются в деревню и, под звуки барабанов, размахивают копьями и дубинами. Раньше это нападение часто приводило к сражению, однако гости выходили навстречу по двое с пучками сахарного тростника и сбивали ими копья и дубинки посетителей; считалось невежливым продолжать сражение. За мужчинами

следует несколько женщин, размахивающих юбками, каждая из которых несет по два больших корня ямса, которые они дарят высокопоставленным туземцам. И теперь несколько девушек забираются на столбы дубу, встают на поперечины и энергично размахивают юбками. Во время всех этих событий мужчины из рода, устраивающего праздник, сначала спокойно сидят на дубу, а как только всеобщее возбуждение уляжется, они спускаются с него, садятся к гостям и курят или жуют бетель. Женщины-гости также приглашаются и получают свои сумочки, наполненные корнями ямса. Затем мужчины, устраивающие праздник, снова поднимаются на дубу, еда распределяется между гостями, и начинается танец.

Из: Селигманн, «Меланезийцы».

Илл. 129. Платформа дубу коита (Новая Гвинея) для проведения церемоний.

Она является священной, и, согласно верованиям коита, духи умерших в определенные моменты возвращаются на нее.

В Новой Гвинее с присвоением вождского титула также связаны определенные церемонии. У племени мекео, например, существует обычай, согласно которому вождь еще при жизни назначает своего преемника из числа мужчин того же рода и сразу же проводит его посвящение. Это событие превращается в грандиозный праздник, поскольку приглашаются многие вожди из других родов, каждый из которых приводит с собой своих друзей (). Для подготовки к пиру, связанному с этим праздником, требуется много диких свиней, кенгуру и эму.

После прибытия все приглашенные вожди занимают места на большой веранде общинного дома клана, вождь которого руководит церемонией. Затем старый вождь, одетый в знаки своего достоинства, которые у роро представляют собой украшение из тонких пластин, выточенных из клыков кабана, которое носится на груди (см. [цветной художественный приложение](#)), в сопровождении своего предполагаемого преемника выходит на платформу; в руке он держит тыкву с известью ([рис. 132](#)), которая служит

приправой при жевании бетеля, и произносит речь перед другими сослуживцами, в которой объясняет им право преемственности, которым обладает предложенный кандидат. Затем он стучит ложкой по тыкве и передает ее своему преемнику, который также стучит по ней ложкой, а затем возвращает тыкву. Таким образом, церемония передачи должности завершена.

Фото: Х. М. Даунси.

Илл. 130. Интерьер клуба роро.

Обращают на себя внимание два резных столба с изображениями крокодила и человеческой головы.

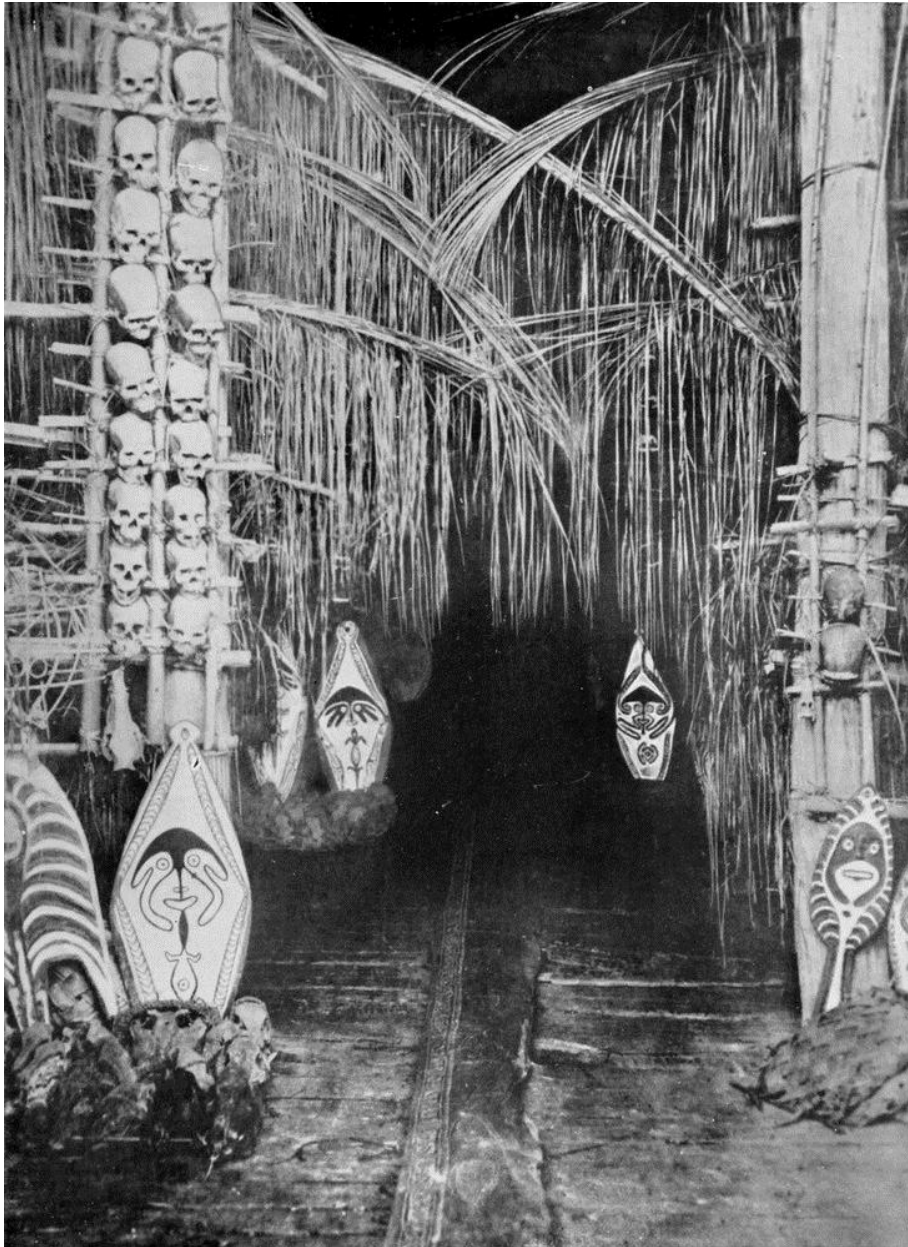

Фото Дональда Маккея.

Рис. 131. Интерьер клуба на острове Тори́пи с оружием, масками, магическими символами и человеческими черепами.

В некоторых районах Меланезии также проводятся праздники урожая. Когда в юго-восточной части Новой Гвинеи собирают урожай, и в частности, когда в ямс-хаусе убирают ямс, вождь, который уже за несколько дней до этого соблюдал ограничения в еде, обвязывает кусок подготовленной волокнистой ткани вокруг столба каждого ямс-хауса; тем самым он становится табу, то есть никто не имеет права к нему прикоснуться (рис. 135). Кроме того, на небольшой платформе выкладываются браслеты, местные деньги и другие сокровища. Затем следует многодневный пир и танцы (рис. 133). Далее мужчины собираются, ходят по деревне, кричат, бьют по столбам домов и опрокидывают все, в чем подозревают скрытого духа. На этом заканчивается эта странная церемония, в основе которой, по-видимому, лежит мысль, что духи, приняв участие в празднике, а именно посмотрев танцы, послушав песни, а также получив в дар корни ямса и выставленные на показ вещи, стали богатыми и обеспеченными и поэтому теперь должны быть изгнаны, чтобы не причинять вреда.

Из: Селигманн, «Меланезийцы».

Илл. 132. Известь из тыквы, принадлежавшая вождю,
для использования при жевании белка.

Из: Brown, Melanesians and Polynesians.

Илл. 133. Танец на празднике сбора урожая ямса.

Подобный праздник урожая отмечается на Руо (Новая Гвинея) в честь кокосовой пальмы, которая, как известно, дает материалы для пищи, жилья и одежды и играет чрезвычайно

важную роль во всей Меланезии. Для этой цели спелые орехи, упавшие с деревьев, тщательно собираются в течение всего года и хранятся в хижине, защищенной от солнца. Незадолго до наступления праздника « », который всегда приходится на полнолуние, соседним и дружественным племенам рассылаются приглашения. Женщины и дети связывают собранные орехи в ряды на шестах, которые отмечают место для танцев (рис. 137). Сам праздник начинается с большого забоя собак и свиней; мясо варят вместе с таро, ямсом и бананами в огромном котле. Затем старейшины деревни раздают порции гостям, и начинается большое праздничное застолье, за которым следует традиционный танец. Шум продолжается до восхода солнца.

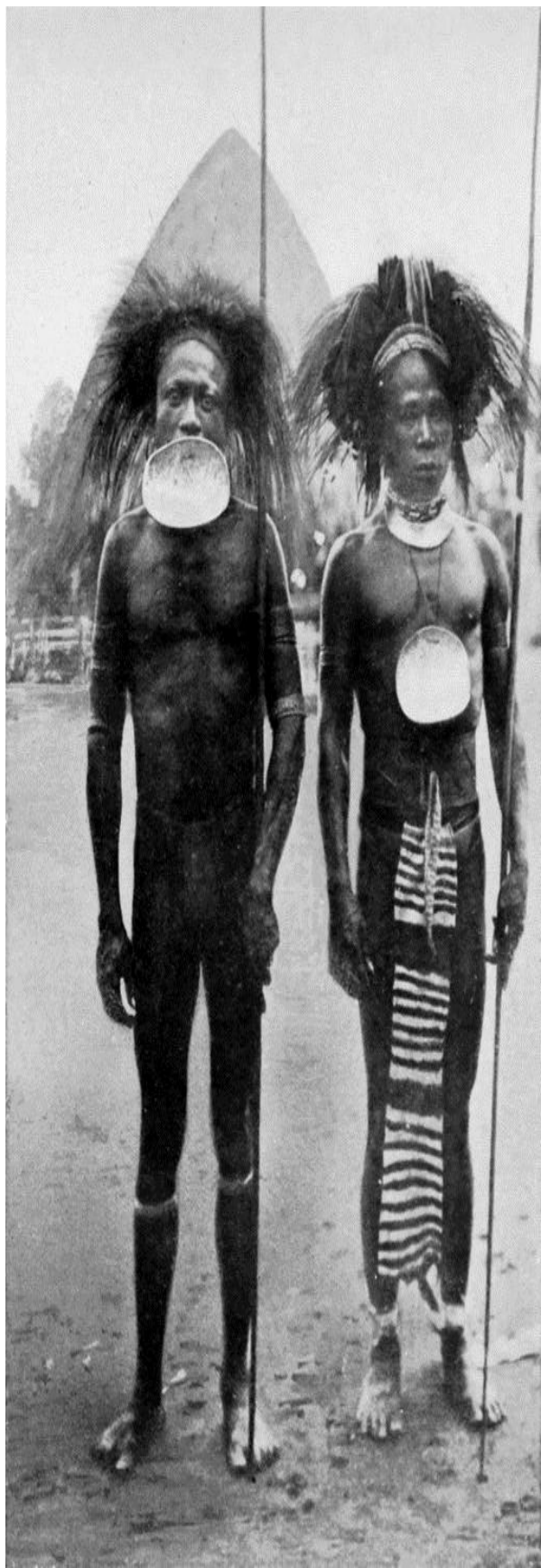
Два мужчины племени мекео в танцевальных украшениях,

состоящих из ракушек, собачьих зубов, перьев и т. п. Передние диски над лбом изготовлены из черепахового панциря с накладками из белой ракушки и представляют собой награды за убийство врагов.

Две женщины племени мекео в танцевальных украшениях

из ракушек и зубных цепей, в юбках из травы, окрашенных в красные и желтые полосы. При каждом танцевальном шаге женщины раскачивают бедрами, так что юбка поднимается до плеч.

Фотография Р. В. Уильямсона.

Два мужчины племени мекео в военных костюмах.

Головной убор состоит из перьев райской птицы, а большая раковина носится перед ртом во время боя.

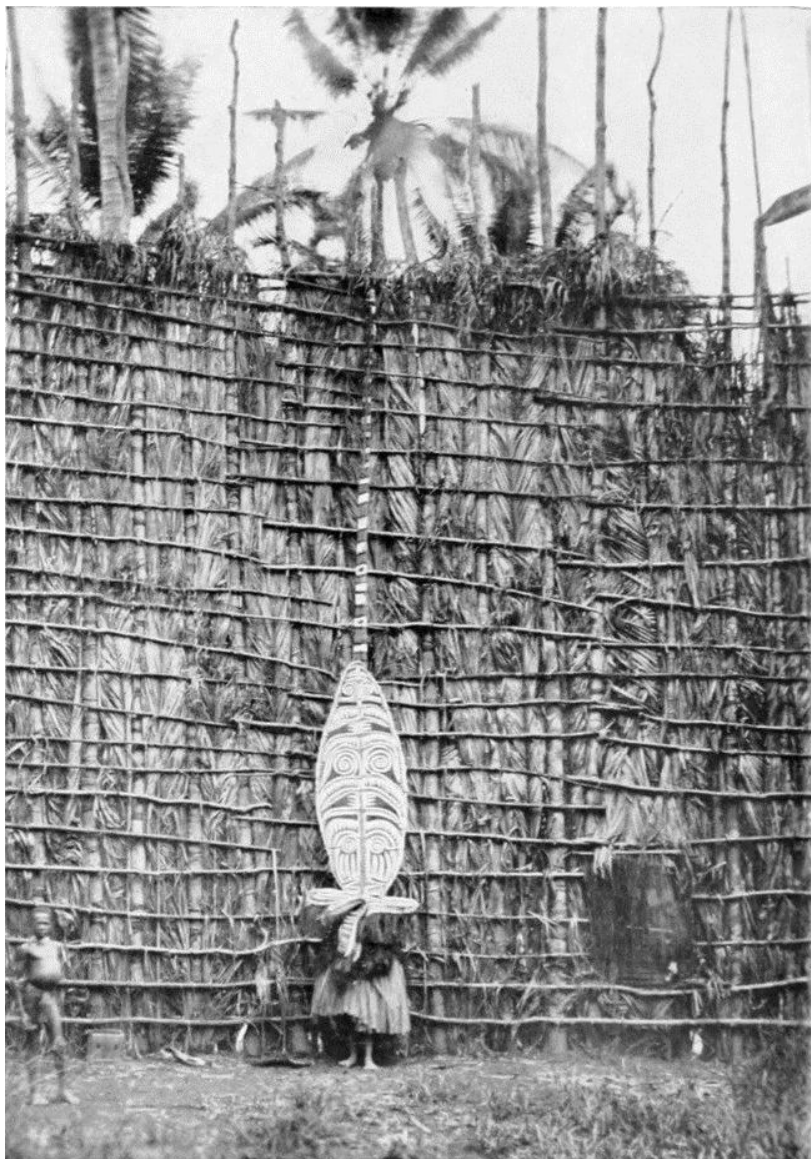

Фото: Х. М. Даунси.

Рис. 135. Маска кайвакуку с тремя лицами,
то есть лиц, которые, как полицейские, должны охранять урожай, объявленный табу.

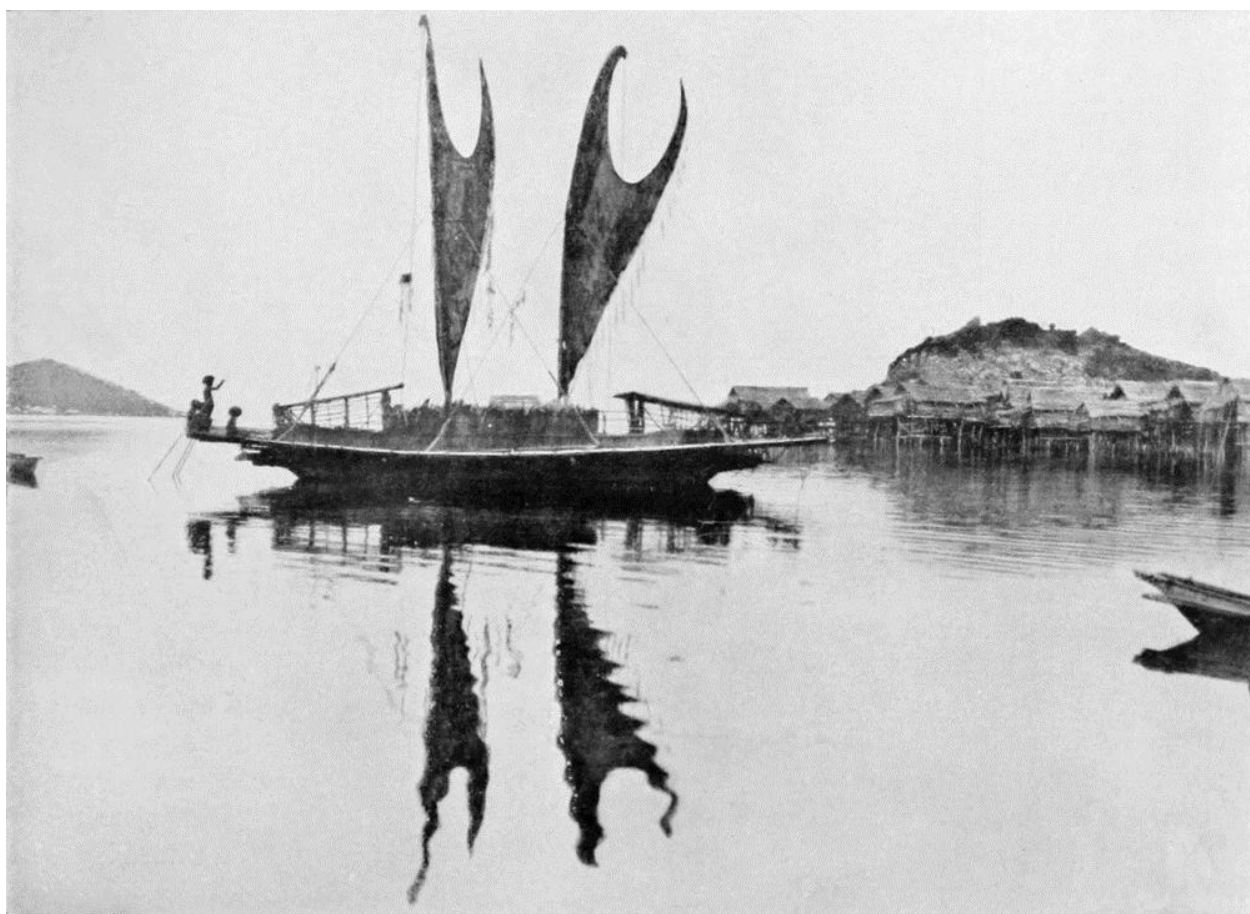

Вождь роро в праздничном наряде.

Украшение, расположенное на середине груди, является знаком вождя и состоит в основном из двух рядов тонких пластин, выточенных из клыков кабана. Молодой вождь, достигший зрелого возраста, торжественно украшается этим знаком.

На протяжении многих лет среди жителей деревень в окрестностях Порт-Морсби существовал обычай, согласно которому каждую осень в деревнях, расположенных в устьях крупных рек залива Папуа, организовывались торговые экспедиции для обмена самодельной посудой на саго. Подготовка к этим путешествиям на больших парусных судах, так называемых лакатои (рис. 136), начиналась уже весной двумя мужчинами из деревни, которые получали звания «полковника» и «предпринимателя». Сначала они набирали для каждого судна капитанов мачты и паруса, а затем остальную команду. Только в середине лета началось строительство корабля, который на самом деле состоял из четырех соединенных между собой отдельных каноэ. После завершения строительства колдун окурил определенные части лодки дымом от смеси корней дикорастущих растений (), когтей эму и рыла сига, а затем привязывал к определенным частям лодки мешочки из

банановых листьев с листьями того же дикорастущего растения. Эта церемония должна была придать лакatoi большую скорость и обеспечить удачу экспедиции. Затем устанавливали мачты и привязывали паруса, по форме напоминавшие клешни рака. Якорь, состоявший из камня, удерживаемого сеткой, также считался священным. Как только его опускали, его должны были специально охранять три человека. После того как он был наконец доставлен, сначала провели пробные плавания; во время этих плаваний целые толпы девушек собирались на платформах кораблей и исполняли танцы. Пока экспедиция была в пути, жены предпринимателя и полковника подвергались таким же ограничениям в питании, как и их мужья до начала путешествия. Им также не разрешалось входить в чужие дома и гасить огонь в своих, пока лакatoi не вернулся. Кроме того, в каждом доме вешали длинную нить и ежедневно завязывали на ней узел; каждые десять дней вокруг соответствующего узла обвязывали волокно, чтобы отметить его, и родственники экипажа лакatoi устраивали в доме небольшой праздник. Когда прошло пятьдесят дней и был завязан пятый большой узел, экспедицию ожидали ежедневно. Интересны знаки, по которым оставшиеся дома люди полагали, что их смелые родственники в путешествии чувствуют себя хорошо или плохо. Например, если кто-то чувствовал зуд в правой части тела, это было хорошим предзнаменованием, а в левой — плохим. Сны также давали информацию об этом, но тогда требовалось толкование колдуна. Если кто-то видел во сне горящую траву, это считалось хорошим предзнаменованием, даже если он видел, как собака гонится за валлаби или как он сам несет тяжелый груз бананов; напротив, плохим предзнаменованием считалось, если кто-то видел большой утес или камень или видел себя стоящим на куске дерева, плавающем в воде, и тонущим вместе с ним и т. п.

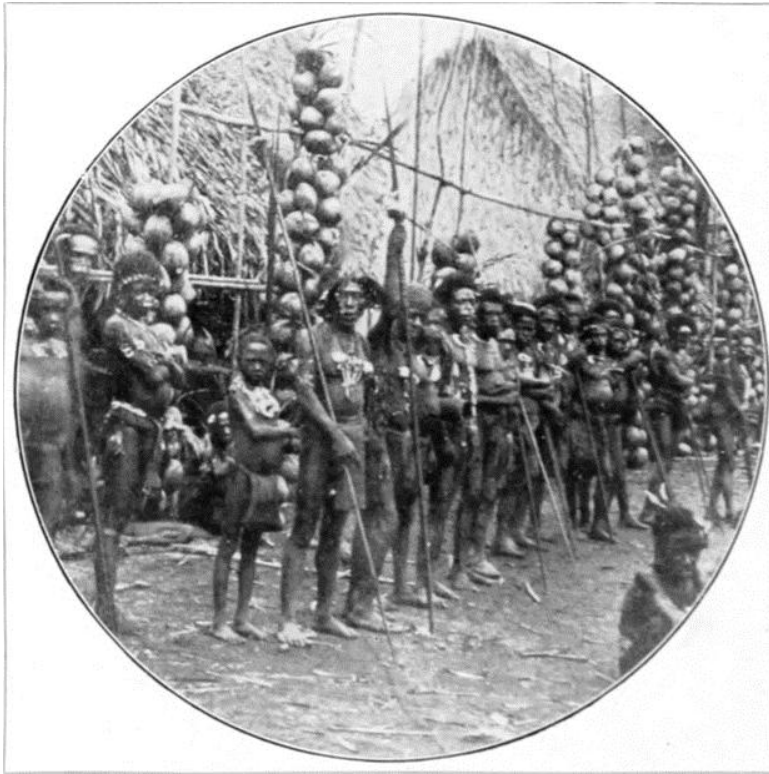

Из: Селигманн, Меланезийцы.

Как только возвращающаяся флотилия была замечена на расстоянии двадцати-тридцати морских миль, две жены вождей и члены экипажа приняли ванну и поплыли навстречу прибывшим на каноэ; их возвращение было для всех временем радости и волнения (рис. 142).

Коренные жители островов Санта-Крус для своих часто дальних морских путешествий по-прежнему используют примитивные лодки с выносными опорами, оснащенные платформой и хижиной (рис. 138), в то время как жители острова Эрмитаж уже строят большие, великолепно вырезанные и расписные лодки (рис. 140).

Еще один странный обычай в Новой Гвинее связан с изготовлением барабанов (рис. 139) мальчиками, которые бьют в них во время танцев. Как только мальчик роро достигает зрелого возраста, его первым долгом является изготовление такого барабана. Для этого он должен жить в буше; чаще всего для этого собираются несколько мальчиков. Пока углубление этих барабанов, изготовленных из куска ствола дерева, не будет достаточно выжжено, а сам барабан не получит нужную форму путем соскабливания дерева, мальчикам запрещено есть многие продукты; они также должны избегать любого контакта со свежей водой, потому что в противном случае горячий пепел, которым они выжигают углубление в дереве, не будет тлеть. В качестве напитка они пьют воду, скапливающуюся в банановых листьях, или кокосовое молоко. Пища должна быть приготовлена для них в особо маленькой кастрюле, чтобы они не стали слишком сильными и могли хорошо танцевать. Если кто-то из них съест рыбу, кость проткнет кожу его барабана. Но прежде всего мальчики должны избегать того, чтобы их видели женщины; если женщина увидит мальчика, то его барабан, даже если он уже почти готов, станет непригодным, и он сможет спокойно выбросить его и начать делать новый. У мафулу мальчик должен залезть на дерево или платформу и оставаться там до тех пор, пока не закончит свой барабан. Во время работы он должен всегда держать барабан кожей к ветру, благодаря чему барабан приобретает музыкальный звук. Женщина, чаще всего мать, приносит ему еду, которую он подтягивает к себе на веревке на свое возвышение. При этом на него не налагается запрет на еду, и ему не причиняется вреда, если его увидят женщины. — Другой вид барабанов, изготовленных из выдолбленного ствола дерева (рис. 143) и ударяемых сильной палкой, используется туземцами архипелага Бисмарка для подачи сигналов на большие расстояния.

Из «Колония и родина».

Рис. 137. Праздник кокоса на Руо (Новая Гвинея).

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Илл. 138. Каное из Санта-Круз,

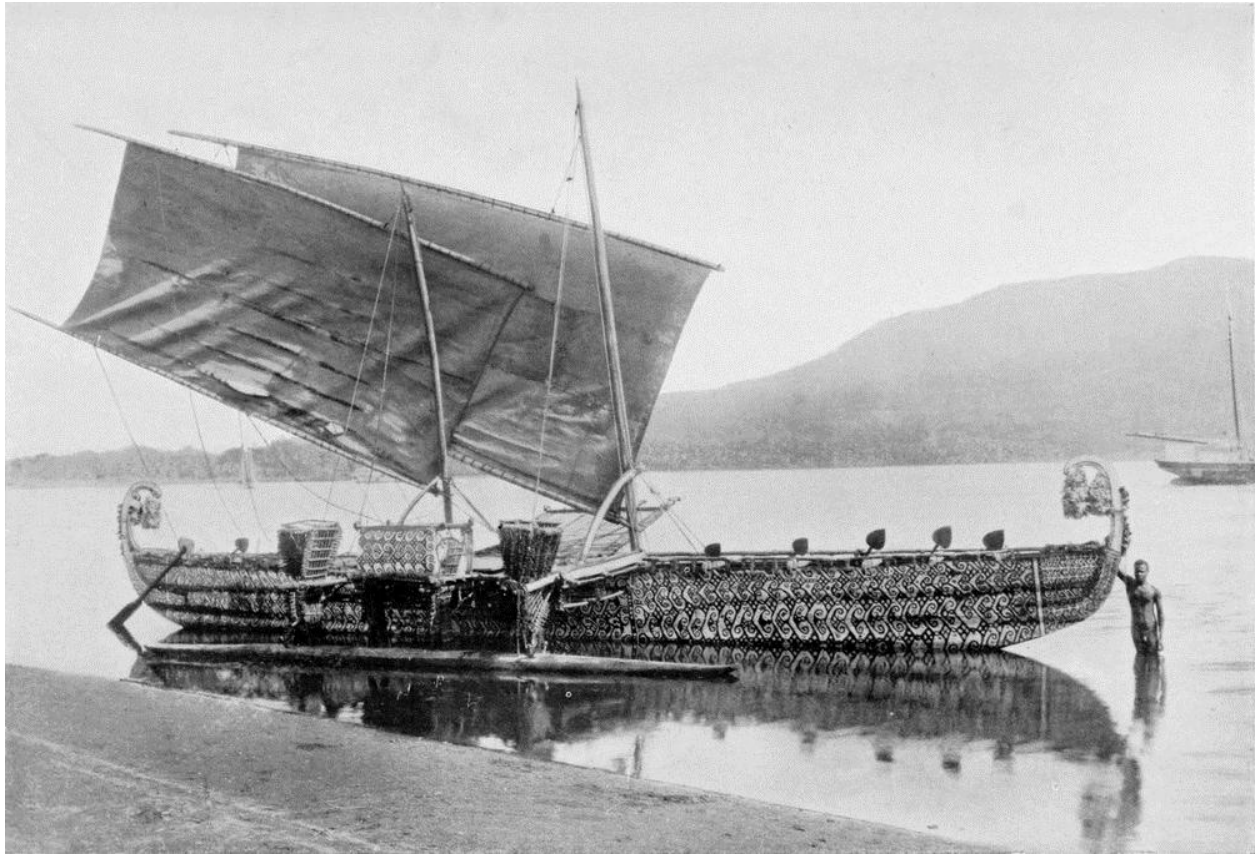
которая значительно отличается от лодок, используемых в остальной части Меланезии, благодаря длинной платформе и хижине, расположенной на выносной опоре. Для дальних путешествий используются паруса в форме ножиц.

Следует упомянуть еще один обычай коита, не лишенный определенного юмора, а именно « » — соревнование двух лидеров разных кланов, один из которых утверждает, что он больше и богаче другого, например, что у него больше сад, он собирает больше урожая и т. п. Другой, чувствуя себя ущемленным таким утверждением, вызывает его на соревнование, в котором каждый с помощью товарищей своего рода старается собрать как можно больше. В течение нескольких дней один из них при каждой возможности дарит другому продукты питания, за что тот чувствует себя обязанным как можно скорее сделать ответный подарок, который, однако, должен быть равен полученному по количеству и качеству; получатель и его семья потребляют то, что им подарили. В назначенный день на одной стороне деревни устанавливают ряд вертикальных шестов, соединенных между собой горизонтальными шестами. На них каждая сторона, начиная с одного конца, а другая — с другого, вешает по очереди бананы, собранные как в своих садах, так и в садах своих друзей. Поскольку каждый находит всеобщую поддержку со стороны своих соплеменников, деревенские сады в действительности разграбляются. Теперь наступает собственно праздник, на который каждый из соперников складывает все свои бананы и как можно больше сахарного тростника в огромную кучу. Снова начинается взаимный обмен подарками, причем каждый пытается превзойти другого, но на этот раз речь идет не о продуктах питания, а о ценных подарках. Если относительный размер сложенных куч фруктов с обеих сторон одинаков, то честь удовлетворена и соревнование заканчивается; если нет, то оно начинается заново, и, при необходимости, к нему присоединяются другие, пока не будет достигнуто равенство.

Фото С. G. Seligmann.

Илл. 139. Мекеогэк в танцевальном наряде
с осиной талией, считающейся элегантной среди мекео.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 140. Красиво вырезанная и украшенная парусная лодка с островов Гермит, предназначенная для длительных путешествий.

Узоры на бортах лодки раскрашены в коричневый и белый цвета, на загнутых внутрь концах киля в носовой и кормовой частях свисают пучки перьев.

Религиозные взгляды меланезийцев довольно неясны, по крайней мере для нас, тем более что исследования, проведенные до сих пор, охватывают лишь несколько племен. Однако можно с уверенностью сказать, что они не верят в единое высшее существо. Их религиозные представления основываются главным образом на силе душ умерших и духов, то есть сверхъестественных сил, не имеющих определенной формы. В основе этого представления лежит вера в сверхъестественную силу, в ману, которая изначально присуща духам и душам умерших, но может переходить и на определенных людей и других живых существ, и даже на неодушевленные предметы. У человека мана проявляется в особой физической силе или в ином превосходстве и совершенстве, в общем, в таких качествах, которые превосходят силу обычного смертного, которые выходят за пределы естественного хода вещей. Например, если человек имеет особую удачу в бою, то это не следует приписывать его личным способностям, а мане духа или умершего воина, которая дала ему эту силу, возможно, через какой-то амулет (камень), который он носил на шее, или пучок листьев, который он носил за поясом, или зуб на пальце руки, которая держала лук, или даже просто через формулу, с помощью которой он обрел сверхъестественные силы. Когда такой человек, наделенный маной, умирает, его сверхъестественная сила продолжает жить в его душе после смерти в усиленной степени и с большей свободой действий. Но, как уже было сказано, мана может переходить и на животных, растения и даже неодушевленные предметы. Если человек находит камень странной формы, который выглядит совсем не так, как те, которые он знал до сих пор, который, возможно, похож на клубень ямса или

кокосовый орех, он убежден, что в этом образовании должно быть мана; поэтому он берет камень с собой и закапывает его в своем саду или на своем поле, чтобы он проявил здесь свою силу. Если в результате действительно получается богатый урожай, он видит в этом подтверждение своего предположения. В конечном счете, мана, по-видимому, происходит от духов, которые являются ее источником и передают ее другим живым и неживым существам. Каждый человек или вещь, обладающие маной, могут передавать ее дальше, в том числе камням и другим предметам. Мана сама по себе является чем-то безличным, но ее действие всегда связано с личностью. Например, камень обладает маной, потому что с ним связался дух, или кость мертвого человека обладает маной, потому что душа этого человека пребывает в ней, или произнесенное заклинание имеет силу, потому что имя души или духа, выраженное в формуле, передает ему эту силу. Каждый видимый успех человека доказывает, что он должен обладать маной, и чем больше этот успех, тем больше должно быть содержание маны.

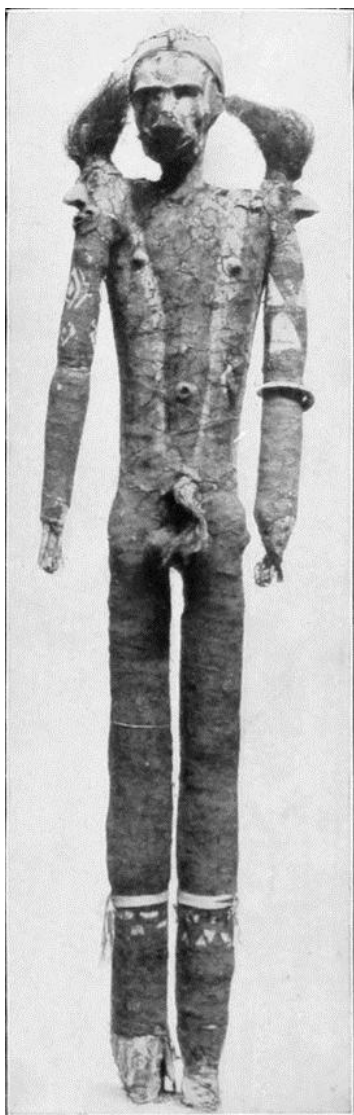

Фото. Британский музей.

Илл. 141. Фигура бога из Новых Гебридов
с человеческим черепом.

Религиозные обряды меланезийцев, в которых используются самые причудливые идола (рис. 141 и 144), достигают своего апогея, прежде всего, в Новой Гвинее — поскольку об этом мы знаем больше всего — в стремлении через молитвы и жертвоприношения

присвоить себе силу маны или использовать ее для собственного блага. В некоторых частях Меланезии это поклонение относится главным образом к душам умерших, например, на Соломоновых островах и островах, расположенных дальше на запад, в других же — как к ним, так и к духам, например, на Новых Гебридах и островах, расположенных дальше на восток. Молитвы, обращенные к этим силам, чаще всего представляют собой формулы, которые, как считается, приятны призываемому существу и известны только тем, кто имеет к нему доступ. Жертвоприношения имеют различные мотивы; они приносятся либо для того, чтобы примирить соответствующую силу с помощью животного вместо человека, который провинился, либо для того, чтобы просить у нее что-то, либо для того, чтобы порадовать ее, с тайным желанием достичь чего-то, либо для выражения должного внимания или уважения. — На Новых Гебридах и соседних островах в память о покойных высокопоставленных лицах устанавливаются большие вертикальные барабаны, которые бьют только во время похоронных церемоний (рис. 146).

Фото. Рев. Г. Браун.

Рис. 142. Меланезийские женщины,

в праздничных нарядах встречают своих мужей, вернувшихся из морского путешествия. Белые линии на лицах нанесены мелом.

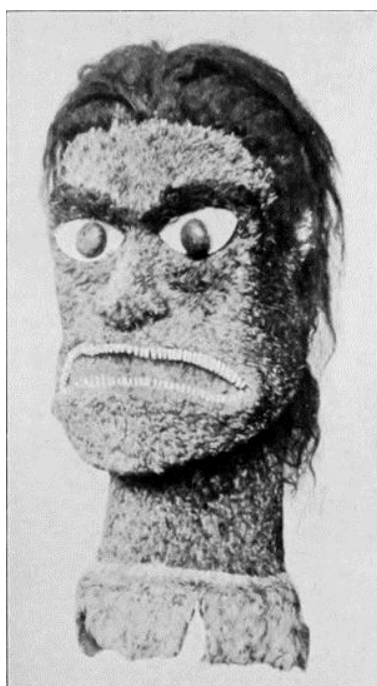
Самый простой и распространенный обряд жертвоприношения заключается в том, что душам умерших бросают небольшую часть корня ямса или другой пищи, приготовленной для еды, в знак памяти или участия в утрате. Этот обычай распространен по всей Меланезии. Он получил дальнейшее развитие в том, что еду кладут на место захоронения или перед памятником умершему (рис. 145), но не сжигают, а позже забирают и съедают. Еще более высокую ступень культа мертвых представляет обычай также класть еду на могилу, перед памятником или на алтарь, но сжигать ее, а позже снова съедать. В качестве примера такого жертвоприношения я привожу описание церемонии, которая проводилась на острове Сан-Кристобаль (Соломоновы острова) перед началом военного похода.

Сила, которой приносили такое жертвоприношение, была духом человека по имени Харума, который умер не так давно, поскольку некоторые пожилые мужчины еще помнили его. Этот дух, согласно поверьям, был сильным и могущественным в войне, что было несколько странно, учитывая, что при жизни Харума был дружелюбным и доброжелательным человеком, наделенным маной, но отнюдь не великим воином. Гробница Харумы представляла собой небольшой домик в деревне, в котором хранились его останки. Старики деревни собирались здесь, главный жрец выбирал человека, который задушил свинью на этом месте. Мертвое животное клали в чашу и разрезали, чтобы кровь собиралась в ней и не стекала на землю. После этого избранник брал кусок мяса, черпал ложкой из кокоса немного крови из чаши, затем входил в гробницу и брал с собой кусок мяса и чашу, наполненную кровью. Теперь он сначала откладывал свою сумку, мыл руки, чтобы предок не отверг его с отвращением, и громко восклицал: «Харума, вождь на войне! Мы приносим тебе в жертву эту свинью, чтобы ты помог нам наказать то место; все, что мы оттуда унесем, будет твоей собственностью, и мы будем принадлежать тебе». Затем он сжег мясо на огне на камне алтаря и вылил кровь в жар. Огонь разгорелся, и святилище наполнилось запахом подгоревшего свинины, что было знаком того, что дух Харумы услышал просьбу. Затем мясо было съедено. Описанная церемония была проведена одним человеком на благо всех, чтобы добиться успеха в предстоящей войне.

Из «Колония и родина».

Илл. 143. Сигнальный барабан из архипелага Бисмарка,
изготовленный из выдолбленного ствола дерева.

Илл. 144. Бог войны Гавайев,

состоящий полностью из разноцветных перьев.

Из: Ранни, «Южноморские каннибалы».

Илл. 145. Памятные изображения умерших на Соломоновых островах, которые часто воздвигаются на куче камней над могилой и которым приносят жертвы.

Но бывает и так, что туземец, узнав от других о некоторых вещах, которые особенно любит дух предка, использует их в своих интересах. Обычно это происходит в борьбе или в споре с личным врагом. Ведь без помощи этих духов потенциальный победитель не только подверг бы себя риску неудачи, но и вероятности того, что, даже если бы он убил свою жертву, он был бы вынужден полагаться на милость или немилость духа этого павшего. Поэтому он вступает в бой с чувством безопасности только под защитой еще более сильного духа предков, который, по его мнению, обладает большей маной. Сначала он предлагает своему дружественному духу немного его любимой пищи и призывает его на помощь и защиту, прежде чем приступить к предстоящему нападению. Если меланезиец находится в опасности или в затруднительном положении, он, естественно, также взывает к существу, в силе и готовности которого помочь ему он убежден. Он делает это также для того, чтобы это существо защищало его от опасностей на море, обеспечивало его каноэ быстрый ход, помогало ему в случае болезни, приносило ему удачу при рыбалке или сборе урожая и многое другое. Если результат оказывается удовлетворительным, то человек возносит хвалебные слова своему духу. Но, как уже было сказано, речь должна идти о духе или душе таких людей, которые при жизни обладали маной (); души незначительных людей, как и при жизни, так и после смерти не имеют веса и не способны ничего сделать. Напротив, душа значительного человека после смерти получает еще больше маны и поэтому способна исполнять желания тех, кто умеет заручиться ее помощью.

Настоящие духи, то есть те, которые никогда не принимали человеческого облика, чаще всего являются предметом церемоний на западных островах Меланезии. Однако способ их почитания значительно отличается от описанного выше. У этих духов нет ни гробниц, ни памятных изображений, как у умерших великих людей, а места, посвященные им, в основном являются творением природы. Единственное, что обычно связывают с таким

духом, — это камень несколько странной формы. Такие камни, возможно, когда-то были священными для отдельных духов древних времен; зачастую только один человек знает, как к ним приблизиться, и это знание передается ему из поколения в поколение. Поэтому только он может приблизиться к камню, потому что только он лично знаком с духом. Любой другой, кто хочет получить от духа какую-либо выгоду, должен сделать это через посредничество этого человека. Сначала он делает ему подарок в виде свиньи, матов, местных ракушек-денег и других ценностей. Последний теперь приносит жертву духу, положив свой дар на освященный камень, и призывает его на помощь.

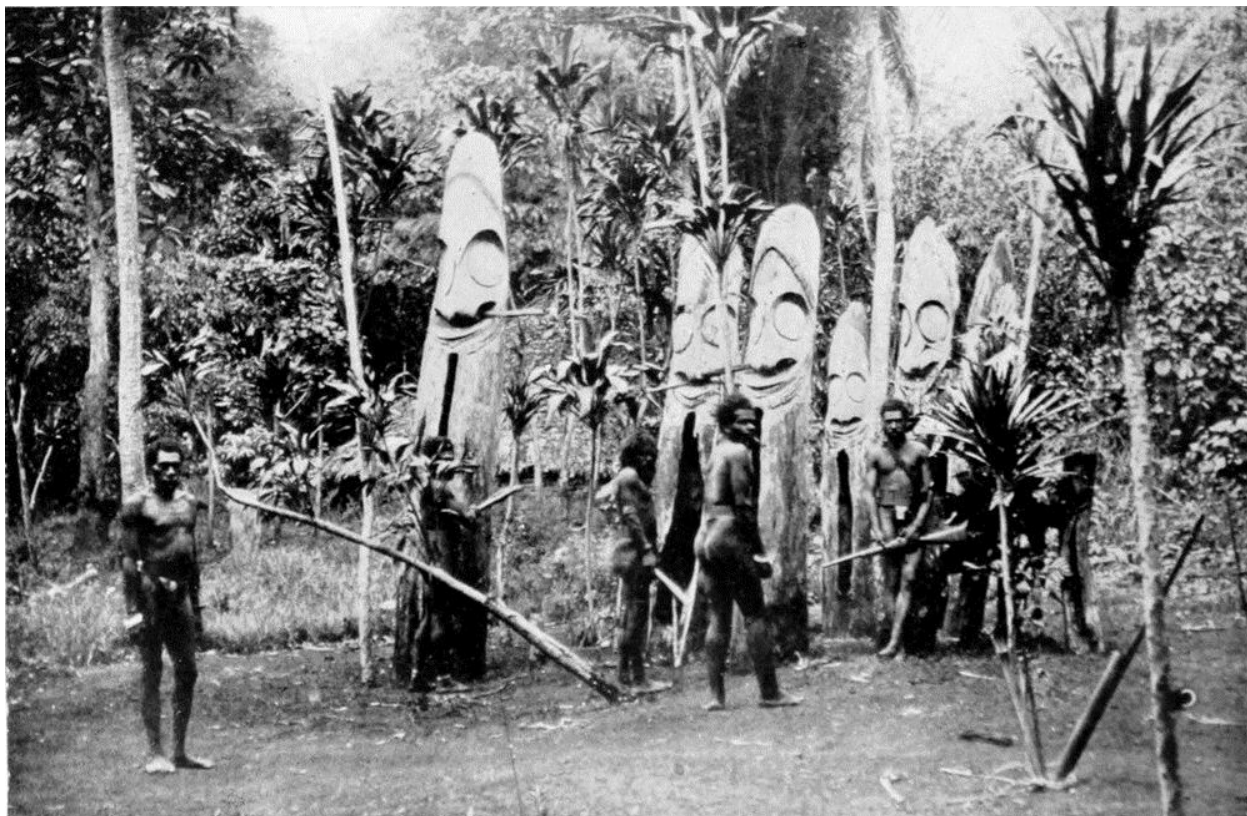

Фото С. М. Вудфорд.

Илл. 146. Памятные изображения умерших туземцев высокого ранга на Новых Гебридах в виде больших вертикальных барабанов, которые бьют только во время похоронных церемоний.

Фотография Дж. В. Битти, Хобарт.

Рис. 147. Гробница для высокопоставленного туземца с Соломоновых островов.

Меланезийцы сформировали следующее представление о сущности душ предков и духов. В течение своей жизни человек хранит в своем теле свою «душу» (), которая после смерти покидает его в виде души предка. Она может покидать тело и во время сна; но если человек просыпается до того, как душа вернется, он, вероятно, заболеет; если душа остается вдали слишком долго, человек умирает. Чихание у коита считается признаком того, что душа вернулась; если человек не чихает в течение нескольких недель, это считается дурным предзнаменованием. Когда человек умирает, его душа отправляется в определенное место, которое у разных народов находится в разных местах, но в целом считается своего рода раем, то есть местом, где душа ведет такую же счастливую жизнь, как и при жизни, имея в своем распоряжении, среди прочего, дома, сады, женщин, пищу и так далее. Важно, чтобы умершему при жизни прокололи перегородку носа; в противном случае это необходимо сделать после смерти (). Ведь если он прибудет в рай без этого украшения тела, то ему придется ходить там с животным, похожим на слепую змею, в носу. Согласно верованиям

туземцев Новой Померании, душа на своем пути к месту будущего пребывания должна пройти мимо двух скал, где ее спрашивают о ее жизни. Если ее обладатель был щедрым, она может идти дальше, но если он был скупым, она должна вернуться на юг, в горы, где она превращается в скалу и должна стоять в прибое. Однако душа, покинувшая тело, не остается навсегда в этом царстве духов, а предпочитает время от времени, чаще всего ночью, возвращаться в свою прежнюю родину, но отнюдь не всегда с чувствами доброжелательности; напротив, она стремится навредить оставшимся, особенно если они совершили что-то плохое, например, пренебрегли погребальными обрядами, нарушили племенные законы и т. п. За такие поступки душа посылает болезни и несчастья. Поэтому людям приносят жертвы душам умерших, чтобы расположить их к себе или примирить. В некоторых случаях считается, что души могут принимать определенную форму, например, согласно вере народа мафулу, душа молодого человека превращается в мерцающий свет на земле или в подлеске, а душа пожилого человека — в большой гриб, растущий на местных горах, согласно вере сулка (Новая Померания), что она превращается в падающую звезду, и многое другое. Мафулу убеждены, что души иногда спускаются в деревни, чтобы добыть пищу или с другими намерениями, и, поскольку они боятся их визитов, ночью закрывают все отверстия в своих домах, через которые духи могли бы проникнуть внутрь. Поэтому они были не мало удивлены, когда увидели, что католические миссионеры при открытии станции Мафулу смели спать при открытых дверях и окнах. Мафулу вообще считают любое место, которое выглядит необычно, например водопад, глубокое место в реке, узкий глубокий ущелье или скалу странной формы, возможным местом обитания души. Они также верят, что некоторые деревья и вьющиеся растения населены душами, и поэтому не осмеливаются их рубить или обрезать. Когда группа болтающих туземцев проходит мимо мест, которые, как предполагается, обитают души, они замолкают; каждый из них заранее вооружается пучком травы, связанным в узел, и, проходя мимо, кладет его на таинственное место; тем самым он верит, что отвращает от себя всякую опасность.

Фото Г. Ландтманн.

Илл. 148. Туземец из Флай-Ривер в образе духа, вернувшегося из царства мертвых.

Одеяние состоит полностью из листьев. Женщины верят, что танцующий перед ними дух является их умершим родственником, и плачут во время танца.

У папуасов к западу от реки Флай мужчины, которые должны изображать духов, вернувшиеся из страны мертвых, танцуют перед туземными женщинами. Их тела и лица полностью покрыты листьями (рис. 148), так что их невозможно узнать. Женщины верят, что танцоры являются их умершими родственниками, и плачут во время танца. — Духи также играют важную роль в верованиях меланезийцев. Они верят, что почти на каждом шагу окружены ими и их влиянием. Считается, что они обитают в определенных местах или районах, а также в предметах, таких как скалы, деревья, источники, водоемы, могут принимать облик определенных животных, таких как змеи, морские звезды, крабы и т. п., и осуществлять свою власть в пределах своей территории. Например, если член группы, разбившей лагерь на открытом воздухе, заболевает или умирает, получает раны или язвы

от укуса насекомого, испытывает какие-либо неприятности, то это событие приписывают действию духа того места, где находился несчастный. Поэтому люди боятся этого места и в следующий раз его избегают. От таких случайностей люди пытаются защититься с помощью магии или предотвратить их. Например, недалеко от Порт-Морсби находится холм странной формы, который считается местом обитания духа и поэтому не посещается; с помощью палки или дерева из окружающего леса можно нанести другому человеку тяжелые ранения. Если кто-то убивает валлаби во время охоты в окрестностях этого холма, он тщательно следит за тем, чтобы ни одна капля крови не упала на землю. Если это все же произошло, кусок земли осторожно убирают и бросают в реку, иначе люди, которые съедят мясо этого животного, заболеют. Если люди хотят пить из определенного водоема, в котором обитает дух, они должны сначала проделать отверстие в скатанном в конус листе, которым они черпают воду, чтобы дух выпал. Если они этого не сделают, дух вселится в человека, который пьет воду, и приведет его к отеку и смерти. Иногда злой дух овладевает душой человека. Например, если кто-то по возвращении из буша заболевает лихорадкой с ознобом, то считается, что он упал и дух забрал его душу. Тогда необходимо провести специальную церемонию, чтобы заставить духа выйти. Ценные украшения привязываются к длинной бамбуковой трубе, и больной вместе со своими друзьями возвращается в то место, где, по его мнению, он упал и потерял сознание; двое других мужчин приносят трубу. Теперь они ставят горшок на землю, наполняют его особым видом травы и горящим факелом и держат бамбуковую трубу в горизонтальном положении над ним. Пока трава потрескивает и горит, мужчины стоят вокруг горшка, каждый с камнем в руке, бьют им по горшку и разбивают его со стонами. Затем компания возвращается с бамбуком в деревню, но никто не должен оглядываться. Придя домой, больной ложится, а бамбуковая палка вешается над его постелью. Существует суеверие, что дух принимает души украшений, прикрепленных к бамбуковой палке, в качестве замены души больного человека, и что в результате тот выздоравливает.

Колдовство и магия занимают важное место в суеверных представлениях меланезийцев. Так, гадалки на островах Торресова пролива используют специально подготовленные человеческие черепа (рис. 149 и 150). Мы уже неоднократно затрагивали эти два момента. Волшебник, который использует свою таинственную силу, делает это с помощью духа, а именно благодаря мане, которую тот ему даровал. Такие способности передаются от их обладателей другим людям, которые посвящаются в них. Любая болезнь, которая не является обычной, то есть возникает в естественном ходе жизни и воспринимается как таковая, считается ими делом духа или души предка. Однако существа, которым обычно приписывают причинение болезней, — это души, которые либо были оскорблены, либо были обращены к своей пагубной помощи людьми, связанными с ними посредством жертвоприношений и заклинаний, либо действуют из чистой злобы по отношению к живым. Обычно считается, что дух пожирает человека. Часто сначала необходимо найти душу или духа, вызвавшего болезнь; если, например, выяснилось, что больной незаконно вошел в освященное место, то можно предположить, что дух этого места вызвал его болезнь. В этом случае приглашают доверенное лицо этого духа, которое проводит церемонию с больным — например, на Флориде (острова Соломона) он жует имбирь и дует им в ухо пациента — и просит духа излечить болезнь. Если больной не выздоравливает, то пробуют то же самое с другим, возможно, обиженным духом. Если невозможно определить, о каком сверхъестественном существе идет речь, то кто-то, кто знаком с могущественным духом, обращается к нему и просит посредничества в отношениях с обиженным духом, при этом само собой разумеется, что тот знает его. В некоторых случаях предполагают, что какой-то человек, желающий зла больному, призвал своего собственного знакомого духа и заставил его вызвать болезнь; тогда пытаются убедить человека, связанного с еще более могущественным духом, из сострадания отозвать пожирающего духа. Если он отказывается

это сделать, то всегда остается возможность обратиться к тому, кто имеет связи с еще более могущественным духом, чтобы тот изгнал другого. Исход, будь то выздоровление или смерть, влияет на общественное мнение о относительной силе различных душ или духов.

Фото А. К. Хэддон.

Илл. 149. Подготовленный и украшенный череп для гадания на островах Торресова пролива.

Тот, кто хочет воспользоваться его силой, кладет его на ночь рядом с головой; во сне ему открывается истина.

Фото А. К. Хэддон.

Рис. 150. Подготовленный и украшенный череп для гадания на островах пролива Торреса.

У туземцев Нового Мекленбурга, Нойлауэнбурга и других островов Меланезии для лечения черепных травм, которые в большинстве случаев возникают в результате удара камнем, а также для устранения эпилепсии или облегчения постоянных сильных головных болей, проводят трепанацию, то есть обнажение поверхности черепа и, в некоторых случаях, вскрытие черепной полости. В менее серьезных случаях ограничиваются соскабливанием лобной кости; это тоже может оставлять глубокие шрамы (рис. 151). Обломки обсидиана, острый зуб акулы или заточенная ракушка служат примитивными инструментами для этих операций.

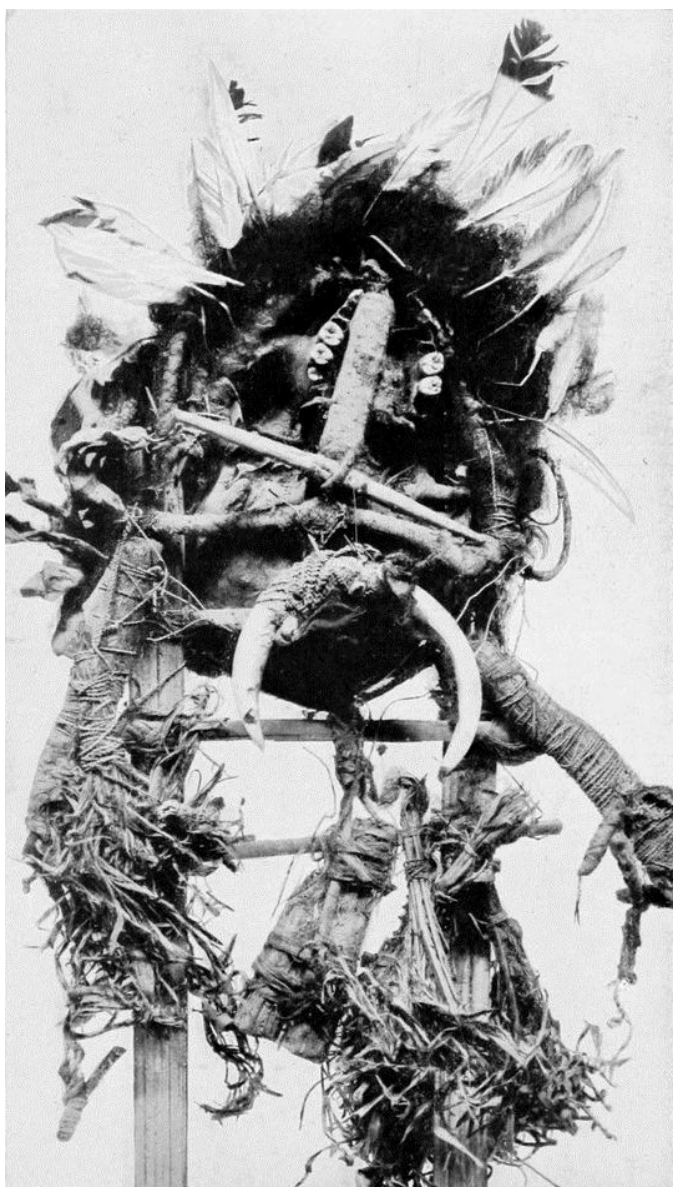
Если в районе Ноймекленбурга есть подозрение, что человек умер от колдовства, его друзья собираются на следующую ночь у его дома; колдун взывает к его душе и спрашивает, кто был виновником. Не получив ответа, он выкрикивает имя подозреваемого, и окружающие с нетерпением ждут ответа. Но если ответа нет, то вызывают другое имя; это повторяется до тех пор, пока не раздастся звук, пусть даже просто шум, как будто кто-то стучит пальцем по доске. Тогда последнего названного считают виновным; то есть верят, что не он непосредственно виновен в смерти своего ближнего, а сила знакомого ему духа. В некоторых районах Соломоновых островов колдун, вызванный к больному человеку, обнаруживает духа, причинившего беду, привязывая камень к веревке, которую держит в руке, и произнося имена недавно умерших. Если камень, висящий вертикально на

веревочке, при каком-либо имени приходит в движение, то по этому можно понять, что это могла быть только душа этого человека. Теперь по очереди называются имена подарков для духа, например, ямс, рыба, свинина и т. п.; движение камня указывает, что выбрал дух для умиротворения. Требуемый им подарок приносят в жертву на могиле умершего или в освященном месте.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 151. Молодой человек с глубокими шрамами на лбу, оставшимися после операции на черепе, которая была проведена в раннем детстве с целью избавиться от эпилепсии или головных болей.

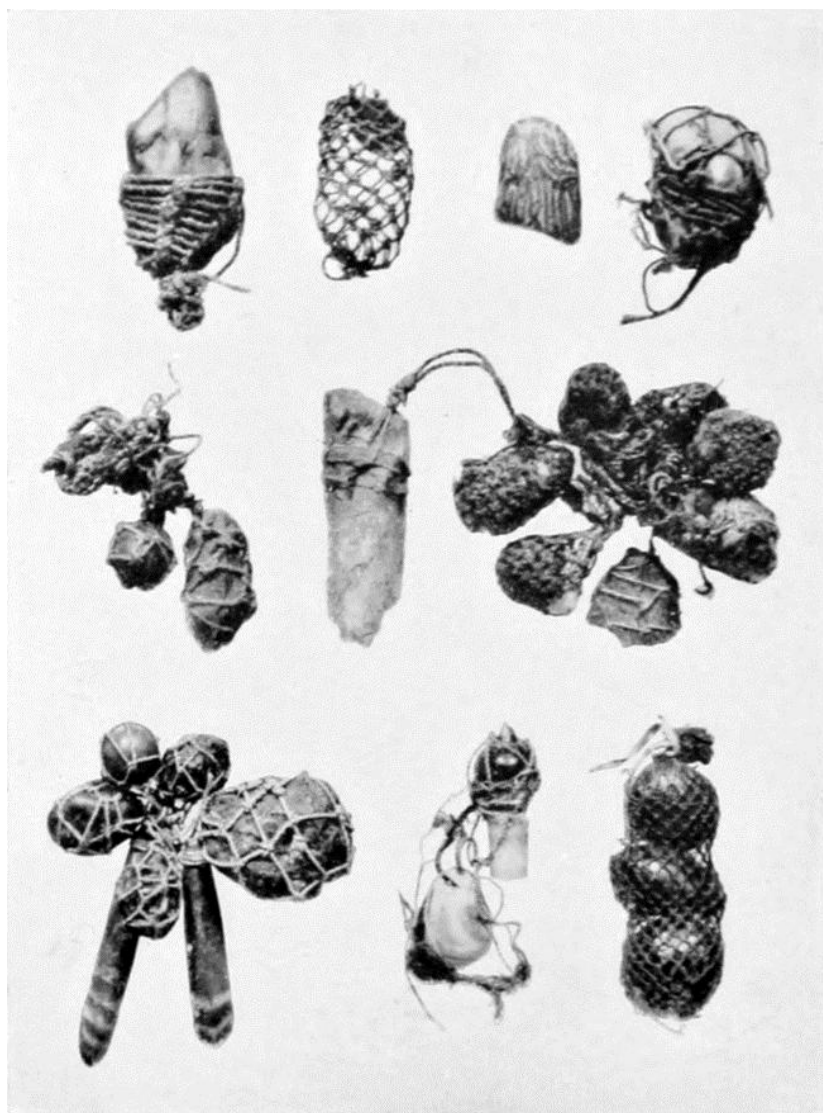
Из: Селигманн, Меланезийцы.

Илл. 152. Человеческий череп из Роро (Новая Гвинея), используемый в магических целях.

Череп помещен в плетеную корзину основой наружу, что должно изображать лицо.

В некоторых районах Меланезии существуют различные методы вызывания болезни или смерти, но все они основаны на идее, что жертва должна быть каким-то образом связана с духом, который должен ей навредить. Обычно это делается следующим образом. Берут что-нибудь с тела выбранной жертвы (, [рис. 152](#) и [153](#)), например, волос, кусочек ногтя или что-нибудь, что было с ней тесно связано, скажем, остатки его недавнего обеда или лист, которым он вытирал пот со лба, и направляет на него злую магическую силу кости мертвеца, душа которого является исполнительной силой, или камня, обладающего маной, чтобы причинить зло, или любого другого подобного предмета. Или же этот предмет бросают в освященное место, где обитает дух. Это должно привести к тому, что его носитель заболеет или постигнет какое-то другое несчастье. Жертва вскоре узнает от третьего лица, что на нее наложено заклятие, и представление о том, что ей грозит беда, чаще всего смерть, так сильно влияет на ее психику, что она действительно заболевает и с каждым днем становится все более немощной. Родственники обращаются к колдуну (), который с помощью знакомого ему духа пытается заставить чужого духа оставить свою жертву в покое. Чтобы предотвратить такое несчастье, у этих людей принято тщательно прятать

предметы, которые могут быть использованы для этих целей, чтобы они не попали в руки злоумышленника. Другой способ отвращения колдовства был замечен в одном из районов Немецкой Новой Гвинеи. Больной часто посылал посланника в определенное место, где, как предполагалось, обитала подозрительная душа, чтобы принести оттуда пучок травы; он приносил его, завернутым в листья особого растения и связанным определенным вьющимся растением. Больного поглаживали этим маленьким пучком, чтобы злая сила, которой он был одержим, перешла туда; после этого пучок тщательно избивали, чтобы раздавить силу, или вешали в дыму костра, чтобы задушить ее. — Туземцы также используют лекарства, которые, по их верованиям, способны изгнать колдовство и болезнь. Некоторые из них, возможно, обладают определенной целебной силой, но в большинстве случаев их эффективность основана на вере в силу сверхъестественного духа; практикующий колдун знаком с духом, и именно этот дух и приносит исцеление.

Из: Браун, «Меланезийцы».

Илл. 153. Средства колдуна.

Содержание сетей состоит из частей тела (волос, ногтей и т. п.) человека, которого нужно заколдовать.

Духи и души также управляют погодой; и так же ею управляют все те, кто знаком с ними и может прибегнуть к их посредничеству. Поэтому существуют также создатели погоды, которые вызывают ветер и штиль, дождь и солнце, голод и обильный урожай в пользу тех, кто прибегает к их помощи, или во вред врагам последних (рис. 154 и 155). Духи и души

также могут наделять заклинаниями, камнями, листьями и другими неодушевленными предметами силу, чтобы они сами по себе влияли на погоду. Методы, которые используют эти создатели погоды, очень разные. На одном из Соломоновых островов, например, для привлечения солнечного света использовался следующий метод. Один из островитян привязывал определенные листья и вьющиеся растения к концу бамбуковой палки и держал ее над огнем. Мужчина раздувал огонь и пел, чтобы придать огню ману, которая, в свою очередь, должна была передаваться листьям. Затем он залез на дерево и прикрепил бамбуковую палку к самой верхней ветке. Когда ветер качал гибкую трубку из стороны в сторону, она распространяла ману вокруг себя, в результате чего должно было появиться солнце. — На Новых Гебридах туземцы верят, что могут вызвать солнечный свет, держа над огнем ветки растения, высушенные маной, и напевая заклинания в надежде, что, так же как эти ветки высохли и сгорели в огне, земля также высохнет под воздействием солнечного тепла. На островах Санта-Крус, чтобы вызвать ветер, ветку определенного дерева также размахивают в воздухе, напевая заклинания.

Фото А. К. Хэддон.

Рис. 154. Зонт из кокосовых листьев,

в котором колдун прячет заклинание дождя. Его верхняя часть окрашена в черный цвет, чтобы изобразить облако, а на верхушке подвешены молодые листья кокосовой пальмы, чтобы символизировать падающие капли дождя.

Вся жизнь и деятельность меланезийцев, кажется, пронизана магией, которая применяется в самых разных случаях, вообще во всем, что занимает и радует человеческое сердце. Например, если охотник в Немецкой Новой Гвинее хочет, чтобы его поход был удачным, он сжигает определенный вид дерева, которое произрастает в глубине леса, где обитают «охотничьи духи», и чернит сажей лицо, руки, колени и локти, а также нос своей собаки, или он смешивает крошечные частицы крокодилового зуба с собачьим кормом, чтобы жадность и сила этого животного перешли на его спутника, или он касается носа собаки когтем ястребоподобной птицы, чтобы она так же крепко держала свою добычу, как и эта птица. Чтобы добиться успеха в выращивании корней таро, туземцы должны иметь камень таро, который они призывают и которым касаются кусочков таро, прежде чем помещать их в землю. Возникновение таких камней таро объясняется следующей интересной легендой. Жил-был дух, который очень любил таро и съел огромное количество этого корня; но когда корни начали прорасти в его желудке, тот лопнул, и куски таро разлетелись во все стороны и превратились в камни, которые с тех пор обладали способностью приносить успех в выращивании таро. Волшебные камни также используются, чтобы сделать мужчин ловкими, легкими и выносливыми, чтобы они могли танцевать всю ночь без усталости; с камней соскребают порошок и втирают его в конечности этих танцоров. Некоторые мужчины также обладают даром предсказания, который, согласно суевериям туземцев, в большинстве случаев дается им духами и душами умерших; их ответы произносятся устами предсказателя, который во время диалога с духами, по-видимому, теряет сознание. Например, если обсуждается военная кампания, один из участников, который, по слухам, знаком с неземным духом, чихает и дрожит, из чего можно заключить, что дух вселился в него. Его глаза начинают сверкать, изо рта идет пена, конечности дергаются, в конце концов все тело сжимается в судороге; после этого из его горла раздается голос, но, как утверждается, не его собственный, а голос духа, который одобряет или не одобряет предложение собрания. Этот ответ является решающим для участников.

Фото А. К. Хэддон.

Илл. 155. Заклинание дождя (человеческое лицо)
с островов Торрессова пролива.

Фотография Р. В. Уильямсона.

Рис. 156. Табу-знак на Соломоновых островах,
представляющий крокодила; для защиты кокосовых пальм.

Фото Р. В. Уильямсон.

Рис. 157. Знак табу из связки листьев,
означающий, что нарушитель запрета в своем каноэ на море будет унесен ветром и потонет.

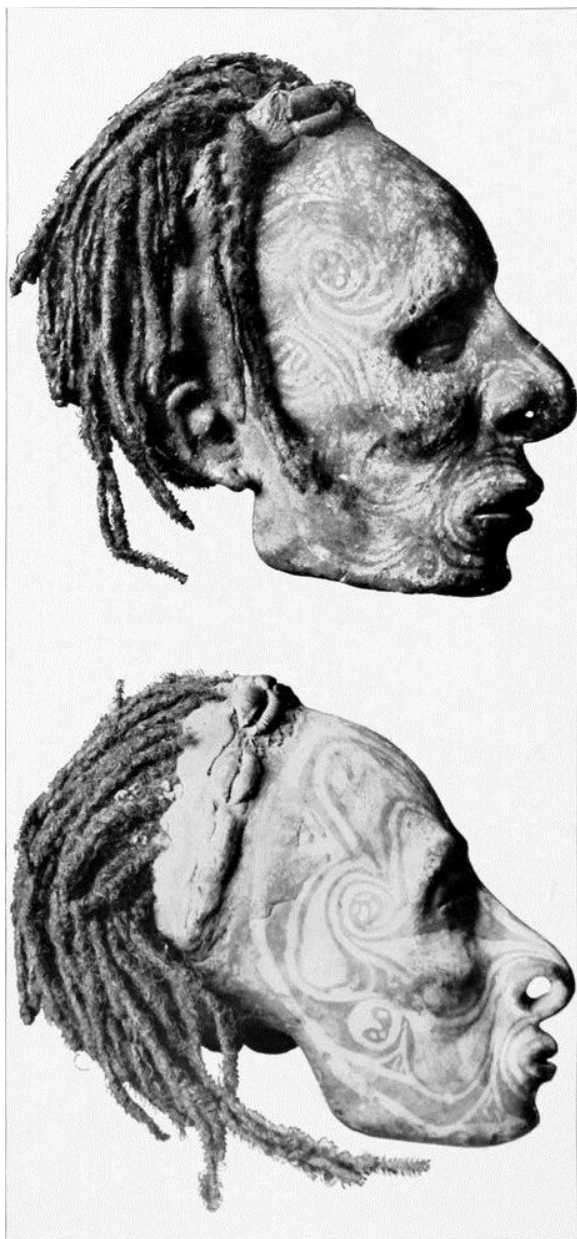

Фотография Р. В. Уильямсона.

Рис. 158. Знак табу (ракушка на палке),
означающий, что нарушитель потеряет слух (по сходству ракушки с ухом).

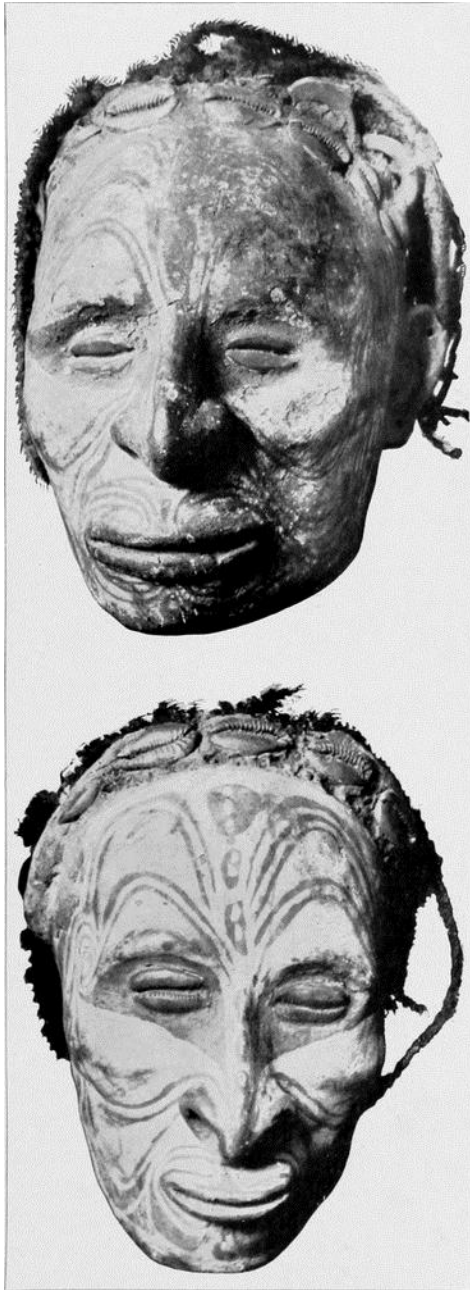
В одном из районов Адмиралтейских островов гадают () следующим образом, чтобы определить, следует ли вступать в бой или нет. Гадатель сворачивает лист бетеля, откусывает от него кусочек, жуёт его вместе с арековым орехом и какает слюну в сверток; в зависимости от того, в какую сторону она стекает после вскрытия свертка, принимается решение о войне или мире. На Соломоновых островах, а также в других местах, для доказательства вины или невинности человека, обвиняемого в преступлении, обычно используются божественные суды. Способы проведения таких божественных судов или испытаний в разных регионах очень разные. Например, обвиняемый призывает на помощь человека, обладающего камнем с магической силой. Тот нагревает камень и перебрасывает его из одной руки в другую; если он обжигает себе руки, то обвиняемый виновен, если нет, то он невиновен. В некоторых районах Голландской Новой Гвинеи, как и в большинстве случаев в Меланезии, туземцы приписывают смерть одного из своих родственников злым замыслам кого-то другого и пытаются найти виновного. Тело умершего высушивают над умеренным огнем, а жидкость, вытекающую из тела в течение следующих нескольких дней, собирают и хранят. Затем, при подходящем случае, эту жидкость дают выпить тем, кто

подозревается в причинении смерти; если после ее употребления они рвут, их вина считается доказанной, и их смерть является дальнейшим следствием. На небольшом острове к северу от Голландской Новой Гвинеи место этой жидкости из тела занимает порошок, изготовленный из костей умершего. Если подозреваемый не в состоянии проглотить порошок, его вина считается доказанной, и смерть ему обеспечена. В окрестностях Финчхафена с тревогой и напряжением прислушиваются к словам, которые произносит больной в своих лихорадочных галлюцинациях или во сне, чтобы узнать имя человека, который наложил заклятие, или же вечером в день смерти зажигают костер в деревне и по очереди называют имена людей, которые могли быть виновны в смерти; тот, при произнесении чьего имени огонь ярко вспыхивает, считается виновником. Теперь возникает вопрос: не возмущается ли правовое чувство туземцев в случае, если колдун ошибается или его предсказания не сбываются? Иногда это действительно происходит. Так, в Немецкой Новой Гвинее колдун часто вынужден выплачивать компенсацию в тех случаях, когда его заклинания не сработали. Например, если его попросили вызвать дождь, а тот, пролившись ливнем, не хочет прекращаться, он должен возместить ущерб, нанесенный урожаю из-за чрезмерных осадков. Во многих случаях колдун, благодаря своим многолетним наблюдениям и опыту, достигает желаемого результата. Однако в случае неудачи он мудро объясняет это тем, что сила духа, к которому он взывал, была ослаблена противодействием еще более высокого духа, и туземцы удовлетворяются таким объяснением.

Оригинал в Музее этнографии, Берлин.

Рис. 159 и 160. Препарированные человеческие черепа из реки Императрицы Августы (Немецкая Новая Гвинея).

Оригинал в Музее этнографии, Берлин.

Рис. 161 и 162. Препарированные человеческие черепа из района реки Императрицы Августы (Немецкая Новая Гвинея).

Весьма распространенным во всей Меланезии является также верование в предзнаменования, особенно когда речь идет о результате запланированного похода, будь то на охоту, на рыбалку или на войну. На некоторых островах к востоку от Новой Гвинеи писк летучей лисицы предвещает рыбакам удачу на рифе, а крик определенной птицы — несчастье; кто слышит последний, тот немедленно возвращается. На одном из Новых Гебридов обитает маленькая птица, чей крик то звучит как местное «нет», то как голос говорящего человека. Когда мужчины в экспедиции слышат первый крик, они считают это плохим знаком, в противном случае они отправляются в путь с большой надеждой. У коита считается счастливым знаком, если во время охоты на черепах или джунго в их каноэ прыгает летучая рыба или во время охоты кричит определенная птица; они сразу же продолжают путь в том направлении, откуда донесся крик. Напротив, появление зеленой голубки считается дурным предзнаменованием; если охотничья группа встречает такое животное в том направлении, в котором она движется, то она немедленно разворачивается

и до следующего дня ничего больше не предпринимает. В суевериях меланезийцев также играют роль левая и правая стороны. Например, если с правой стороны каноэ выпрыгивает рыба-меч или охотник случайно ударяется правой ногой о камень, это означает для него удачу, в противном случае он опасается несчастья. Некоторые события рассматриваются как предупреждение о приближающемся несчастье. Появление лягушки или другого существа, которое обычно не бывает в хижине, жители Новых Гебридов считают предвестником смерти; блестящая золотистая змея также считается предзнаменованием смерти; если она лежит спокойно, то считается, что смерть наступит от болезни, но если она двигается, то наступит насильственная смерть. На полуострове Газель определенная птица считается предсказателем грядущей смерти; такое же значение имеют здесь падающие звезды; их считают душами умерших, которые приходят на землю, чтобы забрать кого-то, кого они выбрали. У жителей внутренних районов Новой Померании кольцо вокруг солнца означает, что кто-то был убит, фосфоресцирующие огни на воде, по их мнению, исходят от купающихся духов и так далее.

В Меланезии также существует обычай табу, то есть обычай делать определенные предметы, людей или места неприкосновенными или недоступными, накладывая на них запрет на определенный срок или навсегда. Однако его авторитет и ограничительная сила заключаются не только в личном запрете, который налагает человек, но и в силе духа, который благодаря своему манасу связан с ним и наказывает любое нарушение табу. С точки зрения своей эффективности табу можно сравнить с проклятием. Табу, как правило, защищает право собственности человека. Один хочет таким образом защитить свои сады или кокосовые пальмы от кражи урожая, другой — свою рыболовную сеть или каноэ от похищения, третий — по той же причине накладывает табу на свой дом на время длительного отсутствия. Как мы уже слышали выше, мальчики и девочки до достижения половой зрелости также подпадают под действие табу, то есть определенные лица не могут приближаться к ним, они сами не могут прикасаться к определенным предметам и не могут употреблять определенные продукты. Для женщин и детей табу являются дома собраний мужчин, а также места тайных обществ, то есть они не имеют права входить в них и смотреть на священные обряды, которые там совершаются. Внешне табу обозначается хорошо заметным знаком, например, пучком травы или связкой листьев (рис. 157), которые привязывают к соответствующему предмету, или двумя перекрещенными палками, воткнутыми в землю, резными палками, двумя пальмовыми листьями, сложенными вогнутой стороной друг к другу и надрезанными по краям, что имитирует пасть крокодила, и т. д. (рис. 156 и 158). Каждый из этих знаков служит предупреждением, которое понимается и, как правило, соблюдается. Ведь нарушение табу влечет за собой суровое наказание духа, чаще всего тяжелую болезнь или даже смерть. На Земле императора Вильгельма можно избежать наказания за непреднамеренное нарушение табу; пострадавший дает нарушителю в качестве лекарства зачарованную воду.

Фото Р. В. Уильямсон.

Рис. 163. Могила мафулу.

Более подробного обсуждения заслуживают погребальные обряды меланезийцев, которые иногда сопровождаются довольно сложными церемониями. В Меланезии нет единого мнения о том, как следует поступать с умершими. Обычно с простыми людьми не церемонятся, зато тело вождя или представителя высшего сословия, как правило, получает почетное обращение.

Из: Селигманн, Меланезийцы.

Илл. 164. Стул для мертвых у коита.

В большинстве случаев покойник, как и у нас, предается земле. В тех районах, где такое погребение является прерогативой вождей, тело погружают в море. В некоторых районах существует обычай, согласно которому ближайшие родственники покойника оставляют себе несколько его костей и позже носят их как реликвии или хранят в определенных святынях. На реке Императрица-Августа (Немецкая Новая Гвинея) на черепа умерших наносят пластичную массу и моделируют из нее реалистичное лицо. Глаза заменяют ракушками, волосы на голове — клочьями, а все лицо в конце концов покрывают рисунками, напоминающими татуировки маори (рис. 159–162). В других местах существует обычай сначала хоронить все тело, а затем выкапывать скелет и отделять от него отдельные части для хранения. Для более значимых личностей иногда возводятся большие, более или менее украшенные гробницы, в которых вместе с телом покойного хранятся его вещи. Эти гробницы затем приобретают особую святость. Часто украшения и другие предметы, которые принадлежали умершему при жизни, кладут в могилу вместе с телом или выставляют на обозрение рядом с телом перед похоронами, веря, что душа умершего уносит с собой призрачные элементы этих вещей; иногда все имущество умершего уничтожают. На Соломоновых островах могила вождя или уважаемого человека покрывается иногда ступенчатым каменным курганом, на вершине которого устанавливается грубо вырезанный из ствола дерева памятный блок или небольшая конструкция, например, коническая крыша, опирающаяся на короткий столб, или двускатная крыша, поддерживаемая вертикальными палками (), или же крошечный сосуд, похожий на домик (рис. 182). Однако в большинстве случаев в такой могиле находится не все тело умершего (), а только его череп или отдельные кости. У мафулу и в некоторых частях Новой Гвинеи умерших выставляют на платформах, специально сооруженных для

этой цели на грубых деревянных каркасах, или в развилке священного фигового дерева и оставляют разлагаться (рис. 163).

Фото А. К. Хэддон.

Рис. 165. Танзор смерти с островов Торресова пролива.

Фото А. К. Хэддон.

Илл. 166. Танец смерти с островов Торресова пролива.

Описанные ниже типичные сцены похорон из разных частей Меланезии в настоящее время во многих случаях исчезают, поскольку миссионеры все больше побуждают туземцев хоронить своих умерших в соответствии с обычаями христианской церкви. После смерти коита в Новой Гвинее на его лицо наносят красные мазки краской, а тело богато украшают. Сельские жители подходят к покойнику, касаются его лица своим носом, что примерно соответствует нашему прощальному поцелую, и всю ночь бдят и плачут у тела, не принимая пищи. Затем покойника сажают на кресло для покойников (рис. 164), то есть на грубую деревянную конструкцию, сиденье которой вмещает трех человек, а рядом с ним садятся два живых человека, например, его жена и старший сын. В течение часа звучат барабанные удары и похоронные песни, затем вещи покойного разбиваются и выкладываются рядом со стулом. После этого с покойного снимают почти все украшения, «целуют» его еще раз, заворачивают в маты и несут на шесте к могиле. В последующие дни следуют друг за другом поминальные пиры. Затем вдова, которая с головы до ног окрашена в черный цвет () и обрита на голове, должна носить определенные траурные украшения. Траур по мужу длится шесть месяцев, и в течение этого времени она подвергается различным табу. По истечении этого срока снова устраивается праздник, на котором вдова наконец снимает траур; черная краска смывается с ее тела соком незрелых кокосов. У народа роро после погребения покойника дважды гладят с головы до ног веткой дерева, чтобы изгнать его дух. В течение одного-двух месяцев после похорон () на его могиле ночью горит костер, чтобы «согреть умершего». В районе Мекео, когда умирает мужчина, все родственники носят траур; они также воздерживаются от танцев, песен и громких веселий. При раскрашивании тела они не используют красную краску; мужчины из семьи не могут носить ничего раскрашенного, а женщины меняют свои юбки с бахромой из травы, плотно облегающие все тело, на гораздо

более маленькие и короткие, которые свисают только спереди и сзади, как фартук, оставляя бока открытыми. Покойник выставляется в общинном доме или на специально построенном для этого подножии и, среди плача и рыданий, заворачивается в маты из пальмовых листьев и опускается в землю. Как только покойник покрывается тонким слоем земли, ближайший родственник бросается в могилу и остается там, плача, до тех пор, пока могила не будет засыпана. После похорон этот ближайший родственник не показывается перед другими; одетый только в грубую кору ([рис. 177](#)), он должен проводить дни в уединении и ночи, плача на могиле. Ночью он также бродит по местам, которые посещал покойный, и зовет его. Это продолжается до тех пор, пока не происходит формальное надевание траурных украшений. В полном противовесе этому обычаю глубокой скорби, мужчины, которые проводили похоронный обряд, предаются веселому празднику, который заканчивается игрой, в которой они хватают висящую ногу кабана или кенгуру.

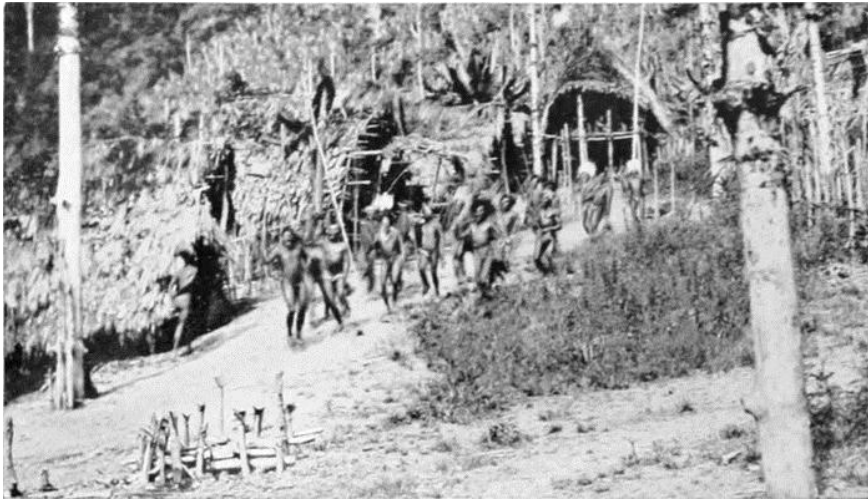

Фото Р. В. Уильямсон.

Илл. 167. Танец мафулу на похоронной церемонии
перед могилой, расположенной на переднем плане.

Только через несколько недель или месяцев начинают официально надевать траурные украшения. Родственники собираются в общинном доме клана, их тела более или менее окрашены в черный цвет, а волосы сбиты; у женщин сбивают все волосы на голове, у мужчин оставляют небольшие пучки волос над ушами. Одновременно устраивается общее пиршество. Траурные украшения обычно состоят из ожерелий, браслетов или поясов из плетеных камыша или травы. Этот формальный траур длится некоторое время, обычно несколько месяцев. В течение этого времени скорбящие не имеют права купаться и подвергаются особым ограничениям в питании. Окончание траура снова отмечается торжественно; траурные украшения снимаются с тех, кто их носит, с соблюдением всех формальностей, в результате чего они также освобождаются от пищевых запретов. Конечно, в конце снова устраивают забой свиней, пир и танцы (рис. 165 и 166).

Фотография Р. В. Уильямсона.

Илл. 168. Танец вождя племени мафулу перед могилой.

Фото Г. Ландтман.

Илл. 169. Вдова в полутрауре.

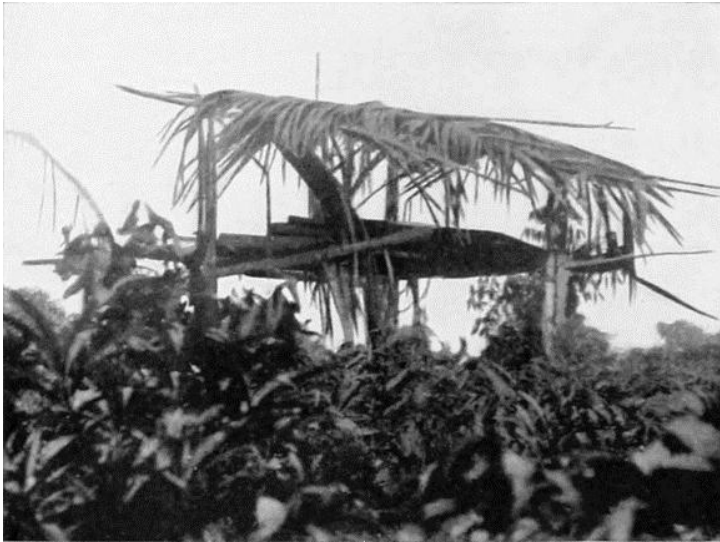

Фото Г. Ландтман.

Рис. 170. Платформа для трупов из Флайривера.

Фото Г. Ландтман.

Рис. 171. Могила кивай.

Странны похоронные обычаи у мафулу. При приближении смерти умирающему дают женщину, которая занимается этой деятельностью профессионально, для охраны. Как только она убедится, что смерть наступила, она ударяет умершего кулаком по голове и объявляет его мертвым; если он до этого еще не был мертв, то теперь он действительно мертв. В случае с вождем применяется более сложная процедура. Колдун уходит в кусты с куском пояса умирающего и остатками еды, которую тот только что съел (), кладет остатки еды в пояс и обертывает его листом, чтобы получился шар. Он кладет его под горящий поленья, ложится рядом с закрытыми глазами, но остается в таком положении всего

несколько минут, затем вскакивает и осматривает шарик. Если еда сгорела или подпалилась, это знак того, что вождь должен умереть; тогда он получает сознательный удар по голове. Иногда мафулу утверждают, что колдун из враждебно настроенной деревни намеренно вызвал смерть вождя с помощью такого метода; тогда естественным следствием является борьба между двумя кланами. — После объявления о смерти мужчины деревни громко кричат, чтобы запугать духа. Женщины, которые уже некоторое время рыдали, теперь начинают петь настоящую похоронную песню, которую они поют с перерывами до самого похорона, а родственники умершего обмазывают тело глиной. Тем временем появляются мужчины и женщины из других деревень; женщины также обмазаны глиной. Теперь снова раздаются громкие рыдания и пение. Сами похороны происходят примерно через двадцать четыре часа после смерти. Тело, с подтянутыми к подбородку коленями, заворачивают в листья и кору и несут к могиле под пение женщин, которые продолжают свои похоронные песни. Затем мужчины снова громко кричат, чтобы еще больше запугать дух и окончательно изгнать его. Родственники теперь носят траур, который в основном заключается в очернении лица, а часто и всего тела. Вдова или вдовец, а также ближайший родственник носят небольшое траурное ожерелье из бечевки. По прошествии двух или трех дней проводится поминальный пир, на который приглашаются люди из других деревень. Сначала две женщины с копьями в руках входят в деревню и дважды обходят ее, размахивая копьями. Во время второго обхода за ними следует группа мужчин, которые, также размахивая копьями, танцуют вдоль ограды деревни туда и обратно, пока не дойдут до могилы (рис. 167). Затем в деревню входит еще один гость, обычно вождь или его сын, в полном танцевальном наряде (рис. 168); он бьет в барабан и танцует зигзагом вдоль ограды, пока не доходит до могилы. Затем вождь деревенского клана снимает свое танцевальное украшение для головы, тяжелую деревянную конструкцию с перьями, которая иногда возвышается над его головой на несколько метров, и танец заканчивается. Наконец, на могилу кладут одну свинью за другой, убивают и разделяют; это должно окончательно умиловить душу умершего. Всех гостей угощают овощами и свининой. Если умерший был вождем или важной личностью, его тело не может быть предано земле, а остается лежать под открытым небом. Чтобы избежать неприятных испарений гниющего трупа, жители на это время покидают деревню, но две женщины остаются на страже у тела; однако они должны охранять не его земные останки, а свиную кровь.

Любопытна церемония, связанная с траурным обрядом, как у мекео, так и у мекео. По прошествии примерно одной-двух недель, но иногда и до шести месяцев, под навесом могилы вождя убивают свинью; затем с шеи главного скорбящего срезают траурную ленту, окунают ее в свиную кровь и выбрасывают; на его лицо наносят две цветные полосы, обычно красного цвета, на каждую щеку; после этого следуют пир и танцы.

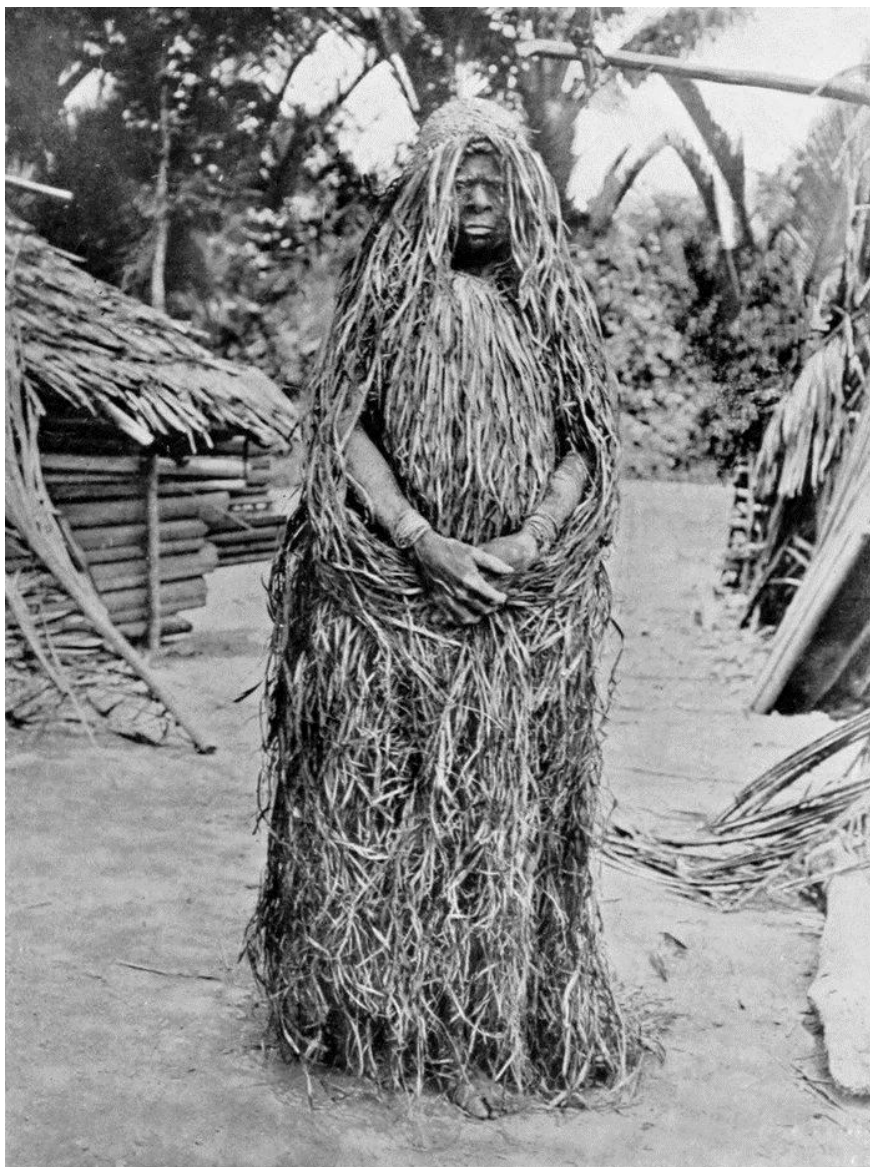

Фото Г. Ландтман.

Илл. 172. Вдова в полном трауре.

Киваи, проживающие в устье реки Флай (Британская Новая Гвинея), раньше клали умершего вместе с его оружием, инструментами и украшениями на платформу (рис. 170) и время от времени приносили ему подарки в виде продуктов питания. Родственники же ежедневно обливали тело водой, чтобы ускорить процесс разложения. Как только оставались только кости, они омывали их и хоронили в саду. Череп же они часто оставляли на некоторое время; кто-то из скорбящих привязывал его к шее, иногда даже черепа нескольких родственников подряд (). С помощью черепа скорбящий мог якобы общаться с умершим, то есть с его помощью предсказывать будущее. Сейчас народ кивай хоронит своих умерших в земле; голова обращена на запад, то есть в сторону заходящего солнца и луны, где находится страна мертвых. Наконец, над могилой строят небольшой домик (рис. 171), форма которого может быть самой разной. Вещи умершего вешают на палку, воткнутую в землю, или на углы домика. Несколько недель подряд под этим домиком у подножия могилы или рядом с ним горит костер в память об умершем. Корзина, похожая на те, в которых матери в этих краях носят своих детей, указывает на то, что здесь похоронен ребенок (рис. 173). Сразу после смерти слышны плач и пение жителей деревни.

Фото Г. Ландтман.

Рис. 173. Детская могила киваиков.

Если умерший — мужчина, его жена запирается в хижине из матов в длинном женском доме деревни; ей не разрешается участвовать в похоронах. В знак скорби она обмазывает свое тело глиной, непрерывно рыдает и выходит только в темноте. Когда она наконец покидает хижину, она носит траурное одеяние из травы, которое покрывает все ее тело и которым она может также закрыть лицо (рис. 172). Через несколько недель на смену траурной одежде, покрывающей тело, приходят шапка и головной убор из травы, свисающие сзади и на груди (илл. 169), а также юбка, которую она носит несколько недель, а затем снимает по частям. Когда мужчина кивай скорбит, он в знак этого полностью обмазывает себя глиной и носит вокруг шеи травяное одеяние (), которое сзади доходит почти до земли, а спереди покрывает грудь (рис. 176); оно также постепенно укорачивается по мере ослабления скорби. В другом районе восточного берега реки Флай туземцы в знак траура носят сетку в виде капюшона, которую надевают на голову и лицо и которая покрывает его как вуаль (рис. 175). По мере ослабления траура носитель снимает капюшон и открывает лицо. В целом траурные украшения распространены по всей Новой Гвинее. Обычно выражением скорби считается раскрашивание груди и лица черной краской; также широко используются траурные сетки. Женщины-базилаки носят украшения из ракушек в знак траура (рис. 181). У папуасов Голландской Новой Гвинее (рис. 177) после смерти человека плакальщицы исполняют песню о мертвом, которая часто не лишена поэтического очарования; в ней, среди прочего, прославляются верная забота умершего о своей семье, а также его добродетели, прежде всего его военные и героические подвиги. Плакальщицы также омывают тело, заворачивают его в маты и обвязывают крепким волокном, после чего происходит погребение в земле (). У мамбри изображение предка умершего ставят рядом с его могилой и строго ругают его за то, что он позволил умереть такому храброму человеку. Кроме того, существуют еще и очень странные погребальные обычаи. В одной местности мертвых кладут в вытянутом горизонтальном положении в клетки из плетеных веток, которые стоят на столбах на берегу за деревней. В другом регионе тело поднимают за колени и сильно прижимают голову к груди; в таком положении все тело помещают в корзину из пальмовых листьев, которая плотно обхватывает его, завязывают и вешают на стене в жилище. В другом племени умершего кладут в неглубокую могилу, накрывают

тяжелыми камнями и огораживают место крепкими ветвями (рис. 179), на которые поперек кладут листья саго и лопату или лопаты, которые использовались для рытья могилы. Эти места упокоения часто имеют низкую двускатную крышу из листьев (рис. 178). В другой местности ограждение плотно обкладывают вокруг могилы и все это покрывают крышей из пальмовых листьев, так что получается небольшое сооружение, похожее на домик, которое часто красиво украшают. Наконец, стоит упомянуть еще одну форму могилы. Она состоит из небольшого сооружения, также похожего на домик, срубленного из четырех деревянных досок, которое опирается на столб и увенчано резной и украшенной крышей. Это сооружение настолько мало, что в нем можно хранить только кости, то есть оно представляет собой своего рода гробницу (рис. 188).

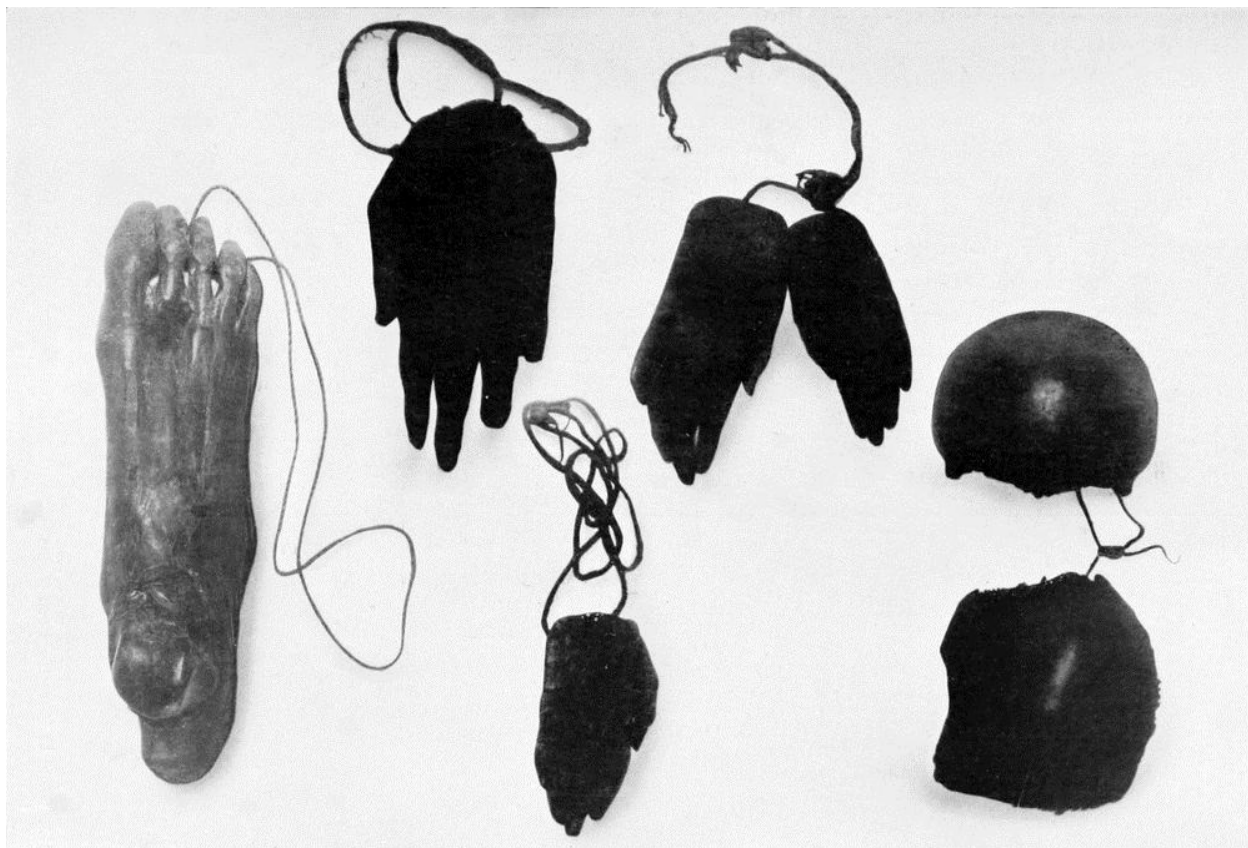

Фото Д. Маккей.

Рис. 174. Человеческие амулеты

из высушенных и выкуренных частей тела, которые носят родственники умершего в память о нем.

Фото Г. Ландтман.

Рис. 175. Мужчина в траурном костюме из Гаймы (восточный берег реки Флай).

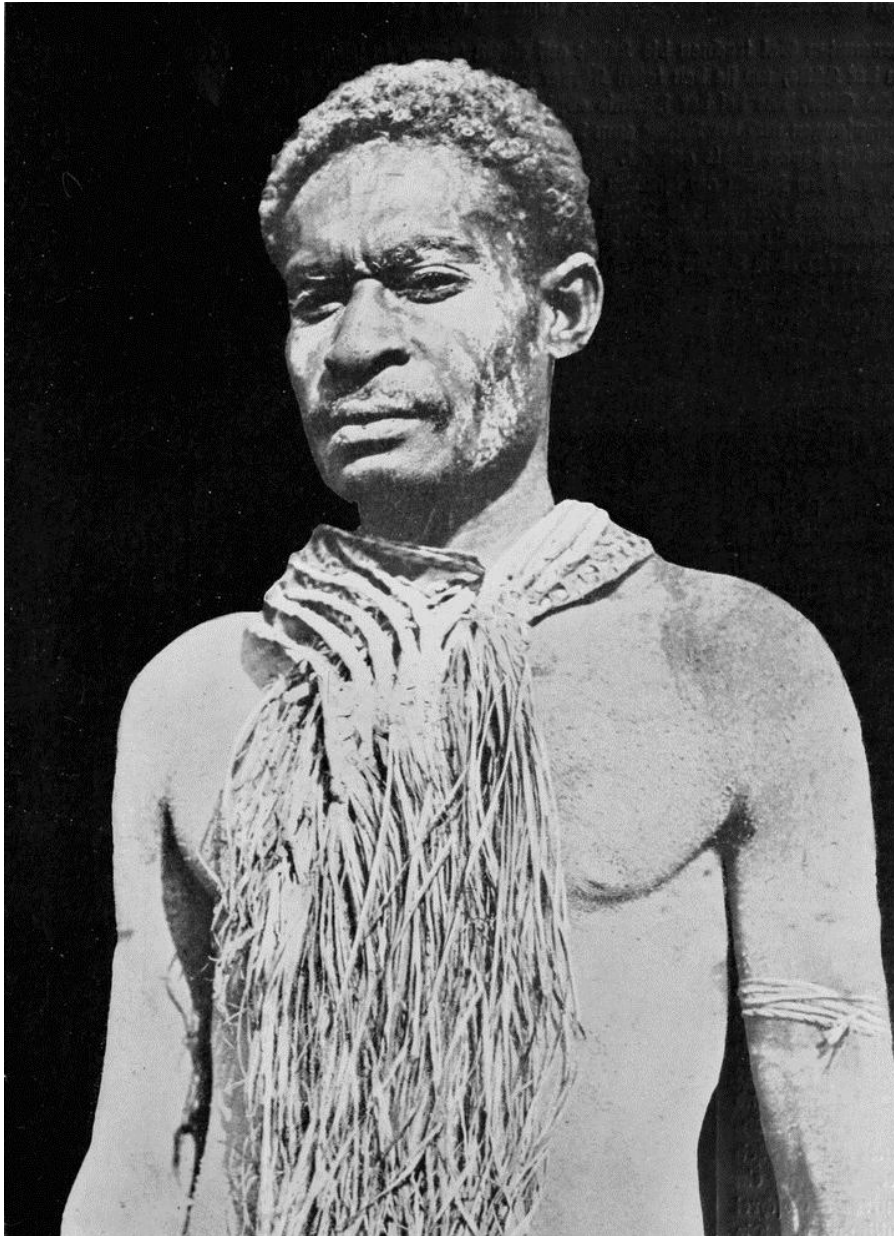

Фото Г. Ландтман.

Илл. 176. Мужчина из племени кивай в полном трауре.

Странный культ, связанный с черепом, практикуется туземцами залива Геелвинк. Здесь голову отделяют от остального тела, коптят и красиво препарируют, то есть снабжают искусственными ушами и носом, вырезанными из дерева, а также глазами из косточек фруктов или стеклянных бусин, а затем хранят в так называемом корваре (рис. 180), красиво вырезанном из дерева изображении предка. Кроме того, к нему относятся как к живому человеку; ему подают еду, он принимает родственников и знакомых, которые обращаются к нему за советом. — Горные племена, живущие в глубине залива Геелвинкбай (), сушат труп на подставке, в редких случаях они делают это прямо в хижине, где вешают мертвое тело на стену. Раньше существовал ужасный обычай собирать стекающую при разложении жидкость из тела в сосуд, стоящий под ним, и давать ее пить вдове, мотивируя это тем, что она умрет, если не выпьет ее.

На островах на восточной оконечности Новой Гвинеи хранят не только череп, но и другие кости умершего, такие как позвонки, кости пальцев рук и ног, а также нижнюю челюсть, которые родственники носят в виде браслетов или ожерелий (рис. 174). Длинные трубчатые кости перерабатываются в маленькие лопатки, с помощью которых во время торжественных мероприятий из тыквы-сосуда вынимают известь для жевания бетеля.

Из: v. d. Sande, Новая Гвинея.

Рис. 177. Траурная одежда из коры в Голландской Новой Гвинее.

Из: v. d. Sande, Новая Гвинея.

Илл. 178. Могилы в Голландской Новой Гвинее.

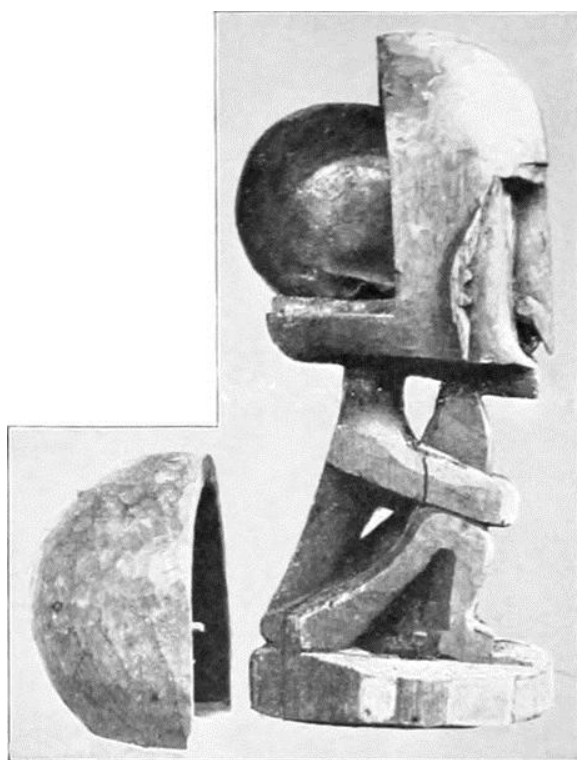

Из: v. d. Sande, Nova Guinea.

Илл. 179. Могилы в Голландской Новой Гвинее.

Что касается архипелага Бисмарка, то сначала следует особо отметить описание событий, которые произошли после смерти великого вождя на полуострове Газель. Когда стало ясно, что его конец близок, зазвучал большой барабан, призывая родственников к

смертному одру. Ближайшие родственники садились рядом с умирающим, ощупывали его с головы до ног и шептали ему слова утешения; другие сидели вокруг и жевали бетель, а женщины снаружи громко кричали. В конце концов барабан объявил о смерти вождя. После этого мужчины и женщины начали рыдать, а барабан снова загремел; это продолжалось всю ночь. Тем временем была построена низкая платформа, на которой ранним утром тело было выставлено в сидячем положении и украшено (илл. 184). В это время плантации покойного были уничтожены, а все его сокровища собраны и выложены вокруг него. Теперь из леса вышли замаскированные фигуры и исполнили ряд танцев вокруг мертвого, которые сопровождались барабанным боем и прерывались плачем. Один из вер-вандтеров вождя положил к его ногам местные деньги, которые были распределены между танцорами; после чего они удалились. Затем принесли каноэ, положили в него мертвого, дали ему весло в руки, снова украсили его, укутали матами и, наконец, отнесли к могиле. Плач стал громче, и родственников с трудом удержали от того, чтобы они не прыгнули в могилу. Но в конце концов ее засыпали землей. И снова до утра раздавались удары барабана. Таким образом хотели сопроводить душу умершего далеко на восток, туда, куда она, по-видимому, отправляется и куда путешествие длится с раннего утра до заката солнца. Поэтому, когда на следующий день появилось солнце, все смотрели на восточное небо, чтобы увидеть, не закрывает ли облако заходящие там звезды; если это было так, то в этом видели знак того, что дух вошел в свое новое жилище. Примерно через год череп вождя снова выкапывали, раскрашивали в красный и белый цвета, украшали пучком перьев и помещали на специальную платформу.

Оригинал в Этнографическом музее, Дрезден.

Рис. 180. Черепный корвар из Голландской Новой Гвинеи.

Из: Brown, Melanesians and Polynesians.

Илл. 181. Женщины-базилаки в траурных украшениях.

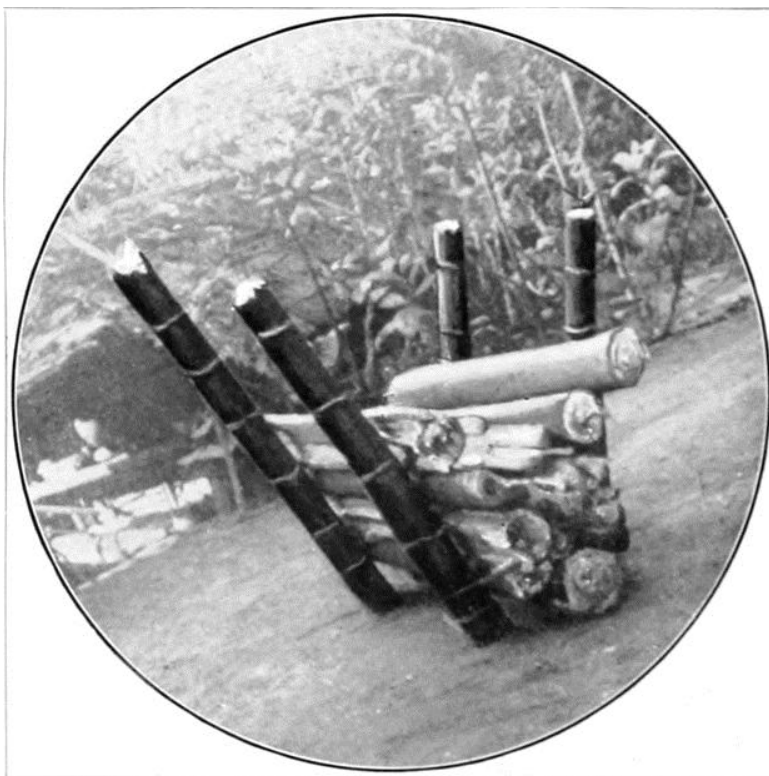
У сулка, племени из центральной Новой Помегания, похоронные церемонии даже для обычного человека довольно сложны. Как только наступает смерть, его хижина украшается, и его также красиво наряженное тело помещается в нее, после чего снова начинается громкое рыдание. Здесь также опустошаются плантации покойного, убиваются и раздаются его свиньи, разбиваются его оружия; раньше, если речь шла о богатом человеке, убивали и его жен. На следующий день тело хоронят в сидячем положении, головой над землей, в самом доме и покрывают кучей банановых листьев; затем вокруг него укладывают камни и разжигают костер. В течение длительного времени родственники спят рядом с ним, мужчины с одной стороны, женщины с другой. Очень важно изгнать душу умершего. Чтобы она не сопротивлялась, время этого обряда держится в секрете (), а приготовления производятся ночью. Рано утром следующего дня мужчины вдруг вскакивают с криком, бьют по стенам дома и бегают с горящими факелами из кокосовых листьев; от этого шума испуганный дух улетучивается. Когда плоть тела полностью разлагается, кости снова выкапывают, заворачивают в мешок из листьев и вешают в доме. По прошествии определенного времени устраивают поминальный пир.

Из: Браун, Меланезийцы и полинезийцы.

Илл. 182. Могила вождя на Соломоновых островах.

В конструкции в виде фронтона находится череп умершего, который, как предполагается, изображает резное изваяние справа. Туземцы приносят духу умершего вождя жертвы, которые кладут на каменную кучу и сжигают.

Из «Kolonie und Heimat» (Колония и родина).

Илл. 183. Погребальный костер для сжигания трупов
на Соломоновых островах.

В Северном Ноймекленбурге и Нойханове труп умершего выставляется на всеобщее обозрение на копьях, родственники носят его от дома к дому, а на следующий день кладут на платформу перед его домом, под которой возводят костер из дров. Чем более уважаемое положение занимал покойный, тем выше была платформа. После того как полено было подожжено, один из родственников мужского пола поднимался на платформу и, напевая, время от времени касался головы покойного копьем, пока пламя не заставляло его спуститься. Наконец, платформа тоже загорается, рушится, и вместе с ней тело падает в огонь. Затем его вынимают, отрезают кусок и раздают молодым людям деревни, а остатки тела снова бросают в огонь и сжигают дотла. Все эти действия сопровождаются громким плачем и криками. В конце следует пир. Над пеплом костра и телом умершего возводят навес. Через несколько недель остатки пепла смешивают с кокосовым молоком; этой кашей скорбящие мажут все тело. Траур длится определенное время и заканчивается пиром. — На острове Новый Мекленбург мы встречаем и другие погребальные обычаи. В некоторых частях острова покойника помещают в хижину или ставят в каноэ, также обмазывают охрой, или связывают ему большие пальцы рук, чтобы его руки выглядели как будто он молится, а все тело сжигают. В других местах делают фигуру покойника в натуральную величину, утром выносят ее на платформу, а вечером сжигают. В горах Россельберген умершего усаживают, полностью покрывают порошкообразной известью, заворачивают в листья и кладут на поперечную балку под крышей его дома, где он хранится в течение многих лет.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 184. Церемония в честь покойника высокого ранга, покоящегося на стуле для умерших в обществе дук-дук.

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 185. Выставление тела на почетном месте на полуострове Газель.

В прибрежной зоне Адмиралтейских островов, где дома построены на сваях в море и есть специальные хижины для женщин, покойник выставляется в такой женской хижине головой к морю; здесь он остается до полного разложения. Женщины охраняют труп, удаляют гниющую плоть, опускают ее в корзинах в море, а скелет моют морской водой и закапывают в земле, упакованным в корзины, за исключением черепа, ребер и костей предплечий, которые кладут во вторую корзину и опускают в море, пока все не отбелится и не станет чистым. Затем кости кладут в деревянную миску с сильно пахнущими травами и относят в дом, где жил покойный. Из зубов брата и сестры делают ожерелье. Во время последующего праздника оставленные кости распределяются между близкими родственниками, которые носят их в память об умершем. Череп же откладывается для еще более поздней, особенно важной церемонии, к которой проводятся обширные приготовления. Для этой цели изготавливается великолепно вырезанная платформа, на которой будет размещен череп. На следующее утро организатор торжества становится на колени, а колдун садится ему на плечи и держится за его волосы; таким образом он хочет придать ему силы, чтобы тот мог выполнить свои обязанности во время праздника. Затем по всей округе раздается барабанный бой, гости стекаются, и когда они собираются, организатор (обычно сын покойного) произносит речь, в которой хвалит покойного и присутствующих, в том числе и себя, и поносит их врагов. Наконец, под барабанный бой выходит колдун и берет череп в руки, после чего организатор праздника ударяет его веткой дракона, смоченной в масле, и при этом восклицает: «Ты мой отец»; через некоторое время он повторяет тот же процесс и на этот раз восклицает: «Прими эту пищу, приготовленную в твою честь», а в третий раз: «Защити меня, защити мой народ, защити моих детей». В каждой паузе бьют в барабаны, и барабанный сигнал также завершает церемонию, после чего начинается собственно праздник. Череп всегда хранится с особой тщательностью.

В некоторых районах архипелага Бисмарка также существуют общества, которые в некотором смысле похожи на тайные общества, только что они осуществляют свою деятельность исключительно в память об умерших. Эти общества в течение всего года проводят представления и церемонии в своих тайных местах, но раз в год они совершают публичный священный обряд в честь умерших, во время которого устраивают пир и танцы (рис. 186). Когда они приносят священные маски на место танца, они сопровождают это плачем и громким произнесением имен умерших, в честь которых были изготовлены маски; женщины также кричат, рвут на себе волосы и даже срывают с себя одежду, как будто они лишились рассудка. На полуострове Газель покойник снова выставляется в сидячем положении (рис. 185) и украшается, танцоры в масках исполняют в его честь танец, за которым следуют другие церемонии. Народ дук-дук также исполняет танцы при смерти своих членов (рис. 184).

Из: Паркинсон, Тридцать лет в южных морях.

Илл. 186. Маскированные танцоры тайного общества на острове Новый Мекленбург, которые, в отличие от других обществ, исполняют свои танцы только в честь своих умерших.

На Соломоновых островах траурные обычаи в целом схожи с описанными выше. Здесь женщины также скорбят, натирая волосы, лицо и верхнюю часть тела кашицеобразной массой, приготовленной из кокосового масла и древесного угля, и напевая глухие, монотонные плачи, прославляющие жизнь умершего и его деяния. Тело умершего кладут на полено из дерева и поджигают его; мужчины бросают в огонь корни ямса, таро, бананы и другие фрукты, а более состоятельные люди — также собак и свиней, чтобы эти продукты послужили умершему провиантом для его долгого путешествия. Женщины тем временем сидят вокруг костра, укутанные в одежды из банановых листьев, похожие на бурнусы, и продолжают петь свои скорбные песни. Останки умершего тщательно собираются из пепла родственниками-мужчинами и хранятся в корзине из рогожи. В память о нем над местом кремации возводят небольшие соединенные между собой домики из бамбука и сухих листьев саговой пальмы, в которых временно размещают корзину с костными остатками. Когда ветер и непогода разрушают эти маленькие домики предков, костные остатки помещают в каноэ, молодые мужчины вывозят их в море и топят. — В Голландской Новой

Гвинее тела умерших помещают в крытые гробы в форме домиков, которые, однако, иногда бывают настолько узкими, что в них можно поместить только кости (рис. 187).

Из: Van der Sande, Nova Guinea.

Рис. 187. Вдова, скорбящая у могилы мужа (Голландская Новая Гвинея).

Фото А. К. Хэддон.

Илл. 188. Мумия ребенка с островов Торресево пролива.

В продолжение этой темы хотелось бы сказать несколько слов о погребальных обрядах при смерти детей. Несмотря на низкий уровень развития культуры, многие меланезийцы, похоже, глубоко переживают смерть своих малышей. В разных источниках мы читаем, что

родители поют обычные похоронные песни и чернят лица, как при смерти взрослого человека. На Земле императора Вильгельма родители с трудом расстаются со своими любимыми детьми; они раскрашивают их охрой, заворачивают в листья и некоторое время хранят в своих хижинах. У папуасов пролива Торреса, как говорят, был случай, когда мать постоянно носила своего мертвого ребенка на спине ([рис. 188](#)), а один папуас из Дорех, как говорят, выжег на спине изображение своего сына. У мафулу существует странный обычай, согласно которому женщина, потерявшая ребенка, подвергает себя ампутации одного из пальцев; она проходит эту процедуру каждый раз, когда с ней происходит такая же беда, иногда даже три-четыре раза подряд.

Из: Спенсер и Гилен, «Коренные племена Центральной Австралии».

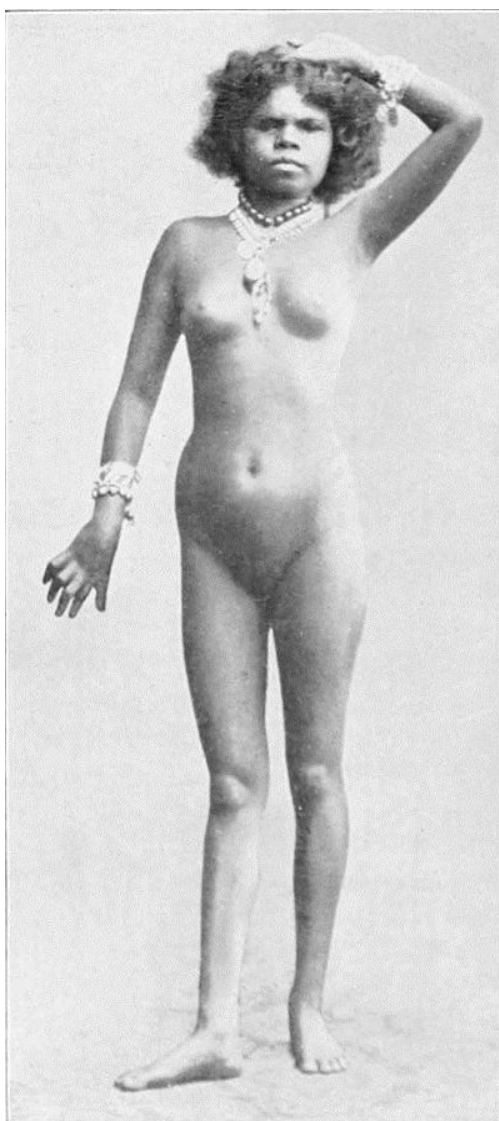
Илл. 189. Подбрасывание мальчика в воздух во время одной из церемоний принятия в племя Арунта.

Австралия.

Внешне коренные жители Австралии представляют собой в целом однородную группу, которая явно отличается как от чернокожих Меланезии, так и от африканцев, хотя между отдельными племенами можно заметить некоторые различия, которые, в первую очередь, вероятно, связаны с разным образом жизни, в частности с питанием, а также с разным этническим смешением. Они представляют собой расу, рост которой немного превышает средний; мужчины в среднем достигают роста от 160 до 168 сантиметров, однако иногда встречаются и высокие люди. Несмотря на то, что в целом они обладают достаточно хорошо развитой мускулатурой, австралийцы отличаются большой худобой, которая нередко настолько выражена, что, так сказать, через кожу просвечивают кости. В большинстве случаев у них отсутствует жировая ткань, вероятно, из-за недостаточного питания. Несмотря на это, их тело заметно гибкое и довольно выносливое. Однако есть и племена с крепким, мускулистым телосложением, а именно там, где условия жизни более благоприятные. Кожа австралийцев, мягкая на ощупь, обычно описывается как черная, но на самом деле ее цвет ближе к шоколадно-коричневому; однако встречаются всевозможные оттенки от темно-черно-коричневого до коричневого цвета молочного кофе. Часто более темный цвет кожи имитируют, втирая в нее охру (). Волосы растут очень густо, даже руки в большинстве случаев покрыты короткими вьющимися волосами, а зачастую и вся поверхность тела. Волосы на голове волнистые или кудрявые и обычно спадают до плеч. Их

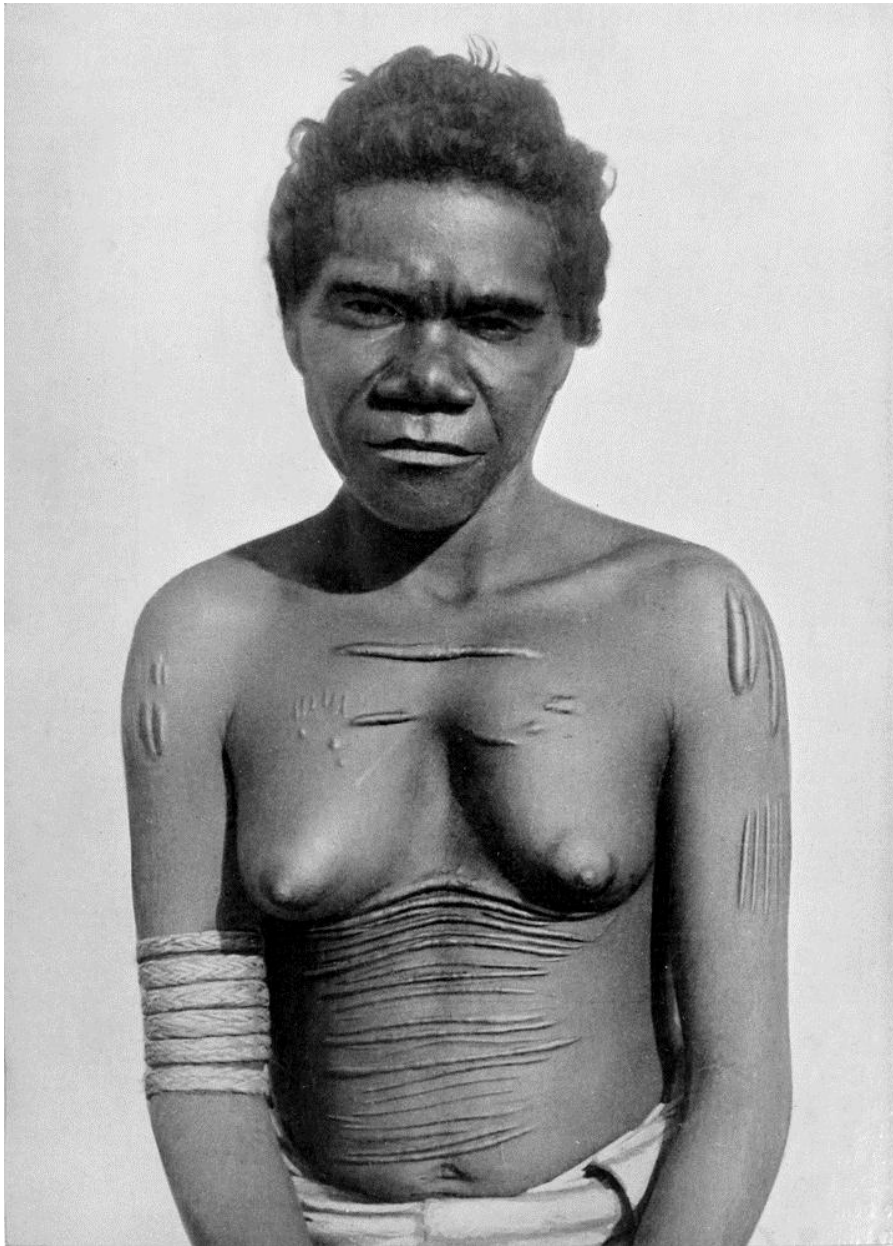
цвет — блестящий черный с оттенком коричневого или красно-коричневого; если встречаются рыжеватые волосы, то это из-за окрашивания. Борода обычно хорошо развита. Череп длинный, довольно высокий. Лицо низкое и широкое, скулы немного выступают, а низкий, узкий лоб, напротив, сильно отступает. Примечательны сильно развитые надбровные дуги, которые затевают большие, выразительные, глубоко посаженные глаза. Нос короткий и толстый, с прямым переносицей и толстыми большими крыльями; корень носа резко отделен от лба. Эта своеобразная форма лица придает австралийцам нечто чрезвычайно отталкивающее (рис. 190 и 191).

Умственные и нравственные качества австралийцев часто недооцениваются. По свидетельству хороших знатоков, они обладают легким умом, острым мышлением, хорошей способностью обрабатывать информацию и превосходной памятью, а также отличаются личным мужеством, стойкостью, решительностью, выдержкой, самообладанием, гордостью, привязанностью к членам семьи и определенным чувством принадлежности к племени. Однако они также обладают рядом плохих качеств, таких как алчность, бесчувственность, мстительность, неблагодарность, недоверие, лживость, леность и большая нечистоплотность. С момента открытия Австралии европейцами и захвата ими пригодных для использования земель коренное население находится в постоянном упадке, тем более что колонизаторы безжалостно с ним обращались, а эпидемические заболевания оказали на него разрушительное воздействие.

Из Страсса, «Естественная история человека».

Илл. 190. Австралийская девушка.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 191. Австралийка с украшающими шрамами.

Шрамы, которые считаются красивыми среди туземцев, наносятся им в период роста.

Австралийцы живут разбросанно по всей стране небольшими группами, в племенах, насчитывающих не более ста человек, которые кочуют по стране и часто объединяются в один клан, хотя и достаточно слабо связанный между собой. Каждая орда обладает значительной независимостью и занимается своими делами; порядок внутри группы поддерживается пожилыми мужчинами, которые выделяются среди других своей большой мудростью, ловкостью, смелостью и определенными магическими способностями и следят за тем, чтобы традиционные обычаи строго соблюдались, а нарушители наказывались. — Общей связью, объединяющей орды одного племени, являются в первую очередь общий язык или диалект, а также общие обычаи и взгляды, взаимные браки и обмен товарами.

Причина того, что в Австралии () не произошло образования более крупных объединений среди коренного населения (), заключается в том, что засушливая природа страны не способна прокормить большие скопления людей. — Австралийцы не привередливы в еде; они едят все, что добывают во время своих походов по суше и по воде, в основном сумчатых животных, таких как кенгуру и опоссум, а также эму, змей, рыбу и т. д., а также корни, фрукты, грибы, лишайники и мелких животных, таких как черви, личинки, насекомые, муравьев, кузнечиков, гусениц. Они очень искусно умеют отслеживать дичь, подкрадываться к ней, как хищники, и убивать с близкого расстояния с помощью копья. При неблагоприятном ветре некоторые племена Южной Австралии обмазывают себя грязью, чтобы скрыть свой запах, а при отсутствии укрытия покрывают тело густыми ветвями с листьями; при охоте на водоплавающих птиц они укрывают голову тростником. Рыбу в мелкой воде ловят либо руками, либо с помощью плоского предмета, выбрасывая ее на сушу; в более глубоких водах используют траловые или стационарные сети, а также заграждения и плотины, а также копья для рыбы. — Мелкие животные, а также корни и клубни употребляются в пищу в сыром виде, все остальное обжаривается в раскаленной золе, на горячих камнях или, как мы уже узнали в Полинезии, в нагретых земляных ямах, или варится до готовности. Необходимый для этого огонь получают либо путем сверления, либо путем взбивания, либо путем трения. Раньше часто встречались случаи каннибализма, но он вряд ли был широко распространен. Оно возникало из стремления приобрести хорошие качества врага, в частности мужество, путем поедания его сердца и почек, а также из мести, лакомства и, в периоды нужды, из-за нехватки мяса. В глубине австралийского континента, похоже, до сих пор существует эта вредная привычка; здесь раньше также существовал эндоканнибализм, то есть поедание тел родственников.

Из: Weule, Leitfaden der Völkerkunde.

Илл. 192. Ветрозащитный экран, служащий австралийцам жилищем.

Жилища австралийцев, в соответствии с их кочевым образом жизни, являются самыми примитивными из возможных. В большинстве случаев они не выходят за рамки простых ветрозащитных экранов или навесов из кусков коры или веток (рис. 192). В Северной и

Центральной Австралии, напротив, настоящие хижины являются отнюдь не редким явлением.

Хотя климат, особенно на юге, местами довольно суровый и часто происходят резкие перепады погоды, одежда австралийцев весьма скудна. Ее можно скорее назвать украшением, чем укрытием. Мужчины обычно носят пояс из коры или лико, крошечную ленту из скрученных человеческих волос или кусочек жемчужной нити; в районах, где климат подвержен резким переменам, для защиты от холода и дождя на спину накидывают маленькие плащи из шкуры кенгуру или опоссума или маты. Женщины одеваются так же, как и мужчины; для них характерны мешки из шкуры кенгуру, в которых они носят с собой грудных детей. Однако в некоторых районах оба пола, особенно во время своих переходов, предпочитают ходить совершенно голыми. Напротив, во время праздников и танцев обычно придают большое значение обильному покрытию тела.

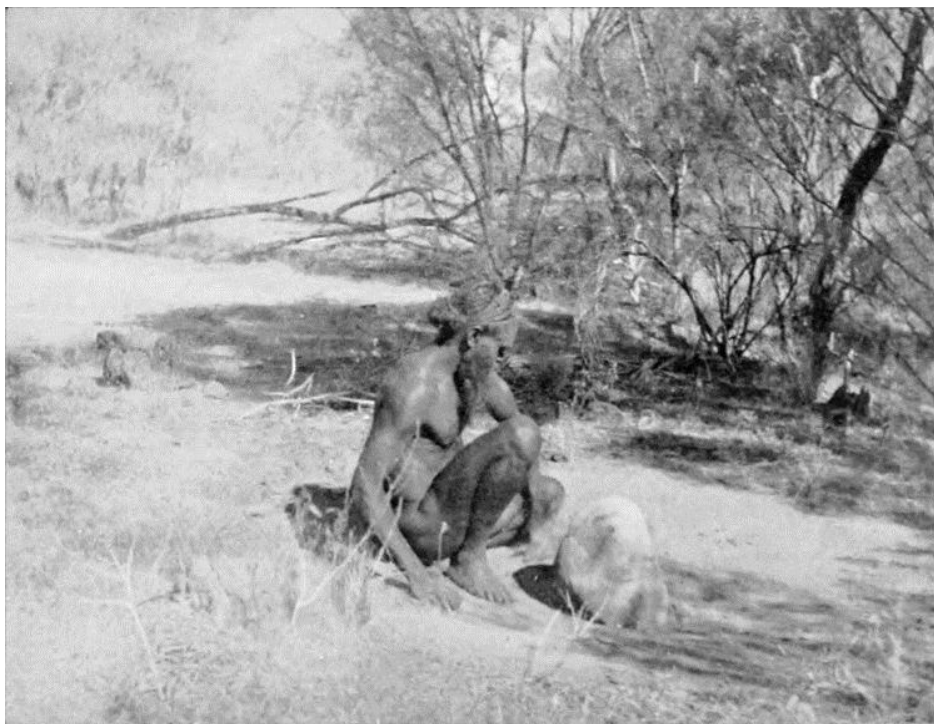

Фотография В. Э. Рота.

Илл. 193. Женщины из Северного Квинсленда,
которые отбивают ритм руками под пение мужчин на празднике.

Настоящие украшения состоят из шнуров из человеческих волос или кусочков меха, которые носят на шее или предплечье. Во многих регионах очень популярны украшения из хвостов мелких животных; не менее распространены жемчужные раковины, зубы животных, панцири раков, стебли тростника, плетеные травяные обручи и тому подобное. Особенно мужчины предпочитают украшения из ракушек (). К украшениям тела относятся также

раскрашивание кожи в черный, белый и красный цвета, к чему мы еще вернемся при описании различных праздников, окрашивание волос землей и нанесение рубцов на грудь и спину; последнее является широко распространенным обычаем у обоих полов (рис. 191 и 193). Эти шрамы, которые получаются в результате надрезания кожи каменным ножом или простым каменным осколком, чаще всего представляют собой поперечные, рельефные полосы, которые служат не только для украшения, но и являются знаками возраста и ранга, а также символизируют скорбь по потере близкого человека. Многие племена Австралии практикуют и другие виды физического увечья, имеющие сходное значение, такие как прокалывание перегородки носа и удаление переднего зуба (рис. 204). Очень распространенным среди австралийских племен весьма странным обычаем является надрез мочеиспускательного канала у мужчин (называемый центральными австралийцами «мика»), цель которого нам неизвестна. Раньше считалось, что эта операция является противозачаточной мерой, однако различные причины (относительная неэффективность, незнание австралийцами значения этого увечья, незнание процесса зачатия) противоречат такой интерпретации. В последнее время считается, что этой странной процедуре следует придавать гомосексуальное значение. Половое влечение австралийцев довольно активное, тем более что родители посвящают детей в тайны половой жизни в очень раннем возрасте. Девочки теряют свою невинность, как только у них появляется половое влечение, что происходит уже в возрасте от восьми до двенадцати лет; затем они отдаются мальчикам, которые немного старше их. Женский пол считается особенно сладострастным. Тем не менее, австралийцы не вступают в случайные связи друг с другом, а их половое влечение, по большому счету, направлено на конкретного человека. Строгие правила вступления в брак также регулируют половые отношения. Только во время больших танцев короброри, которые часто сопровождаются непристойными движениями, в некоторых племенах наблюдается общее смешение полов.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 194. Австралийка перед камнем,
который считается местом обитания детских духов.

Фото: Kerry & Co.

Илл. 195. Сцена из церемонии бора (Восточная Австралия).

Юноши, которых посвящают в бора, должны выполнить ряд пантомим, которые мужчины объясняют им после.

Тот факт, что различные австралийские племена не знают, что человек появляется в результате полового акта, а имеют еще весьма примитивные представления о его происхождении, дает нам повод более подробно остановиться на этом вопросе. В соответствии с первоначальными представлениями коренных народов о том, что духи умерших бродят, среди прочего, по лесам, обитают в деревьях и растениях и могут снова превращаться в людей, австралийцы верят, что при зарождении нового человека дух растения вселяется в женщину и развивается в нем, то есть при рождении происходит воплощение, воплощение предка. Поэтому они считают участие отца, то есть половой акт, несущественным, самое большее они полагают, что благодаря этому половые пути становятся проходимыми для выхода ребенка. Например, арунта считают, что в определенных камнях живут детские духи, которые с помощью магии или собственной силы переходят в тело женщины через пупок размером с маленький песчинку, но представляют собой уже полностью сформированных человеческих существ, мальчиков или девочек, обладающих жизнью и душой. На таком камне находится маленькое круглое отверстие, через которое, по-видимому, выходят духи (рис. 194). Над ним нарисована черная линия углем, и каждый, кто случайно посещает это место, обновляет ее. Эта линия носит то же название, что и полоса, которую этот племя рисует над глазами новорожденного ребенка для предотвращения болезней. Когда женщины приходят к этому камню, они делают это, чтобы забеременеть. Мужчина, обладающий силой и волей, может заставить женщин из своего окружения зачать детей, если они пойдут к этому камню и произнесут над ним заклинание. С другой стороны, если молодая женщина должна пройти мимо этого камня, но не хочет больше иметь детей, она пытается обмануть дух камня, притворяясь старой женщиной, морща лицо, наклоняясь вперед и ходя с палкой, а также дрожащим голосом, как у старых женщин, восклицая: «Не подходи ко мне, я старая женщина». Таким образом она надеется, что духи детей оставят ее в покое. Интересно, что существует поверье, что такой

дух-ребенок может по ошибке вселиться и в мужчину; в этом случае он умрет, хотя опытный целитель, возможно, сможет его спасти.

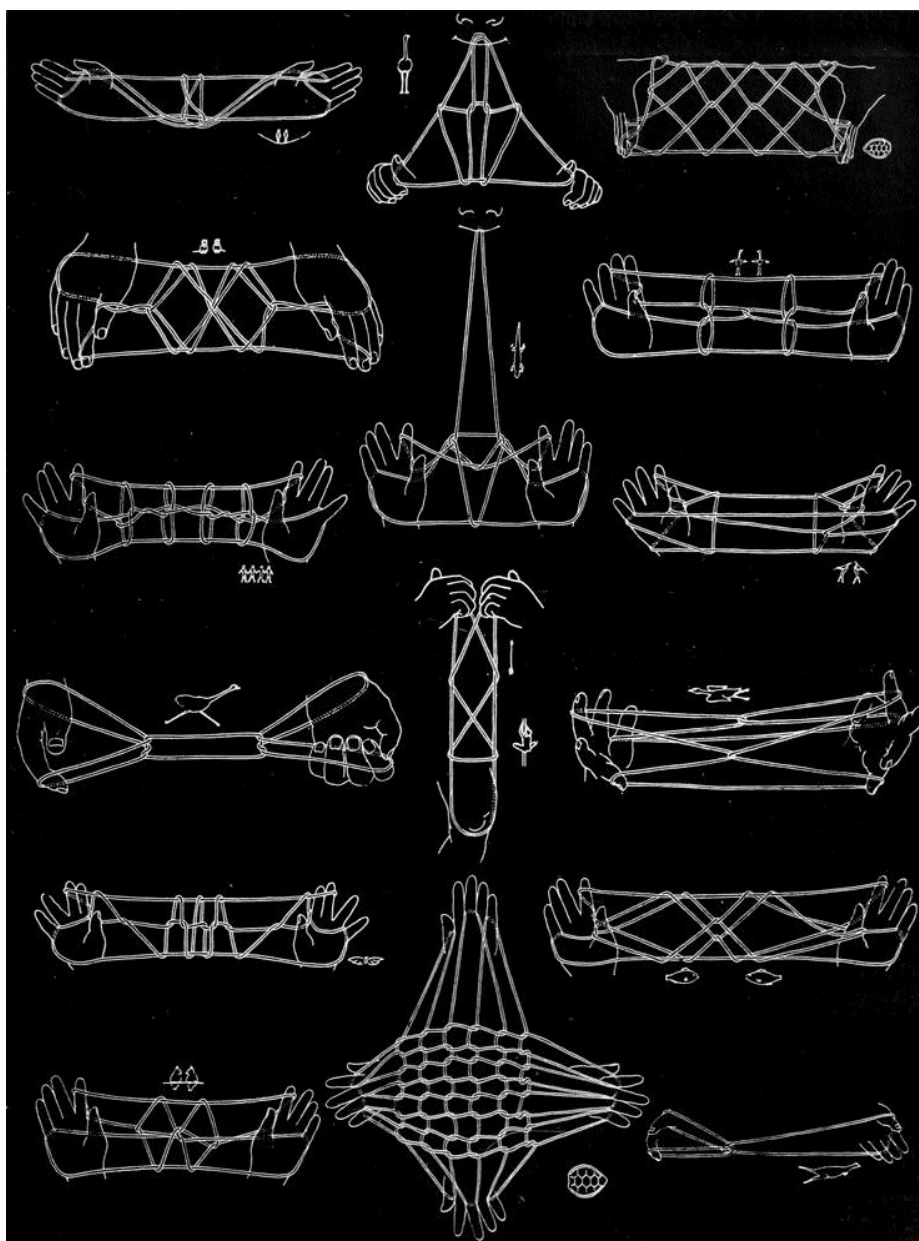
Фото. Королевский колониальный институт.

Илл. 196. Дерево с узорами,
вырезанными для церемонии бора.

Как уже упоминалось, именно дух предков зарождает зародыши детей (ратапа) вне материнской утробы и в подходящий момент вводит их в нее. Местом обитания таких зародышей детей считаются деревья, скалы, камни, водоемы и чуринга, или деревянная палочка. Последнее представляет собой плоский продолговатый кусок дерева или камень, продетый в одном конце и снабженный веревкой; если быстро и сильно вращать чурингу, она издает свистящий звук (подобный нашему лесному дьяволу). То, что этому предмету, который, как мы еще увидим, играет большую роль в церемониях австралийцев, приписывается место обитания ратапа, объясняется тем, что, согласно верованиям австралийцев, деревья, из которых он изготовлен, выросли из тела призрачного существа по имени Муртамурта, разорванного двумя собаками. Более тесный контакт с указанными предметами приводит к тому, что женщина становится беременной. Например, если женщина купается в реке Прозерпина (Квинсленд), зародыши детей из корня пандануса переходят в нее; если она из другого племени после употребления плодов лалитджа

испытывает рвоту, то это признак того, что зародыш лалитджа проник в нее через ее бедра (), а если она ударяет топором по каучуковому дереву, то это также высвобождает зародыш ребенка. Эти детские зародыши отнюдь не всегда сразу переходят в тело женщины в человеческом обличье, но также и в обличье животного, например, дождевой птицы (девочки) или змеи (мальчика) и других, но в утробе матери снова превращаются в человека. Даже прикосновения женщины к дереву чуринга достаточно, чтобы она забеременела.

Во время беременности австралийка, как мы уже знаем по меланезийцам, подвергается определенным пищевым запретам, однако они, по-видимому, не так обширны, как там. Она может употреблять в пищу определенные мясные блюда, в основном из ежа-муравьеда, кенгуру, опоссума, эму и змей, в то время как в других племенах мясо вообще не употребляется. В качестве причины этих ограничений указывается, что либо мать может заболеть тяжелой болезнью, либо ребенок может расти в утробе матери или умереть и так далее. В большинстве случаев эти правила распространяются и на мужчину. У урубунна он также не ходит на охоту в течение этого периода, потому что дух животного, мясо которого он съел, будет сопровождать его, предупреждать дичь и отвлекать снаряды.

Илл. 197. Игры с нитками из Северного Квинсленда.

Они изображают (левый ряд сверху вниз): двух мужчин, спускающихся в долину; двух крыс, идущих рядом; четырех мальчиков, идущих в ряд, держась за руки; бегущего эму; летучую мышь; двух отдыхающих какаду; (средний ряд): казуара; крокодил; мужчина, взбирающийся на дерево; черепаха; (правый ряд:) черепаха; две белые журавли; две женщины, сражающиеся палками; летящая утка; две рыбы; кенгуру.

Фото: Kerry & Co.

Илл. 198. Сцена из церемонии бора.

Шаманы племени выполняют ряд действий, которые являются лишь трюками, чтобы укрепить мальчиков в вере в то, что они могут колдовать.

Я не смог узнать ничего подробного о родах у австралийцев. Перерезание пуповины производится с помощью ракушки, кости кенгуру, камня или обсидианового ножа и в разных случаях дает повод для определенных церемоний. У народа нарринджери отец тщательно хранит пуповину в пучке перьев. Если он передает этот пучок отцу ребенка из другого племени, то оба ребенка становятся Ngia Ngiampe, то есть до тех пор, пока пуповина не будет возвращена, они не только не могут разговаривать друг с другом, но и не могут прикасаться друг к другу или вообще приближаться друг к другу. После возвращения пучка это соглашение теряет силу. Более подробно рассказывать о его назначении было бы слишком далеко зайти. — Если у западноавстралийцев мать бросает пуповину в воду, то сын впоследствии становится хорошим пловцом. Кайтиш (Центральная Австралия) заворачивают пуповину в полоски меха и обвязывают ими шею ребенка. Варрунга, которые поступают аналогичным образом, в случае рождения девочки, которую должен выдать

замуж дядя по материнской линии, передают ее ему, который некоторое время носит ее в своем браслете и дарит отцу ребенка оружие; однако он не имеет права увидеть ребенка, пока тот не научится ходить. Как только наступает этот момент, отец посылает ему полоски меха, он приходит в лагерь, смотрит на ребенка и приносит отцу подарки. Остатки пуповины он кладет в дупло дерева, местонахождение которого никому не раскрывает. У кайтишей отец и дедушка и бабушка по материнской линии должны находиться в кустах во время родов; по возвращении дедушка приносит букет цветов и касается им головы роженицы, которая затем поднимает своего ребенка в деревянном сосуде (), служащем колыбелью, и передает его бабушке. Она трет ребенка о свой живот и несколько раз подбрасывает его в воздух, а затем обнимает его сзади. По возвращении отец нагревает копье над огнем и проводит им над новорожденным. Затем он рисует ребенку черный круг вокруг глаз и пупка и возвращает его матери. — В некоторых племенах имя дают сразу после рождения, в других — только через несколько недель. Жители нижнего течения реки Муррей () считают, что давать имя ребенку, пока он не научился ходить, — к несчастью. В других регионах имя дают дважды, например, в подростковом возрасте. В Западной Австралии люди обмениваются именами в знак дружбы. У муралугов (мыс Йорк) при присвоении имени в присутствии всех родственников устраивается праздник, но отец не может присутствовать на нем. Мать держит ребенка над кустом карамбу и молит богов о благословении новорожденного.

Фото: Kerry & Co.

Илл. 199. Сцена из церемонии бора племен Восточной Австралии.

Юноши с покрытыми головами проходят по тропе от одной части круга бора к другой вдоль выкопанных рисунков.

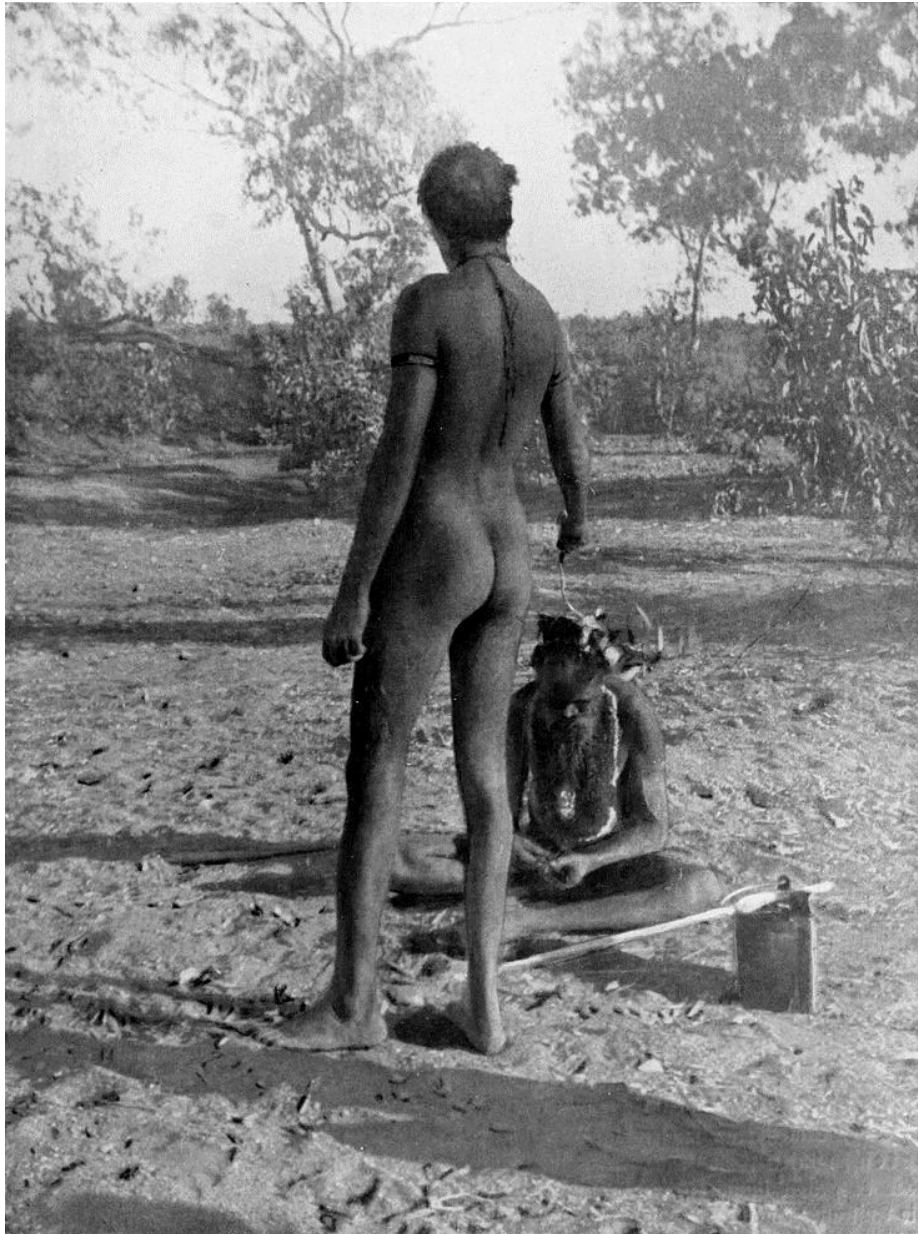
В Центральной Австралии близнецов сразу убивают, а детей-калек либо также устраняют, либо из суеверия оставляют в живых и почитают. Вообще, во всех частях Австралии очень распространено детоубийство, и английское правительство мало что может с этим поделать. Оберландер видел на реке Муррей женщину, которая убила десять-одиннадцать своих детей. Причина такой жестокости заключается в том, что большое количество детей, как правило, более двух, не приветствуется, поскольку они создают трудности при воспитании в сложившихся весьма неблагоприятных экономических условиях и мешают во время долгих переходов. Раньше убитых детей обычно съедали, причем в трапезе участвовали только женщины.

Фото: Kerry & Co.

Илл. 200. Сцена из церемонии бора.

Мужчины с копьями нападают на кенгуру, нарисованного на песке.

Илл. 201. Сцена из церемонии посвящения племени варрамунга.

Запрет на разговор, налагаемый на юношей во время этой церемонии, снимается прикосновением к голове одного из старейшин с помощью ветки, увенчанной листьями.

Австралийские женщины также кормят своих детей грудью в течение длительного времени, как правило, от четырех до пяти лет. Сольвадо нередко наблюдал, как мальчики прерывали свои игры с оружием и бежали к матери, которая кормила грудью младшего ребенка.

До семилетнего возраста мальчики растут вместе с девочками под присмотром матери, затем их разделяют; с этого момента они получают образование в различных искусствах. Так они приобретают знания, необходимые им как охотникам, бродя по стране и изучая свойства и местонахождение животных и растений, которые служат им пищей; благодаря этому они одновременно приобретают удивительную наблюдательность. Кроме того, их обучают обращению с оружием и знакомят с самыми необходимыми обычаями племени. Всему этому мальчиков учат как бы в игровой форме, а не посредством систематического

обучения. В некоторых племенах существует обычай, согласно которому мальчиков, как только они достигают соответствующего возраста, отправляют из родной деревни, чтобы они провели несколько месяцев среди людей другой группы того же племени или даже чужого племени и там также приобрели опыт. Во время этого пребывания мужчины из группы, в которой проживает мальчик, заботятся о его воспитании; таким образом он знакомится с другими местами и обычаями, приобретает новых друзей и извлекает из такого «пансиона» немалую пользу для своей дальнейшей жизни. По истечении этого времени он возвращается домой в сопровождении нескольких мужчин, которых здесь принимают на несколько дней, и затем принимается как мужчина; это событие обычно отмечается какой-либо церемонией. Племенная группа, которая взяла на себя обязательства по воспитанию мальчика описанным образом, обычно передает одного из своих мальчиков на воспитание группе, из которой происходит этот мальчик; то есть происходит своего рода обмен детьми. Однако это не ограничивается только определенными группами, один мальчик идет в одну группу, другой — в другую для обучения. Таким образом, устанавливаются более тесные отношения между отдельными людьми, а также между различными группами одного и даже чужого племени.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 202. Урок танца для мальчиков для корробори.

Старик учит их этому танцу. Он поет и отбивает ритм двумя бумерангами.

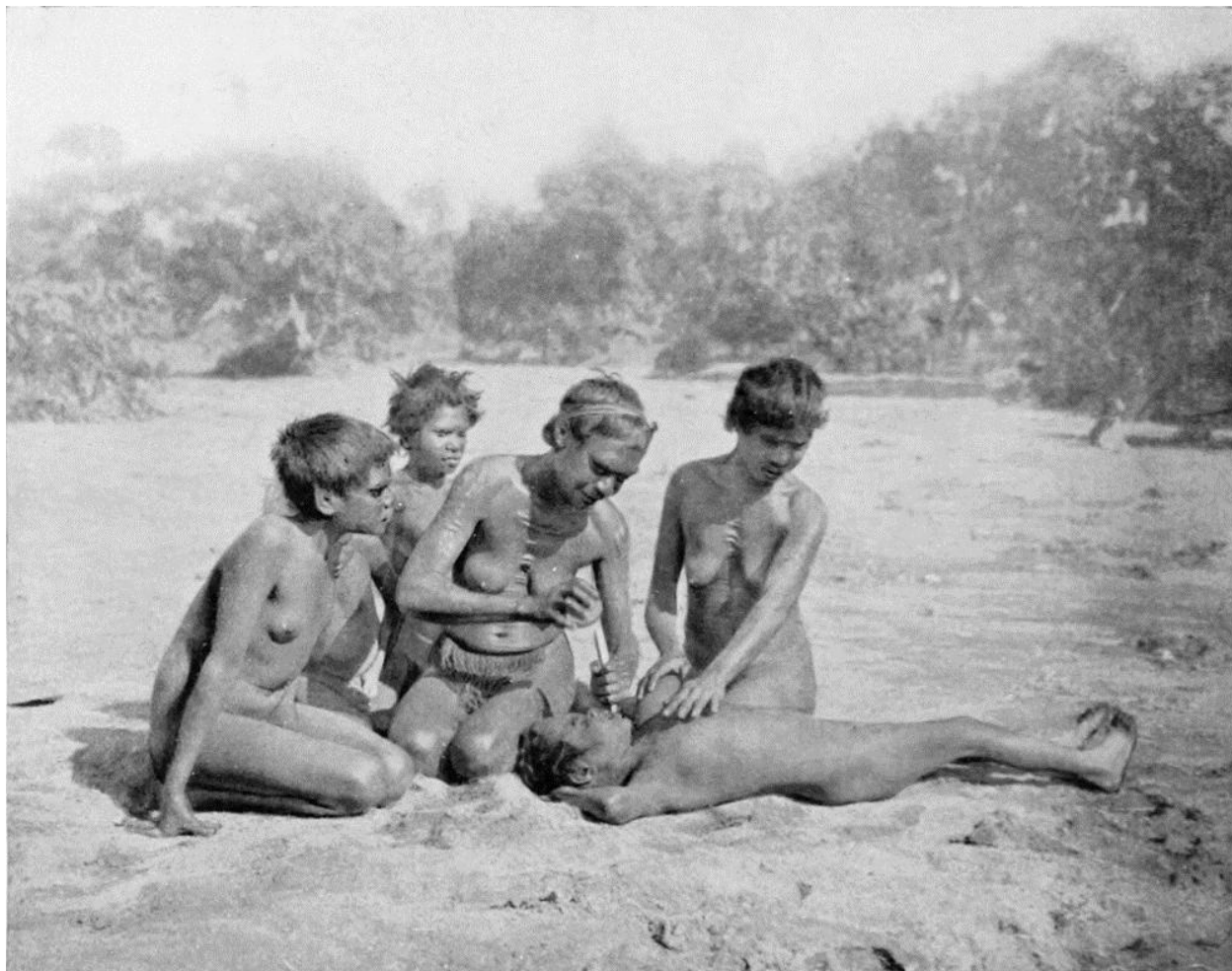
Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 203. Церемониальные предметы австралийцев.

С обеих сторон изображены волшебные палочки, с помощью которых, по верованиям туземцев, можно навести беду на человека, «нацелившись» на него; вверху изображен ожерелье народа клана орлана-ястреба, внизу — чуринга, а в центре — ожерелье с кисточкой.

Уже в подростковом возрасте мальчики должны подчиняться определенным запретам в еде. Разные племена имеют свои собственные правила, но всегда запрещены самые популярные блюда, например, эму, который для австралийцев является большим деликатесом, или в прибрежных районах дугонг или черепаха; другие блюда, которые в других местах входят в список запрещенных, — это дикобраз, вомбат, угри, яйца эму и мед. Чем ближе подросток () приближается к мужскому возрасту, тем больше для него ослабляются эти запреты на еду, то есть ему снова разрешается есть любимые блюда. В определенный момент несколько мужчин решают, следует ли теперь освободить его от определенного запрета, например, от запрета на употребление в пищу мяса сумчатого ежа (, Bandikut). Для этого ловят и готовят такое животное; один из мужчин натирает молодому

человеку жиром рот и дает ему попробовать мясо; с этого момента ему разрешается употреблять эту пищу. Аналогичным образом поочередно снимаются различные запреты на пищу. Некоторые племена растягивают этот отказ на очень длительный период времени; в результате чего мужчина становится старым и седым, прежде чем ему разрешается есть все продукты. Женщины также должны подчиняться подобным правилам и воздерживаться от определенных продуктов до достижения определенного возраста. У некоторых племен создание декоративных шрамов, по-видимому, связано с отменой этих запретов; при каждой отмене наносятся один или несколько шрамов.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 204. Выбивание резца у девочки из племени кайтиш,

обычай, свойственный многим австралийским племенам и выполняемый у мальчиков или девочек в определенном возрасте.

Как и у меланезийцев, у коренных жителей Северного Квинсленда очень распространены игры с нитками. Суть их заключается в том, чтобы заплести из нитки между пальцами всевозможные фигуры — среди них популярны рыбы, черепахи, летающие лисы, каноэ, кокосовые пальмы (рис. 197).

Церемонии, с помощью которых юноши знакомятся с тайными обычаями своего племени, в общих чертах одинаковы почти во всей Восточной Австралии (Виктория, Новый Южный Уэльс () и часть Квинсленда), но в деталях и названиях они различаются от племени к племени. Для простоты будем называть их «церемониями бора», что является обычным названием у некоторых племен Нового Южного Уэльса и введено в науку. Только

после того, как мужчина прошел несколько собраний бора, он считается полностью посвященным членом племени, однако для него первое собрание, на котором он присутствовал еще мальчиком, является самым важным.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 205. Участники церемонии посвящения (тотем сливового дерева) у арунта.

Они раскрашены полосками желтой охры и угля и обклеены пухом; сидящий человек носит высокий головной убор, который должен изображать сливовое дерево.

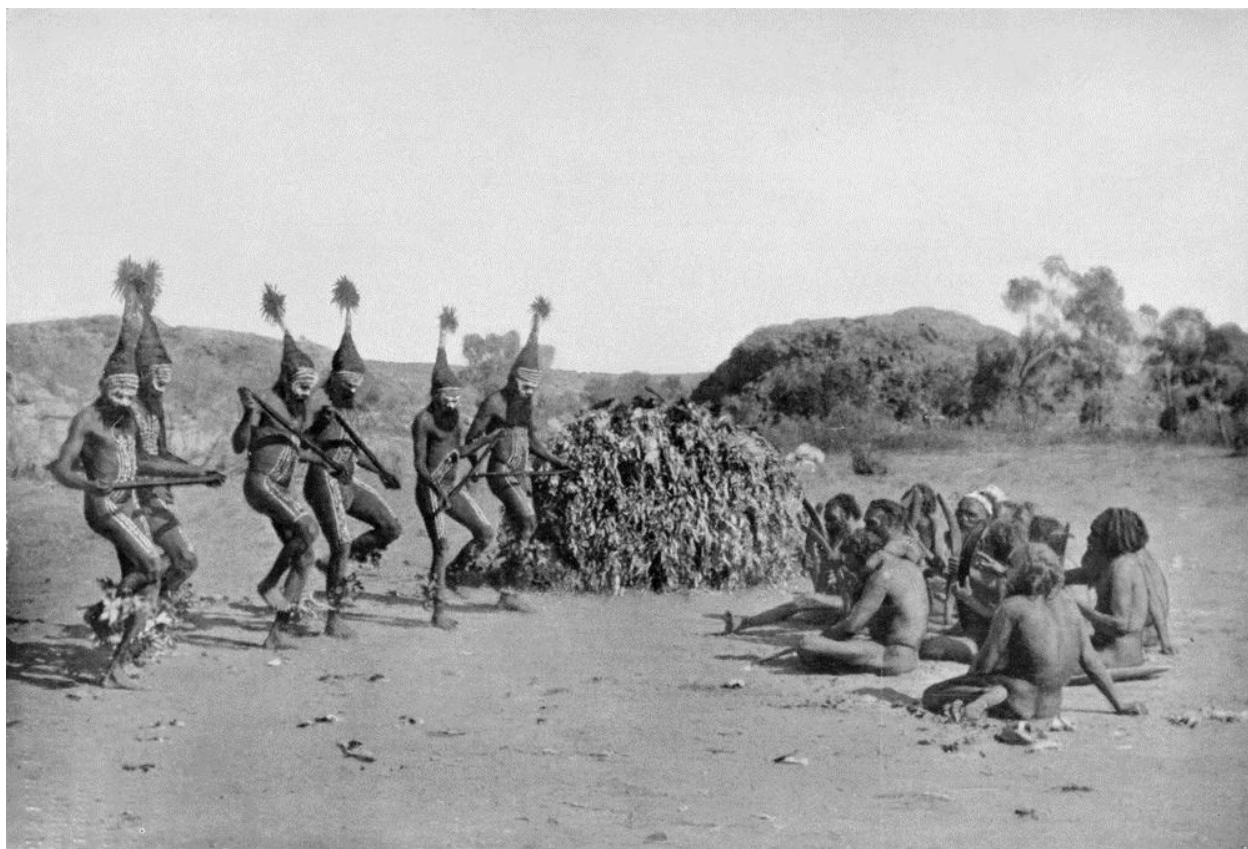
Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 206. Заключительная сцена церемонии посвящения у племени арунта.

Мальчики должны долго лежать на песке, не произнося ни слова.

Если в местной группе есть один или два мальчика, которые, по мнению старших мужчин, достигли необходимого возраста для первой бора, на собрании принимается соответствующее решение и начинаются приготовления к первому собранию, которое, возможно, состоится только через месяцев. Затем посылаются гонцы, чтобы уведомить об этом соседние группы. Во время этих походов посыльные обычно носят с собой тот или иной предмет, в зависимости от обычаев, существующих в отдельных племенах: то посыльную палку, небольшой кусок дерева с насечками, то свистящую палку, то мужской пояс, то букет перьев. Предъявляя этот знак, гонец сообщает старейшинам лагеря о времени и месте проведения следующего бора, приглашает их и одновременно просит привести с собой мальчиков, которые по возрасту могут быть посвящены. Такой гонец всегда считается священным и неприкосновенным, даже если он приходит к враждебно настроенным туземцам. Незадолго до назначенного дня группа, устраивающая праздник, отправляется на поле, недалеко от места, где будет проводиться бора. Посвященные мужчины начинают готовить землю для празднования. План подготовки в разных местах различается, но обычно земля для бора делится на три части. Различают большое круглое, тщательно очищенное и выровненное место, окруженное невысоким земляным валом, затем тропу длиной часто от четырехсот до четырехсот пятидесяти метров, ведущую от большого круга в кусты и заканчивающуюся небольшим прорубленным кругом, также окруженным невысоким валом. Женщины могут посещать только большой круг, но ни одна из них, как и вообще никто из непосвященных, не имеет права видеть тропу; за нарушение этого правила предусмотрена смертная казнь. По обеим сторонам тропы на земле нанесены различные рисунки в виде приподнятых холмов или контурных рисунков (рис. 195), которые выполнены топором и в большинстве случаев изображают различных животных, например кенгуру, эму, змей и т. д., а иногда и геометрические узоры (рис. 199). Деревья по обеим сторонам тропы украшены резьбой (рис. 196), либо геометрическими узорами, либо изображениями животных. В одном месте тропы или меньшего круга часто встречается земляной холм в форме человеческой фигуры, представляющий мифическое существо. Это

существо, называемое некоторыми племенами Байаме, согласно суеверию туземцев, ввело церемонии Бора и присутствует на каждом мероприятии, чтобы следить за тем, чтобы праздник проходил в соответствии со старыми правилами.

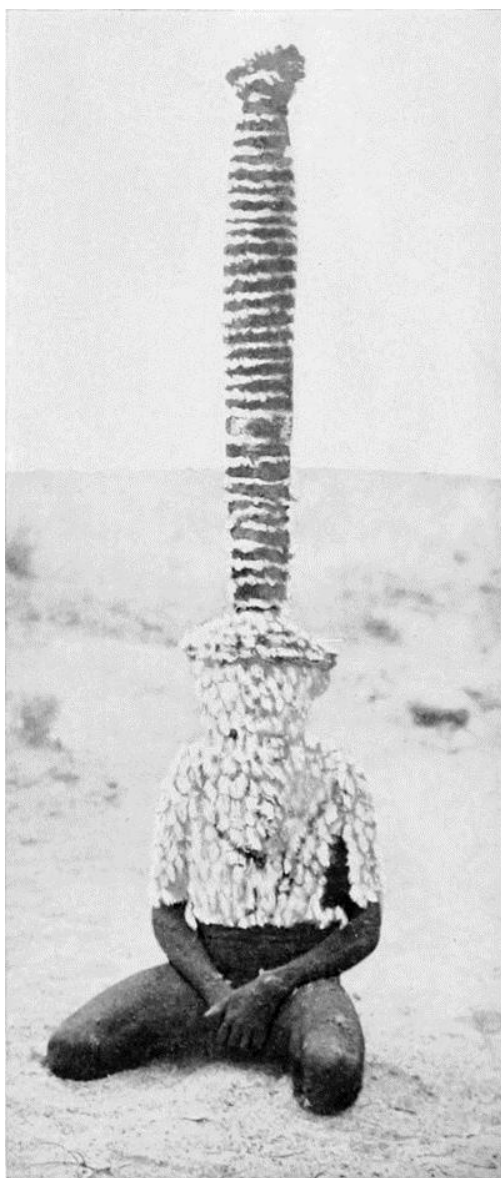

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 207. Сцена танца корробори племени арунта.

Сидящие люди поют и отбивают ритм танца своими бумерангами. В хижине из листьев танцоры украшают себя.

Когда приближается день церемонии, приглашенные гости из окрестностей постепенно прибывают. Как только группа приближается к полю бора, она посылает вперед гонца, который объявляет о ее прибытии. Гостей встречают с большой торжественностью, которая частично состоит в танце в большом кругу. Посвященным из них показывают тропу, а также маленький круг и рисунки. В такие моменты, когда мужчины из разных районов собираются вместе, старые обиды устраняются с помощью боя; но когда разногласия улаживаются, мир восстанавливается, и церемония продолжается, как только прибывает последняя группа приглашенных.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 208. Мужчина с тотемом лягушки.

Высокий головной убор символизирует священное дерево, а пух на голове и теле мужчины — его корни.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

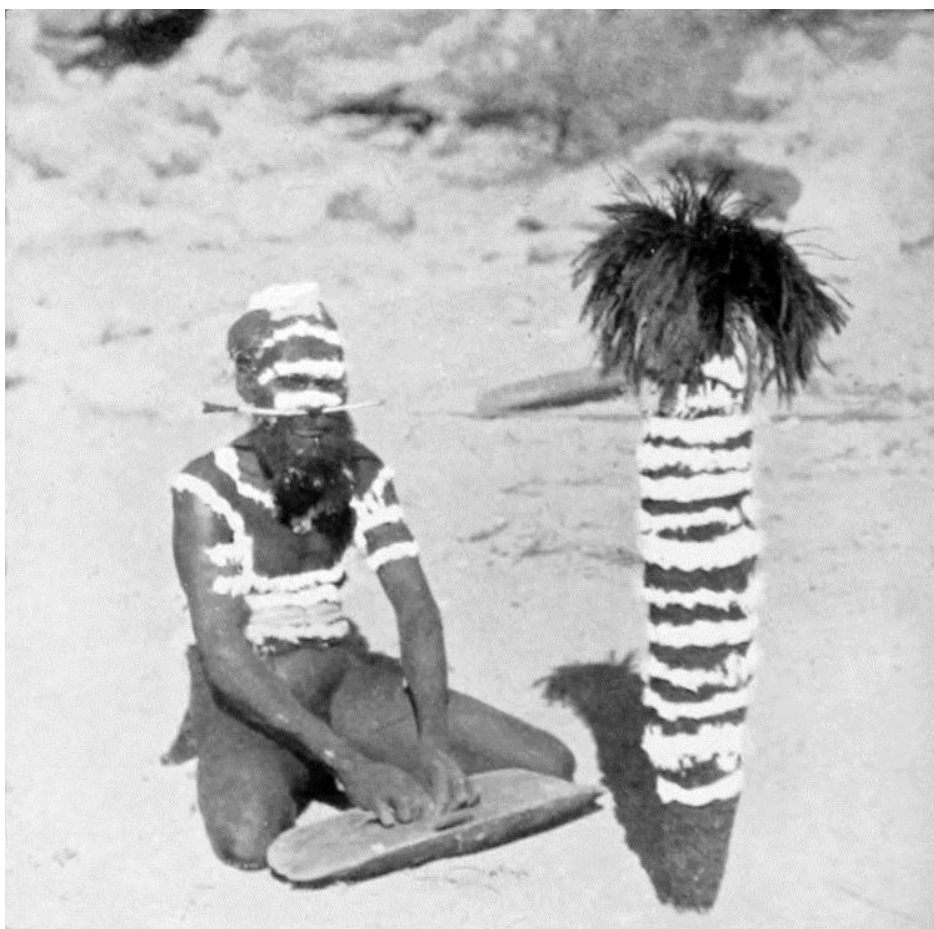
Илл. 209. Заключительная сцена танца корробори,
которую возглавляет мужчина впереди, изображающий сверхъестественное существо.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 210. Сцена из огненного ритуала племени арунта.

Мальчики лежат на сгоревшем угле.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 211. Церемония тотема дикой кошки племени арунта.

Невозможно кратко описать все детали церемонии (рис. 195, 198–200), которые, к тому же, различаются у разных племен. В первой части, которая проходит в большом круге борака, участвуют также старухи; из остальных мероприятий женский пол исключен. Мальчиков ведут к меньшему кругу, где старшие мужчины, которые все время являются их защитниками, показывают им рисунки на деревьях и фигуры на земле и объясняют их (рис. 199). Мужчины исполняют магические игры и пантомимы, которые мальчики должны смотреть и которые им объясняют. При этом мальчики впервые видят чуринга или жужжащее дерево (рис. 203) — кусок дерева овальной формы с заостренным концом, который быстро приводится в движение с помощью прикрепленной к его концу веревки и издает жужжащий звук. Женщины никогда не видят это устройство, мальчикам также запрещается говорить о нем женщинам, не говоря уже о том, чтобы показывать его им. Если женщина по неосторожности увидит швирц, ее убьют. Женщинам внушают, что звук, издаваемый швирцем, — это голос сверхъестественного существа (). Пока длится церемония Бора, его слышно. Церемонии в основном состоят из пантомим, в которых исполнители имитируют действия животных. Все эти действия, а также то, что показывают новичкам в это время, являются священными и не должны быть видны женщинам. — Мальчики, как правило, также подвергаются кровавой операции на половом члене; им делают обрезание, то есть удаляют крайнюю плоть. У некоторых племен через несколько недель проводится вторая операция — обнажение (разрезание) мочеиспускательного канала, о которой мы уже упоминали выше (с. 154). У арунта кровь, вытекающая при этих операциях, наносят на маленький деревянный свисток, чтобы он позже служил любовным заклинанием. Юноша, желающий склонить девушку к браку, затем заставляет его свистеть. У других племен к обрядам посвящения относятся также выбивание переднего зуба (рис. 204), подбрасывание мальчиков в воздух (рис. 189), нанесение шрамов и своего рода испытание огнем. Во время всех этих процедур за мальчиками внимательно наблюдают, чтобы они вели себя правильно; если кто-то из них не выполняет приказы своего покровителя, его убивают. На время проведения церемонии бора мальчики и их сопровождающие отделены от женщин и девушек. Мужчины проводят часть дня, добывая пищу на охоте, а остальное время посвящают представлениям. В конце мальчиков приводят к женщинам, и часто устраивается праздник, в котором участвуют и они. Мальчики же еще некоторое время, иногда четыре месяца, живут со своими опекунами в джунглях, где те обучают их всем законам и обычаям племени, а также необходимости их соблюдать и подчиняться старшим мужчинам. Во время этого испытательного срока мальчики не должны видеть женщин и не должны быть замечены ими. В некоторых племенах это продолжается до тех пор, пока у мальчиков не появится возможность принять участие в следующем боре. Чтобы полностью стать мужчинами, юноши должны посетить несколько собраний бора, на каждом из которых они всегда видят что-то новое, что раньше было для них недоступно.

Фотография В. Э. Рота.

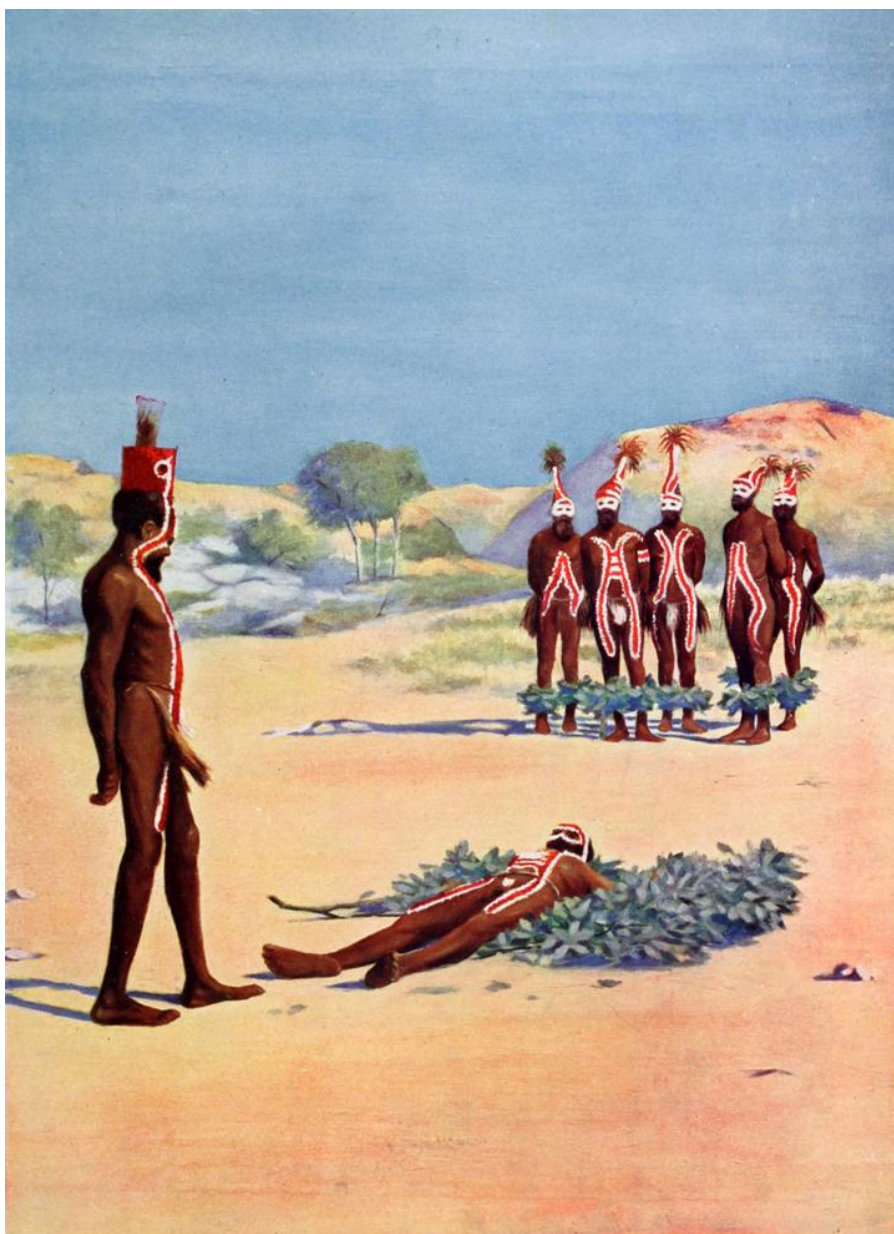
Илл. 212. Магическое существо из Северного Квинсленда,
которую сжигают для изгнания комаров.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 213. Сцена из церемонии орла-ястреба племени арунта во время торжеств по посвящению юношей.

Два действующих лица изображают двух этих птиц, сражающихся за кусок мяса.

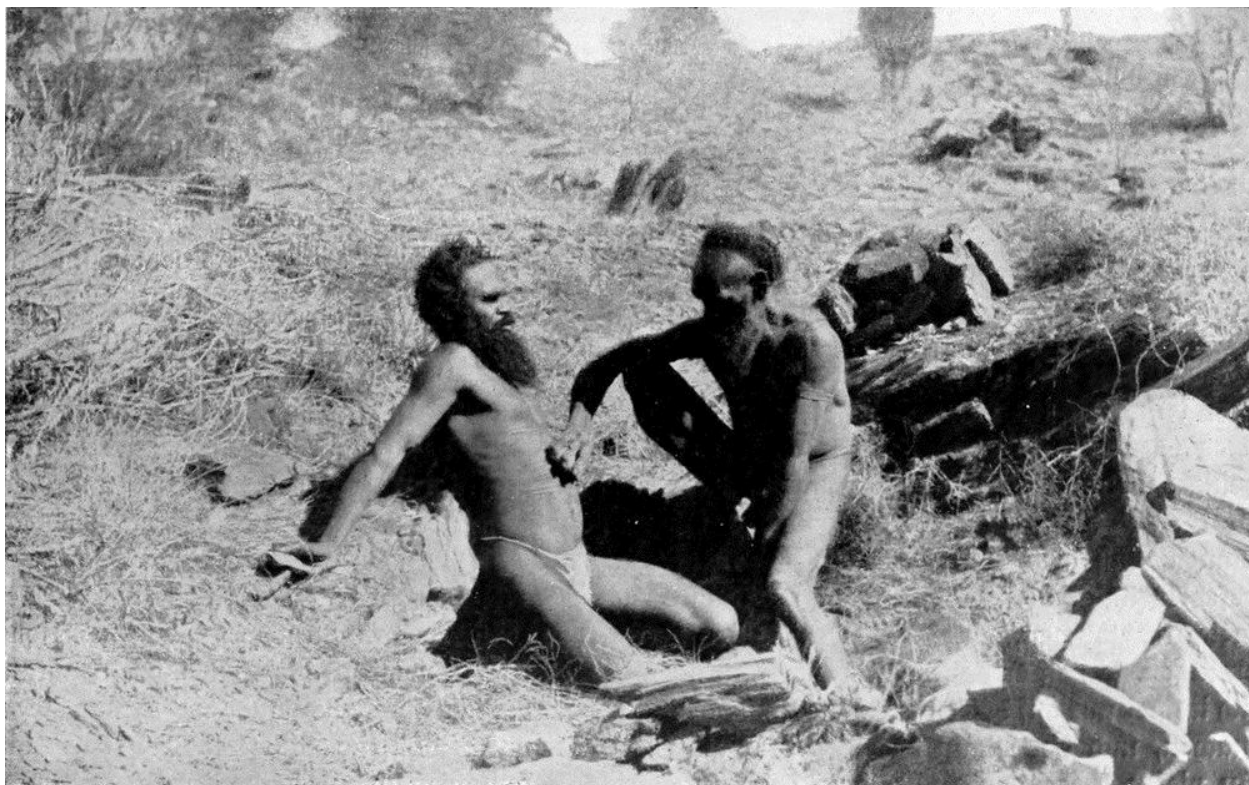

Сцена из корробори,

своего рода драматической пантомимы и танца. Лежащий на земле туземец должен изображать спящего человека, а приближающийся к нему держит между пальцами ног, обернутый в кору порошок волшебного камня, который он бросает на спящего, чтобы убить его.

Огненная церемония, или ингурра ([рис. 210](#)), о которой мы еще вернемся более подробно, является последней стадией церемонии посвящения у арунта и собирает вместе людей со всех концов света по приглашению. Фактически она представляет собой последовательность различных действий. Торжества начинаются с обычных корробори, в которых участвуют и женщины, и длятся несколько недель. Корробори, своего рода драматическое представление, пантомимный танец ([рис. 202, 207, 209](#) и [цветной художественный приложение](#)), сопровождаемый пением, обычно состоит из цикла представлений, каждое из которых занимает один вечер, так что все представление длится несколько вечеров подряд. За корробори следует второй акт — церемония ингвурра. Теперь женщины отделяются от мужчин и остаются в поле, в то время как последние, за исключением нескольких часов в день, которые они посвящают охоте, живут на площади

для праздника и используют это время для подготовки и проведения священных церемоний. Поскольку мы вернемся к этому вопросу ниже более подробно, здесь мы только упомянем, что они символизируют священные мифы племени и служат средством для обучения молодых людей связанным с ними верованиям. Эти приготовления требуют значительного времени, хотя каждое представление длится всего несколько минут. Когда проходят месяцы, начинаются настоящие церемонии, которые длятся около двух недель. Ежедневно молодые люди, которые должны быть приняты в племя, отправляются на охоту, но добычу они не могут оставить себе, а должны сдать ее старейшинам. Перед тем как они возвращаются вечером, женщины собирают огонь, сухую траву и хворост. По возвращении из леса юноши берут с собой несколько ветвей с листьями, собираются в плотный квадрат, бегут навстречу ожидающим их женщинам, которые подожгли траву и хворост и пытаются бросить их в вторгшихся, и стараются как могут защититься своими ветвями. Через некоторое время они возвращаются на место проведения праздника, складывают здесь свои ветки под и ложатся; они должны пролежать так часами, не произнося ни слова (рис. 206). После того как этот процесс повторяется в течение нескольких дней, а священные церемонии продолжаются днем и ночью, мальчиков отправляют на два дня в кусты, чтобы они прошли более серьезное испытание огнем. Пожилые мужчины, которым доверены новички, разжигают из сучьев и веток большой костер диаметром около двух-трех метров, а когда огонь догорает, покрывают угли ветками и приказывают юношам лечь на ветки и пролежать там четыре-пять минут (рис. 210). Несмотря на то, что кусты, уложенные на раскаленные угли, предотвращают прямой контакт с ними, так что молодые люди не могут обжечься, сильная жара и дым все же требуют больших затрат энергии, чтобы пройти это испытание. Затем юноши возвращаются в лагерь. Здесь вечер проходит в различных шутках; женщины в лагере и мужчины на праздничной площадке переключаются друг с другом и подшучивают друг над другом. В такой ситуации мужчина может даже перекрикиваться со своей тещей, с которой в обычной жизни он должен избегать любых контактов. Практически во всей Австралии между этими двумя сторонами существуют странные обычаи. Если мужчина видит, что приближается его теща, он должен спрятаться и пропустить ее, чтобы они ни в коем случае не встретились взглядами. Если спрятаться невозможно, он должен повернуть вправо или влево, отвернувшись лицом, обойти ее большим дугой и в любом случае уклониться от встречи. В некоторых племенах он вообще не имеет права вступать с ней в разговор. Если кто-то пренебрегает этими правилами, он может быть наказан вождем.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 214. Магическая церемония для размножения червей.

На следующий день молодые люди должны пройти последнюю огненную церемонию. И в этом случае женщины разводят большие костры и покрывают раскаленный пепел зелеными ветками. Но на этот раз юноши должны по очереди войти в огонь и преклонить колени посреди густого дыма (), при этом одна из женщин прижимает их к земле за плечи. На этом церемония Ingwurga наконец заканчивается. Если юноши прошли все испытания огнем, они отныне считаются полноправными членами племени. После того, как в следующие дни были проведены несколько обычных корробарий, в которых участвовали и женщины, чужие группы возвращаются в свою деревню.

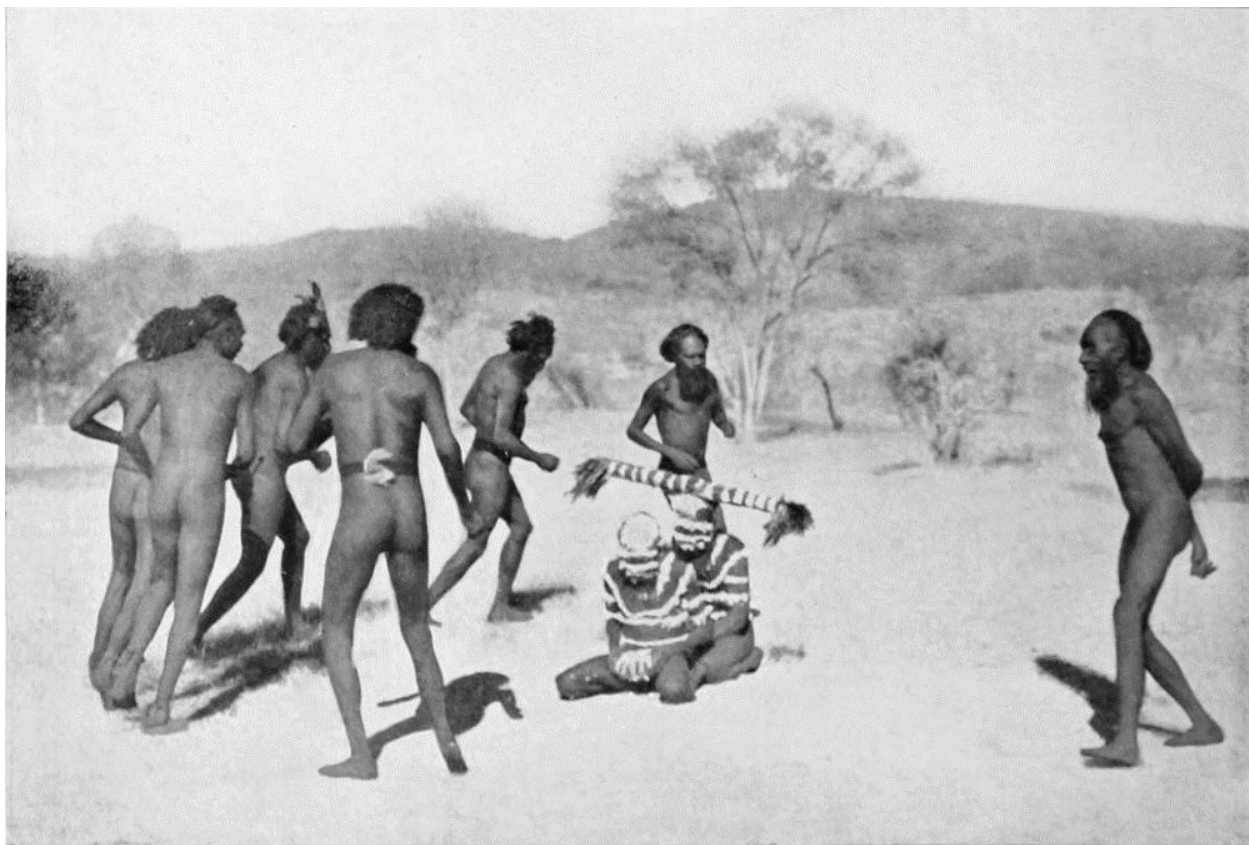
Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 215. Магическая церемония, цель которой — побудить насекомых откладывать яйца.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

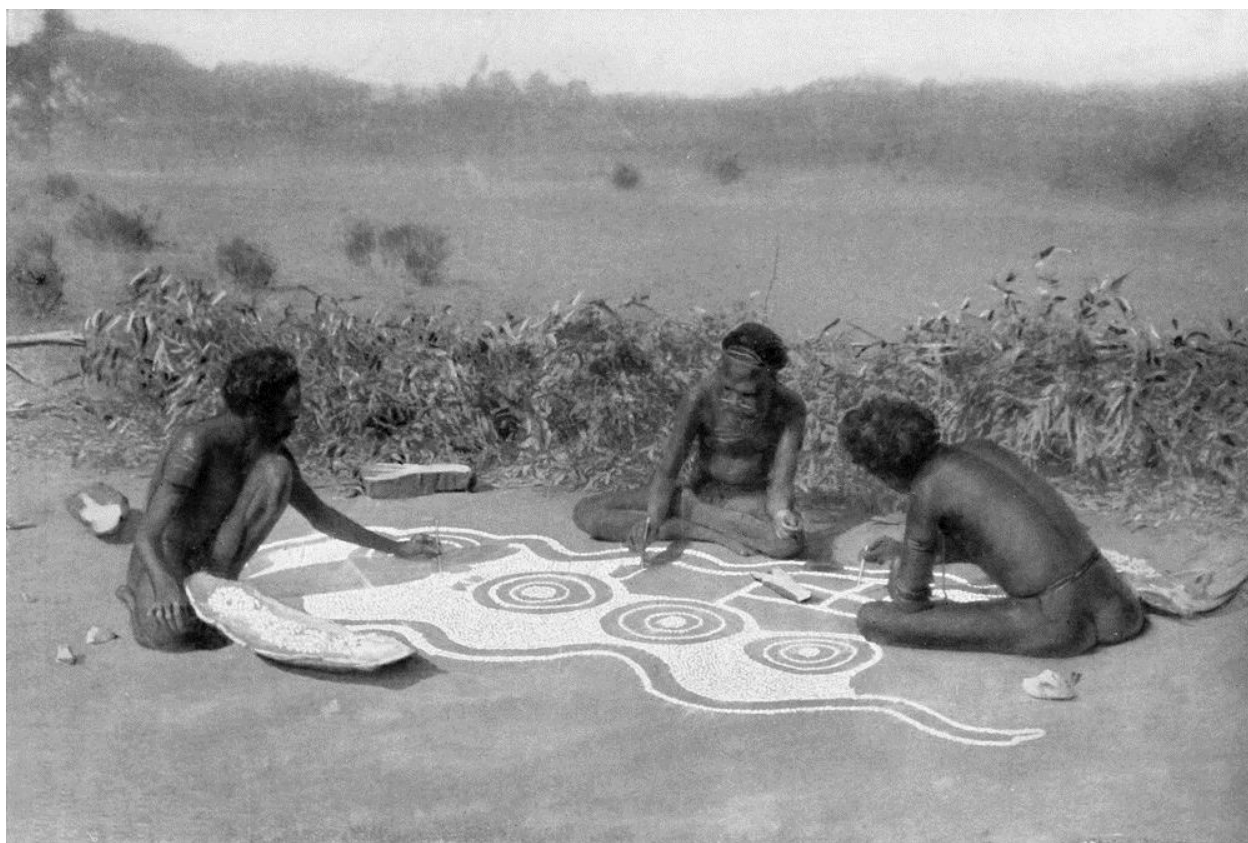
Илл. 216. Церемония, направленная на размножение змей у племени урабанна.

Два наряженных мужчины олицетворяют двух предков племени; один из этих предков связан с солнцем, другой — с деревом, цветы которого используются для приготовления особого напитка.

Церемонии австралийцев тесно связаны с их религией. Их религиозные представления основаны на вере в сверхъестественных, чаще всего мифических существ и на магии. В целом различают добрых и злых духов, среди которых, в свою очередь, есть более могущественные и менее значимые. К сожалению, европейцам до сих пор удалось лишь частично проникнуть в религиозную жизнь и мышление австралийцев. К тому же, среди них самих существуют лишь очень расплывчатые представления о духах и т. п., так что мы имеем лишь неполное представление об их религии. Большую роль в этом играет известное тотемное верование. Каждый племя делится на несколько групп (кланов или родов), каждая из которых считает себя связанной, в основном генетически, с каким-либо предметом или явлением в природе, своим тотемом. Чаще всего это определенное животное или растение, которые служат для питания, но также и природное явление. Этот тотем, по которому род и называется, почитается им. Одна группа, чтобы привести несколько примеров, связана с кенгуром, другая — с опоссумом, эму или змеей, третья — с видом акации, семенами травы и т. п., а четвертая — с дождем, ветром, огнем и т. д. (рис. 205, 208, 211 и 213). Обычно ни один член тотемной группы не имеет права съедать свой тотем, если это животное или растение, или убивать его, если речь идет о первом, поскольку он для него священен, но ему разрешается съедать или убивать тотем другой группы. Кроме того, во многих случаях существует вера, что последователи тотема могут заставить его размножаться или увеличиваться, то есть они способны управлять определенной частью природы. Например, человек-кенгуром может заставить кенгуром сильно размножаться, человек-дождь может вызвать дождь, человек-огонь всегда может создавать свой собственный огонь, так что ему не нужны для этого никакие приспособления. Следует отметить, что эта способность всегда ограничивается только собственным тотемом. Поэтому член кенгуром-тотема не может вызвать дождь, а человек из тотема дождя не может сделать ничего, чтобы кенгуром размножилось. Во многих районах Австралии существуют определенные церемонии, которые проводятся специально с целью размножения тотема. Каждая тотемная группа обычно имеет определенное место (), где проводятся эти церемонии; чаще всего это центр распространения соответствующего животного или основное место произрастания растения. Вот несколько примеров таких церемоний. Если речь идет о размножении змей, то в соответствующем месте тотема появляется вождь группы змеиногототема, раскрашенный красной и желтой охрой и оснащенный головным убором ванинг (подробнее о нем см. ниже), он преклоняет колени перед собравшимися членами и вытягивает руки, держа в каждой руке заостренную кость. Мужчина, стоящий на коленях справа от него, берет кость из соответствующей руки, поднимает складку кожи на его плече и прокалывает ее этой костью; то же самое делает мужчина, сидящий слева (рис. 216). Затем вождь, оставаясь в том же положении, поет песню или произносит заклинание, содержание которого сегодня непонятно присутствующим, и церемония заканчивается. Когда змей становится достаточно много, мужчины, не принадлежащие к данной группе, приносят несколько этих животных вождю со словами: «Смотри, вот змеи». Тот берет немного змеиногототема жира, натирает им руки и отвечает: «Так ешьте все». Этим он хочет сказать, что благодаря его церемонии змей стало так много, что каждому племени хватит их в достаточном количестве. — Чтобы размножить червей, которые являются деликатесом для австралийцев, один мужчина натирает живот другого священным камнем, который должен представлять яйцо такого животного (рис. 214), или поет насекомым, чтобы они откладывали яйца (рис. 215). Чтобы вызвать дождливую погоду, у курна у водопоя

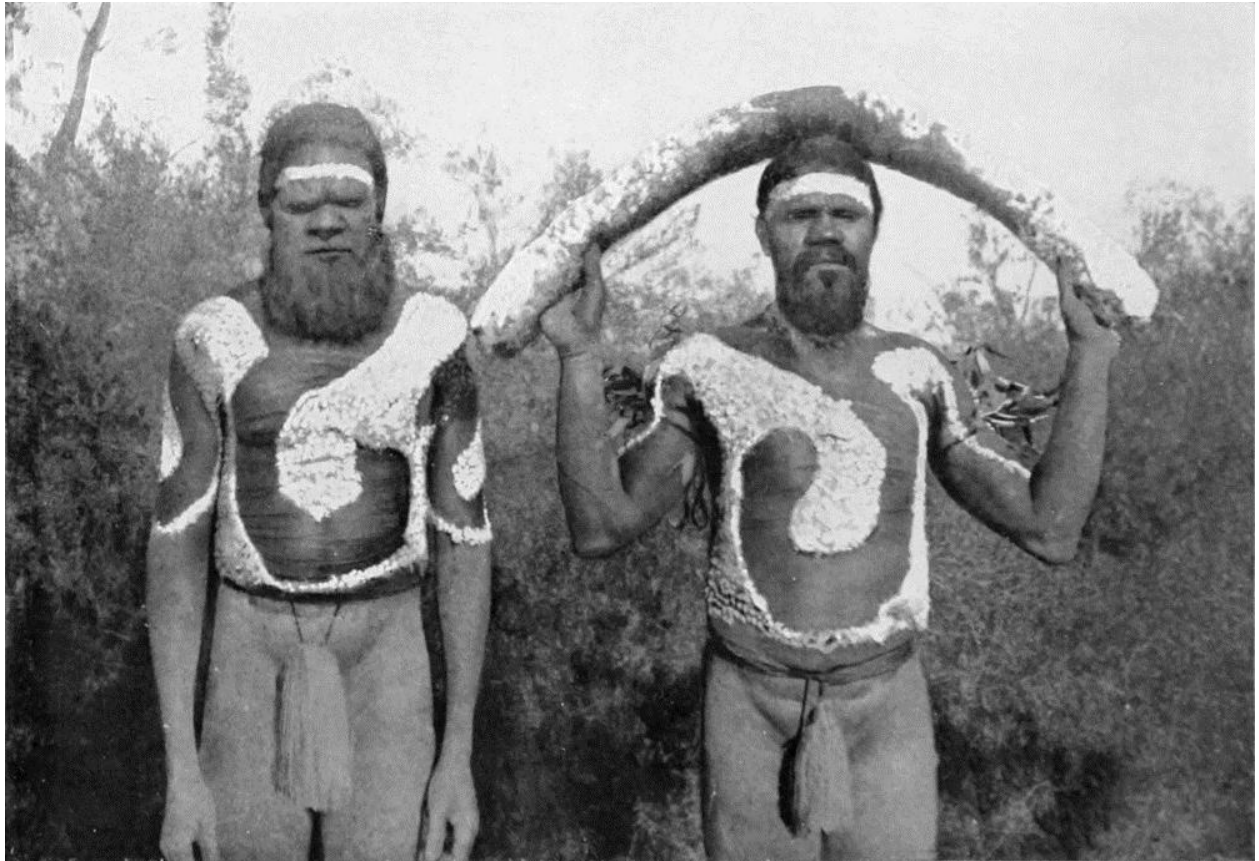
выкапывали яму () и над ней строили хижину. После того как в ней собрались все присутствующие, в том числе гости, один из старейшин завязывал повязку на левом плече и острым камнем вскрывал кровеносную вену в области локтевого сустава. Он пролил вытекающую кровь на тесно сидящих на земле людей и посыпал кровью птичий пух. Теперь некоторые камни, брошенные в яму с водой перед началом церемонии, были вынуты и положены в отдаленном месте на ветви одного из самых высоких деревьев. Тем временем другие мужчины растирали гипсовую пудру в мелкий порошок и посыпали им поверхность воды. Наконец, все присутствующие опрокинули хижину головой вниз. Текущая кровь символизирует дождь, льющийся с неба, пух — легкие облака, камни — тяжелые облака; камни прячут в кронах деревьев, чтобы их увидел дух дождя, а разрушение хижины означает, что дух должен пронзить облака таким же образом. С другой стороны, чтобы получить прохладную погоду, украшенные мужчины разжигают огонь за ветрозащитным экраном, садятся у него и делают вид, что мерзнут и дрожат от холода. Таким образом они надеются вызвать похолодание. Некоторые племена полагают, что человек может превратиться в своего тотема, если тот является животным. Согласно общепринятому мнению, тотемное животное никогда не причиняет вреда своим человеческим родственникам; поэтому, например, поклонник тотема змеи не должен бояться укуса змеи.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 218. Рисунки на земле для церемонии тотема Вуллунква.

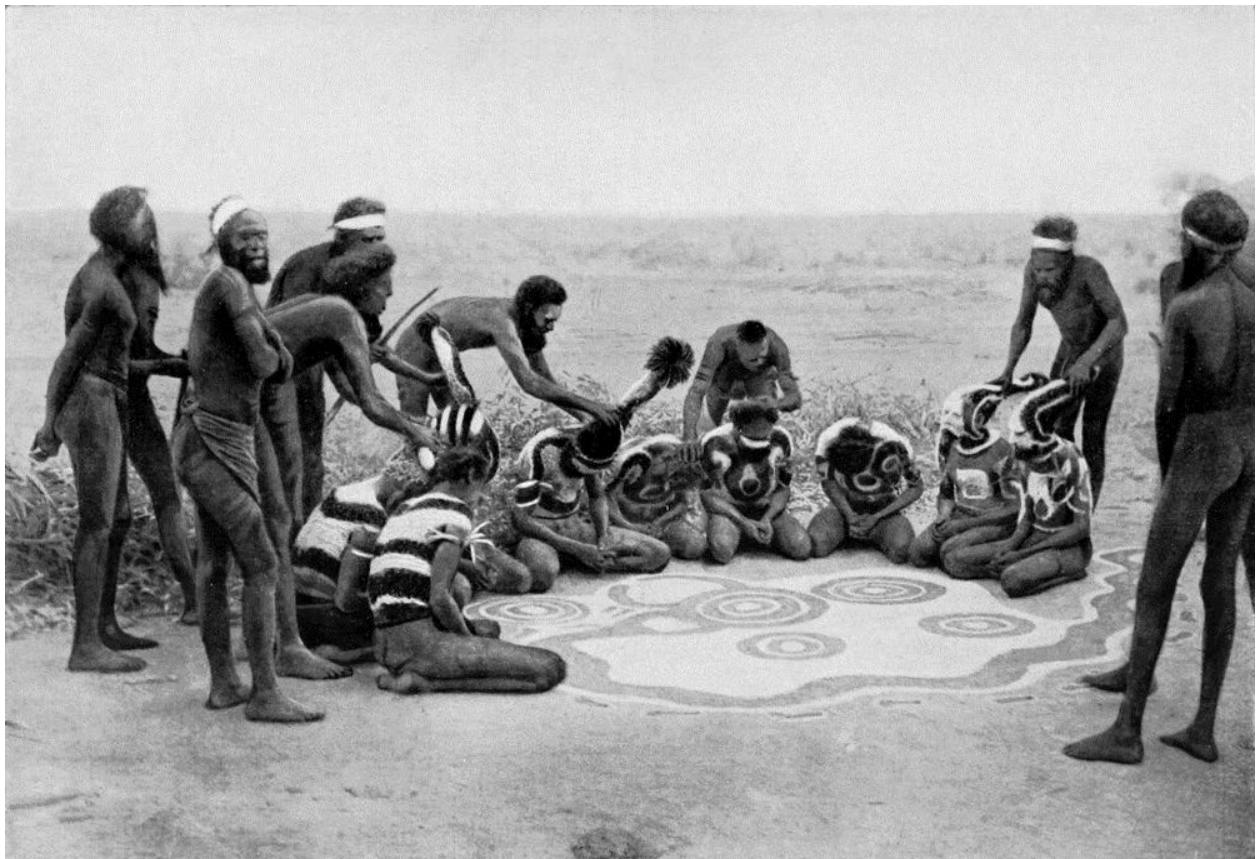
Эти рисунки считаются священными для туземцев и не должны быть видны женщинам; на этом изображении они представляют путешествия мифического предка Воллунква.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

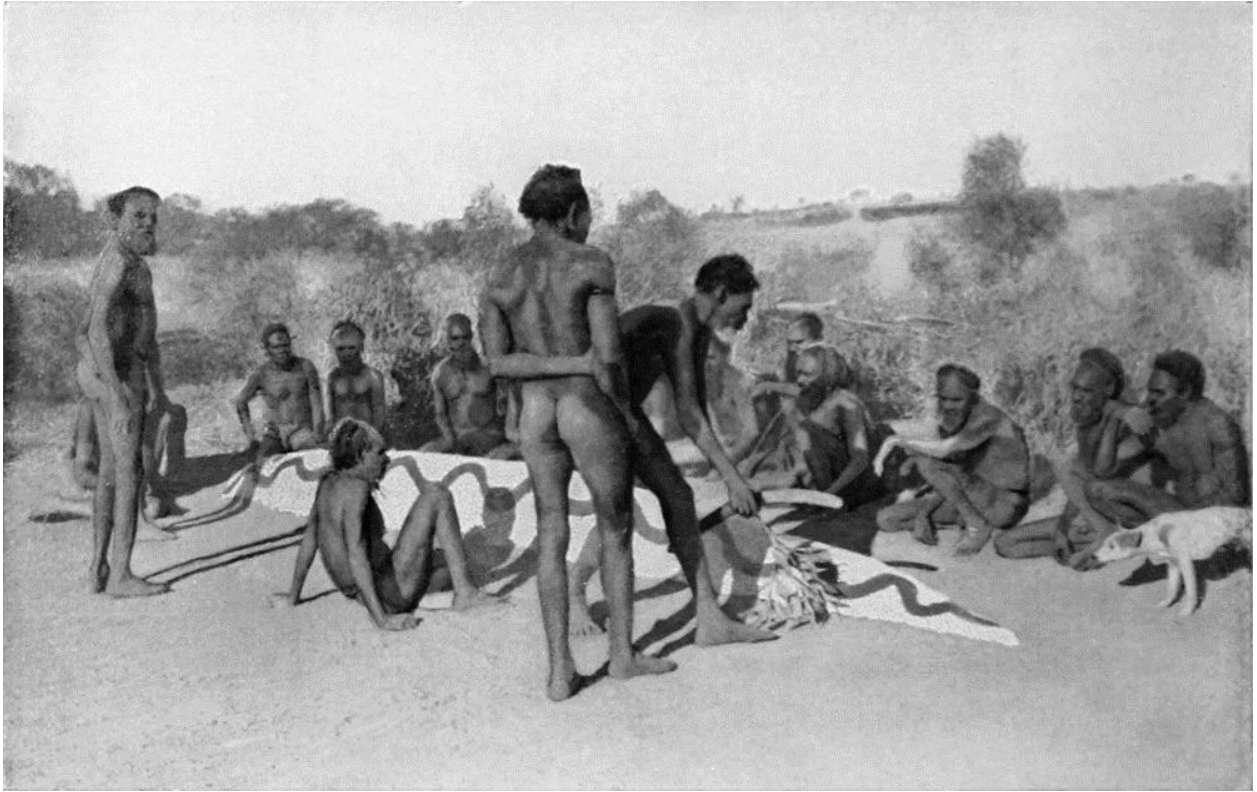
Илл. 219. Люди племени варрамунга в украшениях для церемонии воллункуато.

Предмет над головой одного из мужчин сделан из стеблей травы и обмотан нитью из человеческих волос; он должен изображать Воллункуа, мифического змея.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 220. Заключительная сцена церемонии Вуллункватотем племени варамунга, во время которой с исполнителей снимают головные уборы.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 221. Сцена из церемонии Вуллункватотем племени варрамунга.

Мужчина проводит веткой по изображению мифического змея Вуллунка, нарисованному на куче земли; это должно примирить его.

Все члены каждого тотемного клана считают себя близкими кровными родственниками; членство в группе регулируется по наследству. В некоторых регионах (Восточная Австралия), где ребенок принадлежит к клану матери, он наследует тотем матери, в других, где он принадлежит к группе отца, он принимает его тотем. В других племенах тотем не наследуется, а приобретается другим способом. Как мы уже слышали, каждый тотем связан с определенным местом или предметом. Например, у арунта, когда рождается ребенок, он получает тотем места, вблизи которого, как считается, он был зачат матерью. Таким образом, если женщина считает, что зачала ребенка у определенного дерева или скалы, связанных с эму, ребенок получает тотем эму, независимо от того, к какому роду принадлежит мать.

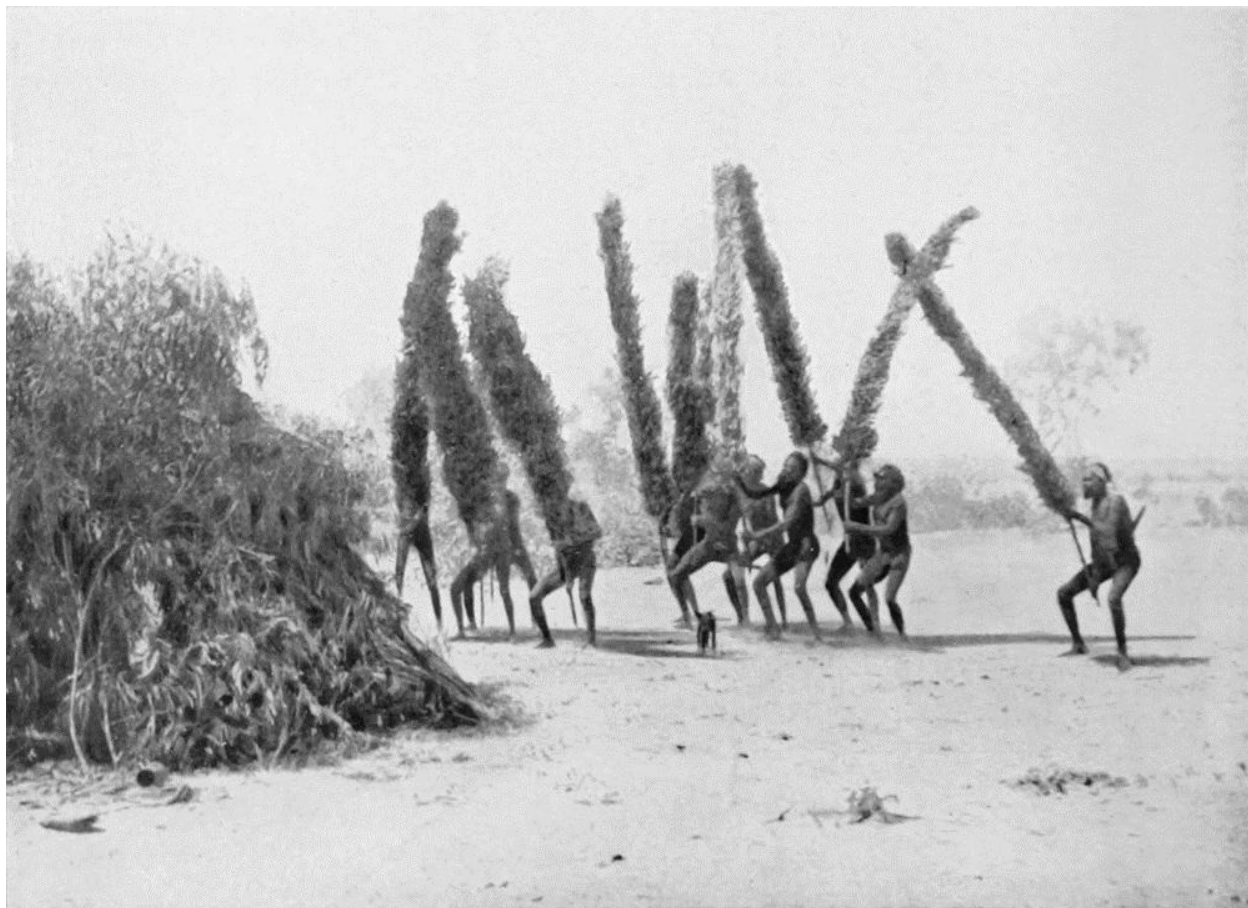

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 222. Сцена из огненного ритуала племени варрамунга.

Тотемное существо достигает своего высшего развития в Центральной Австралии. Здесь также более глубоко продумано все учение и определено его происхождение. В древние времена, до появления человека, в Австралии жили сверхъестественные существа, тотемные предки. Они обладали удивительными силами, а также способностью воплощать в себе как природу человека, так и природу животных или растений. Все эти предки, как полагают некоторые племена, путешествуя по стране, оставляли в определенных местах много детских духов, которые, как мы уже объясняли ранее (с. 156), переходят в женщин и затем рождаются как настоящие человеческие дети. После смерти их дух возвращается к месту своего происхождения, например, к священному камню или дереву, с которым он связан, и ждет там своего воплощения. Таким образом, каждый член племени является реинкарнацией одного из предков. Племена в глубине Австралии проводят церемонии, связанные с этими тотемными предками, изображая их в виде (рис. 217). Обычно считается, что эти тотемные предки лично ввели соответствующие церемонии клана в том виде, в каком они проводятся сегодня. Церемонии, упомянутые нами в связи с обрядами посвящения юношей, частично связаны с тотемными предками. В качестве примера того, как проходит такая церемония, можно привести церемонию змеиноготема варрамунга. Предком этого тотема, по преданию, было мифическое существо Воллунка, которое было настолько велико, что, стоя на хвосте, его голова доставала до неба; теперь оно заточено в большой водоем в уединенной долине. Во время одной из соответствующих церемоний формируется земляной холм, на котором рисуется фигура змеи (рис. 221). Затем мужчины тотема Воллунка (рис. 219) обходят холм, и один из них проводит веткой по его подножию (рис. 221); после того как большую часть ночи поют и танцуют вокруг холма, ранним утром его атакуют копьями, бумерангами и дубинами и разрушают. Очевидно, эта церемония призвана помешать Воллунке покинуть свое водопой. В остальной части Австралии, где нет тотемных верований — только в центре континента мы встречаем их в полном объеме — церемонии имеют другое значение. Конечно, их фоном частично являются мифические представления о предках — эти легенды и рассказы о предках не только рассказывают

юношам, но и драматично инсценируют, — но помимо этого есть и истории о животных. В этом случае исполнители имитируют поведение животных или исполняют что-то, изображая животных. Например, они бегают на четвереньках, как пасущийся кенгуру, и т. п. Все эти представления, как и рисунки, изображающие странствия тотемного предка (рис. 218 и 220), объединяет их святость; поэтому их не должны видеть ни женщины, ни дети.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Рис. 223. Сцена из огненной церемонии племени варрамунга.

Туземцы танцуют перед хижинкой, в которой сидят и пьют другие мужчины. Факелы, которые они держат, позже сжигаются.

Помимо церемоний, предназначенных для почитания тотема и воплощения священных мифов, различные племена знают еще ряд других церемоний, которые носят совершенно иной характер. Примером таких церемоний может служить огненная церемония племени варрамунга, которая, однако, не идентична описанной выше церемонии, проводимой по случаю посвящения юношей. Ее цель состоит в том, чтобы все участники урегулировали существующие между ними споры. Очевидец пишет, что церемония началась вечером с того, что, после того как мужчины собрались вокруг нескольких небольших костров, произошло забавное интермеццо. Сначала некоторые вскочили, разбежались с поднятым оружием, громко кричали и вели себя совершенно нелепо; затем начались подначки, один из них делал насмешливые замечания в адрес другого, пытался его оскорбить, отнял у него оружие и спрятал его в кустах; молодые люди отнимали еду у старших, что в других обстоятельствах было бы совершенно неслыханным оскорблением — все присутствующие были в восторге от происходящего. Затем начался танец, в котором участники вели себя как можно более гротескно, в нем участвовали и женщины, которые до этого наблюдали за происходящим только издали. Эти развлечения продолжались до полуночи. На следующее утро мужчины раскрасили себя охрой и исполнили очень забавную пантомиму; держа руки

за головой, они танцевали в направлении лагеря женщин (), а когда приблизились к нему, то стали двигаться то на руках, то на коленях (рис. 222), но перед лагерем развернулись и вернулись в свой. Затем мужчины, за исключением нескольких стариков, ушли в кусты и оставались там в течение недели. Важно, что во время этого акта церемонии молодые мужчины не должны были видеть женщин. После возвращения мужчин из леса начались приготовления к самой церемонии огня, которые, среди прочего, заключались в изготовлении мощных факелов из веток (рис. 223) и установке между лагерями мужчин и женщин шестиметрового шеста, окрашенного красной охрой и украшенного на верхушке кустом веток. Сама церемония огня проходила ночью. Мужчины, участвовавшие в ней, обмазывались с головы до ног красной глиной, а сверху — толстым слоем белой глины для трубок и брали в руки факелы. Затем один из них переходил в наступление, врываясь с факелом, как с вытянутым копьём, в группу людей, в которой находился один из мужчин, с которым он в прошлом году имел серьёзную ссору. Здесь отбивались от атаки дубинами и копьями. Это давало сигнал к всеобщей суматохе. Обе стороны бросились друг на друга, горящие факелы падали на головы и туловища, а раскаленные угли разлетались в разные стороны. Женщины стояли рядом, жалобно стоная, и опускали горящие ветки, чтобы, как они утверждали, предотвратить серьёзные травмы мужчин. Пылающие угли, густой дым, контрастирующие с ними белые тела, громкий шум — все это создавало впечатление довольно дикой и жестокой сцены. Наконец факелы были брошены на землю, и их пламя погасло.

Фото: Kerry & Co.

Илл. 224. Туземец острова Принца Уэльского

с посохом, на котором лежит ванинга.

При описании церемоний мы уже неоднократно упоминали священные предметы, в первую очередь деревянную палку, которая играет важную роль, особенно при посвящении юношей. Ведь именно при этом случае мальчики впервые узнают, что те таинственные звуки, которые приписываются сверхъестественным существам и часто наводят на них большой страх, производятся этим неприметным предметом. Мы уже говорили о чуринге (рис. 203), который по форме похож на деревянную палку, но не имеет отверстия для веревки, поэтому им нельзя махать. Название этого предмета происходит из языка арунта и означает «священный». Он часто украшен красивыми узорами, вырезанными с помощью техники « ». Племена Центральной и Западной Австралии используют чурингу только в своих священных обрядах, особенно развиты обычаи, связанные с ней, у арунта. Здесь каждый человек, мужчина, женщина и ребенок, имеет свою собственную чурингу, с которой каждый связан; однако женщины и дети не имеют права видеть свою. Все чуринги, принадлежащие к тотемной группе, хранятся в особом месте. Оно также считается священным; например, охотник, охотящийся на кенгуру, приблизившись к такому месту хранения, не будет продолжать преследование, а отступит. Во время церемоний эти чуринги, которые в остальное время бережно хранятся как большое сокровище, вынимаются, рассматриваются и ощупываются; при этом туземцы говорят только шепотом и ведут себя очень торжественно. Из вежливости одна тотемная группа может одолжить свою чурингу другой, которая затем возвращает ее с большим торжеством (рис. 225).

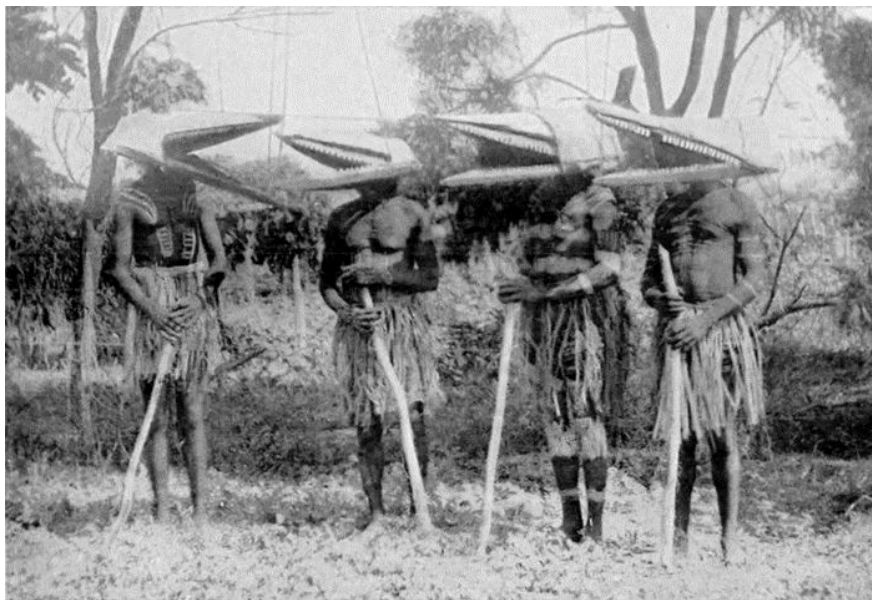

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Рис. 225. Возвращение одолженного чуринга.

Другим священным предметом, о котором уже упоминалось, является ванинга. В своей простейшей форме он состоит из двух палок, связанных в середине в форме креста, на которые намотаны пряди волос или меха. Иногда его носят в руке (рис. 224), иногда на голове (рис. 227). В западной Австралии этот предмет имеет более развитые формы. В случае, изображенном на рисунке 227, пять маленьких ванинга соединены в одно целое. Значение ванинга, который, как и свистящий деревянный палочка и чуринга, не должен быть виден ни женщинам, ни детям, остается неясным. По словам туземцев, в некоторых

церемониях он должен представлять тотем, с которым он связан, то есть крысу или змею. В Западной Австралии ванинга, по-видимому, играет роль, схожую с масками Меланезии и других стран. Кстати, такие маски встречаются и на крайнем севере Квинсленда, что, по-видимому, связано с влиянием Новой Гвинеи, с которой Австралия соединяется через острова Торресова пролива (рис. 226).

Фотография В. Э. Рота.

Рис. 226. Танцор в маске (танец крокодила)
во время церемонии посвящения в Северном Квинсленде.

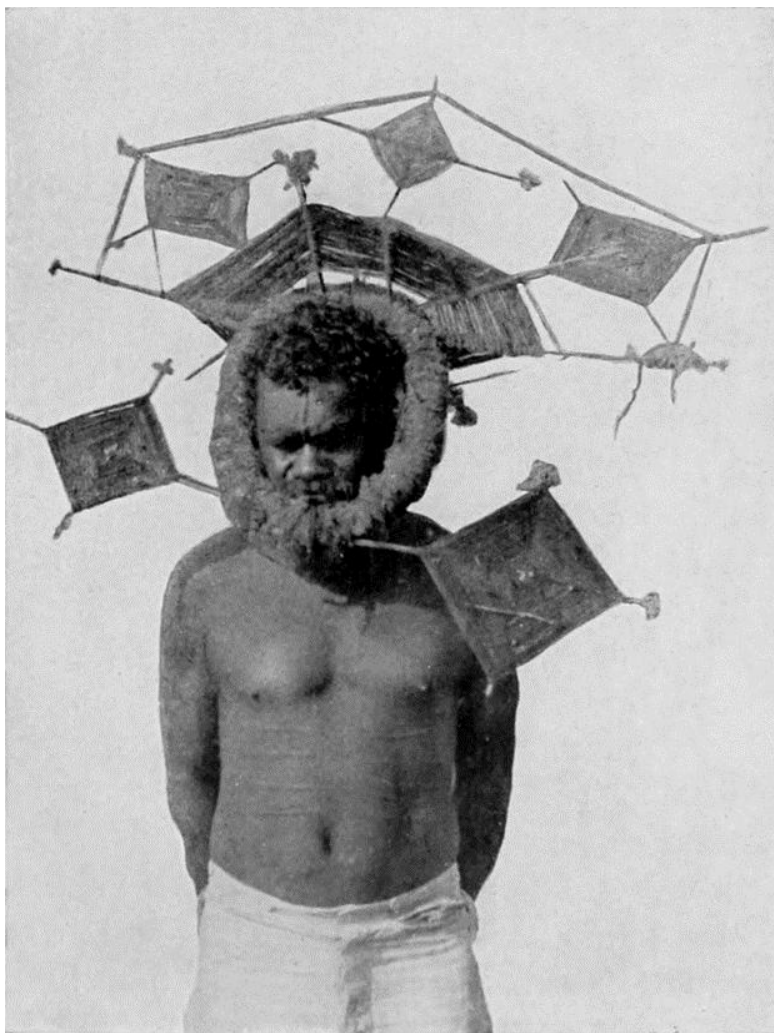

Фото А. Р. Браун.

Рис. 227. Туземец с прической ванига.

Здесь мы завершаем обсуждение веры в магию и колдовство, которая сильно влияет на жизнь аборигенов Австралии. Если человек ранен или убит копьем в бою, то это происходит потому, что копье было зачаровано; если копье, брошенное в кенгуру, не достигло своей цели, то в этом также была виновата магия. Чтобы защититься от такой магии или предотвратить ее, некоторые племена в Западной Австралии имеют небольшие магические песни или заклинания, которые мужчины и женщины поют, когда заняты какой-либо работой. Например, мужчина, вырезающий зазубрины на своем копье, поет определенную песню, чтобы они стали крепкими и не сломались; другую песню, когда он делает пращу, и так далее. Подобно тому, как мы уже знаем от меланезийцев, болезнь и смерть не объясняются естественными причинами, а интерпретируются как результат злого колдовства, которое наложил на человека тот, кто хотел ему зла. Существует множество магических средств, чтобы вызвать у другого человека болезнь или даже смерть. Наиболее распространенным является метод заострения, как его можно назвать. В некоторых племенах его может практиковать только колдун, в других же — любой, кто обладает необходимым для этого инструментом. Существуют различные его формы, но основной его частью всегда является кусок кости или дерева, заостренный на одном конце; в нем заключается злое заклинание. Во время заострения палки или кости человек бормочет проклятия, такие как: «Да разорвется твое сердце» или «Да расколется твоя спина и разорвутся твои ребра» и тому подобное, тем самым заряжая заостренный предмет магией. Так же разнообразно, как и форма инструмента, разнообразно и его применение; в основном

оно заключается в том, что кость или камень направляются в сторону человека, которому нужно навредить. Разумеется, жертва не должна ничего знать об этих махинациях. Такой прибор для направления, которым управляют два человека, состоит из длинной скрученной нити из человеческих волос, на одном конце которой находятся пять маленьких костей для направления, а на другом — одна такая кость и несколько когтей орлана, прикрепленных к куску смолы. При использовании устройства передний человек держит кости, а задний — когти птиц. Первый направляет кости в сторону того, кому он хочет навредить, и с силой бросает их в эту сторону. Злое заклинание соответственно принимает это направление и проникает в человека, на которого оно направлено. Тот заболевает и испытывает сильные внутренние боли, которые приписываются когтям сокола, поскольку считается, что они впиваются во внутренние органы (рис. 228 и 229).

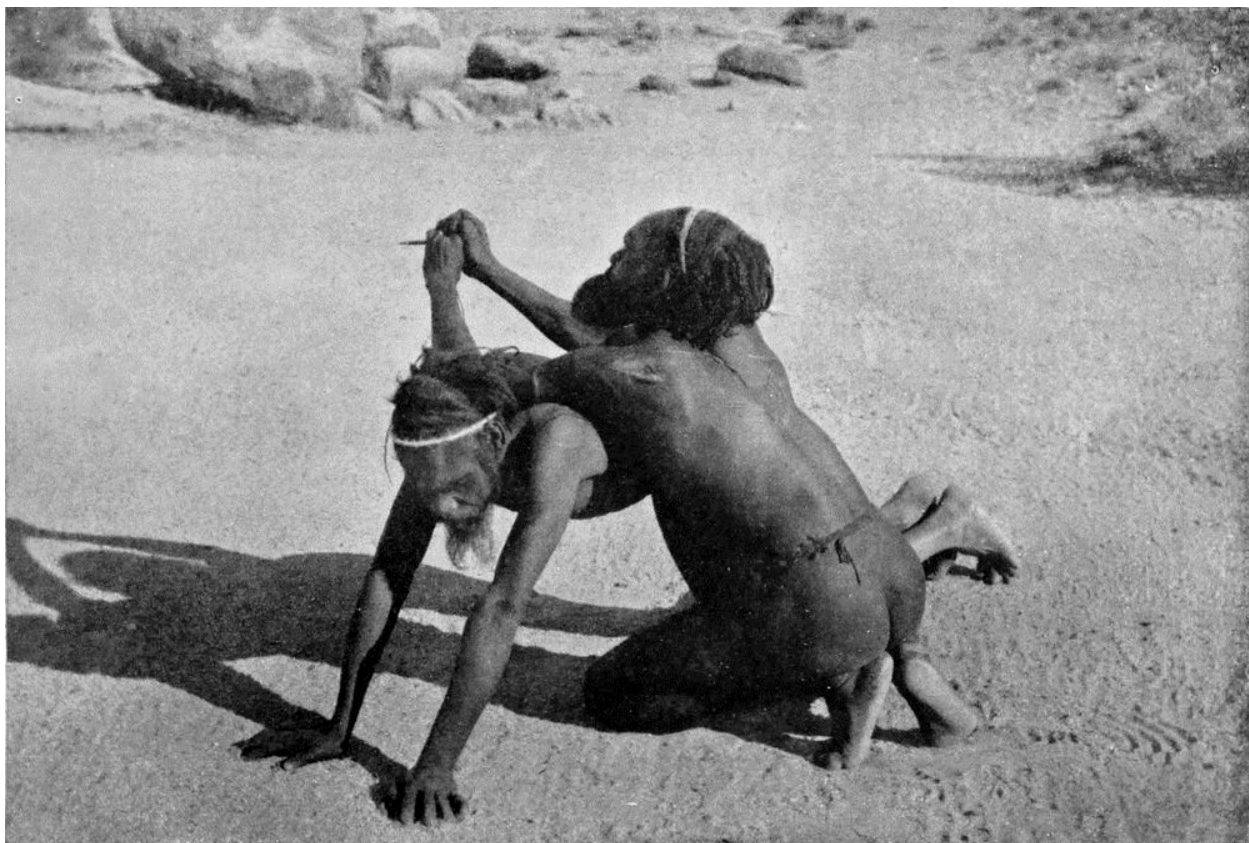
Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Рис. 228. Магический ритуал, чтобы убить человека,

: мужчина, стоящий на коленях справа, указывает магической костью в направлении, где, как предполагается, находится противник.

Мы должны упомянуть еще об одном очень странном магическом обряде, который, если он действительно основан на правде, возможно, объясняется силой внушения. Некоторые мужчины, как говорят, обладают способностью убивать мужчину или женщину, а затем возвращать своих жертв к жизни, но только на несколько дней, так что в конце концов смерть все же наступает. Человек, наделенный этой способностью, может либо по собственной воле использовать ее против кого-то, к кому он питает злобу, либо поставить ее на службу группе мужчин, исполнительным органом которой он таким образом становится. В таком случае он приводит в исполнение смертную казнь над человеком, которую вынесли старейшины. Для этой цели этот могущественный человек, которого у арунта называют Курдайча, полностью обмазывает себя древесным углем, украшает лицо и остальные части тела белым пухом, надевает обувь из перьев эму, склеенных кровью и обладающих магической силой; он также вооружен щитом и копьем, а также одним или

двумя чурингами (рис. 230). — Суеверие, согласно которому некоторые мужчины обладают такой странной силой, распространено по всей Австралии. Таким образом, неудобных людей тайно отправляют в загробный мир. Однако трудно выяснить, каким образом это делается. По-видимому, у разных племен это происходит по-разному. Например, у диари колдун должен сжечь в яме размером с кулак смесь смолы из корней дерева железо и коте избранной жертвы; когда жертва проходит мимо этого места, она рано или поздно должна умереть. В других районах эти колдуны действуют более энергично. Здесь они должны лишить жертву сознания ударом по голове, разрезать ей поясницу, удалить почечную жирную ткань и, наконец, заткнуть рану травой. Человек приходит в сознание, но через несколько дней умирает. В западных районах Австралии используют еще более жестокий метод. Убийца, или, точнее, исполнитель приговора, подкрадывается к своей жертве, пока она спит, слегка сжимает ей ноздри, чтобы она открыла рот, и сразу же затыкает его песком. Так заткнув ему рот, он тащит мужчину на небольшое расстояние в кусты, берет его за голову, быстро поворачивает ее с помощью специального приема, чтобы вывихнуть шейные позвонки, и сразу же возвращает голову в естественное положение. Утверждается, что после таких мучений жертва еще несколько дней находится в полубессознательном состоянии, но затем все же умирает.

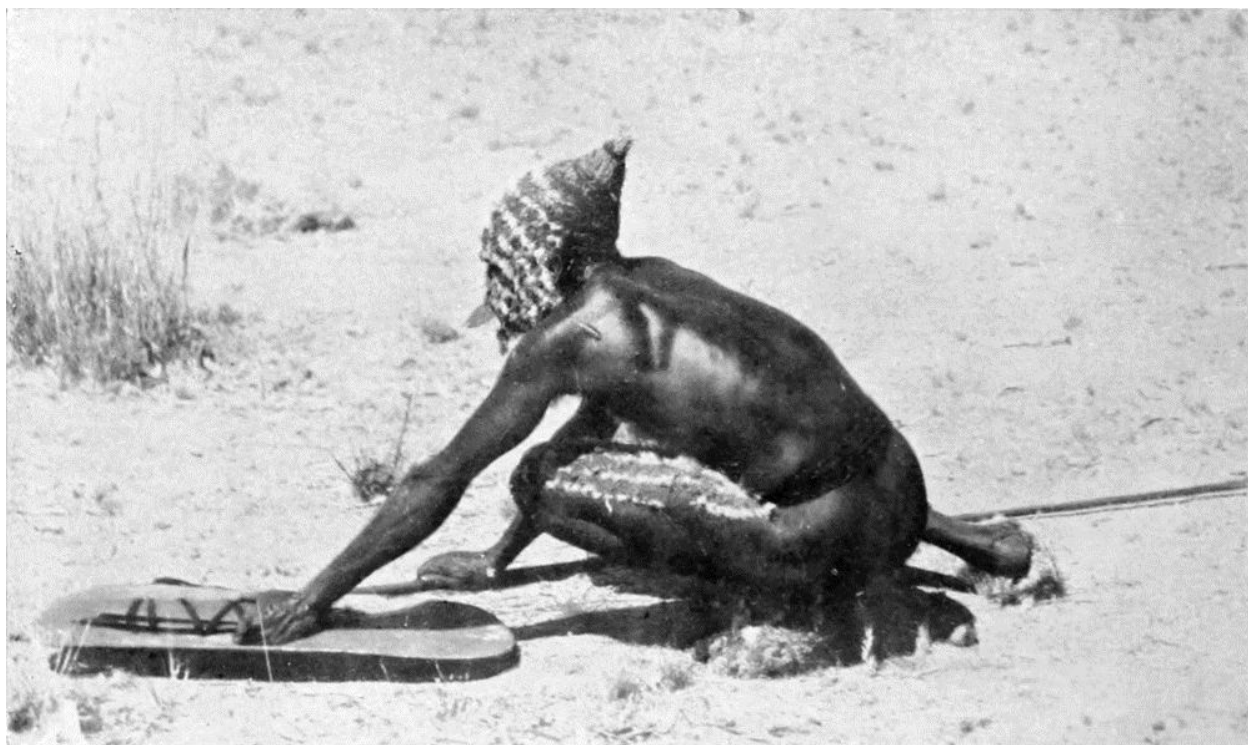
Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 229. Магический ритуал, чтобы убить человека.

Коренной житель справа держит магический посох (см. рис. 203) в направлении противника, на которого должен подействовать злой заговор, произнесенный при изготовлении посоха.

Колдуны пользуются в Австралии большой репутацией; по словам туземцев, они, как уже было сказано, способны вызывать болезни и смерть, предсказывать час смерти человека, но также и исцелять тяжелобольных и даже возвращать к жизни мертвых. При лечении болезни они сначала растирают, надавливают, дуют, сосут место на теле, которое считают

очагом болезни, а затем извлекают палочку или камень, которые, как они утверждают, были удалены из тела и являются причиной болезни.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 230. Волшебник (курдайча)

в обуви из перьев эму и украшенный такими же перьями на теле, подкрадывается к врагу.

Помимо ограничений, которые широко распространенное тотемное верование налагает на браки австралийцев, существуют и другие, обусловленные господствующей у них системой классификации, как ее называет наука. В Австралии степени родства имеют такое большое значение, как ни у одного другого народа на земле, они определяют и регулируют всю их социальную жизнь. Поскольку племя насчитывает всего несколько сотен членов, которые часто вступают в брак между собой, для стариков, знакомых с этой традицией, довольно легко установить взаимные родственные связи двух человек на протяжении нескольких поколений. Однако эти степени родства определяются и обозначаются австралийцами не по нашим принципам, а с помощью совершенно своеобразной, в некоторых отношениях непонятной для нас системы, так называемой классификационной. Они имеют лишь небольшое количество слов, и каждое из них применяют к большому количеству степеней родства, к большому количеству разных людей. Например, так же как мы в нашем языке используем слово «дядя» для обозначения различных лиц, таких как брат отца и матери, супруги сестер родителей и т. д., австралийцы имеют определенное выражение для определенных степеней родства, но применяют его к целому ряду родственников, принадлежащих к одной и той же определенной категории родства. Так, у них нет отдельного слова для обозначения отца (то есть родоначальника) в нашем понимании, а одним общим термином обозначают не только настоящего отца, но и брата отца, сыновей брата деда, мужей сестры матери и целый ряд более дальних родственников. Точно так же он называет «матерью» не только свою настоящую родоначальницу, но и сестер своей матери, жен братьев отца и других родственников. Таким образом, каждый человек получает большое количество отцов и матерей. При этом *macht* австралиец все же проводит различие между своим настоящим отцом или матерью и другими мужчинами и

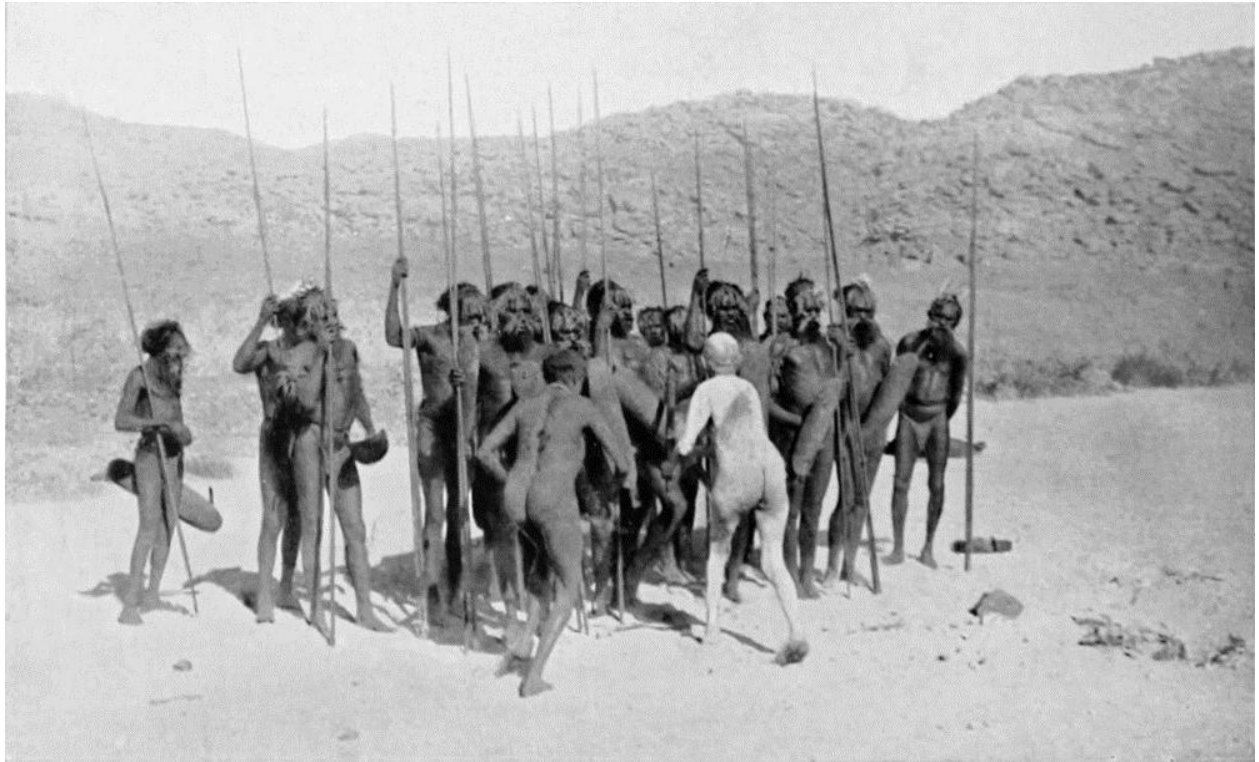
женщинами, которые носят то же самое название, точно так же, как мы различаем двоюродных братьев и сестер первой, второй и третьей степени, хотя и называем их всех одинаково. Точно так же он различает внутри каждой отдельной категории родственников, то есть людей, которые носят одно и то же родовое название, между ближайшими и более дальними родственниками. Хотя он и должен проявлять одинаковое почтение и уважение ко всем мужчинам, которых он называет «отцом», он все же делает различия в зависимости от степени родства между ними. Согласно этой системе классов, каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок, вступающие в общественные отношения с австралийцем, являются для него родственниками, но в разной степени.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 231. Австралийцы танцуют перед тем, как отправиться на месть.

Когда происходит смерть, австралийские туземцы верят, что она была вызвана колдовством. Обязанностью родственников является месть, но редко при этом проливается кровь.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 232. Возвращение с похода мести,

во время которого женщины проверяют щиты участников. Если щит звучит гулко, его владелец находится под злым влиянием и умрет.

Эта система родства влияет на всю социальную жизнь австралийца, прежде всего на его брачные законы, поскольку он может вступать в брак только с представителями определенного класса родства.

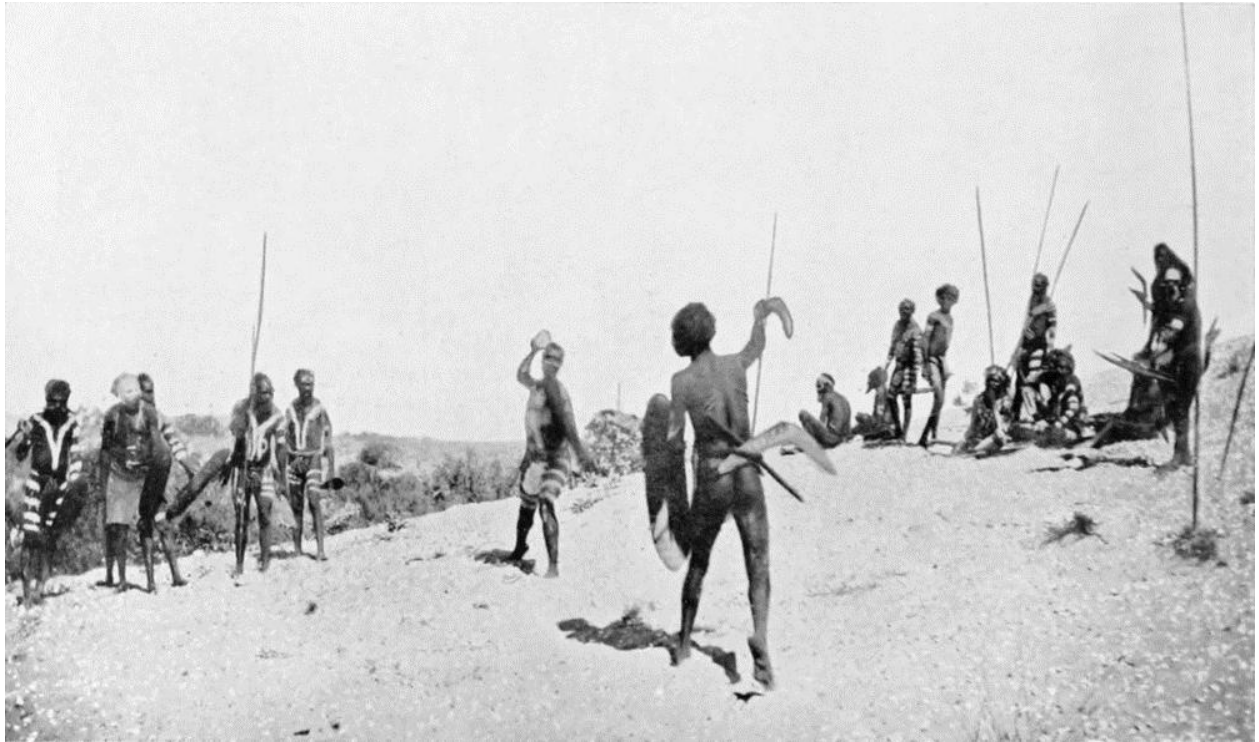
Преобладающей формой брака среди австралийцев является полигамия (в среднем две-три женщины); моногамия, конечно, также встречается и в некоторых случаях длится всю жизнь. Как правило, пожилые мужчины могут позволить себе более одной жены, поскольку их количество зависит от того, сколько женщин мужчина способен прокормить. Он обязан обеспечить свою жену достаточным количеством животной пищи, в то время как она должна добывать растительную. Поэтому опытный охотник может позволить себе несколько жен. — Странные брачные отношения существуют в Центральной Австралии, где мужчины в возрасте от 18 до 25 лет имеют супругу, которая по возрасту могла бы быть их бабушкой, и где самые старые и влиятельные мужчины общины имеют больше всего жен, среди которых есть как старухи, так и девочки-подростки. Кроме того, в Австралии существует так называемый пирау-брак, то есть своего рода групповой брак. В нем определенное количество людей обоих полов объединяется в общину, члены которой имеют право вступать в половые отношения с большим или меньшим количеством женщин. Женщина, вступающая в пирау-брак, всегда является законной женой определенного мужчины и остается ею в течение всего этого времени, если он предоставляет ей свою защиту и может претендовать на привилегию в отношении супружеского сожительства перед другими мужчинами. Сосупруги, число которых, кстати, обычно не бывает большим, как правило, являются пожилыми, влиятельными людьми племени. Однако при вступлении в пирау-брак всегда строго соблюдаются законы, которые предписывают классы и степени родства для вступления в брак ().

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 233. Посетители дружественного лагеря по прибытии,
где их встречают с определенными формальностями.

Брак австралийцев заключается по соглашению. В большинстве случаев две женщины, которые находятся в надлежащих родственных отношениях друг с другом, назначаются особыми свекровьями своих обоюдных сыновей. Часто такое соглашение заключается еще до того, как у этих женщин появятся дети, или даже до того, как они сами выйдут замуж. Мужчина получает свою особую свекровь еще до рождения своей будущей жены; если эта свекровь рождает дочь, то мужчина имеет право требовать ее в жены. С другой стороны, если у него есть сестра, а у его особой свекрови есть сын, то он должен обменять свою сестру на жену, которую он получает. Но если теща рождает нескольких девочек, то жених имеет право на всех них и женится на них по очереди, как только они достигают брачного возраста. Однако, если он не хочет жениться на всех, то может отказаться от этой привилегии, чаще всего в пользу младшего брата, который обычно берет в жены девочек, на которых имел право старший брат. В случае, если специальная свекровь рождает только сыновей или умирает рано, заключается соглашение о том, что предполагаемый зять имеет дополнительное право на дочерей других семей. При всех этих помолвках, конечно, должны соблюдаться существующие законы о браке. О специфических ограничениях в отношениях между свекровью и зятем мы уже упоминали выше. В целом, однако, можно сказать, что когда молодой человек достигает возраста около двадцати лет, уже заключено постоянное соглашение о его будущей супруге. Конечно, может случиться так, что ей всего несколько лет, и тогда ему придется подождать, пока она достигнет брачного возраста, что может произойти уже в четырнадцать лет. Во время этого ожидания жених регулярно навещает девушку и приносит ее отцу подходящие подарки. Как только, по мнению отца и родственников, девушка становится достаточно взрослой для брака, ее отдают обещанному мужу. В большинстве племен не устраивают особых торжеств; после того как родственницы невесты или она сама устроили для нее примитивное жилище, молодой человек ждет под ним к вечеру девушку, которую ему приводят.

Фотография В. Сэвилла Кента.

Илл. 234. Дуэль между двумя мужчинами с помощью бумеранга.

Фотография В. Сэвилла Кента.

Илл. 235. Военный танец туземцев из района Кимберли.

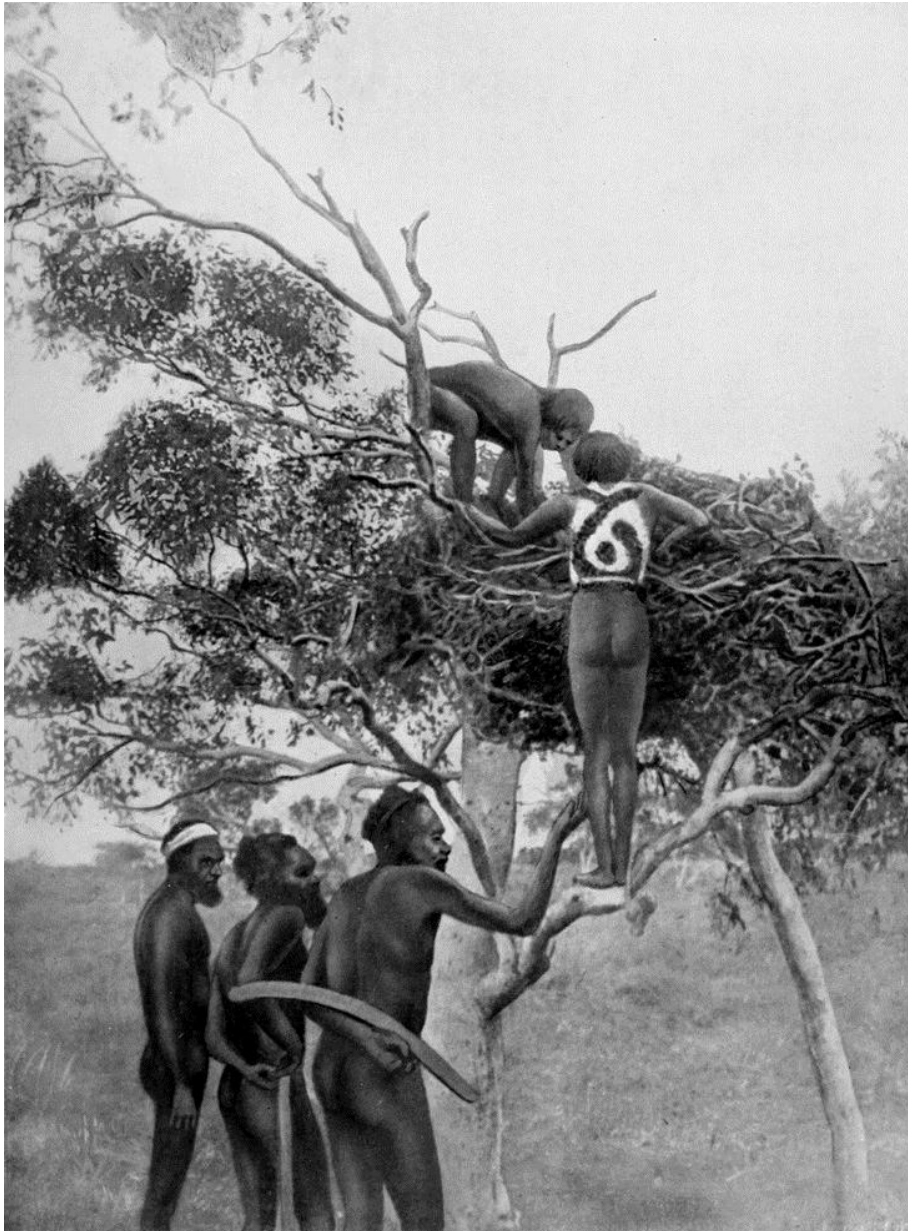
Он предшествует индивидуальным боям между двумя враждующими сторонами.

Если мужчина не имеет возможности получить жену обычным способом, он либо остается холостяком, либо отнимает жену у другого. С другой стороны, бывает, что женщина не интересуется своим мужем или женихом и предпочитает ему другого. По этой или той причине похищения не являются редкостью. В глазах австралийцев нет разницы между тем, похищает ли мужчина девушку, которая была ему обещана, или свою настоящую жену; в обоих случаях речь идет о «краже», а это требует искупления. Оскорбленный мужчина и его родственники или друзья преследуют беглецов; если их сразу же догоняют, то женщина возвращается мужу и получает хорошую порку, а соблазнитель должен встать и позволить оскорбленному бросить в него несколько копий. Однако это не так опасно, как кажется на первый взгляд, поскольку преступник обычно получает щит для защиты, а кроме того, нельзя целиться в более уязвимые части тела, а только в поясницу, так что, как правило, не наносится никаких опасных для жизни травм. Однако если беглецам удалось долгое время ускользнуть от преследователей, соблазнитель, как правило, может оставить себе свою добычу, особенно если он является способным воином или его поддерживают влиятельные друзья. Женщина же всегда остается в проигрыше, поскольку ее почти всегда жестоко избивают. Совершенно иными бывают последствия, если мужчина похитил женщину, на которой он не имел права жениться по действующим законам о браке. В этом случае похищение является не только преступлением против родственников женщины, но и против закона племени. В то время как, если мужчина похитил женщину, которая является его родственницей в надлежащей степени, его родственники и друзья заступаются за него и, по крайней мере, заботятся о том, чтобы ему не был нанесен серьезный ущерб, в случае кровосмешения, то есть если похищенная женщина не является его родственницей в надлежащей степени, они энергично выступают против него. Обычно они наказывают преступника смертью или разлучают влюбленных навсегда, так что они никогда не смогут жить вместе как муж и жена. В других племенах закон действует несколько менее строго: если беглецы смогли скрываться достаточно долго, им разрешается жить вместе, но проклятие кровосмешения все равно остается на них.

Фотография В. Э. Рота.

Илл. 236. Дуэль между двумя женщинами с помощью палки.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

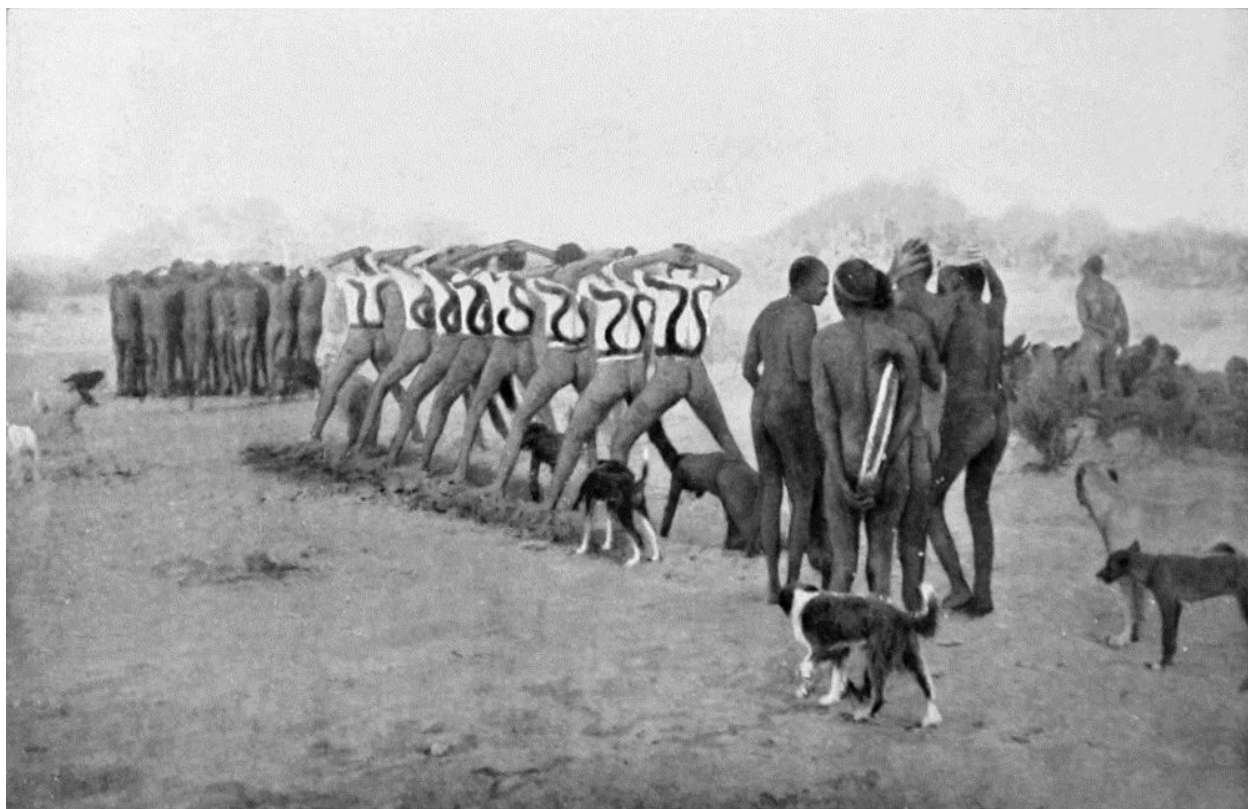
Илл. 237. Погребальные обряды у племени варрамунга.

Через несколько дней после похорон родственники умершего на рассвете осматривают тело, похороненное на дереве, в надежде выяснить, кто принес смерть с помощью колдовства. Местные жители верят, что дух убийцы посещает могилу и оставляет следы, по которым можно узнать убийцу.

В определенных обстоятельствах общественное мнение без колебаний одобряет побег жены, если ее супруг не в состоянии обеспечить ее достаточным количеством мяса. Помимо жены, он должен также отдавать значительную часть добычи от охоты своему тестю, причем иногда не только самому тестю, но и всем родственникам девушки, которые находятся с ним в одинаковой степени родства. Поэтому за невесту не платят выкуп, как это принято у многих других народов, но мужчина должен часто дарить подарки тестю.

Очень распространенным обычаем в Австралии является сдача жены в аренду, которая, как и брак, регулируется родственниками. Мужчина может одолжить свою жену только

тому, кто является его «братом», то есть тому, кто по закону также мог бы на ней жениться. Женатый мужчина, посещающий другой лагерь без своей жены, часто получает в одолжение женщину от родственника, у которого он останавливается. Конечно, эта услуга будет возвращена при следующей возможности. — Помимо этого настоящего одалживания женщин, которое регулируется частично определенными законами, а частично без таковых, во многих австралийских племенах еще существует обычай временного обмена женщинами, который сопровождается особыми церемониями. В таких случаях обмен и соответствующее разрешение на него на самом деле являются магической церемонией или религиозным обрядом, о значении которого мы ничего не знаем.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 238. Погребальные обряды у племени варрамунга: заключительная сцена похорон.

Мужчины стоят в широкой стойке один за другим, а женщины ползут между их ног. Последняя из женщин несет красиво украшенную плечевую кость покойника; как только она доходит до конца, кость у нее отбирают. Затем плечевую кость разбивают на две части и закапывают. Услышав звук разбивающейся кости, женщины с криками бегут обратно в свой лагерь.

Нравственные взгляды австралийцев в некоторых отношениях довольно свободны, хотя мы должны сказать, что женщины, например, в отношении обнажения своих половых органов, проявляют явное чувство стыда. Однако целомудрие молодых девушек — понятие неизвестное; как только у них появляется половое влечение, они теряют свою половую чистоту; в возрасте от восьми до десяти лет они обычно отдаются мальчикам. — Половое влечение, по-видимому, сильно развито у обоих полов и нередко выливается в совершенно развратные действия. Во время церемоний посвящения в бора обычно показывают новобранцам совершенно развратные пантомимические танцы, которые, якобы, должны служить им отпугивающим средством.

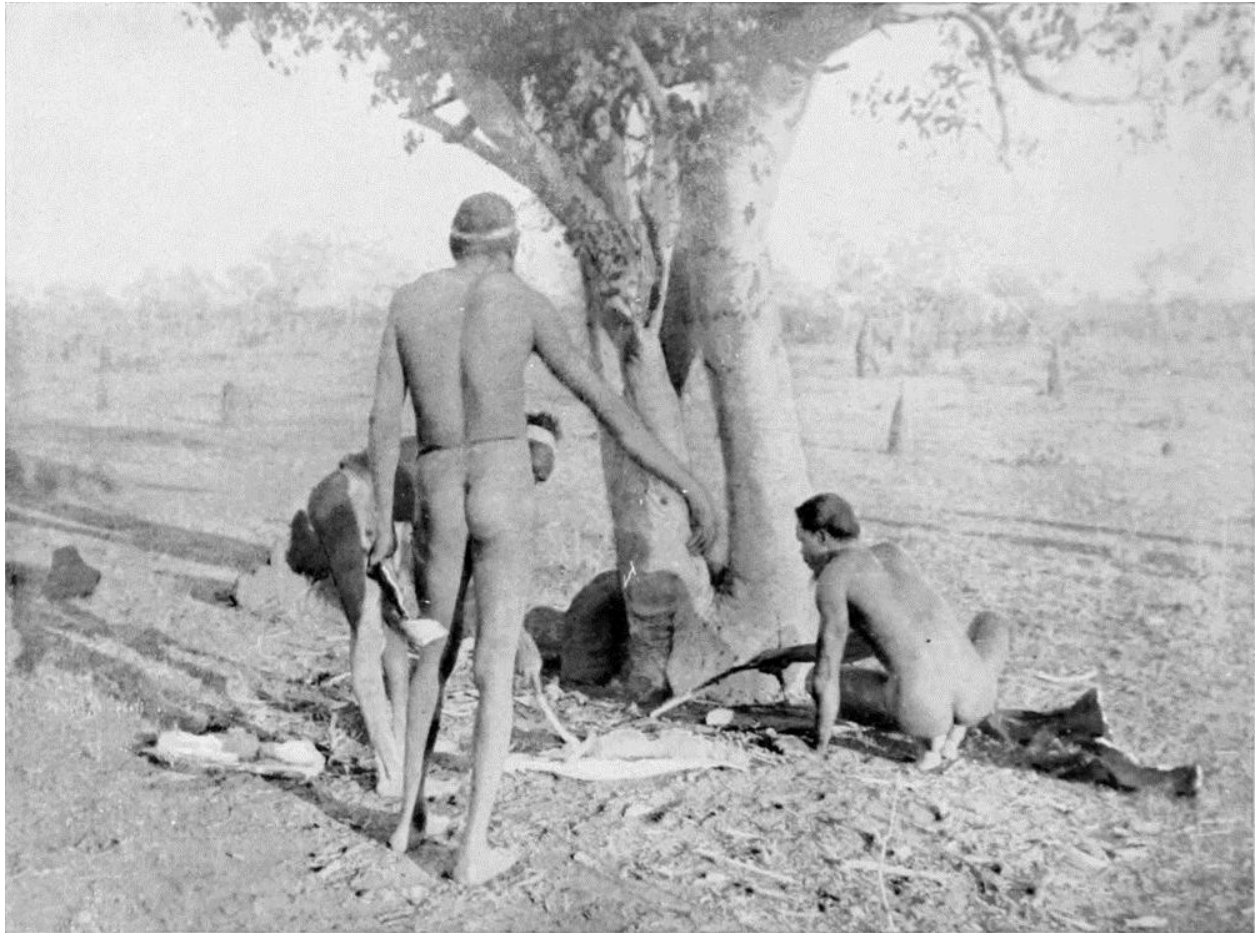

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 239. Погребальные обряды у варрамунга.

Женщины ждут церемонии проползания (см. рис. 238). Раскрашенная старуха на переднем плане держит в руках связку с костью руки, другая держит в ложке вареных змей для стариков.

Предполагаемую цель операции *Mika* мы уже упоминали в другом месте. Она заключается в обнажении мужской мочеиспускательного канала путем надрезания члена с нижней стороны с помощью заостренного кремневого ножа или ракушки, а в последнее время также с помощью осколков стекла, и в раздвигании краев раны, то есть предотвращении их сращения. Мнения о возможной причине возникновения этого недоброго обычая, распространенного почти на двух третях территории северо-западной Австралии, сильно расходятся; Рот, а вслед за ним и Клаатч приводят доводы в пользу предположения, что созданное таким образом отверстие на половом члене служит для однополых половых сношений; однако вряд ли это может быть единственной причиной, поскольку, на мой взгляд, против этого говорит широкое распространение операции *мика*. Лумбхольц сообщает, что в посещенных им районах только около пяти из ста мальчиков остались незатронутыми этой операцией. С другой стороны, несомненно, что австралийцы очень склонны к противоестественным половым сношениям. Операция чаще всего проводится в детском и юношеском возрасте, однако ей подвергаются и женатые мужчины.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 240. Сбор костей умерших у племени варрамунга,
при этом мужчины не имеют права прикасаться к ним руками.

Часто встречается мнение, что дикари находятся в постоянной взаимной вражде. Для других стран это может быть частично верно, но не для Австралии. Здесь военные походы (рис. 231 и 232) являются лишь исключением. Конечно, австралиец считает каждого встреченного им чужака, в том числе каждого чернокожего, своим личным врагом и по возможности пытается избавиться от него, но, поскольку он в основном остается в пределах своей родины, такие столкновения происходят лишь единично. Каждая местная группа населяет определенную территорию, по которой она перемещается, австралиец не знает жажды завоеваний, а земля предлагает достаточно места для немногих племен. Таким образом, он редко встречает чужаков, если только не отправляется в дальний поход, чтобы навестить кого-нибудь (рис. 233). С другой стороны, у многих племен существует обычай мстить за смерть родственника. Мы уже слышали выше, что смерть человека приписывают колдовству и пытаются выяснить, кто является виновником, причем в большинстве случаев в этом помогает знахарь. Если виновного не удастся установить или по какой-то причине считается целесообразным не убивать его публично, то на него также накладывают заклятие. Для этой цели арунта посылают шамана в сопровождении обычного мужчины в место, где находится предполагаемый убийца. Чтобы скрыть свои следы, он носит на ногах очень мягкую обувь, сделанную из эму-перьев, склеенных человеческой кровью, и обтянутую сеткой в форме мешка, связанной из человеческих волос; он обвязывает свое тело магическим поясом из волос мертвого воина, раскрашивает грудь и лицо и украшает голову пучками перьев и листьями. В темноте ночи он ищет избранную жертву, чтобы убить ее ударом копья или, по крайней мере, навести на нее беду и смерть с помощью проклятий

или действий с помощью магических предметов. В других случаях предпринимается поход мести в тот район, где, как надеются, можно встретить преступника. Мстители, у диеров, например, узнаваемые по белой повязке на лбу, подкрадываются к лагерю, выясняют, где находится их жертва, затем мажут свое тело белой краской, чтобы стать неузнаваемыми, и в полночь проникают в лагерь. В большинстве случаев никто из туземцев не сопротивляется, даже женщины настолько запуганы, что не смеют издать ни звука. Как только обреченный на смерть обнаружен, он должен покинуть свою хижину и затем убивается снаружи брошенными копьями. Конечно, те, кто подвергся такому нападению, нередко сговариваются о мести.

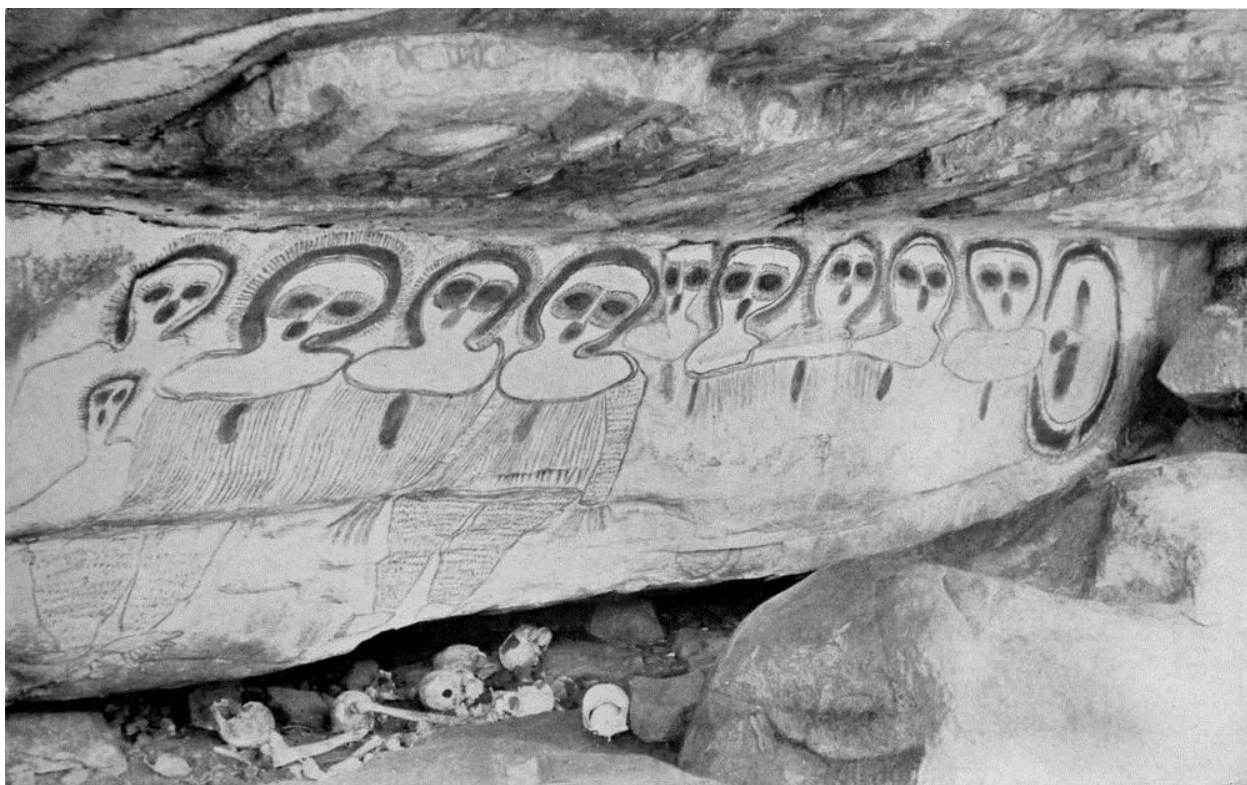

Фото д-р Хозе.

Илл. 241. Пещерная могила в северо-западной Австралии.

Фигуры без рта, нанесенные на стены, вероятно, изображают сверхъестественных существ.

С участниками такого похода проводятся очень странные церемонии. У племени арунта брат убитого делает из волос покойного пояс, зажимает его под мышкой, преклоняет колени перед каждым воином, желающим принять участие, кладет свой половой член в руку воина и трет его, затем вынимает пояс из-под мышки и прижимает его к животу своего партнера. Это должно укрепить его для борьбы и одновременно обязать его участвовать в ней. Перед выходом в поход () воины танцуют вокруг своих копий. Во время похода мести вожди подходят к каждому участнику, кладут ему в рот один конец волосатого пояса, а другой держат у своего члена, при этом обнимая друг друга. Кроме того, столкновению с противником иногда предшествуют военные танцы ([рис. 231](#) и [235](#)).

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 242. Погребение собранных костей в кургане у племени варрамунга.

В других случаях мстители свободно и открыто приближаются к лагерю противников и разгоняют пожилых мужчин, которые выходят к ним, чтобы выяснить причину их визита. Последние пытаются переубедить их и примирить. Если им это не удастся, то договариваются, что мстители убьют либо человека, ради которого они пришли, либо одного из его родственников. Иногда старейшины также решают, что человек, который по какой-то причине не нравится, должен быть выдан и убит. — Споры между отдельными местными группами многих племен обычно разрешаются на собраниях, которые созываются через определенные промежутки времени. На таких собраниях все строго организовано в соответствии с обычаями и традициями, и старейшины строго следят за соблюдением правил. Если два мужчины из разных групп обидели друг друга, они могут разрешить свой спор в дуэли, используя бумеранг, дубинку или каменный нож (рис. 234). В последнем случае они наносят друг другу удары в спину, пока один из них не сдастся или друзья не разнимают сражающихся; при использовании дальнобойного оружия (бумеранг, копья) разрешается защищаться щитом. Помимо этих дуэлей, для урегулирования споров существуют еще и божественные суды. Например, если один мужчина украл жену другого или каким-либо образом причинил ему вред, он будет вынужден подвергнуться наказанию по решению божественного суда. В некоторых племенах он должен, независимо от того, виновен он или нет, встать и подвергнуться ударам копьями других; иногда он может защищаться щитом и тогда уходит невредимым; даже если ему не разрешается использовать щит, ему часто удается уклониться от брошенных копьев (). В других племенах он должен подвергнуться броскам бумерангов, или обиженный втыкает в поясницу преступника зазубренное копье. Однако во всех этих божественных судах следят за тем, чтобы преступник не был убит. Если же такой случай все же произойдет, то убитый, вероятно, будет отомщен своими родственниками.

Женщины также разрешают свои споры с помощью дуэли, причем повсеместно с помощью известного мотыга (рис. 236). С его помощью они яростно набрасываются друг на друга и бьют друг друга до тех пор, пока одна из них не устанет или пока их не разлучат.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Рис. 243. Скорбящие вдовы с обрезанными волосами и телами, раскрашенными известью.

Они скорбят о своем общем муже в самодельной хижине из листьев, построенной вдали от лагеря соответствующего племени, где им не разрешается разговаривать друг с другом до окончания траурных церемоний, которые в некоторых случаях могут длиться несколько месяцев.

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 244. Сцена смерти у племени варрамунга.

Мужчины сидят вокруг умирающего, а женщины громко оплакивают его и машут мужчинам, которые вскакивают и наносят себе порезы каменными ножами.

Погребальные обряды австралийских туземцев различаются от племени к племени, поэтому мы можем рассмотреть их здесь только в общих чертах. Частично от мертвых избавляются, зарывая их в землю, выставляя на возвышенных платформах или кладя на дерево, частично их консервируют, в основном с помощью дыма, или сжигают, а во многих случаях также съедают. Когда-то каннибализм был распространенным обычаем по всей Австралии, пока его не искоренили белые, однако известно, что он до сих пор практикуется повсеместно, даже там, где чернокожие живут на территории белых. Главной причиной каннибализма, без сомнения, является вкусная пища; по мнению тех, кто был вынужден участвовать в каннибальских пирах, человеческое мясо по вкусу напоминает свинину. Большинство племен предпочитают мясо детей мясу взрослых, причем в последнем случае они придают большое значение тому, чтобы оно было достаточно жирным, и презирают людей, которые в большинстве случаев истощились в результате длительной болезни. У многих племен () каждый человек, который умер или был убит, съедается; некоторые съедают весь труп, другие довольствуются тем, что съедают часть мяса или жира. В некоторых районах Квинсленда, если туземный житель погибал в бою, его родственники варили и съедали его, а кожу сушили и хранили как ценное имущество; такое обращение с трупом считалось самой почетной формой погребения. В Виктории все люди, которые ели жир с трупа во время похорон, рисуют красной краской круг вокруг рта. Убитого врага, вероятно, тоже съедали, но в трапезе участвовали только те, кто его убил, а не родственники или друзья покойного.

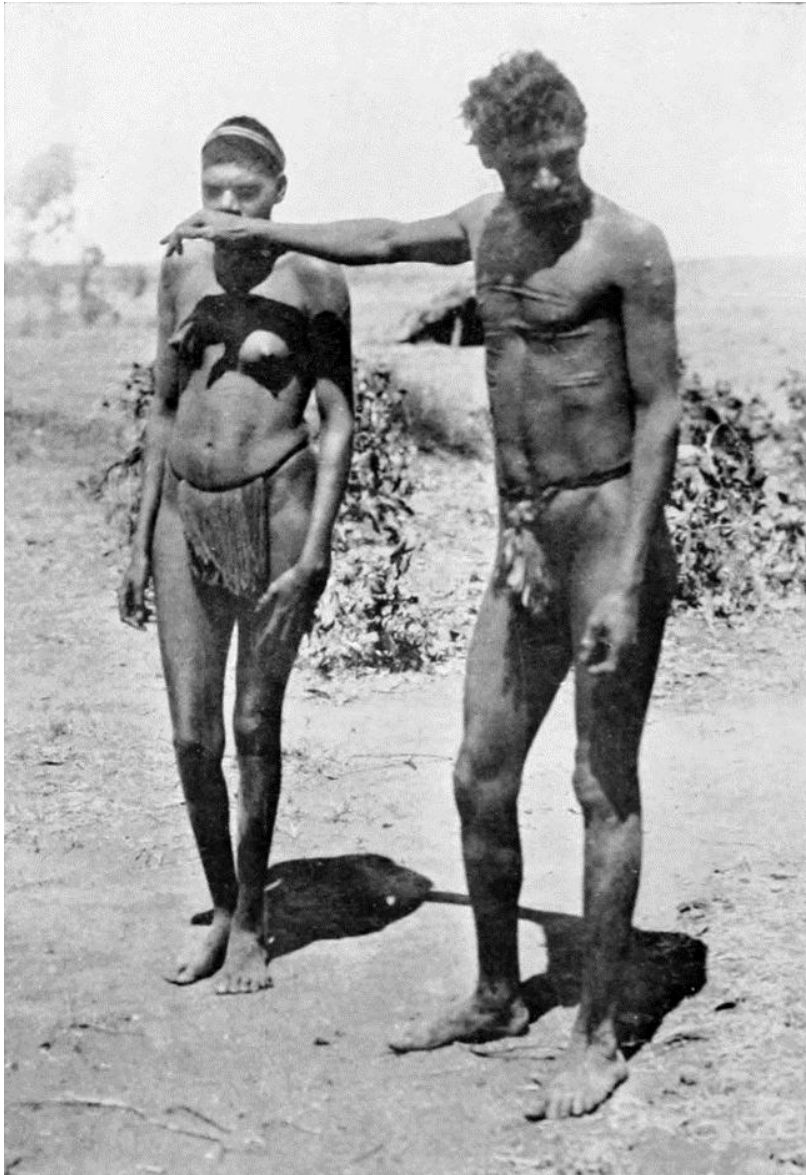

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Илл. 245. Траурный обряд у племени варрамунга.

Мужчина с зияющей раной на бедре, которую он нанес себе в знак траура; чтобы она оставалась широко открытой, он завязал ее сверху и снизу.

Погребение умершего осуществляется в основном в тех районах, где нет деревьев. Умершего заворачивают в большие полосы коры и, из-за небольшого размера могилы, хоронят в сидячем положении в трубчатой или шахтообразной узкой яме. Некоторые племена не хоронят своих умерших сразу, а сначала высушивают их. Для этого они помещают тело в своего рода хижину, связывают веревками, кладут на деревянную решетку, похожую на решетку, и в течение длительного времени поддерживают под ним слабый, но сильно дымящийся огонь. Когда мертвец таким образом высушен, его только тогда хоронят или выставляют на ветвях дерева (рис. 237). Однако иногда после высушивания он все еще не обретает покой, а хранится родственниками, которым тяжело расставаться с ним, в их хижине в течение нескольких недель, а также, возможно, перевозится с ними из лагеря в лагерь, пока наконец не обретает свое последнее пристанище. В других районах тело хоронят, но часть его сохраняют (рис. 238 и 239) и хранят, например, в Западной Австралии и Виктории — кости ноги или руки, у курнаев — отрезанную руку, которую сушат () и носят на шее. Ведь считается, что, если враг приблизится к носителю такого амулета, мертвая рука схватит его и ущипнет, или что, поднятая вверх и опрошенная, она укажет, с какой стороны следует ожидать врага. Племена на севере и северо-западе материка почти исключительно практикуют погребение в деревьях; здесь почва в основном каменистая, поэтому рыть могилу очень сложно. Как правило, на расстоянии примерно трех-четырех метров от земли в ветвях дерева устраивают платформу из горизонтально уложенных веток и кустарника, на которую кладут тело. Из-за большой сухости воздуха эти тела часто превращаются в мумии. Кости () часто собирают позже (рис. 240) и закапывают (рис. 242). В районе Кимберли (Западная Австралия) их хоронят в пещере, стены которой украшены богатыми фигурными орнаментами (рис. 241).

Из: Спенсер и Гилен, Центральная Австралия.

Рис. 246. Траурные обряды у австралийцев.

Чтобы снять заклятие молчания по истечении необходимого периода траура в несколько месяцев, которому подвергаются женщины, родственные умершему, они приносят некоторым из родственников-мужчин подарки в виде продуктов питания; затем они кусают каждого мужчину за пальцы, тем самым освобождая их от заклятия.

У большинства племен выражение скорби заключается в самоистязании и громких сетованиях (рис. 244). В некоторых случаях скорбь сопровождается обязательством молчания (рис. 243 и 246). В Центральной Австралии мужчины, имеющие родственные связи с умершим, наносят себе глубокие порезы на бедрах с помощью каменных ножей (рис. 245), так что иногда они буквально истекают кровью, женщины также стригут себе волосы, в то время как в других племенах они их обжигают, мужчины поступают так же со своими бородами. В качестве траурного обряда обычно принято покрывать тело краской. Во всей внутренней части страны белый цвет является символом траура, а в прибрежных районах — черный. Голову, грудь и предплечья покрывают известью или пеплом. Покрытие обновляют время от времени, пока длится траур, примерно в течение года. Плач родственников, особенно женщин, начинается, как только умирающий делает последний вздох, и

продолжается до тех пор, пока он не будет похоронен, пусть даже и временным образом. Часто бывает принято сжигать хижину, в которой умер человек, и даже покидать весь лагерь, если кто-то умер. Везде избегают произносить имя умершего, потому что считают, что мертвые не хотят, чтобы их называли.

Азия

Фото Ch. Nose.

Рис. 247. Копченые головы убитых врагов.

Индонезия.

Под Индонезией мы понимаем обширную островную полосу, простирающуюся между Юго-Восточной Азией, или Западной Индией, Новой Гвинеей и Австралией, и включающую в себя большие (Суматра, Ява, Борнео, Целебес) и малые острова Зунда (Бали, Ломбок, Сумбава, Сума, Флорес, Тимор и другие), а также Молуккские острова (Серам, Амбона, Джиджоло) и Филиппины (Лусон, Минданао, Сулу и т. д.). Эту область также называют Малайским архипелагом, поскольку она заселена особым типом людей, малайской расой. Эта раса, которая, по-видимому, произошла от желтой основной расы, как китайцы и японцы, с физической точки зрения очень похожа на полинезийцев, которые составляют одну из ее ветвей. Однако в то время как последние в результате длительной изоляции на своих уединенных островах приобрели более однородный тип, это в меньшей степени относится к малайцам, поскольку в течение долгого времени в районах, где они проживают, у них было много возможностей смешиваться с другими расами. В целом, поэтому, тип малайцев похож на тип полинезийцев, с той разницей, что он во многом размылся, частично утончившись благодаря смешению с индуистской, то есть индоевропейской кровью — яванцы могут считаться его представителями, особенно в своих высших слоях — (рис. 248), а частично —

упростился в результате смешения с примитивными внутренними племенами, остатками коренного населения островов (рис. 311 и 312). Среди последних можно выделить два типа: короткоголовый, смуглый, с вьющимися волосами, и длинноголовый, более темный, с длинными, прямыми волосами ; первый относится к африканской, второй — к южноазиатской основной расе; родственниками первого являются карликовые народы Центральной и Центральной Африки, а также жители Андаманских островов, второго — ведды на Цейлоне, семанг-сеное на Малакке, австралийцы и тасманийцы. Оба типа в течение долгого времени многократно смешивались друг с другом, так что в отдельных случаях трудно с уверенностью сказать, к какому типу принадлежит представитель внутреннего племени. Общим для обоих типов является низкий рост. В наиболее чистом виде африканская раса сохранилась у так называемых негрито на Филиппинах (аэта, балуга, маммауа и т. д.). Остатки коренного населения еще встречаются на большинстве островов; самые известные племена — кубу и гаджо на Суматре, пунам, от, бакатан, укит, каджан на Борнео, тоала и т. д. на Целебесе. Все эти племена находятся на довольно низком уровне развития, подобно австралийцам. В основном они кочуют без постоянного места жительства небольшими семейными группами, на ночь используют в лучшем случае примитивные укрытия от дождя, сделанные из листьев, и живут за счет сбора или охоты на мелких животных. Для охоты они используют свое единственное оружие — деревянный метательный копье; для выкапывания корней они используют копательные палки. Одежда племен, находящихся на самом низком уровне развития, состоит из пояса из коры, продетого между ног (рис. 249), и повязки на голову из того же материала. Первобытные племена не знают домашних животных и культурных растений, самое большее, они имеют собак и кур, которые они получили в результате обмена с более цивилизованными соседними племенами. Украшения у них встречаются в скромных количествах или отсутствуют вовсе. Их социальный уклад основан на патриархальной семье.

Из: Stratz, Расовая красота женщины.

Илл. 248. Шестнадцатилетняя суданская девушка.

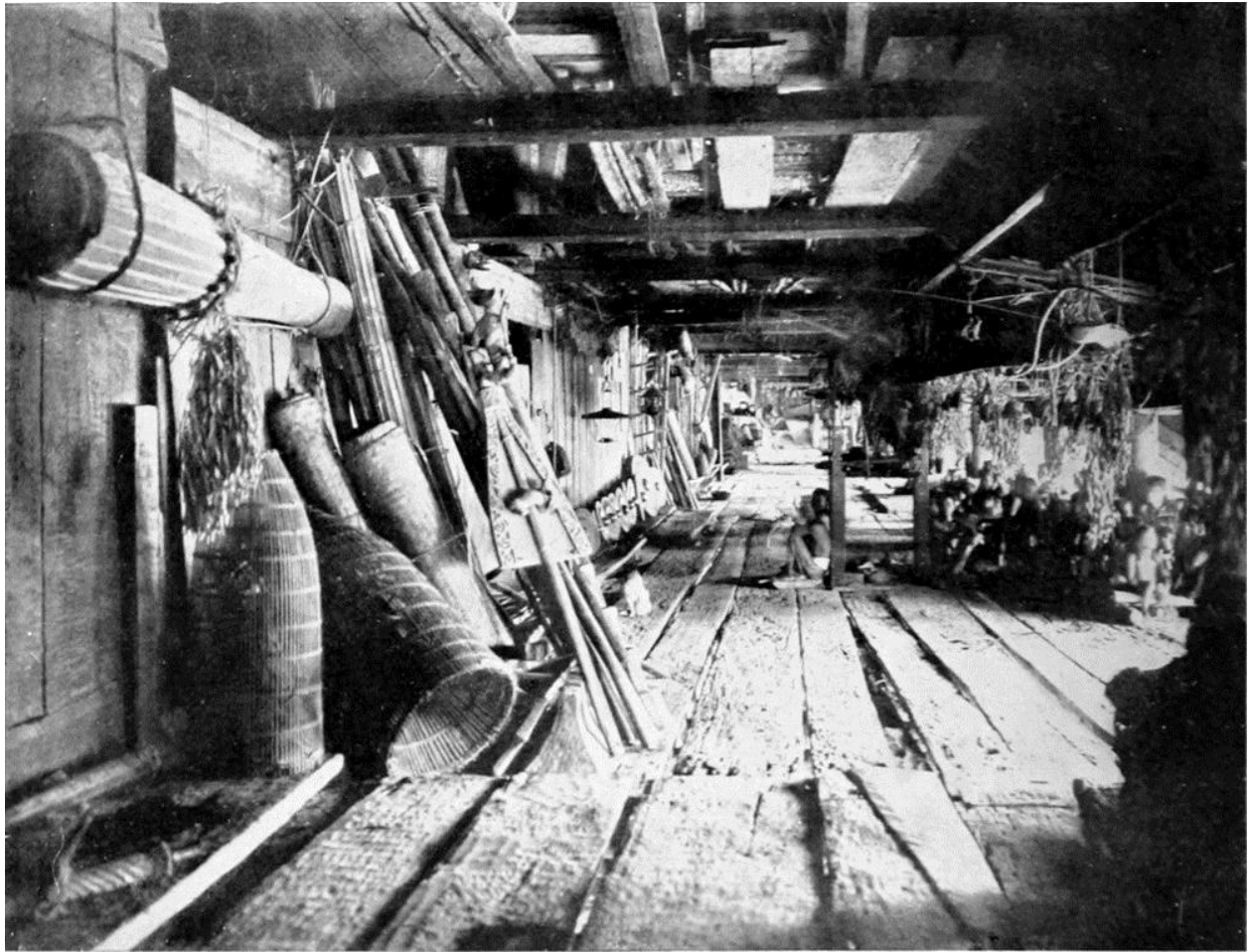
Фото А. К. Пратт.

Илл. 249. Туземцы островов Тенимбер,

которые постоянно находятся в состоянии войны друг с другом. Они занимаются земледелием, охотой и рыболовством, а также обладают некоторыми навыками в обработке железа и меди. В религиозном отношении они являются анимистами.

Их дома построены на сваях.

Культура собственно малайцев (рис. 251) значительно превосходит культуру индонезийцев, даже в самых низших слоях общества. Они ведут оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. Их основной сельскохозяйственной культурой является рис, который выращивается либо на сухих (ладанг), либо на затопленных (савах) полях. Другими полезными растениями являются сладкий картофель, сахарный тростник, бананы, кокосовые и бетельные пальмы, а также различные виды овощей. В качестве домашних животных они держат буйволов, лошадей, коз, овец, собак, кур и т. д. Типичный дом малайцев представляет собой постройку на сваях с двускатной крышей. Как и в Океании, эти дома служат различным целям. Есть семейные, даже большие дома для целых родов, в которых проживают несколько семей и используют в качестве общего места пребывания длинную галерею (рис. 250) — в случае необходимости к дому пристраивают еще одну часть —, дома для холостяков, в которых живут неженатые мужчины, а также находят приют гости, обсуждаются общественные дела, а также отдельные дома для незамужних женщин, хранилища для риса и других фруктов и небольшие домики для покойников, построенные по образцу настоящих домов. Дома стоят в деревнях, так называемых кампонгах. Яванцы, находясь под влиянием индуистской культуры, живут в домах на одном уровне с землей; на отдельных небольших островах мы также встречаем круглые хижины.

Из: Hose, The Pagan Tribes of Borneo.

Илл. 250. Длинная галерея семейного дома, служащая общим помещением для его обитателей.

Дом среднего размера вмещает около двухсот жителей, он построен в форме прямоугольника, иногда длиной более трехсот пятидесяти метров, и разделен пополам стеной, проходящей по всей длине, одна из половин которой является открытым залом.

Фото Эдварда Элвена.

Илл. 251. Малайские женщины из Суматры,

где малайцы наиболее распространены. Малайцы имеют коренастое, мускулистое телосложение, маленькие руки и ноги, обладают большой гибкостью и выносливостью. Они умны, активны и трудолюбивы, способны к большой преданности, но еще более сильной ненависти, и имеют застенчивый, восприимчивый, мстительный и вероломный характер.

Малайцы одеваются в подобие юбки, саронг ([рис. 252](#)), головной платок или кепку и накидку вокруг верхней части тела; более цивилизованные племена теперь носят также брюки. Одежда женщин такая же, только у них чаще всего отсутствует головной платок, зато добавляется жакет ([рис. 253](#)). Ткани для этих одежд являются продуктами местного ткацкого искусства. — Ограниченным Явой, но с незапамятных времен широко распространенным домашним ремеслом является батик ([рис. 254](#)) из местного или импортного ситца, то есть изготовление теплых цветовых оттенков на нем с помощью особого процесса. Сначала на ткани с помощью воска наносятся узоры, в основном арабески, а затем также растения, животные и сценические изображения, в большинстве случаев от руки, а в случае более сложных узоров — после нанесения рисунка с помощью угля. Покрытие узких участков, линий или точек осуществляется с помощью своего рода перьевой ручки, чашечки с длинным носиком для нанесения воска, который постоянно поддерживается в жидком состоянии в небольших глиняных чашах над маленькими печами, а для больших участков используется кисть. Готовая ткань с покрытием помещается в красящий раствор в большом медном котле; благодаря этому те места, на которые нанесен воск, не окрашиваются, а остаются белыми после его удаления. Это происходит путем погружения и перемешивания окрашенной ткани в кипящей воде. Несмотря на кажущуюся простоту батика, это чрезвычайно трудоемкий и времязатратный процесс, особенно если ткань должна быть многоцветной, поскольку в этом случае процесс покрытия, окрашивания, сбора воска и т. д. повторяется несколько раз.

Фото Ch. Hose.

Рис. 252. Даякская женщина в национальном костюме.

Украшения тела малайцев весьма разнообразны. Голова, уши, шея, грудь, руки и ноги украшаются всевозможными украшениями (рис. 255 и 258), среди которых с большим предпочтением используются разноцветные стеклянные бусины (рис. 256) — среди них есть очень старые, имеющие высокую ценность, которые приравниваются к деньгам, подобно старым глиняным сосудам (рис. 257). Но также используются ракушечные пластинки, косточки фруктов, разноцветные перья, окрашенное дерево, бамбуковые волокна, олово, латунь и драгоценные металлы (золото и серебро), а также драгоценные камни. Как ни у одного другого народа, здесь очень популярны всевозможные деформации тела.

Фото А. Хейм.

Илл. 253. Женщины на Суматре в праздничных нарядах.

Девушки и женщины из знатных семей на праздники надевают яркие одежды, богато украшенные золотом и серебром и имеющие высокую ценность, а также золотые повязки на лоб. Согласно мусульманскому обычаю, девушки показываются на публике только в таких случаях.

Широко распространен обычай деформации зубов ([рис. 259](#)), которому подвергаются оба пола в период полового созревания детей. С помощью небольшого железного долота и деревянного молотка резцы обеих челюстей, а в некоторых случаях и клыки, по частям отбиваются до тех пор, пока они не приобретут нужную форму и длину, а края не будут сглажены напильником. В результате этой очень болезненной процедуры профиль зубов приобретает пилообразный вид. После опилования все зубы окрашивают в черный цвет. Заостренные и почерневшие зубы считаются очень красивыми, и малайцы, украсившие таким образом свои зубы, с нескрываемым презрением смотрят на европейцев, чьи зубы «похожи на собачьи». Кроме того, знатные батакеры () накладывают на зубы узкие золотые полоски или покрывают их золотой фольгой с мелкими орнаментами, а также сами

украшают их кусочками золота или перламутра (рис. 259). Процедура подпиливания зубов часто сопровождается празднествами, по крайней мере, пиром. На Целебесе наблюдали, как хирург, выполнивший операцию принцессе, получил в награду курицу, откусил кусок гребня и пролил вытекающую кровь на зубы и губы красавицы.

Татуировка также является популярным средством украшения; узоры, которые при этом получаются, обычно бывают очень разнообразными и часто весьма изящными (рис. 261).

Фото д-р Э. Картаус.

Рис. 254. Изготовление батиковых тканей на Яве.

У отдельных племен Борнео и Целебеса мы также встречаемся с изуродованием головы (рис. 263). Обычно голову новорожденного сжимают между двумя твердыми предметами, один из которых служит опорой для затылка, а другой, небольшая дощечка (), ложится на лоб, в результате чего передняя часть головы уплощается, что также считается признаком красоты. Для этого существуют специальные приспособления (рис. 262). На Целебесе ребенок должен оставаться в этом мучительном тесноте в течение нескольких месяцев, только раз в два дня его на короткое время освобождают, чтобы искупать. На Борнео, напротив, поведение матери менее варварское, наоборот, было замечено, что она с особой заботой ухаживала за своим ребенком, кладя между доской и головой подушку или подушечку из мягких, мясистых листьев, довольно часто проверяя и проветривая устройство, как только ее ребенок выражал дискомфорт. — Уши также не избегают уродства () (рис. 260). Мочка прокалывается и расширяется с помощью бамбуковых колышков или клубков ткани настолько, чтобы в нее можно было вдеть одно или несколько колец из латуни, драгоценных металлов и т. д. в качестве украшения, которые своим весом еще больше растягивают мочку уха, часто до такой длины, что она свисает до плеча, как петля. Верхние части ушной раковины также прокалываются и украшаются изящными кольцами. — Женщины также часто бреют волосы на животе или выщипывают их пинцетом.

До наступления половой зрелости мальчики и девочки подвергаются обрезанию, в частности, это является обычаем среди мусульманского населения. Необрезанным девочкам запрещено вступать в половые отношения или выходить замуж.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 255. Дети даяк в праздничных одеждах.

Подобное корсету покрытие у девочек состоит из ротанговых волокон, покрытых маленькими латунными кольцами и украшенных серебряными монетами.

Рождение детей с радостью приветствуется всеми малайскими племенами, особенно мальчиков, поскольку это гарантирует продолжение рода. Женщина, которая у батаков не дарит мужу мальчиков или потеряла всех сыновей, может не только быть отвергнута им, но и ее отец должен вернуть ему выкуп, уплаченный за нее в свое время.

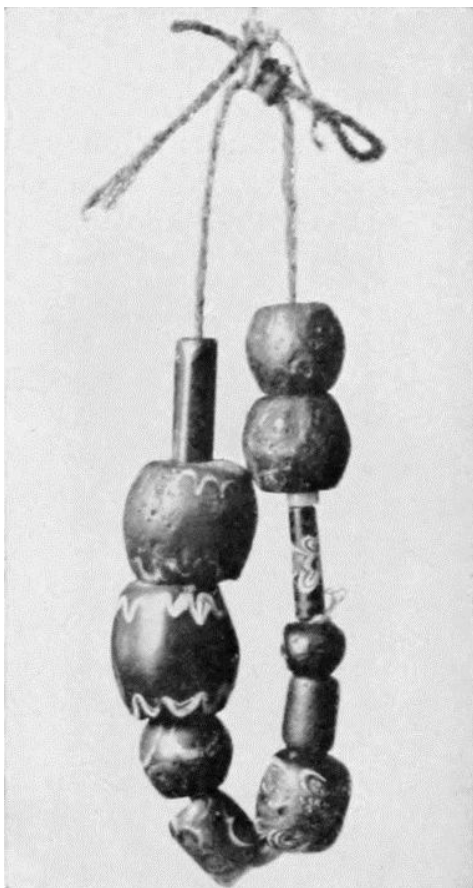

Фото Ch. Nose.

Илл. 256. Каджангэльд.

Драгоценные старинные жемчужины, которые каджаны носят на бедрах в качестве свадебных украшений; они также считаются монетами.

Фото: Ч. Хозе.

Илл. 257. Деньги дажак в виде старых глиняных кувшинов,

которые, вероятно, были привезены из Китая и Сиамы двести-триста лет назад и имеют очень большую ценность, в некоторых случаях каждая из них стоит от шестисот до восьмисот марок.

Фото С. В. Слюз.

Илл. 258. Туземцы северных островов Ниаса.

Жители островов Ниас, по расовой принадлежности малайско-полинезийцы, живут рыболовством и земледелием. Они чрезвычайно любят наряжаться; украшения вышеизображенного островитянина сделаны из чистого золота. В религиозном отношении туземцы поклоняются своеобразному анимизму, заключающемуся главным образом в умиротворении злых духов.

Чтобы беременность протекала благополучно и ребенок развивался нормально, необходимо приносить всевозможные жертвы или проводить определенные церемонии. Например, если женщина на островах Серанглао чувствует, что она беременна, она должна попросить священника освятить кусочек имбиря, подув на него и прочитав суру из Корана, затем она должна пожевать часть имбиря, выплюнуть его и хорошо сохранить остаток. На острове Роти она должна принести духу Тефамули жертву, состоящую из красного петуха,

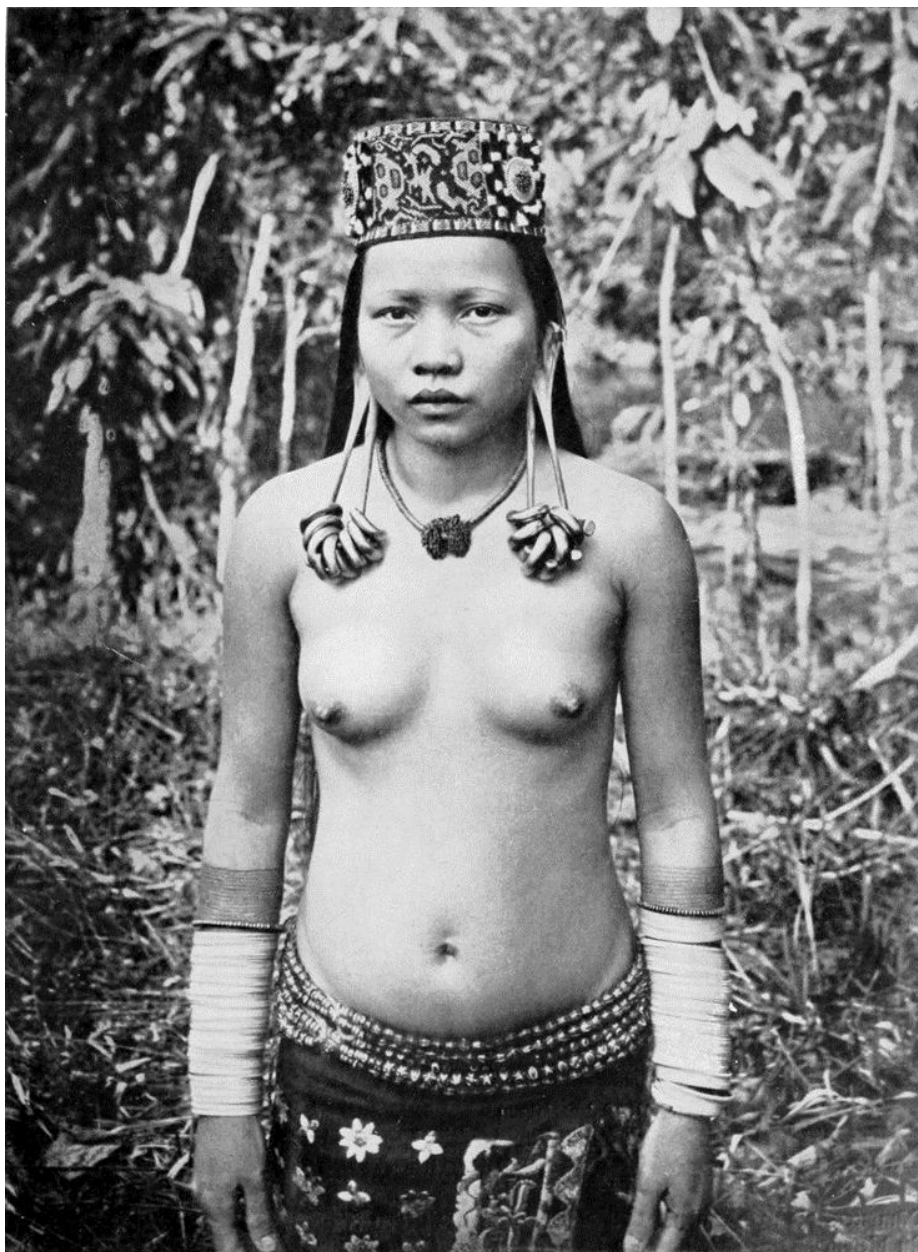
пучка бананов, семи плодов сире, тарелке сырого риса и скорлупе кокоса; на Борнео женщина из племени даяк должна принести в жертву духам воды маленький домик, который под пение и барабанный бой либо опускают в реку, либо ставят на верхушку дерева. Находящаяся в ней куколка, изображающая беременную женщину, должна притягивать к себе все беды, которые могут угрожать будущей матери. В других племенах беременная носит амулет, чтобы защитить себя и своего плода от злых духов, или по той же причине следует определенным правилам. У альфуров в северной части Целебеса она остерегается ходить с распущенными волосами, потому что в них легко могут поселиться злые духи, равно как и не может выходить из дома вечером или во время дождя (); на Роти беременная жевает солому из своего дома и время от времени выплевывает ее вокруг себя; на Ниасе она не должна проходить мимо мест, где когда-то был убит человек или животное, а также забивать или разделывать свиней, потому что в противном случае у ребенка может появиться что-то, похожее на искривления умирающего человека или животного, она также не должна смотреться в зеркало или в бамбуковую трубу, потому что в противном случае ребенок будет одноглазым или косым, не должна затыкать или забивать что-либо, потому что в противном случае ребенок будет страдать запорами, не должна проходить мимо мест, где ударила молния, потому что в противном случае у ребенка будет черная кожа, не должна есть из кастрюли, потому что в противном случае последние останутся, и многое другое. В некоторых случаях беременная также избегает смотреть на уродливые предметы или животных, потому что боится, что ребенок может что-то от них перенять. Например, у кенджа она не должна смотреть на обезьян с длинными носами. Как и в других местах, женщине, которая находится в положении, запрещено есть целый ряд продуктов, которые в некоторых случаях настолько многочисленны, что можно подумать, что ей фактически не остается ничего, что можно было бы есть.

Фотография В. Х. Фурнесса.

Илл. 259. Даяк с игольчатыми зубами,
которые украшены бронзовыми звездочками.

Даже муж не избавлен от определенных табу. Когда он возвращается к альфурам и поднимается по лестнице своего дома, он должен пропускать отдельные ступеньки, чтобы духи, которые могут следовать за ним, были отвлечены на другой след и таким образом не проникли в дом; если он приносит своей жене вареный рис с праздника, он должен воткнуть в еду несколько шипов и, прежде чем ее съесть, бросить что-нибудь под хижину; у ачинесов он не может убивать животных в течение первых пяти месяцев беременности, даже тигра или змею, потому что в противном случае роды будут тяжелыми, и ребенок приобретет черты этого животного; на островах Ментавей он должен выполнять ряд домашних работ, которые обычно выполняет жена, и многое другое.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 260. Женщина лиронг с удлиненными мочками ушей.

Прокалывание мочек ушей производится уже в раннем возрасте. Когда отверстие становится достаточно большим, в него вставляется медный кольцо диаметром почти два сантиметра, со временем добавляются еще кольца, так что, когда петля свисает до ключицы, на каждом ухе часто висит груз весом более двух фунтов.

Родители и друзья также иногда участвуют в предстоящем материнском счастье. Например, если на Яве они узнают, что женщина беременна, то приносят ей подарки. У бедных это рис, окрашенный в желтый цвет шафраном, ароматные масла и свечи; в более высоких слоях общества к ним добавляются одежда, золотые и серебряные браслеты, золотые булавки и медные чаши. В седьмом месяце родители отвечают на подарки праздничным пиром, на котором обязательно присутствует блюдо с рисом, окрашенным в желтый цвет — цвет счастья. Затем будущая молодая мать оmyвает свое тело молоком кокосового ореха, который должен открыть ее муж; на скорлупе ореха с большой тщательностью нарисованы мальчик и девочка; это должно благоприятно повлиять на

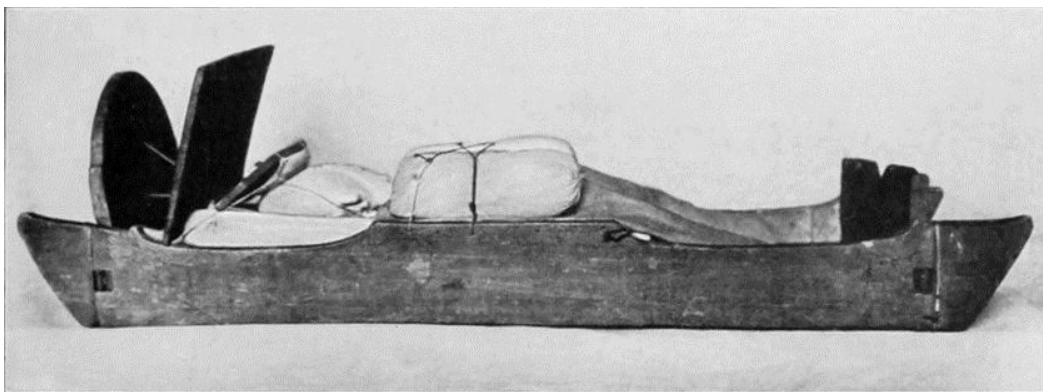
мать, чтобы она родила красивого ребенка. После этого омовения она принимает ванну, в которую добавлены ароматные цветы, затем надевает новую одежду и дарит акушерке, которая помогала ей в очищении, рис, кокосы и бетель. Вечером проводится представление тенистого театра ваянг (см. [с. 250](#)).

Фотография В. Х. Фурнесса.

Илл. 261. Женщина из племени каджандаяк

с красивой татуировкой на нижней части тела, которая делается по трем причинам. Во-первых, для украшения, во-вторых, для предотвращения и лечения болезней и, наконец, для того, чтобы после смерти носителя татуировки служили факелами, освещающими его дух на пути в царство духов.

Оригинал: Музей этнографии в Берлине.

Илл. 262. Колыбель с прижимом для головы для детей из Целебеса.

Фотография В. Х. Фурнесса.

Илл. 263. Деформация черепа у ребенка из племени миланау.

Многие малайские племена имеют специальных женщин, которые, как и у нас, профессионально оказывают акушерские услуги при родах, то есть не только помогают роженице, но и ухаживают за ней, дают советы по вопросам воспитания детей и делают аборт. Напротив, женщины из племен тенггер и балийцы при родах прибегают только к помощи мужчин. — Как и во время беременности, при родах по возможности стараются уберечься от пагубного влияния демонов, которые, по мнению малайцев, угрожают всей жизни человека. Для этой цели на островах Аару их прогоняют с помощью барабанов. На островах архипелага Саву от злого духа Ванго отгоняют колючие кусты; также от вражеских нападений () пытаются защититься с помощью таких мер безопасности (), в частности, с помощью насыпанных бамбуковых щепок (рис. 264). На острове Нияс рядом с роженицей устанавливают идола в виде беременной женщины, который должен защитить ее от демона Бечуматиана. У ачинов, чтобы не допустить в дом другого опасного демона, на потолке

родильной комнаты вешают определенную колючую ветку, зажигают четыре небольших костра по углам дома, особенно если роды происходят ночью, и время от времени бросают в них соль, перец, серу и кусочки рога, что вызывает сильный запах, который, как и шипы, должен отпугивать демона; кроме того, акушерка натирает большой палец ноги роженицы, как предполагаемое место входа демона, смесью из мелко измельченного перца, лука и *асафетиды*. При тяжелых родах ачинецы дают роженице пить теплую воду, в которой распустилась так называемая «роза Иерихона». На Амбоне и островах Улиас, чтобы облегчить роды, на место, где происходит родоразрешение (), кладут старую мужскую одежду, чтобы ребенок, привлеченный запахом пота, прилипшим к ней, появился на свет как можно быстрее.

Фото Ch. Hose.

Рис. 264. Дом, укрепленный бамбуковыми кольями для защиты от вражеских нападений.

С последанием связано множество суеверий. Очень своеобразное представление о ее значении существует у жителей островов Бали и Ниас, у ачехов и т. д. Они считают ее братом или сестрой новорожденного и верят, что, когда кто-то умирает, душа его последа встречает его на полпути, чтобы показать умершему путь в рай. Поэтому с последа обращаются очень бережно; чаще всего его моют и, хорошо упаковав в сосуд, бамбуковую трубку, в цветочный покров пинанга (цветка ареки) и т. п., хранят в доме или закапывают рядом с ним. У других племен принято пускать ее по реке на маленьком бамбуковом плоту,

празднично украшенном цветами и фруктами и освещенном свечами, в качестве жертвы крокодилам, которые являются обитателями душ предков. Суеверие о близнеце-последующем плоде имеет и другие проявления. Если ребенок заболевает, считается, что последняя плацента заболела в своей могиле, и поэтому лекарства кладут на место, где она была закопана; если состояние ребенка все равно не улучшается, то считается, что последняя плацента не нашла подходящего места для погребения, ее снова выкапывают и хоронят в другом месте. Кроме того, считается, что душа последа временно покидает свое место, чтобы поиграть со своим близнецом, и что улыбка ребенка во сне указывает на это. — Отделение пуповины обычно производится с помощью бамбуковой щепки; если родители атчинцев хотят, чтобы их сын получил хороший голос, эта щепка вырезается из бамбуковой флейты. Обычно остатки пуповины сушат и хранят: при заболеваниях их либо измельчают в порошок и дают пациенту, либо применяют в виде компрессов. Иногда дети носят остатки своей пуповины на шее и животе в качестве амулета.

Роженица обычно считается нечистой. В течение этого времени к ней имеют доступ только женщины, за исключением мужа, который приносит ей еду, но может говорить с ней только по необходимости, никогда не прикасаться к ней и не есть пищу и напитки, к которым она прикасалась. Станным является обычай на островах Танембар и Тиморлао, согласно которому в первое время после родов муж должен ухаживать за ребенком и заботиться о нем, в то время как жена занимается своими обычными повседневными делами; очевидно, что это последние остатки первоначального обычая мужского послеродового ухода. — Молодые матери часто кормят своих детей грудью в течение многих лет, но помимо этого дают им и другую пищу. Если по какой-либо причине мать не может кормить ребенка сама, эту функцию часто берет на себя бабушка. В результате воздействия, которое оказывает на грудь повторяющееся прикладывание к ней, несмотря на возраст, все же происходит выделение молока. На работе мать носит ребенка с собой в корзине на спине (рис. 265).

Фотография В. Х. Фурнесса.

Рис. 265. Женщина из племени пуанан, несущая ребенка в корзине на спине, в которой он удобно устроился, пока женщина продолжает свою работу.

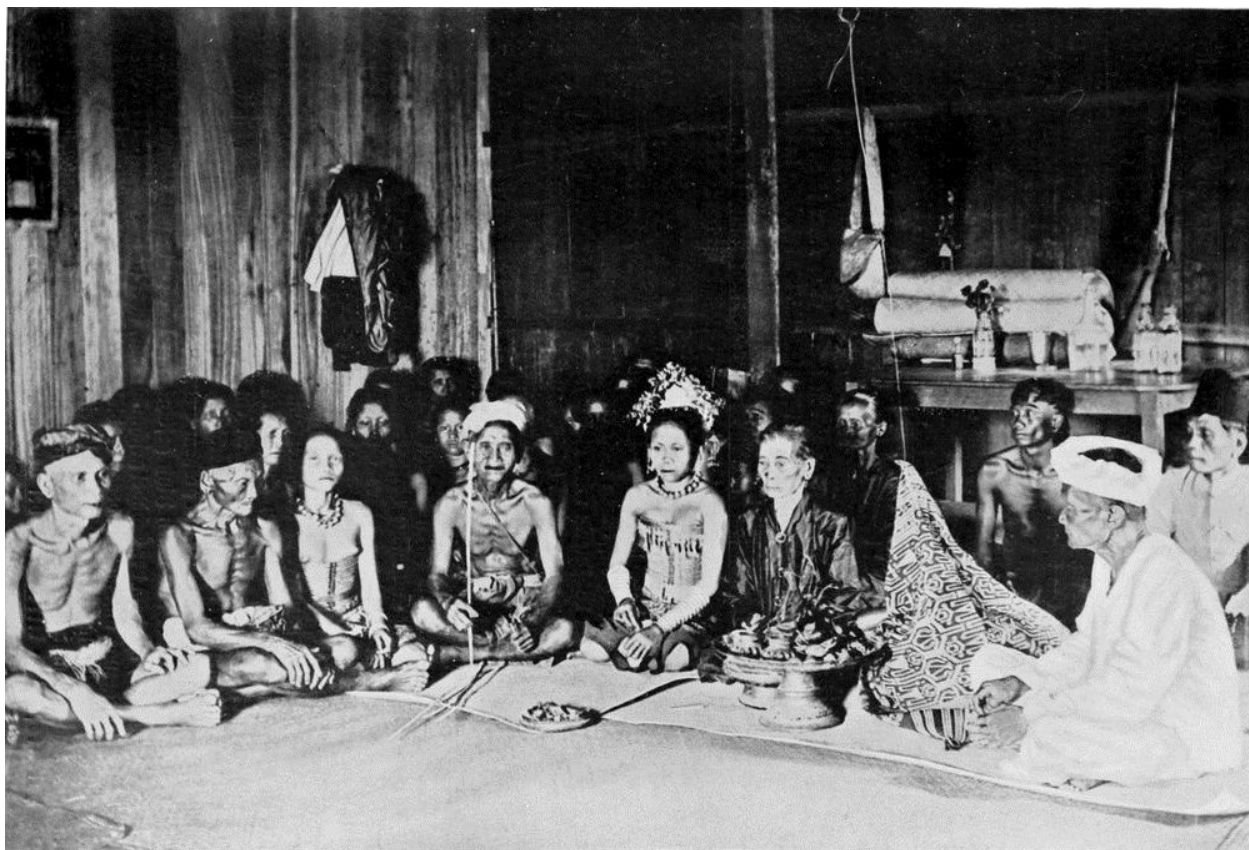
Если мать умирает при родах, то обычно убивают и ребенка, потому что либо считают, что он виноват в смерти матери, либо боятся, что он все равно станет несчастным. В большинстве случаев убийство происходит жестоким образом. Даяки кладут ребенка живым в гроб матери, ниассеры кладут его в мешок и вешают на дереве в лесу, жители острова Ментавей вдавливают ему голову и зажимают рот и нос, и многое другое.

Искусственное прерывание беременности широко практикуется на островах Малайского архипелага; некоторые племена, как говорят, достигли в этом большого мастерства.

Близнецы, как и в других местах, часто считаются несчастьем, особенно если они разного пола. Даяки отдают мужских близнецов в рабство, балийцы налагают на мать суровые наказания; они изгоняют ее на несколько месяцев в уединенное место, сжигают ее хижину, очищают всю деревню и приносят многочисленные жертвы, чтобы искупить предполагаемое кровосмешение в утробе матери. На некоторых небольших островах, напротив, близнецы высоко ценятся, считаются даром богов и получают особое внимание.

С новорожденным также проводятся всевозможные церемонии и применяются средства, чтобы предотвратить влияние злых духов. Очень популярным жертвоприношением для них является курица, кровь которой брызгают на ребенка. У батаков приглашают колдуна, который составляет гороскоп ребенка, то есть должен сказать, родился ли он под благоприятными или неблагоприятными звездами. У кенджа нового жителя Земли встречают барабанным боем, и каждый из присутствующих домочадцев обычно получает в подарок горсть соли. Если они не находятся в доме, то, наоборот, от них ожидают, что они сделают ребенку подарок. Очень важно также, чтобы посторонние не обращали внимания на ребенка, так как боятся, что такое внимание может привлечь к нему духов; если посторонний нарушает это правило, он должен в качестве искупления подарить ребенку что-нибудь. — На Яве при рождении мальчика острый бамбуковый щепок заворачивают в бумагу, на которой написано яванское алфавит, кладут в кувшин и закапывают. В первую ночь после рождения люди охраняют ребенка и читают ему своего рода рассказ; через несколько дней ему дают имя. Когда ему исполняется девять месяцев, устраивают представление ваянг. У дажак имя дается в соответствии с определенным символом. Ребенка щекочут перьям по слизистой оболочке носа; если он чихает, это считается благоприятным предзнаменованием, и ему дают имя; в противном случае это откладывается на более поздний срок. При присвоении имени мать выносит ребенка из дома, купает его, поднимает три раза на запад и три раза на восток, произнося благословения на его процветание, затем приносит в жертву курицу, брызгает кровью ребенка и дает ему имя. Альфуры на Целебесе при этом приносят в жертву двух козлов для мальчика и только одну козу для девочки, чьи головы, шкуры и копыта закапывают в землю. Конечно, все эти действия сопровождаются большими или маленькими праздниками. — У клемтанов ребенок в первые несколько лет своей жизни еще не получает имени; о нем говорят в неопределенных выражениях, таких как «этот там» или «маленький червячок» и т. п. Дело в том, что люди боятся, что, поскольку ребенок еще маленький и слабый, он более восприимчив к злым духам и что, если его называть по имени, он, вероятно, еще легче привлечет их внимание. Только в возрасте от трех до четырех лет он получает имя. Обычно для этого выбирают имя деда или бабушки, если они были особенно счастливы в жизни. Но если ребенок преследуется несчастьями или серьезно заболевает, его имя обычно заменяют другим. Иногда выбирают некрасивое имя, например, соответствующее нашему «Дунг» или «плохой», по уже указанной причине, чтобы ввести в заблуждение недобрых духов. У каджанов в верхней части Реджанга церемония присвоения имени очень сложна. Вызывают даджонг, женщину, которая разбирается в именах, и всех членов семьи приглашают на большой праздничный ужин, на который приносят всевозможные продукты из рыбы и животных, а также бананы. Дайонг приносит куриное яйцо и мазет им ребенка от пупка до лба; при каждом мазке она произносит имя, пока не найдет подходящее. Затем ребенка отводят в большую комнату, где приносят в жертву курицу и исследуют ее внутренности на предмет возможных хороших предзнаменований. Если таковые имеются, Даджонг начинает петь и просит добрых духов защитить ребенка. Затем шестнадцать мужчин и столько же женщин, чьи родители еще живы, приносят воду для матери и ребенка, и начинается трапеза. Некоторые из гостей едят за здоровье ребенка, если он еще слишком мал, чтобы участвовать в трапезе. Через восемь дней снова призывают защиту духов и показывают ребенка домочадцам. Близкий родственник рисует ему крест на правой ноге кусочком угля; затем ребенка приносят к двери каждого жителя деревни, чтобы тот подарил ему подарок. После этого он должен оставаться в комнате родителей в течение восьми дней, прежде чем ему будет позволено выйти. Если до следующей осени с ребенком не случилось ничего плохого, его имя подтверждается; но если с ним что-то случилось, он получает имя какого-нибудь родственника, у которого все в порядке, и теряет свое первое имя. Кстати, редко кто из представителей племени клемтанов сохраняет имя, данное ему в детстве, на всю жизнь.

После каждой болезни или несчастья имя меняется, чтобы злые силы, постоянно пребывающие в окружении людей, не могли узнать его под новым именем.

Илл. 266. Свадьба у даяков.

В присутствии друзей и свидетелей раскалывают орех бетеля, чтобы показать родителям и родственникам, что брак будет счастливым. Если орех бетеля хороший, что обычно и бывает, то на этом свадебная церемония заканчивается. Затем для всех присутствующих устраивают праздник.

У балийцев церемонии по случаю рождения ребенка практически такие же, как у яванцев, за исключением некоторых обычаев, которые предписывает ислам. — У ачинов беременная на четвертом-шестом месяце получает церемониальный визит от свекрови, которая приносит ей подарок и забирает с собой табак и продукты. Другие посетители также считают своим долгом приносить подарки будущей матери. Здесь тоже принимают тысячи мер предосторожности против влияния злых духов. — У роженицы в течение сорока четырех дней поддерживают огонь. Колыбель ребенка украшают амулетами, чтобы защитить его от понтианака. Это демон, состоящий только из головы, из которой вывешиваются внутренности. Через семь дней после рождения ребенку бреют голову, что не обходится без праздничного застолья, и вскоре после этого, принося мусульманскую жертву, ему дают имя.

В возрасте от девяти до двенадцати лет мальчики даяк принимаются в общину; в некоторых случаях им дают новое имя. У каджанов по этому случаю проводится большая церемония, в которой важную роль играет череп, добытый в ходе охоты за головами, описанной ниже. В доме, где находится несколько мальчиков, которые еще не были приняты в общину, специально выбранный церемониймейстер забивает курицу и разделывает ее на три части: одну для взрослых, вторую для мальчиков и третью для маленьких детей. Затем он обвязывает запястье каждого мальчика браслетом из полосок

пальмового листа и орошает его куриной кровью. Теперь каждый мальчик должен нанести удар по добытому черепу, который с большой помпой принесли домой вернувшиеся мужчины. Наконец, мальчиков ведут к реке, чтобы они искупались, а тем временем над ними размахивают пучком пальмовых листьев, которыми был украшен череп. Ни один юноша не может присоединиться к военному походу, пока не пройдет этот обряд. Через несколько лет после этой церемонии посвящения мальчикам наносят описанные выше увечья. То же самое должны пройти и девочки.

В малайских племенах брачный возраст наступает очень рано. Девочки из племени баньянов на Борнео выходят замуж уже в восемь-девять лет, а девочки из племени яванцев — даже в семь-восемь лет, то есть в возрасте, когда они еще не достигли половой зрелости и не могут выносить детей. Соответственно, молодые мужчины тоже женятся очень рано.

Фото Ch. Hose.

Илл. 267. Туземец с острова Борнео в военном наряде, состоящем из леопардовой шкуры, накинута на плечи, нагрудного украшения из перламутра, а также окрашенного в красный цвет деревянного щита и меча.

На острове Нياس нередко богатые мужчины выдают своих двух-трехлетних сыновей замуж за взрослых девушек и тем самым берут на себя супружеские права и обязанности молодого мужа до тех пор, пока тот не станет способен выполнять их самостоятельно.

Поэтому может случиться, что молодая женщина кормит грудью не только своего ребенка, отец которого является ее свекром, но и своего законного мужа. — На Яве браки также заключаются очень рано; здесь нередко можно увидеть очень богатых юношей в возрасте от тринадцати до четырнадцати лет, имеющих гарем. — В Индонезии существуют совершенно разные взгляды на целомудрие девушек до брака; в некоторых племенах половые сношения девушкам разрешены, в других же это вызывает большое возмущение. Среди батаков «разгул» молодых девушек является чем-то само собой разумеющимся, и та, которая умирает девственницей, по их мнению, превращается в злого духа, преследующего мужчин, потому что при жизни она не смогла испытать радости любви (). На островах Ментавей молодые девушки принимают своих любовников в одной из многочисленных маленьких хижин, построенных за пределами деревни, чтобы провести с ними ночь. У тенгерцев на Яве молодому мужчине, посещающему дружную семью, на ночь предоставляется дочь хозяина дома. Напротив, даяки юго-восточного Борнео очень заботятся о половой чистоте своих дочерей. Если молодой человек все же соблазнил девушку, он вынужден жениться на ней; кроме того, для «очищения» деревни они должны забить курицу и свинью и пригласить всех жителей деревни на трапезу. В других племенах девушки, которые вступают в внебрачные отношения (), наказываются смертью или очень крупным штрафом. Это также относится к различным племенам на Суматре и Целебесе. Сибуяны (Борнео) считают внебрачное материнство даже серьезным оскорблением высших сил, за которое будет наказано все племя; поэтому они приносят искупительные жертвы за падших девушек и наказывают виновных или их родителей. — Жители острова Ниас связывают отсутствие дождей с внебрачной беременностью и в случае необходимости проверяют всех молодых девушек в деревне. Каждая беременная, которую находят, убивается вместе со своим соблазнителем. Чтобы избежать этого сурового наказания, некоторые девушки придумывают, что они были оплодотворены злым духом; однако народные поверья гласят, что от такого союза рождаются альбиносы. Если же рождается ребенок, который не является альбиносом, то среди молодых мужчин ищут того, на кого он похож, и объявляют его отцом. Этого предполагаемого соблазнителя и молодую девушку жестоко убивают, а ребенка вешают в мешке на дереве и оставляют умирать от голода.

Фото д-ра Арнольда Хейма.

Илл. 268. Малайское жертвоприношение на Суматре.

Малайцы юго-восточных районов Суматры убивают быка на каждом празднике. Когда праздник заканчивается, голову животного заворачивают в белую ткань и кладут под дом вождя деревни или хозяина.

У некоторых племен Борнео также встречается проституция, которой занимаются определенные жрицы (балиан); тем не менее, они занимают уважаемое положение среди населения. Точно так же на Яве проститутки должны поддерживать теплые отношения со своими родственниками и после прекращения своей деятельности могут выйти замуж и считаться честными женщинами. — На Борнео и Целебесе, по-видимому, очень распространена мужская проституция (). Эти люди (называемые базир) подражают женщинам в одежде и поведении и за соответствующую плату занимаются гомосексуальными отношениями. Из-за своей аномальной склонности они считаются народом чем-то высшим, поэтому выполняют функции жрецов и считаются посредниками в общении с духами. Некоторые мужчины вступают в длительные любовные отношения с такими базами и даже заключают с ними настоящий брак. Однако не следует полагать, что все мужчины, которые ходят в женской одежде, имеют гомосексуальные наклонности, поскольку бывает, что они изменили свою одежду, чтобы обмануть злых духов, которые годами преследовали их несчастьями и болезнями.

Индонезийцы, похоже, очень чувственные люди. Чтобы увеличить удовольствие женщин от полового акта, в различных племенах архипелага (даяк, бисайо) принято прокалывать головку мужского полового члена и вставлять в отверстие палочку из слоновой кости, латуни или серебра, которая нередко имеет на каждом закругленном конце небольшую шариковую головку из металла или камня. Это устройство, называемое ампалланг, паланг, утанг или кампион, надевается только перед половым актом. Женщины некоторых племен не довольствуются одной палочкой, а требуют три, которые вставляются в три отверстия в

разных направлениях члена. Женщины, как говорят, без ума от мужчин, обладающих такими механическими стимуляторами, и обычно выходят замуж только за таких.

Из: де Вит, Ява.

Илл. 269. Жертвоприношения в виде продуктов питания, которые приносятся не только по случаю рождения, свадьбы, смерти, церемоний для урожая, но и почти при всех событиях жизни.

Из: де Вит, Ява; Факты и фантазии.

Илл. 270. Гости на свадьбе на Яве.

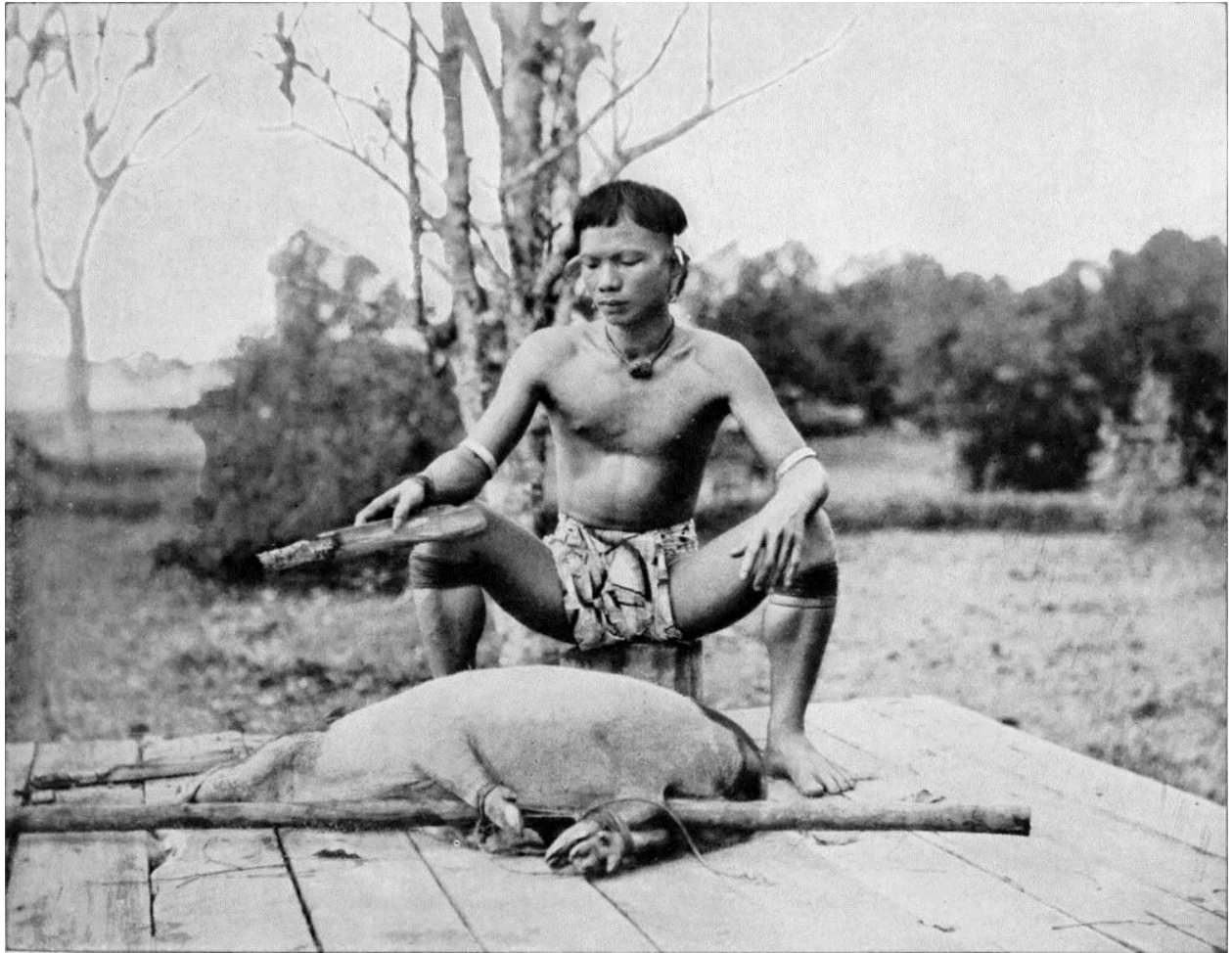

Фото Ch. Hose.

Илл. 271. Каджандаяк в разговоре со своим богом.

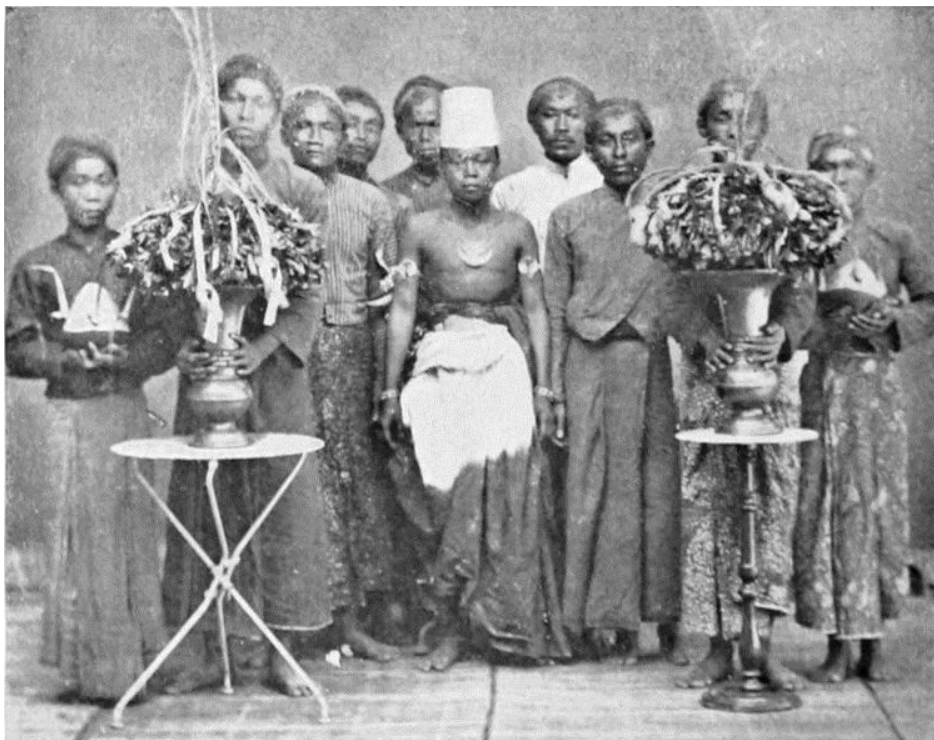
Каян просит дух мертвой свиньи передать его послание высшему существу, при этом он обжигает щетину тлеющим деревянным осколком и колет мертвую свинью, чтобы привлечь ее внимание, пока он говорит. После того, как он высказал свои желания, свинья разделывается, а печень исследуется, чтобы сделать из этого определенные предсказания.

Из: де Вит, Ява.

Илл. 272. Свадебные обычаи на Яве.

Когда жених и невеста видят друг друга, они бросают друг в друга мешочки, наполненные известью и орехами бетеля.

Из: де Вит, Ява.

Илл. 273. Жених на Яве

сопровождается мужчинами-участниками свадьбы и отцом невесты в мечеть.

Обычно юноша берет на себя инициативу, чтобы завоевать любовь, только у калабитов это делает девушка. Сеедаяки знают своеобразное любовное зелье, чтобы расположить к себе девушку или вернуть утраченную любовь, — джаян. В основном он состоит из

кокосового масла, которое, однако, должно быть приготовлено девушкой, еще не достигшей зрелости, и других добавок, которые были названы изготовителю во сне. Очень эффективными считаются слезы самочки морской свинки; однако их трудно добыть, так как для того, чтобы заставить животное плакать, нужно отобрать у него детенышей. Жидкость наливают в три сосуда, которые закрывают пробками; пробку самой маленькой бутылки прокалывают иглой. Таким образом хотят добиться того, чтобы, как острая игла вонзилась в ткань, так и любовный чар проник в соответствующую девушку. Все это нужно спрятать в месте, где редко бывают люди. Перед применением в отдаленном месте разжигают костер, в который бросают душистые травы и ароматную кору и, произнося заклинание, раскачивают смесь над пламенем. Затем этой смесью натирают либо постель, либо одежду человека, которого хотят влюбить в себя, либо натирают ее самому человеку во время сна, либо добавляют смесь в бетель при жевании. Тот, кто подвергается такой обработке, якобы не найдет покоя, пока не влюбится в того, кто ему это сделал. Если молодой даяк чувствует влечение к девушке, он навещает ее, обычно ночью, потому что тогда девушка отделена от родителей, хотя и спит часто в одной комнате с ними. В таких случаях о нем говорят, что он пошел искать табак; это выражение, вероятно, происходит от того, что женщины в доме предлагают гостям сигареты. Юноша будит девушку и дарит ей бетель, тщательно завернутый в лист сириха. Если она принимает его, он видит в этом обычный знак одобрения того, что он может остаться и поговорить с ней. После первого визита он иногда оставляет под подушкой девушки ожерелье из нанизанных ароматных семян балонга (). Если девушке нравятся визиты своего поклонника, она дает ему это понять каким-либо образом, чаще всего с помощью сигареты с табаком. Как уже упоминалось, у даяк существует традиция предлагать гостям сигареты, завернутые в сушеные банановые листья. Девушка обычно дарит своему поклоннику сигарету, скрученную особым образом, если она хочет, чтобы он продлил свой визит. Если юноша считает, что девушка рада его визитам, он повторяет их. Если все идет гладко, девушка вырывает ему волосы из бровей и ресниц с помощью латунных щипцов для волос, пока он отдыхает, положив голову ей на колени; если у него мало волос, она обычно говорит, что другая девушка вырвала их раньше нее. Когда дело доходит до этого, юноша остается со своей возлюбленной на всю ночь до раннего утра. Затем он просит одного из своих знакомых сообщить родителям девушки о своем желании жениться. Они удивляются этой новости, иногда только для вида. Если они одобряют отношения, молодой человек дарит им медный гонг или драгоценную жемчужину в знак своей искренности; если позже отношения по какой-либо причине, за которую он не может быть привлечен к ответственности, будут расторгнуты, он получает подарки обратно. Теперь хороший тон требует, чтобы общественность также дала свое одобрение; какой-нибудь друг сообщает об этом вождю, который либо одобряет это дело, и тогда помолвка считается заключенной, либо выдвигает какие-либо возражения, но тогда обычно заботится о том, чтобы свадьба вообще не состоялась. После помолвки ищут благоприятные предзнаменования для свадьбы. Крики определенных птиц и оленей, если их слышно рядом с домом, считаются дурными предзнаменованиями; знаток отправляется в лес, чтобы найти хорошие предзнаменования или, по крайней мере, такие, которые достаточно хороши, чтобы компенсировать не слишком плохие. Свист трогона, щебетание дятла и высокий полет ястреба справа налево считаются благоприятными знаками. Если же предзнаменования остаются плохими, свадьба откладывается на год, после чего вопросы о судьбе задаются заново. Тем временем юноша обычно покидает деревню, чтобы испытать себя; он ищет других девушек на случай, если он ошибся в своем первом выборе. Но если он возвращается домой с тем же настроением, с каким уехал, и если в это время были получены хорошие предзнаменования, то свадьба состоится в ближайшее время, часто после сбора урожая, во время новолуния, поскольку это считается самым благоприятным временем. За день до свадьбы жених заботится о том, чтобы запастись как можно большим количеством

бетеля и других съедобных продуктов , чтобы гости имели что пожевать во время предстоящей церемонии. Он сам и его родственники дарят родителям девушки много подарков, количество которых зависит от социального положения участников. Если свадьба проходит в доме невесты, то приглашаются друзья обеих семей; они собираются в длинной галерее дома (рис. 266). Рано утром жених с шаферами и несколькими воинами в полном боевом снаряжении (рис. 267) появляется на лодке перед домом невесты, даже если он живет всего в нескольких шагах от нее. Все они подходят к дому и иногда устанавливают большие медные гонги, которые они принесли с собой, в галерее в таких промежутках, чтобы невеста могла переходить от одного к другому; они также приносят подарки, которые складывают у двери. Затем жених и его свита пытаются силой открыть дверь, но сторона невесты встречает их и оттесняет назад, после чего разворачивается имитация сражения. Эта попытка с ее последствиями повторяется несколько раз, пока, наконец, жених и его свита не попадают в комнату, но тогда, возможно, обнаруживают, что невеста ускользнула через другую дверь в комнату одного из своих соседей. Если жених полностью потерял след невесты, он садится посреди комнаты и спокойно курит сигареты. Вскоре появляется невеста, которая к этому времени уже смягчилась, со своими подругами, но жених не обращает на нее никакого внимания. Теперь настал момент определения приданого; к уже принесенным гонгам иногда добавляются еще несколько в качестве частичной оплаты. Затем убивают свинью, и если при осмотре ее внутренностей () обнаруживаются благоприятные признаки, даджонг окропляет кровью всех присутствующих, одновременно благословляя молодую пару и желая ей счастья и много детей. Наконец, молодожены проходят от гонга к гонгу; на этом церемония заканчивается, за исключением последующего пира. — Отголоски первобытного брака похищения становятся еще более очевидными, когда жених инсценирует похищение. Он и его последователи уплывают с девушкой, но их преследуют родственники и друзья девушки. Они бросают из лодки на берег ценные предметы, чтобы заставить преследователей подбирать их и таким образом помешать им приблизиться. Это продолжается до тех пор, пока преследователи не полагают, что они забрали все имущество жениха; только тогда они оставляют его и невесту в покое.

Из: де Вит, Ява.

невестой в знак ее подчинения.

Из: де Вит, Ява.

Илл. 275. Жених и невеста на Яве в свадебном наряде.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 276. Божество кенджа, называемое Бали Атап,

которая должна защищать деревню от болезней и несчастий с помощью копья. На шее фигура носит несколько веревок с узлами; каждая веревка обозначает семью, а каждый узел — человека, принесшего жертву.

У балийцев родители также регулируют брак своих детей, устанавливая цену покупки. При этом необходимо строго следить за тем, чтобы жених и невеста принадлежали к одной касте, только брахманы имеют право брать в жены женщин из любой из четырех каст. У людей с меньшими средствами цена невесты составляет от сорока до двухсот, у более богатых — до тысячи марок. Почти всегда жених должен долгое время работать в доме тестя и тещи, чтобы заработать менадид, то есть выкуп за невесту. Поэтому в последнее время все чаще практикуется похищение невест; нередко девушка похищается против воли родителей. Похититель должен держать свою жертву в тайне до тех пор, пока родители не дадут свое согласие и не получат выкуп. Если они отказываются, то решение принимает князь. Без согласия родителей или вмешательства князя брак не может быть заключен. Судьба балийской женщины чрезвычайно печальна, если она не дарит мужу детей или рождает только дочерей, потому что в этом заключается наказание за совершенную несправедливость; она может улучшить свою судьбу только тем, что родит сына. Даже жены принцев не являются исключением. Иногда эту проблему решают путем усыновления племянника или чужого ребенка. Вдовам из высшей касты запрещено выходить замуж под угрозой самых суровых и позорных наказаний.

У ачинцев брак заключается через посредников. Девушка получает от своего жениха подарок, который она сохраняет за собой, даже если помолвка расторгается не по ее вине. После свадьбы молодая жена продолжает жить со своей матерью и принимает визиты своего мужа; сначала ее родители содержат хозяйство, но позже муж обязан дарить своей жене подарки для покрытия расходов на содержание.

После свадьбы молодая пара сначала живет в доме тестя, как было заранее оговорено. Здесь они остаются в течение первого года брака; в это время муж работает в поле и помогает родителям своей жены. Только после этого пара снимает собственную комнату в деревне мужа и ведет отдельное хозяйство. Таким образом, в то время как у каджандаяк, описанных здесь, уже царит патриархат, у пуанов мужчина при вступлении в брак переходит в общину жены (матриархат), и это, как правило, на всю жизнь. В этом случае он не должен платить родителям покупную цену, а только сделать небольшой подарок в виде табака. — На некоторых островах до сих пор известен левиратный брак. Однако у батаков Западного Суматры вдова может выйти замуж только за младшего брата покойного, поскольку брак со старшим считался бы кровосмешением и карался смертной казнью.

Фото Ch. Hose.

Илл. 277. Заключение мира между двумя враждующими сторонами.

Духи свиней, убитых с обеих сторон, должны объявить богам клятву мира, чтобы сделать ее обязательной для обеих сторон.

Фото: Ч. Хозе.

Илл. 278. Местный воин из Борнео,

щит которого густо украшен человеческими волосами, чтобы наводить ужас на врага.

В противовес этому — свадебная церемония у яванцев. Здесь родители выбирают супругов для своих детей () и обсуждают условия приданого. Родители девушки дают родителям юноши обручальный залог, которые в свою очередь вскоре предлагают цену за невесту в серебре, украшениях, тканях и продуктах питания; отец и мать девушки получают еще один особый подарок. В день, когда вручаются эти подарки, друзья и родственники обеих сторон собираются по приглашению на праздничный ужин. Накануне свадьбы будущие супруги не ложатся спать; если они этого не сделают, то может случиться несчастье. На следующий день в мечети происходит бракосочетание по мусульманскому обычаю. Впереди идет музыка, за ней следует жених в роскошном одеянии (рис. 272) с раскрашенным лицом в сопровождении своих друзей (рис. 270 и 273); невеста же остается дома и в мечети ее представляет ее опекун. Затем жених, надев другое дорогое одеяние, отправляется в дом своей жены, которая его ждет. Она украшена самыми изысканными украшениями (рис. 275); ее лицо также раскрашено, верхняя часть тела и руки обнажены, но помазаны смесью мака и шафрана. После того как она омыла ноги своего супруга в знак покорности (рис. 274), ее торжественной процессией ведут в дом ее новой семьи, где для всех гостей устраивается праздничный банкет. На следующий день праздник повторяется в

доме родителей невесты, и только на третий день молодая пара может обустроиться в своем собственном доме. — На всех праздниках, которые устраиваются по случаю рождения, свадьбы или смерти, яванцы обычно приносят в жертву продукты питания (рис. 269). Малайцы на юге Суматры каждый раз забивают быка на своих праздниках. После этого они заворачивают голову животного в белые ткани и кладут ее под дом вождя деревни или хозяина (рис. 268). — Помолвки детей у яванцев происходят с целью обеспечить ребенку выгодную партию; в этом случае оба ребенка остаются в родительском доме до достижения зрелого возраста, после чего и заключается брак.

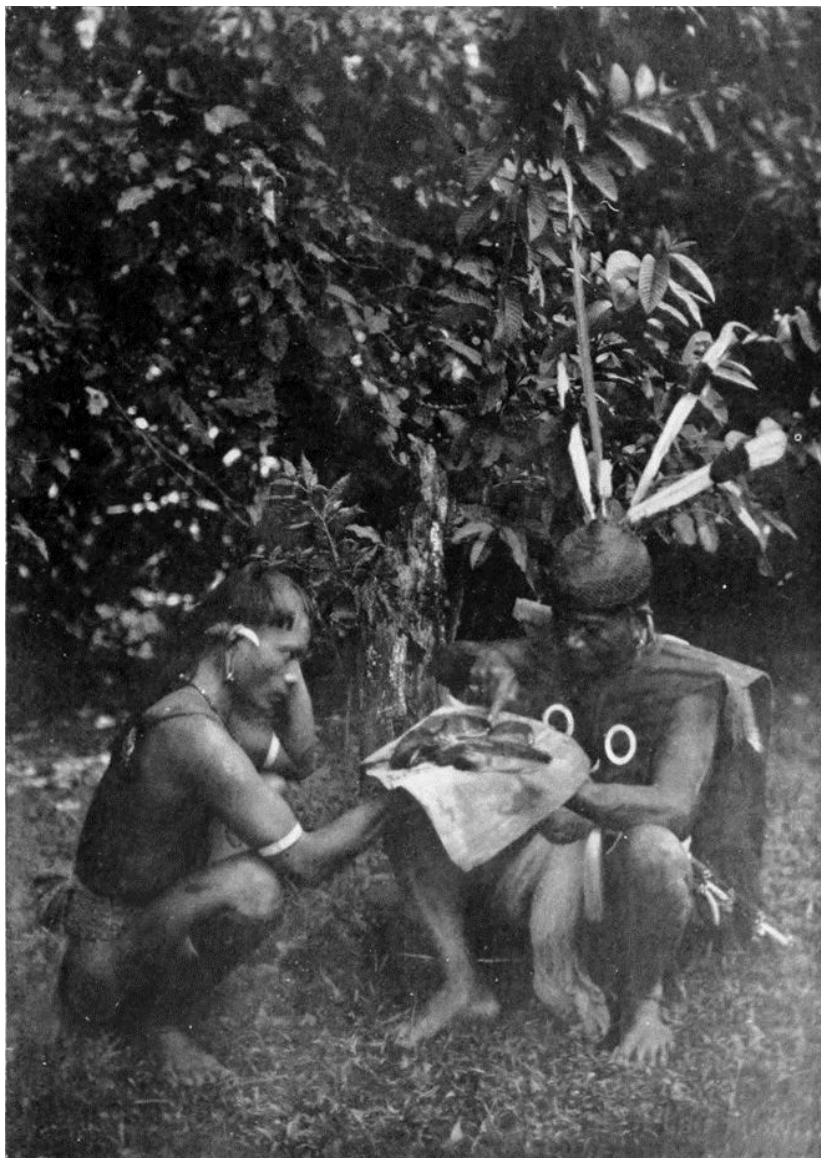

Фото: Ч. Хоуз.

Рис. 279. Каджаны изучают печень свиньи,

прежде чем приступить к важному делу. Если предзнаменование неблагоприятное, они убивают еще одну свинью; если и это исследование дает неблагоприятный результат, они отказываются от своего плана.

Наиболее распространенной формой брака на Малайском архипелаге является моногамия, однако встречаются также случаи полигамии и даже следы полиандрии. В провинции Лампонг (Южная Суматра) некоторые мужчины женятся на нескольких женщинах, чтобы сдавать их в аренду другим мужчинам за плату и тем самым получать

прибыль. Этим обычаем пользуются очень богатые молодые люди, которые берут в аренду бедную девушку, которую любят, но не могут жениться на ней, поскольку она ниже их по социальному положению, и затем общаются с ней в доме как с желанным другом семьи. О полигамии, которая, как считается, была распространена в прошлом на островах Ки, напоминает обычай племени пунан в глубине Борнео, согласно которому пожилые мужчины, живущие в бездетном браке с молодой женой, берут в дом здорового, сильного парня, чтобы он, как третий в союзе, помог мужу стать отцом. Независимо от того, существовала ли сексуальная свобода молодых девушек до брака или нет, в любом случае замужняя женщина обязана оставаться верной мужу. Исключения встречаются редко и только по особым случаям; например, когда хорошие друзья или кровные братья навещают друг друга, хозяин дома иногда оставляет свою жену своему другу на ночь. В остальных случаях же женщины обязаны соблюдать строгую целомудрие. Оскорбленный супруг в большинстве случаев имеет право убить соблазнителя и свою виновную жену на месте преступления или продать последнюю в рабство. В некоторых племенах дажак мужчина также обязан соблюдать супружескую верность. Обманутая жена иногда имеет право ударить свою соперницу дубиной по голове. Развод в малайском архипелаге, как правило, не так прост, как, например, в Океании, однако даяки могут в любой момент без веской причины, даже по звуку зловещего животного, отправить жену прочь. Поэтому там нередко случается, что женщины меняют мужей семь-восемь раз, прежде чем навсегда вступают в брак. Однако, как правило, основными причинами развода являются неверность жены, а также, возможно, мужа, и жестокое обращение с женой. В последнем случае муж не только не получает обратно выкуп за невесту, но и должен вернуть подарки, полученные на свадьбе, а также возместить их стоимость. На Яве, напротив, развод дается легко благодаря льготам, которые ислам предоставляет мужчинам; здесь разводы являются почти повседневным явлением. Муж может освободиться от брака, если только выплатит жене оговоренную сумму.

Верования малайцев, если они не являются последователями ислама, знают три вида духов. Во-первых, сверхъестественные духи, которые обитают в далеких, едва угадываемых далях, обладают большой силой, вмешиваются во все человеческие дела и, так сказать, представляют собой настоящих богов; они пользуются большим почтением и почитанием. Во-вторых, духи живых и умерших людей, связанные с пророческими животными и такими животными, как свинья, собака, крокодил, курица и некоторые другие. В-третьих, бесчисленное множество духов, которые не подпадают под вышеупомянутые группы, но, согласно суевериям малайцев, окружают все на земле. Иногда они благожелательны, иногда злонамеренны, но чаще всего — злонамеренны. К ним относятся, например, духи, которые, согласно общепринятому поверью, окружают добытые черепа, висящие в доме.

Малайцы верят, что боги контролируют все, что касается их жизни. Среди них он также различает дружественные и недружественные существа. Если к ним нужно обратиться с просьбой, это делается через души свиней или кур, которых забивают каждый раз, когда хотят призвать богов с помощью поднимающегося дыма от костра (рис. 271). Когда каджаны обращаются с молитвами к богам на благо всего дома, они сажают в землю дерево, но с кроной вниз и корнями вверх; таким образом они пытаются установить с ними своего рода связь. Обычно торжественная церемония проводится перед грубо вырезанной фигурой (рис. 276), которая стоит перед домом, но не представляет собой идола, а скорее должна рассматриваться как алтарь или символ бога. Посланниками богов считаются животные (рис. 277), в особенности птицы. Поскольку они являются посредниками между богами и людьми, к ним относятся с особым почтением. Вообще, гадание играет большую роль во всех важных делах; всегда принято обращаться за советом к соответствующим животным. Если исследование внутренностей свиньи (рис. 279) или курицы не дало хорошего

предзнаменования, убивают еще больше животных, пока гадалцы, возможно, не сумеют объявить благоприятное предзнаменование. Очень часто богам приносят жертвы; здесь в первую очередь используются свиньи и куры. Но не стесняются приносить им и ценные вещи; например, женщина стрижет свои волосы в качестве жертвы, когда ее ребенок заболевает. Все духи третьей группы злобны или, по крайней мере, легко обижаются и способны приносить несчастья как мужчинам, так и женщинам. Самых влиятельных из них обычно связывают с уже упомянутыми высохшими человеческими головами, добытыми в ходе какого-либо нападения. Однако их не следует считать духами тех, с чьих плеч были срублены головы, а скорее чужими духами (), которые, кажется, парят вокруг голов. Если их обидели, например, не проявив обычного уважения, которое, как принято, следует оказывать отрубленным головам, то они оживляют их и заставляют стучать зубами.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 280. Каянская женщина танцует с захваченным человеческим черепом.

Женщины выходят навстречу мужчинам, возвращающимся с военного похода, забирают у них добытые головы и, держа черепа в руках, исполняют с ними танец. Успешный поход вызывает большую радость.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 281. Столбы, воздвигнутые после охоты за головами и служат для подвешивания трофейных черепов. Столбы установлены в честь бога Бали Флаки, который дал благоприятный знак для похода. Узкие полоски мяса с обезглавленных тел подвешиваются на колышки столбов в качестве жертвоприношения.

Фото Ch. Носе.

Рис. 282. Определение времени посева с помощью своего рода солнечных часов у племени кенджа.

Это делает туземец, который занимается исключительно этой деятельностью. Он полагается только на высоту солнца и использует для определения времени прибор, похожий на солнечные часы. Когда в полдень тень достигает определенной длины, которую он по опыту считает благоприятным моментом, он указывает, что это подходящее время для посева.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Илл. 283. Благодарственная жертва клемантана за излечение от болезни в виде яйца, принесенная птицам-прорицателям.

Дети приносят тот же дар духам, когда впервые входят в реку, чтобы заслужить их благосклонность.

Охота за головами широко распространена среди малайцев, проживающих от Ассама через острова Зонд до Молуккских островов и Филиппин. Мотивы для принесения домой голов убитых жертв многообразны. Во-первых, тот, кто добыл как можно больше голов, считается великим воином и пользуется особым уважением среди своих соседей по деревне; юноша, который еще не имеет такого знака доблести, не находит отклика у своей возлюбленной. Кроме того, рукояти мечей и щиты обычно украшают человеческими волосами (рис. 278). Чем больше голов мужчина приносит домой после военного похода, тем больше уважения он пользуется. На островах Ментавей его татуировка становится богаче с каждой захваченной головой, и на одежде нага в Ассаме количество захваченных голов также отражается в определенных знаках. Кроме того, обычай требует, чтобы при строительстве нового дома приносились человеческие жертвы; для этого достаточно человеческих голов, которые закапывают под столбами, и для этого выбирают головы врагов. — Если отправляются за головами, то обычно это происходит тайком на рассвете. Окружают определенный дом, поджигают его и пытаются убить выбегающих людей в бою. После того, как павшим отрубают головы, все спешат отступать из страха быть застигнутыми врасплох или преследуемыми. Пленников обычно не убивают; только если не удалось добыть голову убитого, то тяжело раненому пленнику отрубают голову. Если экспедиция увенчалась успехом, то на обратном пути лодки украшают пальмовыми листьями; захваченные головы слегка коптят и размещают на корме лодки. Перед каждой деревней, мимо которой проплывают, громко поют военную песню, а те, кто добыл голову, встают в лодке. В родной деревне устраивается большое торжество, в котором участвуют

все жители деревни. Головы коптят в специальных хижинах, а затем, под воинственные песни и принесение жертв, переносят в дом (рис. 281). Затем следует всеобщий ликование, во время которого женщины берут головы и исполняют фантастические танцы (рис. 280 и цветной художественный приложение); то же самое делают мужчины в полном военном убранстве. Наконец, головы тщательно обвязывают ротангом и вешают рядом с ранее захваченными (рис. 247). После этого устраивается большой праздничный банкет, во время которого в рот головам кладут кусок свинины, а в висящую рядом бамбуковую чашку наливают национальный напиток борак, приготовленный из риса. Считается, что духи, связанные с головами, потребляют эти жертвоприношения, если не напрямую, то их душами. Под головами постоянно горит огонь, чтобы они чувствовали себя тепло и уютно, и вообще к ним относятся с величайшим уважением. Ведь считается, что они приносят пользу дому и защищают его, если только им оказывают должное почитание, и что только в случае пренебрежения или неуважения они обижаются и приносят несчастья.

Женщины даяк с человеческими черепами в руках, собравшиеся для танца.

Через несколько дней после возвращения из успешной экспедиции по охоте за головами отрубленные головы торжественно приносят в дом. Затем следует период праздничных веселий, после чего черепа, которые местные женщины используют для фантастического танца, вешают рядом со старыми. Наличие черепов в доме должно вызвать благосклонность окружающих его духов, при условии, что им уделяется достаточно внимания.

Помимо этих духов голов, в природе существует еще множество других, таких как духи рек, гор, могил, пещер и так далее. По сути, согласно верованиям малайцев, каждое место имеет своего духа, и люди стараются соблюдать все необходимые правила и обычаи, чтобы обеспечить себе их благосклонность. Чем более отдаленное место, тем больше следует бояться его духа; люди, которые впервые отправляются туда, тщательно соблюдают предписанные церемонии, которые носят совершенно особый характер. Дети тоже так поступают; когда они впервые приезжают в неизвестную местность, они, например, вставляют яйцо в конец бамбуковой палки, чтобы расположить к себе духа этого места (рис. 283).

Мы приводим здесь несколько других обычаев дажак, в частности племени Kenjah. Когда люди переезжают в новый дом, они переносят головы из старого с той же помпезностью, как это принято при возвращении домой триумфальных воинов. Но поскольку люди не любят хранить в своем доме более тридцати голов, кенджа используют эту возможность, чтобы избавиться от лишних голов. Они строят для них специальную хижину и помещают в нее тех, от кого хотят избавиться. Однако, чтобы духи не заметили, что их бросили, в новом месте хранения поддерживают тлеющий огонь и верят, что, когда он погаснет, духи, даже если захотят отомстить, не смогут этого сделать.

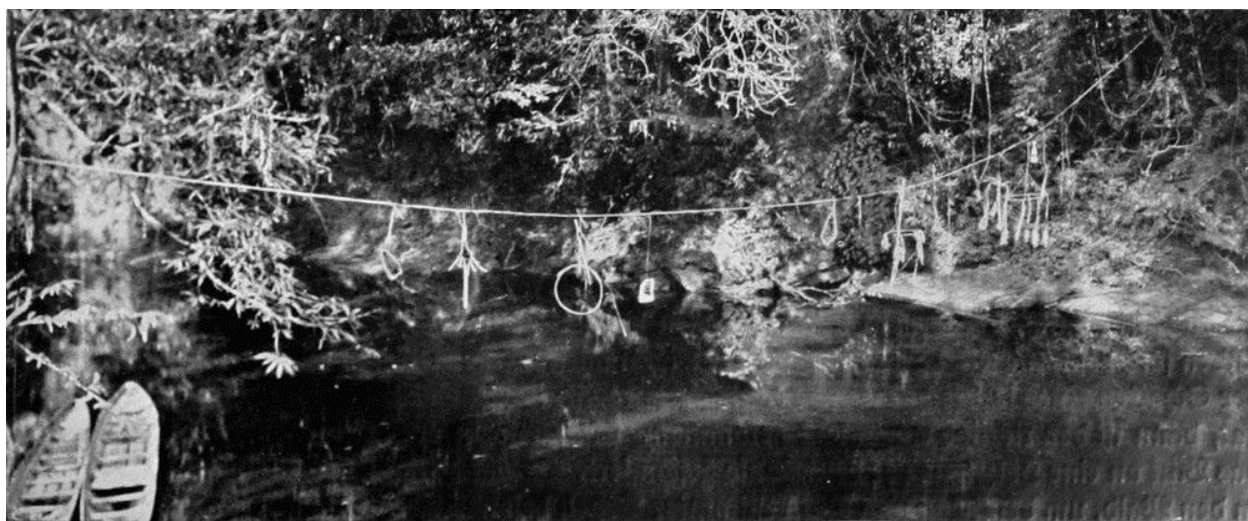

Фото А. В. Ньивенхейс.

Илл. 284. Знак табу,

натянутый над рекой, чтобы по какой-то причине запретить доступ. Каждый кусок, висящий на веревке, имеет свое особое значение, известное людям.

Очень своеобразен способ, которым даяки принимают важных гостей. Гость сначала выясняет, не наложено ли табу на дом, который он собирается посетить. Получив благоприятный ответ, он вместе со своими спутниками направляется к веранде дома, разговаривает и в течение минуты не смотрит на своего хозяина, который, кстати, тоже не обращает на него внимания; напротив, он возится со своей сигаретой и смотрит в землю. Гость, со своей стороны, максимум, прочищает горло или кашляет; после этого кто-нибудь приносит ему сигарету, и только тогда хозяин начинает разговор с обычного вопроса о

происхождении и времени отъезда незнакомца. Когда примерно через час подают еду, рис или свинину, гость оставляет на тарелке остатки, чтобы показать, что он не жаден; кроме того, хорошее воспитание требует, чтобы он выражал свое удовлетворение едой, медленно и громко выдыхая через нос. Затем он полощет рот водой, выплевывает ее между досками пола, чистит зубы указательным пальцем и моет руки. Во время ужина подают рисовую водки, и полный кубок сначала подают хозяину, который выливает жертвенный напиток предсказателям и другим благосклонным духам, а затем пьет. Вторая чашка подается почетному гостю, который щелкает губами и хрюкает, чтобы выразить свое одобрение. Во время еды поют застольные песни, в которых все присутствующие подпевают рифмам.

Фото Ch. Hose.

Илл. 285. Даяк на чеку в ожидании предзнаменований.

Предзнаменования, полученные по полету или щебетанию птиц, отмечаются перед хижиной колышком до тех пор, пока хорошие предзнаменования не преобладают над плохими в количестве пять. Мужчины не имеют права разговаривать с прохожими.

Фото А. В. Ньивенхейс.

Рис. 286. Женщины-клемтаны на празднике урожая.
Женщины одеваются на этот праздник так же, как и мужчины.

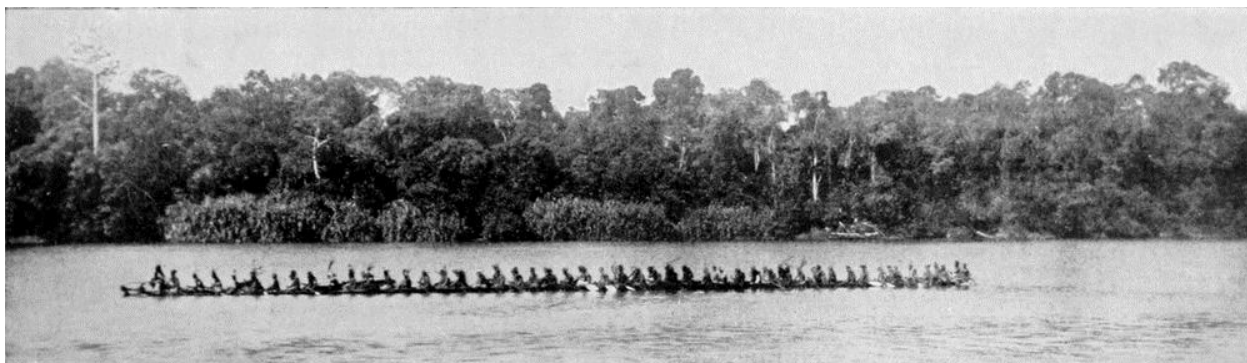
Фото: Ч. Хозе.

Рис. 287. Хижина, построенная для пророческих птиц.

Непосредственно перед изучением предзнаменований возводится хижина, чем туземцы показывают, что они поставили себя под защиту птиц-провидцев. Хижина, содержащая признаки таких предзнаменований, считается священной.

Как и при любом важном событии в жизни, перед началом посева обращаются к предсказаниям. Время года, когда следует проводить посев, определяет опытный человек с помощью своего рода солнечных часов (рис. 282). Когда в полдень тень от вертикально стоящего шеста достигает определенной длины, наступает подходящий момент. Жертвуют свинью или курицу, а кровью смазывают деревянную фигуру перед домом. Затем несколько туземцев отправляются в лес, чтобы наблюдать за полетом и криком определенных птиц, особенно дятла, ястреба и трогона. В это время на каждом доме лежит строгое табу: никто, кроме его обитателей, не имеет права входить в него, и в нем можно выполнять только самые необходимые работы. Если предзнаменования благоприятны, то происходит посев. Пока плоды растут, над ними произносятся многочисленные заклинания и совершаются суеверные обряды. Например, женщины размахивают над урожаем зачарованным предметом или курицей и дают ему, а также крысам, воробьям и другим вредителям строгие наставления. Если первые сборщики урожая, которыми всегда являются женщины, видят или слышат что-либо, имеющее зловещее значение (), они возвращаются в дом и остаются там в течение сорока восьми часов под угрозой смертной казни или тяжелой болезни. После сбора урожая в течение десяти дней никто не имеет права входить в этот дом; это обозначается знаком табу (рис. 284). Только когда уборка урожая продвинется достаточно далеко, устраивается праздник, на котором уже готовят семена для следующего года.

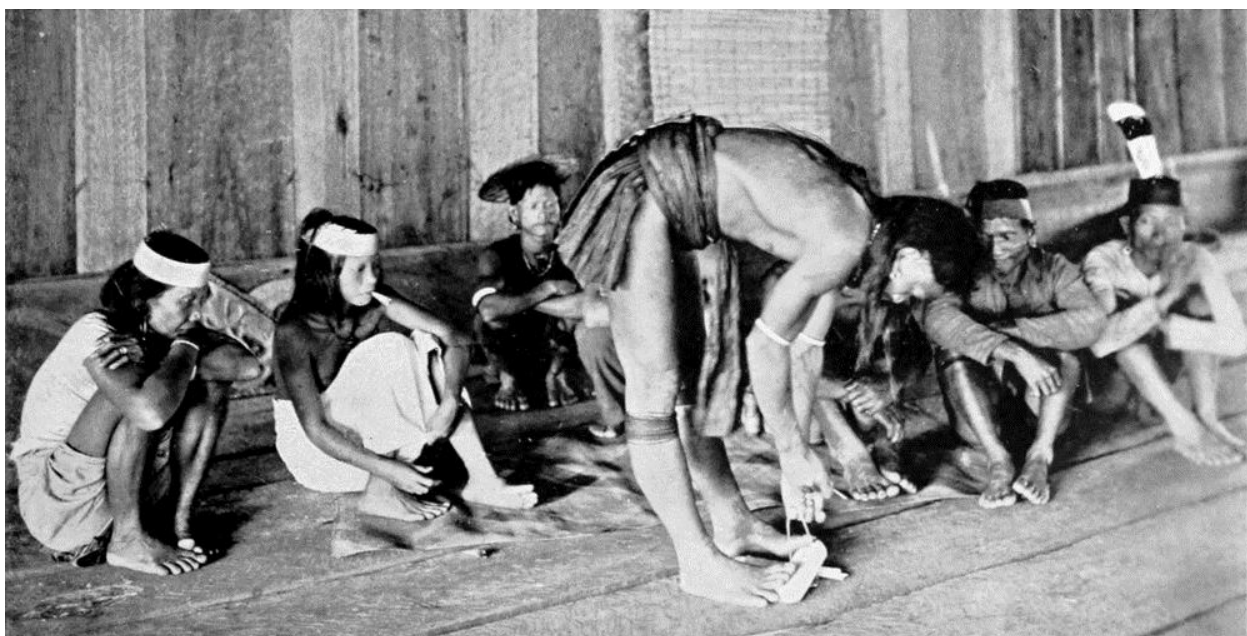
Примерно в это же время практикуется еще один интересный обычай. Ловится четыре водяных жука и помещается в большой гонг, наполненный водой. Старик наблюдает за их движениями и интерпретирует их как хороший или дурной знак для будущего урожая. Одновременно он призывает бога урожая (Laki Ivong), чтобы тот привел душу зерна в дома. После того, как на воду выливают сок сахарного тростника (), женщины пьют его, а жуков осторожно вынимают, чтобы передать послание людей богам урожая. Затем начинается шумное веселье. Женщины варят клейкий рис, покрывают его сажей и брызгают им на мужчин, чтобы следы остались на них. Во время общего танца (рис. 291), который следует за этим, женщины переодеваются мужчинами (рис. 286), а мужчины устраивают представления, имитируя животных, таких как обезьяны и птицы-носороги.

Фотография В. Х. Фурнесса.

Илл. 288. Военные лодки каджанов,

которые изготавливаются путем выдалбливания одного ствола дерева. Длина изображенной лодки составляет более сорока метров.

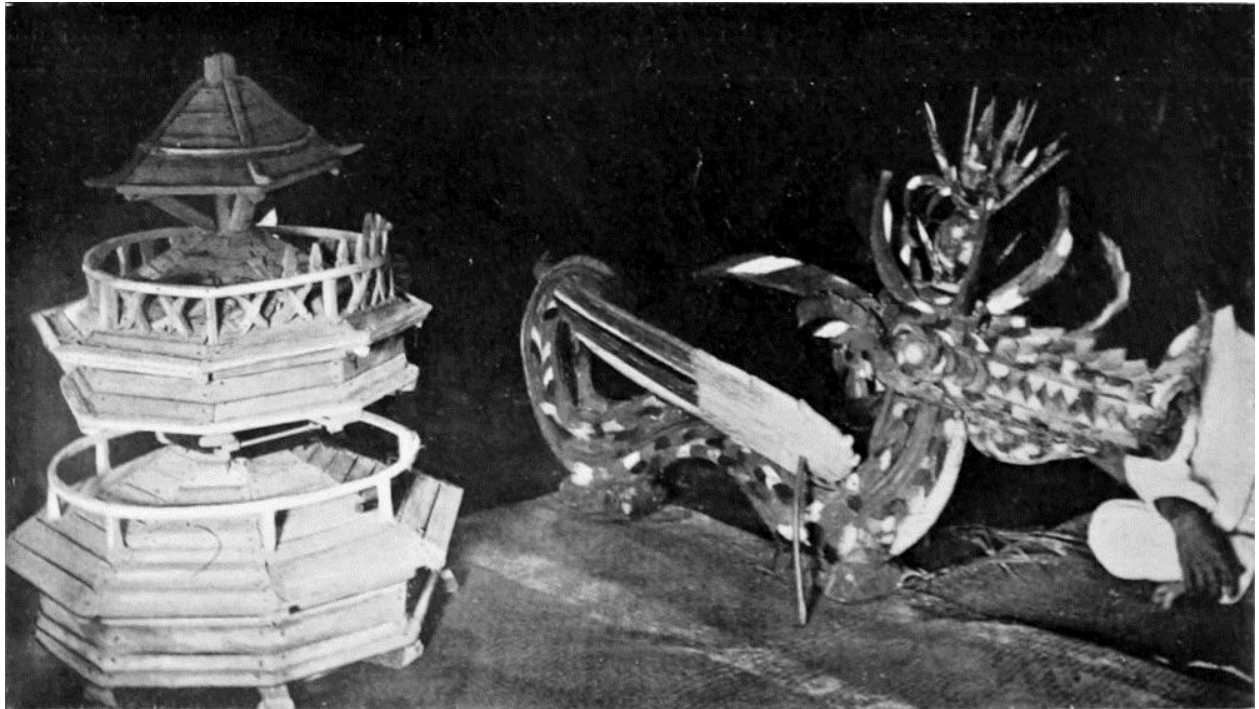

Из: Hose, Pagan Tribes.

Рис. 289. Каджаны разжигают огонь, трением веревки о кусок мягкого сухого дерева.

Также во время своих военных походов, будь то для получения голов, мести за предыдущие оскорбления или по совершенно общим причинам, они обращаются к всевозможным предзнаменованиям. Это происходит особенно перед началом охоты за головами с большим количеством формальностей. Двое мужчин, специально выбранных для этой цели и отправленных в кусты, должны наблюдать за звуками и движениями определенных животных (рис. 285 и 287), и только когда их сообщения во всех

направлениях будут благоприятными, отряд отправляется в своих военных каноэ (рис. 288). Тем не менее, она еще несколько дней бездействует, пока посланные шпионы или исследование свиной печени (рис. 271) не установят движение врага. Каждый участник соблюдает определенные табу: нельзя курить (), мальчики должны спать в сжатом положении, огонь можно разжигать только трением (рис. 289) и т. д. На рассвете начинается атака. Дальнейший ход охоты за головами уже описан выше.

Из: Hose, Pagan Tribes.

Рис. 290. Дом духов для церемонии баджо.

Если женщина заболела, ее убеждают, что она одержима дьяволом и должна стать знахаркой; только так она сможет избавиться от своего недуга и одновременно обрести способность помогать другим. Ее способности проверяются с помощью специальной церемонии, называемой баджо (рис. 290). Комната, в которой должны появиться могущественные духи, приглашенные в дом, искусно украшена; музыка гонгов и барабанов раздается по всей деревне и повторяется в определенные моменты в течение всей ночи. Женщины-целительницы, в основном старые и не очень привлекательные, но зато пышно наряженные, собираются в центре комнаты и начинают танцевать в такт музыке, одна за другой, при этом шипя и размахивая руками. Одна из них подходит к больной и дает ей в руку цветок пинанга, а также покрывает ее голову платком. Затем они сажают больную на конусообразное устройство и с большой скоростью вращают его по кругу. Со временем все впадают в настоящий раж; это должно привлечь духов. Затем они спрашивают главную знахарку, зачем ее вызвали, на что она отвечает, что кто-то заболел. Теперь духи отступают и призывают более могущественного духа, которому они подчиняются, чтобы он помог. Главная знахарка спрашивает его, хочет ли он исцелить больного. Если он отказывается это сделать, то необходимо привести другого могущественного духа и спросить его таким же образом, каждый вечер заново, пока больной не выздоровеет. Иногда вся церемония проходит очень пышно. Женщины-целительницы играют свою роль очень реалистично; они крепко держат голову больной под предлогом того, что ловят злого духа. Нередко это лечение приносит успех.

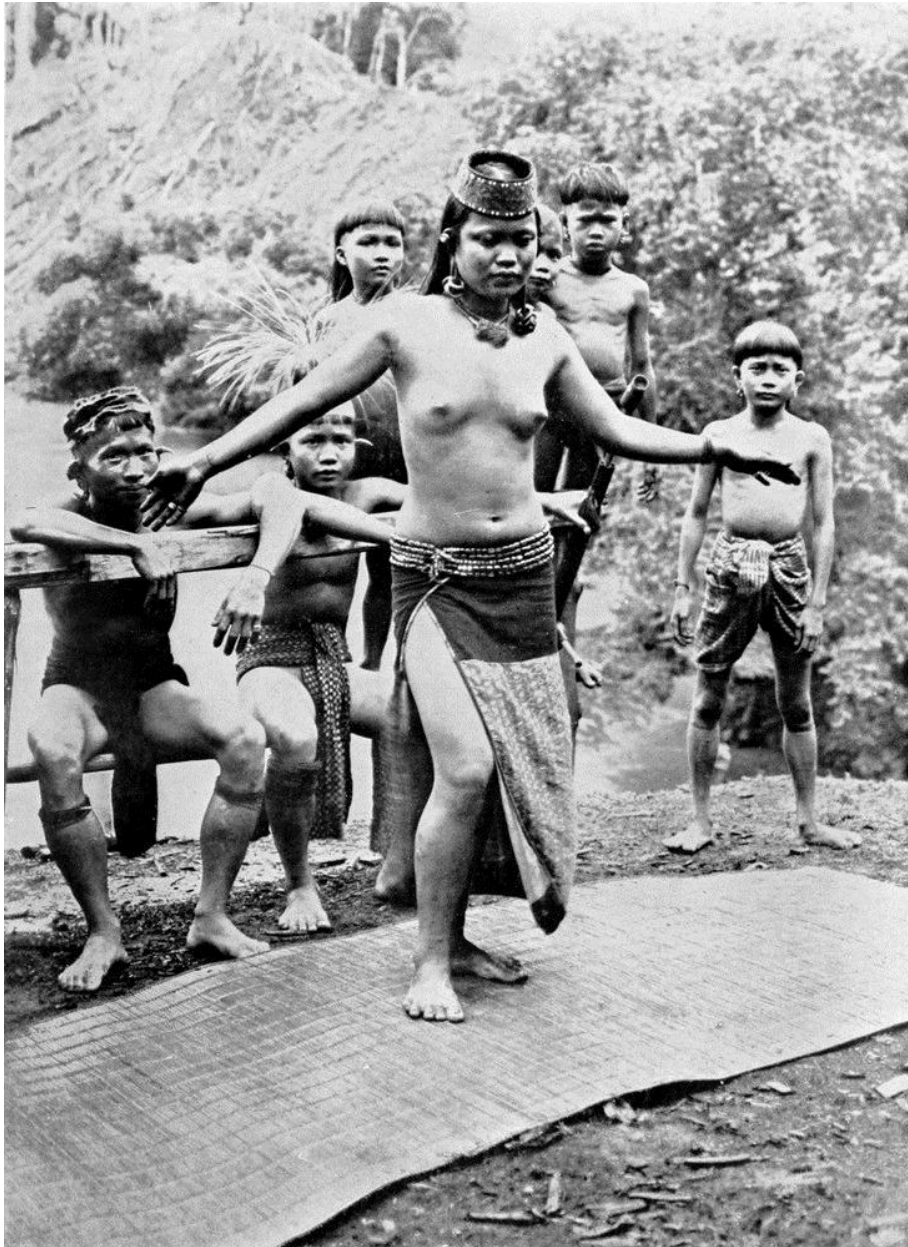

Фото Ch. Hose.

Илл. 291. Женщина-кенджа во время танца урожая, состоящем из медленных, изящных поворотов, при этом руки имитируют движения змеи или птицы, взлетающей в полет.

Религией яванцев, сунданцев и мадурцев является ислам, однако во многих случаях он все еще перемешан с остатками и обычаями более древнего языческого культа. Яванцы, которые изначально, как и все полуцивилизованные индонезийцы, были анимистами, в конечном итоге были индуизированы. Сначала появилось поклонение Шиве, а затем буддизм; обе религии оказали большое влияние на их культуру; в частности, индуизм оставил после себя великолепные храмы цивилизации, которые сегодня находятся в руинах и разбросаны по всей Яве, такие как Боробудур, Прамбанан и Мендут, чтобы назвать только самые известные из них. Наконец, ислам пришел на Яву, вероятно, около XIII века; отсюда новое учение быстро распространилось по всем островам Малайского архипелага (). Кроме того, целый ряд племен остался языческим, другие приняли христианство. Несмотря на учение ислама, среди яванского народа повсеместно сохранились старые представления.

Яванцы верят в добрых и злых духов, боятся привидений и доверяют астрологии, счастливым и несчастным дням, предзнаменованиям и всевозможным заклинаниям. До недавнего времени, пока европейские врачи не взялись за них, их медицина была чистым шаманизмом и находилась в руках дункунов, своего рода колдунов (обоих полов), которые изгоняли злых духов, пытали больных, заливали им в горло приготовленные ими самими соки из растений или корней и творили другие глупости.

Фото Ч. Хоуз.

Илл. 292. Связанный крокодил,

который каджаны считают другом и священным животным и которого нельзя убивать. Поэтому, если он убил человека, его ловят, связывают, обращаясь к нему с дружеским обращением, таким как «дедушка» и т. п., и оставляют умирать естественной смертью.

Петушиные бои на Борнео

которые являются популярным развлечением народов седаек и ибан. Владельцы держат петухов друг напротив друга и отпускают их, как только те, взъерошив шею, показывают свою склонность к борьбе.

Жители небольшого плодородного вулканического острова Бали до сих пор остаются самыми стойкими приверженцами индуизма (рис. 293), несмотря на многочисленные попытки ислама распространить свои учения и здесь. В частности, на протяжении веков среди них сохранился культ Шивы, который был искоренен во всех других частях Индонезии. Шива и его супруга Дурга, а также некий Деви Сери являются единственными настоящими божествами балийцев, хотя они допускают и других богов индоистского пантеона в свои красиво расписанные и богато позолоченные храмы. Церемонии, связанные с земледелием, занимают важное место в религии балийцев, однако они сохранили молитвы, очистительные посты, кремацию умерших, полное неприятие мяса крупного рогатого скота и буйволов, уважение к «пяти продуктам» коровы и обременительное кастовое устройство, что в достаточной мере характеризует индуизм. Любопытно, что на Бали мы еще встречаем старые полинезийские идола, странные маленькие фигурки, изготовленные из китайских монет и украшенные богатыми тканями, так называемые рабут седана. Буги и макасары на Целебесе в настоящее время более или менее мусульманизированы, однако среди них сохранились некоторые индуистские обычаи, например, шиваитское поклонение лингаму (). Они также поклоняются крокодилу (рис. 292) и угре и твердо верят в способности некоторых колдунов.

Национальным оружием малайцев является крис, короткий, похожий на кинжал, богато украшенный меч (рис. 294 и 296) с лезвием, как правило, в виде пламени. К этому добавляются длинный меч, копье и щит (рис. 295). Также используются лук и стрелы, а также духовая трубка, но не повсеместно, а только в отдельных частях архипелага.

Среди ремесел малайцев на первом месте стоят изготовление оружия, обработка золота, серебра и железа для изготовления украшений (филигрань), литье, ткачество и плетение, батик и судостроение.

Фото Эдварда Элвена.

Илл. 293. Балийская резьба по дереву.

Деревянная фигура изображает бога Кришну, верхом на орле, что является частым мотивом на острове Бали, где сохранился индуизм.

Малайцы страстно любят музыку, игры (рис. 300) и танцы. Музыка яванцев () находится на высоком уровне, хотя тот, кто не привык к ней, сначала воспринимает ее как резкую, однако в ней много меланхоличного и мелодичного. Полный оркестр, так называемый гамелан (рис. 299), включает в себя несколько полнзвучных бамбуковых флейт, ряд гонгов, которые ударяют палками, альты, скрипки, гитары, барабаны и ксилофоны. На Яве не проходит ни одного праздника или крупной церемонии без гамелана. Едва ли можно отделить от него представление ваджанга или театра теней. Для этого используются вырезанные из буйволиной кожи, раскрашенные или позолоченные фигурки (рис. 298), тени которых проецирует на освещенный экран сидящий за ним актер. Руки фигурок, стоящих на деревянной перекладине, двигаются с помощью деревянных палочек.

Содержание представлений составляют памятные события из прошлого, из великих индийских эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». Мужская часть зрителей видит с одной стороны экрана движения этих марионеток, а женская — с другой стороны их тени, падающие на экран. Игра ваджанг, которая, кстати, распространена в Сиаме, Китае, Египте и Турции, демонстрируется во всех торжественных случаях, таких как крещение, обрезание, празднование выпадения зубов, свадьба и так далее. Еще одним развлечением яванцев являются представления ронггенг, публичных танцоров (илл. 297 и 301), которые состоят из последовательности пластических поз и живых картин. Наконец, на Яве, как и в других частях Малайского архипелага, очень популярны бои животных между петухами (см. [цветной художественный приложение](#)), перепелами, сверчками, буйволами и даже тиграми, шахматы, карточные игры и тому подобное.

Оригинальная фотография д-ра Бушана.

Илл. 294. Яванские воины.

Фото Ch. Hose.

Илл. 295. Воины даяк из района Барам.

Одежда из козьей шкуры; щит украшен захваченными человеческими волосами; в руке он держит национальный меч, крис.

Как мы уже видели у других народов, малайцы также приписывают возникновение болезней, в частности безумия, влиянию злых демонов; соответственно, изгнание их из тела является обычным методом лечения. Если больному грозит смертельный исход, считается, что его душа покинула тело и что ее необходимо каким-то образом заставить вернуться. У каяндаяков это делается с помощью ловца душ, даджонга (рис. 302 и 303), в большинстве случаев женщины, которой высшая сила во сне открыла, что она должна заняться этой профессией. При выполнении своей работы этот человек сначала впадает в состояние транса, чтобы его душа последовала за другой душой, которая к этому моменту уже проделала значительный путь () к месту пребывания ушедших душ, и убедила ее вернуться. Для этого больного укладывают на длинной галерее дома в окружении его родственников и друзей, и дайонг приступает к своей работе. Она ходит взад-вперед с закрытыми глазами,

бормоча песни и определенные молитвенные формулы божествам. Ее оживленные движения и высказывания во время этого торжественного обряда должны отражать ее собственные душевные переживания и страдания, а также переживания и страдания больного. Время от времени даджонг делает вид, что не справляется со своей задачей и вынуждена отказаться от попытки вернуть душу; тогда собравшиеся обычно обещают ей еще больше подарков, чтобы она могла выполнить свою задачу; иногда ей это удается. Когда душа возвращается, следующая трудность заключается в том, чтобы убедить ее вернуться в тело. Для этого даджонг размахивает мечом и пристально смотрит на него, чтобы уловить беглый взгляд души. На этом состояние транса заканчивается. Даджонг кладет перед собой какой-нибудь небольшой предмет, например, рисовый хлопья, который должен содержать душу. Его прижимают к голове больного и обвязывают ему запястье полоской пальмового листа с странной целью помешать душе вновь покинуть тело. Затем приносят в жертву курицу, а в тяжелых случаях — свинью, и кровью животного смазывают браслет из пальмового листа. Наконец, больному налагают определенные табу. Вся эта процедура хорошо подходит для того, чтобы пробудить в нем уверенность в себе и оказать благотворное влияние на его страдания.

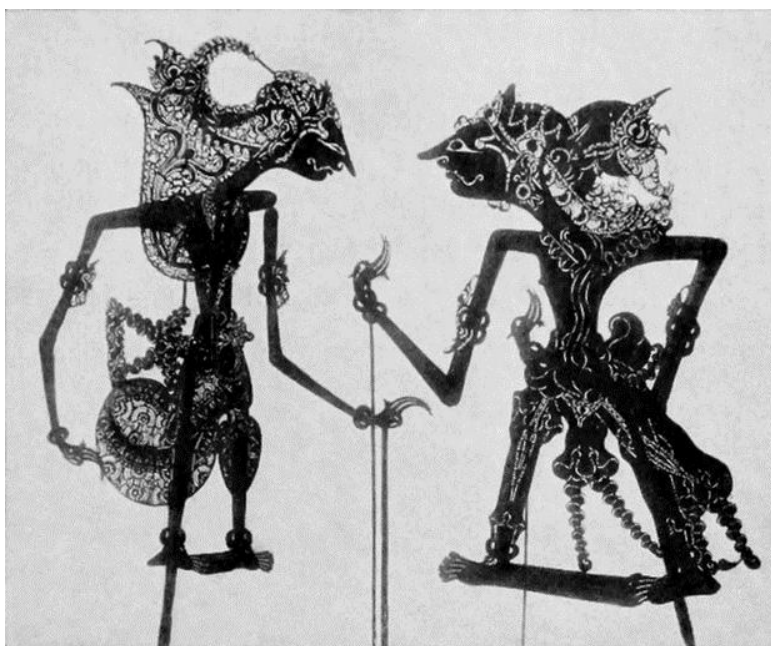
Фото Эдварда Элвена.

Илл. 296. Рукояти малайских крисов,
из которых средний, балийского происхождения, инкрустирован цветными стеклянными кусочками, а два других
вырезаны из кости.

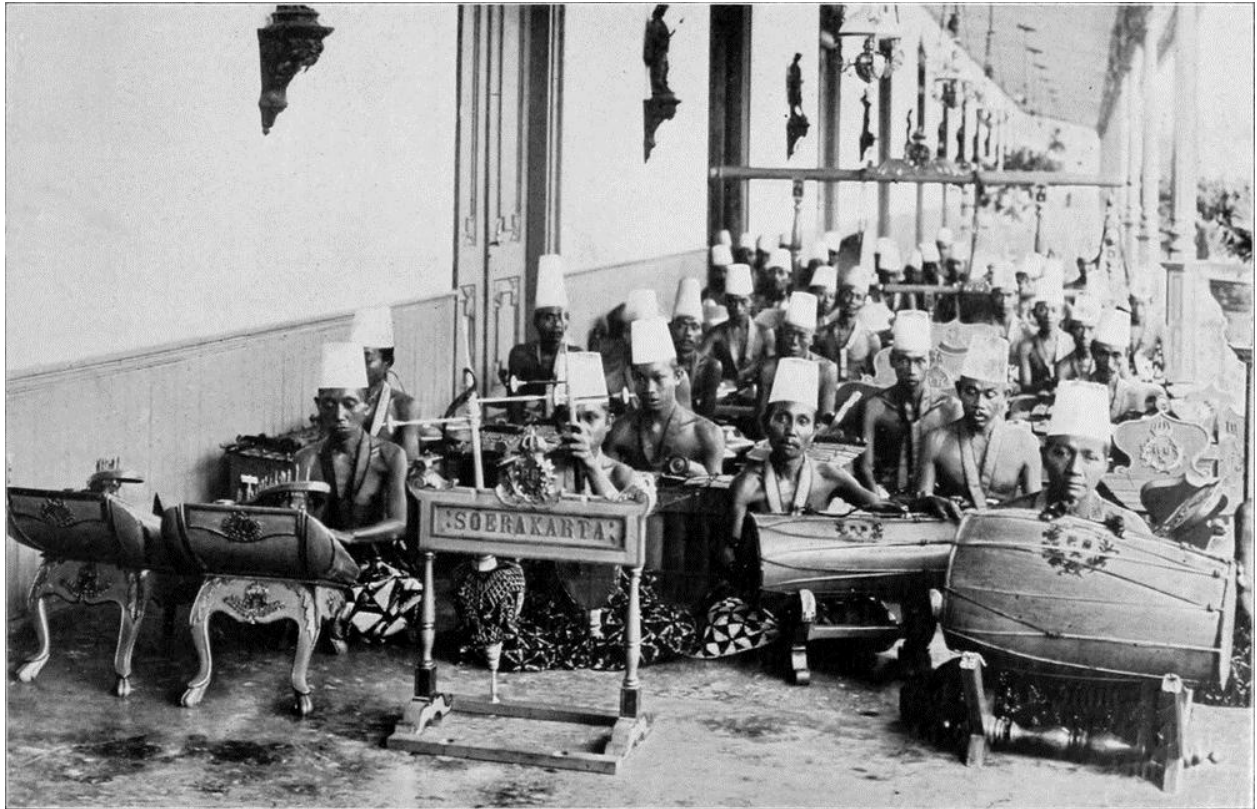
Из: де Вит, Ява.

Илл. 297. Яванские уличные танцоры.

Из «Kolonie und Heimat».

Илл. 298. Куклы вайджанг,
изготовленные из кожи буйвола, богато расписанные и позолоченные.

Оригинал: Музей этнографии, Лейпциг.

Илл. 299. Малайский оркестр, называемый гамелан.

Если больной все же умер, то бьют в барабан или гонг, чтобы сообщить об этом ушедшим душам в подземном мире; количество ударов зависит от социального и общественного положения умершего. Пока тело лежит в гробу, его одевают в самые красивые одежды и украшают самыми роскошными украшениями, а под каждое веко кладут драгоценную жемчужину. Рядом с гробом всегда горит огонь; кроме того, там лежат маленькие пакетики с вареным рисом и сигаретами для личного пользования души. Последние часто присылают в дом сотни друзей и знакомых. В течение всего времени, пока тело лежит в гробу, рядом с ним постоянно находятся два или три человека, которые непрерывно плачут. В день похорон появляется дайонг, садится рядом с умершим и поет, чтобы показать душе путь через реку в другой мир; одновременно она показывает одному из родственников, как нужно развязать веревки на верху гроба, чтобы облегчить душе уход. Это должен быть момент, когда душа () окончательно покидает тело. Затем к изголовью и изножью гроба привязывают две маленькие фигурки, одна из которых представляет женщину, а другая — мужчину (рис. 304), по-видимому, пережиток прежнего обычая приносить в жертву рабов, чтобы душа имела слуг и в другом мире. Гроб выносят из дома через пол — если бы его спустили по лестнице, призрак легче нашел бы дорогу обратно —, доставляют к берегу реки, где его помещают в лодку, украшенную разноцветными тканями и флагами, и везут к месту захоронения. В следующих за ним лодках сидят скорбящие родственники, которые все это время должны молчать.

С разрешения Королевской Нидерландской почтовой службы.
Илл. 300. Сцена из спектакля «Сриканди и великан»,
которая очень популярна у яванцев.

Из: де Вит, Ява.

Илл. 301. Танцоры ваджанга,
выступающие во время перерывов в представлении ваянг.

Фото A. W. Nieuwenhuis.

Илл. 302. Фантастический танец шаманов кенджа,
чтобы вернуть душу умирающего.

Очень своеобразна могила вождя каджанов. Она представляет собой длинный деревянный брус, вбитый коротким концом вертикально в землю. Его размер зависит от ранга и положения умершего и бывает самым длинным у лиц, имевших особое значение. Верхний конец этого толстого деревянного столба расколот настолько, что в него помещается гроб (рис. 305). Здесь он помещается внутрь, а сверху на него кладется большая надгробная доска с искусно вырезанными деревянными боковыми частями, которые окружают гроб в расщелине дерева. Также принято вешать на могилу оружие и другие вещи покойного (рис. 307), а если у него их не много, родственники и друзья добавляют что-нибудь от себя. Тени этих вещей должны быть полезны умершему в его трудном путешествии в загробный мир. Клемантаны разбивают или портят вещи, которые кладут на могилу, якобы потому, что в другом мире все будет наоборот, но, вероятно, для того, чтобы никто не поддавался искушению что-нибудь украсть. — Еще у могилы скорбящие должны быть очищены дайонгом; для этого она орошает их водой, в которой лежат челюсти принесенной в жертву свиньи. Во время этого обряда дайонг бормочет слова, в которых выражает надежду, что скорбящие будут избавлены от несчастий. Они поодиночке отправляются в обратный путь, проходя под палкой, которая была расколота в форме вилки из куска дерева могильного столба (), затем наступают на живую курицу, плевают на нее и призывают ее отвратить зло. Период траура заканчивается тем, что в дом приносят человеческую голову, после чего следует всеобщее празднование и пир. Голова или ее часть украшается листьями пальмы силат и вешается на могиле. Своеобразен также способ, которым каджаны распределяют имущество умершего, если он не оставил никаких распоряжений по этому поводу. Вызывают дайонг; она заказывает изготовить маленькую модель дома, в которую кладут сигареты, еду и напитки, ставит ее рядом с комнатой, в которой жил покойный, и умоляет его душу войти в дом, отведать еды и высказать свои желания. Время от времени она делает вид, что прислушивается, заглядывает в дом и объявляет родственникам, что душа пришла и наслаждается приготовленной едой. Затем

она сообщает собравшимся о предполагаемых желаниях умершего; эти желания выполняются без ропота.

Кенджах избавляются от своих умерших практически таким же образом, только клемтаны иногда оставляют гроб на веранде дома до окончания периода траура; гроб запечатывают воском, но через некоторое время открывают, извлекают кости и очищают их. Жидкость, вытекающая во время разложения, сливается в землю через бамбуковую трубку. Очищенные кости помещаются в меньший гроб или кувшин и отправляются на место захоронения. Здесь новый гроб помещается в большой общий мавзолей из дерева (рис. 308) или в выдолбленный ствол дерева.

Фото А. В. Ньивенхейс.

Рис. 303. Медики-кенджа.

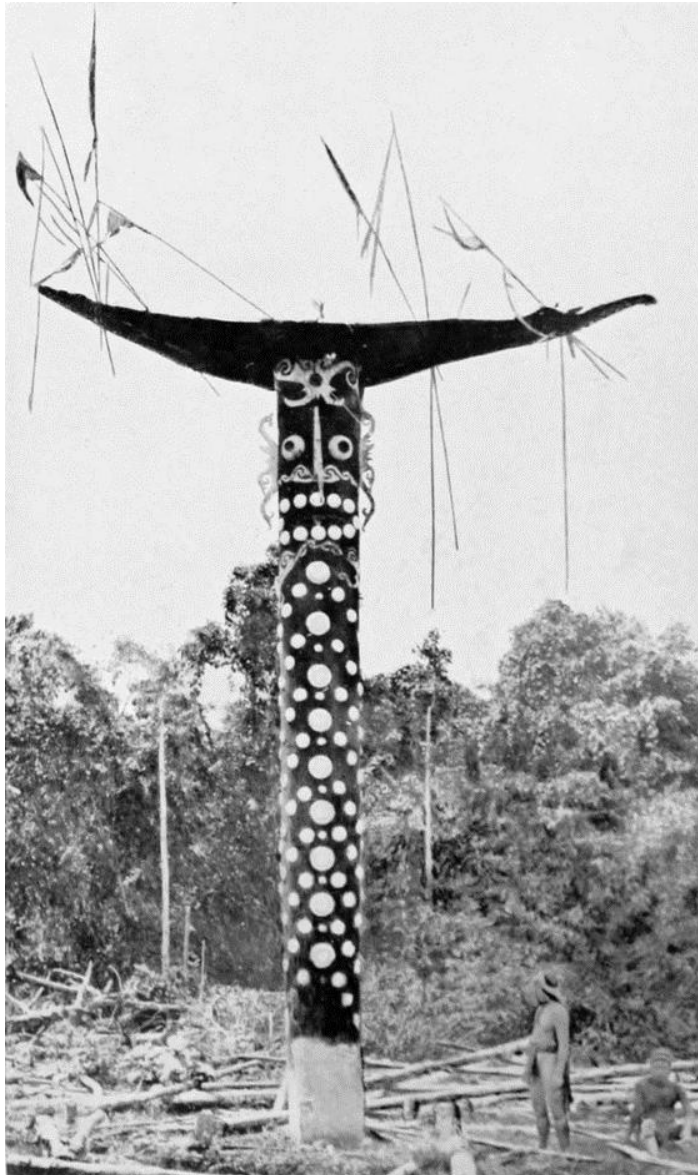
Совершенно иначе проходят похороны у сеedayков. После смерти тело омывают, посыпают рисом на груди — чтобы умиловить богов за совершенные мертвым проступки — и одевают в дорогие одежды; все его вещи, которые могут пригодиться ему в лучшем мире, складывают в кучу. Иногда нанимают профессиональную плакальщицу, которая, сидя на качели у изголовья, время от времени обращается к разным частям дома и упрекает их в том, что они не сделали достаточно, чтобы удержать душу умершего подольше, и в конце концов просит духов проводить душу без вреда. Вечером рядом с телом зажигают огонь, на следующее утро ставят еду, а также кладут в рот умершему вареный рис, чтобы он имел что подкрепиться в своем долгом путешествии. Посуду, в которой варилась еда, всегда разбивают, чтобы никто больше не мог ее использовать.

Фото А. В. Ньивенхуис.

Илл. 304. Гробницы Пенг на выступлениях известняковых скал у реки Махакам.

Две фигуры на переднем плане изображают рабов, которые должны обслуживать умершего в новом мире.

Фотография В. Х. Фурнесса.

Рис. 305. Красиво украшенный погребальный столб с установленным на нем гробом вождя племени каян.

По дороге к могиле на гроб сыпят пепел от костра, который накануне горел рядом с телом ; это делается для того, чтобы душа умершего не узнала дом и не вернулась, чтобы причинить зло. Женщины не имеют права следовать за похоронной процессией, они остаются позади и громко рыдают, как только тело выносят из дома. Похоронная процессия отправляется к месту захоронения пешком или на лодке. Здесь духу Пуланг Гана, которому принадлежит земля, на землю разбрасывают рис в качестве платы за могилу, которую он предоставляет. Затем забивают курицу, чтобы умиловить злых духов. Гробы опускают в землю на глубину около метра; это делается как можно быстрее, чтобы не услышать крик несчастного человека. Кувшины и латунные гонги, а также предметы, характерные для занятий умершего, кладут на его могилу, рядом с ним ставят еду и питье, а все это огораживают забором. Когда скорбящие уходят домой, последние из них втыкают в землю колья, чтобы злые духи не последовали за ними в дом. На третий день после похорон соседи приносят в комнату, где жил покойный, тесак, топор, чашку, тарелку с рисом и другие продукты и просят родственников дать ему что-нибудь поесть и больше не плакать. Затем они открывают окно с помощью тесака и выбрасывают через него еду для умершего и его духов-спутников. Родственники возобновляют свою деятельность в комнате. Через

двенадцать месяцев после смерти проводится еще один общий праздник, называемый Гавай Ауту (рис. 306), в честь всех, кто умер с момента проведения предыдущего праздника. На каждую могилу ставят корзины странной формы, в которых находятся предметы обихода каждого умершего, чтобы он мог заработать себе на жизнь в стране ушедших душ, в Сабаяне. На этом траур заканчивается.

Фото: Ч. Хоуз.

Рис. 306. Даяк в праздничном костюме

с трофейными головами в руках на празднике Гавай-Ауту, который проводится каждый год или раз в два года в честь духов умерших, которые, согласно верованиям даяк, окружают головы, висящие в их домах. Таким образом они надеются остаться в милости этих духов и обрести счастье.

У яванцев похороны проходят по мусульманскому обряду. После смерти собираются имамы, то есть священнослужители, читают несколько сур из Корана над умершим, омывают его — в последнее время этим часто занимаются ближайшие родственники — и

заворачивают в саван, который семь-восемь раз обвязывают вокруг всего тела, включая голову. Через двадцать четыре часа покойника несут на бамбуковых носилках, которые прикрывают зонтиком, чтобы защитить его от солнца и дождя, к могиле; впереди идут священники и читают молитвы, за ними следуют друзья и родственники. Как правило, тело, обернутое только в погребальное полотно, хоронят в нише, выдолбленной в боковой части могилы и оббитой досками, прежде чем засыпать могилу землей.

Фото А. В. Ньивенхуис.

Рис. 307. Могила уважаемой женщины из племени кенджа, украшенной многочисленными предметами одежды, в том числе шляпами, среди которых есть и шляпы подруг, которые повесили их в знак особого уважения.

В балийских похоронах сохранились характерные обычаи индуистской религии, а именно: сжигать умершего и высыпать его прах в море; исключение из этого обычая составляют только тела детей и периоды эпидемий, например, оспы. Поскольку кремация сопряжена с большими расходами, тело часто остается непогребенным в течение достаточно длительного времени, в некоторых случаях от пяти до десяти лет, прежде чем его кремируют. Поскольку в последнем случае от него в конце концов ничего не остается, для него сжигают куклу из пальмовых листьев; это происходит и с балийцами, которые умирают вдали от родины. Кремация происходит на пирамидальной конструкции из бамбука и ротанга, называемой сема, после того, как выполнены все религиозные формальности. Если умирает принц или принцесса королевской крови, то женщины первого

и рабы с громкими плачами толпятся вокруг мертвого и настойчиво требуют, чтобы им также было позволено умереть со своим господином или супругом; король принимает решение по этому поводу. Те, кто выбран им для этого, отныне проявляют большую преданность и считаются святыми; поскольку в этих обстоятельствах они не могут больше касаться земли своими босыми ногами, их ноги обертывают белым полотном. Жены покойного ежедневно приносят телу своего мужа пищу, целуют его и орошают своими слезами до дня кремации. Раннее разложение тела предотвращается путем окуривания бензоином. Накануне похорон глубокая скорбь сменяется весельем и танцами вокруг избранных для этого жертв; им предлагают вкусную еду и заставляют пить много крепкого бренди, в то время как жрецы описывают им радости, которые ждут их в другом мире. В день похорон каждого из соумерших по отдельности несут в паланкине к погребальному костру, после того как богам были принесены жертвы. На месте сожжения жертва сначала обходит построенный для нее в виде корыта погребальный костер, забирается в него, обнажает верхнюю часть тела и убивается ножом; после этого к ней бросаются родственники, моют тело и покрывают его до головы деревом, которое затем поджигают. Раньше жены умерших принцев или принцесс не позволяли никому прикасаться к ним, чтобы заколоть их, потому что считали это осквернением; они скорее по собственной воле прыгали в зажженный костер. Под давлением голландского правительства это погребение вдов королевских родственников на Бали почти полностью исчезло.

Фото Ch. Nose.

в котором помещаются десять и более гробов одной семьи.

Батакеры либо хоронят, либо сжигают тела умерших, если речь идет о состоятельных людях; в первом случае в гроб кладут ароматную камфору и отводят образующиеся газы гниения в землю через бамбуковую трубу. Бедных людей просто заворачивают в маты и хоронят. Раньше батакеры славились тем, что ели своих престарелых родителей, когда те уже не могли самостоятельно заботиться о себе, чтобы не быть для них обузой. В сезон, когда созревали апельсины, старик, предназначенный для праздничного жаркого, должен был залезть на дерево, а семья внизу пела припев. «Когда плод созреет, он упадет с дерева». После этого жертва падала на землю, ее забивали и съедали.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 309. Музыканты-негрито.

Их любимый инструмент — небольшой, очищенный от коры ствол дерева, подвешенный горизонтально, по которому женщины ударяют короткими палками в такт, а один или два мужчины аккомпанируют им на медных гонгах. Странно, что они бреют переднюю половину черепа.

Филиппины.

Группа Филиппин, включающая более тысячи островов, расположена к северу от больших островов Зондского архипелага и омывается с запада и севера Южно-Китайским морем, с юга — морем Целебес, а с востока — Тихим океаном. Их коренными жителями считаются негрито, раса людей, которая, по-видимому, является родственной южноафриканской расе карликов и которая при появлении новых пришельцев отступила в горы и в более труднодоступные части архипелага. Первыми захватчиками, нарушившими идиллическую жизнь этих коренных жителей, были индонезийцы, то есть представители индоавстралийской основной расы, с представителями которой мы только что познакомились на островах Малайского архипелага. Наиболее важными племенами в настоящее время являются ибанг, ифугао, игорротен, тингуаны, богобо, тагалы и мандая. Они пришли с юго-восточного побережья Азии и с островов, расположенных к югу от Филиппин. Позже к ним присоединились малайские народы, среди которых были и моро,

или мусульманские малайцы, которые в основном проживают на Палаване и Минданао. В XVI веке на островах высадились испанцы, а вслед за ними прибыли китайцы и японцы, которые еще больше смешали и без того довольно разнородное население. Поэтому сегодня встречаются всевозможные смешанные браки между перечисленными расами, к которым в последнее время присоединились и североамериканцы.

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 310. Бонтокигорротены из Северного Лусона во время танца.

Каждый из них держит в руках ганзу или бронзовый гонг, в который он ударяет палкой. Рукоятка ганзы сделана из человеческой нижней челюсти.

Негрито все еще встречаются на островах Лусон, Таблас, Панай, Минданао и некоторых других, таких как Палаван, где они носят разные имена, такие как аэта, ита, агта, балуга, хиллума, маматура и так далее. Их численность оценивается максимум в десять тысяч человек; к сожалению, они гигантскими шагами мчатся к своей гибели. Как и африканские

пигмеи, негрито небольшого роста (рис. 311), мужчины в среднем достигают 140, а женщины 137 сантиметров. Однако они имеют хорошее телосложение, с правильной формой конечностей, широкой грудной клеткой и хорошо развитой мускулатурой. Цвет их кожи коричнево-черный, как и цвет волос, которые короткие и вьющиеся, но не настолько спиралевидные, как у африканских карликов, а иногда более или менее волнистые или почти пушистые (рис. 312). Очевидно, это указывает на смешанное происхождение, как и неравномерная форма черепа, отступающий лоб и сильно выступающие брови. Нос короткий, вздернутый и плоский, глаза округлой формы. Борода развита слабо.

Фото: Фэй Купер Коул.

Рис. 311. Группа представителей карликовых народов Палавана.

Мужчины обычно одеваются в одежды из коры и такие же головные уборы, которые в особых случаях украшаются цветами в волосах, яркими листьями и ожерельями.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 312. Женщина-негрито.

Негрито — коренные жители Филиппин.

Из журнала «Глобус».

Илл. 313. Ветрозащитный экран аэта (негрито).

Контакт с чуждыми расовыми элементами оказал более или менее сильное влияние не только на физические особенности негрито, но и на их первоначальную культуру. Однако среди них еще проживает достаточно племен, ведущих совершенно примитивный образ жизни, например, аэта в глубине острова Лусон. Они ведут кочевой образ жизни небольшими группами, насчитывающими не более пятидесяти человек; во главе каждой группы стоит старейшина. В качестве жилья им служат простые ветрозащитные навесы (рис. 313) или подобные укрытия, другие племена негрито уже знают примитивные хижины. Наряду с добычей рыбы и плодами леса, основным источником их питания является охота; негрито можно назвать настоящими страстными охотниками, которые с большой ловкостью и превосходной проницательностью занимаются этим ремеслом. Хотя их окружение не позволяет иметь большой выбор дичи, у них никогда не бывает недостатка в еде, так как олени, кабаны, белки и различные птицы встречаются в изобилии. На крупных млекопитающих иногда охотятся с помощью ловушек, но в остальных случаях обычно используют собак. Даже женщины племени замбала с энтузиазмом участвуют в охоте, особенно когда не хватает собак, и с громкими криками бродят по подлеску, чтобы выгнать дичь. Использование лука и стрел является прерогативой мужчин; это основное оружие, известное негрито; кроме того, они используют копья, а батаки из Палавана — духовые трубки. Добыча приносится в деревню, где ее разделявают и распределяют; при этом сохраняется старый обычай, согласно которому мужчина, первым ранивший животное, получает его голову и грудь, а тот, чья собака первая выгнала дичь, — заднюю часть туши и

так далее. Однако перед распределением добычи совершается жертвоприношение духам: вождь разрезает часть сердца или внутренностей убитого животного на мелкие кусочки и разбрасывает их вокруг, произнося молитву в виде монотонного песнопения, содержание которого примерно таково: «Духи, мы благодарим вас за эту удачную охоту. Вот ваша доля добычи». — Отдельные племена также занимаются примитивным земледелием в виде простого выращивания риса и сладкого картофеля; почва в джунглях обрабатывается путем выжигания. Огонь получают еще совсем примитивным способом, путем трения. Интересное отклонение от нормы встречается у батаков острова Палаван; здесь полоска ротанга быстро тянется вверх и вниз между куском коры и расколотым куском дерева, пока ткань не загорается. В качестве кухонных принадлежностей используются бамбуковые трубки, в качестве тарелок — банановые листья; однако встречаются и уже введенные в обиход глиняные и даже железные сосуды.

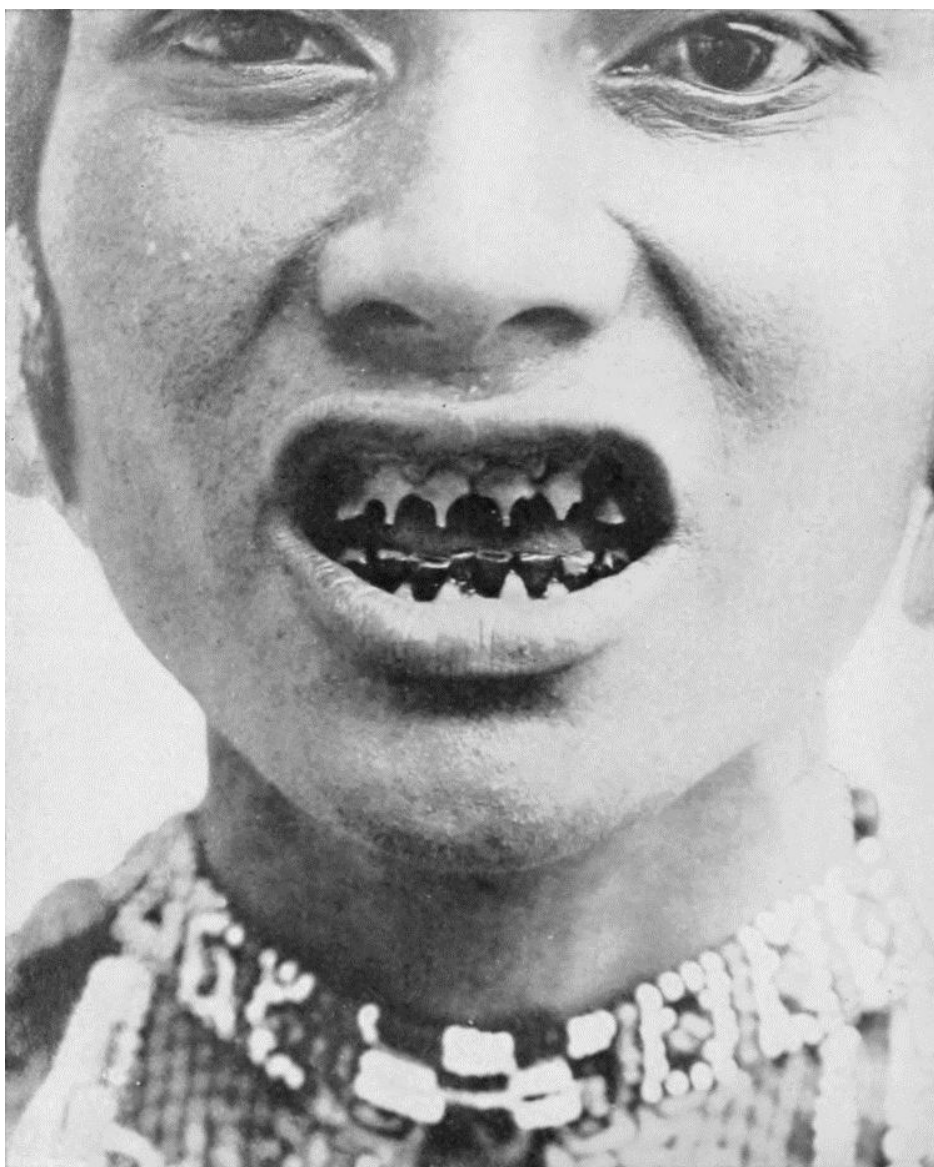

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 314. Женщина-богобо из острова Минданао
с заостренными и почерневшими зубами.

Одежда негрито состоит только из узкого куска коры дерева или, в некоторых случаях, из импортных тканей, которые завязываются в виде пояса. Иногда носят украшения в виде ожерелий из семян, жемчуга, гребней с разноцветными перьями, цветов, колец и браслетов

из металла; последние уже являются импортными товарами. У некоторых племен встречаются татуировки, а также обточивание зубов (рис. 314) и прокалывание мочек ушей, чтобы продевать в отверстия всевозможные предметы.

Фото. Бюро науки, Манила.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 316.

Рис. 315 и 316. Игорроты и илонготы во время танца,

который состоит из движений по кругу под аккомпанемент бронзовых гонгов и ведется мужчиной. Шаги при этом меняются, а движения часто носят драматический характер.

Негрито проявляют большую любовь к музыке и танцам, которую, кстати, они разделяют со всеми пигмеями. Их музыкальные инструменты очень примитивны: это флейты и скрипки из бамбука, а также грубо скроенные гитары, а в некоторых местах также гонги, которые, вероятно, пришли от малайцев. Популярным музыкальным инструментом является ствол дерева, подвешенный между двумя бамбуковыми каркасами и удерживаемый в подвешенном состоянии (рис. 309). Женщины выстраиваются в ряд и обрабатывают его короткими палками в ритмичном барабанном бою, в то время как один или два мужчины бьют в гонг для аккомпанемента. Танцы являются главным развлечением для негрито и дают им возможность дать волю своему бурному настроению. Помимо танцев с шагами, они также знают мимические танцы, в которых они драматично изображают, среди прочего, сбор урожая, сбор меда или эпизоды, связанные с войной и любовью. Нравственные взгляды негрито, как правило, довольно высоки, о чем свидетельствуют многие рассказы о них. Любовь родителей к своим детям трогательна, а дети, в свою очередь, относятся к родителям с большим уважением. В целом негрито можно считать миролюбивыми, правдивыми и честными людьми. Убийства среди них, по-видимому, являются крайне редким явлением и происходят только в случае самообороны или кровной мести. Случайные отклонения от этой относительно высокой морали можно объяснить только неблагоприятным влиянием посторонних. Наблюдения о религии негрито скудны. Мы знаем, что они верят в духов умерших, которые, по их мнению, одухотворяют каждое место, и приписывают им все несчастья. Когда у них все получается, они мало заботятся о духах. Внешние формы религии неизвестны, за исключением уже упомянутых жертвоприношений, которые приносят после успешной охоты. Болезни считаются

наказанием, которое духи налагают за проступок. В несерьезных случаях знахари пытаются вылечить больного, изгнав духа. Этот подход может быть рискованным для них, если он не приносит успеха и они привлекаются к ответственности за это. Негрито также знакомы магические средства для лечения болезней или для того, чтобы расположить к себе женщин. Они, по-видимому, не знают магии дождя и погоды, за исключением того, что сжигают кости диких животных, чтобы ослабить сильные грозы. Они также верят в определенные предзнаменования.

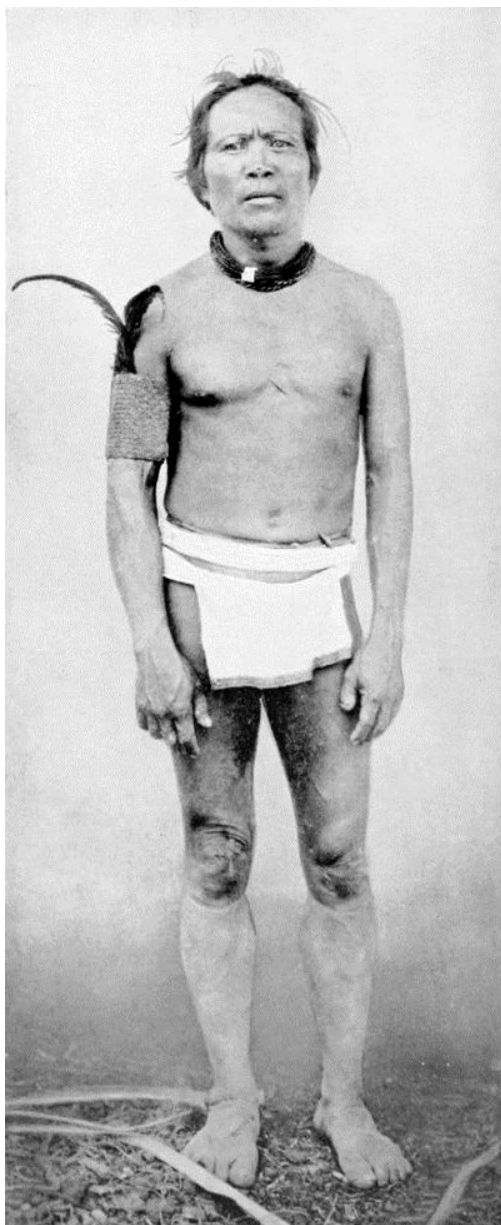

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 317. Мангьян из Булалакао (Миндоро)

в поисках невесты.

О социальной жизни негрито известно очень мало. Чтобы уберечь беременную женщину от злых сил (), здесь также применяют защитные меры. Особенно боятся демона Патианака, который стремится убить мать и ребенка, когда первая находится в тяжелых родах. Тогда мужчина тщательно закрывает хижину, разжигает большой костер, снимает свою скудную одежду и машет кампиланом, пока его жена не родит. — Ни рождение ребенка, ни присвоение ему имени не являются поводом для особого праздника. В большинстве случаев

новорожденному дают имя, которое обычно выбирают не родители, а старейшины общины, и которое чаще всего связано с каким-либо бросающимся в глаза предметом, находящимся поблизости от места рождения, или с каким-либо событием или свойством, сразу же в день его рождения. Дается только одно имя, и не делается различия между мужскими и женскими именами. Если ребенок становится болезненным, то его имя меняют, потому что считается, что дух, обитающий в том месте (), где ребенок появился на свет, недоволен его именем. Если не предпринять эту попытку примирить духа, то ребенок может умереть.

Фото. Бюро науки, Манила.

Рис. 318. Женщина из племени калинга, одного из племен игорротов,
в праздничном наряде.

Браки обычно заключаются родителями, но девушкам также предоставляется определенная свобода в выборе своего будущего супруга. Существует также обычай обмениваться невестами между семьями; брат и сестра из одной семьи женятся на сестре и брате из другой, что позволяет снизить расходы на свадьбу. Иногда дети обручаются друг с другом. Зять дарит отцу невесты небольшой подарок; однако о фактической покупке говорить не приходится, тем более что он дает дочери в приданое ряд вещей, которые, однако, остаются его собственностью. Собственно свадебной церемонии, по крайней мере в

большом стиле, у негрито нет, но обычно устраивается праздничное застолье с последующими танцами (рис. 315 и 316). В некоторых районах мужчина и женщина, желающие вступить в брак, садятся в круг своих родственников и кормят друг друга из общей миски; кроме того, если зрители одобряют этот поступок, они выполняют еще какую-нибудь совместную работу, чтобы показать, что в будущем браке они будут работать вместе. Следующие несколько дней молодожены проводят в доме родителей невесты, после чего возвращаются в свой собственный дом. Их возвращение отмечается дополнительными подарками невесте, танцами и пиром, в зависимости от средств молодого мужа. Эти средства также определяют количество жен, которых он может иметь. — К целомудрию до брака относятся очень строго, и нарушение этого правила обеими сторонами наказывается самым суровым образом, вплоть до смертной казни. Если мужчина делает девушку беременной, он подвергается суровому наказанию, даже если женится на ней. Прелюбодеяние встречается крайне редко и обычно также наказывается смертной казнью, богатые люди могут быть оштрафованы. Развод, однако, встречается часто; если муж и жена и их семьи согласны на это, имущество делится поровну между обеими сторонами, а детей получает жена.

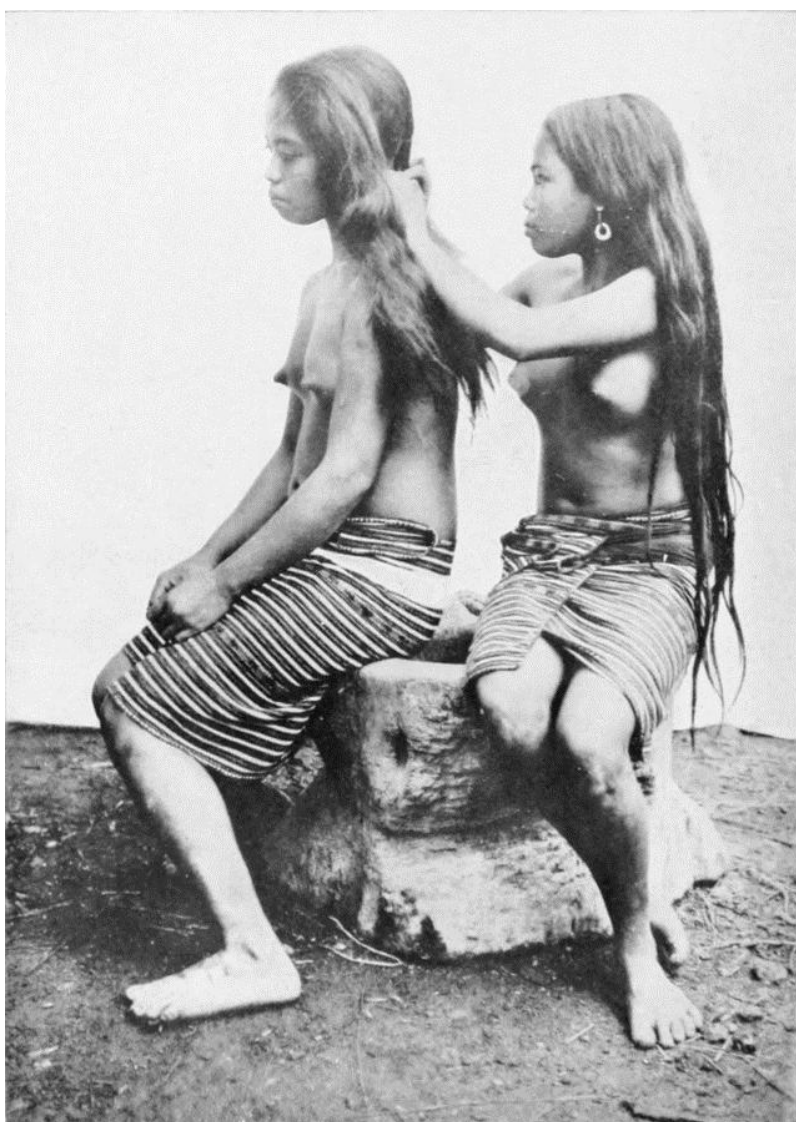

Фото. Бюро науки, Манила.

Илл. 319. Женщины ифугао заплетают волосы.

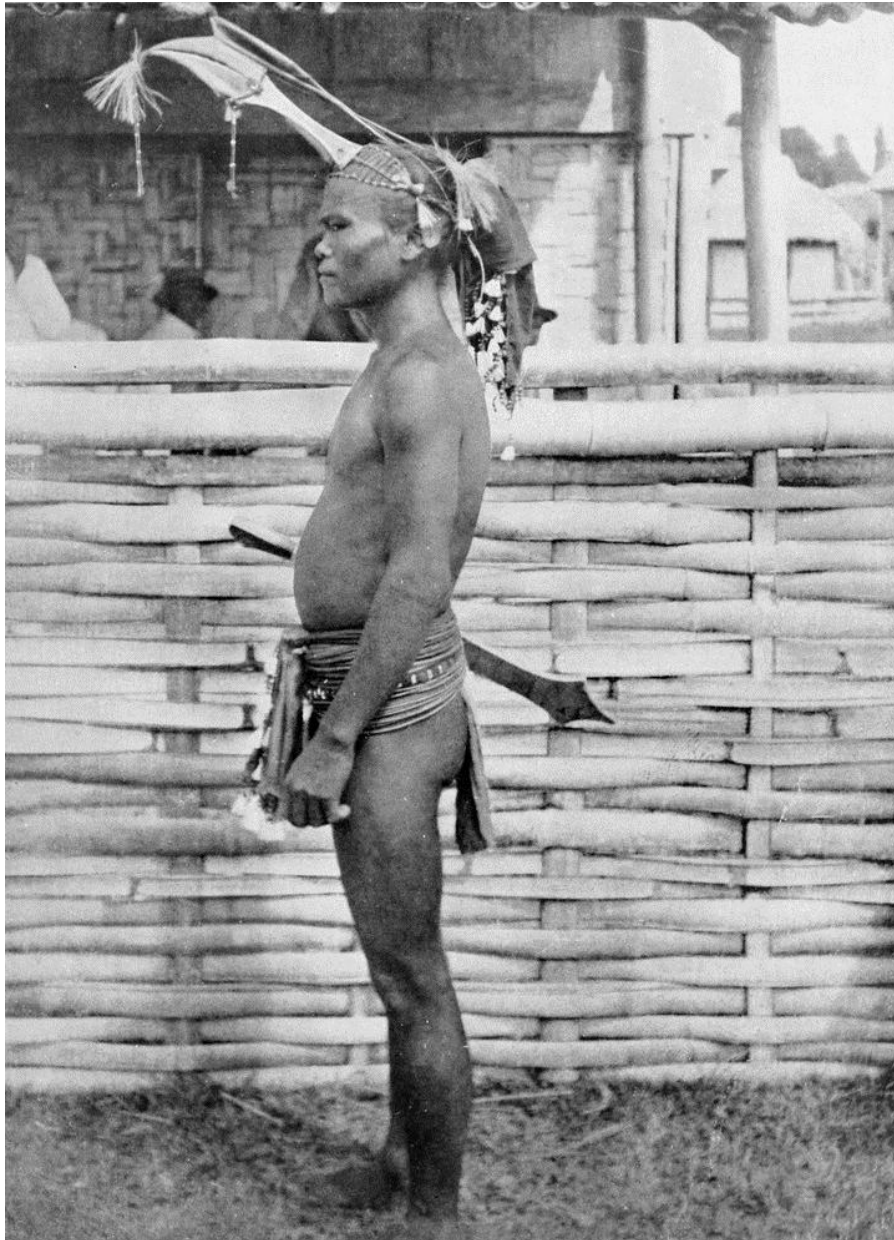

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 320. Воины илонго из Северного Лусона
с характерным головным убором и красиво обработанным и украшенным мечом.

Помимо негрито, на Филиппинах проживают также малайские, или, точнее, индонезийские народы ([рис. 310](#) и [317](#)), которые, как мы уже слышали, частично смешались с ними, частично с иммигрировавшими китайцами и японцами. Теперь мы рассмотрим наиболее важные из них. На Лусоне, самом большом острове архипелага, проживают игорроты ([рис. 315](#), [316](#) и [321](#)), тингуаны, илонготы ([рис. 320](#)), калинга ([рис. 318](#) и [323](#)) и ифугао ([рис. 319](#)). Илонготы имеют много крови негрито, а калинга — много крови китайцев и японцев. В целом эти народы — красивые люди среднего роста с кожей от красноватого до темно-оливково-коричневого цвета. Их волосы длинные и жесткие. Отдельные племена, например, игорроты и тингуаны, носят длинные волосы и завязывают их на макушке в узел ([рис. 321](#)), вплетают в них ленты или жемчужные нитки и собирают волосы на лбу в небольшую сетку, другие, например ифугао, бреют голову по всему периметру и оставляют только косу на макушке.

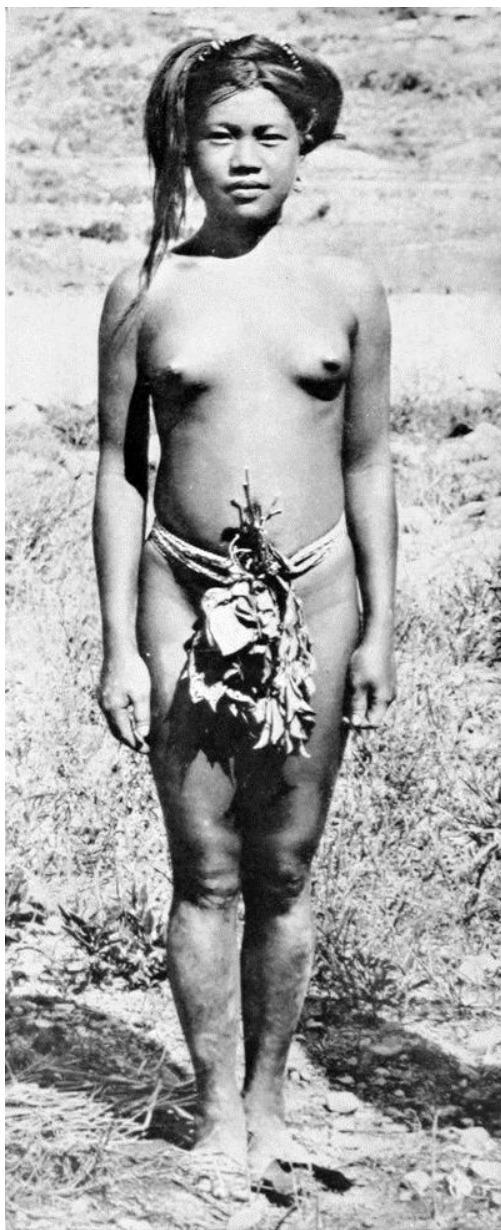

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 321. Женщина из племени бонтоки-игорот.

Их главным украшением является красивая прическа, украшенная жемчужной нитью.

Одежда этих людей обычно состоит из брюк для мужчин (рис. 322), короткой юбки для женщин, достигающей от бедер до колен, а также приталенной куртки для обоих полов (рис. 324). Все они практикуют татуировку (рис. 323), особое внимание к ней уделяют игорроты и ифугао; наиболее распространенные у них узоры состоят из прямых и изогнутых линий. Женщины в целом любят украшения в виде сережек, ожерелий, заколок и колец (рис. 324 и 325). У тингуанов важной частью украшений являются жемчужные нитки, которыми они украшают не только волосы и шею, но и руки (рис. 326). На руки они надевают одну нитку за другой, так что в конце концов цепочки доходят от запястья до локтя, а если позволяет благосостояние их владельца, то даже до плеча. В знак знатности считается необходимым затягивать нитки вокруг запястья так сильно, чтобы они вызывали отек сустава, но из тщеславия люди охотно подвергают себя этому неудобству. — Знатные ифугао позволяют себе в качестве места отдыха скамейку, вырезанную из дерева, похожую на наши шезлонги (рис. 327).

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 322. Манобоман с острова Минданао стреляет из лука.

Он одет в короткие брюки и короткую куртку.

Индонезийцы Лусона — все оседлые земледельцы, но при этом по-прежнему охотники за головами, или, по крайней мере, были таковыми до недавнего времени, поскольку американское правительство, естественно, всеми силами пытается положить конец этому злу. Иггорроты живут в северной части Лусона в постоянных деревнях, население которых составляет от трех до четырех тысяч человек. В центре каждой деревни находится здание общинного суда (рис. 328), в котором вождь вместе со старейшинами разрешает споры и решает другие общинные дела. Эти дома также служат тем же целям, что и дома для холостяков в Океании: в них живут и спят неженатые, в них принимают и размещают гостей, а также хранят военные трофеи. Доступ в эти дома запрещен женщинам; незамужние девушки также спят в специальных хижинах. Тингуаны живут на суровых горных склонах северо-западного Лусона. Они умело сумели приспособить землю для сельскохозяйственных целей, несмотря на неблагоприятные условия местности. Чтобы получить пахотные земли, они возводят каменную стену на горных склонах, вырубая за ней каменный грунт и засыпают его, пока не создадут террасу; за ней они возводят вторую каменную стену, которую снова засыпают, и продолжают так, пока, наконец, терраса за террасой не поднимается вверх по склону. Для орошения этих террасных полей воду из горного ручья

направляют на самую верхнюю террасу, а когда эта терраса достаточно полита, направляют ее на следующую ниже и так далее. Иногда необходимо возводить длинные дамбы и между ними, как в водопроводе, транспортировать горный поток на большие расстояния до того места, где его можно использовать. Постоянное состояние войны, в котором тингуаны живут со своими соседями, поскольку они являются заядлыми охотниками за головами, вынудило их уйти в укрепленные поселения. Их государственный строй является олигархическим; во главе общины стоит не вождь, а несколько пожилых мужчин, которые управляют делами. В охоте за головами, которая была обычным явлением до недавнего времени, воины сначала наступали с копьями, но в рукопашной схватке полагались на свои щиты, топоры и охотничьи ножи. Щитом, снабженным тремя перекладинами по верхнему краю (рис. 329), они пытались зажать противника между ног, чтобы сбить его с ног, а затем наносили ему удар топором по голове, чтобы вывести его из строя. Затем вступал в действие нижний край щита. Шея жертвы зажималась между двумя перекладинами, как в вилке, а затем голова отделялась от туловища. Когда победители возвращались домой со своими трофеями (рис. 331), устраивалось большое празднование, которое, как обычно, сопровождалось танцами, песнями и распитием спиртных напитков. О особой любви филиппинцев к танцам и музыке мы уже упоминали выше. Среди обычных музыкальных инструментов встречается также носовая флейта (рис. 330), на которой играют плачущую мелодию, тихо дуя в нее одной ноздрей, а другую зажимая, чтобы не тратить силу. По окончании военного танца захваченные головы разбиваются на мелкие кусочки, и один из них в качестве памятного сувенира о доблести победителей вручается каждому гостю, который уносит его с собой домой (). У других племен, например у ифуаго, черепа, принесенные домой охотниками за головами, хранятся в домах (рис. 332).

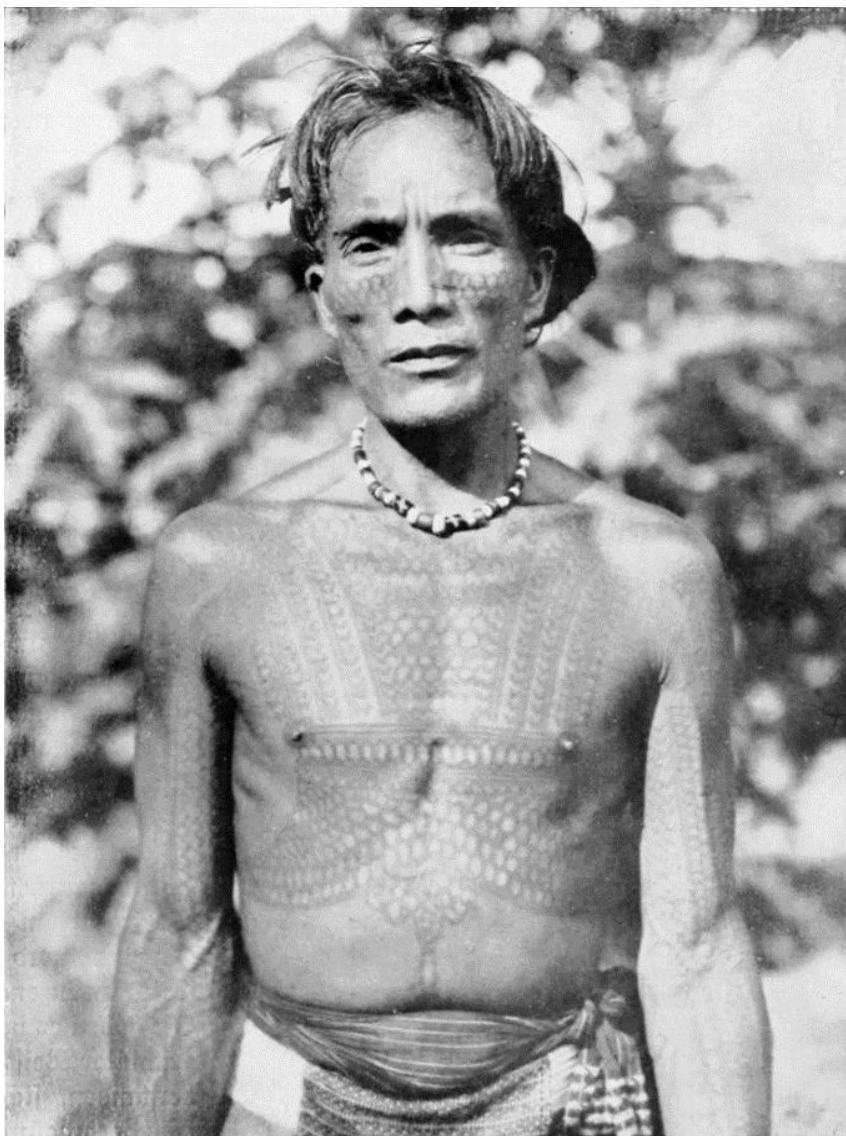

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 323. Калингаман с татуировкой,
которая очень распространена в этом племени и применяется то в качестве украшения, то в качестве награды, то в
медицинских целях.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 324. Женщина мангиан из Миндоро, из племени, проживающего в глубине острова, которое, вероятно, имеет африканские корни. Между губами она держит кусочек табака, чтобы почернить им зубы.

Тингуаны демонстрируют большое мастерство в изготовлении кованых изделий, при этом используемые ими инструменты весьма примитивны. Два выдолбленных деревянных бруска или ствола пальм, в которых движутся вверх и вниз штампы с пучком перьев, достаточно заполняющим полость, образуют мехи. Нижний конец каждого деревянного цилиндра продолжается бамбуковой палкой, соединенной с ним глиняной массой, и проходит горизонтально до плавильной печи вместе с бамбуковой палкой другого цилиндра. Когда штамп опускается вниз, он выталкивает воздух, находящийся в цилиндре, к плавленному материалу, а когда он снова поднимается, пружины сжимаются и пропускают воздух сверху, и так далее. Раскаленное железо сваривается на простых больших камнях, служащих наковальней, с помощью тяжелых каменных молотков, а затем обрабатывается с помощью небольших металлических молотков. Когда изделие, выкованное таким образом, готово, его закаляют путем повторного нагрева, а затем окунают в холодную воду. Слава о кузнечных изделиях тингуанов распространилась на все соседние племена и способствовала тому, что их копья и топоры продаются не только на Лусоне, но и за его пределами, по всему архипелагу.

Религия народов Лусона основана на анимизме и культе предков. Игорроты верят не только в ряд божеств, которые связаны с ними через духи предков, но и в высшее существо. Этим богам пытаются умиловить жертвоприношениями; духи представлены грубо вырезанными кусками дерева. Рядом с каждой деревней находится священное дерево, в котором, как полагают, обитают духи предков; перед жилым домом на небольших скамейках кладут для них рис и другие продукты (рис. 333). Тингуаны верят, что с помощью определенных медиумов они могут общаться с духами, которых у них целая толпа; духи вселяются в этих медиумов и сами объявляют через их уста, что нужно делать. Для этой цели посредник отправляется в рощу, расположенную недалеко от деревни, и приносит там жертву пинаину на алтаре. Это камни странной формы (рис. 337); в них видят место пребывания духов, защищающих деревню; их головы смазывают маслом, шею обвязывают полосками коры, а перед ними еще выливают кровь принесенной в жертву свиньи вместе с рисом. Перед тем как убить животное, его кладут на землю, на него кладут бетель и известь (рис. 334), затем медиум смазывает его смазанными маслом пальцами, призывая богов обратить внимание на предстоящую жертву (рис. 336). Когда можно предположить, что духи вдоволь насладились принесенным в жертву животным, свинья готовится для участников и съедается. Конечно, после этого снова начинаются танцы. Вера в силу и интерес духовного мира настолько глубоко укоренилась в народе, что каждое событие обычной жизни сопровождается проявлениями этих представлений.

Фото. Бюро науки, Манила.

Илл. 325. Головной убор калинга.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 326. Жертвоприношение духам в доме тингуанов.

Обратите внимание на переплетенные между собой жемчужные нитки на руке человека, приносящего жертву.

Все племена игорротов отличаются высоким уровнем морали. Целомудрие девушек тщательно охраняется; чтобы не подвергаться искушениям, незамужние девушки должны ночевать в специально предназначенных для этого спальнях домах () (рис. 338). Ошибка наказывается тяжелыми телесными наказаниями и даже смертью. В одном из племен соблазнитель обязан жениться на девушке или в качестве наказания подарить ей новое платье и беременную свинью; он также должен содержать ребенка, зачатого в результате любовной интриги. Как только два влюбленных получают согласие своих родителей, они должны вступить в своего рода пробный брак. Устраивается большое торжество, во время которого двое заключаются в хижине и остаются там в течение четырех-пяти дней до окончания праздника; им подают еду. По истечении этого срока каждая сторона может отказаться от брака, но тогда она должна выплатить штраф своему партнеру. Если молодой человек отказывается, он должен подарить девушке ряд предметов и покрыть немалые расходы на праздник, если же отказывается девушка, то расходы на праздник ложатся на нее. Но если девушка забеременеет, мужчина должен жениться на ней. В некоторых племенах игорротов мужчина может покинуть свою жену через шесть месяцев после свадьбы, если она не забеременела в течение этого времени. Но если это произошло, он навсегда связан с ней и может быть убит, если в одностороннем порядке расторгнет брак. О родовых обычаях игорротов мало что известно. Если ребенок рождается с обмотанной пуповиной, его сразу же хоронят, потому что боятся, что он позже может покушаться на жизнь своих родителей. Близнецы также считаются несчастными и избавляются от них, если только не удастся найти соседа, который их усыновит; в этом случае не следует опасаться никаких плохих последствий.

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 327. Ифугао на своей грубо вырезанной из дерева скамейке, которую могут позволить себе только люди высокого положения.

У тингуанов родители заключают браки даже для совсем маленьких детей; за девочку платят покупную цену. Но только с наступлением половой зрелости оба супруга начинают жить вместе. Когда приближается время заключения брака, жених дарит своим тестям и теще ценный кувшин и с этого момента не имеет права называть их по имени. Родители девушки готовят миску риса и наполняют водой скорлупу кокосового ореха; они ставят обе вещи на землю между парой (рис. 339). Девушка берет горсть риса, сжимает зерна в комок и бросает его между бамбуковыми прутьями пола в качестве жертвы духам. Юноша также сжимает рисовый комок и бросает его вверх. Если он разваливается после падения или начинает катиться, это считается дурным предзнаменованием, означающим, что пара изменит друг другу или что их дети умрут; но если он остается лежать на том месте, где упал, будущее молодоженов будет благоприятным. Они пьют холодную воду из скорлупы кокоса, и сама церемония бракосочетания заканчивается. — Ифугао из северного Лусона (рис. 340) отмечают свадьбу более торжественно.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 328. Суд игорротов.

Эти здания, в которые женщинам вход запрещен, служат также местом пребывания мужчин и спальней для юношей.

Фото: Фэй Купер Коул.

Рис. 329. Воин из племени тингуанов.

Желание добыть головы часто побуждает молодых людей нападать на чужие поселения. Нападение осуществляется с помощью копья, но в бою в плотных рядах используются топоры, боевые ножи и щиты.

Похороны в деревне тингуанов — это большое событие. Покойника одевают в его лучшие одежды и усаживают, прислонив к стене комнаты (рис. 341); вокруг него и над ним складывают одеяла и другие ценные подарки, духи которых должны сопровождать его душу к предкам в Маглаву, будущий дом. Во время похорон, которые обычно длятся три дня, вдова должна оставаться под белым одеялом и днем и ночью охраняется плакальщиками вместе с телом умершего, чтобы злобные духи не могли навредить умершему и привести к смерти оставшихся в живых. На утро третьего дня все друзья и родственники собираются в доме умершего, после чего каждый мужчина-гость получает около ста пятидесяти ударов, «чтобы все они были так же опечалены, как и семья умершего» (рис. 344). С наступлением ночи старая женщина садится перед трупом, закрывает лицо руками и начинает громко

плакать и просить дух умершего войти в ее тело. То, что это желание исполнено, проявляется в том, что она ведет себя как одержимая и падает в обморок. Ее оставляют в таком состоянии на мгновение, затем приносят огонь и воду и таким образом прогоняют дух; но прежде одержимая сообщает присутствующим последнюю волю умершего. Покойник хоронится в склепе под домом, где уже покоятся один или несколько его предков; на семью еще много дней налагаются различные строгие табу, а могила постоянно охраняется, чтобы к ней не приближались враждебные духи.

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 330. Тингуан, играющий на носовой флейте.

Этот музыкальный инструмент, очень популярный у этого племени, играют, дуя в него через ноздрю.

На острове Минданао основными племенами являются субануны на западном полуострове острова и богобо на склонах горы Апо. Одежда этих людей обычна для филиппинцев; особенно живописным считается костюм племен богобо. Мужчины собирают волосы в платки (рис. 343), концы которых они украшают жемчугом и кисточками (); часто они носят поверх облегающей рубашки искусно украшенную жемчугом или вышитую юбку, открытую спереди. Нижняя часть брюк также украшена жемчужной или вышитой полосой. Вместо карманов каждый мужчина носит на спине искусно украшенный жемчугом пеньковый мешок, отороченный кисточками и колокольчиками (собственного

производства туземцев). Одежда женщин багобо не менее художественна. Куртка, доходящая до юбки и плотно прилегающая к шее, полностью закрывая верхнюю часть тела, также вышита на плечах и рукавах, на шее и талии, часто украшена сложными узорами из ракушек или жемчуга. Мужчины и женщины также носят на шее жемчужные ожерелья, которые часто свободно свисают до груди, а также колокольчики и браслеты. Женщины также любят украшать руки латунными и ракушечными украшениями, а ноги и лодыжки — браслетами с бубенцами и колокольчиками.

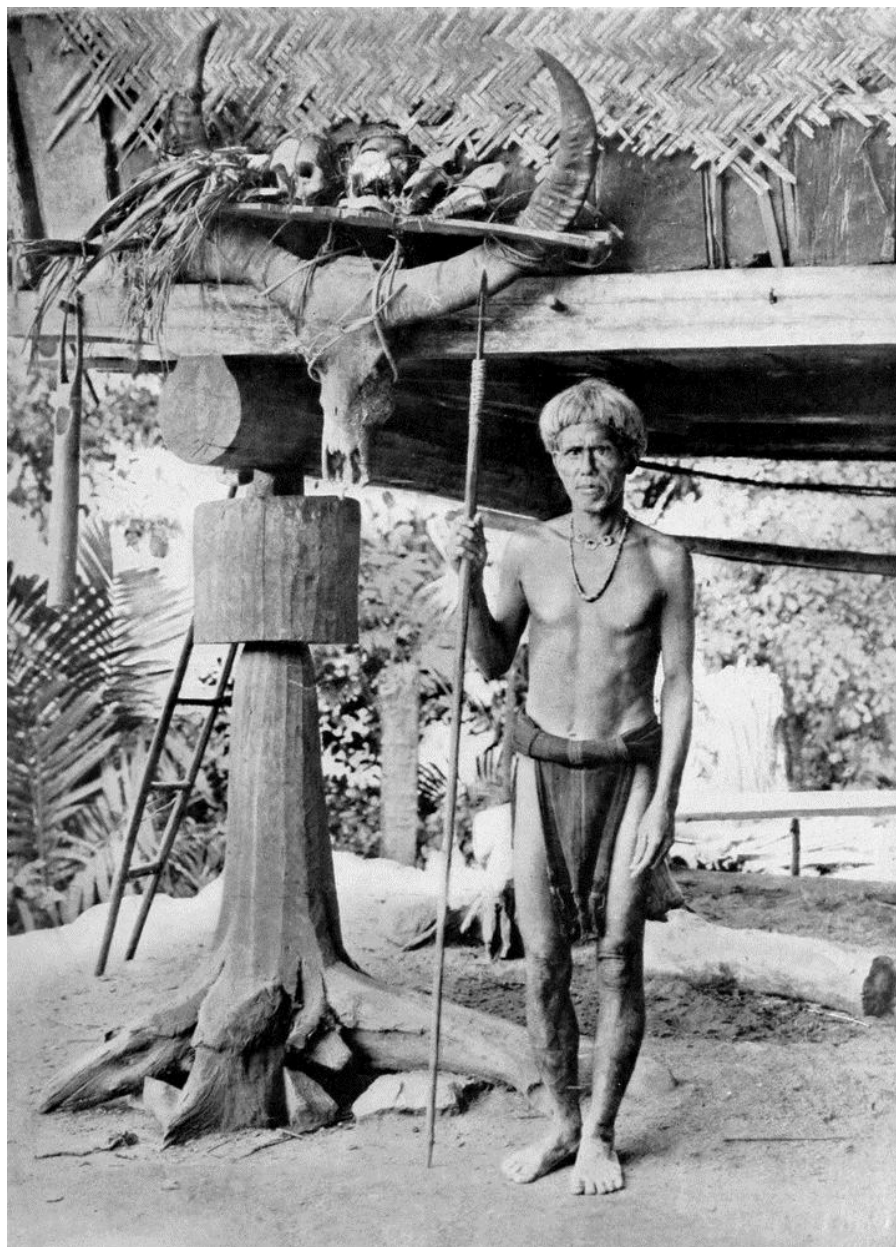

Фото. Бюро науки, Манила.

Рис. 331. Воины ифугао с трофейными черепами.

Багобо (рис. 347) номинально подчиняются правителю, но подчиненные вожди не всегда признают его власть. Помимо них (называемых дату), которые должны вершить правосудие и следить за тем, чтобы нарушители закона были наказаны, определенной властью обладают также жрицы. В основном это женщины среднего возраста, которые, помимо прочего, обладают большим мастерством в искусстве ткачества и чувствуют призвание

духов стать «мабалиан»; они также разбираются в медицине и ухаживают за больными. В качестве награды они могут носить особый костюм, который не разрешается носить другим женщинам, иначе они будут наказаны духами. Обязанностью этих жриц является проведение церемоний, которые постоянно устраиваются для умиловления духов, и принесение им особых жертвоприношений. Они также помогают при родах. Когда рождается ребенок, жрица натирает его глаза и глаза зрителей особым видом земли, чтобы они не ослепли, и получает за это денежное вознаграждение.

Фото. Бюро науки, Манила.

Илл. 332. Украшенные черепа-трофеи в доме ифугао.

Если кто-то из их племени погиб в бою и лишился головы, ифугао торжественно хоронят обезглавленное тело при большом скоплении народа, а в последующие дни проводят церемонию мести.

У субанунов (рис. 345) оба родителя перед рождением ожидаемого ребенка подвергаются ряду ограничений, касающихся как питания, так и занятий. Супруг не должен ходить иначе, как спокойно и согнувшись, возможно, из страха привлечь к себе внимание злых духов. Он не должен привязывать стропила своего дома, как и другие предметы, потому что в противном случае это может привести к осложнениям при родах и многому другому. Роды редко происходят в собственном доме, скорее для матери незадолго до родов в стороне от дома строят небольшую хижину, в которой вешают всевозможные магические средства. Причина такого отделения, возможно, заключается в страхе, что женщина может умереть во время родов в доме. После родов молодая мать должна оставаться в хижине еще несколько дней, подвергаясь воздействию жара большого костра, что является довольно неприятной процедурой, которая, вероятно, проводится для обезвоживания и обычно оставляет большие ожоги. Мальчики и девочки племени субанун в течение многих лет ходят полностью обнаженными, они только обвешаны магическими средствами для защиты от злых духов. Им дают имя только тогда, когда им исполняется четыре или пять лет. Для

мальчиков и девочек нет отдельных спален, как у других филиппинских племен; они спят вместе с родителями.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 333. Алтари тингуанов для культа духов,
на которых приносят жертвы и перед которыми танцуют.

С браком у субанунов не связано никаких примечательных особых обычаев; самое важное в этом случае — символическое взаимное кормление рисом пары из общей миски, для чего священник призывает благословение духов. Родители договариваются о необходимом в отношении выкупа невесты. К тестям и свекрам относятся с большим уважением; молодой муж не обращается к отцу и матери своей жены по имени, жена проявляет такую же вежливость по отношению к родителям своего мужа. Полигамия, которая, по-видимому, разрешена, редко практикуется, потому что это роскошь, которую могут позволить себе только богатые. Поскольку брак у субанунов основан скорее на разуме, чем на чувствах, он длится долго и не омрачается неверностью. Эта уверенность усиливается осознанием того, что сторона, стремящаяся расторгнуть брак, должна выплатить компенсацию или лишится части своего имущества.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 334. Тингуанец смазывает свинью маслом для жертвоприношения.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 335. Ифугао танцуют вокруг изображения.

При этом руки поочередно выбрасываются вперед и назад.

Богбо вступают в брак в относительно более позднем возрасте, чем в других частях Филиппин; вступающие в брак иногда уже достигают двадцатилетнего возраста. Родители обычно договариваются о браке, который затем официально подтверждается на собрании друзей и родственников, где двух человек представляют два вождя общины. Отец девушки всегда делает ответный подарок, который составляет примерно половину свадебного подарка со стороны жениха, чтобы не было сказано, что он продал свою дочь. Однако свадьба пока еще не состоится, а молодой человек должен сначала проработать год на своего будущего тестя. Свадебная церемония такая же, как и в других местах: жених и невеста кормят друг друга рисом из общей миски, а жрица приносит жертву духам. Молодожены переезжают в свой собственный дом, но муж еще в течение многих лет должен выполнять определенные обязанности по отношению к семье своей жены.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 336. Тингуан во время подготовки к жертвоприношению.

Медиум привлекает внимание духов к приносимой им жертве, после чего дает им немного времени, чтобы они могли принять участие в церемонии, а затем приступает к приготовлению животных для еды.

Религия богобо — это культ духов; для них в домах созданы специальные помещения, чтобы они могли постоянно присутствовать и помогать людям во всех их делах. Духов очень много; они оказывают особую защиту определенным людям, например, один дух заботится о воинах, другой — о ткачах, третий — о латунщиках и так далее. Духу, которому принадлежит все съедобное и который следит за полями и урожаем, сооружают отдельный храм посреди рисового поля; после сбора урожая в его честь устраивают большое торжество. Один дух выполняет роль главы всех духов (); именно он создал мир и всегда первым получает жертву, как только проводится какая-либо церемония. Другие духи также подчиняются ему. Интересно суеверие, согласно которому, когда дети из двух семей вступают в брак, особые защитные духи каждой стороны сливаются друг с другом и отныне становятся одним духом, который защищает пару. Духи, защищающие воинов, наделены

особой силой и могут обращаться к ним только такие воины, как , которые уже убили одного или нескольких человек; к числу таких избранных относится и мужчина, убивший поклонника неверной жены. Эти воины имеют право носить особую одежду, а если они убили нескольких человек на войне, то могут добавить к ней еще одно украшение. Иногда духам-покровителям воинов приносят в жертву человека, который является рабом или пленником; рабство является признанным институтом богобо, и потребность в рабах часто приводит к набегам на соседние племена. В этом жертвоприношении может участвовать каждый, кто в течение года был поражен несчастьем, или каждая семья, в которой произошла смерть; однако предварительным условием является то, что дату оплачивает жертву или предоставляет свою собственную. Выбранный для жертвоприношения раб привязывается к дереву со связанными над головой руками, и над ним произносится молитва. Затем копье с очень длинным древком направляется на его левую грудь, и все, кто участвовал в покупке раба, принимают участие в жертвоприношении, держа древко или прикасаясь к нему. По определенному сигналу копье пронзает сердце. Затем тело получает еще несколько колющих ран и хоронится. Затем следует церемония, во время которой два увенчанных венками шеста поднимаются высоко вверх, чтобы отметить событие, воины сильно пьянеют, хвастаются своими подвигами и так далее.

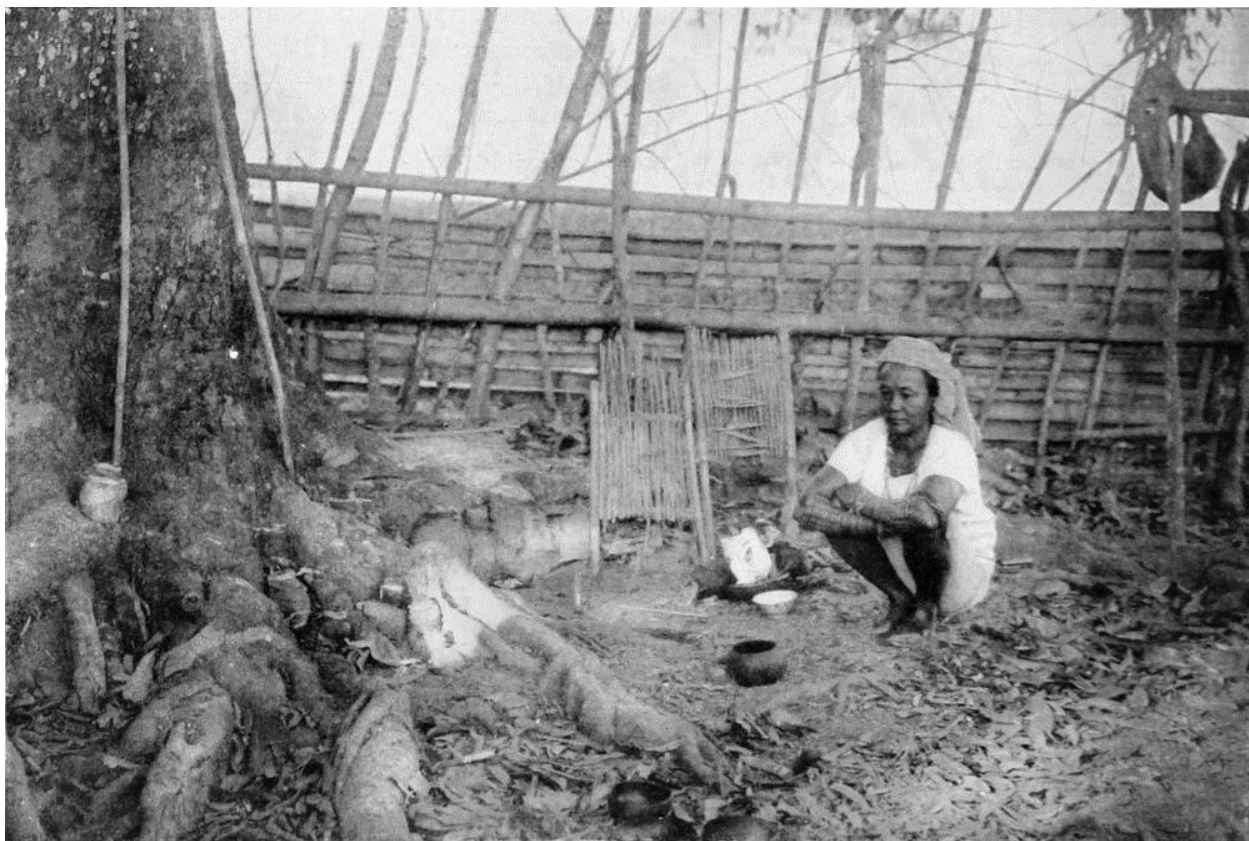

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 337. Тингуанец приносит жертву каменным стражам.

Эти камни, в которые переселяются боги-хранители, перед началом определенных церемоний обвязывают полосками коры и натирают маслом, а затем перед ними разбрасывают рис, смешанный со свиной кровью.

Если богбо заболевает, его переносят в дом другого человека, чтобы злые духи дома потеряли его из виду, а добрые духи другого дома позаботились о его ; но как только появляется ощущение приближающейся смерти, больного возвращают в его собственный

дом, чтобы его смерть не привлекла внимание злых духов к дому друга. Если человек все же умирает в доме другого человека, его семья должна заплатить штраф за несчастье, которое его смерть, несомненно, принесет этому дому. — Существует класс духов, которые, как полагают, пожирают тени умерших и обладают силой причинять вред живым; их иногда считают равнозначными духам умерших.

Субануны также знают множество духов, в том числе духов моря, земли, лесов, рек и защитников больных. Их религия основана на ряде откровений, которые время от времени получают знахари. Их деятельность заключается в провозглашении оракулов или высказываний духов, с которыми они умеют разговаривать, в принесении им жертв и молитвах, а также в исцелении болезней. Более значимые из них пользуются большим почетом. Шаманов не хоронят, а выставляют под защитными навесами, поскольку считается, что они возвращаются на землю.

Фото. Бюро науки, Манила.

Рис. 338. Женский спальня домик у племени бонтоки-игро.

Девушки спят в этих хижинах, которые настолько низкие, что человек едва может в них стоять, и имеют вход высотой чуть менее трех четвертей метра, в течение примерно двух лет до своей свадьбы.

Для духов возводятся грубые алтари, на которых приносят в жертву рис, кур, яйца, бетель, табак и рисовое пиво в кувшинах; также на воду пускают маленькие лодки, загруженные жертвоприношениями, вероятно, в надежде, что они унесут с собой злые влияния. Большое значение придается также предзнаменованиям; на основании таких предсказаний иногда помолвка расторгается или отменяется поездка, в других случаях план просто откладывается. Многие церемонии служат примирению духов или их посредничеству в неприятных ситуациях, а также содействию урожаю, защите дома при его строительстве и многому другому.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 339. Свадьба тингуанов.

Невеста берет горсть риса из чаши и разбрасывает его между планками бамбукового пола в качестве жертвы духам. Жених бросает в воздух рисовый мешок, чтобы по его падению определить, будет ли его союз счастливым. Затем оба пьют воду из скорлупы кокосового ореха, чем церемония заканчивается.

Очень часто устраиваются праздники, для которых заранее собираются запасы и приглашаются соседние вожди. Особенна форма приглашения: приносятся куски ротанга с узлами, количество которых соответствует количеству дней до начала праздника. Каждый день приглашенный срезает один узелок, и когда остается только один, он знает, что назначенное время приблизилось. Когда гости собираются, все оружие откладывается в сторону и передается на хранение одному или двум мужчинам. Перед началом праздника друг хозяина обычно обращает внимание на то, что тот, кто не соблюдает необходимые правила приличия, будет наказан. — На таких праздниках, которые устраиваются для исполнения обета о выздоровлении больного, в память о покойном или для какой-либо другой благочестивой цели, воздвигаются алтари, перед которыми шаманы проводят церемонии. Гости, однако, не позволяют этому ни в малейшей степени помешать их удовольствию, поскольку считают, что серьезная сторона празднования — это исключительно дело знахарей.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 340. Пара ифугао в свадебных нарядах.

Свадьба у ифугао, как и все особые события в их жизни, отмечается с большим торжеством. Они тратят много времени на сбор материалов, необходимых для таких торжеств, имеющих религиозный характер.

Как уже упоминалось, тела знахарей выставляются на открытом воздухе; обычные люди заворачиваются в маты или кладутся в гробы, а затем хоронятся в земле. После похорон родственники купаются в реке, прежде чем возвращаться в свои дома.

Фото: Фэй Купер Коул.

Илл. 341. Траур на похоронах у тингуанов.

Покойник, одетый в свои лучшие одежды и окруженный тканями и другими ценностями, которые он должен взять с собой в загробный мир, покоится в сидячем положении, прислонившись к стене хижины.

Остается упомянуть еще о моро (рис. 346), малайцах мусульманского вероисповедания, которые изначально были жителями северного побережья Борнео, где они известны под названием баджау или морские цыгане и значительно смешались с арабами. Незадолго до открытия Филиппин испанцами они захватили острова Сулу и отсюда в начале прошлого века своими морскими набегами стали постоянным источником ужаса для жителей соседних островов, чьи владения и женщины удовлетворяли их потребности. Поэтому они также проявляют неприятие к труду, тем более что с ранней юности они привыкают к оружию и пиратству. Благодаря этому занятию они стали воинственными, бесстрашными и даже жестокими, несмотря на то, что в настоящее время у них мало возможностей для занятия своим ремеслом, поскольку за ними очень внимательно следят. Чтобы облегчить себе занятие своим ремеслом, они построили свои дома на побережье на сваях; в любой момент они могут сразу же сесть в свои лодки, которые стоят на якоре прямо у двери. Не нужно говорить, что они являются опытными моряками и умеют плавать.

Фото: Бюро науки, Манила.

Илл. 342. Женщина из племени бонтокигорот в своем погребальном костюме.

Игорроты очень спокойно относятся к смерти и не скорбят, не оплакивают умершего, тем более пожилого человека. Тем не менее, траурные церемонии длятся от двух до восьми дней, в зависимости от положения умершего.

Моро небольшого роста, стройные, но мускулистые; они очень подвижны и имеют очень живые глаза под низким лбом на маленьком лице. Султан Сулу является номинальным правителем всех моро, но его власть на внешних островах () не всегда признается теми, кто занимает подчиненные ему должности доверенных лиц. В каждой деревне руководство общиной находится в руках дату или пангирана, но определенную власть имеет и священник. Религиозность моро не очень велика; она проявляется в основном только тогда, когда он, отвращенный жизнью или желая выполнить обет, впадает в амок и убивает как можно больше еретиков, прежде чем заплатить за свой энтузиазм собственной жизнью. Мечети моро находятся в плохом состоянии, предписанные посты соблюдаются нерегулярно, а другие ограничения, предписываемые исламом, практически не соблюдаются, если можно предположить, что это нарушение не будет замечено. Моро с

большим почтением относятся к Корану, но почти не имеют представления о его содержании.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 343. Богобо
в великолепной вышитой одежде.

Рис. 344. Церемония порки на похоронах у тингуанов.

Каждый из мужчин-гостей подвергается порке, чтобы все почувствовали такую же скорбь, как и семья умершего.

Мужчины носят рубашки, куртки и брюки, а также яркие пояса и головные платки или шейные косынки, а те, кто совершил паломничество в Мекку, также носят тюрбаны. Их одежды также искусно вышиты и часто изготовлены из самого тяжелого шелка. Мужчины носят распущенные волосы, а женщины заплетают их в более или менее фантастические узелки. Особенностью является подпиливание и чернение зубов. — Особое внимание моро уделяют своему оружию, в частности баронгу, короткому тяжелому тесаку с острым лезвием, как у бритвы, и толстой спинкой, а также крису, кампилану, мечу с двумя рукоятями, и копью. Все эти виды оружия изготовлены из самых лучших материалов, иногда богато украшены гравировкой и инкрустацией серебром.

Фото: Бюро науки, Манила.

Рис. 345. Женщина из племени субанун (западный полуостров Минданао),
которые очень любят наряжаться.

Моро, по-видимому, не испытывают особого удовольствия от танцев, зато женщины уделяют им много внимания, например, на свадьбах и других торжествах. Их танцы характеризуются движениями верхней части тела, в особенности рук и кистей, в то время как ноги вообще не участвуют в движении. Молодые люди проявляют интерес только к своеобразному военному танцу, который они исполняют, вооружившись мечами и палками, и в котором они с особым мастерством и быстротой демонстрируют фехтовальные трюки. — Музыка, которую очень любят моро, должна отражать их образ жизни, а их пение напоминать шум моря. Самым распространенным инструментом является своего рода ксилофон, на котором женщины часто играют часами.

Фото. Бюро науки, Манила.

Рис. 346. Морской мужчина из архипелага Сулу.

Моро прибыли сюда незадолго до испанского вторжения.

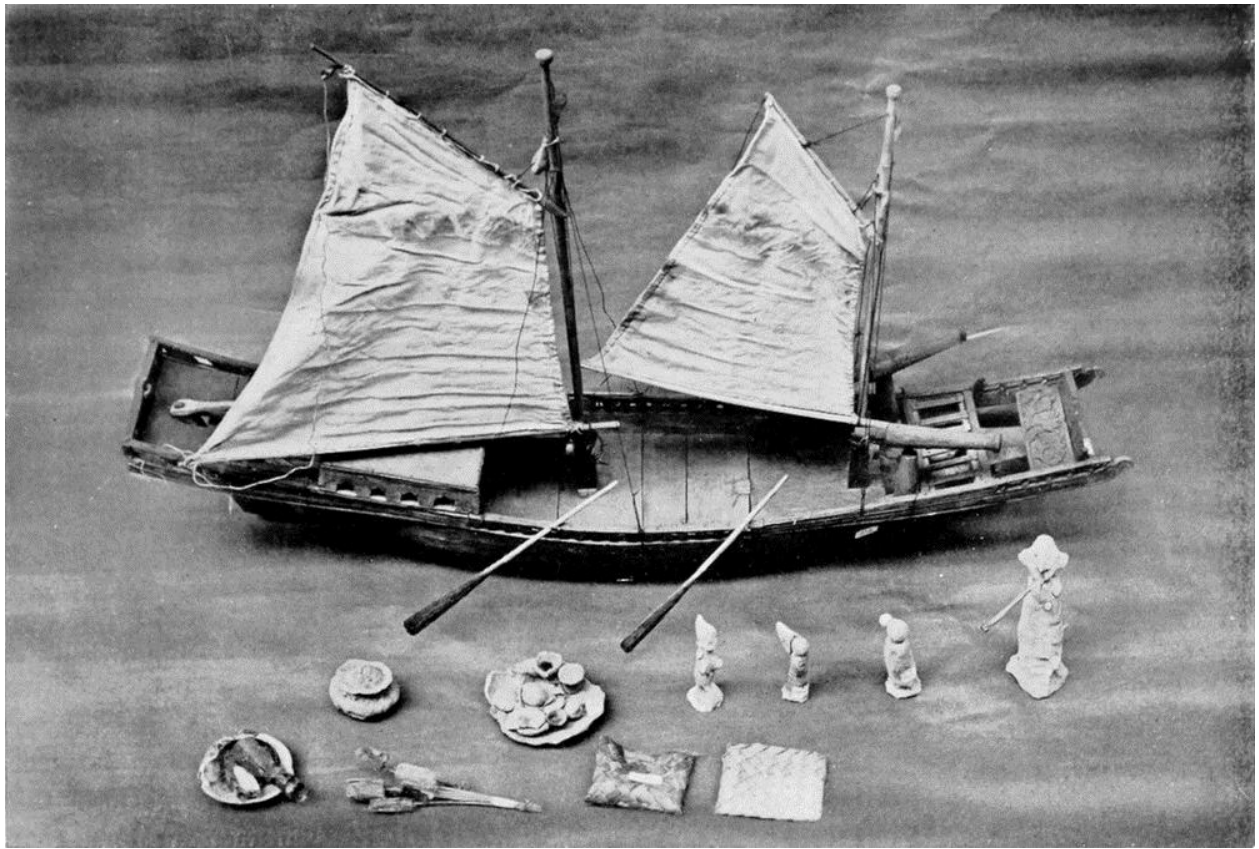
С рождением ребенка у жителей архипелага Сулу связано несколько своеобразных обычаев. При затяжных родах, расколов пинанг или разрезав корень имбиря, выясняют, в чем может быть причина, и принимают соответствующие меры. Например, если роженица поссорилась со своими родителями, они должны умыть лицо и руки в сосуде с водой и поклясться, что после благополучного исхода родов принесут жертву. Часть этой воды дают роженице выпить, а остальную выливают на нее. Непосредственно перед перерезанием пуповины акушерка называет ребенку имя « » и спрашивает, хочет ли он так называться; если он дает согласие звуком, то сохраняет это имя, но если ведет себя спокойно, то придумывают другое имя. Отделенную пуповину мальчика хранят в маленьком мешочке, который, когда он вырастет, будет носить на шее или животе; пуповина девочки сразу же закапывается. Послеродовые остатки заворачивают в лист пинанга с пеплом и цветами пинанга и кладут в орех калапа, который завязывают. Одна из акушеров выносит ее с покрытой головой и хоронит недалеко от дома; по дороге она не должна произносить ни слова, и никто не должен разговаривать, иначе ребенок станет лицемерным. На месте, где похоронена последняя плацента, сажают дерево гагаба и в течение четырех ночей зажигают смоляные факелы. Своеобразным является признание ребенка отцом. Акушерка объявляет, кто является отцом. Затем он или один из его кровных родственников-мужчин должен прикрепить к копыю бамбуковую щепку, которой была перерезана пуповина. Затем он втыкает ее в определенное дерево и этим обрядом признает ребенка перед всеми односельчанами своим собственным. Дерево остается собственностью ребенка.

Илл. 347. Музыканты-богобо.

Примечательна их богато вышитая одежда, которая часто украшена рядами ракушек или жемчугом.

Полигамия широко распространена, так как Коран разрешает иметь несколько законных жен. Женщины, как правило, покупаются; их положение довольно высокое. Они могут вступать в брак с тринадцати лет. На островах Сулу до прибытия испанцев гомосексуализм был очень распространен, до такой степени, что по просьбе женщин на половом члене половозрелых молодых мужчин проводилась специальная операция, которая должна была сделать невозможным любое однополые половые сношения.

Фотография В. Тамса.

Илл. 348. Лодка духов с западного побережья Малакки,

в которую кладут жертвы для духов. Их приглашают отплыть на ней, после чего лодка спускается на воду во время отлива.

Фигурки и жертвенные предметы взяты из такой лодки духов, которая была найдена дрейфующей у восточного побережья.

Малакка или Малайский полуостров.

Малайский полуостров, юго-восточная оконечность азиатского материка, издавна служил мостом между последним, в частности Индокитаем, и островами Малайского архипелага и, таким образом, был в значительной степени подвержен миграциям народов, которые на протяжении веков наводняли эту область, частично из Китая, частично из передней Индии. Поэтому неудивительно, что здесь мы встречаем настоящий «смешанный народ», в котором малайцы и родственные им народы составляют основную часть. Однако в настоящее время они в основном населяют прибрежные районы, в то время как во внутренних районах все еще проживают различные племена диких коренных жителей, в первую очередь семанги, сенои, сакаи ([рис. 350](#)) и джахун или джокол. Орангутаны, лауты, беленды, танганы и другие являются либо подразделениями этих народов, либо родственными им племенами. Семанги и сенои в основном обладают характерными чертами негрито, то есть африканской основной расы, в то время как сакаи больше похожи на австралийцев и ведда, то есть представителей синоавстралийской основной расы; оба народа многократно смешивались

друг с другом. В то же время в джакунах уже присутствует малайская кровь. Все эти племена в основном живут за счет охоты, для которой они используют небольшие луки и стрелы, а также духовые трубки (рис. 349) с наконечником, обмакнутым в яд дерева упас, и урожаем местной земли (ямс и другие корнеплоды). Они не занимаются земледелием, но торгуют медом, камфорой, каучуком и другими тропическими продуктами. Они не знают постоянного жилья; обычно они живут за примитивными ветрозащитными экранами, под листовыми навесами, нависающими скалами или в пещерах; но их можно встретить и на деревьях. Когда они разбивают примитивный лагерь во время своих переходов, незамужняя девушка должна разжечь огонь, чтобы можно было успешно приготовить пищу. Чтобы всегда быть готовыми к этому, каждый джахун всегда носит с собой необходимую щепку на теле или на повязке из коры. — Семанги также разводят огонь с помощью пилы, то есть путем перемещения лианы по куску дерева.

Из: Skeat & Blagden, Pagan Tribes.

Илл. 349. Джахун, стреляющий из духового ружья по птице.

В колчане, прикрепленном к его боку, находятся отравленные стрелы.

Одежда мужчин в диких племенах состоит из пояса из многократно скрученной веревки или из набедренной повязки из коры, а у женщин — из многочисленных свисающих веревок. Как и в других местах, все эти племена имеют ярко выраженную склонность

украшать себя какими-либо блестящими или цветными предметами, такими как разноцветные морские ракушки, семена и т. д. Кроме того, тело раскрашивают, но не татуируют. Также встречаются прокалывание ушей (рис. 351) и обточивание зубов, заимствованные у малайцев. — Женщины семангов носят в волосах гребни, покрытые своеобразными узорами, но не для украшения или для удержания волос — у них обычно всего около трех зубцов —, а для защиты от определенных болезней, против которых вырезаны узоры. Каждая женщина имеет в своем распоряжении большое количество таких магических гребней и обменивается ими с другими женщинами на правах аренды.

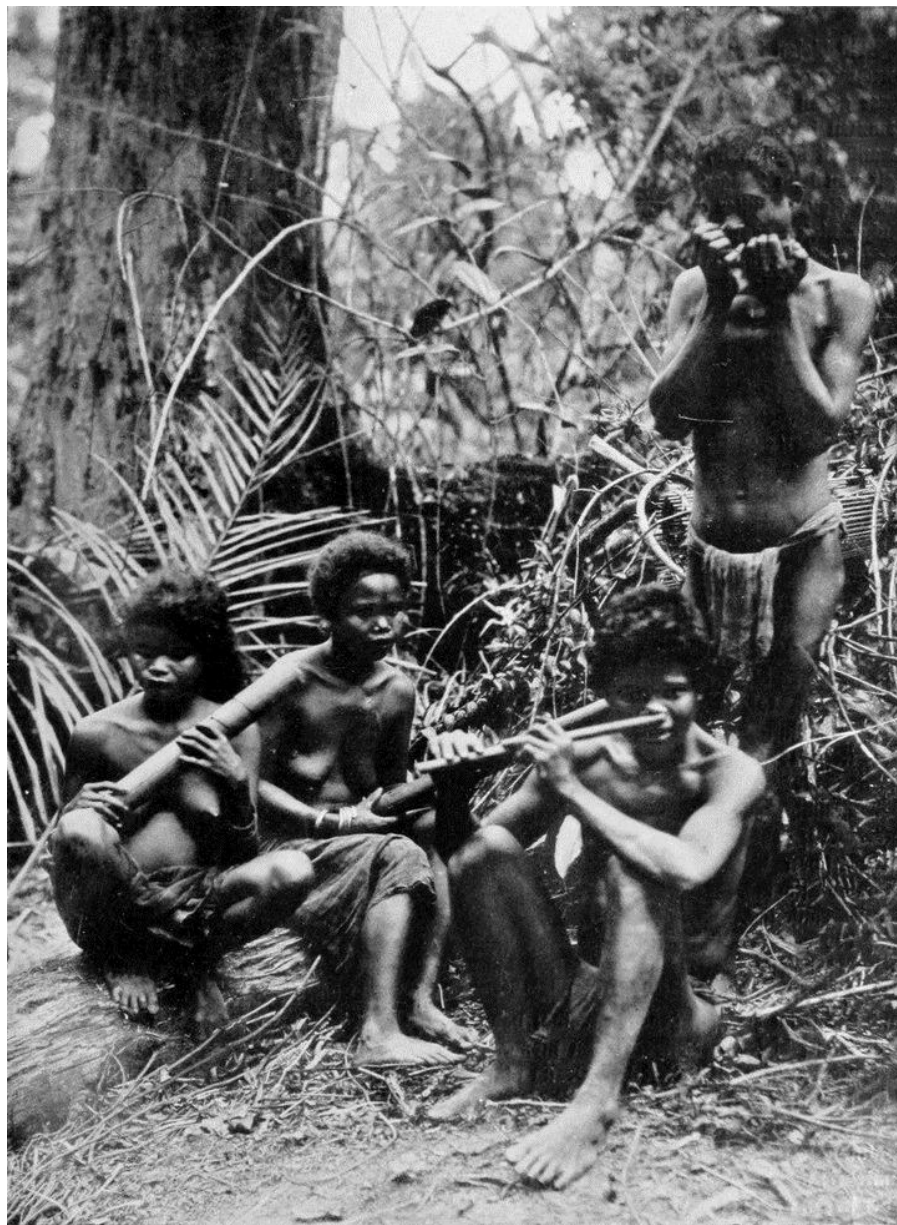

Фото Л. Рэй.

Илл. 350. Музыкальный ансамбль диких сакаи из Перака.

Слева два туземца играют на бамбуковых гитарах, рядом молодой человек играет на носовой флейте, а на заднем плане кто-то играет на варгане.

С этими магическими узорами связана одна весьма своеобразная особенность. Это исключительно геометрические рисунки (рис. 352) в большом количестве и разнообразии — их насчитывается около ста сорока —, которые, как утверждается, семанги унаследовали от своих предков. Их значение церемониальное; каждый из отдельных узоров должен обозначать болезнь или цветок, запах которого отгоняет дух этой болезни от носителя соответствующего предмета. Такие магические узоры с удовольствием наносят на колчаны и магические сосуды, а также на гребни. Помимо этих геометрических узоров, на бамбуковых предметах вырезают и другие рисунки, изображающие людей, животных, растения, хотя иногда и в довольно схематичном виде. Их наносят на предметы, которые служат, так сказать, представительным целям.

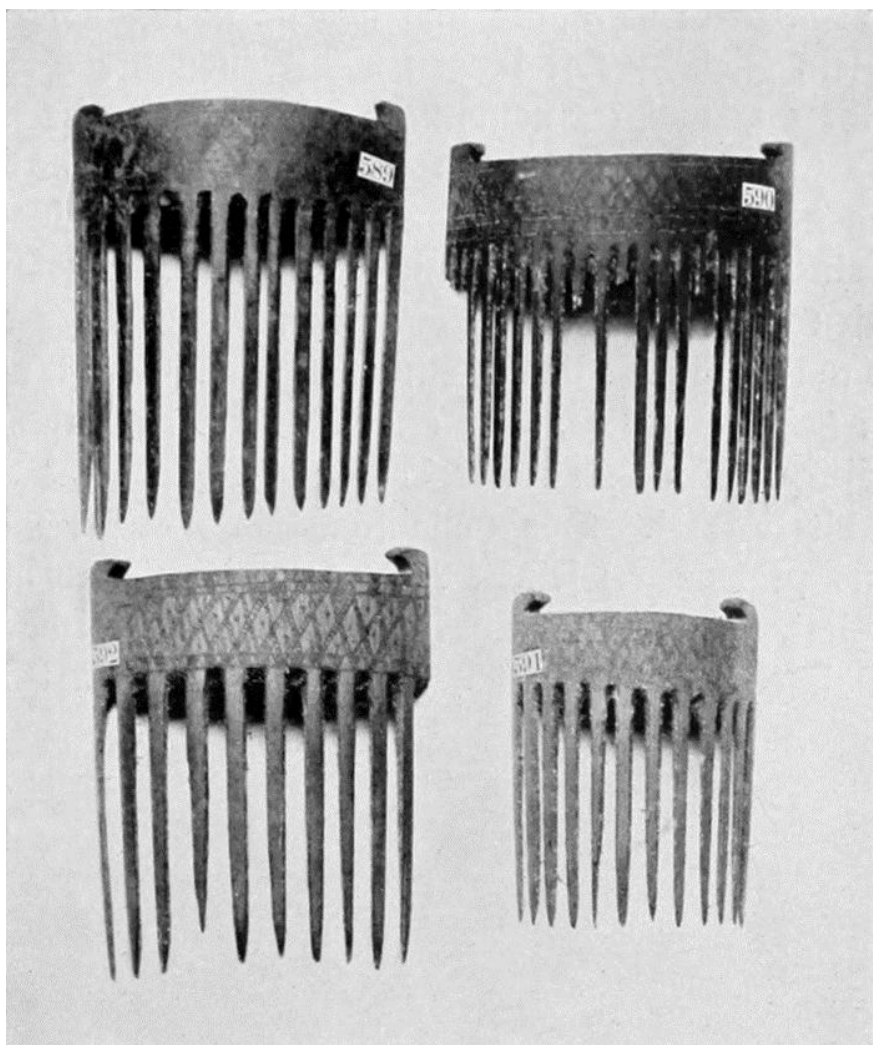
Фото д-р Дж. Гимлетт.

Рис. 351. Девушка из Келантана с серьгами,
которые раньше должны были носить девушки до свадьбы.

Из различных диких племен Малакки семанги занимают самое низкое положение с культурной точки зрения; их можно считать коренными жителями; выше их стоят сакаи, которые смешались с ними. На относительно высшей ступени, уже на уровне полукультуры,

которая во многом была перенята соседними малайцами, находятся джахун и беленда. Наши знания об этих диких племенах носят лишь фрагментарный характер.

Как и австралийцы, семанги представляют душу в виде птицы и объясняют происхождение человека таким образом, что эта душа-птица, сидящая на ветвях небесного дерева, посылается на землю Кари, высшим богом, где она убивается мужем и отдается жене на съедение; таким образом, душа птицы переходит в плод. В противном случае этот дух-птица не может быть убит и съеден никем. — Во время беременности мужчина-орангутан, по возможности, не отходит от своей жены; он верит, что своим присутствием способствует благополучному развитию будущего ребенка. У племени джахун тяжелый час внешне обозначается пучком пальмовых листьев, который бросается в глаза, чтобы каждый мужчина, заметивший его, немедленно ушел; только собственный муж может оставаться рядом, чтобы помочь. Однако обычно у племен, живущих в джунглях, роженицам помогают мудрые женщины, в основном старухи, которые занимают привилегированное положение среди женщин, поскольку все вместе освобождают их от работы, такой как сбор ротанга, поиск корней и т. д. (), но зато они должны заботиться о детях деревни. В отличие от хижин остальных жителей, которые стоят на сваях, их хижины построены прямо на земле и имеют очень низкую маленькую дверь, чтобы никто не мог заглянуть внутрь. Ведь здесь рожают женщины деревни. В тот момент, когда ребенок появляется на свет, оранг-лаут поднимают громкий крик и бьют в барабаны, чтобы прогнать злых духов; когда пуповина перерезана, им уже нечего бояться. Мудрая женщина, которая помогала молодой матери в ее страданиях, во время этого шума сильно дует на новорожденного.

Илл. 352. Волшебные гребни семангов.

Из: Skeat & Blagden, Pagan Tribes.

Илл. 353. Женщины-сакаи, кормящие молоком своих домашних животных.

В момент перерезания пуповины беленда дают ребенку имя; они называют его либо в честь самого важного момента, который сыграл роль в их снах, либо в честь предмета, который они увидели утром в день рождения; колдун надевает на ребенка изготовленный им обруч из коры дерева, на котором написано согласованное имя. Семанги называют ребенка в честь дерева, под которым он родился. Остатки пуповины мальчиков яхун привязывали к камню, которым отец когда-то убил врага, затем окунали в морскую воду, мыли и вешали сушиться в дыму, а затем хранили вместе с камнем, пока мальчик не вырастал. При вступлении в брак () он получал обе вещи и хранил их; такой камень никогда не промахивался мимо цели. — Часто женщины сакаи кормят грудью не только своих детей, но и детенышей своих домашних животных, особенно тех, к которым они привязаны (рис. 353).

Фото J. W. Knocker.

Рис. 354. Телега, используемая во время церемоний освящения лифтов.

На восточном побережье обычны повозки, на которых изображены мифические существа, такие как павлины-львы, летающие лошади с человеческими головами и т. д. На заднем плане фотографии видна такая повозка.

У малайцев мать и ребенок не только до рождения последнего, но и после него защищаются от злых духов с помощью различных методов. Один из них заключается в том, что она должна выпить целебное зелье, называемое «зельем из ста трав», потому что оно, как говорят, содержит столько ингредиентов, другой — в том, что ее, так сказать, поджаривают. Несколько раз в день ее подвергают воздействию сильной жары на возвышенной платформе, под которой горит яркий деревянный костер. Это довольно жестокое обращение, которое продолжается от четырех до сорока дней и в некоторых случаях буквально лишает бедную жертву чувств или сразу убивает ее. Малайский ребенок обычно получает свое имя в течение первой недели (по-видимому, пробным образом), но если он заболевает, его сразу же усыновляет другой человек, по крайней мере временно, и он получает новое имя. На восточном побережье полуострова существует милый обычай писать разные имена на семи разных бананах и позволять ребенку самому выбрать свое. Позже за присвоением имени следует церемония бритья головы и первого обрезания ногтей. Каждая из этих церемоний требует жертвоприношения двух коз, если ребенок —

мальчик, и только одной козы, если это девочка. Срезанные волосы и ногти каждый раз закапывают у подножия фруктового дерева (бананового, гранатового и т. д.), что, как считается, повышает его плодородие. Примерно на сороковой день ребенка выносят на улицу и представляют духам воды. — Наступление половой зрелости отмечается торжественно (рис. 354).

Брак у семангов является моногамным. До вступления в брак царит большая половая свобода, но после вступления в брак супруги остаются верными друг другу. Прелюбодеяние карается смертной казнью, однако это наказание может быть заменено денежным штрафом, размер которого, однако, соответствует штрафу за убийство. Церемонии при заключении брака не проводятся. Напротив, мы встречаем их в широком масштабе у малайских племен.

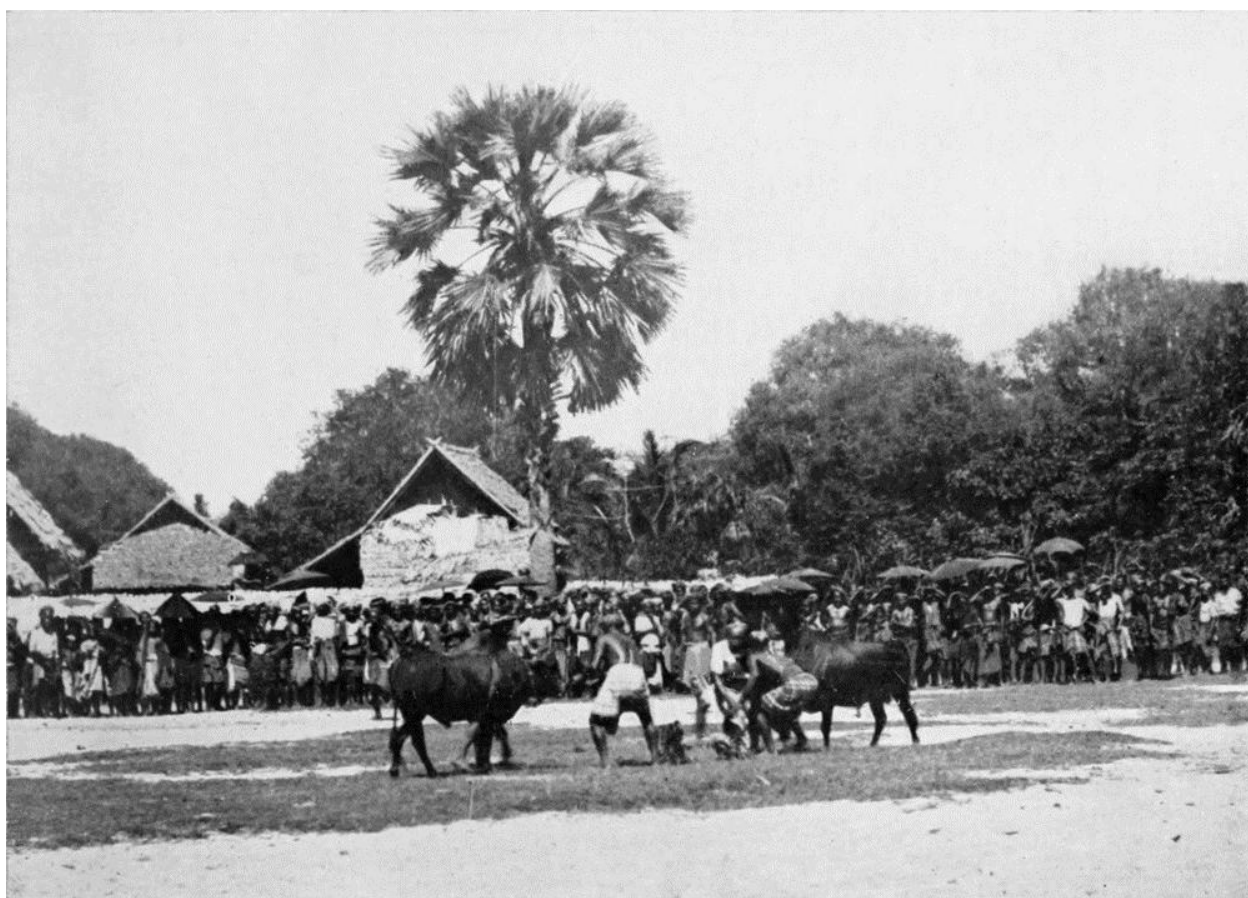

Фото Н. Аннандейл.

Илл. 355. Сцена борьбы двух быков.

Их кожу натирают тигриным жиром, чтобы обескуражить противника.

Брак малайцев Малакки заключается родителями или родственниками молодого человека. Если они считают, что нашли для него подходящую пару, то сначала через надежного посланника выясняют, не обручена ли девушка, и, если это не так, сообщают о своем желании и одновременно назначают день для дальнейших договоренностей. В этот день представители молодого человека приходят вовремя, один из них вручает поднос с бетелем и сопутствующими предметами (листья бетеля, известь, орехи бетеля, гамбир) и первую часть выкупа в виде серебра или украшений. Нарушение брачного обещания со стороны юноши, как правило, приводит к тому, что он теряет свои подарки по случаю помолвки (рис. 356), а нарушение со стороны девушки — к тому, что она должна вернуть их в двойном размере. С самой свадьбой у малайских племен, еще не подвергшихся влиянию

ислама, связано множество обычаев, среди которых главную роль играют церемонии очищения и освящения. Они в основном основаны на идее, что жених и невеста играют королевскую роль, предполагая смену идентичности, чтобы отвратить опасности, которые, согласно прежним верованиям, сопровождают любую свадебную церемонию, как и любое критическое событие в жизни племени. Обычай требует трех вещей для действительности брака: уплаты выкупа за невесту, совместного приема пищи жениха и невесты и признания брака в присутствии свидетелей, среди которых должны быть старейшины деревни. Эти три элемента заключения брака встречаются также у племен, живущих в джунглях, однако мы не знаем ничего о фактических церемониях очищения и омовения. Племена бесиси придают большое значение тому, чтобы будущий муж был способен прокормить свою жену своими руками, и задают ему соответствующие вопросы. Стороны садятся вокруг холма, и жениху задают примерно следующие вопросы: «Умеешь ли ты ловко обращаться с духовым ружьем?», «Умеешь ли ты ловко рубить деревья?», «Умеешь ли ты курить сигареты?» Если ответы удовлетворительны, то последний пункт сразу же проверяется на практике. После того, как жених дает невесте сигарету и сам зажигает себе, его просят три раза обогнуть холм. Если он поймает ее, то оба объявляются женатыми, если нет, то мужчина имеет право попробовать счастья еще раз при другом случае. У других диких племен вместо холма используется костер, вокруг которого гоняют невесту. По-видимому, эта церемония является пережитком похищения невест.

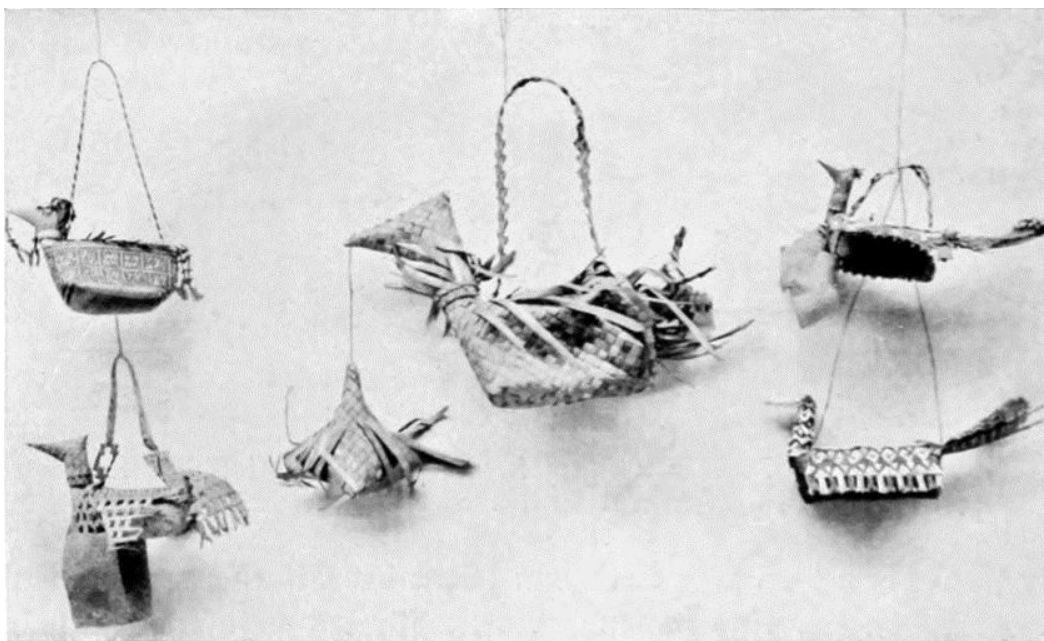

Фото. Кембриджский археологический музей.

Илл. 356. Корзиночка в форме птицы,

которую малайский юноша дарит своей возлюбленной при помолвке.

У цивилизованных малайцев, как уже было сказано, к этому добавляются еще и очистительные церемонии, если не считать краткого обряда, который проводит мусульманский служитель мечети; однако достаточно часто свадьба отмечается без участия последнего. Различные церемонии, связанные со свадьбой этих малайских племен, часто длятся семь дней и столько же ночей подряд. Первые три ночи в основном посвящены изгнанию или устранению злых сил, а также церемонии окрашивания хной, которая проводится отдельно в доме жениха и невесты. На четвертый день происходит торжественное шествие жениха к дому невесты, а затем королевское парадное заседание или возведение молодоженов на трон (рис. 357). Наконец, последний день или три последних дня, в зависимости от продолжительности предыдущих церемоний, посвящаются

обычным очистительным обрядам. В течение всего этого времени в основном поют арабские гимны, а также исполняют малайские фехтовальные и другие танцы вместо бывших ранее обычными на этом празднике петушиных (рис. 361) и бычьих боев (рис. 355), представлений малайских драм и т. д., которые, однако, в настоящее время, вероятно, сохранились только на севере.

Фото Ф. В. Кнокер.

Рис. 357. Малайская свадебная пара на церемонии берсангдинг, во время которой они на один день возвышаются до ранга короля и королевы.

Окрашивание хной сначала происходит в частном порядке, а на второй вечер публично, с «демонстрацией» молодоженов, причем каждый из них у себя дома, для получения поздравлений и подарков от круга знакомых обеих сторон. Избранные родственники, друзья и слуги по малайскому обычаю поочередно приветствуют жениха и невесту, посыпают их слегка поджаренным, окрашенным в желтый цвет шафраном и обычным «промытым», касаются лба и рук молодоженов магической рисовой пастой и красят им руки

и стопы хной. На четвертый день пара, одетая в роскошные одежды, играет роль «короля и королевы на один день», как это называется по-малайски (). Особенностью малайского свадебного наряда являются короткая рубашка с узкими рукавами, вышитая золотом и окрашенная в красный цвет, саронг и свободные шелковые штаны; к этому у невесты добавляются многочисленные, часто только одолженные браслеты, ножные браслеты, ожерелья и нагрудные украшения, которыми она как бы перегружена, а также странной формы головной убор из искусственных золотых или серебряных цветов, которые, поскольку они нанизаны на проволоку, при малейшем движении дрожат и переливаются. Кроме того, невесте обрезают кончики волос. Жених украшен жестким головным убором с искусственными цветами и перьями цапли, ожерельями, браслетами, нагрудными украшениями и крисом. Эта яркая адаптация обоих полов в их свадебных нарядах, без сомнения, призвана смягчить опасности критического момента.

Фотография В. Тамса.

Рис. 358. Свадебные сувениры и бетельные деревья для подъемов.

Четыре нижних палки вручаются каждому гостю; они состоят из расписных яиц, похожих на наши пасхальные яйца, цветов и флажков с вырезанными на них фигурками животных. Бетель в центре несут во время свадебного шествия.

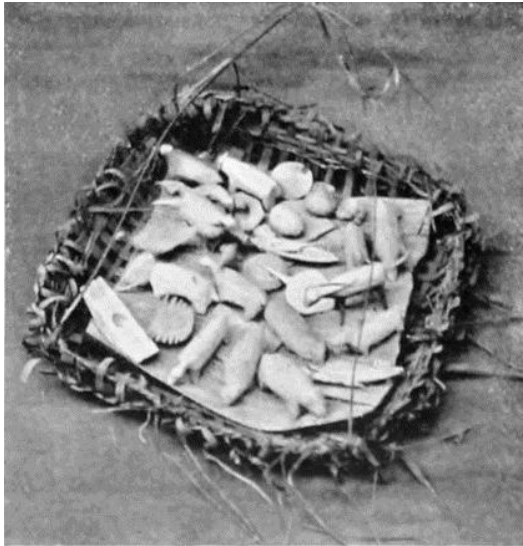

Фото Кембриджского археологического музея.

Илл. 359. Крыло призрака волшебника.

Ее содержимое состоит из приносящих удачу фигурок рыб, кур, кошек, буйволов и крабов, слепленных из теста, которые подносятся духам.

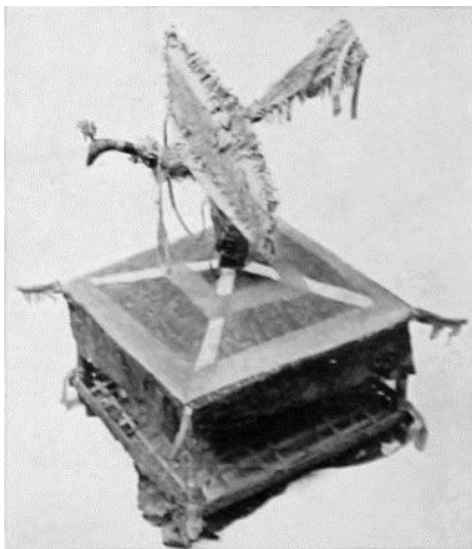

Фото: Кембриджский археологический музей.

Илл. 360. Домик для духов,

используемый во время церемоний посвящения юношей на восточном побережье. Домик наполняют дарами для гостей.

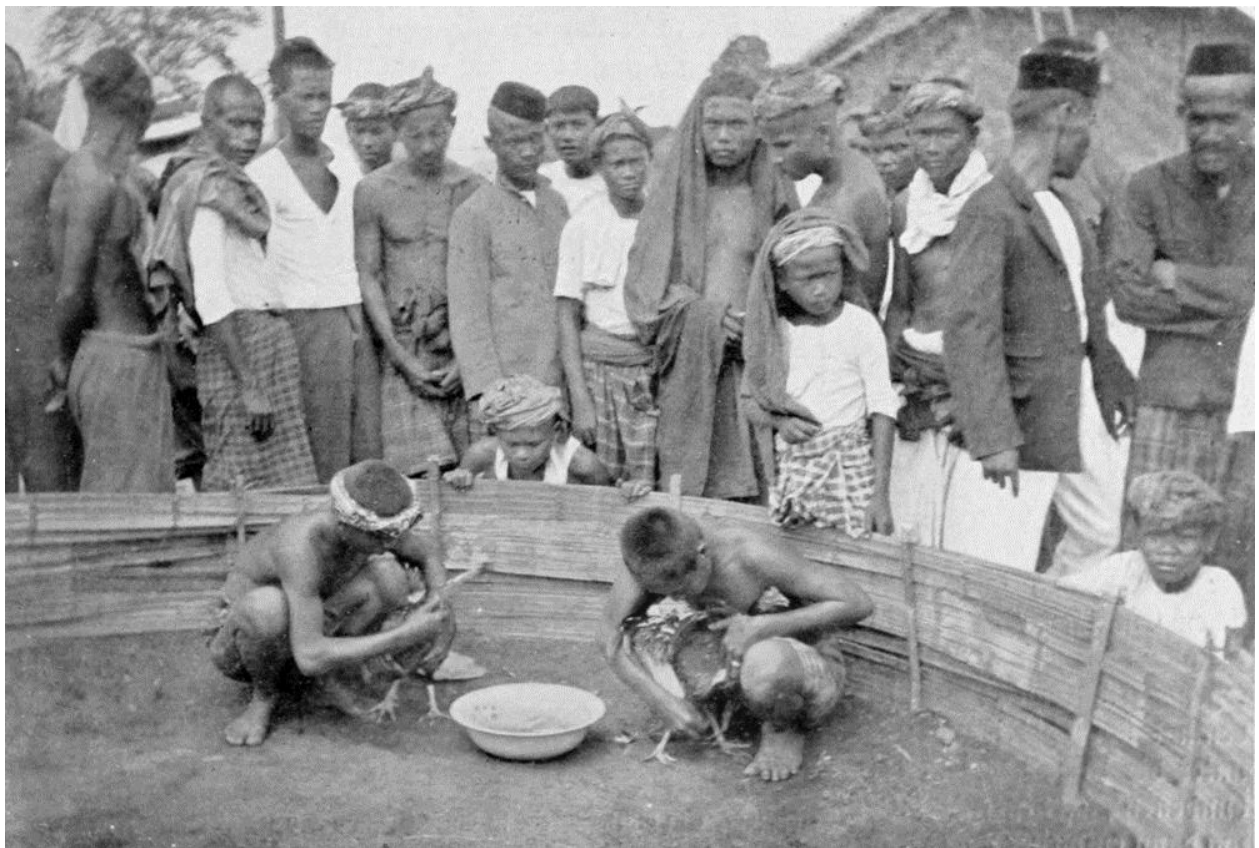
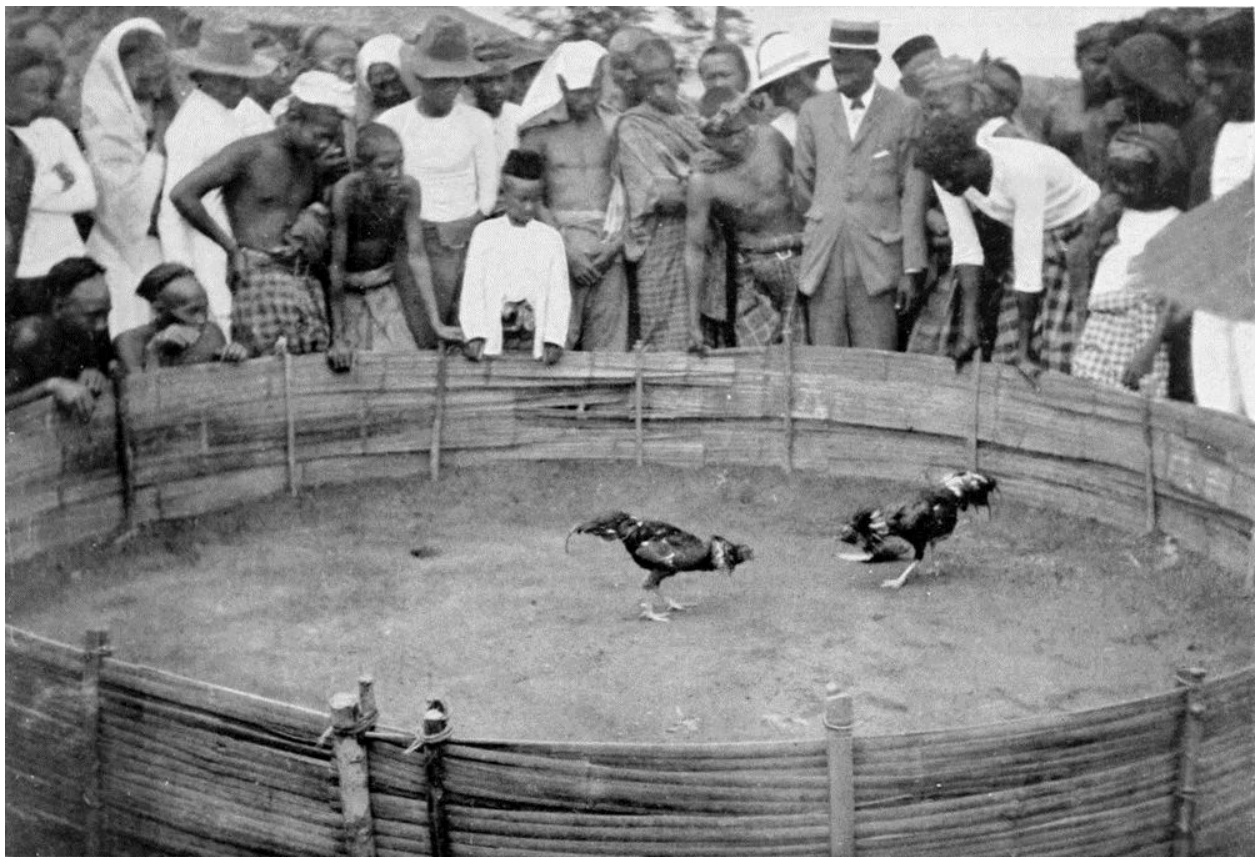

Фото: Дж. Скотт-Мейсон.

Рис. 361. Петушинные бои у малайцев.

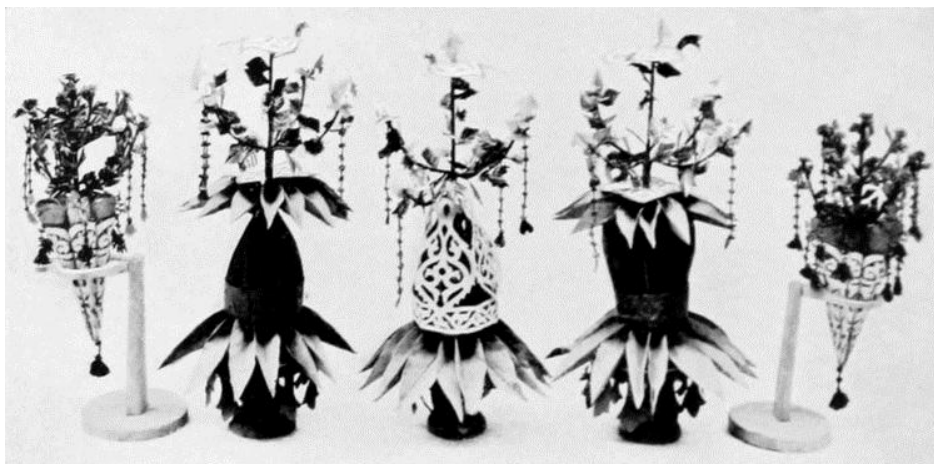

Фото. Кембриджский археологический музей.

Илл. 362. Малайские свадебные украшения.

Три средних украшения символизируют «деревья бетеля» в соответствии со старинным обычаем Селангора, согласно которому во время свадебного шествия носят листья бетеля. Два крайних букета несут жених и невеста.

Фото: Н. Аннандейл.

Илл. 363. Святилище богов в пещере на маленьких островах «Birdnest» в внутреннем море Сингора.

Глиняные фигурки принесены в жертву богам для примирения.

После того как последние приготовления завершены, группа жениха, согласно древнему обычаю, во главе с пожилой женщиной, под громкий барабанный бой, сопровождение гонгов и треск ракет, отправляется в дом невесты; в отдаленных частях страны родственник или слуга все еще несет жениха на плечах (), а в районах, подвергшихся влиянию европейской культуры, он отправляется в путь на современном транспортном средстве, предпочтительно на автомобиле. Раньше жених должен был ждать перед домом невесты до тех пор, пока не заплатил «дань королеве страны», то есть невесте; сегодня его пропускают без проблем. Его проводят в парадную комнату, украшенную полосатой «радугой» — настенным ковром — и цветным «небом» — потолочным полотном, где его ждет невеста. Затем пара садится. Однако это происходит в строгой форме и является скучным занятием, поскольку оба должны постепенно, без остановки, сгибать колени, пока не сядут, и столь же медленно должны подниматься, пока не встанут; этот процесс повторяется до тех пор, пока оба не сядут в один и тот же момент. Если жениху это удастся, он должен сесть на часть свадебного платья невесты, тем самым обеспечив себе реальное и номинальное господство в доме. Когда пара наконец садится, она обменивается предписанными клятвами и для

этого предлагает съесть специально приготовленный рис, «рис королевского присутствия». Он подается в восьмиугольном сосуде (рис. 358), который также содержит крашеные яйца и украшенные флажки, которые здесь представляют белые шелковые свадебные банты; каждый гость получает по кусочку; если бы ему это было отказано, раньше это привело бы к драке с крисом. Последним актом свадебного торжества является окропление святой водой молодоженов, сидящих с вытянутыми руками. Наконец, почти повсеместно принято, чтобы невеста и жених развязывали узел в форме буквы V — это развязывание символизирует изгнание всех вредных влияний — а веревка или пояс из ниток цвета радуги семь раз проходит над головами и под ногами теперь соединенной пары, а затем либо разрывается женихом, либо прожигается (); обугленный конец затем втирается молодой паре в лоб. В конце всего свадебного торжества молодые люди обливают всех гостей из бамбуковых брызгалок. В Селангоре раньше было принято нести в свадебном кортеже деревца из листьев бетеля, а жених и невеста держали в руках букеты бетеля (рис. 362).

Фото Н. Аннандейл.

Рис. 364. Волшебник в ожидании духа,
который должен овладеть им.

В то время как малайские племена в целом исповедуют ислам, который, однако, во многих случаях смешан с верой в демонов, племена, проживающие в джунглях, являются приверженцами анимизма и почитания предков. Для них вся природа наполнена духами (рис. 348, 360 и 363); одни сидят в дожде, другие в жаре, или в горах, реках, озерах, в животных и так далее. От их злого влияния люди пытаются защититься с помощью колдунов (рис. 359, 364 и 365). В противоположность этому религиозному представлению, кажется, стоит верование семангов. Это племя, по-видимому, исповедует веру в высшее существо по имени Кари. Это существо сверхъестественного вида, обладает огненным дыханием и создало все вещи, за исключением человека и Земли, однако первому, созданному по его велению подчиненным существом по имени Пле, оно вложило душу. Оно также посылает души, которые все сидят на большом дереве за его трон, посредством определенных птиц в тело беременной матери. Для Кари не существует изображений, храмов или других мест поклонения, а также священников. О внешнем поклонении этому существу известно только одно: во время грозы семанги приносят ему жертву в виде нескольких капель крови, которые они берут из области голени и, смешав с водой, брызгают в небо, надеясь таким образом умиловить Кари.

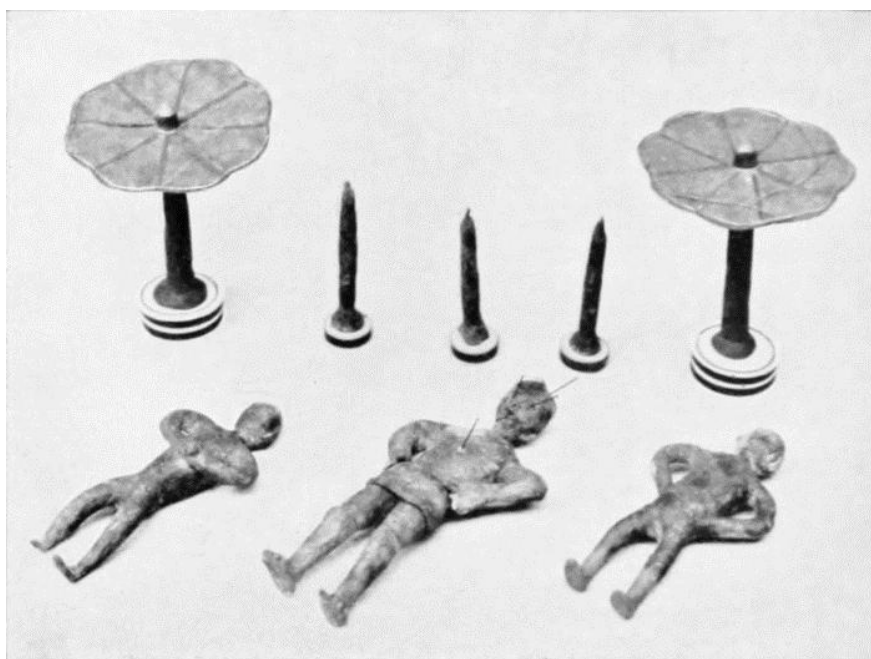

Фото. Кембриджский археологический музей.

Илл. 365. Черные магические фигурки.

Если кто-то хочет навредить человеку, он лепит его фигурку и прокалывает иголкой ту часть тела, которой хочет навредить живому человеку. Зонтики и свечи используются во время церемонии.

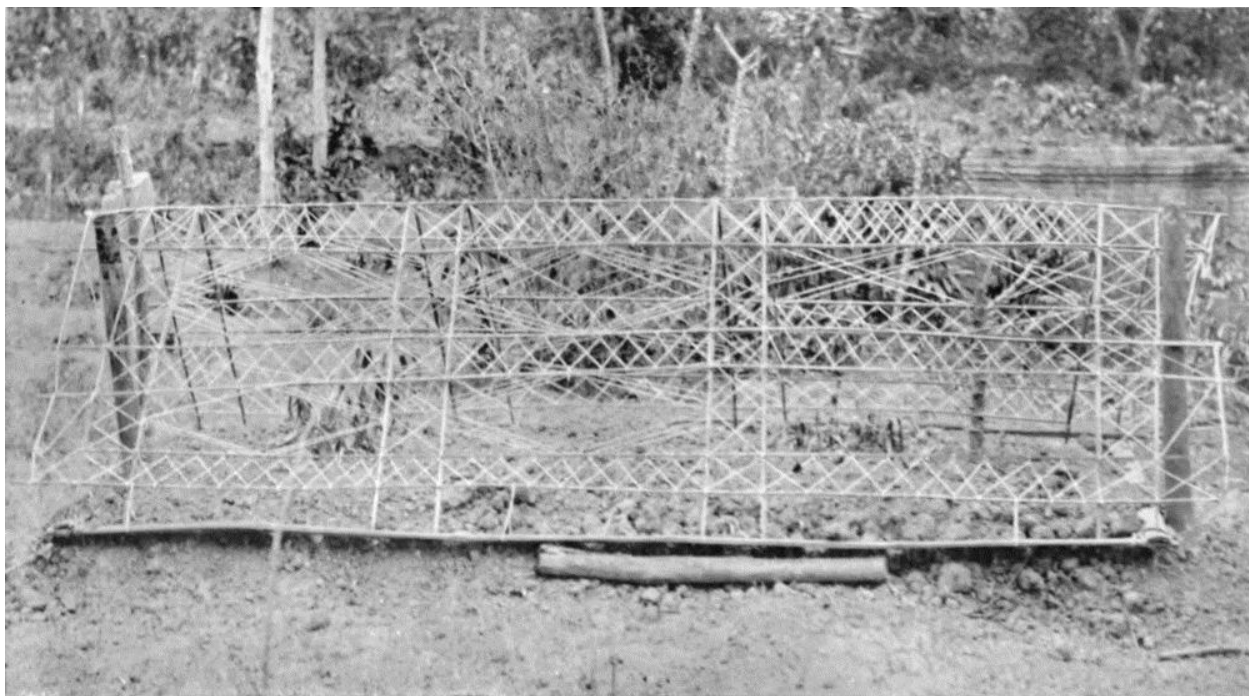

Фото: Н. Аннандейл.

Илл. 366. Плетение из веревок над малайской могилой на восточном побережье (около Сингоры).

Смерть наступает по воле духов смерти, но они действуют не по собственному желанию, а по приказу кари. Когда они во время своего невидимого путешествия видят человека, который готов умереть, они сообщают об этом пле, который, в свою очередь, передает это сообщение кари. Тот принимает решение; если оно оказывается не в пользу данного человека, духи смерти посылают ветер смерти, который обдувает обреченного на смерть. Однако против этого, как и против болезней, не поможет никакое заклинание. Тела умерших обычно хоронят, связав их в сидячем положении; у некоторых племен могилу окружают небольшой забором из колючих листьев и веток, реже — плетением из веревки (рис. 366). На саму могилу кладут еду, рядом с ней разжигают костер. Чародеи паган не хоронятся, а помещаются в ветвях дерева, чтобы их души могли перелететь через злого духа, который преграждает обычным людям путь в рай. Люди, умершие насильственной смертью, также помещаются между ветвями (рис. 368). О повторном извлечении тел или костей, а также о почитании последних ничего не сообщается. Семанги кладут в могилу умершего бамбуковую трубку, на которой вожди вырезали определенные магические знаки; с ними умершие должны явиться на суд перед Кари и предъявить их. После суда добрые души после захода солнца отправляются в рай, а злые не могут туда попасть, потому что их удерживают собственные стражи; они должны отправиться в чистилище, где им предстоит вести жалкое существование. — Буддисты-малайцы выставляют свои тела на воздух (рис. 367 и 369) и сжигают кости, когда они разлагаются. Пепел кладут перед изображениями Будды (рис. 370).

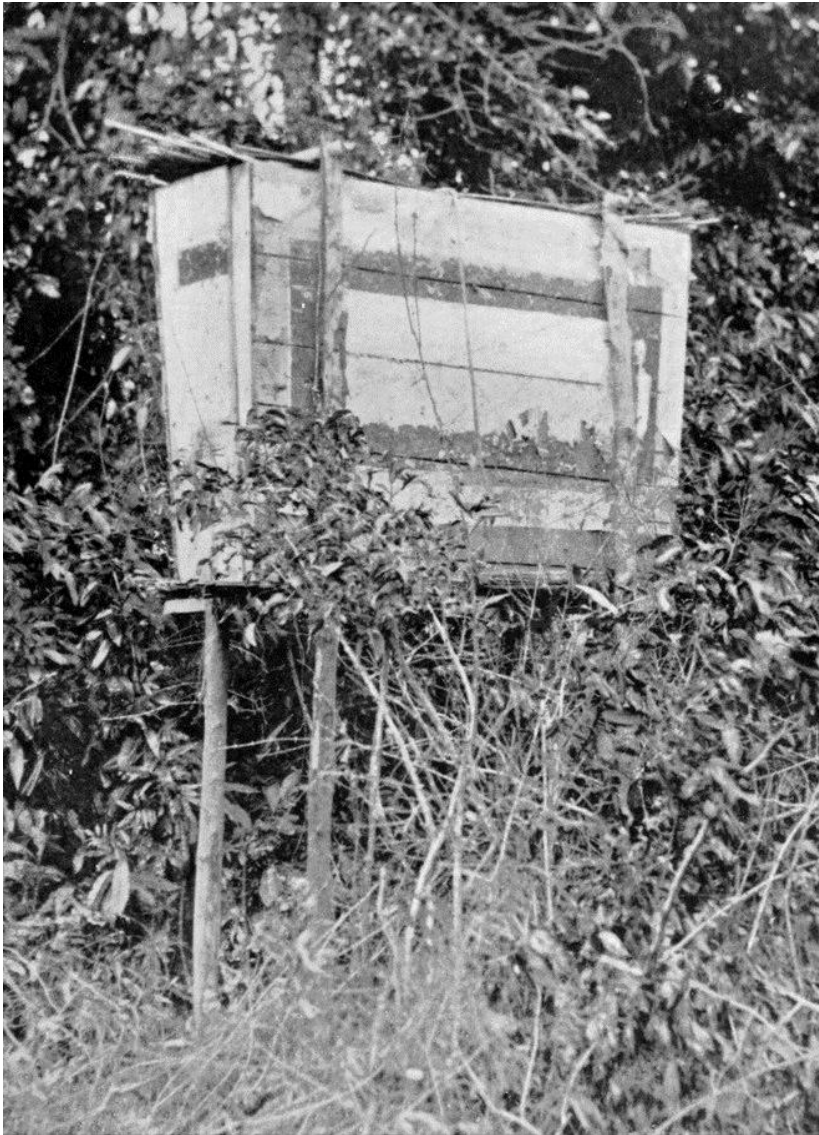

Фото Н. Аннандейл.

Рис. 367. Малайское погребение.

Тело хранится в пропускающем воздух ящике до полного разложения.

Фото Н. Аннандейл.

Рис. 368. Своеобразный воздушный гроб малайцев
для тех, кто умер насильственной смертью.

Напротив, похороны мусульманских малайцев, которые можно наблюдать каждый день, проходят гораздо более пышно. Тело умершего заворачивают в красивые саронги, которые, если родственники могут себе это позволить, богато вышиты золотыми нитями, и кладут на матрас, уложенный на циновке; голова при этом опирается на пять-шесть подушек; руки, между пальцами которых зажаты кинжал или ножницы для бетеля как «символ железа» — как утверждается, это должно помешать мертвому подняться, — сложены на груди. Чаша с освященной водой ставится по обе стороны на землю, и полосатые занавеси, которые не могут отсутствовать ни на одном малайском празднике, прикрепляются так, что все это производит, так сказать, «королевское» впечатление. Одновременно проводится бдение, которое длится до тех пор, пока покойник находится в доме; огонь в очаге и зажженные лампы должны гореть еще как минимум семь дней и столько же ночей после этого. Приглашается мусульманский священник, и уведомляются родственники. Теперь покойника омывают с помощью ряда малайских косметических средств и проводят последние «девять омовений» (). Эта церемония называется так потому, что воду три раза выливают на левую сторону, три раза на правую и три раза на переднюю часть тела. Одновременно умершему затыкают рот, чтобы в него не попало ничего нечистого. После того как его заворачивают в льняное полотно, его связывают в пяти местах с помощью , отрезанных для этой цели углов; для похоронного процессии готовят благоухающие

эссенции, сорванные цветы и гирлянды из листьев, называемые «ноги тысяченожки». Теперь покойник кладется в гроб, который ставят на носилки и накрывают черным погребальным полотном, на которое рассыпают «тысяченожки». Поскольку малайский обычай запрещает использовать колесное транспортное средство для перевозки тела, гроб всегда несут; количество носильщиков зависит от ранга покойного. По прибытии к могиле гроб опускают в землю и развязывают пять повязок. Родственники передают могильщикам в склепе скатанные ими комки земли; их подносят к носу умершего, чтобы он «понюхал» их. Затем могила очень осторожно засыпается землей, так как земля не должна попадать непосредственно на поверхность тела. Наконец, временно вбиваются два шероховатых деревянных столба (рис. 371), круглые для мужчины, плоские для женщины, один у изголовья, другой посередине (не у изножья). При похоронах султана иногда раздают белые полоски ткани; белый цвет, как и у малайцев с незапамятных времен, является цветом траура. Белый цвет также играет важную роль в религиозных обрядах малайцев (рис. 372), все белые животные являются священными, и, согласно общепринятому мнению, в жилах их королей и князей течет белая кровь. По возможности, похоронную церемонию проводит мусульманский священнослужитель; он разбрасывает над могилой ароматные эссенции и сорванные цветы, которые лежали на гробе, а затем обращается к покойнику с напутствием. Существует верование, что в этот момент умерший еще раз приходит в себя и начинает ощупывать руками, чтобы понять, где он находится; обнаружив, что у его одежды отсутствуют углы, он понимает, что мертв, и успокаивается; он опирается на локти и слушает наставление; когда оно заканчивается, он опускается назад и теперь действительно мертв. Все собравшиеся, сидящие на земле со скрещенными ногами, сто раз повторяют за священником известную молитву: «Аллах велик, нет бога, кроме Аллаха», сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, до старого повторения; в конце концов слова превращаются в простой лепет. Торжество заканчивается поминальным пиром. Соседи растягивают его на три дня; при этом каждые вечера покойнику читают Коран. На третий, седьмой, четырнадцатый, сороковой и сотый день снова устраивают пир, и, наконец, назначают определенный день в году для праздничного застолья в память о предках. Временные столбы позже заменяют постоянными; кроме того, вокруг могильного холма укладывают четыре доски с обрезанными концами, чтобы он сохранил правильное положение. Это благочестивое обязательство в свою очередь требует организации праздника. Из-за большой дороговизны, связанной с похоронными церемониями, в большинстве случаев их значительно сокращают.

Фото Н. Аннандейл.

Илл. 369. Малайские похороны.

Тела оставляют разлагаться в воздухопроницаемых гробах. Затем кости скелета собирают в мешки из риса или циновки для кремации.

Рис. 370. Малайское погребение.

Пепел сожженных костей собирают и помещают в небольшие сосуды или барабаны перед изображением Будды.

Рис. 371. Малайская мечеть с кладбищем.

Круглые надгробия обозначают мужские могилы, плоские — женские.

Фото Г. М. Лэйдлоу.

Илл. 372. Малайцы у могилы чудотворного святого, перед которой они дают обет, привязывая к палке полоску белой ткани.

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 373. Будущие священники Никобарцев в носильщиках.

Андаманские и Никобарские острова.

Андаманские и Никобарские острова — это два архипелага в Бенгальском заливе между Передней и Задней Индией, которые, несмотря на свою географическую близость, населяют совершенно разные народы. Оба архипелага находятся под англо-индийским управлением, хотя и имеют собственное местное самоуправление. В Порт-Блэре на Андаманских островах находится колония для заключенных Индийского королевства, где около шестнадцати тысяч человек, приговоренных к пожизненному или, по крайней мере, длительному заключению, отбывают наказание в этом идиллическом уголке земли.

Коренные жители Андаманских островов — негрито, люди очень небольшого роста (188 см у мужчин) и темной кожи, с короткой головой и вьющимися волосами (рис. 374 и 375), то есть родственники семангов на Малакке и собственно негрито на Филиппинах, которые, как и они, находятся на довольно низком уровне развития культуры. Напротив, жители Никобарских островов — высокие люди светлой кожи с длинными черепами и длинными прямыми волосами, которые уже обладают более высокой культурой, вероятно, происходят из юго-восточной оконечности азиатского материка и являются родственниками диких малайцев. Настолько же, насколько жители Андаманских и Никобарских островов () различаются по внешнему виду, настолько же они различаются по своим обычаям и религиозным взглядам.

Андаманцы не знают постоянного жилья; они живут под лиственными навесами. Их одежда очень примитивна и состоит из набедренной повязки из листьев; часто они ходят совсем голыми. У них слабо развито украшение тела. Популярна раскраска красной охрой, особенно среди женщин, которые также украшают свои лица, а иногда и руки, ноги и туловище широкими белыми полосами краски. Кокетливые люди надевают на бедра узкую ленту, сплетенную из растительных волокон, на которой висит брелок в виде небольшой красиво отполированной и отбеленной рыбной кости. Татуировки встречаются у обоих полов (рис. 374). Похоже, что эти узоры, нанесенные небольшими надрезами на груди и спине, являются частично признаком половой зрелости, частично племенными знаками. Оружием андаманцев являются лук и стрелы, а также копья. Их социальная структура представляет собой большую семью; жесткой организации нет. Как ни странно, они не знают, как разжечь огонь, и в их языке нет слов, которые свидетельствовали бы о том, что раньше они умели готовить пищу на огне. Тем не менее, сегодня они, по-видимому, умеют разжигать огонь, но всегда используют уже готовый. Зато андаманцы умеют изготавливать сырую посуду и украшать ее простыми узорами. Их пищей являются добыча охоты и плоды земли. Примечателен обычай, согласно которому каждый, независимо от пола, должен на всю жизнь исключить из своего рациона какое-либо животное; при нарушении этого правила следует ожидать, что у нарушителя начнет шелушиться кожа, появятся седые волосы и т. д. При выборе запрещенной пищи в большинстве случаев решающим является утверждение матери, что она вызывает у ребенка проблемы с пищеварением, в других случаях какое-либо животное выбирается по собственной инициативе, конечно, в основном маловкусное (индивидуальный тотемизм).

С духовной точки зрения андаманцы находятся на уровне детей. По описаниям Ричарда Темпла, они подозрительны по отношению к чужакам, но также гостеприимны, неблагодарны, подражательны, тщеславны и под влиянием тщеславия трудолюбивы и выносливы, обучаемы, но только до определенного предела, который быстро достигается, умственно легко утомляемы, имеют короткую, но стойкую память, склонны к играм и шуткам; они также беспечны и беззаботны, отважны, но не смелы, эгоистичны, вспыльчивы, совершенно безответственны в гневе, но легко умиротворяемы. Между собой они, как правило, ласковы и дружелюбны, внимательны к старикам, слабым и беспомощным, добры к своим женам и детям и гордятся последними, которых часто балуют. Но если их раздражать, они становятся жестокими, завистливыми, вероломными и мстительными.

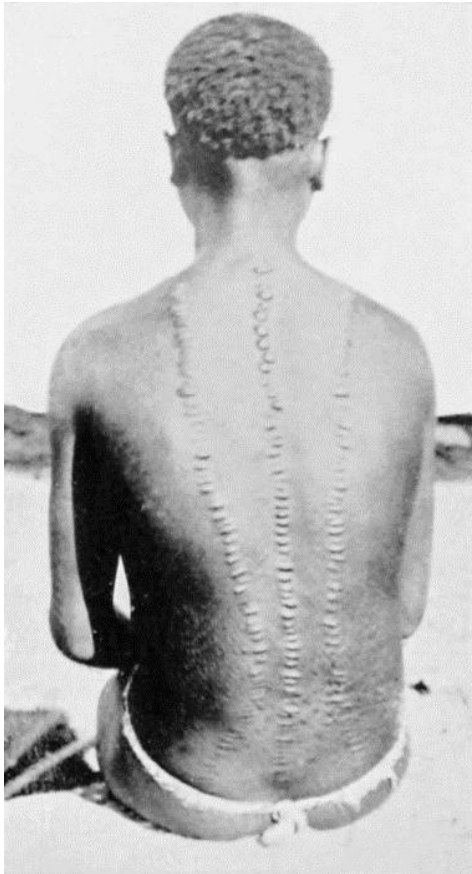

Фото Е. Н. Ман.

Илл. 374. Андаманец с украшающими шрамами, которые наносятся женщинами обоим полам в возрасте от восьми до восемнадцати лет. Они состоят из ряда надрезов, сделанных осколком стекла.

Фотография леди Эдли-Уилмот.

Рис. 375. Скорбящие андаманы,

которые обмазывают свои тела оливково-зеленой глиной, а затем раскрашивают их желтой охрой. На переднем плане в центре — скорбящая мать с вертикальными полосами на теле, слева от нее — скорбящая жена с черепом умершего на спине.

Социальные чувства, как правило, не выражаются словами. Когда люди собираются вместе, они некоторое время молча смотрят друг на друга, пока младший не нарушает тишину повседневным замечанием. Только после этого начинается оживленное обсуждение новостей; слушать их доставляет андаманцам большое удовольствие. Когда же собираются родственники, то один садится другому на колени (рис. 376); они крепко прижимаются друг к другу, громко плачут и ведут себя бурно; после долгого разлучения такое поведение может продолжаться в течение нескольких часов. При прощании они пожимают друг другу руки, дуют на них и обмениваются прощальными словами.

Фото. Хейвуд Сетон-Карр.

Рис. 376. Взаимное приветствие андаманцев после долгого отсутствия.

Фото. А. Р. Браун.

Илл. 377. Брак андаманцев.

Андаманцы проявляют детскую любовь к играм; они знают местную игру в слепую бабу, прыжки через козла и игру в прятки. Имитация охоты на животных, имитация похорон и поиски духов — их любимые развлечения; они также любят устраивать соревнования по плаванию, метанию, качанию, стрельбе из лука и борьбе. Поиск пищи, конечно, является их основным занятием; но сразу же за ним следует регулярный вечерний или ночной танец, странное, монотонное представление, во время которого ноги ритмично ударяют по

специальной звуковой доске (выдолбленному куску дерева в форме щита, лежащему на поперечной деревянной перекладине), импровизируются одна или несколько песен, а руки в равномерном ритме хлопают по пояснице. Этот танец проводится каждый вечер, если собирается достаточное количество участников; он длится часами, а в особых случаях — всю ночь. Оба пола танцуют в соответствии с назначенными им ролями. Эти развлечения и охота на черепах — единственные занятия, которые могут удержать андаманцев бодрствующими всю ночь.

Фото А. Р. Браун.

Илл. 378. Мать из Андаманских островов,
которая, как и ее ребенок, обрита на голове.

Религия андаманцев представляет собой простейшую форму анимизма, то есть ограничивается неопределенным страхом перед духами предков и злыми духами леса, моря и болезней; она направлена на то, чтобы избегать действий, которые им не нравятся. Кроме того, они знают своего рода высшее существо, бога бури, называемого Пулуга, который раньше жил на земле на самой высокой горе Андаманских островов, но теперь живет на небе

в большом доме. Он создал весь мир и все вещи, за исключением злых сил. Поэтому он не имеет над ними власти; он довольствуется тем, что указывает им на своих обидчиков. Пулуга также имеет жену, которую он создал сам, и много детей, которые вместе с матерью развлекаются, время от времени бросая рыб и крабов в реки и море для жителей Земли. Почитание или поклонение у андаманцев не встречается в какой-либо форме. Не нужно заботиться о высшем божестве, только нельзя делать того, что может побудить его повредить урожай джунглей (). Однако они знают некоторые меры, чтобы защитить себя от несчастья. Так, они всегда носят с собой огонь, чтобы отпугнуть лесного духа, бросают в огонь взрывающиеся листья и сжигают пчелиный воск, чтобы отпугнуть духа бури, стреляют из лука и при этом смеются над луной во время затмения и т. п. Андаманцы твердо верят в сны, которые часто влияют на их поведение в дальнейшем, а также в высказывания мудрецов, тех, кто видит пророческие сны, обладает даром предвидения и способностью общаться с духами или приносить удачу и несчастья. Такие люди занимаются примитивной магией и колдовством, извлекая выгоду из вещей, которые они объявляют табу для этой цели. У андаманцев есть определенное представление о душе, которое они черпают из своего отражения в воде (), а не из своей тени. После смерти душа переходит в другой мир джунглей и живет там так же, как жила здесь, на земле; время от времени она посещает землю и проявляет явную склонность входить в других существ. Согласно этому представлению, каждый рожденный ребенок уже имел предыдущую жизнь. Животные, и в особенности птицы, также наделяются человеческими качествами. Пленников, убитых андаманцами, находили покрытыми тяжелыми камнями, чтобы предупредить птиц, чтобы они не рассказали англичанам о том, что произошло, и куда направились убийцы. У андаманцев есть множество сказок, в реальность которых они верят; в них большую роль играет превращение людей в животных, птиц, рыб, камни и другие предметы; поэтому они видят в самых важных животных своей фауны животные формы своих предков.

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 379. Деревня на сваях никобарцев в гавани Каморта.

Большие здания — это жилые дома, а меньшие с прямой крышей — кухни. Стойки слева установлены для защиты от злых духов.

Ребенок получает свое имя еще до рождения, однако у мужчин оно обычно меняется или видоизменяется при вступлении в половую зрелость, при вступлении в брак и в пожилом возрасте. Например, если мальчика зовут Хира, то при вступлении в половую зрелость его

имя меняется на Гума-хира, при вступлении в брак — на Майя-хира, а в пожилом возрасте — на Майя-джанги-хира. Очень красивым является обычай при втором наречении имени девочки по системе « » называть ее в честь одного из шестнадцати выбранных деревьев, которые цветут именно в то время, когда она достигает зрелого возраста. На утро после рождения ребенку стригут волосы на голове; если бы это делали сразу, ребенок мог бы умереть. Эта процедура проводится и с матерью, хотя и не полностью (рис. 378). Вскоре после рождения отец формирует голову ребенка, сжимая ее со всех сторон согретыми руками; то же самое он делает с остальными костями тела. — Станным является обычай, согласно которому в пределах племени одни принимают детей других; поэтому дети, рожденные после шестого или седьмого, редко живут со своими родителями. Когда мальчики и девочки достигают зрелого возраста, проводятся определенные церемонии посвящения. После того как они в течение многих лет подчинялись определенным запретам на пищу (воздержание от употребления черепах, свиней, определенных видов рыб, меда и т. д.), эти запреты снимаются группой во время особых церемоний. Однако временное отделение новичков не происходит, и оба пола могут участвовать в церемониях.

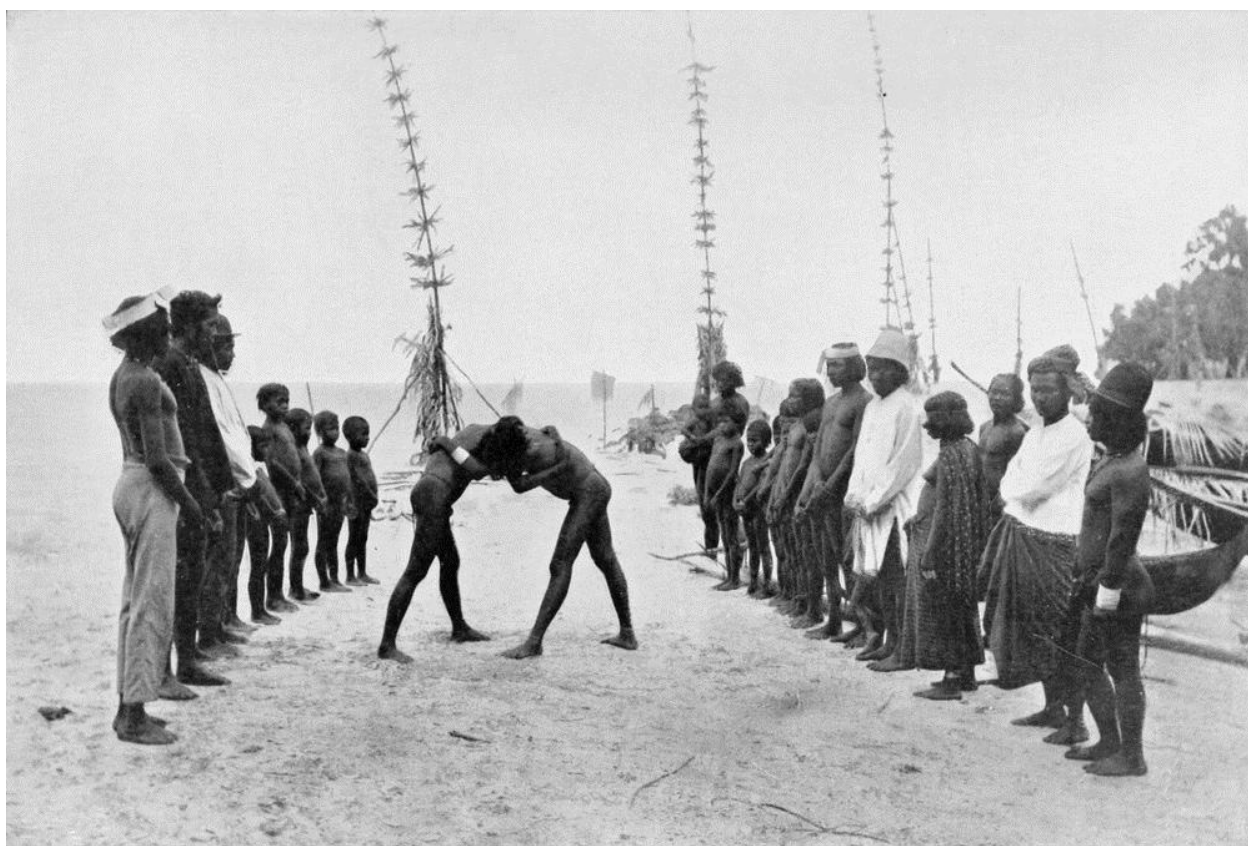

Фото Е. Н. Ман.

Илл. 380. Борьба никобарцев,

которая очень популярна среди них. Эта борьба проводится у столба духов на пристани деревни. На этой фотографии также видно предпочтение этого народа к европейской одежде. Коренной житель, стоящий справа, одет только в жесткую шляпу, рядом с ним стоит бирманский торговец, следующий за ним, кроме тропического шлема, одет только в рубашку и т.

д.

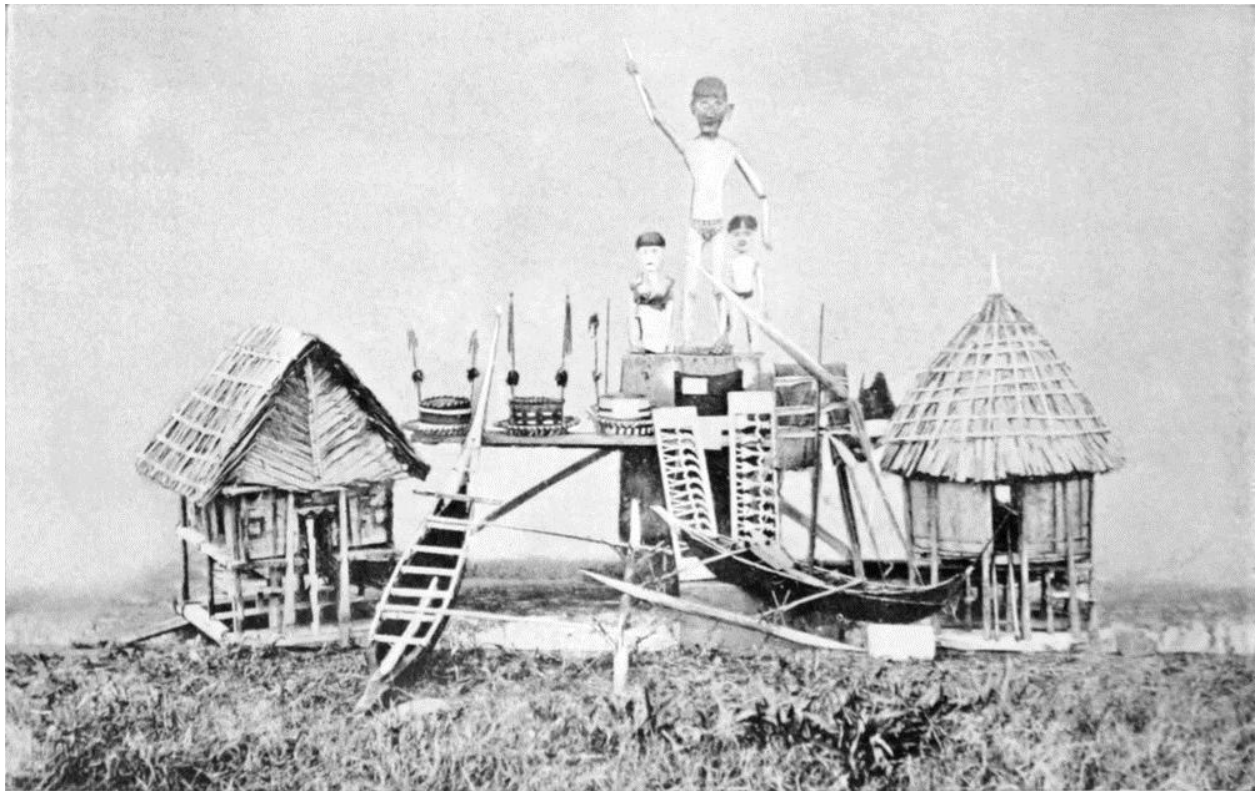

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 381. Модели никобарцев: дома, каноэ, шумовые устройства, чтобы отпугнуть духов, для чего служат дощечки в центре с вырезанными танцующими мужчинами и женщинами и фигурки непосредственно над ними. Три головных убора рядом с ними надевают на выкопанные женские черепа в ночь перед большим праздником памяти умерших.

Брак заключается родителями или родственниками; даже маленькие дети уже обручаются друг с другом и, достигнув брачного возраста, должны выполнить это соглашение. Брак у андаманцев является моногамным. Существует также левиратный брак, то есть обязанность для неженатого младшего брата жениться на вдове умершего брата или для бездетного вдовца жениться на младшей сестре своей умершей жены, при условии, что разница в возрасте не слишком велика. — Обряд бракосочетания очень прост и заключается лишь в том, что утром в присутствии вождя и всех заинтересованных лиц жених кладет свои ноги на ноги невесты (рис. 377), а в знак заключения брака вокруг них зажигают факелы. Несмотря на эту, безусловно, простую церемонию, лишенную какого-либо религиозного значения, брак остается прочным; разводы случаются редко, но никогда после рождения ребенка. Также исключены полигамия и кровосмешение. За измену предусмотрена смертная казнь для обоих виновных, хотя половые отношения до брака являются нормой.

Большее значение, чем остальным событиям жизни, придается погребению умерших. Маленьких детей просто хоронят под полом родительской хижины, а взрослых либо хоронят в неглубокой могиле, либо, что считается особой честью, связывают в узел, кладут на платформу или на ветви дерева. Венки из тростниковых листьев висят на видном месте вокруг места, которое остается пустым в течение примерно трех месяцев. Примечательно, что все это происходит без каких-либо слез и рыданий. По истечении этого времени кости умершего выкапывают, моют, разбивают и раздают знакомым, а также используют для изготовления украшений; им придают большое значение, с одной стороны, как память о покойном, а с другой — как средство для облегчения боли и, в целом, как лекарство от болезней; достаточно просто положить их на больное место тела. Череп, как правило,

удостаивается особой чести. Ближайший родственник красит его красной краской, украшает бахромой из деревянных волокон и носит на шее, на спине или на груди в течение всей жизни (рис. 375). Само траурное обряды заключаются в том, что люди мажут голову зеленовато-серой глиной, а остальную часть тела — желтой охрой (родители украшают себя вертикальными полосами), а также прекращают танцы.

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 382. Жертвоприношение злым духам в виде фруктов, приносимые родственниками умершего, чтобы поддержать их в хорошем настроении.

Никобарцы, которые уже при иммиграции принесли с собой черты континентальных народов, к которым они принадлежали, но сохранили эту прежнюю полукультуру из-за изолированного положения своей новой родины, являются умным народом, который с легкостью осваивает иностранные языки и очень хорошо разбирается в торговле своим основным экспортным товаром — продуктами кокосовой пальмы. Желание подражать иностранным языкам, одежде и манерам, а также освежающая наивность, которая при этом проявляется, делают их чрезвычайно забавным народом в глазах иностранцев (рис. 380). Как и их соплеменники на материке, они также живут в постоянных жилищах, которые обычно строятся на сваях, либо прямо на суше, либо на задних водах, либо в других

подходящих местах, защищенных от высоких волн, группами (деревнями) (рис. 379). Никобарцы раньше были пляжными и морскими разбойниками, пока индийское правительство не положило конец этим беспорядкам; в остальном, по описанию Темпла, они являются спокойным, миролюбивым народом, добрым к детям, старикам и женщинам. Их управление является полностью демократическим и находится в руках вождя; при этом они строго придерживаются древних обычаев.

Положение женщины у никобарцев относительно высокое; здесь она больше не является рабыней мужчины, а пользуется полной свободой. Отчасти это может быть связано с тем, что рождение девочек на этих островах относительно редко, и поэтому существует большой спрос на женщин. Девушка также имеет право отклонить поклонника, который ей не нравится. На свадьбе невеста получает приданое в виде свиней, кокосовых и пандановых деревьев. Странно, но муж переезжает в дом своей молодой жены, а не наоборот. — Если жительница Никобарских островов беременеет, она и ее супруг освобождаются от всех работ. Куда бы они ни пришли, их радушно принимают и в их честь забивают лучшую свинью. Обычно от беременной требуют, чтобы она посадила семена в землю, потому что от этих семян ожидают особой плодородности. — Поскольку высокая степень уплощения черепа считается красивой и среди этих островитян, общепринятым обычаем является то, что матери сразу после рождения придают голове своих детей определенную форму, каждый день в течение нескольких часов мягко сжимая ее увлажненными руками.

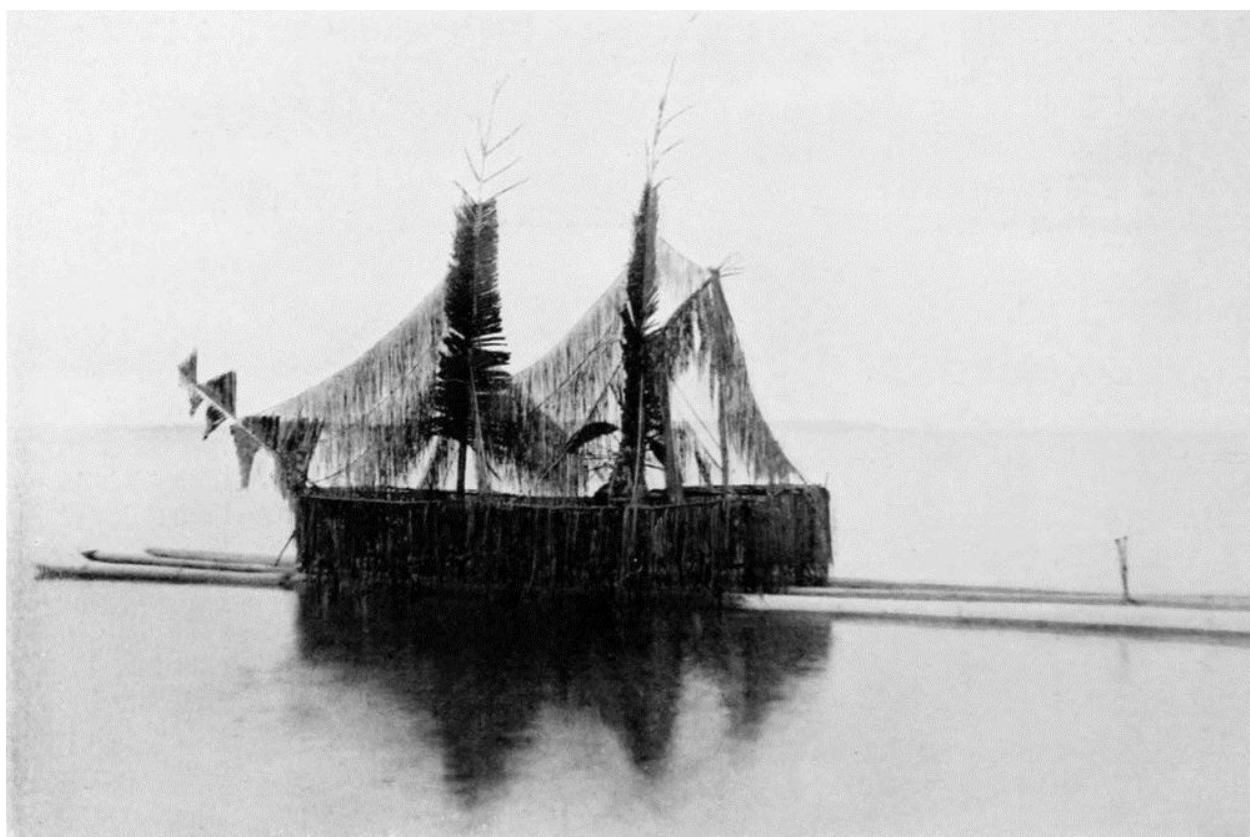

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 383. Маленькая лодка, в которую священник заточил духа и в которой тот плывет по течению.

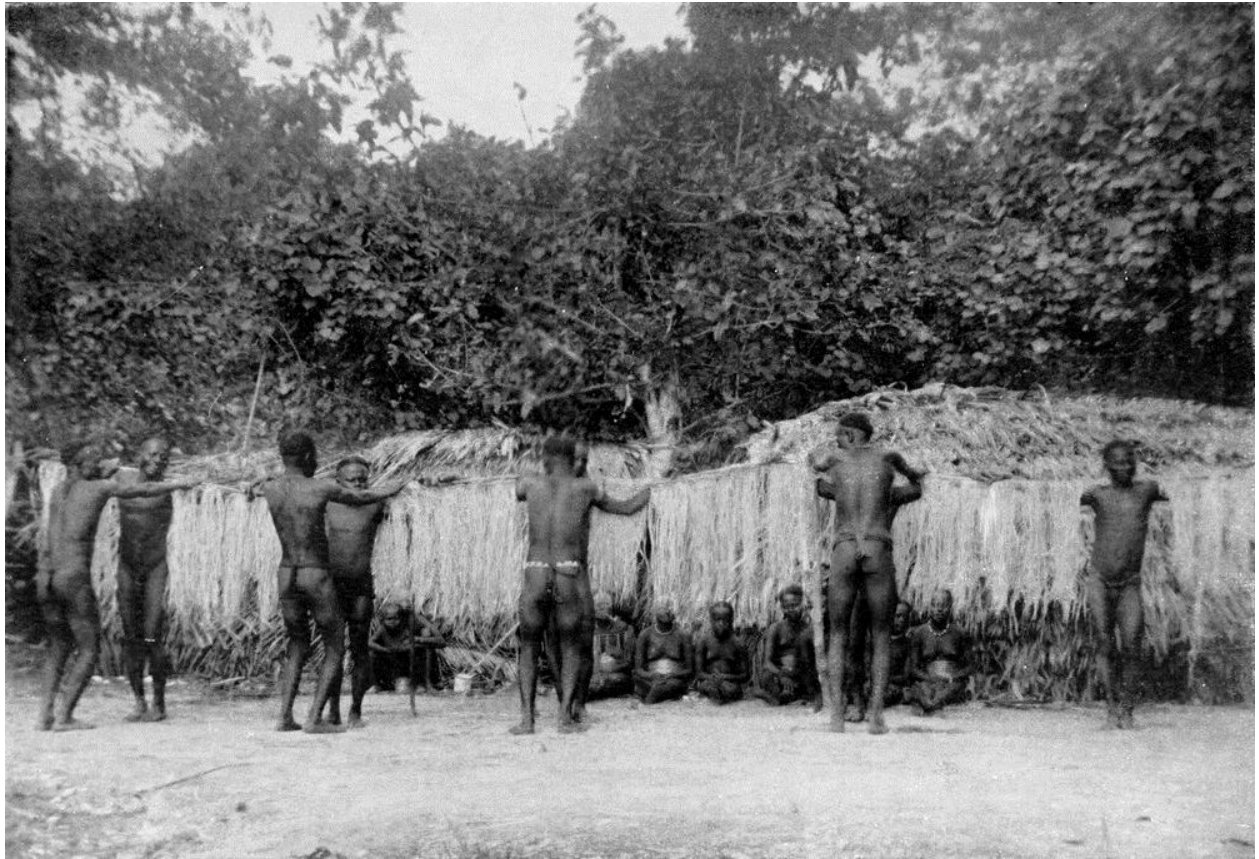

Фото А. R. Brown.

Илл. 384. Танец при заключении мира.

Поскольку никобарцы живут в стране изобилия, которая соответствует их образу жизни и требованиям к комфорту, у них естественно остается много свободного времени, которое они в основном, можно сказать, почти полностью посвящают религиозным церемониям и изготовлению необходимых для них предметов (рис. 381). Все церемонии основаны на всепоглощающем страхе перед духами и призраками и на вытекающей из этого необходимости отпугивать и изгонять их. Эта мысль лежит в основе любой церемонии, будь она светской или иной природы; она занимает большую часть их жизни, особенно ночью. Проявлением этого суеверия является также торжественная казнь злодеев (), совершивших тяжкие преступления против общины, такие как убийство, привычное воровство и публичное оскорбление; поскольку в их глазах они одержимы дьяволом, их убивают с большой жестокостью. Конечно, ведьм и охотников за ведьмами предостаточно, поскольку любая беда и любая болезнь приписываются ведьме или духу. Единственным средством избавления от этого всегда остается изгнание, которое проводится либо частным образом, либо священником-целителем. Последний, кстати, тип, который встречается среди многих полуобразованных племен, здесь появляется в интересном варианте в образе мафай, то есть «человека, получающего священническое образование» (= адепт). Каждый, кто чувствует в себе призвание, может стать таким мафай, но для этого ему не обязательно становиться полноправным священником. Этот священнический «студент» ведет комфортную, беззаботную жизнь, потому что его слуги заботятся обо всем; его переносят с места на место в своего рода полевом кресле (рис. 373).

Из множества суеверных обычаев никобарцев мы ограничимся здесь лишь несколькими. С помощью священника семья и ее друзья проводят несколько общих ритуалов вызова

духов в форме праздника духов. Мужчины сидят вокруг, курят и пьют, а женщины приносят из дома запасы еды, орудия, оружие и всякую другую всякую всячину; после того, как все хорошо поплакали, последнее разбивают и выбрасывают из дома. Затем запекают целую откормленную большую свинью и раздают ее предкам и присутствующим, но в основном последним. Это должно умиловать духов (рис. 382). Священник, который к этому времени впал в экстаз от выпивки и своих тайных обрядов, приступает к делу; он весь обмазан маслом, а лицо у него покрашено в красный цвет. Он поет жалобным глубоким басом, бегает вокруг, чтобы поймать духа бедствия, уговорить его, выругаться и оскорбить, женщины сопровождают его выходки ужасным воем, до тех пор, пока после борьбы дух, якобы пойманный, не помещается в маленькую украшенную модель лодки и не уплывает далеко в море (рис. 383). Поскольку теперь люди считают себя в безопасности от злого духа, начинается веселье, которое длится до поздней ночи: еда, питье, пение и танцы. Если лодка пристает к берегу в другой деревне, то ее жители, следуя старинному обычаю, нападают на обидчиков с короткими толстыми палками, пока несколько голов или конечностей не будут повреждены. Только после этого объявляется мир, который иногда заключается в ходе странных церемоний. Мужчины, совершившие последнюю атаку, воздвигают стену из травяных волокон и встают перед ней, а женщины садятся на землю перед ней и в такт бьют себя по бедрам руками (рис. 384). Мужчины противоположной стороны танцуют перед ними; каждый танцор кладет руки на плечи одного из стоящих мужчин и, энергично трясясь, прыгает вместе с ним вверх и вниз (). После танца обе стороны плачут и обмениваются оружием. Затем следует праздник, во время которого нападавшие остаются в качестве гостей чужого села на один или два дня.

Жизнь никобарцев пронизана многочисленными табу, которые иногда доставляют им настоящие неудобства. Самыми странными из таких запретов, пожалуй, являются те, которые влияют на язык и номенклатуру людей. Каждый человек имеет право присвоить себе в качестве имени любое слово из местного языка, будь оно еще так важно или совершенно общее; но когда он умирает, это слово становится табу примерно на целое поколение из-за страха, что, произнеся его, можно вызвать дух. Еще более ярким доказательством того, насколько сильно суеверие влияет на домашние обычаи, является привычка вешать у входа в дом страшные изображения духов; иногда это фигуры человеческих существ в натуральную величину, часто вооруженные копьями, иногда также мифические животные, с рыбами, крокодилами, птицами и свиньями в качестве основы и изображениями всевозможных предметов, нарисованными яркими красками на плоских листьях ареки. Снаружи дома также находятся подобные отпугивающие духи изображения.

Похоронные церемонии никобарцев многочисленны и очень затяжны; их единственная цель — напугать духов, а в других местах — поддержать духа в хорошем настроении и защитить живых от его гнева. Смерть сопряжена с большими расходами, но туземцы с радостью берут их на себя, если только это умиротворит духа. Тела умерших хоронят между закатом и рассветом, чтобы тени скорбящих не упали в могилы и не были похоронены вместе с умершими, ведь тень никобарца — это видимый знак его духа, поэтому во многих случаях еще до сих пор отмечают особый праздник «трапезы теней». Дух умершего считается тем опаснее, чем меньше времени прошло с момента смерти; поэтому в некоторых местах довольно скоро устраивают праздник, во время которого мертвых снова выкапывают, очищают кости и снова хоронят в земле. В некоторых местах этот обычай принимает форму ежегодного совместного извлечения из земли всех недавно умерших, сопровождаемого большим торжеством; затем кости смешиваются в костнице, и духи больше не могут причинять вреда. В других деревнях тела умерших кладут в полуканоз, разрезанное для этой цели пополам, и ставят его в развилке двух столбов в джунглях, пока тело не выпадет, а плоть не будет съедена свиньями. Иногда кости этих трупов также с

большой помпой помещаются в общее костница. А в других местах рядом с кладбищем есть специальные дома для умирающих, в которые люди уходят, когда приходит смерть (рис. 385).

Фото Е. Н. Ман.

Рис. 385. Кладбище с погребальными столбами и домом для умирающих на Никобарских островах.

Фото Р. Ленц.

Рис. 386. Погребальная колесница с телом последнего умершего короля.

Западная Индия.

Задний Индийский океан, участок юго-восточного азиатского материка (за исключением Малайского полуострова), расположенный между Бенгальским заливом и Южно-Китайским морем, до вмешательства англичан и французов был разделен на несколько государств: Бирма, Сиам, Аннам, Тонкин, Кохинчина и Камбоджа. За исключением Сиам, который остался самостоятельным королевством, все остальные признали европейское господство, однако в них сохранился правящий верхний слой, который мы называем бирманцами, сиамцами, аннамцами и так далее. Внешне эти народы производят довольно однородное впечатление, однако их расовая принадлежность пока не выяснена. Однако, по-видимому, можно с уверенностью утверждать, что к коренному населению, которое, вероятно, принадлежало к индоавстралийской основной расе, то есть к сеное, кубу, тоала и т. д., со временем к ним присоединились элементы из северной Индии (Тибет) с запада и из Китая с севера, которые частично постепенно поглотили коренное население, а частично вытеснили его в труднодоступные районы страны. Население, образовавшееся в результате этого процесса смешения, в котором, кстати, также участвовали малайцы, называется тайским народом (= свободные люди). Эти тайцы в свою очередь разделились на четыре больших племени : тосмуонг на северо-востоке (Тонкин и Аннам), шан с камти, син-по и качин на

северо-западе (Верхняя Бирма), лаосцы на юго-востоке (Французский Лаос) и сиамцы на юго-западе (Сиам).

В культурном отношении тайские народы ближе к китайцам и тибетцам, но в социальном отношении они больше похожи на малайцев. В целом, культурные условия в Западной Индии весьма разнообразны. Племена, оттесненные в горы, в большинстве своем сохранили свое первоначальное состояние, в то время как упомянутые выше господствующие племена плодородных равнин приобрели определенную полукультуру, которая возникла под влиянием как индийской, так и китайской культур. Остатки первых представляют собой великолепные многочисленные руины храмов, встречающиеся от Бирмы до Кохинхины, которые с их богатыми скульптурами и санскритскими надписями свидетельствуют о былом господстве брахманизма; среди прочего стоит упомянуть только великолепные руины храмов Ангкор-Ват (построенного в 825 году до нашей эры) и Накхон-Тхом. Теперь давайте рассмотрим обычаи и традиции отдельных стран Южной Индии.

Сиам.

О происхождении сиамцев мы уже говорили выше. Их внешность характеризуется средним ростом, оливково-коричневым цветом кожи, черными прямыми волосами, заметной короткой головой, ромбовидным лицом, выступающими скулами, большими глазами, плоским коротким носом, поднятыми губами и коротким подбородком. Это в целом неприятное впечатление у мужчин усугубляется некрасивой прической (короткие, торчащие вверх волосы) и окрашенными в черный цвет зубами. Женщины, напротив, носят длинные волосы и более или менее белые зубы. Как и все малайцы, сиамцы в основном живут в домах на сваях. На больших реках они часто живут прямо на лодках, так что здесь возникают, так сказать, плавучие деревни (рис. 389).

Фото: Gebr. Haeckel.

Рис. 387. Сиамская девушка.

Национальный костюм мужчин — панунг, кусок ткани шириной около метра и длиной два с половиной метра, который обертывается вокруг тела и закрепляется спереди так, что оба конца свисают, а затем скручиваются в виде веревки, продеваются между ног, поднимаются сзади и собираются на талии посередине спины (). Если смотреть на мужчину, одетого таким образом, спереди, создается впечатление, что он ходит в бриджах. Раньше женщины также носили панунг, который был скроен как юбка, и дополнительно надевали небольшую шаль, спускающуюся с плеча и покрывающую грудь (рис. 387). В настоящее время же под панунгом носят куртку и богато вышитую европейскую блузку; дамы из высшего общества, между тем, одеваются полностью по последней западной моде. Мужчины в городах также носят под панунгом белые брюки европейского покроя, хлопчатобумажные чулки и туфли, а чиновники — униформу. Маленькие дети, напротив, обычно ходят голыми, если только не считать одеждой сердечкообразную пластину из золота или серебра, которую надевают на шею маленьким девочкам. В сельской местности, однако, по-прежнему преобладает старая мода. Женщины лаоса и сегодня носят юбки, а мужчины — пояса поверх панунга. Старинное правило предписывает определенный цвет для каждого дня недели: для воскресенья — розовый, для понедельника — серебристо-серый, для вторника — красный, для среды — зеленый, для четверга — разные, для пятницы — голубой, для субботы — темно-синий. Женщины карен украшают свои одежды красивой вышивкой (рис. 391).

Фото Р. Ленц.

Рис. 388. Женщина из племени меао с необычным головным убором, состоящим из бамбуковых колец, соединенных между собой тканью и богато украшенных жемчугом, серебряными зернами и петушиными перьями. Его верхняя часть похожа на корзинку.

Сиамцы очень любят украшения. Даже если человек очень беден, он всегда будет украшать себя тем или иным украшением из драгоценных металлов. Даже маленьких детей уже украшают кольцами из золота или серебра на пальцах рук, ногах и руках. Взрослые также украшают себя драгоценными ожерельями, серьгами, поясами и т. д. (рис. 388). Очень своеобразным является ношение длинных ногтей, которое, как и в Китае, считается признаком благородства, а также уже упомянутое чернение зубов (у мужчин).

Фото: Gebr. Haeckel.

Рис. 389. Плавающая сямская деревня на реке Менам.

По своему характеру сямцев можно охарактеризовать как больших детей. Они любезны, миролюбивы, беспечны, трезвы, особенно щедры в раздаче милостыни, очень склонны к праздности, бесстрастны, твердо придерживаются старинных обычаев и строго соблюдают этикет. Они также любят развлечения, особенно они любят театр. «Лакон», как сямцы называют театр, проходит во время полнолуния, чтобы участники могли легко найти дорогу домой после представления поздно вечером. Они посещают его всей семьей и берут с собой еду. Сцена обычно овальной формы, зрители сидят вокруг, за исключением одного конца, где находятся два входа. Небольшие передвижные труппы, которых в стране много, привыкли обходиться без задника и, при необходимости, переодеваются в присутствии зрителей. В отличие от всех других восточных народов, женщины играют все серьезные мужские роли. Драма, разворачивающаяся перед зрителями, не раскрывает никаких идей и связных сюжетов, а воспроизводит отдельные события из мифологии брахманов, освященные традицией. Наряды, которые носят актеры, совершенно фантастические, украшенные разноцветными камнями и сверкающими блестками, которые, согласно преданию, принадлежали божествам и королевским особам древности (рис. 390). Нанесение на лицо толстой белой пасты в качестве косметического средства лишает исполнителей возможности выражать страсти; все они, напротив, проникнуты глубокой серьезностью. Исключение составляют клоуны, которые без грима, одетые просто, как современные крестьяне, прерывают самые священные и героические места комическими разговорами, намекающими на события дня. — В Сиаме также очень популярны танцевальные представления. Согласно старинным традициям, они здесь, как и вообще в Южной Индии, исполняются совершенно особым образом. Они состоят из поз с согнутыми коленями, при этом вытянутые руки изгибаются, а танцовщицы медленно продвигаются вперед на

плоских ступнях. К этому добавляются и более энергичные проявления, которые выражаются в мощных прыжках, ударах каблуками и позах в положении распростертых орлиных крыльев. Танцевать на носочках или делать пируэты, как это делают наши танцовщицы, в Сиаме совершенно неизвестно. Гибкость сиамских танцовщиц чрезвычайно велика; можно почти утверждать, что их пластичность происходит от двойных суставов. Это позволяет им в театральных постановках выразить больше, чем язык.

Сиамцы также очень любят азартные игры, поэтому игорные дома, особенно в столице Бангкоке, заполнены днем и ночью. Правила игры очень просты. Игроки сидят вокруг коврика, разделенного на четыре поля, и делают ставки на нем. Ведущий бросает любое количество ракушек в центр и отсчитывает от этой суммы по четыре. Игрок, чье поле соответствует количеству оставшихся ракушек, получает двойную ставку, а остальное крупье забирает маленьким граблями. Также делают ставки на то, будет ли количество оставшихся ракушек четным или нечетным. Страсть сиамцев к этой игре настолько велика, что вокруг игорных притонов одновременно открылись ломбарды, в которых ведется процветающий бизнес. Ежедневно приезжают сельские жители, которые вследствие сна или какого-либо другого предзнаменования намерены разорвать банк, но вскоре теряют не только все свои сбережения, но и сбережения своих друзей, а в некоторых случаях и урожай всей деревни.

Фото Р. Ленц.

Илл. 390. Сиамские балерины.

Большая часть театральных представлений состоит только из танцев, символизирующих любовь, триумф, отвержение, и балетов, изображающих боевой порядок войск или, как на картинке выше, полет ангелов.

Очень популярным развлечением является также игра в мяч, при которой плетеный легкий мяч ловится головой или любой частью тела, кроме рук и кистей, но при этом он не должен касаться земли. Кроме того, в жаркую погоду очень популярен спорт под названием «запуск воздушных змеев»: при этом проводятся своего рода дуэли, в которых владельцы змеев пытаются перерезать друг другу веревки или запутать их (). Воздушные змеи имеют форму звезды, но не имеют хвоста. Также популярным времяпрепровождением являются петушиные бои в уже описанной форме и даже рыбные бои. В последних случае в бассейне выпускают двух маленьких злых красных рыбок, и с интересом наблюдают, как они разрывают друг друга на куски.

Охота на слонов — королевский спорт. Дикие слоны, бродящие по степи, в определенные периоды времени собираются в большом загоне в Аютхьи, старой столице страны. Множество людей стекается на это зрелище, чтобы посмотреть на происходящее; король и его двор также наблюдают за ним из ложи. Из согнанных слонов выбирают тех, которых нужно приручить. Люди, сидящие на прирученных слонах посреди стада, очень ловко накидывают на заднюю ногу выбранных животных конец длинного каната и привязывают его к столбу (рис. 392). Дикие усилия пойманного таким образом животного доставляют зрителям большое удовольствие, их также возбуждает, когда оставшиеся на свободе слоны дразнятся с толпой, а какой-нибудь слишком смелый человек подходит к животным слишком близко, и его хватают и убивают.

Фото Р. Ленц.

Рис. 391. Женщина из племени каренов.

Карены Сиам являются чистыми поклонниками духов, их ритуалы состоят в жертвоприношениях, сопровождаемых праздниками и пирушками. Они широко практикуют гадание, в основном с помощью костей забитой птицы. Женщины украшают свои одежды вышивкой из семян трав, носят серебряные кольца в ушах, а после замужества — синюю косынку на голове.

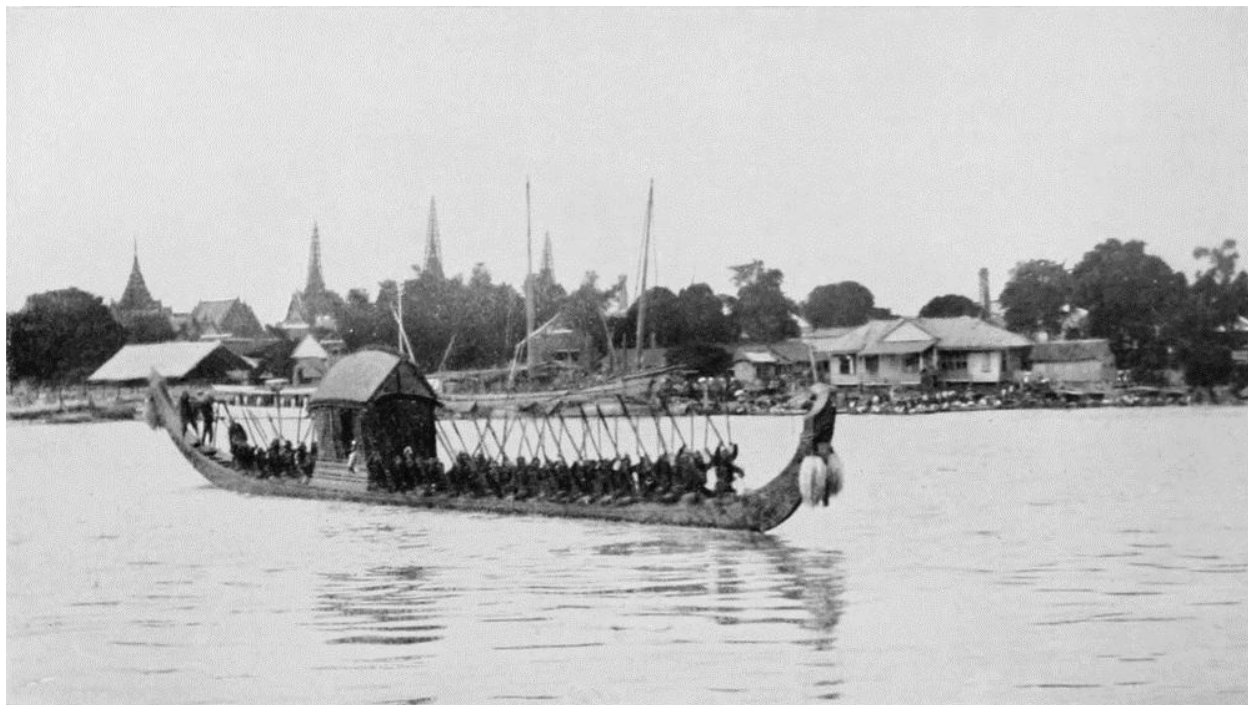

Фото Р. Ленц.

Илл. 392. Охота на диких слонов.

В Сиаме король считается сверхъестественным существом и поэтому является объектом особой святости и почитания. По народному поверью, в королевском дворце в Бангкоке в цепях содержится демон по имени Пхра Денг, или «Красный господин», который когда-то был полубогом и в начале нынешней сиамской эры спустился с небес. Пока он не сбежит, он приносит удачу королевскому дому и народу. Во всем, что связано с двором, соблюдается строгий этикет. Церемонии, связанные с тронном, например коронация, носят исключительно религиозный характер и сильно проникнуты брахманическим влиянием, однако король Чулалонгкорн () уже отменил некоторые из обрядов, которыми пользовались его предшественники. К традиционным символам, таким как трезубец, зонтик и т. д., с незапамятных времен относится и белый слон, без которого, как и раньше в Индокитае, по мнению народа, король не может быть настоящим. На самом деле это не совсем белое животное, а животное, цвет кожи которого имеет патологическое происхождение, альбинос, поскольку у него грязно-серые волосы, белые ногти на пальцах ног и желтая или розовая радужная оболочка глаза. — Два раза в год принцы, дворяне и чиновники по всей стране приносят королю клятву верности. Эта церемония, называемая Теу Нам или «вододержание», имеет очень древнюю историю, поскольку она проводилась еще при дворе королей брахманской Индии более двух тысяч пятисот лет назад. В Бангкоке она проходит в присутствии короля. В храме, расположенном в непосредственной близости от дворца, собираются принцы и ведущие государственные чиновники, а снаружи, на обширных лужайках вокруг дворца, выстраиваются солдаты всех родов войск в блестящих униформах и белые слоны в сверкающих убранствах. Под звуки барабанов и фанфар король выносится из дворца на золотом троне, тысячи штыков блестят в знак приветствия, гремят пушки, а многочисленные военные оркестры исполняют национальный гимн, пока Его

Величество проходит перед войсками, а затем садится, чтобы наблюдать, как придворные и государственные чиновники по двое входят во дворец, берут со стола маленький кубок с водой, освященной специально для этой цели под мощные брахманские заклинания, касаются его губами и снова уходят через наружную дверь. В провинциях та же церемония проводится в присутствии официальных представителей короля.

Фотография Антонио.

Рис. 393. Королевская ладья,

которая теперь используется только для государственных дел. Раньше король часто пользовался позолоченной ладьей, на которой гребли пятьдесят и более гребцов в красных одеждах.

Вежливость и уважение требуют, чтобы при общении с лицами королевской крови использовались определенные выражения, как бы только избранные слова, — обычай, который, возможно, связан с общепринятым представлением о том, что, описывая обычный предмет или называя его иностранным словом, можно как бы смягчить его низкость (). Этот так называемый дворцовый язык настолько тонко проработан, что не только собаки, вороны и другие обычные и нечистые животные обозначаются особыми словами, но и действия высокопоставленных лиц, такие как еда, сон, ходьба, разговор, купание и т. д., обозначаются более избранными выражениями, чем те, которые используются в отношении простых людей. Кроме того, сиамцы стремятся оказывать необходимое уважение любому человеку, стоящему выше их по рангу. Так, например, никто не осмеливается держать голову так же высоко, как его начальник, никто не переходит мост, если в этот момент его хочет перейти другой человек, стоящий выше по рангу, и многое другое.

Фото Ф. Чит.

Илл. 394. Перенос старого изображения Будды в новый храм,

который находится под балдахином на праздничной лодке; король и его свита сопровождают эту перевозку на государственных лодках.

Сиамцы являются последователями учения Будды, однако во многих отношениях оно все еще пронизано старыми верованиями в духов. Они считают, что вся вселенная наводнена всевозможными духами: от могущественных царей небес и адов, божеств учения Брахмы, что до сих пор отражается в представлениях народа, до самых маленьких эльфов, обитающих в водосточных желобах, и кобболов, которые ночью щекочут детей по подошвам ног. Каждая река, каждое озеро, каждая гора, каждый утес, каждое дерево, каждое поле, каждый сад, каждое жилище считаются местом обитания духов, лесных нимф и привидений. На веранде или во дворе каждого дома стоит крошечный домик для кукол, в котором живет призрак, который, если ему усердно приносить жертвы, в благодарность защищает дом от бедствий и других злых духов, но если его пренебрегают или не обращают на него внимания, мстит, насылая на дом всевозможные беды. Все духи по своей природе злобны, но у большинства из них есть какая-то слабость, и их можно переубедить дарами, которые им по вкусу. Некоторые, напротив, трудно умиротворить или легко обидеть; их гневу приписывают почти все бедствия, которые постигают людей, такие как ураганы, землетрясения, наводнения и другие серьезные природные явления, несчастные случаи и болезни. Но есть и бдительные духи, которые заботятся о защите городов и дворцов, выходят из своих укрытий и вступают в борьбу с вторжениями злых духов, если с ними хорошо обращаются. Суеверие считает, что они происходят от здоровых, сильных людей, которых в древности просто обезглавливали и хоронили в соответствующих местах под стенами, у входов и так далее. Если общественные здания могут так легко защитить себя от злых духов, то для отдельного человека это сделать гораздо сложнее; он вынужден полагаться на помощь посредника, колдуна, гадателя или подобного дельца, который в большинстве случаев проводит изгнание дьявола. Медицинская наука сиамцев также прибегает к подобным фокусам, хотя в ее распоряжении имеется целый ряд травяных лекарств, обладающих реальным лечебным действием. Но врачи ценят их не всегда за их лечебные свойства, а потому, что верят в их эффективность против духов, ведьм и т. п. Музыка, танцы, частые купания — это общие рецепты для лечения большинства болезней. Лечащий врач также часто пытается изгнать зло, дуя, плевая, свистя и размахивая зелеными ветками. Продажа магических средств является хорошим источником дохода для аптекаря, однако ему приходится испытывать сильную конкуренцию со стороны буддийских монахов,

которые выступают в роли изгоняющих демонов, хотя им это запрещено. Ведь согласно учению Будды, сила духов существует только в воображении. Но сиамцы не отказываются от своих старых суеверий. — [Иллюстрация 394](#) показывает перевозку статуи Будды в празднично украшенной ладье в новый храм в сопровождении короля и его семьи. Позолоченная королевская ладья ([илл. 393](#)) теперь используется только для особых государственных мероприятий.

Фотография Антонио.

Рис. 395. Буддийский монах во время проповеди.

Эти буддийские монахи — люди, которые ушли из мира, чтобы избежать греха и тем самым заслужить божественное вознаграждение. Их миссия не заключается в том, чтобы служить людям; если они это делают, то только для того, чтобы извлечь из этого выгоду для себя. Однако грешные миряне, которые не чувствуют в себе достаточно силы, чтобы отречься от мира, могут извлечь выгоду для спасения своей души, поддерживая монахов. Первоначально буддийские монахи были нищими, которые, одетые в лохмотья, странствовали по стране и жили на подаяния; теперь же они одеваются в более качественные ткани и живут в уютных монастырях, при этом достаточно часто пренебрегая объедками и грубой пищей, которую они должны были бы просить в соответствии с уставом своего ордена. Монастыри находятся под строгим надзором; в них соблюдаются строгие правила жизни, не позволяющие обитателям лениться. Монахи стремятся отвлечь свой ум

от мирских дел посредством размышлений; во время одиноких часов, которые они проводят в своих кельях, им назначаются различные темы для размышлений, в которые они должны погрузиться. Благодаря постоянному изучению они могут приобрести различные степени учености, которые дают им право на более высокие должности в церкви. Однако в сухой сезон монашеская жизнь приостанавливается, и вместо размышлений монахи вновь возвращаются к старой жизни нищих. Они странствуют из места в место, часто преодолевая большие расстояния, прежде чем наступающий сезон дождей заставляет их снова укрыться в своих монастырях. В своих путешествиях они берут с собой малое, кроме большого белого зонта, который днем защищает их от палящего солнца, а ночью служит им палаткой. Все остальное, что им необходимо, они получают в виде милостыни от верующих. Находясь в одном месте, монахи два раза в день проводят короткую службу в храмах, принадлежащих монастырю; в праздничные дни высший из монахов или аббат проповедует с места у подножия статуи Будды (рис. 395).

Фото Р. Ленц.

Илл. 396. Праздник песка сиамцев.

Каждый год в марте на площадки перед храмами приносят песок и формируют из него небольшие кучки в форме пагод, которые украшают флажками и т. д., веря, что таким образом можно заслужить благословение.

Фото: Т. А. Джеральд Стрикланд.

Илл. 397. Парад на празднике качелей.

Мужчины на переднем плане изображают врачей древних времен. В процессии представлены все виды бедняков от прошлого до последнего дня.

Если сиамец становится богатым, он заботится о строительстве монастыря, храма () или пагоды, надеясь тем самым получить существенное преимущество для спасения своей души. Однако он не тратит деньги на восстановление заброшенного церковного здания, потому что боится, что, потратив их на дело другого человека, он будет способствовать только его спасению. Вообще, буддист, желающий обрести будущее счастье, должен заслужить его уже в этой жизни. Самый популярный способ сделать это, если он не хочет уходить в монастырь, заключается в том, чтобы дарить монахам подарки, которые они принимают в любой форме, будь то немного вареного риса или роскошный монастырь со всеми принадлежностями. Есть также определенные дни и сезоны, когда люди выражают эту особую форму благотворительности, но при этом они сочетают эти обязанности со всевозможными удовольствиями (рис. 396). Четыре дня в месяце являются священными днями, когда люди надевают свои лучшие одежды и идут в храм, чтобы принести небольшие жертвы. В начале и в конце буддийского поста есть возможность для подобных обычаев. В апреле рождение Будды и его смерть отмечаются трехдневным богослужением в храме, а вечером проходят фейерверки, праздничная иллюминация и театральные представления. В октябре все люди с усердием дарят монахам одежду; это самый важный праздник буддийской религии, Тот Кратин или «Положение святой ткани». Этот праздник длится около месяца и поглощает огромные суммы денег, которые тратятся на желтую ткань для монахов. Каждый из них получает гораздо больше, чем может использовать. Но главное в этом то, что весь народ, начиная с короля, тем самым заслуживает большую благодарность и прекрасно развлекается. На праздник Прабат, который приходится на октябрь, народ совершает паломничество в горы Пхат Пхат () недалеко от Бангкока, чтобы помолиться в храме,

построенном на предполагаемых следах Будды, правда, длиной более метра. Незадолго до полнолуния специальные поезда доставляют паломников в это священное место; в течение следующих дней они толпятся на ступенях храма, чтобы положить подарки, игрушки, картинки, часы и другие странные предметы, купленные в Бангкоке, или чтобы наклеить золотую пену на каждое доступное место храмовой стены. Ночи они проводят за чтением священных писаний или разговорами и флиртом при ярком лунном свете.

Фото Р. Ленц.

Илл. 398. Сцена из праздника качелей.

Фото: Ф. Эбит.

Рис. 399. Сцена из праздника первой вспашки.

Вместо короля на место проведения праздника приносят министра земледелия.

Другие праздники религиозного характера, которые отмечают сиа́мцы, либо заимствованы из брахманского культа, либо основаны на явном поклонении духам. В апреле проходит праздник Сонгкран, названный в честь брахманского бога, который приходит на землю, чтобы открыть новый год. За несколько дней до этого дворцовые брахманские жрецы объявляют о присутствии этого бога на земле. После этого весь народ приступает к орошению земли возлияниями и орошению людей, которых они уважают. С особой торжественностью эта церемония проводится в королевском дворце, где землю и главу государства торжественно орошают святой водой. В других местах эта церемония принимает скорее форму развлечения, в котором ведущую роль играют девушки, которые продолжают это делать до тех пор, пока они и все, кто к ним приближается, не промокнут до нитки. Объявление о возвращении бога на небо положит конец этой игре. — В октябре с большой торжественностью отмечается примирение духа реки; эта церемония называется *Loi Kratung* или «плавание корзин», потому что на реке выставляют корзины с благодарственными жертвами () и пускают их по течению. В Бангкоке, где это торжество проводится ночью, каждая корзина освещается, так что вся река похожа на сверкающее море огней, и этот эффект усиливается фейерверками. — Ежегодный праздник качелей, который является древней традицией, призван выразить благодарность за последний урожай и одновременно просить о богатом урожае в следующем году (рис. 397). Бог Индра в образе благородного сиа́мца наблюдает за празднованием и участвует в шествии, которое проходит от удаленного храма до места, где стоит большая качель. Четыре мужчины —, чьи костюмы указывают на связь с богами дождя, поднимаются на качели — высота которых составляет около тридцати метров, а доска находится примерно в пяти метрах над землей —, хватаются за свисающие веревки и приводят их в движение. Как только качели набирают

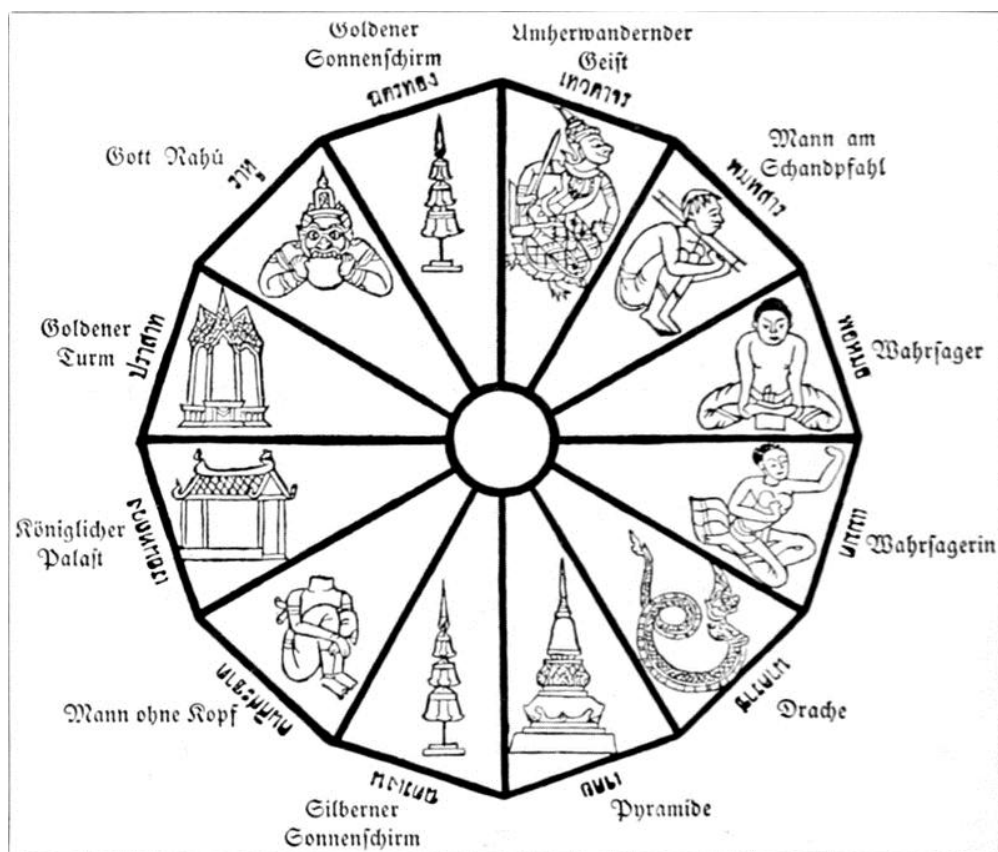
достаточную скорость, один из мужчин пытается схватить маленький мешочек, висющий на длинной бамбуковой палке рядом с качелями и содержащий монеты (рис. 398). Если ему удастся схватить мешочек, то многочисленная толпа приветствует его радостными возгласами, а если он промахивается, то раздаются возгласы сожаления. То, что народ так живо участвует в успехе этой попытки, связано с суеверием, согласно которому таким образом должен быть решен спор между Индрой и богами дождя. Если монеты будут схвачены, то последние выиграют.

Фотография В. А. Грэма.

Илл. 400. Праздник первого пахота.

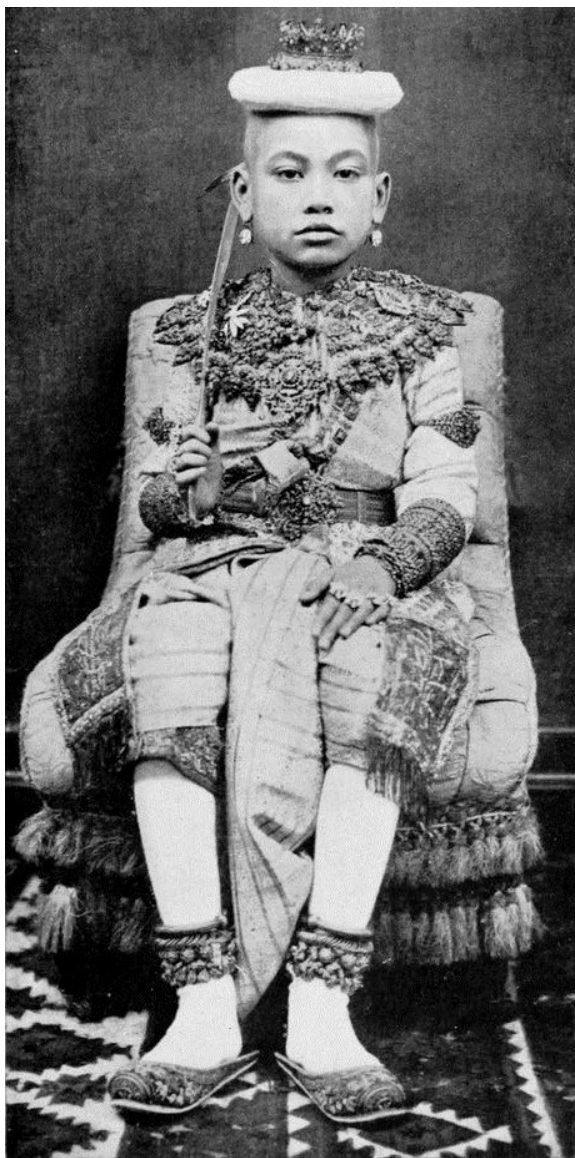
В заключение следует упомянуть праздник Рек На, или «первую вспашку», церемонию, призванную расположить к себе богов земледелия и узнать, каким будет следующий урожай. С него начинается полевая работа. Раньше эту церемонию проводил сам король, теперь его заменяет высокопоставленный чиновник, чаще всего министр земледелия (рис. 399). Он ведет позолоченный плуг, запряженный в разноцветную упряжь волов (рис. 400), три раза вокруг освященного поля, на которое затем разбрасывают рис, который сразу же собирают люди, веря, что если смешать эти зерна с собственными семенами, то они принесут хороший урожай. Кроме того, двум молодым волам предлагают различные виды зерна и следят, какой из них они едят больше всего. Однако этот вид зерна не выращивают, потому что тогда урожай будет плохим. В конце церемонии объявляют прогноз урожая на предстоящий сезон.

Из «Anthropos».

Илл. 401. Сиамский стол для составления гороскопа.

Серебряный зонтик, например, означает: честь, власть, уважение; человек без головы: проигрыш в суде, материальные потери, а также насильственная смерть; королевский дворец: высокие почести, покровительство, влияние на других и так далее.

Фотография Антонио.

Илл. 402. Сиамский мальчик, подготовленный к церемонии обрезания косички.

Он одет в красивые одежды и украшен семейными драгоценностями.

Всевозможные обычаи связаны также с важнейшими моментами в жизни сиамцев. Как только ребенок рождается, мудрая женщина сразу же осматривает его в поисках признаков, которые могли бы послужить гадалею основой для предсказания его будущего, а затем оставляет его одного, в то время как мать, лежа на дощатом ложе, подвергается воздействию жара большого костра, который, как считается, должен ускорить ее выздоровление. Когда ребенку исполняется месяц, ему торжественно бреют голову и семейный гадалец составляет гороскоп. Примерно в то время, когда ребенок делает первые шаги, гадалка снова вызывается, и, после того как она вновь рассматривает гороскоп и другие зловещие предзнаменования, для ребенка выбирается имя из тех, которые наиболее подходят для года, месяца, дня и момента. Для составления гороскопа используется таблица (рис. 401), в центре которой расположены двенадцать сегментов, каждый из которых содержит фигуру (пирамида Будды, дракон, волшебница, гадалка, серебряный и золотой зонтик, человек без головы и т. д.). Каждый из них имеет особое значение, приносящее удачу или несчастье в повседневной жизни. При использовании этой таблицы гадания начинают считать от пирамиды Будды () и, если речь идет о мужском существе, идут влево, а если о женском — вправо. Сначала считают дни недели, затем таким же образом дни месяца и,

наконец, годы, каждый из которых находится под одним из двенадцати знаков, от той же отправной точки, пока не дойдут до своей даты, и таким образом определяют три фигуры. Если все три числа неблагоприятны, то, без сомнения, следует ожидать неудачи; если среди трех чисел есть только одно неблагоприятное, то прогноз хороший, а если все три числа благоприятны, то предприятие не может не увенчаться успехом. — Сиамский ребенок, так сказать, тиранизирует своих домочадцев. Все его родственники являются его рабами и исполняют его малейшие желания; все его балуют и лелеют. Голову ему постоянно бреют примерно до четырех лет, с этого момента мать начинает ухаживать за его волосами; она закручивает их в пучок на макушке и продевает в него разноцветную булавку. Вскоре после этого ребенок получает одежду и позже отправляется в монастырскую школу деревни. С этого момента жизнь обоих полов принимает разное направление. Девочки, как правило, не получают школьного образования, а знакомятся с обязанностями своей будущей профессии домохозяйки. — Как только дети начинают достигать зрелости, то есть в возрасте от десяти до тринадцати лет, мальчикам и девочкам с большой торжественностью обрезают пучок волос; это самый важный момент во всей жизни сиамца. В день, назначенный гадателем, в доме родителей устанавливается алтарь с изображением Будды, который украшается свечами и украшениями, насколько позволяют средства. Вокруг алтаря расставляют большие ножницы, чашу с освященной водой, морскую раковину и другие предметы, необходимые для церемонии, а на подставке рядом кладут небольшие порции еды в качестве угощения для семейных богов. Затем освященная нить проходит под карнизом вокруг дома, и ее два конца вводятся в дом в руки монахов, чьи проповеди должны скользить по нити, чтобы не дать злым духам помешать священному обряду. Не забывают и о предках, чьи урны с прахом ставятся на небольшой алтарь. Наконец, снаружи дома возводится леса с балдахином на четырех столбах, под которым на остроконечном подножии ставится еда для бога Кеду, дарующего долгую жизнь. — Во второй половине дня, предшествующего самому празднику, сначала собираются друзья семьи, каждый с подарком, а затем монахи, которых при их появлении встречают ударами гонга и угощают чаем. После перерыва появляется ребенок, нарядно одетый и украшенный всеми семейными драгоценностями (рис. 402). Монахи произносят молитвы, в которые вступают присутствующие гости; затем начинает играть музыка; раздают чай, сигары, еду и бетель, и все предаются удовольствиям. Следующий день проходит аналогичным образом, и только на третий день происходит главная церемония. До этого соблюдается полная тишина, чтобы злые духи, которые, возможно, находятся поблизости, не заметили, что что-то происходит. Незадолго до восхода солнца ребенок появляется снова, с гладко выбритой головой, за исключением пучка волос. Пучок волос делится на три пряди, гость, которому присутствующие оказывают наивысшую честь, а также два пожилых родственника берут по одной пряди и отрезают их точно в момент восхода солнца. В этот момент раздаются оглушительные барабанные удары и музыка. Еда для Кету уносится с платформы, и ребенок сажается на ее место под балдахином. Затем родственники и друзья по очереди подходят и льют воду из раковины на лысую голову ребенка, которая промокает до нитки (рис. 404). Одетый заново, на этот раз в свою самую красивую одежду, ребенок берет на себя церемониальное кормление монахов; эта часть торжества проходит под музыкальное сопровождение, а также под произнесение и пение священных слов и заканчивается проповедью. — Роскошь, с которой проводится церемония обрезания волос, естественно, зависит от богатства и положения соответствующей семьи. Если волосы обрезают королевскому принцу, то эта церемония превращается в настоящий народный праздник, сопровождаемый весельем повсюду.

Фото Ф. Чит.

Илл. 403. Наследный принц в монастыре для принятия обычного монашеского обета.

Фото: Ф. Чит.

Илл. 404. Церемония обрезания косы на сиамском королевском дворе.

Король окропляет головой одного из своих сыновей, над которым только что была совершена церемония, освященной водой.

После того, как им обрезают прядь волос, девочки возвращаются к своим домашним делам, а мальчики продолжают обучение до достижения двадцатилетнего возраста. Затем они проходят, так сказать, конфирмацию и принимаются в священный орден монахов. Учение Будды предписывает, что каждый, кто искренне исповедует его, должен подтвердить это, уйдя от мира и вступив в орден, однако он может в любой момент отречься от этой клятвы. Поэтому каждый сиамский юноша, даже если он не выбрал духовную профессию, принимает монашеский обет, чтобы соблюсти букву закона (рис. 403). Тот, кто не намерен оставаться членом ордена, через некоторое время, обычно через три месяца, просит освободить его от обета, что предоставляется без возражений. Тогда он может вернуться из уединения в мир. Принятие в орден становится для родственников большим праздником радости (). Одетый в дорогие одежды, кандидат вместе со своими

родственниками, друзьями и всеми знакомыми девушками отправляется в храм, трижды смиренно падает ниц перед монахами и официально представляется родственниками, которые предлагают монахам подарки. Затем он должен пройти собеседование, чтобы определить, подходит ли он духовно и физически, и если его ответы удовлетворительны, он снова падает ниц и умоляет освободить его от мирской жизни и принять в орден. После этого его раздевают, снимая с него дорогие одежды, и одевают в желтую монашескую одежду, вешают на плечи миску для подаяний и дают в руки веер. Так одетый, он снова падает ниц на землю и затем дает десять предписанных обетов, а именно: никогда не убивать, никогда не воровать и не лгать, всегда вести целомудренную жизнь, не пить опьяняющих напитков, есть только в положенное время, избегать всех мирских удовольствий, не носить личные украшения, никогда не иметь дела с деньгами и спать на земле. Аббат публично объявляет, что кандидат принят в орден, и еще раз напоминает ему об обязанностях, которые он взял на себя, и о грехах, которых он должен избегать. Как уже было сказано, юноша может в любое время по своему желанию быть освобожден от своей клятвы и вернуться в мир, как это и происходит в большинстве случаев.

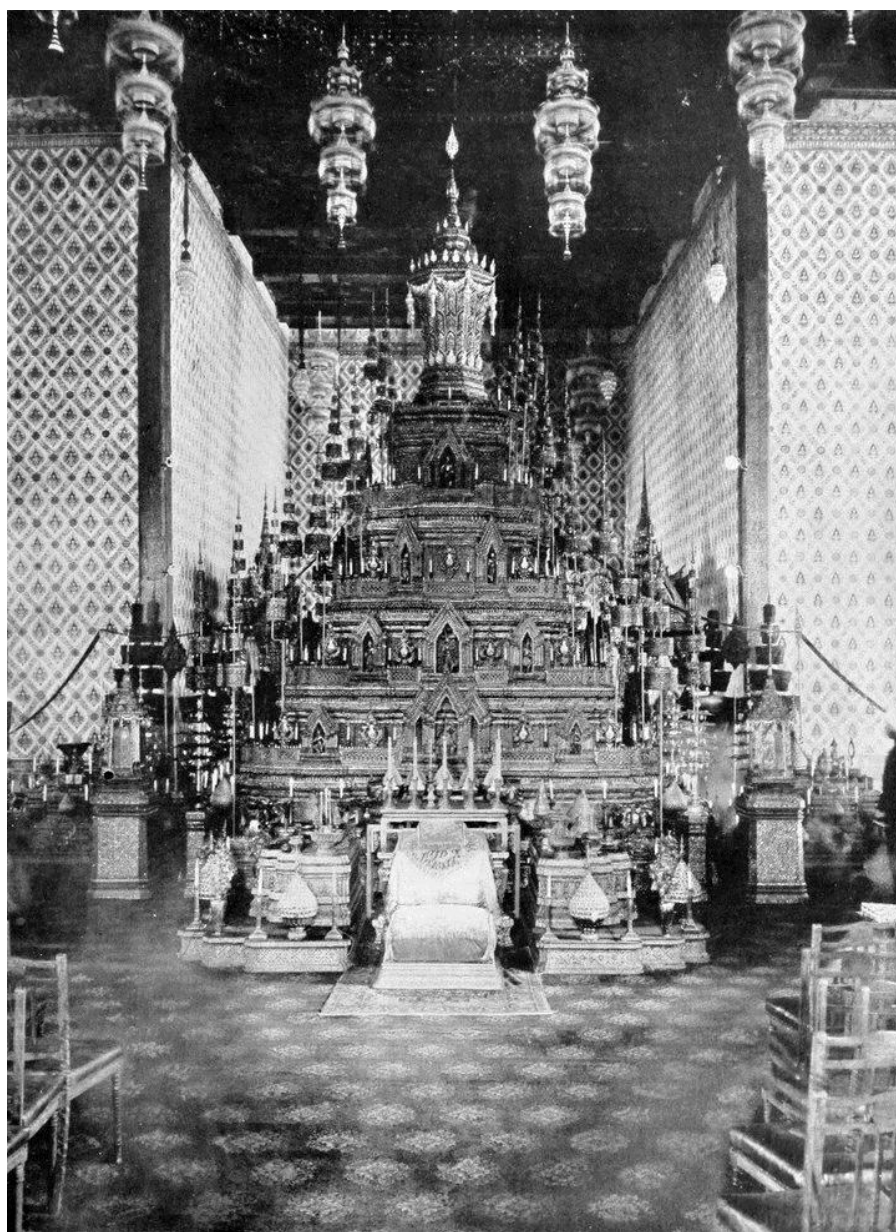
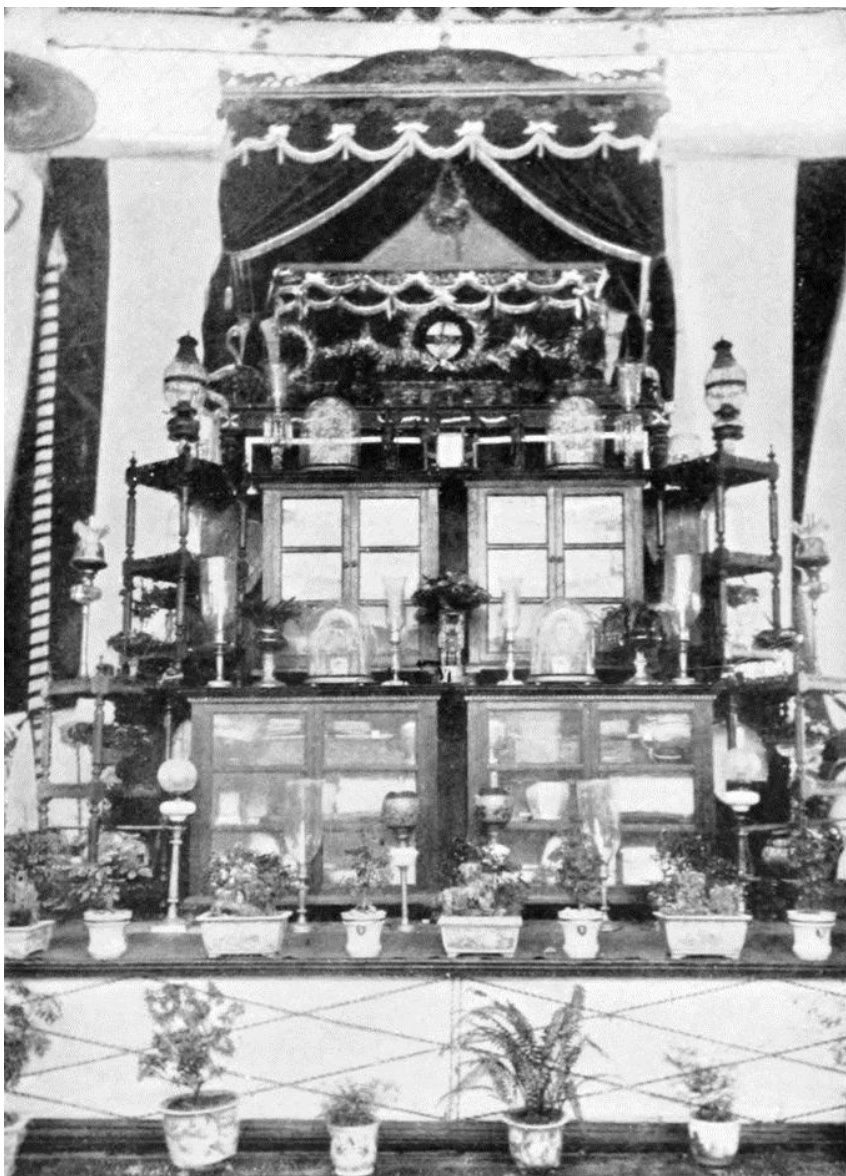

Фото Р. Ленц.

на несколько месяцев в золотой урне на вершине искусной золотой пирамиды во дворце.

Он делает это, когда хочет жениться. Примерно в возрасте двадцати лет юноши, а в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет девушки вступают в брак. В Сиаме почти все вступают в брак; поэтому в этой счастливой стране почти не встречается старых дев. — В большинстве случаев брак является лишь договоренностью между семьями, которая изначально заключалась пожилой, очень дипломатичной женщиной, но теперь все чаще заключается непосредственно родителями, которые свободно обсуждают эти вопросы между собой. В настоящее время все большее распространение получают браки по любви. Сиамцы не придают большого значения брачной церемонии, поэтому часто сокращают ее или вовсе отказываются от нее, поскольку для юридической силы брака достаточно простого совместного проживания. Однако, поскольку многие родители, естественно, хотят, чтобы свадьба их ребенка стала торжественным событием, в очень многих случаях она, по крайней мере частично, сопровождается торжествами. Если рассматривать церемонию во всей ее полноте, то свадьба проходит в доме невесты и длится два дня. Друзья и нанятая музыкальная группа сопровождают жениха туда, где собрались друзья и угощаются едой, напитками и жевательным белком в приемных комнатах, в то время как родители пересчитывают и проверяют капитал, внесенный обеими сторонами для молодой пары. Как только появляется пара молодоженов, их связывают освященной веревкой, они преклоняют колени, их осыпают рисом, а гости обливают их святой водой из морской раковины. Затем их разделяют; жених с помощью капеллы всю ночь поет серенады своей возлюбленной. На следующее утро действующие монахи получают праздничное угощение, и весь день проходит в веселой атмосфере. Вечером невеста наконец торжественно проводится в брачную комнату. Молодая пара долго живет вместе с семьей невесты, часто до рождения первого ребенка.

Фотография Антонио.

Илл. 406. Похоронная церемония в доме богатого сиама.

Гроб обычно устанавливают на высоком, богато украшенном основании, окруженном светильниками, на длительный период времени.

Фотография Р. Ленц.

Илл. 407. Художественная конструкция для кремации тела покойного короля Чулалонгкорна.

Поскольку многоженство не запрещено Буддой, оно считается допустимым, и мужчина может вступать в столько браков, сколько он может себе позволить. Однако первая жена всегда сохраняет привилегии и остается признанным главой всех последующих. Когда женщина стареет, она считает целесообразным найти мужу наложниц, во-первых, потому что таким образом она надеется сделать дом еще более привлекательным для него, а во-вторых, потому что тогда она может выступать себя главой большой семьи. — Развод происходит по обоюдному согласию и влечет за собой разделение имущества (), за исключением наложниц, которые по желанию мужа могут быть просто отстранены без какой-либо компенсации. Все дети имеют право на наследство, но дети от первой жены получают наибольшую долю.

Фото Р. Ленц.

Илл. 408. Церемония кремации для знатного сиама.

Церемония проходит за ширмой в храме.

Особенности буддийского учения избавляют сиамцев от страха смерти, когда они умирают; в эти моменты они больше озабочены своим перерождением, чем ужасом предстоящего распада, и в преддверии своей кончины находят утешение в благостной философии, которая во многом способствовала тому, что их жизнь была спокойной. После смерти тело омывают, заворачивают в чистую белую ткань и кладут в гроб с монетой во рту, чтобы заплатить пошлину за вход в рай. Друзья проводят одну-две суток и ночей у гроба, покрытого черной тканью и украшенного серебряной бумагой, свечами и другими вещами, которые были дороги умершему, в парадной комнате дома (рис. 406). Вечером приглашенные монахи читают заупокойную мессу. Тем временем родственники принимают соболезнования от своих знакомых, которым они предлагают небольшие угощения. Кроме того, сразу после смерти приглашается музыкальный оркестр, который должен играть свои мелодии, с одной стороны, чтобы поднять настроение скорбящим, а с другой — чтобы отпугнуть злых духов. Иногда также приглашают плакальщиц, которые должны как можно

громче выть. По окончании бдения гроб отправляют в храм, однако иногда, особенно при дворе и в богатых семьях, его еще долго, даже месяцами, выставляют в доме (рис. 405). Когда гроб выносят, это делают через отверстие в стене и несколько раз обходят вокруг дома, прежде чем отнести его в храм (рис. 386), где он сжигается на погребальном костре (рис. 407 и 408). Перед этим его еще три раза обносят вокруг храма (). Это делается для того, чтобы дух не знал, в каком направлении он движется, и не смог найти дорогу домой. — В Бангкоке существует настоящий сезон кремации тех, кто умер в прошлом году (рис. 409). Тогда устраивается грандиозное торжество, огонь погребального костра поддерживается ароматными свечами, музыка, танцы и пир сопровождают церемонию, а бедные получают щедрые пожертвования. Считается делом чести потратить на это как можно больше денег, и часто бывает, что все наследство человека растрачивается его наследниками, чтобы устроить ему достойное прощание с этой жизнью.

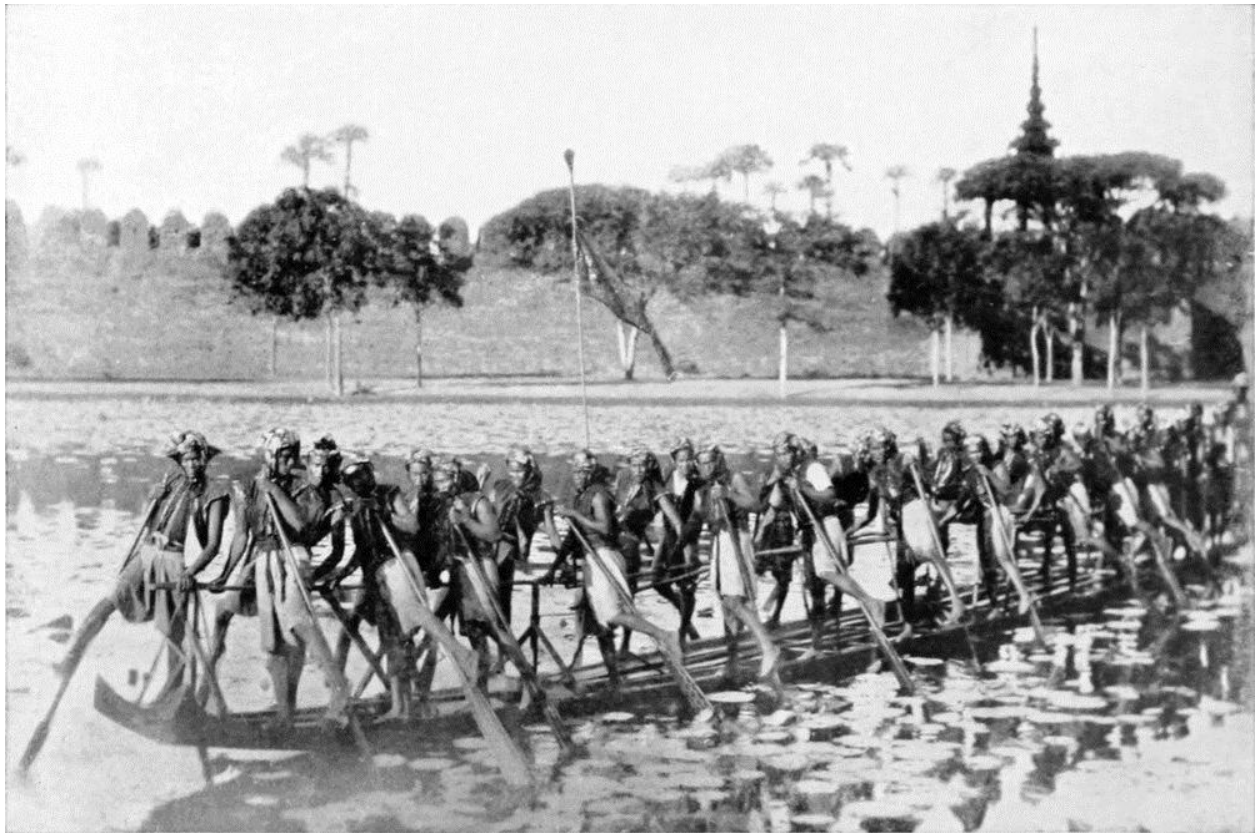

Фото Ф. Чит.

Илл. 409. Крематорий в Бангкоке,

где торжественно проводится кремация людей, умерших в прошлом году.

Сожжение королей и принцев является чрезвычайно важным событием и превращается почти в народный праздник, который нередко длится целый месяц; в течение этого времени тысячи людей ежедневно питаются и развлекаются за счет королевской казны. Тела членов королевской семьи не помещаются в гробы, а складываются в медные, сильно позолоченные урны. Каждый этап королевского кремации, похоронная процессия, передача тел на погребальный костер, зажигание огня и сбор праха — каждое из этих действий является отдельным торжеством, которое иногда занимает целый день. Каждый раз при дворе присутствуют все члены королевской семьи, дамы одеты в белое и с остриженными волосами. Пепел хранится в маленьких золотых урнах во дворце и время от времени становится предметом благоговейных церемоний. Части костей королей распределяются между членами королевской семьи и фаворитами из знати. — Простые люди также хранят пепел своих умерших в маленьких урнах, которые находят место в их домах.

Илл. 410. Использование весел у коренных жителей южных штатов Шан в Бирме.

Вместо рук они используют ноги и могут грести так часами.

Бирма.

Бирманцы принадлежат к группе народов шанов и по своему внешнему виду в целом похожи на сиамцев. Они сильные, хорошо сложенные и довольно высокие, самые высокие среди племен Западной Индии. Цвет их кожи коричневый, волосы густые, длинные и черные. Их черты лица несколько благороднее, чем у сиамцев, так что они, особенно женщины, часто выглядят приятно.

Одежда у обоих полов одинаковая. Верхняя часть тела покрыта свободно сидящей курткой, нижняя часть тела от бедер до колен обернута куском ткани или, что еще чаще, шелковой тканью. Волосы либо завязываются в узел на голове, либо спадают на шею в виде шиньона. Голова мужчин обвязана платком, похожим на тюрбан (рис. 412), женщины ходят с непокрытой головой, но вплетают в волосы цепочки и цветы (рис. 411). Совершенно особую форму имеют плетеные большие шляпы шан, которые одновременно служат защитой от дождя. Постоянным спутником бирманцев является зонтик из коричневой лакированной бумаги с цветными полосками. Конечно, не обходится и без украшений, особенно у женщин. У женщин падаунг очень популярны тяжелые массивные кольца, которые носят на шее, предплечьях и ногах и которые в совокупности весят от сорока до пятидесяти фунтов (). Особенно привлекают внимание кольца, которые окружают шею, как жесткий воротник; их надевают не все сразу, а по одному, до двадцати двух штук (рис. 414).

Не менее примечательны кольца на ногах женщин племени лойлонг (рис. 413). — Каждый бирманский мужчина, который уважает себя, делает татуировку: синюю на бедрах, от талии до колен, и красную на туловище и руках (рис. 416). Татуированные узоры обычно изображают животных, в частности тигров, окруженных всевозможными завитками.

Фото майора Пирса.

Рис. 411. Мужчина и женщины в традиционной национальной одежде на воловьей повозке, как это принято в сельской местности.

Из «Колония и родина».

Илл. 412. Изящный бирманский мужчина.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 413. Женщины лойлонг-карен с необычными украшениями на ногах, состоящим из латунных колец, которые висят на ротанговой ленте ниже колена. Эти кольца значительно затрудняют движения. Ни одна женщина не выходит из дома без крайней необходимости, и лишь немногие за всю свою жизнь удаляются от деревни дальше, чем на час ходьбы. Руки покрыты узкими латунными манжетами до локтей.

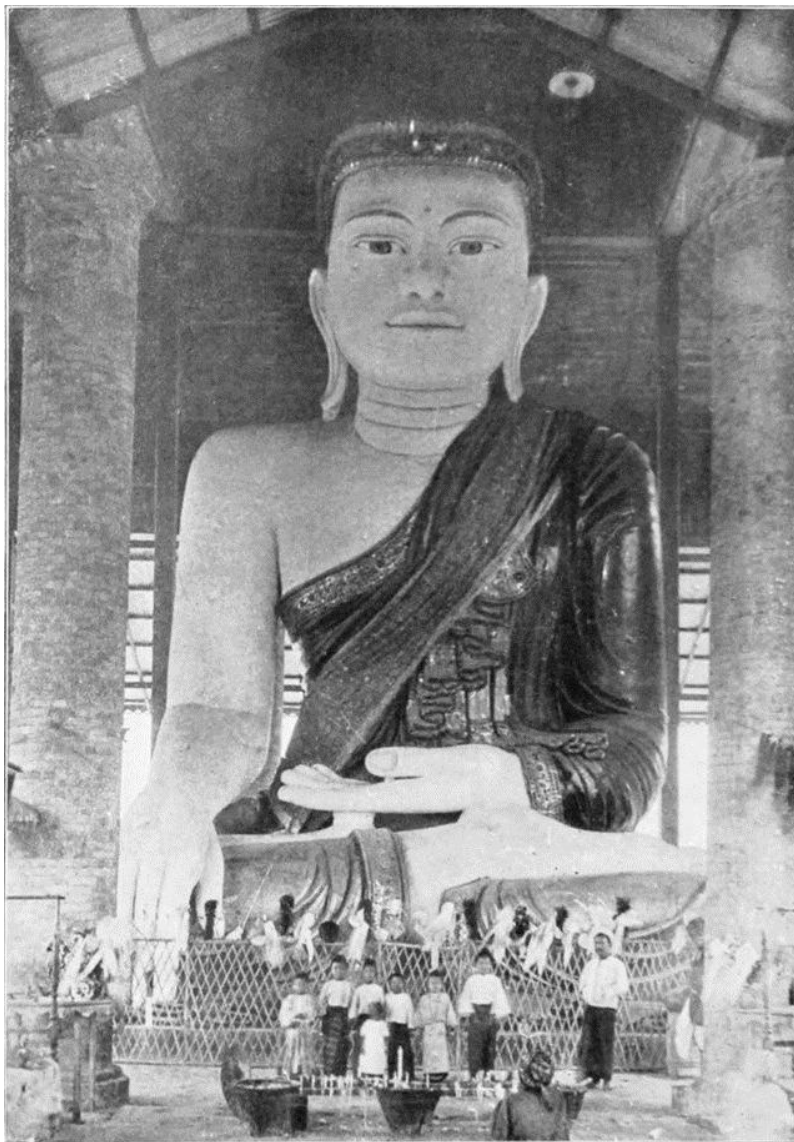
До захвата Бирмы англичанами в стране царило совершенно деспотическое правление. Наследственных титулов не существовало, каждый мог добиться высокого положения благодаря личным способностям, однако при этом были открыты двери для фаворитизма. Было огромное количество чиновников, каждый из которых обозначал свой ранг с помощью какого-либо особого признака на предмете быта или украшении, будь то серьги, головной убор, зонтик и так далее. Мелкие горожане и рабочие принадлежали к сословию невольных; они могли в любое время быть призваны королем на службу в качестве солдат или рабов.

Фото: Х. Г. А. Левесон.

Илл. 414. Женщины падаунг с тяжелыми медными кольцами на шее и ногах.

Несмотря на большой вес колец, женщины часами ходят пешком и выполняют всю свою работу в поле.

Фотография Н. Эдвардса, Литлхэмптон.

Рис. 415. Жертвоприношение перед изображением Будды в Рангуне.

Бирманцы являются последователями учения Будды (рис. 415) и внешне строго следуют его заповедям. Но в глубине души все они поклоняются духам. Особенно это касается низкоразвитых племен, живущих в горах, таких как качин, карен, чин, лаху, аха, ва и других. Они всегда стремятся держаться подальше от духов, которые, как они верят, окружают их повсюду: в лесах и полях, на реках, в горах и в других местах. Поэтому за пределами ограды деревень встречаются ворота духов; качинцы перекидывают бамбуковую трубу от одного дерева к другому через дорогу, ведущую в деревню, и украшают ее кругами, крестами и странными фигурами из расколотых труб, чтобы таким образом удержать духов с нечистой совестью от входа в деревню; они должны поверить, что различные символы, развевающиеся на ветру, являются ловушками, расставленными для них, и поэтому не захотят искать обходной путь в деревню, а предпочтут повернуть назад. Шан из Нам Хкон строят в реке домик для духов (рис. 417), но не дают им выходить на берег ночью, просто срывая мост, который им нужен, чтобы принести им жертву. В каждом бирманском доме в деревне в квадратной бамбуковой раме висит кокос, а над ним, как тюрбан, красный кусок ткани ; это место пребывания Магайи Нат, домашнего духа, которому ежедневно приносят

жертвы и которого торжественно представляют каждому ребенку, рожденному в доме. Характерной чертой двойственной религии бирманцев является то, что в один момент они приносят жертву духу дома, а в следующий — подают милостыню нищенствующим монахам, совершающим свой ежедневный обход. Буддизм — это просто его приобретенная религия (рис. 419), а поклонение духам — его ритуальная. Каждая деревня имеет своего защитного духа; он живет в джунглях, поэтому его алтарь и жилище всегда находятся в зарослях или посреди группы бамбука, а также у подножия очень большого дерева, чаще всего фигового (рис. 418). В этом его маленьком жилище часто можно найти фигурку духа или кровать, которая служит ему местом отдыха (иногда их две, если у него есть жена), часто накрытую крошечной москитной сеткой, а вокруг — кувшины с водой, плевательницы, ящики для бетеля, все, конечно, в миниатюре, иногда также ружья и копья, также соответствующие размеру помещения, чтобы дух мог ими пользоваться, когда хочет идти в бой. В определенные дни этим духам приносят жертвы (илл. 421). Бирманцы также знают полный список своих тридцати семи натов, или национальных духов, которых они обычно представляют в человеческом обличье. Танцы в их честь всегда исполняются женщинами, но они лишены сдержанности и артистизма в позах танцовщиц и отличаются дикими, бурными движениями.

Фото П. Клар.

Илл. 416. Татуированный бирман.

Татуировки ниже бедер обычно изображают животных, в частности тигров, окруженных всевозможными узорами. Рисунки на верхней части тела и руках призваны обеспечить неуязвимость от мечей и огнестрельного оружия или успех в любви.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Рис. 417. Дом духов посреди реки.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 418. Святилище духов у подножия дерева пипул в Хсатаве.

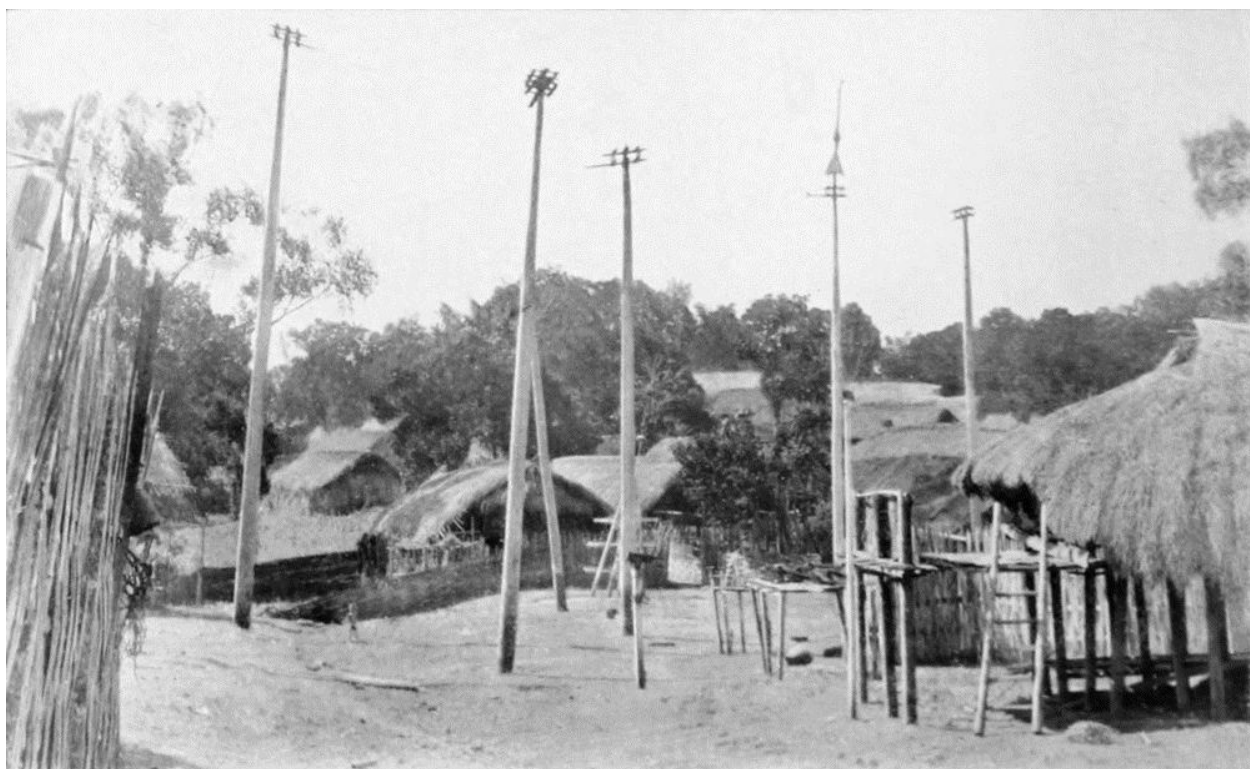

Фото Р. В. Маршалл.

Илл. 419. Торжественное богослужение в бирманском монастыре.

Когда бирманец строит жилой дом, он кладет на каждый столб ткань, чтобы покрыть духа, обитающего в нем; эту традицию он распространяет также на приюты, деревянные мосты и даже монастыри. Перед началом гонки двух лодок в носовую часть каждой из них кладут подношения для водных духов, чтобы они не прицепились к килю из чистой злобы. Бирманцы дают милостыню монахам (рис. 423), молятся перед пагодой в определенные обязательные дни (см. [цветной художественный приложение](#)), когда они молоды, и каждый вечер в сумерках совершают молитву в освященном месте, когда становятся старше; он зажигает свечи, кладет молитвенные флаги и цветы, а также маленькие восковые фигурки существ, которые правят в тот день недели, когда он появился на свет (рис. 424), и произносит благочестивые молитвы, которые он выучил в школе, когда был мальчиком, и все же он никогда в жизни не забудет, прежде чем что-то предпринять, составить свой гороскоп и обратиться к своим магическим книгам, которые подсказывают ему, когда, например, проколоть уши своей дочери, отправиться в путешествие, начать пахать или убирать урожай, спустить лодку на воду, сделать покупки, выдать замуж себя или свою дочь, похоронить члена семьи или построить пагоду. Практически в каждой деревне есть медиумы; обычно это женщины, чья профессия прямо противоречит учениям буддизма, поскольку они, как и все другие верующие, совершают молитвы и дают милостыню монахам, чтобы в следующей жизни подняться на ступеньку выше. При возникновении болезни их часто вызывают для исцеления, поскольку болезнь всегда считается проявлением злого духа (рис. 422). При выполнении своей работы женщины обычно

повязывают на голову красную ткань и ограничивают свои тайные обряды истерическими песнями и дикими танцами, которые часто заражают больных. Иногда он выздоравливает в результате возбуждения, но часто и падает от истощения. То, что для бирманцев являются книги заклинаний, для красных каренов и племен ва — это птичьи кости; они не предпринимают ничего, не спросив у них совета. Ва используют их довольно часто, некоторые из них носят их парами в ушах, они часто бывают настолько грязными и потемневшими от старости, что выглядят как старинные реликвии. — Чтобы иметь удачу в своих начинаниях, бирманцы вживляют под кожу груди или руки круглые диски из золота, серебра или свинца, а также из черепашьего панциря или рога, на которых выгравирован образ поросенка, окруженного мифическими знаками. Некоторые известные разбойники были арестованы благодаря целой серии таких счастливых поросят, которые выдавали их узлы.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 420. Столбы духов, которые воздвигаются на открытой площади в центре каждой деревни красных каренов, на их вершинах изображены аллегорические фигуры.

Молящая толпа перед пагодой в Рангуне.

Женщины одеты в свои лучшие наряды и украшены цветами в волосах. Они повторяют обычные палийские молитвы, но в основном не знают, о чем просят и кому молятся.

Рис. 421. Дом духов (Nat-haw) в Кьебоги (Каренленд)

с жертвенными алтарями за его оградой. На правом алтаре лежат голова и внутренности принесенного в жертву буйвола.

В Бирме очень много религиозных праздников, которые обычно сопровождаются большим размахом. Проводятся грандиозные шествия (рис. 425 и 428), во время которых богов везут домой на фантастически украшенных колесницах (рис. 426 и 427), устраиваются представления, в которых появляются герои и животные мифических времен, и многое другое (рис. 429–432). Наибольшую популярность в стране имеют Новый год, который европейцы обычно знают под названием «Водяной праздник» (рис. 433), и праздник Тавадинт (после окончания Великого поста) (рис. 435). Кроме того, отмечается еще целый ряд других праздников, которые, однако, в основном перенесены на жаркий сезон, потому что в это время гораздо легче путешествовать, а полевые работы не могут выполняться. — Новый год — это общенациональный праздник. Раньше его дату с трудом вычисляли понна или брахманские астрологи в Мандалае. В основе праздника лежит идея, что король Натов спускается с небес и после однодневного пребывания на земле возвращается обратно. Праздник отмечается в память о споре между королем и брахманом, в котором ставкой были их головы. Брахман по имени Ати проиграл спор. Король Натов просто отрубил голову проигравшему, и та из года в год переходит от одной из семи сестер к другой. Она раскалена докрасна и должна охлаждаться обильным поливанием водой. По этой причине все люди в течение трех дней поливают друг друга водой в память об этом событии. Пожилые и уважаемые люди относятся к этому «прошению прощения водой» с снисходительностью, но молодежь, и особенно девушки, с большим энтузиазмом посвящают себя этой задаче. — Праздник Тавадейнха посвящен визиту Будды Гаутамы на гору Меру, чтобы проповедовать вечный закон своей матери, королеве Майе. Самая важная церемония — это ношение деревьев падета. Под падетой бирманцы понимают дерево, которое растет на северном острове бирманского мифа и на ветвях которого можно носить все, что только можно пожелать. В настоящее время оно приняло форму высокой пирамиды, увешанной всеми возможными предметами (рис. 435), от банок с конденсированным молоком и сардинами до умывальных чаш и часов. С этими деревьями мужчины ходят по кварталу или деревне и в конце концов оставляют их у монастырской ограды, где монахи, в зависимости от времени и желания, принимают подношения. Наиболее веселыми на празднике Tawadeinthafeste являются молодые люди, которые с особым интересом следят за Pwè. Pwè — это представление или спектакль любого рода; это может быть как боксерский турнир, так и серьезное мистическое представление. Бирманцы придают наибольшее значение pwè в форме драматического представления. Сцена представляет собой площадку, устланную бамбуковыми матами, в центре которой всегда стоит дерево. Актеры поют глубоким альтом и исполняют танцы, которые, по нашему мнению, состоят только из искусственных сгибаний суставов и змеевидных движений; при этом играет музыкальный оркестр, так что слушатели подвергаются серьезному испытанию, тем более что представление длится всю ночь, а то и несколько ночей, и даже несколько дней. Но бирманцы выдерживают это без перерыва. Обычно собственно представление начинается после наступления темноты. — Зато очень привлекательны Yein или A-neyein Pwè, танцы, которые исполняют молодые девушки и дети и которые часто готовятся в течение нескольких недель (илл. 434). Занятия ведет настоящая балетная учительница, которая очень строга и предъявляет высокие требования к мастерству своих учениц. Обычно она задает ритм мелодии, под которую танцуют; большинство танцовщиц подхватывают эту мелодию. Девочки одеты в свои самые яркие наряды и буквально обвешаны семейными украшениями. Танцы « » исполняются как

стоя, так и сидя и состоят только из ритмичных движений очень гибких тел. При этом ноги вообще не отрываются от земли; такт — минутный, и очарование всего этого заключается исключительно в ярких цветах одежды, серьезной торжественности танцовщиц и точном соблюдении такта.

Фото Р. В. Маршалл.

Илл. 422. Шаманы (тумса) качин.

В обычных обстоятельствах они простые сельские жители, как и все остальные, они работают на полях, как и остальные, но когда нужно спросить совета у духов по важным вопросам, они надевают особую одежду.

Фотография Р. В. Маршалла.

Илл. 423. Монахи-попрошайки при выходе из монастыря.

Монахи встают на рассвете и начинают свой ежедневный обход с просьбой о милостыне. Они идут друг за другом, аббат впереди, а остальные по старшинству.

Совершенно иными, напротив, являются танцы горных племен ([рис. 436](#)), которые состоят из диких движений, будь то танцы ухаживания, танцы смерти или танцы духов самого разного рода. Почти всегда в их основе лежит религиозный момент; таким образом люди хотят примирить невидимых духов воздуха. Даже танцы ва, когда они отправляются на охоту за головами, в некотором смысле носят религиозный характер, поскольку охота за черепами для них является, так сказать, сельскохозяйственной необходимостью. Если бы деревня не получала каждый год свой череп, то не было бы дождей, и община потерпела бы неурожай.

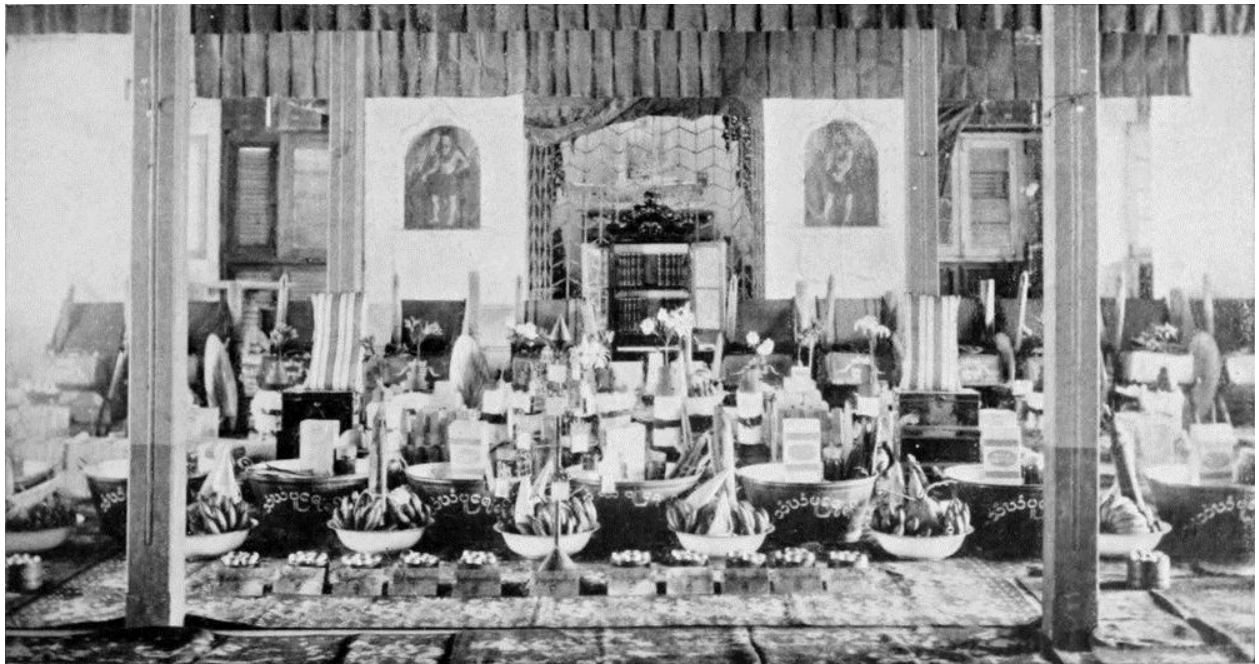

Фото Д. А. Ахуджа.

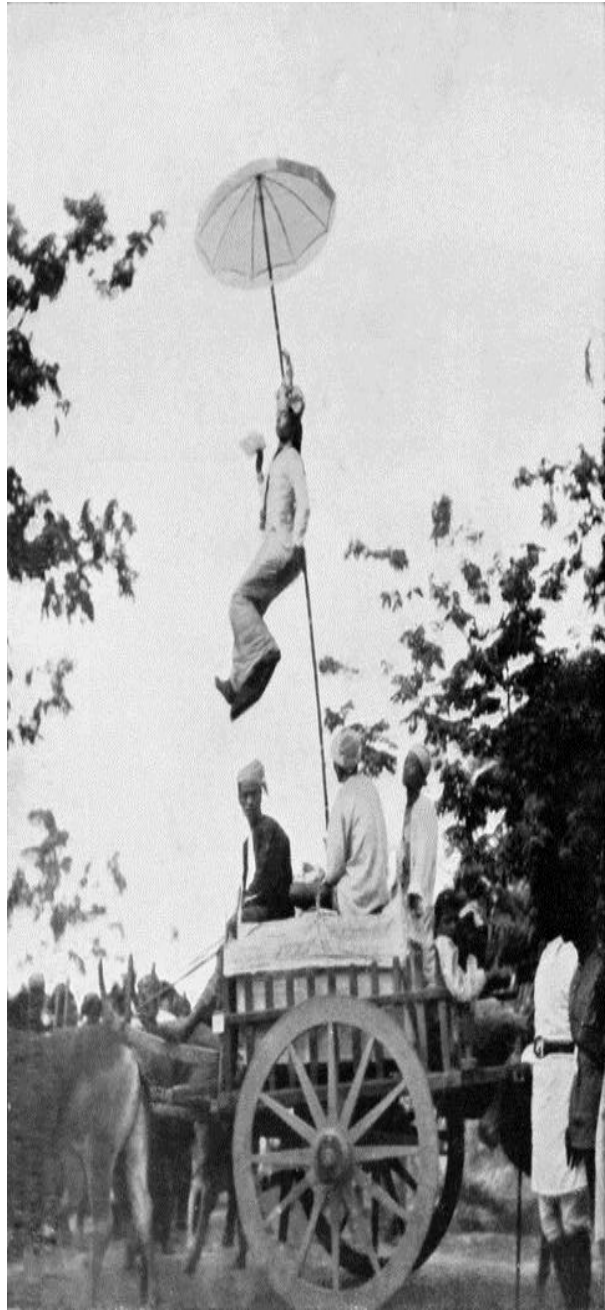
Илл. 424. Подношения, принесенные монахам.

Состоятельные люди часто в первый день дарят цветы, на следующий — фрукты и другие продукты питания, а на третий — всевозможные предметы быта. Все подарки собираются в сарае монастыря; соседи приходят, чтобы их посмотреть.

Фото: Р. Грант Браун.

Илл. 425. Цветочный парад бирманских девушек и женщин, одетых в дорогие одежды и несущих в сосудах листья и ветки священного фигового дерева, направляющихся к пагоде по случаю праздников, особенно Нового года.

Фотография Р. Гранта Брауна.

Рис. 426. Телеги во время праздничных шествий.

Фото Р. Грант Браун.

Илл. 427. Повозки во время праздничного шествия.

Передняя повозка, запряженная буйволами, несет мифологическое существо, называемое слоновой птицей, которое, согласно народной легенде, унесло королеву Китани. Оно сделано из бамбука и покрыто окрашенной грубой бумагой; на его изготовление пожертвовала деньги целая деревня.

Согласно древнему обычаю, рождение бирманского ребенка требует огромного количества формальностей, так что этот акт для женщины, помимо реальных родовых болей, становится настоящим мучением. Когда начинаются первые схватки, либо сама беременная, либо ее мать, либо подруга богини родов, называемая «дамой Запада» — это название, вероятно, происходит от того, что в части королевского дворца, расположенной в этом направлении, рожали женщины — приносить жертву, состоящую из мерки риса, монеты в четыре анны (около двадцати пфеннигов) и нескольких головок чеснока, сопровождаемую словами: «Открой широко врата жизни, чтобы вошло новое существо; пусть боль и скорбь пройдут, а радость будет долгой». Затем молодая мать ложится на маты. С этого момента для нее начинается настоящее мучение, настолько сильное, что многие бирманские женщины предпочитают ограничивать количество своих детей. Чтобы завоевать благосклонность «Дамы Запада», она сначала берет в ладонь невареный рис, кланяется после захода солнца и произносит: «Не пугай меня; не волнуй меня; не причиняй мне боли; не забирай мое дыхание», после чего она рассыпает рис на низкий табурет, который в ближайшее время будет часто использовать. С этого момента в комнате перестают проветривать, напротив, в ней поддерживается настоящая печная жара,

независимо от времени года. Роженицу три раза в день полностью обмазывают индийским шафраном, ежедневно купают в горячей воде, массируют и, наконец, заворачивают в полотно длиной около трех метров. На голову ей надевают пять тюрбанов, потому что считается, что благодаря этому у нее не будет головной боли, и дают пить горячую воду, в которой растворены шафран и соль. Но все это лишь подготовка к главной церемонии, во время которой бедная женщина, сидя на табуретке перед раскаленным огнем, теплота которого еще усиливается положенными на него камнями, должна ежедневно в течение некоторого времени буквально жариться. При этом ее спину и бока обильно укрывают одеждой и одеялами. Огонь горит непрерывно днем и ночью; при этом используются ароматные породы дерева, дым которых несчастная женщина также должна вдыхать. Так продолжается семь дней, затем роженица получает простую турецкую баню, которая готовится над кастрюлей с кипящей водой с добавлением тамаринда и других листьев и трав; она должна наслаждаться им в течение часа, укутанная в циновки и одеяла. Затем ей дают холодную ванну, чтобы ее ноги не опухли, по той же причине она должна немного походить, количество шагов, которые она должна сделать, не может быть меньше семи. В этом, очевидно, заключается признание того, что формальности при родах довольно утомительны для роженицы. Между тем ребенок уже родился. Но его мать может заниматься им только с седьмого дня. Одновременно начинается церемония рождения или колыбели. Сначала к четырем углам колыбели прикрепляются маленькие мешочки, каждый из которых содержит немного риса, несколько монет, кокос, пипул, различные листья, траву и тому подобное. Очень важно, чтобы в каждом пакете были листья и травы, предназначенные для каждого дня недели, но как минимум те, которые соответствуют дню, когда родился ребенок. Затем над ребенком расстилают одеяло, а если это мальчик, то сверху кладут полный мужской наряд, состоящий из набедренной повязки, куртки, тюрбана, кинжала, семейных украшений из золота и серебра, зеркала, гребня, кольца с рубином, если таковое имеется, и ушных цилиндров, по возможности богато украшенных драгоценными камнями. Танака, заменяющая пудру у бирманских красавиц, измельчается и распыляется по всему телу. Затем ребенка символически кормят небольшим количеством риса и карри в воде «», так называемой «освященной пищей». Эту церемонию проводит акушерка, а не мать, и именно три раза. Она также бреет голову ребенка (пенкой из семян мыльной акации) и обвязывает его запястье, шею и лодыжку семью белыми хлопковыми нитями. Пока ребенок, который, несомненно, стал немного нервным, остается в колыбели, все заняты Натом, духом-покровителем дома. Его обиталищем является кокос, который висит в бамбуковой корзине перед верандой каждого бирманского дома; это жилище необходимо менять в начале бирманского года, а также в начале и в конце буддийского поста; при этом следует тщательно следить за тем, чтобы это не происходило в среду или в четвертый, шестой или девятый день растущей луны. Кокос также всегда меняют, когда в доме рождается ребенок. Об этом событии сообщают духу дома во время празднования рождения и приносят ему, а точнее его символу, именно этому кокосу, жертвы, а именно бананы, арековые орехи, цветы, чай, пирожные, сироп, яйцо и так далее; при этом орех снимают. Если ребенок — мальчик, его также одевают в два куса желтой ткани, что должно символизировать его раннее вступление в «Благородный орден желтой одежды» — мера предосторожности на случай, если ребенок умрет до достижения возраста вступления в монашеский орден. Самый старший из присутствующих мужчин качает колыбель семь раз и при этом восклицает: «Да доживет ребенок до ста двадцати лет; да станет он мудрым, да станет он богатым, да станет он красивым, да обретет он все ценные качества». —

Фото Р. Грант Браун.

Илл. 428. Процессия изображений богов.

На церемонию наречения ребенка приглашаются все родственники и все старейшины деревни, а также столько соседей, сколько можно принять и разместить в доме. Они сидят, одетые в свои лучшие одежды, в кругу и долго беседуют о делах общины. Внезапно один из старейшин предлагает имя, как будто оно только что пришло ему в голову, например, в связи с мнением соседа о перспективах урожая. На самом же деле родители уже выбрали его после двухнедельного раздумья. Но поскольку объявить его заранее было бы нарушением хорошего тона, они делают незнакомца рупором своего желания.

Фото Р. В. Маршалл.

Илл. 429. Церемония показа.

По праздничным случаям часто выставляют животных из мифов героической эпохи, например, вышеупомянутое устрашающее животное, которое, как считается, обитает в лесах духов.

Хотя родители имеют право дать имя своему ребенку, при его выборе они должны соблюдать определенные правила. Не принято называть детей в честь отца, и не обязательно, чтобы хотя бы одна часть их имени указывала на одного из родителей. Фамилий вообще не существует. День недели, в который родился ребенок, обычно является решающим для выбора имени. При выборе имени действуют следующим образом: бирманский алфавит делится на несколько групп, таких как все буквы, связанные с *k*, *b* и его родственники, все зубные буквы и гласные. Все эти буквы распределяются по дням недели. Для целей гороскопа используются восемь планет, восьмая из которых — Раху, темная или злая планета, вызывающая затмения; она управляет средой с полудня до полуночи и имеет букву *у*, принадлежащую только ей. В рамках указанных ограничений, налагаемых на родителей при выборе имени, они могут назвать ребенка так, как им заблагорассудится. Ребенок, родившийся в воскресенье, может иметь любое имя, состоящее из любых гласных. Например, поскольку в бирманском языке *Maung* обозначает мужчину, а *Ma* — женщину, ребенок, родившийся в воскресенье, может называться *Maung O* (= господин Кастрюля), *Ma At* (= госпожа Игла), *Maung Eng Saung* = (господин Управляющий-домом) или *Ma E* (= госпожа Морозная). Пятница принадлежит буквам *th* и *h*, поэтому ребенок, рожденный в этот день, будет носить имя *Maung Thaw* (= господин Шумный) или *Ma Ho* (= госпожа Там). В этих условиях, зная имя человека, легко узнать его день рождения. Мужчина по имени *Maung Lauk* (= господин Личинка) является ребенком среды, женщина по имени *Ma Ba Tu* (= госпожа Похожая на своего отца) — ребенком четверга и так далее. По сути, у каждого бирманца есть день рождения в любой день недели; многие сельские жители забыли как месяц, так и год своего рождения или вообще не знали его. Однако с наступлением зрелого возраста каждый может свободно менять свое имя. Для этого нужно только разослать пачку чая и упомянуть, что отныне вы будете называться так-то.

Фото Р. Грант Браун.

Илл. 430. Маскированные фигуры, которые иногда используются во время больших праздников, подобно популярному Vot-the или кукольному театру в миниатюре.

В первые годы своей жизни, как правило, до семи или восьми лет, дети ходят без одежды, только в редких случаях их одевают в одежды раньше, и тогда они становятся как бы миниатюрными копиями взрослых, одежда которых полностью соответствует их собственной. Они растут беззаботно и наслаждаются полной свободой. С самого раннего детства малыши уже наслаждаются сигарами (рис. 437). Для европейца, впервые приехавшего в Бирму, это очень странное зрелище, когда он видит маленьких девочек, «одетых» только «воздухом», курящих сигары рядом со своими родителями. Бирманская сигара — настоящее чудовище по размеру и толщине, но очень мягкая; она состоит из смеси ароматных трав и табака. — С указанного возраста детей обязательно одевают в одежду и отправляют в школу; если европейское влияние еще не дало о себе знать, то это монастырские школы. Буддийские монахи не являются проповедниками в нашем

понимании, они не проповедуют слово Божье народу; они хотят повлиять на него только своим отреченным примером, но зато они обучают молодежь. Монастырская школа (рис. 438) должна подготовить молодого бирманца к самому важному событию в его жизни — надеванию желтой монашеской одежды. Только с этого момента бирманский юноша считается мужчиной и может своими поступками заслужить заслуги для своей дальнейшей жизни, чтобы таким образом обеспечить себе повышение в социальном статусе.

Фото Р. Грант Браун.

Рис. 431. Сцена из пьесы «Таунгньо».

Дикьямба, брат короля Проме, любил Сав Ю, сестру короля Таунгньо. Он жил во дворце ее отца и, после того как она родила ему ребенка, получил разрешение взять ее с собой в Проме. Но здесь король Проме убил своего брата и отправил его жену обратно в Таунгньо. От горя она умерла по дороге туда. Вышеуказанная сцена изображает принцессу, просящую короля, и ее мужа, держащего ребенка.

Фото Д. А. Ахуджа.

Илл. 432. Публичное представление в Бирме.

Два человека, изображающие принца и принцессу, танцуют под музыку. Самым важным инструментом бирманского оркестра является саинг-каинг, круглая рама с восемнадцатью цилиндрическими барабанами внутри, и вторая, похожая по конструкции, с гонгами, настроенными на одну ноту. Настройка на определенный тон достигается у барабанов с помощью смеси вареного риса и золы, а у гонгов — с помощью пчелиного воска.

Для приема в орден требуется минимальный возраст двенадцать лет, однако принятый в столь раннем возрасте становится здесь послушником или упацином. Только в двадцать лет он может стать полноправным членом (аколутом или шином). Большинство бирманцев предпочитают вступать в орден в детском возрасте, поскольку они могут умереть, не достигнув зрелого возраста. Прием проходит с большой помпой. Мальчика, увенчанного как можно большим количеством украшений, сажают на пони или в повозку и везут по улицам под золотым зонтиком; по дороге он заходит ко всем друзьям и знакомым, которые дают ему нравственные советы и, что самое главное, должны внести свой вклад в расходы на торжество. Все родственники, одетые в свои лучшие наряды, сопровождают мальчика в процессии, которую открывает музыкальный оркестр с веселыми мелодиями. Перед монастырем, где заканчивается процессия, мальчик снимает все свои наряды и надевает белую хлопчатобумажную одежду. Ему стригут длинные волосы (рис. 439), бреют голову (рис. 443), натирают шафраном и моют отваром семян мыльного акации. Волосы передают матери или сестрам, которые, по-видимому, позже заплетают из них косы. После этих приготовлений мальчик преклоняет колени перед монахами, произносит формулу, с которой просит принять его в качестве послушника, и затем его торжественно одевают в одежду, которую для него приобрели родители. Теперь он стал мужчиной и демонстрирует

это внешне, делая татуировку. Все тело от бедер до колен покрывается изображениями животных (тигров, львов, обезьян и т. д.), а вокруг них — каббалистическими символами в качестве обрамления, что создает у зрителя впечатление, будто его обладатель носит бриджи (рис. 416). Мужчина, который не сделал себе такую татуировку, считается трусом; по этой причине он не поднимает набедренную повязку, особенно в присутствии девушек. Эта татуировка выполняется синим цветом. К ней часто добавляется красная татуировка на верхней части тела, которая, как считается, призвана завоевать любовь девушек или обеспечить неуязвимость от болезней. Девушки делают татуировки только в том случае, если у них нет женихов.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 433. Водный фестиваль бирманцев

в память о визите бирманского короля на «волшебном плоту» в Шанские штаты много веков назад. Изображение этого судна хранится в монастыре в течение одиннадцати с половиной месяцев, но каждый год в октябре его вывозят на озеро на несколько недель в празднично украшенной лодке.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 434. Бирманский танец (Yein Pwè), исполняемый молодыми девушками, которые проходят специальное обучение для этого.

Девочки стоят на гораздо более низкой ступени, чем мальчики; они не считаются полноценными членами общества (). Им не разрешается вступать ни в монастырь, ни в монашескую обитель. Лучшее, на что они могут надеяться, и поэтому большинство из них с цветами в руках и в смиренной позе молятся перед алтарями и пагодами (рис. 440), — это то, что в следующей жизни они родятся мужчинами. Примерно в то же время, когда мальчики надевают желтую одежду и делают татуировки, то есть примерно в двенадцать-тринадцать лет, а иногда и раньше, им прокалывают уши (рис. 442). Хорошая традиция требует, чтобы ни одна девушка не надевала украшений, пока не пройдет эту операцию. Ее выполняет профессиональный прокалыватель ушей с помощью серебряных или золотых игл, но не раньше, чем астролог, изучивший гороскоп девушки, скажет ему, что настал благоприятный момент. Девушки ждут его с чувством, отчасти радостным, отчасти тревожным; в некоторых случаях они впадают в состояние истерического возбуждения и их приходится силой удерживать. Чтобы заглушить их крики во время операции, играет громкая музыка. Оператор кладет пробку под ухо и прокалывает мочку уха иглой. Иглы

остаются в ране некоторое время и каждый день один-два раза перемещаются из стороны в сторону, пока кожа не заживет. Затем их заменяют травинками; каждый день добавляется новая, пока отверстие не станет таким большим, что в него можно просунуть палец. Бирманские украшения для ушей представляют собой не столько серьги, сколько штифты или трубочки. Обычно носят янтарные штифты, а богатые люди на торжественных мероприятиях носят золотые трубочки, украшенные камнями на концах. Бедные довольствуются полыми стеклянными трубочками, а зачастую и просто твердыми бумажными рулонами. В поле или по дороге на базар девушки часто носят в ушах заменители сигар. — У мужчин прокалывание мочек ушей ограничивается богатыми. Ушные трубки, украшенные бриллиантами, принадлежащие вождям шанов, в большинстве случаев являются частью государственной казны и передаются от одного вождя к его преемнику.

Фотография Underwood & Underwood.

Илл. 435. Праздник Тавадейн с деревьями падета.

Фотография сэра Джорджа Скотта.

Илл. 436. Сцена из танца мужчин падаунгов.

Один из них бьет в барабан под звуки флейты, а другой ходит взад-вперед или садится и встает, чередуя положение между барабанной мембраной и барабанной палочкой. Если он при этом касается мембраны, ему приходится платить штраф. Все это скорее трюк, чем танец.

С момента принятия в орден мальчик становится мужчиной, а с момента прокалывания ушей девочка становится женщиной. Теперь она приобрела право носить драгоценности и прошла обучение прядению, ткачеству, кулинарии и ношению воды. В знак того, что они теперь взрослые, большинство девушек открывают торговую лавку на базаре или рынке своего родного села. Здесь они продают всевозможные предметы (за исключением наркотиков и лекарств); более богатые предпочитают торговать шелком. Общение с публикой обостряет их коммерческий взгляд, развивает их восприятие и позволяет им накапливать знания, которые впоследствии сделают их более способными супругами. Кроме того, это обстоятельство имеет еще одно преимущество: девушки знакомятся с молодыми людьми. Если девушке приходится проходить большой путь до своего торгового ларька, она идет туда в простой домашней одежде и наряжается только на месте. Поскольку ларек открыт со всех сторон, любой может стать свидетелем того, как она приводит себя в порядок. В первую очередь девушка наносит на лицо и шею танаку, пасту из мелко измельченной коры и корня кустарника (). Поскольку паста высыхает примерно за час, она использует это время, чтобы привести в порядок волосы. Она расчесывает и заплетает их, смазывает кокосовым маслом и закрепляет шпилькой. У взрослых девушек волосы довольно длинные; их длину измеряют только по длине руки. Но у младших девушек прическу приходится подправлять с помощью косичек, которые в основном плетутся из отрезанных волос братьев. После завершения прически на высохшее лицо наносится своего рода эмаль, втираемая в кожу. В заключение подрисовываются брови и в блестящие, черные как смола волосы вставляется желтый цветок, роза или орхидея. Изящный шарф, обернутый вокруг шеи и плеч, завершает наряд, и взгляд в зеркало убеждает молодую девушку, что она может показаться на люди. Теперь она зажигает сигару и весело болтает со своими соседками, прохожими и покупателями. При этом она ведет себя весьма сдержанно, непринужденно и безобидно разговаривает со всеми и спокойно и бесстрастно принимает

комплименты, как будто она прекрасно знает, что обладает «пятью признаками красоты идеальной женщины». Бирманцу никогда не придет в голову публично ухаживать за девушкой; он может иногда делать ей комплименты мимоходом, на которые она отвечает презрительным откидыванием головы и взглядом своих черных глаз, но он не думает стоять перед лавкой или внутри нее и начинать флиртовать. В противном случае все местные сплетники сойдутся вместе и набросятся на него. Подходящим местом для ухаживания является квартира девушки, для чего по старинному обычаю установлено определенное время. «Время ухаживания парней», «свидание верных влюбленных» — так в этой стране называют период между восемью и десятью часами вечера. Тот, кто имеет серьезные намерения, выбирает это время. При этом все проходит с соблюдением всех правил. Эти встречи даже регулируются строгими принципами. В каждой деревне или районе города есть так называемый «лидер холостяков», на которого возложена задача организовывать такие встречи для влюбленных. Молодые люди встречаются по договоренности и под руководством этих лиц маршируют по деревне; когда поклонник доходит до дома своей возлюбленной, он останавливается и дает понять специальным знаком, что он прибыл. Некоторые играют на флейте, другие хлопают правой рукой по левому плечу или кашляют, третьи кричат «Ма Мейт (милая), ты здесь?» и так далее. Разрешение войти в квартиру, где сидит нарядная и готовая к победе молодая девушка, почти никогда не отказывается. Родители, как правило, сначала присутствуют, но после долгого достаточно долгого разговора о погоде, урожае или каком-либо другом событии, они притворяются уставшими и уходят. Между тем, если они хотят, они могут наблюдать за действиями молодой пары из своей спальни через глазки и иногда обсуждают внешность юноши с удивительной открытостью. Юноша делает предложение своей возлюбленной, как правило, в очень поэтичной форме, как он сам умеет, или как он научился из песенников или видел на сцене. Девушка обычно ограничивается слушанием или короткими ответами. Поцелуи во время брачного периода считаются очень неприличными, даже рукопожатие считается невоспитанным. Продолжительность визита ограничивается по прошествии приличного времени руководителем холостяков снаружи с помощью судорожного кашля или, если этого недостаточно, более явных замечаний.

Бирманка имеет полную свободу в выборе спутника жизни, и родители ни в коем случае не вмешиваются в этот процесс. Однако они регулируют детали суммы, которая должна быть им выплачена, что является лишь давним обычаем. Похищения не являются редким явлением и в большинстве случаев терпимо относятся к ним родители. Все, что женщина приносит в общий брак, остается ее собственностью. В случае развода она имеет право забрать все это с собой, а также половину того, что было приобретено совместно, и любое наследство, которое ей досталось во время брака.

Фото Д. А. Ахуджа.

Илл. 437. Бирманский мальчик курит.

Бирманский брак — это чисто гражданская церемония, и только ее публичный характер делает ее обязательной. После того как в родительском доме подготовлена комната для новобрачных, все родственники и друзья приглашаются на большое торжество, на котором собственно бракосочетание играет лишь незначительную роль. Как только астролог объявляет момент благоприятным, пара складывает ладони и кладет друг другу в рот рисовые зерна из миски. На этом церемония считается завершенной. Гораздо важнее передача денег и подарков, оговоренных при помолвке, родителями жениха.

В сельской местности до сих пор существует обычай, согласно которому холостяки в брачную ночь бросают камни в крышу новобрачных. Этот обычай, от которого можно избавиться, заплатив несколько рупий, по-видимому, не имеет непристойных мотивов, а возник благодаря следующей легенде. В начале мира было пять мужчин и только четыре женщины ; когда они объединились в пары, оставшийся холостяк не смог справиться со своей обидой и чувствами и ночью выразил свое недовольство описанным образом.

Фото П. Клир.

Рис. 438. Обучение новопринятых в монашеский орден.

В менее цивилизованных бирманских племенах, напротив, до сих пор часто встречаются обширные брачные церемонии, которые повсеместно пронизаны брахманизмом. Это характерно уже для народа шан, но еще в большей степени для народа качин. У качин свадебное торжество начинается с того, что забивают кур, свиней, даже быков или буйволов, приносят жертвы домашним духам и под песнопения и молитвы о благополучии будущих супругов представляют им невесту. Затем перед домом готовят кампан, то есть в землю втыкают пучки соломы длиной около ста пятидесяти сантиметров и кладут доску посередине этого ряда. Ближе к полудню появляются несколько матрон, у которых еще жив муж и которые имеют многочисленное потомство, с сосудом, наполненным бренди, и вторым, наполненным пивом, у Лахья Ва, уважаемого жителя деревни, к которому невеста была приведена накануне вечером, дают ей выпить и забирают ее. За ней следуют две почетные девы, одна с церемониальными алебардами на плече, другая с саблями и другими подарками в своей корзине. Как только ее видят приближающейся, у камфана приносят в жертву двум духам кур, часто даже целую свинью, и разбрызгивают кровь вокруг. Затем одна из матрон ведет невесту за руку через кампан, тем самым очищая ее и освобождая от домашних духов, которые следовали за ней. Если она поскользнется на доске при переходе, это считается дурным предзнаменованием (короткая жизнь); если на ее платье не остается брызг крови, то считается, что она будет жить долго и будет иметь много потомков. Теперь невесту ведут в дом по новой лестнице; если она поднимается по ней правой ногой, то первым ребенком у нее будет мальчик, в противном случае — девочка. На пороге ее встречает свекровь и надевает ей серебряное ожерелье в знак принятия; в комнате свекрови и свекра невеста оставляет подарки, принесенные ее подругами, и ее ведут к мужу, которого она часто видит впервые. Их усаживают на циновку, дают выпить водки и

пожевать кусок табака. Затем молодая жена и подружки невесты раздают всем участникам многочисленные призы, которые приготовили родители мужа, и идут к колодцу, где молодая жена очищается от возможных грехов и черпает воду, которую она использует вечером, демонстрируя свои кулинарные навыки. Тем временем несколько виночерпиев раздают пиво или бренди, а повара готовят из мяса жертвенных животных и риса блюда, которыми наслаждаются присутствующие. Друзья семьи организуют сбор средств для покрытия расходов. Родители молодой женщины не участвуют в этих торжествах, но вечером молодые люди посылают им окорок и хвост жертвенной свиньи, а также часть выкупа за невесту; остальная часть выкупа выплачивается постепенно. Ночью торжества продолжаются. Молодая женщина сначала должна проявить свои кулинарные таланты; она готовит несколько блюд с помощью своих подружек и раздает их участникам праздника. Те пробуют их и обычно восклицают: «Ах, как восхитительно, пусть молодая жена живет долго, имеет многочисленное потомство» и так далее. Когда все насытятся, думса проводит церемонию *нум лани де*. По обе стороны от очага в комнате родителей он устанавливает две пары старинного церемониального оружия и бамбуковый посох, к которому прикреплен сноп проса, и кладет перед ним женскую одежду и украшения, кастрюлю, треножник, кувшины с пивом и бренди, свиную ногу и так далее. Рядом с очагом садятся молодая женщина и ее свита. Думса теперь делает всевозможные заклинания. Он приглашает благожелательных духов, изгоняет злобных, рассказывает историю о происхождении брака, которая бывает совершенно разной в зависимости от того, идет ли речь о простолюдине или о знатном человеке, и, наконец, обращаясь к молодой женщине с указанием на предметы, положенные у очага, говорит: «Все это для вас. Пусть вы станете крепкими, как это оружие, пусть вы останетесь красивыми, как эти украшения, добрыми, как этот бренди и это мясо, пусть этот котел долго служит вам для приготовления риса для ваших свекров, и пусть вы размножаетесь, как зерна проса». По окончании этой церемонии молодой паре подают бренди, пиво и лист с смесью риса и куриного мяса. Муж подносит жене чашки с напитками к губам, чтобы она их попробовала, и предлагает ей немного еды, то же самое делает жена со своим супругом. Остатки еды и напитков раздаются подружкам невесты и молодежи. На этом свадебное торжество заканчивается. На следующее утро состоится прием знатных жителей местности и друзей, которые попробуют напитки и, в свою очередь, пожелают молодоженам счастья.

У каренов, где преобладает эндогамия, существуют определенные запреты на брак, которые, однако, сильно различаются в зависимости от племени. Одно племя разрешает брак только между близкими родственниками, другое разрешает брачные союзы не только вне семьи, но и вне племени и даже вне расы. У народов чин, напротив, мы встречаем экзогамию, то есть брак между членами одного и того же племени, одной и той же деревни или одной и той же группы запрещен. Просто пугающими являются запреты на брак у горных каренов. Здесь на брак накладывается столько ограничений, что многие старые холостяки не могут найти подходящую жену и поэтому проводят всю свою жизнь в домах для холостяков. Такие дома для холостяков мы находим не только у каренов, но и у различных других бирманских племен, таких как лушай, куки, падаунги. У горных каренов холостяки отличаются особым костюмом; они носят своего рода куртки, украшенные семенами или ракушками, ожерелья из цветных камней, жемчуга или семян тростника, на которых на груди висит клык кабана, в ушах большие серебряные трубки, а у некоторых племен на лбу еще и ленту, украшенную ракушками и пучком рисовых стеблей. Когда холостяк женится, сначала все украшения достаются его жене, а позже переходят к старшему сыну.

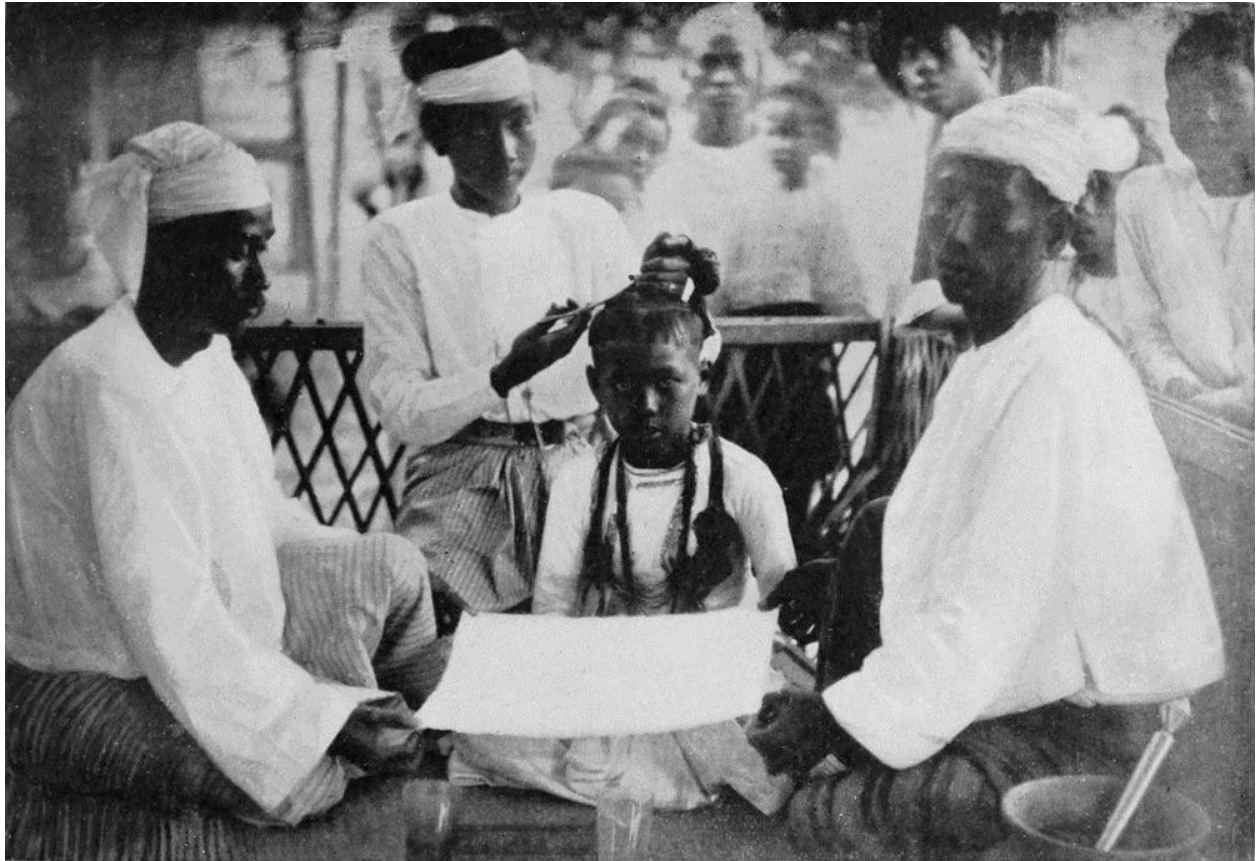

Фото Р. Грант Браун.

Илл. 439. Церемония стрижки волос.

Поскольку бирманцы отличаются отличным здоровьем, в основном живут в сельской местности и избегают городов, за исключением редких посещений, врачи редко сталкиваются с болезнями. Это также удача для пациентов, поскольку местные целители не имеют научного образования в области медицины. Их можно разделить на два типа: аптекари и диетисты, к которым в случае серьезных чрезвычайных ситуаций добавляются еще и шаманы. Дрогисты, как правило, вредя своим клиентам, дают им все мыслимые и немыслимые лекарства, приготовленные из животных, растительных и неорганических веществ. Лекарство, состоящее из ста сорока семи ингредиентов, должно же как-то действовать, так или иначе. Деисты полагаются в основном на исцеление верой и, по-видимому, ограничивают свои предписания диетическими рекомендациями, которые сводятся к тому, что больной должен употреблять только те продукты, названия которых начинаются с одной из букв, соответствующих дню недели, в который он родился. Духовный врач является самым страшным из всех, потому что он толкает и пинает бедного больного, которому он должен оказывать помощь, по всем правилам искусства под предлогом изгнания духа лихорадки, коликов и т. д., овладевшего его телом. Поэтому его, самого непопулярного, вызывают только тогда, когда, так сказать, Матфей уже на последнем месте.

Фото П. Клар.

Илл. 440. Бирманские девушки в поклонении перед святыней богов.

В сложенных руках они держат жертвенные свечи. Рядом с первой девушкой лежит большая зеленая сигара, которую она сразу же зажигает, когда заканчивает молитву.

Фото Р. Грант Браун.

Илл. 441. Церемония посвящения.

Ребенку на запястье завязывают семь хлопковых нитей.

О смерти родственники всегда сообщают соседям громкими воплями. Сразу же приглашают музыкальный оркестр, который играет без перерыва до похорон. Тело умершего моют на открытой веранде, с груди и ниже обертывают в белую хлопчатобумажную ткань и одевают в самые яркие одежды. Затем ему связывают оба больших пальца рук и ног, по возможности волосами сына или дочери, но если детей нет или такие волосы недоступны, то с помощью скрученной белой хлопчатобумажной нити. Кроме того, умершему кладут в рот небольшую монету, чтобы он мог оплатить «проезд» в страну духов. Все это делают родственники. Дальнейшая обработка тела для подготовки к погребению является задачей особой низшей касты, сандала. Гроб изготавливается из очень легкого дерева и имеет башенную конструкцию, изготовленную из бамбука, поэтому он также очень легкий и украшен всевозможными золотыми блестками и цветной бумагой. Сандала также выкапывают могилу на кладбище, которое всегда должно находиться к западу от деревни, ни в коем случае не к востоку от нее, так как это направление считается несчастливым, и не к северу, потому что там похоронена голова Гаутамы Будды. В ближайший монастырь отправляют особые подношения в виде еды для спасения души умершего, в ответ на что приходят несколько монахов и читают молитвы и благочестивые изречения из священных книг, чтобы отпугнуть духов, которые могут явиться и причинить вред. По той же причине на улице непрерывно играет капелла. На похоронах не носят траурную одежду (); все скорбящие приходят в своих лучших нарядах, как на веселый праздник. Люди любят, когда монахи идут впереди траурной процессии, состоящей из родственников обоих полов; мужчины идут отдельно от женщин. Посторонние часто присоединяются к процессии из уважения и, как и все участники, получают от женщин

угощения и сигары. Траурная процессия останавливается перед моргом; здесь музыка перестает играть. Монахи еще раз читают отрывки из священных писаний о спасении живых и мертвых, а затем также удаляются. Гроб несут к могиле и, прежде чем опустить его, несколько раз раскачивают из стороны в сторону. Ближайшие родственники молча разбрасывают несколько горстей земли на доски, затем сандала засыпают могилу. Теперь задача самого старшего родственника-мужчины — поймать дух умершего и унести его с собой. Согласно верованиям бирманцев, этот дух, называемый лейпбья (что очень символично означает «бабочка»), находится с человеком, пока тот жив и бодрствует (); когда он спит, дух покидает его на некоторое время, поэтому нельзя внезапно будить спящего человека, иначе его блуждающая душа не сможет вовремя вернуться, и он умрет; но когда человек умирает, Leirbya необходимо поймать, чтобы он не остался на кладбище и не превратился в злого духа. Для этого пожилой родственник протягивает платок, произносит слова: «Иди с нами» и внезапно сжимает его; он верит, что таким образом поймал бесплотный дух. Платок уносят домой, где он в течение семи дней хранится между двумя столбами дома с левой стороны от входных ступеней, а на седьмой день в присутствии монахов, которые устраивают своего рода очистительный праздник, его разворачивают. Таким образом устраняется опасность того, что дух умершего может вернуться на кладбище и стать гулем. Богатые люди кормят скорбящих гостей в течение этих семи дней; если это делают бедные, они легко влезают в долги.

Фотография Р. В. Маршалла.

Илл. 442. Церемония прокалывания ушей в Бирме.

Раньше кремация тел была общепринятой практикой, сейчас этот обычай ограничивается отдельными частями страны. Трое ближайших родственников собирают

оставшиеся кости, моют их в ароматной воде или кокосовом молоке, заворачивают в белую вату и кладут в кувшин. Сначала кувшин возвращают в дом, но после праздника очищения его закапывают в землю рядом с монастырем или пагодой. Над могилой возводится деревянная башня в качестве памятника; когда она разрушается, никто больше не знает место захоронения. Богатые люди позволяют себе поставить массивный столб или даже каменную башню. Пагоды возводятся над могилами королей, а также могут строиться над могилами монахов или вождей (у народа шан).

Фото Д. А. Ахуджа.

Илл. 443. Юноши после принятия в монашеский орден.

Их головы выбриты.

Илл. 444. Последний архиепископ Бирмы,
который в течение двух лет лежал забальзамированным перед кремацией.

Сожжение тела монаха в Бирме.

Когда умирает бирманский монах, его не хоронят, а всегда сжигают. Погребальный костер сооружают из бамбуковых трубок и покрывают его золотой бумагой и блестками. Сооружение занимает много времени; со всех сторон к нему поднимаются веревки, к которым прикреплены ракеты. Ракета, которая зажигает верхушку, должна принести удачу деревне, которая ее подарила. Толпа танцует вокруг костра с громким ликованием.

Фото: Klier.

Илл. 445. Бирманские похороны.

Похороны уважаемого человека обычно не сопровождаются особенно торжественными церемониями, зато при смерти монаха устраивается пышная церемония (рис. 445). Чем старше монах и чем больше пост он соблюдал в монастыре, тем дольше ждут с его похоронами, потому что сначала нужно собрать деньги на церемонию. Если нищий монах не оставил после себя состояния, то монастырь, даже если у него есть деньги, не лишает людей возможности заслужить благодарность добрым делом. В некоторых случаях может пройти год или даже больше, прежде чем будет собрано достаточно средств, чтобы оказать главе монастыря должные почести. Поэтому благочестивый человек сразу же бальзамируется, чаще всего путем помещения тела в мед (рис. 444). Гроб, вырезанный из одного куска дерева, окружается позолоченным и богато украшенным сооружением в форме каркаса с балдахином и помещается в временном здании, называемом монастырем Нирвана. Вокруг него, что удивительно, очень часто размещаются целый ряд весьма непристойных изображений; они, однако, должны представлять искушения, которым сопротивлялся святой человек. Гроб остается здесь до тех пор, пока не будут приняты все меры для «возвращения к великой славе», как обычно называют кремацию монаха; это происходит в феврале или марте, когда урожай риса собран и сельское население имеет в распоряжении много денег. В назначенный день на холме или на открытом месте возводят огромный костер в виде высокой башни с семью крышами (рис. 446 и цветной художественный приложение), который украшают самыми разнообразными цветами, сусальным золотом, блестками и изображениями; нижние этажи заполняют топливом и благоухающими древесиной. Позолоченный контейнер с гробом везут на огромной телеге столько людей, сколько могут удержать ротанговые веревки. Еще более оживленными становятся общие усилия, как только телега прибывает к месту кремации. Сотни мужчин, женщин и детей

приступают к делу, снимают гроб с телеги и доставляют его на место. При этом участники поднимают громкий крик, музыкальные группы играют свои мелодии, и создается впечатление, что это не похороны, а что-то совсем другое. Тем временем монахи в бамбуковых хижинах, построенных вокруг, все это время читают из священных книг и одновременно собирают огромное количество самых разных подношений. Затем костер зажигают с помощью ракет. Эти ракеты представляют собой бамбуковые палки, наполненные порохом; над изготовлением одной ракеты обычно работает целая деревня. Ракета, которая поджигает верхушку, приносит удачу соответствующей деревне. Как только ракета загорается, среди народа поднимается мощный радостный крик, а если она не срабатывает, то громкий насмешливый смех. Тело быстро сгорает, потому что в жаркое время года, когда происходит кремация, все сухое, как трутень. Кости, собранные из пепла, хоронят рядом с освященным местом или над ними возводят четырехугольную башню без вершины или пагоду. Однако на этом надгробии никогда не бывает надписи, так что только местные жители могут сказать, в память о ком было возведено такое сооружение.

Фото Д. А. Ахуджа.

Рис. 446. Сожжение тела монаха в Бирме.

Фото А. Сабатон.

Илл. 447. Королевские слоны в полном параде.

Слоны в Камбодже довольно редки и поэтому очень ценны. Каждый белый слон принадлежит королю, который щедро вознаграждает каждого, кто добывает ему такое священное животное.

Французский Индокитай.

Французский Индокитай, узкая прибрежная полоса, простирающаяся к востоку от Бирмы и Сиам на южном побережье Китая, как следует из его названия, в настоящее время находится под французским суверенитетом. Политически страна разделена на Камбоджу, Кохинхину, Аннам и Тонкин и включает в себя камбоджийцев или кхмеров, аннамцев, тонкинцев, лаосцев и несколько более или менее «диких» племен.

Камбоджа, ранее могущественная империя в нижнем течении Меконга, в XVI веке простиравшаяся на часть Сиам, Аннама и Лаоса, достигла под властью династии кхмеров высокого уровня в области искусств и наук; о блеске этой высокой культуры свидетельствуют многочисленные руины. Затем сиамцы провозгласили себя хозяевами этой страны, а в конце концов ее захватили французы.

Камбоджийцы — люди среднего роста (мужчины в среднем 163 см), но крепкого телосложения, с коротким черепом, прямыми, редко раскосыми глазами, широким, приплюснутым у основания, немного выступающим носом, жесткими, черными как смоль волосами и красновато-коричневым цветом кожи; в целом, по их внешнему виду можно узнать некоторое сходство с неграми (смешение с негритосами!). Мужчины носят

облегающую куртку и сямпот, то есть кусок ткани, который они обвязывают вокруг бедер и между ног таким образом, что получаются брюки с выпуклыми штанинами; женщины, помимо сямпота, носят еще накидку или, чаще, большой цветной пояс, оставляющий спину и руки открытыми. Оба пола стригут волосы на голове коротко, как щетина (); любое прикосновение рукой к волосам, даже если оно делается из нежности, считается серьезным оскорблением, колдовством. — Камбоджийцы живут в одноэтажных домах на сваях, полагая, что если кто-то будет ходить над их головой, это принесет им несчастье. Камбоджийцы очень суеверны. Как и сиацы, аннамцы и другие народы, они верят в счастливые и несчастные дни, обращают внимание на предзнаменования и составляют гороскопы.

Их религия представляет собой смесь буддизма и брахманизма, похожую на религию сингалов. Внешне они исповедуют первую, но суеверие в отношении добрых и злых духов, которые живут в их окружении и требуют почтения, широко распространено среди них. К благожелательным духам относятся Нак Та, место обитания которых находится в красивых старых деревьях. Раньше им, по-видимому, приносили в жертву людей, теперь же ограничиваются буйволами, козами, курицами, рисом и фруктами. Еще одним влиятельным духом является Арак, предок, ставший богом, который защищает семьи и к которому обращаются, особенно в случае болезни. Камбоджийцы приписывают злым духам (Прай) большую силу, чем добрым, поэтому они особенно стараются умиловить их и поддерживать в хорошем настроении. Самыми опасными духами являются духи женщин, умерших при родах или насильственно убитых оборотнем, чужом и ведьмой. Им приписывают все болезни и все беды, поэтому магия играет большую роль в медицине камбоджийцев.

Фото А. Кабатон.

Илл. 448. Носилки в виде плетеных бамбуковых корзин,

в которых во время буддийских процессий в Камбодже священникам подносят подношения (фрукты, рис, монеты).

Камбоджийцы очень любят праздновать; не только все дни, которые буддизм провозглашает священными, отмечаются торжественно, в том числе шествиями (рис. 448),

но и все народные обычаи, основанные на анимистических представлениях. Большое торжество связано с «Праздником воды». Это регата религиозного характера (), которая ежегодно проводится перед королем в Пномпене на озере Тонлесап. В дворце также происходит освящение «воды клятвы»; каждый житель страны, служащий королю, клянется ему в верности, выпивая воду, которая отравит его в случае нарушения клятвы. — Как и в Сиаме, каждый белый слон является собственностью короля (рис. 447).

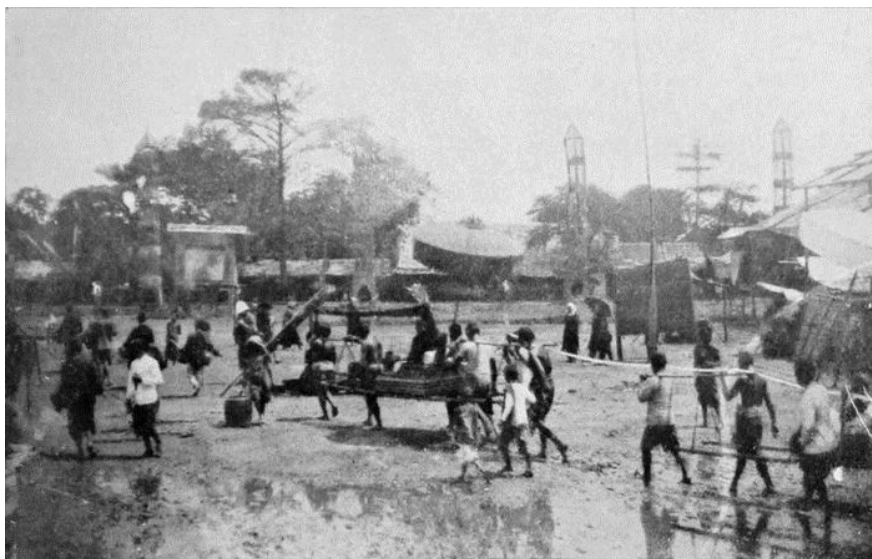

Фото А. Кабатон.

Рис. 449. Похоронная процессия в Камбодже.

На переднем плане в паланкине под большим зонтиком несут «проводника души». Он связан с гробом длинной белой лентой, один конец которой прикреплен к его голове, а другой — к хлопковому ожерелью покойника.

Фото А. Кабатон.

Илл. 450. Сцена из похорон в Камбодже.

На паланкине несут катафалк с телом умершего. Часто семьи ждут, пока накопится несколько тел, чтобы провести очень дорогостоящее кремацию.

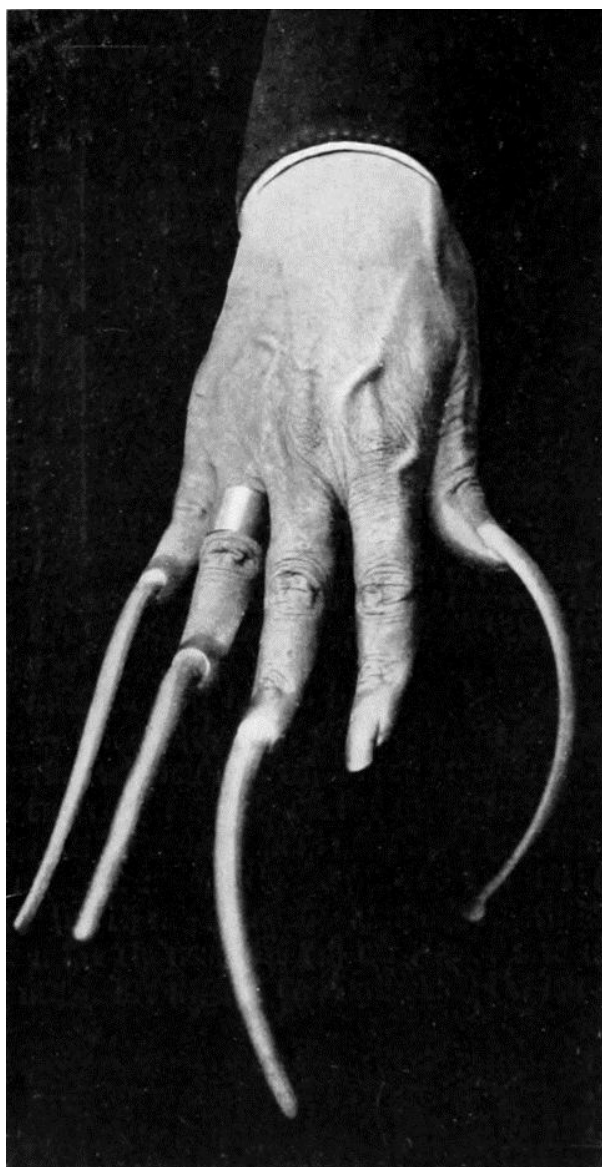

Фото А. Кабатона.

Илл. 451. Рука знатного аннамита.

Ребенок камбоджийцев получает свое имя в возрасте шести месяцев; этот торжественный момент отмечается с соблюдением всех формальностей. Как только «брится пучок волос» — правило для обоих полов — имя меняется. После этого мальчики в качестве послушников отправляются в монастырь, чтобы получить образование. По окончании обучения они поселяются в общинном доме и остаются там до своей свадьбы. Свидания с молодыми девушками не допускаются; камбоджийцы придают большое значение девственности до брака. Молодые девушки живут со своими родителями, пока не достигнут зрелого возраста. Затем, по требованию родителей, они должны «уйти в тень». В тот вечер, когда у них появляются первые правила, родители привязывают к запястью хлопковые нити и приносят предкам жертву, состоящую из еды, свечей и ладана, официально объявляя им об этом событии. Одновременно они сажают банановое дерево, плодами которого либо наслаждается сама девушка, либо отправляет их монахам. Затем она уходит в уединение на длительный срок; это уединение длится от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от положения и состояния семьи. Родители дают ей хорошие наставления, которые звучат примерно так: «Не позволяй никому из посторонних мужчин увидеть тебя, так же как монахи, ешь только между восходом солнца и полуднем, ешь только рис, соль, кокос, горох, кунжут и фрукты, воздерживайся от мяса и рыбы; купайся

только после наступления ночи, то есть когда тебя никто не узнает, чтобы тебя никто не видел». В течение всего времени уединения девушка остается в доме днем, она даже не ходит в пагоду; только с наступлением темноты она освобождается от этой обязанности. Затем она берет с собой нож для жевания бетеля и сосуд с известью, необходимой для жевания бетеля, зажигает свечи и благовония и выходит, чтобы поклониться чудовищу, которое посылает тьму, потрясая звездами между зубами, и умолять его о счастье для себя. «Выход из тени» снова торжественно отмечается молитвами и праздничным ужином. Иногда за этим следует окрашивание зубов, которое обычно происходит при вступлении в брак. У молодых мужчин эта церемония проводится либо при вступлении в монашеский орден, либо при вступлении в брак. Для молодой девушки этот процесс сопровождается всевозможными формальностями. В ее отсутствие мудрый человек расстилает на земле хлопчатобумажное полотно, кладет на него сначала восемь соломинок в направлении небесных областей, чашу из скорлупы кокосового ореха, ткацкую челнок и бронзовый кубок, затем рассыпает на них немолотый рис, чтобы предметы были покрыты, разглаживает все и накрывает концами полотна. На так подготовленное сиденье он усаживает девушку. После нескольких молитв два старика, мужчина и женщина, растирают лак в ступке, а семь мальчиков имитируют растирание банановыми ветками, напевая припев: «Дедушка Кухе, бабушка Кухе, хорошо растирайте лак, чтобы он прилипал к зубам». Каждый раз, когда они произносят слово «толкайте», двое стариков опускают толкатель в ступку. Когда лак достаточно измельчен, его просеивают через кусок муслина. Затем вырезают кокосовый лист в форме человеческого зуба, пропитывают кусочек хлопчатобумажной ткани жидким лаком и кладут его девочке на зубы, чтобы она оставила их во рту до утра; она может плевать только в листья писанга, сшитые в форме чашечки. В полночь вызывают злых духов, а на рассвете семь мальчиков- , идут по соседству, чтобы поохотиться на кур и уток приглашенных. На рассвете молодая девушка покидает дом и поклоняется солнцу, трижды падая перед ним в пыль. Старый дед делает движение, как будто хочет выбить ей зубы ударами молотка, и мажет ее сажей. Наконец, девушка должна поклониться перед домашним алтарем.

В возрасте около шестнадцати лет юноши и девушки вступают в брак. Родители обычно готовят к этому, не спрашивая мнения участников, однако они учитывают возможное неприятие дочерью своего избранника. После того как юноша приносит им необходимые подарки в виде арековых орехов, бетеля, гамбира, рисового вина и табака, происходит помолвка. После этого он на неопределенный срок переезжает в дом своих тестя и тещи. С этого момента пара считается в глазах общественности женатой, поскольку свадебная церемония обычно не проводится по той простой причине, что она требует от молодого человека больших затрат. Он должен не только преподнести своим тестям и тещам в день свадьбы множество оговоренных подарков и подарить своей жене различные украшения, но и добровольно раздать много подарков знакомым и щедро их угостить.

Фото А. Кабатон.

Илл. 452. Судебная сцена у аннамитов.

Судья поднимает палец, подтверждая приговор, который зачитывает мужчина справа от него. Пристав собирается нанести осужденному предписанные сто или двести ударов тростью.

Как и везде в Индокитае, похороны являются самым важным моментом в жизни камбоджийца. Они состоят в кремации; только очень набожные последователи буддизма решают, что их тела будут разрезаны на куски и брошены на съедение птицам. В то время как бедные слои населения кремируют своих умерших как можно быстрее, более состоятельные откладывают кремацию на долгий срок, на месяцы и даже годы. В последнем случае тело сначала хоронят или хранят в герметично закрытых гробах в доме. Три дня у тела проводят бдение и молятся, после чего его кладут на катафалк, украшенный золотой мельницей, цветами и свечами. В рот умершему вставляют небольшой стержень из золота или серебра, а на шею надевают цепочку из белых хлопковых нитей, концы которой закрепляют снаружи гроба на куске белой хлопчатобумажной ткани; другой конец ткани держит младший сын или внук. Во время похорон он едет перед катафалком в паланкине как «проводник души» (рис. 449 и 450). Тело на телеге везут к погребальному костру в сопровождении музыкальной группы, нанятых плакальщиц и родственников, одетых в белое и постриженных в знак траура. До кремации тела проходит еще несколько дней. При первом треске огня молодой «проводник души» получает одежду послушника из рук священника.

Аннамцы, которые в основном поселились в Аннаме, Тонкине и Кочинчине и, как считается, происходят из Тибета, также имеют небольшой (около , пятьсот пятьдесят сантиметров в высоту), но немного более коренастые, чем камбоджийцы, короткую голову, широкое лицо с очень часто (в трех четвертях случаев) раскосыми монгольскими глазами, а также черные, жесткие волосы; в целом они больше соответствуют типу желтой азиатской

расы. Их кожа светлее, чем у камбоджийцев, поэтому они считают себя белыми людьми и смотрят на тех с некоторым презрением.

Фотография Mme Basalle.

Рис. 453. Аннамские актеры.

Илл. 454. Сцена сражения на аннамской сцене между двумя высокопоставленными принцами-мандаринами в богато украшенных костюмах, за которыми стоит по одному пажу с знаменем.

Оба пола одеваются в черные шелковые штаны и длинные черные или синие накидки из того же материала, из-за чего мужчин и женщин, тем более что оба пола носят длинные волосы, трудно отличить друг от друга.

Среди аннамцев также широко распространено чернение зубов, как мы уже знаем по камбоджийцам. Только здесь весь процесс гораздо более длительный, так что бедная жертва в результате уменьшенного потребления пищи, изоляции и волнений в конце концов полностью обессиливается. Сначала зубы окрашивают в красный цвет с помощью пасты, которую наносят на вырезанный пальмовый лист и кладут на зубы (). Чтобы не сбить эту накладку языком, человек, которому проводят окрашивание, должен лежать с открытым ртом, не может есть теплую пищу, а только холодную, лучше всего рис, который нужно глотать небольшими комочками, и это в течение целых четырнадцати дней. Затем таким же образом наносится черная лаковая настойка, но на этот раз только на два дня. Наконец, зубам придают блеск с помощью порошкообразного угля из обожженной скорлупы кокосового ореха. При проведении этой процедуры не должны присутствовать женщины, которые находятся в трауре, беременные или менструирующие, иначе она не удастся. Несмотря на большие неудобства, связанные с чернением зубов, тщеславные девушки и юноши повторяют эту процедуру каждые три года. — Еще одним обычаем аннамиток является удаление лобковых волос. Благородные аннамитки носят ухоженные ногти необычной длины в знак того, что им не нужно работать (рис. 451).

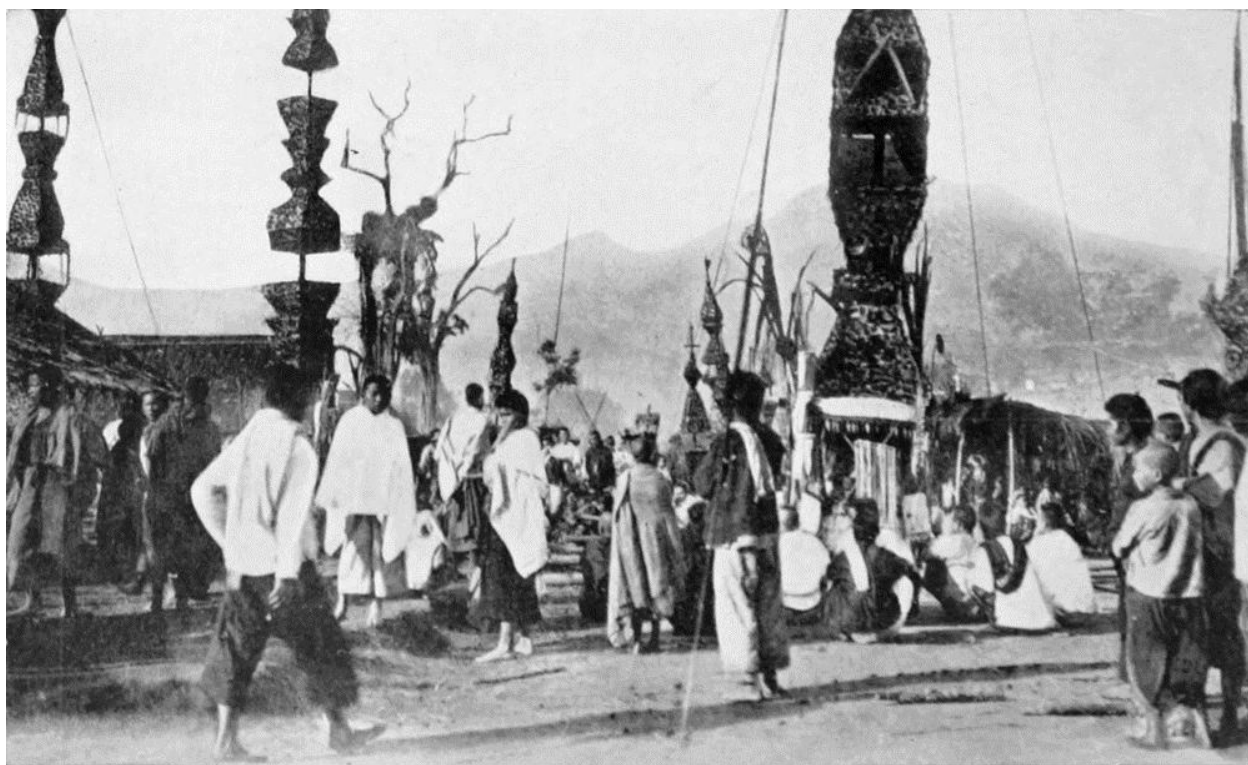

Фото: Анри Майр.

Рис. 455. Буддийская процессия. На алтарь везут подношения для пагоды.

Два буддийских праздника, по случаю которых приносятся жертвы, — это «Тхроу Кон Хе Как Тхоу» и «Праздник цветов», на которые вся деревня отправляется в путь к удаленной пагоде.

Большинство знатоков местных условий довольно неблагоприятно отзываються о характере аннамитов; они считаются коварными, мстительными, лживыми, обманчивыми и в высшей степени воровскими, аннамитское правосудие (рис. 452) при этом очень строгое; другие наблюдатели, напротив, отмечают их скромность, гостеприимство, покорность, вежливость, уважение к вышестоящим и большую любовь к родителям, а также их трудолюбие. Последнее проявляется в области технических навыков (резьба по дереву, вышивка, работа с перламутром и т. д.), в которых также прослеживается определенный художественный вкус. — Аннамцы страстно увлекаются азартными играми, при этом отличаются спокойствием, расчетливостью и хладнокровием. Даже маленьких детей можно увидеть в игорных залах. Они также проявляют большой интерес к театральным представлениям (рис. 453 и 454).

Аннамы не проявляют особой религиозности. Хотя господствующей религией является буддизм (рис. 455), он, как и в других местах, пронизан народными суеверными представлениями о духах и демонах. Император и высшие чиновники исповедуют учение Конфуция. Кроме того, христианство также нашло многочисленных последователей. — Большой страх аннамитов перед духами, особенно перед многочисленными злыми духами, ма, требует от них постоянных жертвоприношений, чтобы умиловить их; эти дары обычно состоят из небольшого количества риса, мелких медных монет или золотой бумаги в форме палочек, которая, как считается, доставляет духам такое же удовольствие, как и чистое золото. Аннаматы особенно боятся тигра () и поэтому обращаются к нему только как «господин тигр»; так же они боятся ма-ки, блуждающих душ тех, кто не был похоронен. Некоторые другие животные, такие как слон, кит, дельфин, считаются благотворно влияющими.

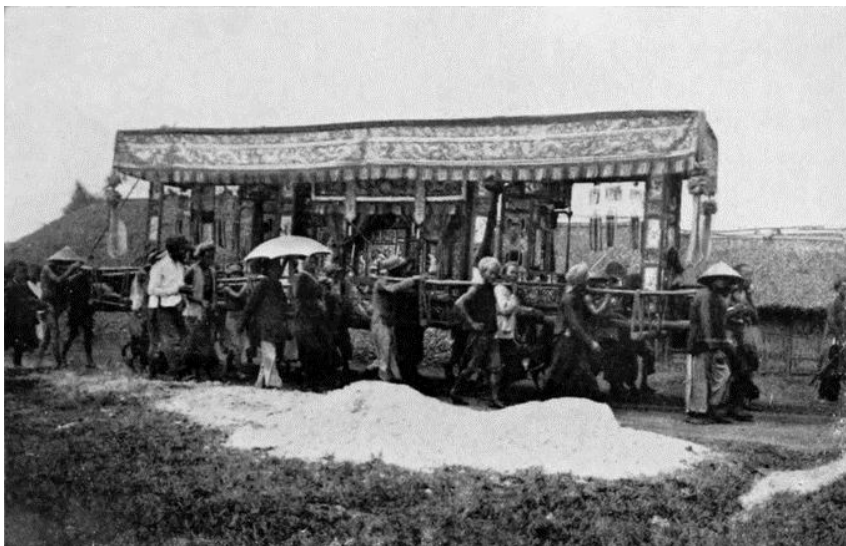

Фото А. Кабатон.

Илл. 456. Сцена из аннамского похоронного шествия.

Роскошно украшенный катафалк, «золотой дом умершего», несут пятнадцать носильщиков.

Фото А. Кабатона.

Илл. 457. Сцена из аннамского похоронного процессии.

Алтарь предков с табличкой умершего везут в процессии.

Для беременных особенно опасны духи Ма Кон Ран, которые стремятся воплотиться и предпочитают выбирать для этого будущего плод. В результате плод погибает, и мать рождает мертвого ребенка. Поэтому во время беременности и после родов им приносят жертвы. Аннамита́м запрещено рожать в собственном доме. Поэтому у более состоятельных людей для беременных во дворе, то есть довольно близко к самому жилищу, сооружают специальную маленькую бамбуковую хижину, в которой они в трудную минуту выносят роды, лежа на бамбуковых решетках, опирающихся на четыре столба, и должны оставаться еще в течение месяца после родов. Более бедные люди вынуждены рожать в маленьких грязных углах, и нередко этот акт происходит на глазах у публики на улице. Послеродовые выделения акушерка — старые женщины оказывают помощь при родах — заворачивает в лоскуток ткани и к вечеру или ночью закапывает в тайном месте. Отпавшая пуповина, напротив, тщательно хранится и используется в качестве добавки к средству от лихорадки, если ребенок заболит ею в первые годы жизни. После рождения ребенка в течение нескольких дней избегают произносить слова, связанные со смертью, болезнью, несчастьем и т. д., из опасения, что на ребенка может обрушиться такая беда. В это время в доме нельзя ничего жарить, иначе у матери и ребенка появится пузырьковая сыпь. Когда ребенку исполняется месяц, ему дают имя, предпочтительно некрасивое, такое как «собака» или «свинья», чтобы отпугнуть злых духов. Если он заболевает, его якобы продают священнику, который сразу же продает его обратно семье под другим именем в надежде обмануть злых духов. Когда мальчик достигает одного года, перед ним раскладывают орудия труда, оружие, письменный стол и мандариновую печать; по движению, которое делает его рука в отношении того или иного предмета, делают вывод о профессии, которую он выберет в будущем.

Фото: Х. Бодессон.

Илл. 458. Сцена свадьбы у лаосцев.

Перед жертвенным столбом священник связывает руки пары хлопковой нитью и в качестве жертвы перекручивает шею курице.

Аннамиты вступают в брак в возрасте восемнадцати или двадцати лет, в зависимости от пола. Родители улаживают все формальности, но предварительно сообщают о своем решении предкам; однако тех, кого это касается, не спрашивают. Даже детей в колыбели уже обручают. Если жених богат, он дарит своей невесте подарки, которые нередко имеют значительную ценность: драгоценности, лакированные шкатулки, ткани, свечи, рисовое вино, бетель и большую тучную свинью. Бедные юноши поступают на службу к своему тестю. Сама свадьба, чисто домашнее мероприятие, требует от жениха новых подарков; обычно они должны быть как можно больше красного цвета, цвета счастья. В домах обеих сторон приносят жертвы предкам; затем жених дарит своей невесте пару аистов, символа верности, пара падает ниц перед божествами, охраняющими брак, «гением красных шелковых нитей» и «женщиной Луной», и преподносит им аистов. Первый день свадьбы заканчивается праздничным ужином. На следующее утро молодая жена, одетая в роскошное платье, отправляется в дом своего мужа, где она падает ниц перед покровителями брака, предками, свекрами и их родственниками. Жертвоприношение перед алтарем предков составляет самую важную часть свадебной церемонии. С этого момента женщина вступает в семью своего мужа и отныне исповедует его религию. Хотя аннамка пользуется уважением в своем доме, особенно как мать, ее судьба все же не вызывает зависти. Мужчине легко развестись; он может подать на развод по семи причинам, из которых три самые важные —

бесплодие, болтливость и ревность. Богатые аннамцы, которые могут себе это позволить, живут в полигамии; однако только женщина, выданная замуж в соответствии с описанными формальностями, пользуется уважением и властью.

Фотография Х. Бодессона.

Илл. 459. Маски лаосцев на «Празднике конца календаря».

Поскольку семейная жизнь аннамитов основана на культе предков, большое значение придается похоронам, посредством которых умерший становится предком; они должны проводиться с торжественными церемониями, иначе душа умершего попадет в ад. Умиравшему на грудь кладут кусок белого шелка, «белую душу», чтобы в нем застряла уходящая душа при последнем вздохе. Священники проводят бдение у тела при сжигании ладана; перед дверью разбрасывают мелкие медные монеты, чтобы привлечь злых духов. После того как умерший был омыт особой святой водой и одет своими сыновьями и внуками, ему дают «последнюю трапезу» — несколько зерен риса и немного денег, которые кладут ему в рот, и помещают в гроб, который должен быть как можно более богатым и искусно украшенным. Гроб закрывают, покрывают всевозможными амулетами и ставят на мощный деревянный катафалк (рис. 456), который напоминает многоэтажное здание и окрашен в красный цвет с золотой краской. Родственники, одетые в белые траурные одежды, принятые в Индокитае, окружают его, скорбя. После того как колдун выдает пропуск для большого путешествия, тело перевозят на кладбище. Впереди идет мужчина с горящей факелом, за ним следует другой с знаменем, надпись или форма которого объявляет о ранге и положении умершего, за ними идут люди, раздающие предметы из золотой и серебряной бумаги, полагая, что злые духи примут их с большим удовлетворением. Далее следует «полукарета души», часто окруженная музыкантами. Это небольшая конструкция, украшенная жемчужинами из золотой бумаги, в складках «белой души» которой находится красная мемориальная доска с изображением умершего в его новом звании, а также небольшой алтарь, крошечные бумажные модели предметов, которые были дороги умершему, одежда, предметы быта и золотые бумажные палочки. В самом конце, в окружении музыкального оркестра, идет сам катафалк, а перед ним, шагая назад, сыновья и зятья умершего. Остальные члены семьи следуют за ними в белой одежде. На месте похорон «белая душа» трижды получает уведомление о том, что покойный будет похоронен, что и происходит; сама же она в торжественной процессии возвращается в дом,

где на родовом алтаре (рис. 457) устанавливается мемориальная доска. Через пятьдесят дней или год наследники устраивают для всех участников похорон праздничный банкет.

Фото Х. Бодессон.

Илл. 460. Музыкант, исполняющий серенаду молодоженам.

Инструмент представляет собой бутылочную тыкву, к которой прикреплены три бамбуковые флейты.

Население Лаоса состоит из нескольких племен, в основном арийского () или индонезийского происхождения, которые проживают преимущественно в долинах крупных рек Меконг, Менам и Салуэн вдоль западной границы Аннама. Лаосцы среднего роста, как и аннамцы, но более коренастые. Они отличаются довольно высоким интеллектом и кротостью. Одежда мужчин похожа на одежду аннамцев, женщины носят юбки с продольными полосками, достигающие до лодыжек, и пояса ярких цветов. Их прически различаются в зависимости от региона; прически замужних женщин, как правило, отличаются от причесок молодых девушек. Мужчины носят короткие стрижки.

Фотография Х. Бодессона.

Илл. 461. Сцена из свадебного торжества лаосцев.

Неприглашенные гости набрасываются на остатки еды, которые были приготовлены для них.

Религия лаосцев представляет собой ослабленную форму буддизма на обычной анимистической основе. Каждое важное событие в жизни должно предваряться жертвоприношением, состоящим в основном из кувшина рисового вина. При употреблении этого напитка, который должен бродить не более двух месяцев и не менее десяти ночей, соблюдается определенная церемония. Кувшин крепится к шесту, на который вождь опускает в жидкость длинную полую трость, на конце которой горит свеча для изгнания злых духов, и каждый из присутствующих должен набрать полный рот; когда кувшин опустошается, его снова наполняют. Здесь, как и в Сиаме, отмечают множество праздников. Во время праздника «Конец календаря», который соответствует нашему Новому году, старый год провожают с большой помпой. Молодые девушки обрызгивают юношей либо благоухающей водой, либо грязью, что те принимают с юмором; Актеры надевают одежды, похожие на одежды первых людей Лаоса, которые имели мохнатую шкуру, надевают причудливые маски с подвижными челюстями, преклоняют колени, шагают в такт и произносят речи, в которых желают всем всего наилучшего в новом году (илл. 459).

Предпосылкой помолвки молодых людей обычно является длительное ухаживание. Когда полевые работы закончены, молодые парни находят время, чтобы ухаживать за девушками. Достигнув брачного возраста, девушки, одетые в яркие шарфы, выходят на специально построенные для этого сцены. Перед ними горят лампы, похожие на театральные прожекторы, а поднос с бетелем и плевком (бамбуковым палочкой) переходит из рук в руки. Молодые мужчины () сидят на корточках перед девушками и изливают на них всевозможные любезности в стихах, на которые девушки быстро отвечают веселыми и даже острыми словами. Наконец, происходит помолвка и свадьба, церемонии которых в целом похожи на церемонии в Сиаме и Камбодже. У некоторых диких племен колдун просто

связывает руки пары хлопковой нитью после того, как была принесена в жертву курица (рис. 458). Женщины приносят в дар нарезанное длинными полосками сырое мясо, рисовую кашу, сформованную в шарики, жареных кузнечиков и рисовое вино. Танцы и песни под аккомпанемент примитивных инструментов завершают свадьбу (рис. 460 и 461).

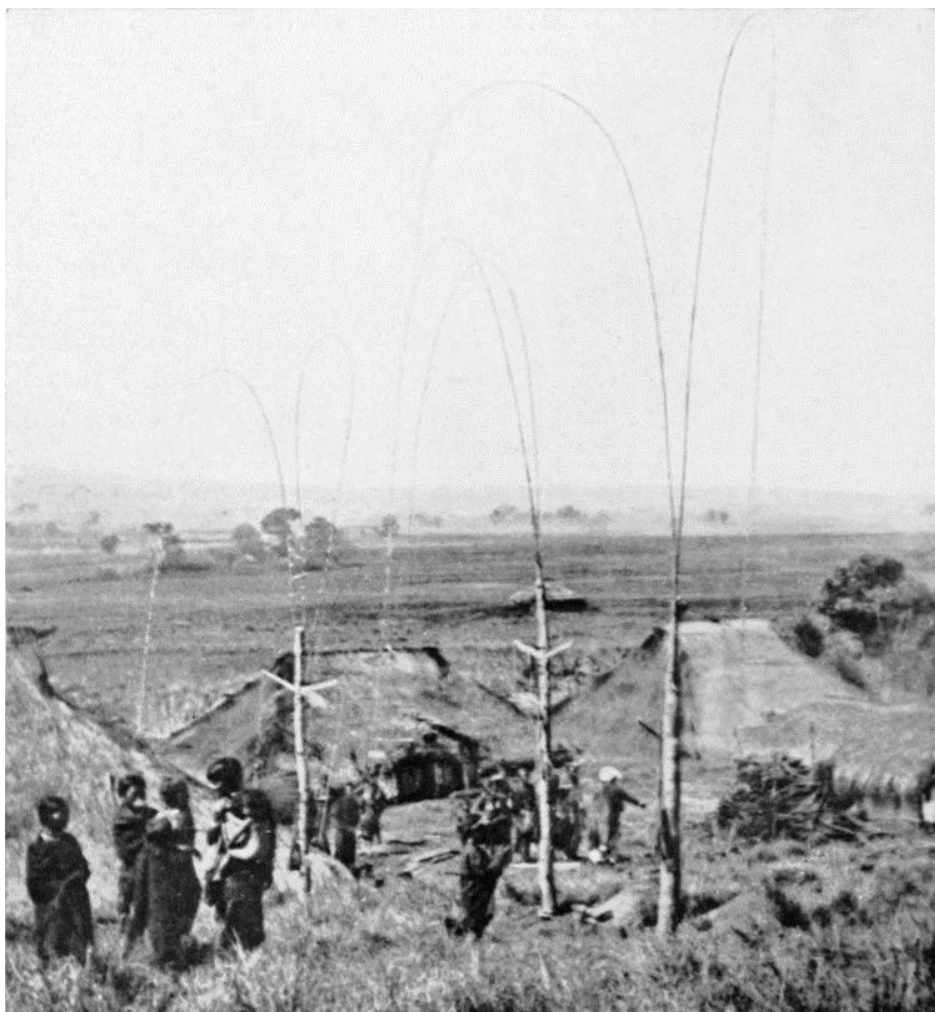

Фото Х. Бодессон.

Рис. 462. Жерди с раскачивающимися кнутами,
установленные лаосцами в честь умершего.

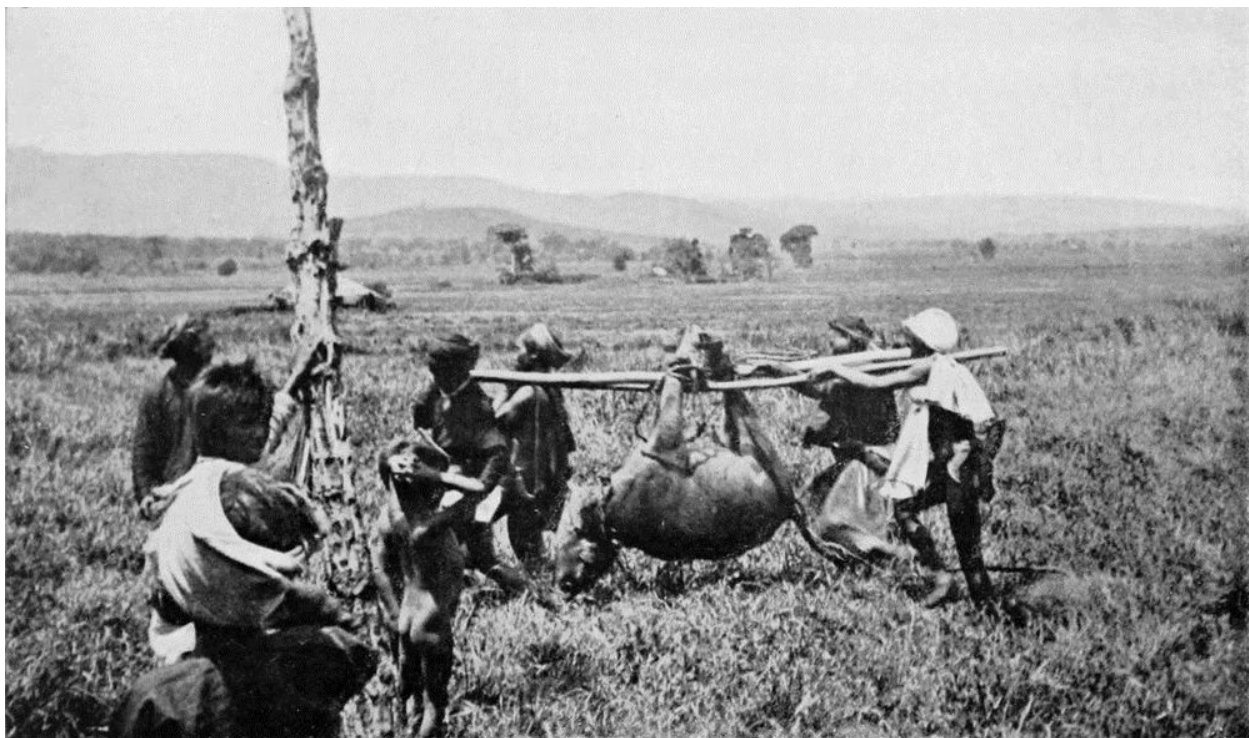

Фото: Н. Baudesson.

Илл. 463. Сцена из похоронной церемонии лаосцев.
Буйвол для жертвоприношения притаскивается на место.

Фото: Х. Бодессон.

Илл. 464. Сцена из похоронной церемонии лаосцев.
Буйвол забивается в память об умершем.

К умирающему вызывают колдунью; она гладит больного, зажигает шесть маленьких свечей и произносит целую литанию заклинаний, говоря все быстрее и быстрее по мере того, как пламя сгорает. Затем она набирает полный рот воды и брызгает ее мелким дождем на живот пациента, чтобы, по-видимому, удалить из него что-то. Наконец она торжественно размахивает камнем, как причиной всех беспокойств в воздухе. Если, несмотря на это, больной умирает, то вина за это лежит исключительно на родственниках, которые, возможно, принесли в жертву злему духу козу, которая была слишком тощей, так что он не получил от этого удовлетворения. Тело сразу же кладут в ящик (рис. 467) и кладут в рот немного рисовой каши в качестве пищи для души (); после этого кто-то громко кричит в уши умершему, пытаясь вернуть его к жизни. На шестой день тело наконец выносят через отверстие в стене и несут на кладбище; родственники следуют за ним гуськом. Чтобы умерший мог найти свои любимые вещи в загробном мире, их кладут ему в гроб, прежде чем он будет предан земле. — Ежегодно проводятся торжественные церемонии памяти умерших. Сельские жители готовятся к ним, перекрывая свои хижины, подметая полы и устанавливая столбы с огромными кнутами на верхушках (рис. 462), которые они также украшают листвой. В честь каждого жителя деревни, ушедшего в мир иной в течение года, приносят в жертву буйвола (рис. 463 и 464), на окровавленное тело которого ребенок кладет одежду умершего. Под звуки там-тама к нему подходит семья, женщины с растрепанными волосами бросаются на землю с плачем, а колдун скорбным голосом провозглашает достоинства покойного.

Племена мои: Средняя часть Индокитая (от Юньнани до Кохинхины) населена рядом «диких» племен, которые, поскольку они довольно схожи по внешнему виду и культуре, объединены под общим названием «мои». В зависимости от района проживания они носят разные названия, например, в Аннаме их называют мои, в Камбодже — пеуронг, в Лаосе — хас и так далее. Они представляют собой довольно однородный тип, который указывает на родство с индонезийцами, с одной стороны, и китайцами, с другой. — Племена мои являются охотниками, но также занимаются примитивным земледелием. Они по-прежнему собирают урожай риса вручную и варят воду в полых бамбуковых трубках. В большинстве случаев они ходят без одежды и используют примитивное оружие: копья, луки и отравленные стрелы.

Фото: Анри Мэтр.

Рис. 465. Жертвенная хижина племени мои.

Фото: Н. Baudesson.

Илл. 466. У лаосцев существует правило, согласно которому молодая мать должна долгое время сидеть у костра, который можно поддерживать только с помощью особого дерева. Ежедневно подруги приносят ей необходимое дерево и в обмен на это обедают у нее.

Мои являются чистыми анимистами, которые считают, что все в природе одушевлено и наделено душой. Однако они также верят в высшее существо, которое создало небо и землю и является богом грома. Они поклоняются ему в виде камня в бамбуковой хижине высотой около двух метров, стоящей на сваях, которую можно увидеть у входа в деревни (рис. 465). Перед хижинкой также установлены четыре или пять небольших углублений на скамейках, расположенных на разных уровнях, которые, как и внутреннее пространство хижины, содержат подношения для высшего духа: немного риса, оленьи кости, кусочки вареной куриной головы и деревянные бруски, вырезанные в форме слоновьих бивней и рогов носорога. Эти дары предназначены для высшего духа, который, как полагают, появляется на земле ночью, поднимается по небольшой лестнице, ведущей к хижине, осматривает подношения и, если все в порядке, удовлетворенно возвращается, а если что-то вызывает его недовольство, то он посылает молнию на деревню и портит урожай. Ежегодно перед посевной хижина должна быть обновлена; при этом устраивается праздник и приносятся подношения, которые остаются в ней до следующего года. Помимо этого верховного божества, мои верят еще в бесчисленное множество меньших духов, называемых фи, которые, по их представлениям, обитают в горах, лесах, водопадах, источниках, болотах и т. д. и которые, как они полагают, могут иногда принимать видимые формы, такие как люди, тигры и змеи. Они бывают как добрыми, так и злыми по отношению к людям. Чародеи обеспечивают связь между ними и земными существами. Важной задачей этих чародеев является также изгнание болезней. Согласно верованиям мои, после смерти душа человека отправляется в деревню и приносит их жителям болезни и смерть. Поэтому, как только человек заболевает, чародей должен выяснить, какая умершая душа, называемая конг, несет за это ответственность. Северные ярай, маланг, бахмар и их соседи выращивают ряд волшебных растений, которые, как считается, оказывают влияние на таких духов болезни.

При посеве этих трав верховному богу приносят в жертву курицу или свинью, чтобы он послал доброго духа на поле к взошедшей семени. — Мои также верят в предзнаменования, в частности в звуки, издаваемые некоторыми животными, которые в зависимости от направления, из которого они исходят, интерпретируются как благоприятные или неблагоприятные. — У монгольских племен хижины и даже целые деревни на определенное время, от одной ночи до нескольких дней, в зависимости от повода (рождение ребенка, болезнь людей и животных, посев, уборка урожая и т. д.), «изолируются»; в это время жители вынуждены оставаться дома, а посторонние ни в коем случае не могут входить в дом или деревню; в знак этого на дверь прикрепляют ветку.

Мои используют любой повод, чтобы устроить праздник, который в основном состоит из обильной еды и питья; они празднуют начало нового года, наступление сезона дождей, обработку полей, посев, появление первых ростков, сбор урожая, уборку плодов под крышу и многие другие события. При родах матери дают вареный сок дерева сапан, который собрал отец, чтобы придать ей сил; после родов ее тело натирают имбирем, и она сама должна в течение недели находиться с ребенком рядом с огнем (рис. 466). Затем следует праздник с наречением имени. — Браки заключаются либо по желанию молодых людей, когда юноша делает девушке предложение, либо по предложению родителей. После этого он переезжает к родителям невесты, чтобы работать на них. Во время свадьбы колдун призывает духов-покровителей защитить молодую пару, смешивает свиную кровь с рисовым вином и мажет им ноги мужа и жены. — Полигамия встречается только у богатых мужчин.

Илл. 467. Гроб лаосцев, вырезанный из ствола дерева.

При смерти Мои все жители деревни по звуку гонга собираются в доме покойного; тело умершего выставляется на всеобщее обозрение со всеми его украшениями и накрывается тканью. На следующее утро в лесу выбирается большое дерево и выдалбливается для изготовления гроба (иллюстрация 467). Во время его изготовления скорбящие друзья и соседи остаются в доме умершего и получают еду и питье за счет семьи. Три-четыре мужчины дежурят у тела и отгоняют мух от умершего веерами. В украшенный росписью гроб вместе с умершим кладут всевозможные мелкие предметы, которые ему принадлежали. Затем его хоронят в земле. В склепе под гробом у изголовья кладут корзину с рисом и кувшин с рисовым вином, сверху накрывают слоем бамбука и листьев, а рядом вертикально устанавливают две бамбуковые трубки, которые выходят над поверхностью земли и служат для приема пищи и питья, которые ежедневно подносят душе умершего. Вокруг засыпанной могилы выкапывают круглый ров шириной около одного метра и глубиной два метра; вынутую землю насыпают в виде мощного кургана высотой от двух до двух с половиной метров, из которого торчат трубки для еды. Позже над курганом на шесте возводится миниатюрная хижина (похожая на наш голубятню) и в нее кладут немного еды. Чтобы принять душу умершего, которая в противном случае вернулась бы в деревню и беспокоила ее жителей, в конце освобождают живую курицу. — Южные ярай окружают свои могилы прямоугольной изгородью из толстых бамбуковых прутьев и ставят по углам мощные столбы, увенчанные резными большими траурными масками с двумя слоновьими бивнями (рис. 468). Могилы вождей покрывают высокой узкой крышей из плетеного бамбука (), которая у северных ярай часто достигает пяти метров в высоту и покрыта странными украшениями из мела и красной глины. Близким умершего запрещается заниматься какими-либо делами в течение нескольких месяцев до окончания траура. У племени Раде резные погребальные столбы изображают скорбящих женщин в сидячем положении (рис. 469).

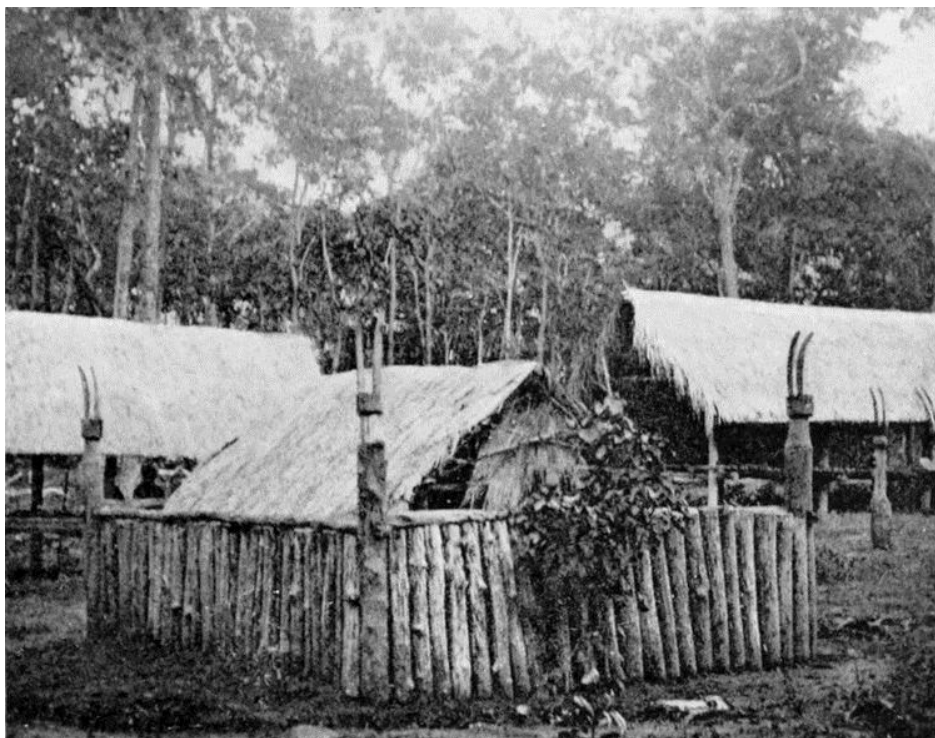

Фото: Анри Мэтр.

Рис. 468. Могилы южных ярай.

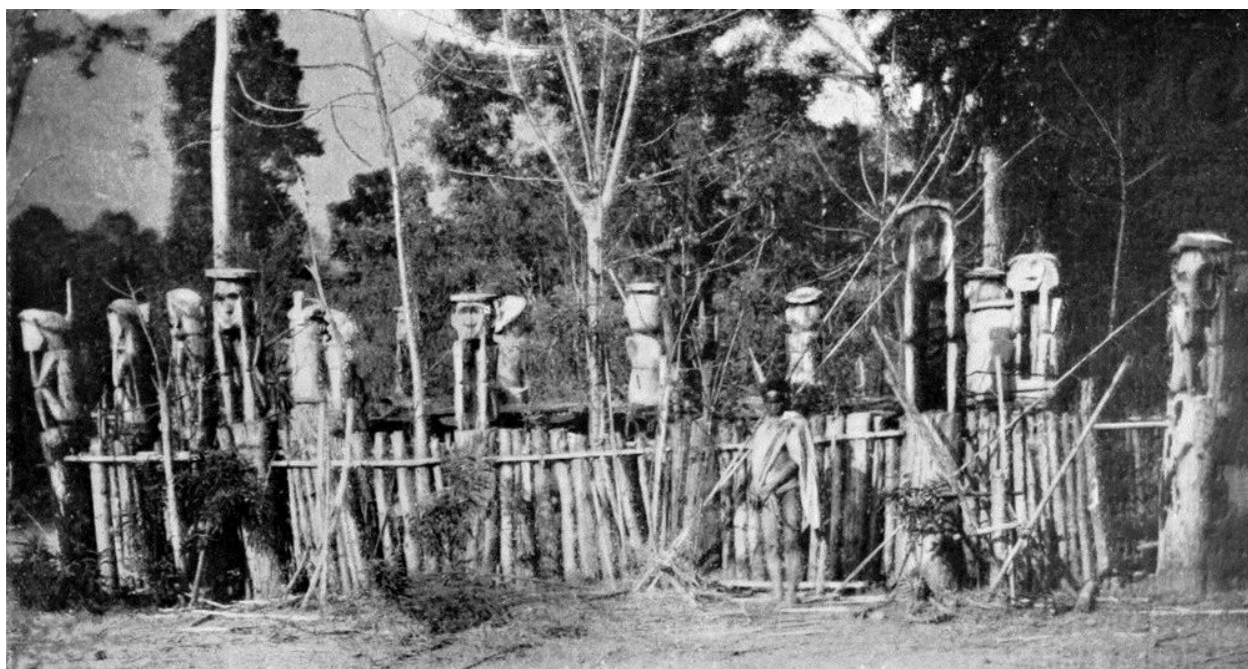

Фото: Л. де Лажукир.

Илл. 469. Могилы вождей племени Раде.

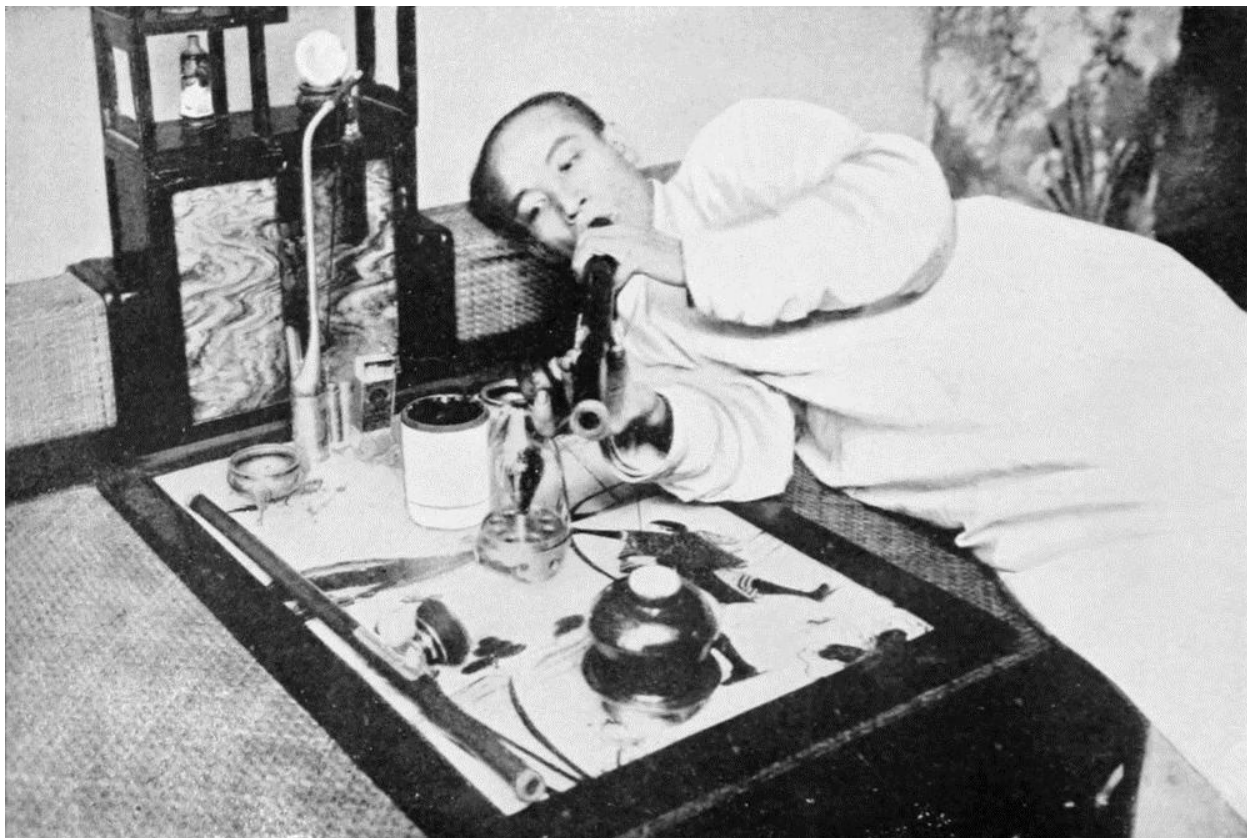

Фото: Charles Hose.

Илл. 470. Китайцы, курящие опиум.

Китай.

Обширная территория Восточной Азии и прилегающие к ней острова заселены группой народов, которых кратко называют монголами. Наиболее чистый монгольский тип (рис. 472) встречается у южных монголов; он характеризуется небольшим, коренастым телосложением (в среднем около 160 см) с относительно длинным туловищем и короткими нижними конечностями, высокой степенью короткоголовости, округлым или широким овальным лицом, заостренным внизу и одновременно явно плоским, сильно выступающими скулами, плоским и широким переносицей, скорее вогнутый, чем прямой переносица, толстые ноздри с поперечными ноздрями, грубые, жесткие, черные волосы, редкая борода и желтоватый цвет кожи. Особенно характерны для монголов так называемые раскосые глаза, которые обусловлены тем, что глазные щели проходят от внешнего верхнего угла к внутреннему нижнему, а внутренний угол глаза покрыт складкой (монгольской складкой). К северу этот тип утончается до так называемого маньчжурско-корейского (характеризующегося более внушительным ростом, менее широким лицом, менее выступающими скулами, более развитым носом). С другой стороны, более далеко на юг продвинувшиеся группы южных монголов в разной степени смешались с представителями

африканской (негрито) и индо-австралийской основной расы, а также с представителями арийского происхождения.

Восточная Азия включает в себя три больших империи: Китай, Корею и Японию. Все три объединяются не только в антропологическом, но и в культурном отношении в более тесное сообщество, но различаются в языковом отношении. Китайцы говорят односложным языком, корейцы и японцы — многосложным.

Илл. 471. Китайская женщина высокого ранга из Гонконга.

Китай, «небесное царство цветущего центра», как его называют его жители, является древней культурной страной, которая на протяжении многих веков оставалась на одном и том же уровне цивилизации и только недавно пробудилась от своего долгого сна. Соответственно, его жители остались такими же консервативными в своих обычаях и традициях, а также во всем своем мышлении и взглядах, особенно в религиозном отношении, как почти ни одна другая страна в мире. Однако в рамках большого китайского народа заметны определенные различия, которые в основном объясняются тем, что высокогорный массив, пересекающий страну с востока на запад, делит ее на две части и создает различные географические условия (). Север Китая более равнинный, богат лесом, имеет умеренный климат и особенно подходит для выращивания пшеницы, ячменя, бобов и т. д., кроме того, он предлагает возможности для развития наземного транспорта; юг же

более гористый, имеет субтропический климат, поэтому здесь преимущественно выращивают рис, чай и сахарный тростник, что обеспечивает жителям без особых усилий достаточное благосостояние. Эти различия в климатических условиях не остались без влияния на характер китайского народа. Северные китайцы представляют собой крепкий, укоренившийся в традициях народ, который всегда был опорой монархического строя, а южные китайцы гораздо более подвижны, более творчески настроены в своих чувствах и желаниях, поэтому более восприимчивы к нововведениям, талантливые люди, которым труднее подчиняться авторитету прочной конституционной государственной системы. Поэтому республиканские устремления, которые в последнее время были привнесены в Китай извне, смогли укорениться в большей степени в южном Китае.

Мышление и чувства китайцев во многих отношениях далеки от европейского духа. Характер китайцев отличается рядом хороших качеств, таких как трудолюбие, ум, скромность, бережливость, вежливость, гостеприимство, но прежде всего — чрезвычайно развитым чувством семьи и связанным с ним безвольным подчинением авторитету семьи и государства. Однако последнее упомянутое обстоятельство порождает у него и, так сказать, отрицательное качество, а именно безразличие ко всем общественным делам и отсутствие патриотизма. Китайцы – настоящие стоики, которые ни о чем не беспокоятся, если только у них есть средства к существованию. Все его стремления и мысли направлены на накопление богатства. Он всегда достигает этой цели, поскольку является опытным, хитрым, часто беспринципным, но, с другой стороны, также чрезвычайно трудолюбивым, не боящимся никакой работы, всегда готовым помочь, очень скромным в своих требованиях бизнесменом. К сожалению, в результате своей активной, в некоторых случаях нечестной конкуренции и превосходного интеллекта он оказывает пагубное влияние на торговлю, особенно за пределами своей родины.

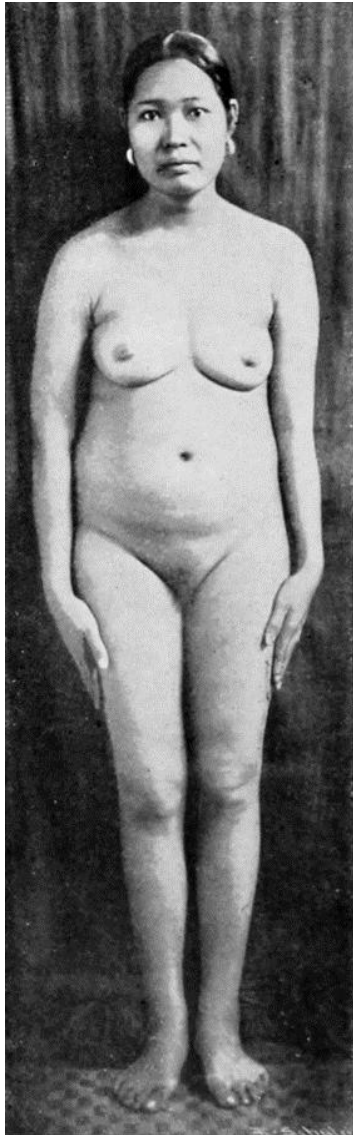

Фото Б. Хаген.

Илл. 472. Двадцатидвухлетняя китайка.

Китайцы носят завязывающиеся внизу штаны и длинную верхнюю одежду, похожую на юбку, которая в зависимости от сезона бывает разной толщины (зимой утепленная) и может быть дополнена еще одной одеждой (рис. 471 и 473). Даже маленьких детей уже укутывают в сильно утепленные одежды, так что они выглядят почти такими же широкими, как и длинными, и, упав, не могут встать без посторонней помощи, а остаются лежать, как несчастные кучки. — Китайская одежда имеет тот недостаток, что не позволяет быстро передвигаться. Кроме того, китайцы очень любят удобство, особенно с возрастом, когда становятся довольно неповоротливыми, поэтому более состоятельные люди предпочитают передвигаться на тележках (в Северном Китае) или в паланкинах (в Южном Китае). Для каждого ранга гражданских и военных властей предусмотрены особые знаки отличия. Различия в вышивке на передней или задней части куртки или юбки, а также в цвете пуговицы на верху шляпы указывают на знаки различия, которые не имеет права носить никто, кто не занимает соответствующую должность. Лица высшего ранга носят коралловую пуговицу, следующие за ними по рангу — синюю, третьего ранга — хрустальную, а четвертого — простую латунную. Цвет паланкина также обозначает статус его владельца; высшие представители могут пользоваться паланкином из зеленых бамбуковых прутьев, представители следующего по рангу класса — из окрашенных в синий

цвет, а представители третьего ранга — только из натурального дерева. Помимо шляпы, все китайцы носят еще и плетеную из конского волоса шапку с красным шелковым кисточкой; для защиты от холода оба пола надевают ушные клапаны или шапки с меховой оторочкой. Длинные ногти считаются признаком благородства, поскольку их носитель тем самым показывает, что он не занимается физическим трудом; для их защиты используются чехлы, похожие на футляры (рис. 473).

Мы с трудом можем представить себе китайца без косы, и все же эта «свиная хвостик» отнюдь не является давней особенностью китайского народа, как всегда считается, а является модой, завезенной из-за границы, которую маньчжуры, победоносно вторгшиеся в 1368 году в , или, вернее, их князья, навязали народу. Однако эта нововведение так и не прижилось в Китае, поскольку с падением маньчжурской династии, произошедшим несколько лет назад, многие китайцы отказались от этого обычая, несмотря на его многовековое существование.

Фото: Fleet Agency.

Рис. 473. Благородный китаец

с длинными ногтями, которые те, кто может себе это позволить, защищают серебряными чехлами.

Фото: Чарльз Хоуз.

Илл. 474. Перевязывание китайской женской стопы.

Фото: Чарльз Хоуз.

Рис. 475. Китайская женская стопа,
называемая «золотой лилией».

Фотография Ричарда Литтла.

Рис. 476. Рентгеновский снимок китайской женской стопы,
на которой видно, как пальцы ног завязаны вниз.

Иначе обстоит дело с непонятным для нас признаком красоты в виде уродливых ног китайских женщин (рис. 474). Чем меньше нога, тем она считается очаровательной; даже мужчины-фривольщики стремятся обрести это украшение, поднимая ночью ноги вверх, а днем с помощью проволоки вытягивая пальцы вверх, чтобы таким образом имитировать маленькую стопу. Таким образом, женщина оценивается только по размеру своей стопы, а не по другим атрибутам красоты, и маленькая стопа в некоторых случаях может компенсировать большое приданое. Девушка из бедных слоев общества, имеющая довольно маленькие ноги, получает возможность войти в более высокий социальный класс; с другой стороны, девушка, не имеющая уродливых ног, заранее обречена на безбрачие. Для китайцев маленькие ноги остаются самой восхитительной и пикантной частью тела их лучшей половины; тот, кому она однажды покажет свою ногу, что происходит крайне редко, пользуется ее особым расположением. Потому что, как уверяют китайцы, вид уродливой ноги вызывает у них сильное возбуждение. Обнажение женской ноги считается в высшей степени неприличным, даже аморальным; это доходит до того, что европейцы, желающие увидеть обнаженную ногу проститутки, сталкиваются с ее сопротивлением. Изображения обнаженных женских ног можно найти только в порнографической литературе, а смотреть на ноги китайки равносильно тому, чтобы питать не-моральные мысли. Происхождение обычая калечить ноги окутано тайной; легенда гласит, что в шестом веке нашей эры императорская наложница имела косолапые ноги, которые ее высокий господин и повелитель находил красивыми, и что в результате все придворные дамы почувствовали себя обязанными придать своим ногам такую же форму с помощью бинтов. В любом случае, эта привычка уже давно стала нормой в Поднебесной, и все известные поэты бесчисленное количество раз воспевали «золотые лилии». Однако он не распространен по всей стране и не одинаково распространен; на севере империи калечные ноги встречаются чаще, чем на юге, среди более обеспеченных слоев населения чаще, чем среди низших, а в городе также чаще, чем в деревне. Как ни странно, при императорском дворе после падения династии Мин и прихода к власти маньчжуров, которые заняли их место у руля государства, уродство женских ног было осуждено. Несмотря на неоднократные императорские запреты, этот ужасный обычай до сих пор не удалось искоренить среди народа. — Калечение происходит в результате постоянного давления и натяжения тугой, но не сдавливающей повязки в течение десяти лет. Обычно начинают с девочек в возрасте от четырех до восьми лет, но в некоторых случаях и в более раннем возрасте. В отдельных районах, где родители хотят использовать своих дочерей для работы в поле, они ждут до двенадцати, тринадцати и даже четырнадцати лет; тогда они довольствуются тем, что связывают все пальцы под стопой, чтобы они лежали на земле задней поверхностью, и таким образом укорачивают ее. Более распространенным является другой метод, который создает гораздо более элегантные стопы; при этом под свод стопы вставляется полый металлический цилиндр, и вся передняя часть стопы сгибается вниз. Эта манипуляция довольно болезненна; китайская пословица гласит, что каждая пара завязанных ног стоит слез, и все же дети в большинстве своем хорошо переносят ее, потому что, несмотря на это, день за днем можно видеть малышей, резвящихся на улице. Бандажи « » перевязывают каждое утро после того, как ноги вымыты и помассированы, и это продолжается в течение целого десятилетия, примерно до полового созревания. В большинстве случаев взрослые китайки продолжают бинтовать ноги, чтобы они сохранили свою форму. Результат этого уродования ужасает. Конечно, чтобы нога казалась особенно маленькой, сапожник обычно помогает, делая задник обуви как можно более широким и высоким, благодаря чему часть перед подъемом выглядит заметно укороченной, однако ноги длиной всего семь-девять сантиметров, по-видимому, не являются редкостью. В тех случаях, когда мать совершила свое «шедевр», пяточная кость стоит вертикально, ее продольная ось стала вертикальной; пяточная кость повернулась на девяносто градусов (рис. 475 и 476). — В результате мышцы голени, естественно, более или

менее атрофируются, что чрезвычайно затрудняет ходьбу китайским женщинам, однако не в той степени, как можно было бы подумать. По словам очевидцев, они могут не только ходить, но и танцевать, а также выполнять акробатические трюки на лошади или канате. Однако при такой степени уродства, как у модницы, это вряд ли возможно; чтобы передвигаться, ей приходится пользоваться тростью или поддержкой своей служанки, либо же ее носят на руках. На улице китайские женщины, даже из среднего сословия, носят на руках или возят на повозках.

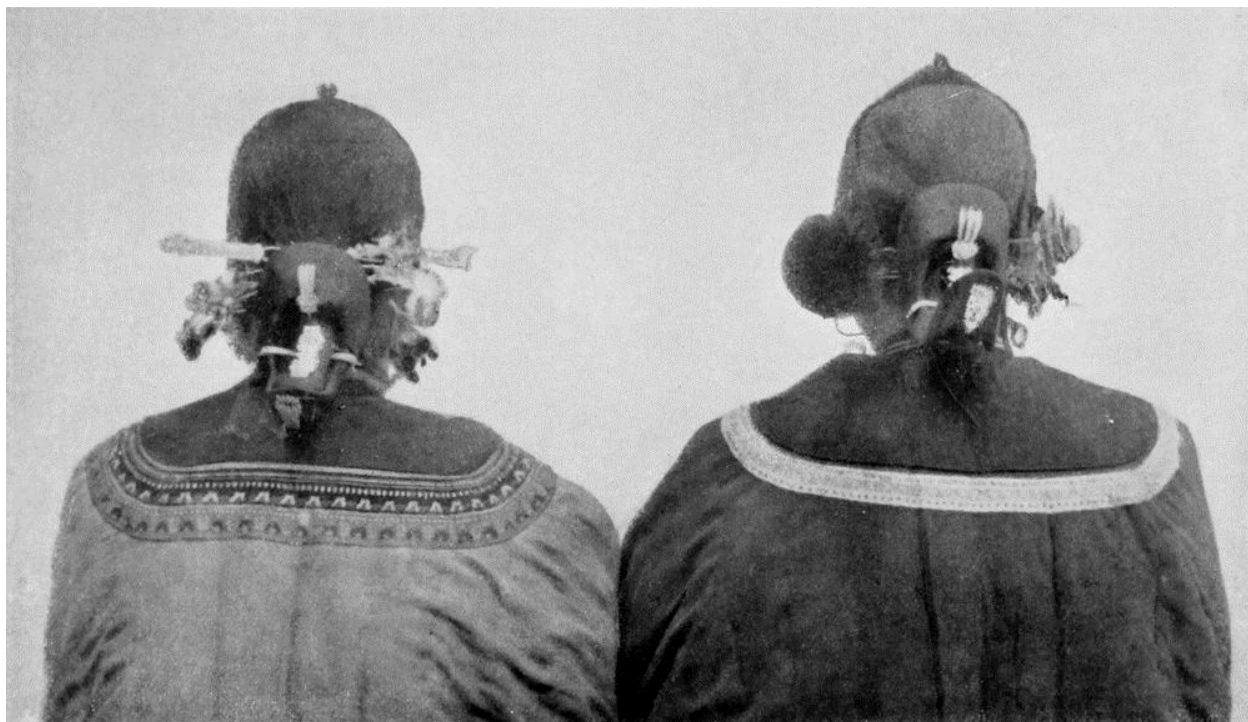

Фото: Миссионерское общество баптистов.

Илл. 477. Китайские прически.

Мышление и чувства китайцев во многих отношениях диаметрально противоположны нашим. Европейцу, впервые посетившему Китай, это бросается в глаза, в частности, потому, что они по-другому, чем мы, подходят к повседневным делам. Например, при встрече китайцы не пожимают друг другу руки, а пожимают свои собственные руки, одновременно скрещивая их так, что пальцы правой руки оказываются над левой, а правый большой палец над левым, очень часто кланяются и скребут ногами. Если они проходят мимо друг друга и не хотят здороваться, то держат между собой раскрытый веер, полагая, что таким образом они становятся социально невидимыми, не нарушая при этом правил вежливости. Газету начинают читать с последней страницы и снизу вверх, а также справа налево. Когда строят дом, то начинают с крыши, которую опирают на столбы, и только потом возводят стены. Если плывут на лодке к берегу, то лодочник стоит лицом к носу и гребет веслами. Плотник тянет рубанок к себе и пилит от себя. Когда говорят о смерти близкого родственника, нужно натянуть улыбку на лицо, чтобы собеседник не оказался в неловком положении, вынужденном высказать свои соболезнования. Когда начальник проходит мимо в паланкине, подчиненный, случайно встретивший его, должен делать вид, что не знает его, потому что, если он поздоровается, начальник из вежливости должен будет выйти из паланкина и поздороваться с ним.

Как я уже подчеркивал, с течением времени обычаи в Китае мало изменились. Уже более двух тысяч лет назад сыновья Поднебесной носили те же одежды, что и сегодня, пудрились, окрашивались, женщины вставляли в волосы искусственные цветы (рис. 477), оба пола

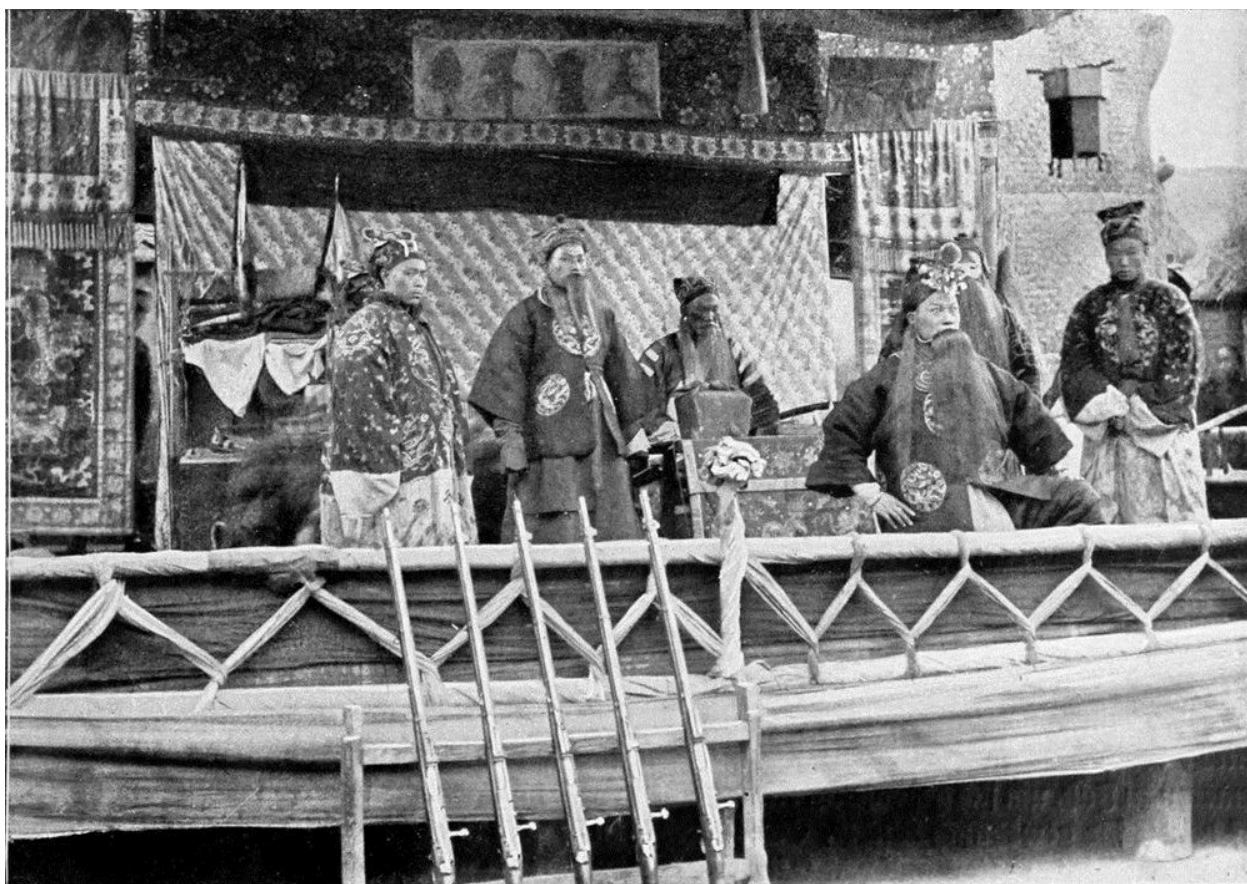
обмахивались веерами и ели пищу тонкими палочками, как и в наше время. С древних времен люди развлекались игрой в шахматы, которая, как считается, была изобретена еще в 2345 году до нашей эры, и наслаждались музыкой, в которой уже тогда были известны двенадцать полутонов октавы.

Из «Anthropos».

Рис. 478. Китайский актер в женской роли, изображающий молодую жену, тоскующую по своему отсутствующему мужу.

И сегодня музыка играет важную роль во всех торжественных событиях в жизни китайцев. Когда звучит такая торжественная музыка и сколько инструментов должно быть задействовано, регулируется строгим этикетом: чем важнее событие, тем больше оркестр. Музыка в китайском театре действует весьма своеобразным образом. При усилении эмоций, будь то в трагедии или комедии, особенно в конце акта, монотонная речь внезапно прекращается и начинается ария, после того как пронзительная музыка прервала актера. Обычными музыкальными инструментами являются бутылочная тыква с бамбуковыми флейтами, простая деревянная коробка, по внутренней стороне которой ударяют молотком, глиняный сосуд в форме колокола с одним отверстием сверху, тремя спереди и двумя сзади, колокольчики, висящие на металлической раме, причем ударяют не по ним самим, а по раме, чтобы все вместе зазвучало, звуковые камни, подвешенные на похожей раме, по которым ударяют молоточками, а также скрипки, мандолины, гитары, литавры, барабаны, трубы, тарелки, ксилофоны и так далее.

Из «Anthropos».

Илл. 479. Китайская сцена.

Сцена представляет собой акт из «Джан Бэй Юань» (Завоевание Бэй Юань).

С древних времен китайцы также являются страстными любителями театра. Сцена обычно представляет собой открытый с трех сторон крытый павильон, к которому сзади примыкает здание; зрительный зал представляет собой деревенскую улицу (рис. 479). Профессиональные актеры относятся к самому низкому классу общества и лишены права занимать почетные должности, как и их потомки. Женские роли также играют мужчины, которые выходят на сцену с ярким гримом и пудрой, словно покрытые побелкой (рис. 478). Их яркие костюмы почти всегда очень дорогие и покрыты прекрасной вышивкой; головные уборы усиливают театральный эффект. Сюжет отсылает к историческим или мифическим событиям и состоит из непонятных нам жестов рук и движений ног, которые часто перерастают в странные прыжки. На сцене, оборудованной лишь скудными реквизитами, обычно царит ужасный шум, поскольку один актер пытается перекричать другого громким голосом, чаще всего в высоком регистре. Воспроизведение исторического романа о героях выглядит как бурлеск. Если требуется смена костюмов, некоторые из участников встают перед соответствующим персонажем, который производит смену на сцене за этой живой защитной стеной. Перерывы заполняются появлением могучих фигур в гротескных масках и танцевальными представлениями, которые либо носят воинственный характер и сопровождаются непрерывным шумом « » и диким размахиванием мечами и копьями, либо состоят из более спокойных балетных движений.

Фото Ф. В. Кэри.

Илл. 480. Китайцы в Канге.

Фото Ф. В. Кэри.

Илл. 481. Парад во время праздника Ying Chun, или Праздника весны, в Юньнани.

Фотография Ф. В. Кэри.

Илл. 482. Сцена с праздника Иньчунь.

По улицам несут огромного тканевого дракона.

В Китае с большим весельем отмечают Новый год, Сан-Лин; большое значение этого дня объясняется тем, что первый день нового года считается общим днем рождения всего населения; каждый китаец считает свой возраст с начала года, в котором он родился, и ребенок, появившийся на свет за неделю до конца года, в первый день нового года уже имеет один год. Уже за несколько недель до этого приближение этого важного праздника

становится заметным. Торговец закрывает свои книги, взыскивает просроченные долги и выносит двери из магазинов, чтобы в них могли проникнуть вечно бродящие злые духи, кроме того, он старается по возможности очистить свои склады в последние недели. В домах проводится генеральная уборка. Во дворах возводятся жертвенные алтари, на которых, прежде чем год подойдет к концу, богам быстро приносят в жертву всевозможные пироги и фрукты. Богатые люди строят для этого большие павильоны и украшают их искусными узорами из цветных тканей и бумажных фонариков. В течение всего года храмы не посещает столько людей, как в последние дни. Повсюду на улицах развешиваются бесчисленные красные бумажки, на которых написаны пожелания, в основном «долгой жизни, здоровья, богатства, любви к добродетели и естественной смерти». Все двери, окна, залы, деревья, кусты, машины, животные, лодки и другие предметы украшаются красными бумажками, на которых молят о счастье и благословении. И вот наступила новогодняя ночь. Все выходят на улицу в роскошных праздничных нарядах, дети — в забавных костюмах, чтобы посмотреть на освещение домов и фейерверки, которые зажигают для изгнания злых духов; повсюду слышен оглушительный шум. Настолько оживленно и шумно ночью, настолько тихо и безмолвно утром в день Нового года. Улицы лежат как мертвые, все магазины, офисы и учреждения закрыты; нет движения, нет торговли. Только к полудню жизнь возвращается, появляются мужчины, более знатные в своих паланкинах, более бедные пешком, чтобы навестить друг друга с Новым годом и передать свои визитные карточки, на которых обычно желают детей, повышения по службе и долгой жизни. Китайские визитные карточки красного (счастливого) цвета и имеют совершенно необычный размер; их длина составляет около двадцати сантиметров. Подобные поздравления произносятся и в самом доме. Дети кланяются своим родителям, ученики своим учителям, слуги своим хозяевам, низшие чиновники высшим, а родители — родословным таблицам своих предков, которым они также подают чаши с рисом и рисовым вином. Каждому гостю подают чашку чая, в которую в качестве знака благополучия кладут миндальный орех или оливку. Вечером возобновляется веселая жизнь новогодней ночи, и теперь начинаются многодневные празднования, во время которых веселье не знает границ. В это время магазины и офисы закрыты, вся работа приостанавливается. И хотя через пять дней работа обычно возобновляется, празднование продолжается еще несколько недель. Седьмой день посвящен в особенности прекрасному полу; тогда дамы в больших толпах появляются в общественных садах, чтобы пообщаться, а на четырнадцатый и пятнадцатый дни все члены клана обычно собираются на совместный праздничный ужин; это кульминация праздничного шума. Все заканчивается праздником фонарей, когда фонари всех цветов, размеров и форм на палках несут по улицам в большой процессии.

Карнавальные шествия обычно устраиваются во время всех крупных праздников, в том числе и во время грандиозного праздника встречи весны (Ying Chun). Во время этого праздника по улочкам несут большие бумажные драконы (рис. 481 и 482). — По этому случаю следует также вспомнить древний обычай, прославленный Шиллером в одном из своих стихотворений, — китайский праздник пахоты, во время которого император ежегодно торжественно управлял плугом и своими руками () разбрасывал семена. Этот обычай, по преданию, был введен во второй половине III тысячелетия до нашей эры вторым из легендарных императоров по имени Чинь Нун и сохранился до наших дней.

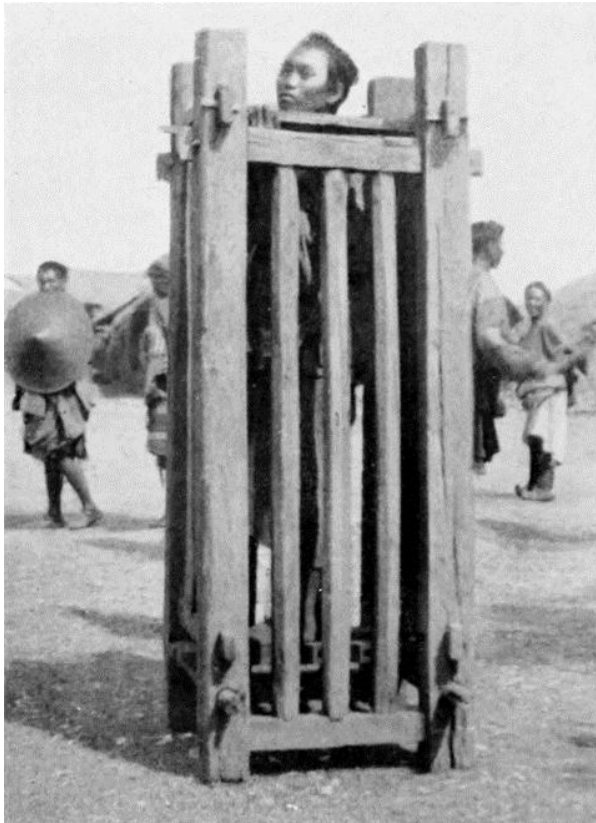

Фото Ф. В. Кэри.

Рис. 483. Наказание для грабителей в Китае, как оно было принято в прошлом.

Китайцы, как правило, большие гурманы и поэтому располагают огромным количеством деликатесов, которые в некоторых случаях могут быть гораздо дороже самых дорогих блюд нашего меню; но для нашего вкуса большинство из них, вероятно, будут отвратительными и вызывающими отвращение. Наибольшим спросом пользуются акулы плавники, почти наравне с сушеными устрицами и супом из птичьих гнезд (из вида крачек), репутация которого уже дошла до изысканных европейских ресторанов (вероятно, самый дорогой деликатес в мире). Другими популярными блюдами, которые подаются на китайском столе, являются кальмары, искусственные, в основном выдержанные в течение десятилетий, ошибочно называемые гнилыми яйцами, сушеные черви, вонючая рыба, жареные крысы, мыши, кошки, собаки; а также жареная свинина и огромное количество овощей и фруктов, из которых нам особенно странны горькие дыни и побеги бамбука. Основной пищей для народа является рис, но на стол также подается целый ряд овощей, корнеплодов и фруктов, а также всевозможные морепродукты, в том числе водоросли. Еду берут длинными палочками из дерева или слоновой кости и подносят к рту; китайцы не знают ножей и вилок в своих трапезах. Карта напитков у них очень скромная; они не знают виноделия. Если не считать шампанского, которое в последнее время все чаще появляется на ужинах богатых китайцев, то известен только теплый рисовый вино, которое обязательно должно быть на столе. Однако для большинства населения основным напитком является чай, в приготовлении которого китайцы, как известно, являются мастерами. Мало кто знает, что из чайных листьев также готовят вкусный салат.

Мы не можем закончить раздел о китайской кухне, не упомянув об ужасном обычае, который, должно быть, был распространен в Китае в прошлом, но в той или иной форме сохранялся до наших дней, а именно о поедании человеческого мяса. Особенно это практикуется на полях сражений, доказательства чего мы получили в ходе нескольких последних войн. Солдаты вырывали из тел тяжелораненых сердца и печени и съедали их, а

если их было слишком много, чтобы съесть сразу, то сушили на солнце, чтобы съесть позже. Китайцы считают эти внутренности, особенно печень, источником мужества и верят, что, съедая их, они переносят это мужество на свой организм. Недавно было сообщено, что супружеская пара убила свою свекровь, якобы виновную в смерти своего внука, вырвала ей сердце из тела и разрешила остатки тела на куски, которые затем были приготовлены и проданы людям в качестве пищи. В периоды большого голода принято не только тайно, но и публично выставлять на продажу человеческое мясо. — Благочестивые дети разрезают себе руки и ноги, чтобы получить мясо для своих родителей в качестве укрепляющего средства. Здесь мы затрагиваем тему китайской медицины.

Фото: Арчибальд Литтл.

Илл. 484. Китайские рыбаки с корморанами на носу лодки,
обученными ловить рыбу.

Представления китайских врачей об отдельных органах тела являются неполными и совершенно искаженными. Они не могут получить консультацию на основе вскрытий, поскольку для китайца ужасна мысль о том, что он войдет в царство мертвых в искаленном виде. Китайская медицина « » знает только пять органов, которые она ставит в мистическую гармонию со всем миром, или, в случае болезни, в дисгармонию. В каждом из этих органов преобладает один из пяти элементов (например, в сердце — огонь), и каждый из них также связан с одной из пяти планет, пятью днями и временами года и пятью видами вкусов. На основании таких запутанных представлений китайский врач ставит свой диагноз. Для этого он проверяет лицо, язык, волосы и т. д., но прежде всего пульс. Пульс в определенном месте тела соответствует определенному органу; существует двести видов пульса, по характеру которых врач распознает болезнь и дает свои указания, а сведения, полученные от больного, для него не имеют значения. Лечение состоит в приеме огромного количества лекарств, которые иногда имеют весьма проблематичный характер и состоят из вызывающих отвращение веществ.

Курение опиума — это распространенный по всему Китаю порок, который нанес огромный ущерб здоровью населения и поэтому в последнее время по праву преследуется правительством. Курильщики опиума собираются в определенных помещениях, так называемых опиумных пещерах, где они ложатся на диваны (рис. 470). Из емкости с

опиумом они берут кусочек размером с горошину, сначала немного высушивают его над пламенем с помощью иглы, кладут в чашку трубки, поджигают массу и вдыхают дым несколькими глубокими затяжками в легкие. Количество трубок, необходимое курильщику для достижения желаемого состояния благополучия, сильно варьируется в зависимости от степени привыкания; китаец, курящий от тридцати до сорока трубок в день, все еще считается умеренным курильщиком.

Китайцы — умелые ремесленники, которые достигают превосходных и прямо-таки художественных результатов, особенно в области шелковой промышленности, а также в производстве декоративных предметов, бронзы, тонкого фарфора, бумаги, лаковых изделий и резьбы по дереву. В промышленности также прослеживается приверженность традициям, поскольку методы производства в большинстве случаев остаются очень примитивными. — О сельском хозяйстве китайцев уже говорилось выше. Они также занимаются выращиванием причудливых карликовых деревьев, которые продолжают расти в цветочных горшках. Интересен способ ловли рыбы с помощью дрессированных бакланов с лодки (рис. 484).

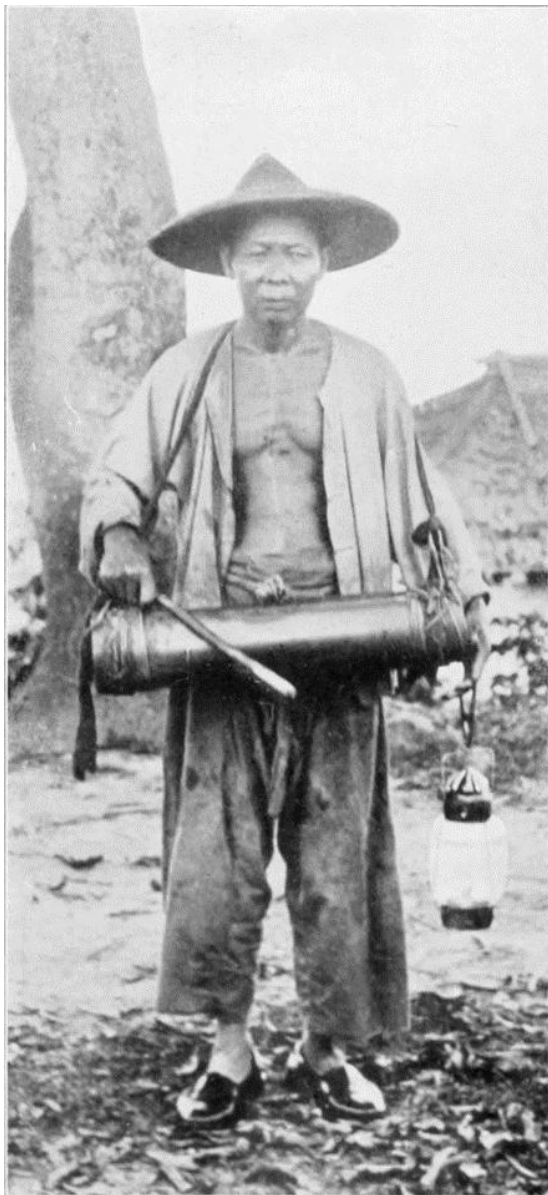

Фото Н. П. Эдвардс, Литлхэмптон.

Рис. 485. Китайский охранник,

который, в отличие от принятого у нас обычая, сигнализирует о себе гонгом, чтобы предупредить вора.

Правосудие в Китае – очень печальное явление. Здесь нет ни судей, ни присяжных, ни прокуроров. Мандарин местности или округа единолично исполняет судебские функции на открытых заседаниях и выносит приговоры; смертную казнь назначает только император. Наиболее распространенными наказаниями являются порка палками, а также ношение канга. Кан (рис. 480) представляет собой две тяжелые доски с вырезами на внутренней стороне, которые надеваются на шею преступника, подобно средневековому воротнику. Это устройство, весящее около пятнадцати килограммов, должно носиться в течение всего срока наказания, иногда в течение нескольких месяцев. Кроме того, в качестве дополнительных средств наказания используются всевозможные орудия пыток, такие как винты для больших пальцев рук и ног и т. д. (рис. 483). Часто народ также осуществляет самосуд и вешает преступника на дереве, не причиняя ему серьезного вреда; в этом смешном положении он в течение получаса подвергается насмешкам прохожих (рис. 486). — Поскольку китайские обычаи во многом прямо противоположны нашим, мы видим, как китайский полицейский () привлекает внимание преступника, ударяя в барабан (рис. 485).

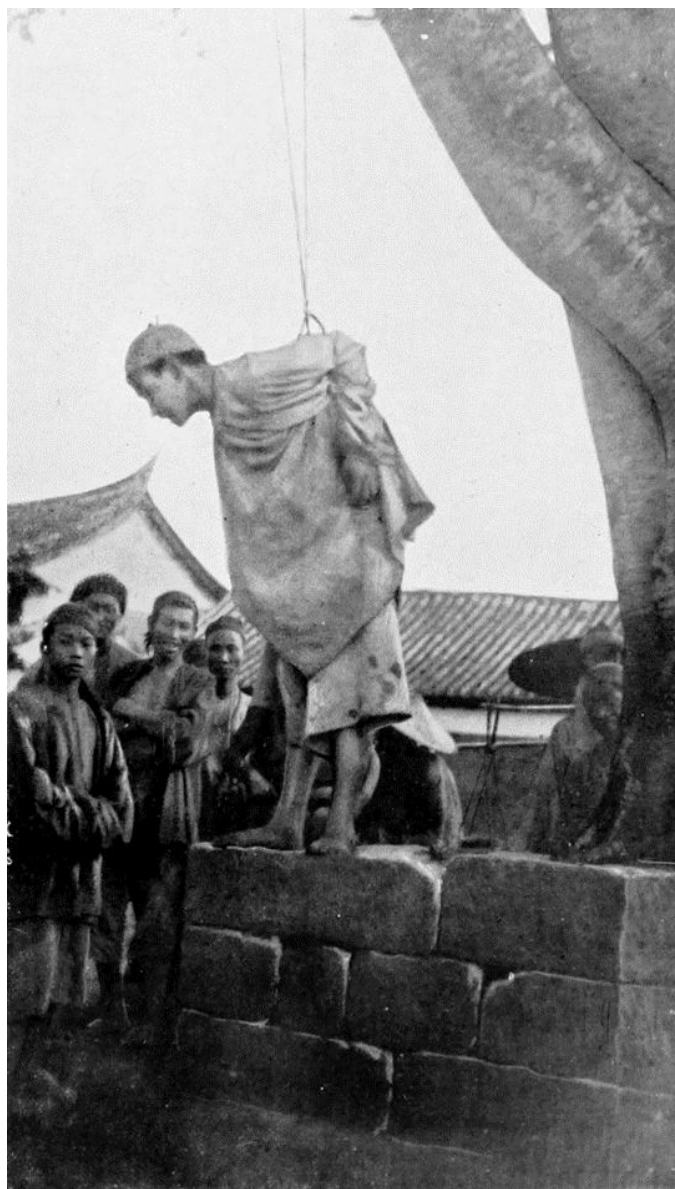

Фото Ф. В. Кэри.

Рис. 486. Наказание для вора кур в Юньнани,

который был повешен и подвергнут насмешкам прохожих.

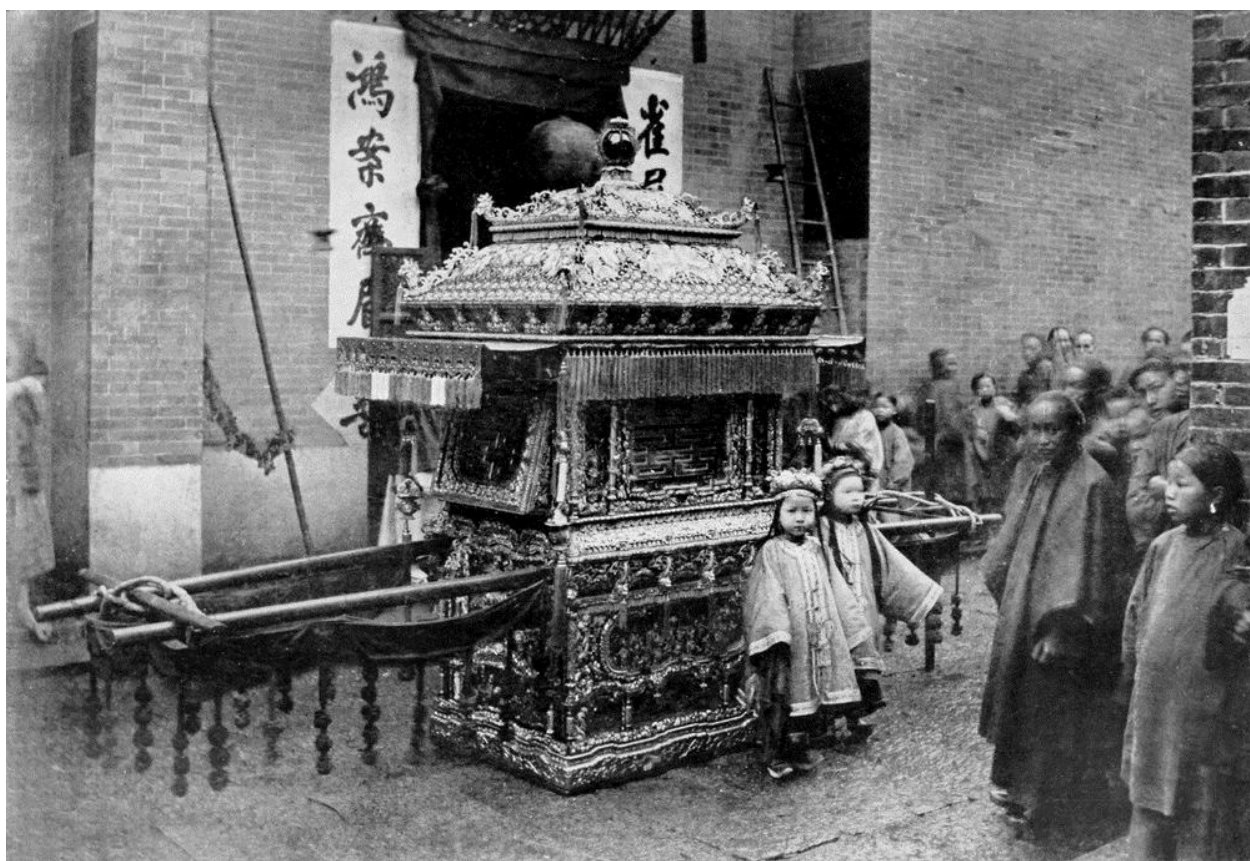
В Китае существует три религии: две народные — конфуцианство и даосизм — и одна заимствованная извне — буддизм. Конфуций (родился в 551 году до нашей эры), по-китайски Кун-фу-цзы, то есть Кун, святой учитель, создал учение, названное в его честь; на самом деле он не изобрел его, а собрал в священных книгах (Кхинг и Шу), приписываемых ему, древние религиозные взгляды народа, передаваемые с незапамятных времен, которые представляют собой не религию в собственном смысле этого слова, а скорее жизненную мудрость и моральную теологию. Даосизм происходит от Лао-цзы (родился в 604 году до нашей эры); его учение, изложенное в Tao-teh King, в основном посвящено дао, то есть прямому пути, который, возможно, можно перевести как разум или природа. В то время как эти две религиозные системы зародились на китайской земле, буддизм как иностранная религия проник в Китай из Индии в первом веке нашей эры. Император Мин-ти в 65 году признал это новое учение третьей государственной религией своего империи. Все три религии мирно сосуществуют в Китае. При этом среди народа по-прежнему существуют анимистические представления о поклонении деревьям и духам воды и ветра (фэншуй) (рис. 487). Страх перед злыми духами во многом проявляется в привычках китайцев, в частности, в том, что они ставят перед входом в каждый дом ширму или оставляют дверь открытой только под определенным углом, полагая, что все злые духи идут прямо и при таком расположении им трудно найти вход. Прежде всего, следы старой веры в демонов проявляются в обычаях, связанных с рождением ребенка.

Фото Артур Соуэрби.

Илл. 487. Деревенские божества в Шаньси.

Частым обычаем в Шанси является то, что боги принадлежат двум деревням. Их устанавливают в храме одной деревни на шесть месяцев, а затем переносят в храм другой.

Из книги Харди «Джон Чинаман дома».

Илл. 488. Богато украшенная свадебная паланкина, отправляемая женихом в дом невесты, чтобы забрать ее.

Из книги Рейтценштайна «Любовь и брак».

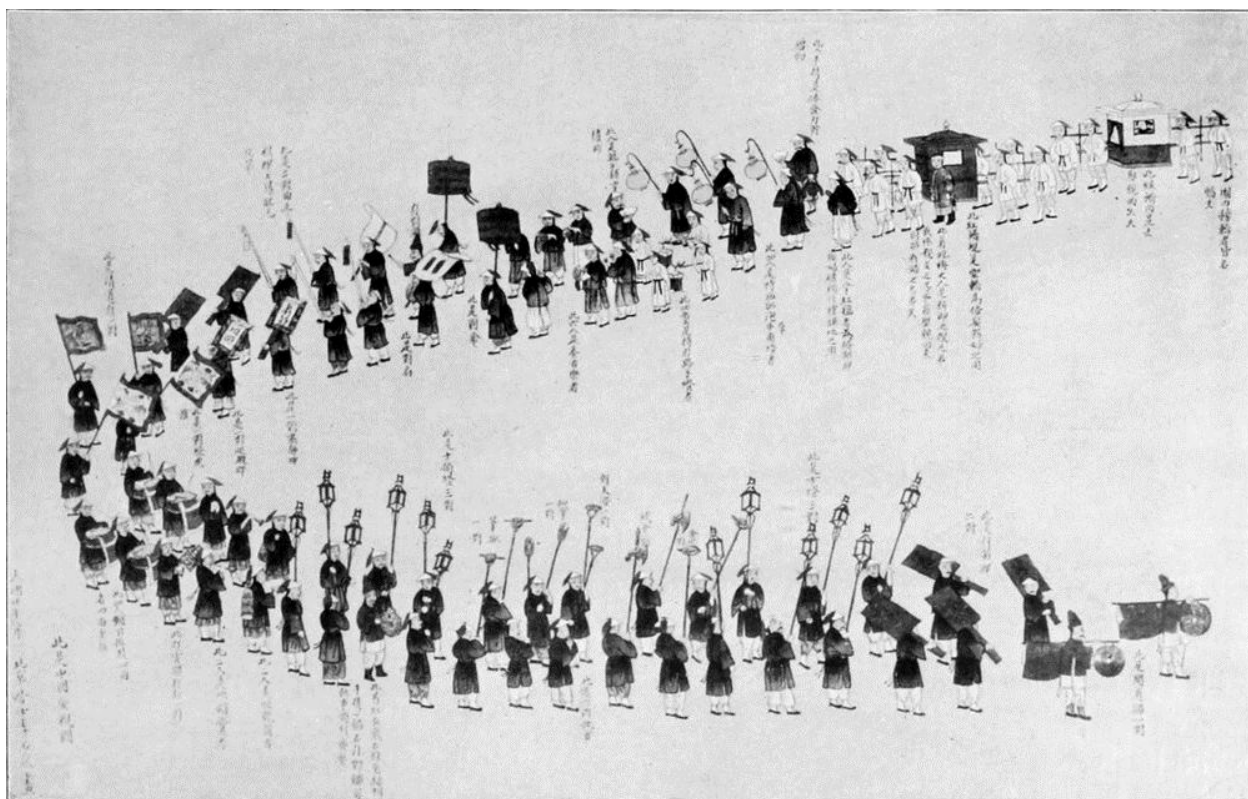
Илл. 489. Украшение китайской невесты.

Среди прочего она получает цветы, на которых висят две куклы-мальчики, одна зеленая, другая красная, обе с тыквой в руках — символом плодородия. Жених входит в комнату и садится рядом с невестой.

(Живопись на шелке. Музей этнографии, Берлин.)

Роды проходят при помощи акушерки. Эти женщины рекламируют свою деятельность с помощью расписного щита перед своим домом, на лицевой стороне которого указана их профессия («приемная женщина»), а на оборотной стороне — какая-нибудь благоприятная поговорка или ловкая реклама их благословенной деятельности, например «быстрый конь» или «легкое средство передвижения». При каждом рождении большую роль играют амулеты, которые отгоняют злых духов. Так, роженица надевает специальные чулки, освященные Далай-ламой, или проглатывает таблетки из бумаги, на которых написаны заклинания, или рядом с ней вешают два волшебных меча, то есть два посоха в форме мечей, состоящих из примерно ста, возможно, довольно старых каш-монет, нанизанных друг на друга. Пуповина помещается акушеркой в урну с древесным углем, которая тщательно запечатывается и хранится в течение десяти лет, а иногда и всю жизнь, и в последнем случае кладется в могилу. Иногда ее сушат, чтобы в виде порошка давать ребенку в качестве лекарства от оспы. Послеродовые выделения должны быть похоронены под камнем на третий день после родов матерью роженицы или, если она уже не жива, старшей невесткой, чтобы никто их не нашел. Поскольку они являются очень востребованным товаром у аптекарей, которые используют их для изготовления лекарства для «восстановления жизненных сил», их часто крадут. Это средство также дают беременной женщине перед родами. Мертворожденному ребенку () на пупок кладут пропитанный маслом кусок бумаги и поджигают его, чтобы развивающееся при этом тепло проникло через пупок в желудок и согрело жизненные силы. После родов в родильной палате зажигают красные свечи, и присутствующие стараются говорить только о приятном, потому что новорожденный должен слышать только радостные вести и не пугаться. Роженица считается нечистой в течение более или менее длительного времени; ни один мужчина и ни один посторонний не имеют права входить в ее комнату. В знак этого на один из дверных молотков вешают замок и на красном листе бумаги сообщают, что родился мальчик или девочка. Никто не осмелится войти. Сразу после родов отец смотрит в календарь, благоприятен ли час. Если мальчик появился на свет в полдень, то он не только останется в живых, но и станет важным человеком; девочка же умрет. Если девочка родится в полночь, то она, возможно, останется в живых, но будет несчастна; мальчик же будет постоянно испытывать радость в жизни. На третий день ребенку дают первое имя, так называемое «молочное имя» (в отличие от фамилии), которое чаще всего связано с каким-либо событием, произошедшим во время родов, например, сильным дождем. Когда мальчик пойдет в школу, ему дадут школьное имя, которое иногда меняется, в то время как девочки всю жизнь носят одно и то же имя. На двадцать восьмой день устраивается большой праздник, на который приходят друзья с поздравлениями и подарками. Мать передает ребенка отцу, который признает его своим. Ему также бреют голову, оставляя только две маленькие косички на висках. Чтобы изгнать влияние злых духов, с ним проводят церемонию прохождения через ворота. Под громкие удары цимбал его торжественно несут через ворота, установленные посреди комнаты, и предлагают ему еду, бумажные деньги и т. д. Когда ребенку исполняется год, ему приносят новые жертвоприношения, а затем устраивают новый праздник. После зажжения благовоний перед родословными таблицами на тарелке в кругу раскладывают деньги, книгу, украшения и т. д., сажают ребенка в центр и наблюдают, на какой предмет он обращает особое внимание; из этого делают вывод о его будущей профессии. По достижении десяти лет снова устраивают праздник, и это повторяется каждые десять лет. Одежду для совсем маленьких детей шьют по образцу одежды священников; этим, как и всевозможными магическими средствами, счастливыми талисманами и изображениями

особых божеств-покровителей, которые на них надевают, пытаются заручиться защитой богов. Мать постоянно заботится о том, чтобы злой дух не причинил вреда ребенку. По этой причине иногда мальчика одевают как девочку, а девочку как мальчика, чтобы ввести духов в заблуждение.

Из Рейценштайна, Любовь и брак.

Илл. 490. Китайская свадебная процессия по дороге к дому жениха.

В первой паланкине находится невеста, во второй — мать невесты. Невеста несется в красной паланкине. Идущие впереди факельщики из высших слоев общества одеты в зеленые юбки с красными точками, остальные — в черные юбки.

(Живопись на шелке. Музей этнографии, Берлин.)

В семь лет мальчики начинают свое первое обучение, которое состоит в изучении чтения и письма тысяч иероглифов и заучивании классических книг. Через несколько лет они получают высшее образование, в рамках которого их обучают составлению писем, официальных постановлений, контрактов и т. д., а также занимаются литературными сочинениями и поэтическими произведениями. По окончании обучения молодые люди сдают экзамены, к которым допускаются все, за редким исключением, например, парикмахеров и актеров. Это древнее учреждение, история которого насчитывает более тысячи лет. Во многих регионах кандидаты, успешно сдавшие экзамены, надевают специальную одежду, украшенную множеством лент, ходят по домам, навещают своих знакомых и принимают их поздравления. Над главным входом в дом, в котором они живут, их имена и академические звания вывешиваются большими золотыми буквами, что является значимым данью уважения учености и привносит некоторое разнообразие в однообразие узких улочек. В последнее время в Китае все больше и больше начинают применяться европейские методы воспитания, а также больше внимания уделяется образованию девочек. Девочкам в определенной степени уже дают образование, то есть учат их читать и писать, а также рукоделию, в частности вышиванию. До этого их образование ограничивалось обучением приветствиям, поклонам и другим формальностям. В южном Китае девочек даже отправляют в пансионы.

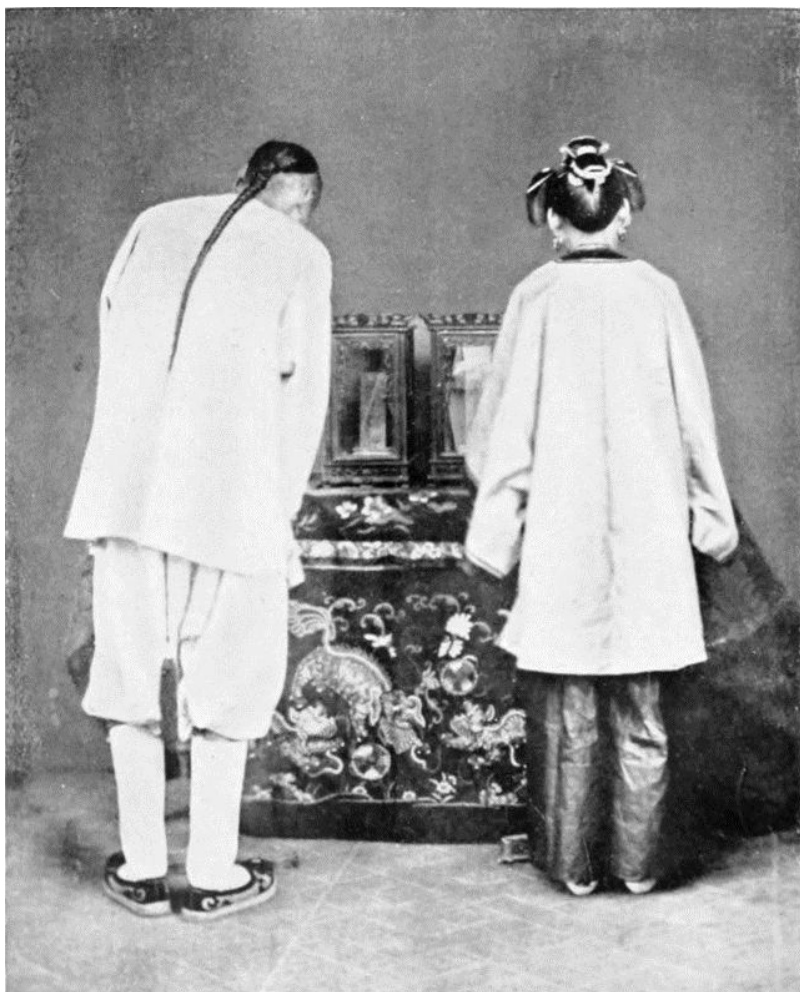

Фото: Messrs. Thomson.

Илл. 491. Китайская пара в молитве перед урной своих предков.

Фото: миссис Сесил Холидей.

Илл. 492. Китайская свадебная пара:

жених в мандаринском костюме, но без знаков отличия (жемчужное ожерелье и вышивка на передней части юбки), невеста в роскошном головном уборе, который почти полностью скрывает ее лицо.

Женщина занимает у китайцев совершенно подчиненное положение. Уже само рождение девочки в китайской семье редко встречается с радостью, а иногда даже проклинается как злой рок, если в семье нет мальчиков. Это связано с обычаем почитания предков, с представлением китайцев о том, что души предков могут вести счастливую жизнь только благодаря почитанию их мужских потомков (). Поэтому отсутствие сына, который мог бы ежедневно почитать предков и приносить им жертвы, чтобы они не страдали от голода и жажды в подземном мире, считается семейным несчастьем. Кроме того, мужской потомок всегда является опорой для родителей, тем более что даже после женитьбы он остается в их доме и обеспечивает их. Если к этому добавить, что он приобретает литературные почести и получает хорошую должность, то это приносит честь не только его родителям, но и предкам. Дочь, напротив, до замужества является для родителей только обузой и позже не может их

поддерживать, поскольку переезжает в семью мужа. — Китайцы обычно женятся молодыми, в основном до достижения двадцатилетнего возраста; однако нет ничего необычного в том, что шестнадцатилетние юноши вступают в брак с четырнадцатилетними девушками. Помолвки часто происходят гораздо раньше. Любовь очень редко связывает людей на всю жизнь, почти всегда это делает воля родителей, с которой молодая девушка не может бороться. Они часто получают невестку по очень низкой цене или даже бесплатно от семьи, которая слишком бедна, чтобы воспитывать дочь. В Китае принято, что невестка переезжает в дом родителей жениха, где она остается навсегда и должна помогать по хозяйству; часто достаточно она подвергается здесь жестокому обращению, особенно со стороны свекрови, которая, согласно обычаю, управляет всем хозяйством, даже тиранизирует его. Эта проблема приводит к самоубийствам многих китайских женщин, поскольку они не могут долго выносить жестокое обращение и оскорбления. В южном Китае даже существует тайное общество молодых девушек «Общество золотой радуги», члены которого обязуются скорее покончить с собой, чем выйти замуж. — Брак, как правило, предваряет помолвка, от которой можно освободиться только с большим трудом и за большие деньги. Если молодой человек умирает до свадьбы, его невеста все равно принадлежит его семье и считается его вдовой. Одним из самых странных обычаев является их бракосочетание с духом умершего жениха. Его представляет доска, которую во время церемонии несет женщина из семьи и которая затем помещается в зал предков; в остальном церемония проходит так, как если бы жених был еще жив. Через три дня после такой свадьбы невеста надевает траур и на всю жизнь становится вдовой; она также усыновляет сына, который продолжает носить фамилию покойного и берет на себя заботу о предках. — После обмена подарками невеста, красиво украшенная в свадебном платье (рис. 489 и 492) на свадебных носилках (рис. 488) в дом свекрови и свекра (рис. 490), где она немедленно выражает свое почтение им и дедушкам и бабушкам, независимо от того, живы они или нет; отец и мать сидят, а пара преклоняет перед ними колени. Точно так же она должна выразить свое почтение родословной (рис. 491) и по очереди выпить из одной чашки рисового вина. На этом брак считается заключенным.

Фото: Gebr. Naeckel.

Илл. 493. Китайская дама из полусвета.

Судьба китайской женщины, как только она переезжает в дом своего мужа, печальна; она считается не спутницей, а рабыней, с ней обращаются соответственно и, в некоторых случаях, даже избивают. Она начинает пользоваться большим уважением только после того, как родит одного или нескольких сыновей, и по мере того, как она стареет, она приобретает авторитет в своем собственном доме, пока, наконец, не занимает в кругу своих сыновей и невестки такое же почтенное положение, как раньше ее собственная свекровь. — Замужние женщины обычно ежедневно навещают друг друга, приглашают своих подруг на небольшие вечеринки, на которых, как и у нас, много сплетничают, и часто ходят в храмы. В последнее время все больше и больше заметно изменение в образе жизни женщин. Если до сих пор было строго запрещено, чтобы представители обоих полов собирались вместе, то в последнее время в Пекине некоторые принцессы и женщины из высшего общества ввели европейскую моду принимать гостей дома, при которой представители обоих полов могут встречаться. — Мужчина имеет право развестись со своей женой по восьми причинам: за неподобающее поведение по отношению к его родителям, за бесплодие, прелюбодеяние, неприязнь, ревность, тяжелую болезнь, болтливость и кражу его имущества. Только с 1873 года женщина также получила определенное право на развод, которое она может подать в суд при поддержке отца или родственника.

Повторный брак вдовы не считается приличным. Женщины из низших слоев общества, возможно, идут на это из-за бедности, но в семьях знатных и богатых повторные браки встречаются редко; повторный брак только опозорил бы второго мужа. С другой стороны, важно то, что женщина, которая остается верной памяти умершего, становится его наследницей; она получает все движимое и недвижимое имущество, может распоряжаться им по своему усмотрению, владеет всем домом со всеми наложницами, слугами и рабами и может осуществлять ту же отцовскую власть над своими детьми, что и покойный глава семьи. В некоторых случаях после смерти по указанию из Пекина ей может быть оказана

честь в виде возведения почетного портала в память о ней, который будет провозглашать нынешним и будущим поколениям, как добросовестно она выполняла свои обязанности вдовства. — Для китайской вдовы предписан минимальный траур в течение трех лет; если она скорбит всю свою жизнь, это высоко ценится.

Фото Г. К. Бинстед.

Илл. 494. Сцена из китайских похорон.

На столах несут блюда, фрукты, товары и т. д. для использования умершим в загробном мире и оставляют их у могилы. Съедобные вещи потребляют скорбящие.

Китайцы, как и все восточные азиаты, в целом считаются довольно сладострастными, и их нравственная жизнь мало соответствует нашим европейским представлениям о морали. Поэтому среди них чрезвычайно распространена проституция. Китайские проститутки (рис. 493) размещаются в роскошных борделях, которые из-за своих синих жалюзи называются синими домами (Tsing Lao). В городах, расположенных на берегах рек, для тех же целей используются так называемые «цветочные лодки» — специально построенные для этого суда, пришвартованные у берега. Их обитатели — в основном дети бедных людей, которые были либо похищены, либо куплены в раннем возрасте, чтобы систематически готовить их к своей профессии. Уже в шесть-семь лет их вводят в эту профессию, заставляя обслуживать старших куртизанок и их посетителей. Затем их обучают пению и игре на лютне, а также чтению, письму и рисованию, чтобы они могли достаточно развлекать посещающих их гостей, как только в возрасте около четырнадцати лет начнут заниматься своим ремеслом. Поэтому в древности цветочные девушки играли в Китае ту же роль, что и гетеры в Древней Греции. Юноши посещали их, чтобы воспользоваться их образованием и хорошим воспитанием. Сегодня это, по-видимому, частично остается так, хотя при таких визитах на первый план выходит скорее сексуальный момент.

Фото Г. К. Бинстед.

Илл. 495. Беседка с бумажными деньгами;

внутри него также находится табличка с надписями, указывающими титулы и звания умершего.

Мужская проституция в Китае распространена как нигде в мире; особенно северные провинции и прибрежные районы считаются настоящим Эльдорадо для гомосексуалистов. Эти мужчины-любовники в основном состоят из молодых мужчин, которые с раннего юности, подобно своим коллегам-женщинам, специально готовятся для этой цели; это так называемые Sian-Kôn. В возрасте от четырех до пяти лет их выкупают у родителей, а иногда и похищают, и воспитывают в специальных публичных домах. Здесь они получают особый уход, чтобы сохранить красивую фигуру, и проходят специальное обучение для своей будущей профессии. В расцвете сил эти сиан-кон находят себе любовника, который их содержат; другие устраиваются самостоятельно, живут в борделях и принимают здесь своих поклонников, точно так же, как проститутки. Помимо этой, так сказать, организованной проституции, существует еще и свободная, случайная проституция; к ней относятся в основном актеры, носильщики, тележники, бродяги и отслужившие свое, утратившие свою юность мужчины из первой группы. Особенно многочисленную группу составляют актеры; театр в Пекине является для них своего рода питательной почвой, где они особенно широко распространены как на сцене, так и в зрительном зале и нередко пользуются благосклонностью богатых китайцев. «Зал, партер, ложи заполнены толпой молодых людей, часто с женской походкой, но в мужской одежде из блестящих тканей и тончайших материалов; они ходят от стола к столу, улыбаются здесь, кивают там, принимают от одних лакомства, от других шуточки сомнительного характера и, наконец, садятся за стол к людям, которые им знакомы или которые производят на них впечатление богатства ()» — все это мы наблюдаем у наших проституток в определенных заведениях.

Церемония погребения китайцев в Тяньцзине.

Большой дракон движется по городу в змеевидных линиях; впереди него бежит китаец с золотым шаром на шесте, который должен изображать солнце и который дракон пытается поглотить, а два других человека атакуют его сбоку с ножами. Вся процессия движется по большой открытой площади в сопровождении меньших драконов и музыкального оркестра, который должен прогнать духи умерших.

Фото Ф. В. Кэри.

Илл. 496. Китайская похоронная процессия,
размер которого зависит от положения умершего.

Фотография Ф. В. Кэри.

Илл. 497. Лошадь и слуга, выполненные из бумаги, на китайских похоронах
для использования умершим в загробном мире.

Когда китаец заболевает, он сначала обращается к сверхъестественному, поскольку, возможно, болезнь наслали злые духи, возможно, разгневанные предки. Поэтому семья падает ниц перед алтарем предков и молит о выздоровлении. Если это не помогает, то обращаются к врачу, но сначала только для того, чтобы узнать его диагноз, то есть, исходит ли страдание от духа предков или от «просящего» духа; под этим понимаются духи, которые либо не имеют родственников, либо не получают от них достаточного почитания, либо те, кто погиб на войне, в открытом море или в чужой стране; они обречены на «попрошайничество», живут за счет государственной помощи и поэтому мстят, вызывая всевозможные бедствия, такие как голод, наводнения, болезни и так далее. Лечение в таком случае простое: обиженный дух должен быть умиротворен. Для этой цели сжигают бумажные деньги (в виде маленьких лодочек, имитирующих серебряные таэли) либо перед домашним алтарем в случае разгневанных предков, либо перед входной дверью в случае разгневанных нищих духов. В качестве последней меры призывают буддиста, который должен провести заклинания против злых духов. Если и это не может остановить распад больного и его верная смерть неминуема, то уже начинают готовиться к похоронам. Умирающему снимают мерку на погребальное одеяние, которое должно быть утепленным, потому что душа должна пройти через холодные края — по этой же причине ему дают грелку для ног — и в его присутствии спокойно говорят о его скором конце. Но и этим не все: его обычно выносят из комнаты или даже на улицу, потому что он не должен умирать в своей постели, так как, возможно, в постели или комнате находится дух, который может преследовать выживших. — Тело кладут в гроб и запечатывают его. На похороны (рис. 494–496) нанимают специальных людей, которые громко и много плачут. Однако похороны не проводятся сразу, а могут пройти недели, даже месяцы, прежде чем тело будет предано земле. Чем выше был покойный по рангу, тем позже проводятся похороны. Богатые китайцы бальзамируются и в течение трех месяцев — в случае с умершим императором это длилось шесть месяцев — выставляются на катафалке, вокруг которого постоянно горят большие красные свечи, в их парадной комнате перед алтарем предков; Стены комнаты украшают большие занавеси из белой ткани, на которых чернилами написаны благочестивые пожелания, религиозные возгласы и хвалебные слова в адрес умершего. У бедных людей гроб вскоре предается земле, но умерший еще три года считается присутствующим в доме, и от его имени принимаются все решения, будь то гражданского, официального или религиозного характера. Пока длится траур, наследство не может быть принято; также запрещено праздновать какие-либо торжества, даже свадьбу или помолвку. Однако на старшего мужчину в семье ложится обязанность продолжать почитать умершего, принося ему в дар еду, деньги и одежду из бумаги; по этой причине каждый китаец стремится завести мужского наследника; если ему не везет, он усыновляет такого; если он умирает, не осуществив свое желание, семья по долгу службы назначает ему наследника. Каждый год все население отправляется к могилам умерших и приносит им жертвы; эти церемонии, сопровождающиеся большим торжеством, начинаются в первые дни апреля и длятся две-три недели; все семейные споры должны быть урегулированы. Все члены семьи отправляются к могиле своего родственника, глава семьи приносит на могилу жертву, состоящую из продуктов, фруктов и вина, зажигает свечи, а также кладет всевозможные предметы, которые могут понадобиться умершему в загробном мире, такие как повозки, лодки, лошади, носильщики, слуги, деньги и т. д., однако только в виде бумажных копий (рис. 497 и 498), поливает их спиртом и поджигает все это. Во время этой церемонии семья делает девять котау, то есть поклонов перед могилой. — «Попрошайничающие» духи подвергаются общественной благотворительности; в специально назначенные дни им также приносят такие жертвы; каждая семья вносит свой вклад в эту общественную помощь в соответствии со своим доходом, и сумма, которая при этом собирается, немала; по данным Йейтса, ежегодно на это тратится около пятидесяти миллионов.

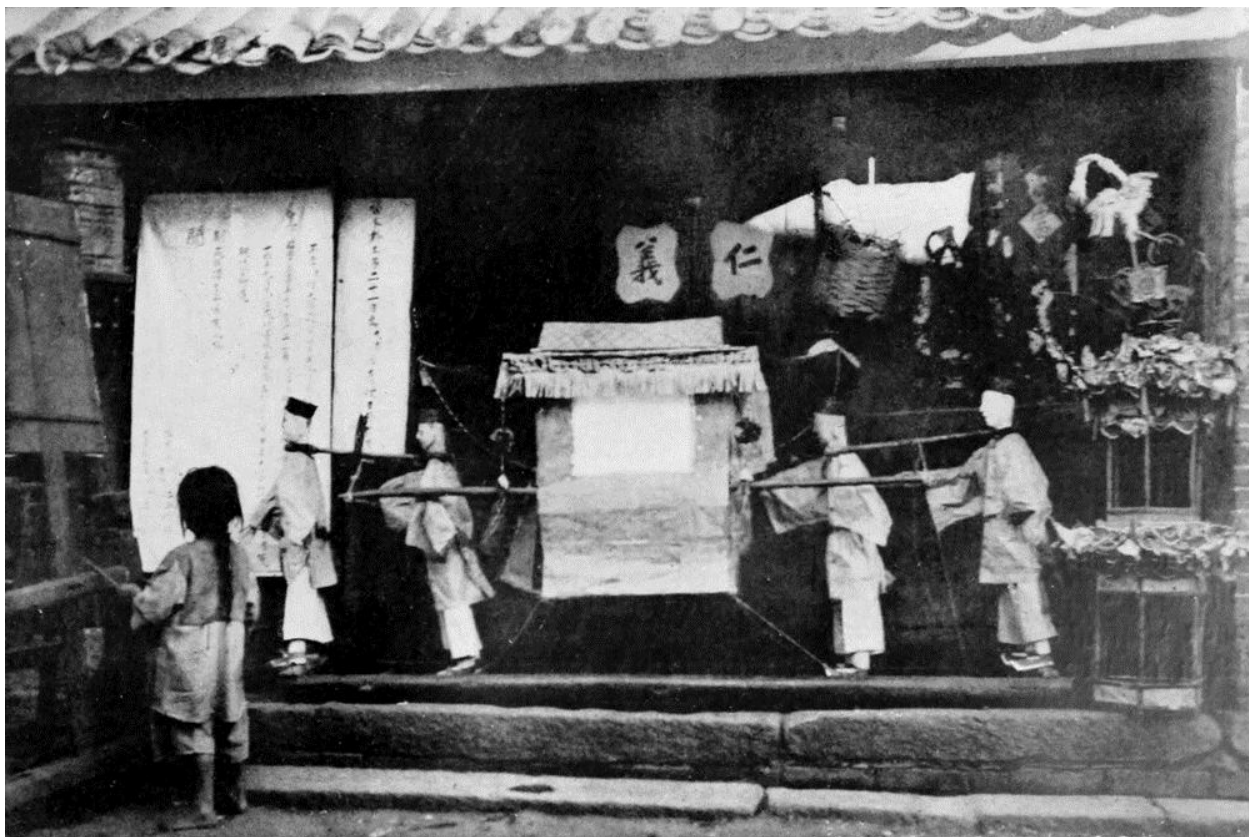

Фото Ф. В. Кэри.

Илл. 498. Носилки с четырьмя носильщиками, изготовленные из бумаги, на китайской похоронной процессии.

Знамена слева обозначают достоинства покойного, а знамена в центре указывают на то, что он был добрым и справедливым.

Детей обычно хоронят в маленьких ящиках, очень бедные люди заворачивают тело в соломенные маты и просто кладут его на могилу взрослого человека. Поскольку у младенца еще нет зубов и он не может есть, по мнению китайцев, он еще не является человеком и не нуждается в погребении, как человек. Поэтому благотворительные люди строят «башни для младенцев», в которых маленькие дети бедных людей могут быть похоронены с достоинством и приличием. Богатые люди имеют место для захоронения детей на окраине семейного кладбища, так как ребенка нельзя хоронить вместе со взрослыми. Один из самых трогательных обычаев в Китае — поиск души умершего ребенка его матерью. Она выходит с фонарем и одеждой своего любимого ребенка, чтобы посмотреть, где он оставил свою душу; она движет фонарем из стороны в сторону и зовет ребенка словами: «Возвращайся домой, возвращайся домой!» — голос матери, как говорят китайцы, доносится на тысячи и тысячи ли (один ли = четыреста тридцать два метра) — и другая женщина отвечает на это «Я иду»; тогда считается, что душа матери следует домой. — Наше [цветное художественное приложение](#) показывает весьма фантастическую церемонию погребения в Тяньцзине.

Илл. 499 и 500. Каменные фигуры на пути к гробницам династии Мин недалеко от Пекина.

Мандарины, важные персоны, а также люди, заслужившие эту честь благодаря своей благотворительности и доброте, хоронятся за государственный счет в роскошных мавзолеях, построенных из гранита или нефрита, украшенных обжигаемой эмалью и содержащих жилое здание с залом для похоронных церемоний. Всемирно известны гробницы императоров династии Мин, в частности гробница правителя Юн-Ло недалеко от Пекина. Километровая аллея из странно сформированных каменных гигантских животных (рис. 499 и 500), воинов и министров, каждый из которых высечен из одного куска скалы, ведет к большому холму, на котором находится гробница этого знаменитого императора среди старых дубов, кедров и сикомор, возвышается храм на белой мраморной террасе, окруженной балюстрадой с многочисленными скульптурами, а его желтая крыша, опирающаяся на шестьдесят деревянных колонн диаметром три метра, затеняет золотую родословную таблицу. Первоначально, по-видимому, в древности на китайских похоронах также приносили в жертву людей; до нескольких веков назад это, по имеющимся данным, еще практиковалось на императорских похоронах.

Не менее ужасным обычаем, который практиковался до недавнего времени, было ~~заживо~~ погребение. Эта ужасная участь обычно постигала людей, представлявших моральную или физическую опасность для своей семьи или общины, таких как страстные игроки, неисправимые курильщики опиума, воры и драчуны, а также прокаженные. Однако в китайском народном представлении этот обычай не кажется таким уж ужасным, поскольку, согласно ему, жизнь после смерти является лишь продолжением жизни на земле.

